ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЕ 101
Г529

2.3

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

(1861—1881 гг.)

ГЕ101
Г529

Б. Б. Глинскій

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

(1861—1881 гг.)

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЪ 40 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

К.
1984
ГЕ101
Г529
Институт В. И. Ленина
№
Библиотека
145 1924
126884

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Редактору „Исторического Вѣстника"

Сергѣю Николаевичу

Шубинскому

посвящаю настоящій трудъ

Б. Глинскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящую книгу, выходящую подъ общимъ заглавіемъ «Революціонный періодъ русской исторіи», включены статьи, печатавшіяся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ теченіи 1908—1910 гг. подъ наименованіями: «Эпоха реформъ», «Крамола, реакція и терроръ» и «Цареубійство 1-го марта 1881 года». Эти статьи, собранныя здѣсь вмѣстѣ и связанныя между собою единствомъ темы, появляются почти въ томъ видѣ, какъ онѣ печатались предварительно въ журналѣ. Авторъ только значительно расширилъ иллюстраціонную часть текста, давъ мѣсто изображеніямъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ боровшихся сторонъ—правительственной и революціонной, а также тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые такъ или иначе были прикосновенны къ этой борьбѣ. Въ число иллюстрацій вошли нѣкоторые неизвѣстные до сихъ поръ въ нашей литературѣ портреты, какъ напр.: дѣятелей общества «Земля и Воля» первой его формаціи, а также другихъ представителей революціонныхъ сообществъ, полученные, благодаря любезному содѣйствію А. И. Иванчина-Писарева и Л. Ф. Пантелѣева, которымъ авторъ и приноситъ свою сердечную признательность.

Настоящая книга является непосредственнымъ продолженіемъ ранѣе изданнаго труда автора «Борьба за конституцію» и, такимъ образомъ, обѣ книги, читаемыя одна за другою, рисуютъ всю борьбу русскихъ общественныхъ силъ съ древнѣйшихъ временъ до мученической кончины Императора Александра II, какъ въ лицѣ ея умѣренныхъ, такъ и крайнихъ

Авторъ, слѣдуя совѣту восточнаго мудреца изображать и побѣды, и пораженія, какъ таковыя, держался объективнаго метода изслѣдованія и въ возможной прагматической связи излагалъ весь ходъ историческихъ событій, вошедшихъ въ составъ его книги. Не претендуя на оригинальность своей работы, авторъ отводитъ ей скромное мѣсто популяризаціи уже имѣющихся въ печати источниковъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, вышедшихъ, по преимуществу, въ 1905—1906 гг., доступъ къ которымъ по большей части для читателя или затруднителенъ, или почти невозможенъ. Такого рода популярная компановка обширнаго матеріала необходима, дабы не только спеціалисты по исторіи и любители ея, знакомые съ всѣми источниками предмета, но и широкая читающая публика имѣла правильное понятіе о судьбахъ родной земли за вторую половину XIX столѣтія, а не знакомилась съ ними по одностороннимъ источникамъ, освѣщеннымъ по большей части въ зависимости отъ партійнаго политическаго исповѣданія вѣры тѣхъ, кто эти источники создалъ или принималъ въ событіяхъ, въ нихъ изложенныхъ, то или иное участіе.

Возможностью первоначальнаго печатанія своей работы дробными частями на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ теченіи многихъ лѣтъ авторъ обязанъ редактору журнала Сергѣю Николаевичу Шубинскому, которому съ сердечною признательностью онъ и посвящаетъ настоящую книгу.

Авторъ.

10 сентября 1912 г.

Императоръ Александръ II.

I.

Настроеніе придворно-бюрократическихъ сферъ наканунѣ освобожденія крестьянъ.—Оппозиція его величеству.—Царская воля.—Рѣчь императора Александра II въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января 1861 г.—Манифестъ 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ.—Дарованная свобода и отношеніе къ ней населенія.

Заря «эпохи великихъ реформъ» была въ расцвѣтѣ, когда къ концу 1860 года занятія редакціонныхъ комиссій кончились, депутаты второго призыва послѣ прощальной аудіенціи у государя разъѣхались по домамъ, и все дѣло «освобожденія» поступило въ главный комитетъ, предсѣдателемъ котораго къ тому времени былъ назначенъ братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ эмансипаціи крестьянъ. Такимъ образомъ часъ народной свободы былъ не за горами и абрисъ реформированной Россіи уже обрисовывался изъ-за тумана грядущихъ историческихъ дней. Былые государственные покровы съ нея «по мановенію царя» спадали и сдавались въ архивъ; предавались забвенію и надѣтый на нее кровавою волею Петра I «полицейскій мундиръ», и «шляхетскій кафтанъ» Екатерины II, и на военный образецъ «бюрократическій вицмундиръ» Николая I. Всѣ эти разнообразныя одѣянія оказывались ей уже не по плечу—въ нихъ она задыхалась и изнемогала, а сами они трещали по всѣмъ швамъ и петлямъ. Являлся вопросъ: въ какомъ же обликѣ предстанетъ Россія на историческій судъ въ тотъ день, когда она съ высоты престола будетъ объявлена свободною и всѣ ея составные соціальные элементы будутъ призваны къ общественному строительству на благо всей «всесословной» или «безсословной» страны? Указаній по сему предмету теоретическаго порядка съ характеромъ политическихъ программъ накопилось уже достаточно—всѣ политическія партіи успѣли за длинный историческій періодъ довольно опредѣленно высказаться, однѣ, опираясь въ своихъ умозаключеніяхъ на отвлеченныхъ построеніяхъ, почерпнутыхъ изъ послѣдняго слова философскаго знанія и науки государствовѣдѣнія, другія,—почерпая свои desideria изъ опыта западно-европейскихъ народовъ,

третьи,—воздвигая зданіе отечественнаго будущаго на историческихъ основахъ давно забытаго прошлаго, четвертыя—примѣняя его къ настоящему и недавно-прошедшему, въ коемъ ими усматривалась какъ бы гармонія «исконныхъ началъ» и т. д., и т. д. Такъ или иначе, но вопросъ о будущемъ Россіи былъ поставленъ ребромъ и по сему предмету по иниціативѣ самого Александра II была высказана вполнѣ опредѣленная воля, за что Герценъ «съ того берега» преподнесъ ему титулъ «освободителя». Все дѣло въ исходѣ 1860 года сводилось къ тому, въ какихъ формахъ и на какихъ условіяхъ будетъ осуществлено освобожденіе. Воля молодого государя была непреклонна и настроеніе его было рѣшительное, несмотря на кипѣвшую вокругъ него борьбу партій и разныя дворцовыя и бюрократическія вліянія.

Князь В. П. Мещерскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ[1]), имѣющихъ, между прочимъ, цѣлью реабилитацію дворянства за его дѣйствія въ эмансипаціонный періодъ, такъ описываетъ настроеніе, царившее въ придворно-бюрократическихъ сферахъ Петербурга: «Работа по крестьянскому вопросу кипѣла въ петербургскихъ лабораторіяхъ, а рядомъ съ этимъ въ дворянскихъ кружкахъ уже начинали намѣчаться оттѣнки либеральнаго образа мыслей, а слѣдовательно двухъ лагерей, либеральнаго и консервативнаго. Но... либерализмъ подъ вліяніемъ Герцена имѣлъ значеніе только какъ оттѣнокъ въ дворянской средѣ; онъ, такъ сказать, зарождался и стремился, хотя довольно смутно и неопредѣленно, къ чему-то въ родѣ политическаго представительства, или вѣрнѣе къ удовлетворенію говорить... Это именно либеральное настроеніе въ извѣстныхъ аристократическихъ кружкахъ являлось какъ бы заявленіемъ правъ на компенсацію за готовящуюся крестьянскую реформу...

«Были гостиныя, гдѣ тогдашніе Мирабо большого свѣта разсуждали такъ, обращаясь къ правительству: вы хотите отнять у насъ помѣщичьи права,—прекрасно, отнимайте, но взамѣнъ мы хотимъ политическаго вліянія, какъ дворянское сословіе, мы хотимъ права голоса въ государственныхъ дѣлахъ...: Не скажу, чтобы эта аристократическая либеральная партія была многочисленна, напротивъ, она представляла изъ себя горсть людей, но въ то же время я совершенно убѣжденъ, что этимъ именно идеямъ мы обязаны немедленно послѣ освобожденія крестьянъ—введеніемъ земскихъ учрежденій...

«Идея либеральнаго кружка дворянъ въ Петербургѣ продать свои помѣщичьи права за политическое вліяніе—встрѣчена была несочувственно не столько правительственною сферою, въ то время весьма добродушною, сколько средою эмансипаторовъ, имѣвшихъ тогда два центра: одинъ у великой княгини Елены Павловны, а

[1]) Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія», ч. I.

другой у графа Якова Ивановича Ростовцева... Самаринъ, князь Черкасскій, Милютинъ Николай Алексѣевичъ, Арапетовъ и т. д.— всѣ эти главные вожаки крестьянскаго дѣла слишкомъ явно и страстно были одновременно и главными руководителями крестьянскаго дѣла и главными врагами дворянства, какъ сословія, чтобы они могли допустить что бы то ни было въ родѣ попытки дворянства пріобрѣсти политическую роль... И въ этомъ отношеніи они свою cause держали въ надежныхъ рукахъ... Съ одной стороны графъ Ростовцевъ, съ другой, графъ Блудовъ, съ третьей, великая княгиня Елена Павловна. Ростовцевъ, какъ неофитъ третьяго крещенія—первое было либеральное до 14 декабря 1825 г., второе было николаевское до Александра II, а третье, снова либеральное, наступило въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—былъ озабоченъ, какъ тогда говорили, какъ бы получше угодить Герцену, и онъ не нуждался въ страстныхъ рѣчахъ Самарина, чтобы работать надъ крестьянскимъ дѣломъ изъ ненависти къ дворянству. Графъ Блудовъ былъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безстрастія: его тихій, миролюбивый и спокойный нравъ не допускалъ въ себѣ никакой ненависти, но весь складъ его умственной личности, его служебной карьеры былъ таковъ, что онъ, какъ умный бюрократъ, мирился съ либерализмомъ, какъ съ доктриной, какъ съ теченіемъ времени, но идеи политическаго вліянія дворянства онъ не постигалъ и не допускалъ, не находя въ себѣ съ ней ни малѣйшаго отголоска. Что же касается великой княгини Елены Павловны, то она представляла изъ себя весьма оригинальный типъ умной женщины, въ которой страннымъ образомъ мирились и шли рядомъ ея либеральныя идеи, ея нѣмецкія традиціи воспитанія и ея великокняжескія понятія или убѣжденія...

«Между этими тремя—идея либеральнаго усиленія политическаго значенія дворянства не находила себѣ мѣста. Ни одинъ изъ представителей этой идеи не былъ вхожъ въ ея кругъ умныхъ людей, но зато былъ вхожъ рядомъ съ Самаринымъ, которому она мыла голову за его анти-балтійскія идеи, остзейскій баронъ, съ его средневѣковыми феодальными идеями... и Самаринъ, не дерзавшій въ ея салонѣ хулить остзейскаго барона, могъ безпрепятственно бранить русское дворянство съ точки зрѣнія либеральной

«Это анти-дворянское направленіе, какъ теченіе тогдашняго времени, слышалось и чувствовалось вездѣ, гдѣ говорили громко о крестьянскомъ вопросѣ и, вообще, о внутренней политикѣ». Это настроеніе,—по словамъ князя Мещерскаго,—проникло и въ Мраморный дворецъ. «Всѣ знали,—говоритъ онъ:—что непосредственно великая княгиня Елена Павловна не имѣла вліянія на своего племянника, государя, но въ то же время всѣ знали, что вліяніе молодого генералъ-адмирала Константина Николаевича на своего брата было очень большое... И вотъ, всѣ тогда говорили, что это анти-дворян-

ское настроеніе исходило изъ Мраморнаго дворца, и именно отъ молодого генералъ-адмирала, который, въ свою очередь, его переносилъ въ атмосферу государева кабинета».

Такова была придворная атмосфера, которая окружала Александра II. Что же касается настроенія высшихъ бюрократическихъ круговъ, то по настоящему предмету мы имѣемъ также свидѣтельства современниковъ, въ которыхъ содержатся любопытныя указанія. Во главѣ такихъ свидѣтелей долженъ быть поставленъ П. А. Валуевъ, игравшій въ 1860 годахъ видную роль въ жизни Россіи, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Занимая въ 1860 г. должность директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Валуевъ имѣлъ возможность стоять въ непосредственной близости ко всѣмъ бюрократическимъ центрамъ, соприкасавшимся съ деталями хода крестьянскаго вопроса, и къ главнѣйшимъ чиновнымъ вершителямъ этого вопроса, и въ особенности къ Муравьеву, которому онъ спеціально помогалъ по крестьянскому дѣлу. Онъ старательно заносилъ въ свой дневникъ всѣ перипетіи, которыя переживалъ вопросъ, и въ его тонкой наблюдательной передачѣ съ особенною рельефностью вырисовывается отсутствіе единства настроенія по сему предмету въ бюрократической сановной средѣ и даже явное стремленіе воткнуть палку въ дѣловое колесо, энергично приведенное въ движеніе самимъ государемъ.

Подъ 12 сентября 1860 года Валуевъ записалъ [1]): «Министръ [2]) сообщилъ мнѣ разныя подробности о ходѣ крестьянскаго дѣла. Графъ Панинъ отлагаетъ до главнаго комитета борьбу съ редакціонистами,—если онъ дѣйствительно бороться намѣренъ,—а между тѣмъ даетъ имъ волю завершить проектъ по ихъ усмотрѣнію. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Булыгинъ, вѣроятно, по наставленію Муравьева, началъ возставать противъ главныхъ началъ проекта, что дало поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ съ Н. Милютинымъ, который сказалъ Булыгину, что плоды полуторагодовой думы и трудовыхъ ночей нельзя опровергать результатами поверхностнаго чтенія. Булыгинъ отвѣчалъ, что жаль, если одного поверхностнаго чтенія достаточно для отысканія столь существенныхъ недостатковъ въ плодахъ полуторагодовой думы. Теперь они съ Милютинымъ не кланяются. Понимаю, впрочемъ, Н. Милютина. Онъ догадался, что Булыгину данъ mot d'ordre, и, не безъ основанія, можетъ упрекать его въ томъ, что говоритъ теперь, а молчалъ прежде, пока свѣтило солнце Ростовцева. Раздражительность Милютина въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, показываетъ, что онъ не столь увѣренъ въ окончательномъ успѣхѣ дѣла, какъ прежде по-

---

[1]) «Дневникъ графа Петра Александровича Валуева». «Русская Старина», 1891 г., кн. 11.

[2]) Подъ краткимъ именемъ «министра» Валуевъ вездѣ разумѣетъ Муравьева.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

лагали. Недавно кто-то говорилъ мнѣ, что Н. Милютинъ хочетъ разыграть у насъ роль Штейна. Нельзя не отдать полной справедливости Н. Милютину. Онъ обнаружилъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ много стойкости, дѣятельности и умѣнья. Но онъ не созданъ былъ Штейномъ. Если бы Пруссія 1807 г. была преобразована не министромъ, а секретаремъ министра, то Н. А. Милю-

тинъ могъ бы быть этимъ секретаремъ въ Россіи. Но быть Штейномъ изъ-за плеча Ланского нельзя».

Подъ 10 октября: «Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту. Министръ разсказалъ мнѣ подробности перваго засѣданія главнаго комитета, поручивъ хранить объ этихъ сообщеніяхъ совершенную тайну, потому что всѣ члены комитета обязаны, по высочайшему повелѣнію, безусловно сохранять эту тайну. Предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Дѣло началось объявленіемъ высочайшей воли насчетъ секрета совѣщаній, непремѣннаго окончанія занятій къ 1-му декабря, внесенія дѣла въ государственный совѣтъ не позже 15-го того же мѣсяца и окончательнаго рѣшенія къ 1-му января будущаго года. Затѣмъ прочитана, равномѣрно по высочайшему повелѣнію, предсмертная записка ген.-адъютанта Ростовцева (министръ передалъ мнѣ при этомъ случаѣ копію съ записки). Послѣ прочтенія оной начались общія сужденія какъ о сущности дѣла, такъ и о порядкѣ совѣщаній. Положили имѣть отъ 2 до 3 засѣданій въ недѣлю и начать въ будущій разъ, 14 числа, съ разбора проекта положенія о мировыхъ посредникахъ, уѣздныхъ присутствіяхъ и губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ... Графъ Блудовъ немедленно высказался въ пользу выкупа, не разбирая, какъ его произвести и какими способами его обезпечить. Князь (Павелъ Павловичъ) Гагаринъ говорилъ (повидимому, не совсѣмъ удачно) въ пользу безусловнаго примѣненія начала добровольныхъ соглашеній. Графъ Панинъ говорилъ о неприкосновенности правъ собственности и неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли. Наконецъ М. Н. Муравьевъ (явно куртизирующій графа Панина и считающій его сильнымъ часа сего) такъ же распространился насчетъ святости правъ собственности, и отъ нихъ (неизвѣстно, какъ и почему) перешелъ къ знаменитымъ удѣльнымъ $^2/_5$ и $^3/_5$, а отсюда къ общимъ понятіямъ о минимумѣ надѣла, о кадастровой оцѣнкѣ земель для опредѣленія оброка, о переселеніи и т. п. Затруднительность выкупа, съ финансовой точки зрѣнія, подтвердили Чевкинъ и министръ финансовъ. Противъ обязательнаго выкупа высказался великій князь и почти всѣ члены. Графъ Блудовъ одинъ защищалъ его. Ланской молчалъ. Неблагорасположеніе къ трудамъ редакціонныхъ комиссій выразилось весьма ясно въ рѣчахъ Панина, Гагарина и Муравьева, у котораго долго сдержанная желчь, копившаяся еще со временъ Ростовцева, разливается. Впрочемъ, ничего рѣшительнаго не постановлено».

13-го октября: «Вечеромъ у министра до 1 ч. ночи. Онъ, въ сущности, не столько занятъ крестьянскимъ дѣломъ, сколько критикою труда редакціонныхъ комиссій, ѣздитъ на конькѣ громкихъ фразъ о монархическихъ и демократическихъ началахъ, говоритъ о союзѣ съ Чевкинымъ и Панинымъ, утверждаетъ, что, несмотря на всѣ высочайшія повелѣнія, дѣла нельзя кончить къ 1-му января,

занятъ ожиданіемъ кн. Долгорукова и гр. Адлерберга, ссылается на постановленія комитета 4-хъ министровъ, о которомъ всѣ забыли, мечтаетъ о заимствованіи множества вещей изъ лифляндскаго крестьянскаго уложенія, увѣряетъ, что онъ въ двѣ недѣли могъ бы составить всѣ существенныя постановленія для введенія въ дѣйствіе новаго порядка вещей и проч. и проч.»

«Трудная мнѣ досталась доля. На сей разъ обычная моя забота ежедневно разрѣшать проблему параллелограмма силъ и выводить діагонали еще тягостнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Соглашаясь съ министромъ насчетъ разныхъ частностей, напр., насчетъ невозможности на первый разъ предоставить крѣпостнымъ крестьянамъ избраніе мировыхъ посредниковъ, насчетъ неумѣстности президентства городского головы и т. п., я не могъ согласиться насчетъ мнимыхъ превосходствъ нынѣшняго порядка волостного устройства и волостныхъ выборовъ, насчетъ не менѣе мнимой способности къ дѣйствію нашихъ губернскихъ и сословныхъ учрежденій и въ особенности насчетъ пригодности чисто отрицательной, тормозовой методы въ дальнѣйшемъ направленіи и рѣшеніи дѣлъ. Argumentum ad rem были мало дѣйствительны. Я обратился къ аргументамъ ad hominem и сказалъ министру, что онъ напрасно разсчитываетъ на силу гр. Панина и на помощь ген. Чевкина, и что если онъ только будетъ заботиться о разгромленіи проекта, не разбирая ни того, что въ немъ хорошо, ни того, чего уже миновать нельзя, отъ частей, которыя устранить или измѣнить можно,—то онъ не спасетъ дѣла, а себя уронитъ».

15-го ноября: «Булыгинъ спрашивалъ, что я думаю о возможности подать государю протестъ, приблизительно съ 6-ю сотнями подписей, противъ проекта редакціонныхъ комиссій. Объ этомъ предположеніи ему говорилъ Апраксинъ, орловскій предводитель. Въ протестѣ предполагается, въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, обѣщать его императорскому величеству постараться исполнить его волю, но заявить, что дѣло станетъ вверхъ дномъ. Какими забавами люди тѣшаться! Я сказалъ Булыгину, что для подобнаго подвига теперь или еще рано, или уже поздно, и что вообще я никогда не совѣтую употреблять будущаго наклоненія въ глаголѣ».

19-го ноября: «Въ сегодняшнемъ засѣданіи главнаго комитета была рѣчь о цифрахъ редакціонныхъ комиссій. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривали ихъ правильность. Великій князь горячо за комиссіи заступался. Тогда графъ Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ комиссіи, объявилъ, что цифры невѣрны, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ. Разошлись, опредѣливъ, что въ понедѣльникъ, послѣзавтра, будутъ заниматься вопросомъ о выкупѣ, для препровожденія времени, чтобы дать отсрочку въ три или четыре дня членамъ, не одобря-

ющимъ цифръ комиссій, для представленія своихъ мнѣній о способахъ исправленія этихъ цифръ или замѣны ихъ другими.

27-го ноября: «Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Вечеромъ у него же. Теперь и ²/₃ мало. Въ черноземныхъ губерніяхъ онъ требуетъ почти болѣе высшаго надѣла редакціонныхъ комиссій и ребячески старался меня увѣрить, что «мы съ вами на это были согласны,—сами это признавали, думали и т. д.» Все это вслѣдствіе новаго визита кн. Долгорукова и желанія поддѣлаться подъ предполагаемыя воззрѣнія государя. И все это при продолженіи толковъ о системѣ, изъ которой ничего не остается на практикѣ, коль скоро устраняется основная идея минимума, ибо безъ этого минимума не можетъ быть повода и побужденія къ добровольнымъ соглашеніямъ. Наконецъ, все это тѣмъ безразсуднѣе, что возникаетъ единственно отъ трусливаго опасенія одержать желаемую побѣду. Князь Долгоруковъ объяснился съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и, какъ видно, съ государемъ. Его величество смотритъ на дѣло благопріятно. Его высочество, вслѣдствіе сего, уступчивъ. Очевидно, что именно тотъ фактъ, что проектъ князя Долгорукова и генерала Муравьева готовъ въ параграфной формѣ и потому не только можетъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ, но, по всей вѣроятности, имъ будетъ принятъ, испугалъ (?) партію редакціонныхъ комиссій. Эта партія разсчитывала на невозможность своевременно противопоставить готовые §§ ея готовымъ статьямъ. Для этого тянулось дѣло и самое печатаніе ея проектовъ до открытія засѣданій главнаго комитета. Маневръ не удался,—потому что я оказался въ распоряженіи генерала Муравьева. Inde нынѣшняя уступчивость. Но князь Долгоруковъ и генералъ Муравьевъ, вмѣсто сознанія выгодъ своего положенія и памятованія своихъ «принциповъ», робѣютъ передъ мыслью, что «могутъ сказать» государю, что они «даютъ мало земли крестьянамъ». Они до того поверхностны и легкопядны, что совершенно забыли, вчера и сегодня, что комиссіи установили двѣ пормы, высшую и низшую, и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою, и имъ виднѣе, чѣмъ низшая, напечатанная второю (sic!—безъ всякаго преувеличенія)! Они для исправленія проекта «грабительствующихъ», по ихъ мнѣнію, комиссій, готовы грабительствовать болѣе ихъ и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ комиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ».

Вотъ, на основаніи свидѣтельства дѣйствовавшаго тогда лица, закулисная сторона дѣловой жизни главнаго комитета и его видныхъ членовъ, гдѣ обрисовывается чрезвычайно ярко, съ одной стороны, очевидная неподготовленность и неспособность высшихъ сановниковъ къ осуществленію возложенной на нихъ исторической

работы, а съ другой—ихъ стремленіе свести реформу на минимумъ, въ угоду сословнымъ интересамъ землевладѣльцевъ и въ ущербъ интересамъ государства и податного населенія.

Приведенныя выдержки какъ изъ «воспоминаній» князя Мещерскаго, такъ и изъ «дневника» Валуева не ставятъ настоящей точки надъ і и не даютъ точнаго понятія о томъ, изъ-за чего же, при наличіи опредѣленной принципіально выраженной воли самодержца, среди его сотрудниковъ и лицъ ему близкихъ шли пререканія, несогласія и явная борьба. Дѣло въ томъ, что редакціонныя комиссіи передали въ главный комитетъ свой проектъ раскрѣпощенія народа, хотя далеко не въ той альтруистической формѣ, какъ то подсказывала прогресивная печать и какъ на томъ настаивали нѣкоторые изъ наиболѣе просвѣщенныхъ представителей дворянства, однако, несмотря на всю оппозицію въ этомъ отношеніи Панина, замѣстившаго въ предсѣдательствованіи комиссіями покойнаго Ростовцева,—въ положеніяхъ довольно пріемлемыхъ и безобидныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Тогда крѣпостническая партія съ Панинымъ во главѣ рѣшила, tacitu consensu, достигнуть въ главномъ комитетѣ того, чего не удалось достигнуть въ редакціонныхъ комиссіяхъ, постановившихъ свои рѣшенія подъ сильнымъ воздѣйствіемъ либеральной части нашей бюрократіи съ Н. А. Милютинымъ во главѣ. Здѣсь, въ главномъ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ брата государя, давленіе этой либеральной служилой бюрократіи не могло быть сильно, и голосъ сановниковъ въ силу ихъ общественно-служебнаго положенія оставался независимъ. Поэтому активные дѣятели консервативной оппозиціи прибѣгли, какъ это даже усматривается изъ записей въ дневникѣ Валуева, къ двумъ методамъ воздѣйствія—затяжкѣ и выгадыванію времени, съ одной стороны, и къ выторговыванію въ пользу землевладѣльцевъ наибольшей выгоды при опредѣленіи количества отходящей отъ нихъ надѣльной земли. Попытка провести реформы на принципѣ обезземеленія будущихъ гражданъ имперіи не прошла и къ ней возвращаться болѣе уже нельзя было, поэтому оставался одинъ исходъ—дать этой земли какъ можно меньше, по наивысшей расцѣнкѣ и сдѣлать приносимую якобы на алтарь отечества жертву наиболѣе дешевою. Что попытка обезземеленія была тщетною и разбивалась о личную волю государя, мы видимъ все изъ тѣхъ же «Воспоминаній» князя В. Мещерскаго, гдѣ читаемъ [1]): «...я запомнилъ, что въ то время много говорили объ одномъ совѣщаніи у государя, гдѣ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на ту оппозицію, которая была, или, вѣрнѣе, которая ему была представляема, высказался самымъ категорическимъ и рѣшительнымъ образомъ за освобожденіе съ зем-

[1]) Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія», ч. I.

лею; слухи прибавляли, что государь при этомъ сдѣлалъ жестъ, ударивъ кулакомъ по столу, получившій значеніе энергичной и окончательной рѣшимости, при которой онъ сказалъ: я рѣшилъ, и такъ будетъ.

«Лица, которыя передавали объ этомъ эпизодѣ, прибавляли, что государь проявилъ, кромѣ энергической рѣшимости, извѣстное возбужденіе или раздраженіе противъ чего-то, будто бы противившагося его волѣ.

«Вотъ это былъ результатъ того зловреднаго дѣйствія, которое производили Самарины и комп., сочиняя какого-то врага государевымъ намѣреніямъ, никогда на дѣлѣ не существовавшаго... Они, какъ будто опасались, что простое политическое убѣжденіе въ необходимости реформы могло быть недостаточнымъ стимуломъ для государя вести дѣло энергично до конца; они опасались какъ будто внутренней реакціи въ самомъ государѣ во имя дворянскихъ интересовъ, близость которыхъ государю иные предполагали возможною по его прошлому, по его аристократическимъ, такъ сказать, вкусамъ и преданіямъ, и вотъ, изъ опасенія этого поворота или чьего-либо вліянія въ пользу дворянства, они рѣшались отрѣзать путь къ отступленію для государя, внушивъ ему какое-то искусственное чувство раздраженія противъ какой-то сопротивляющейся дворянской партіи. Оттого, когда они увидѣли государя въ раздраженіи, ударяющимъ кулакомъ по столу и говорящимъ: я рѣшилъ, и такъ будетъ!—они обрадовались этому событію, какъ побѣдѣ, а въ особенности какъ несомнѣнному признаку, что поворота къ болѣе дворянскому воззрѣнію, къ болѣе безпристрастному и безличному образу дѣйствій не будетъ. И дѣйствительно, его уже не было... Приближенные же тогда говорили что надо избѣгать попытокъ говорить съ государемъ противъ принятыхъ имъ рѣшеній, чтобы его не раздражать и не сердить».

Оставляя безъ вниманія тонъ рѣчи князя Мещерскаго и освѣщеніе, данное имъ протекавшимъ въ тѣ знаменательные дни событіямъ, отмѣтимъ лишь то главное, что здѣсь выступаетъ наружу: самодержецъ высказываетъ энергично и гнѣвно свою волю и требуетъ безпрекословнаго ей повиновенія. Эту же волю по адресу своихъ министровъ, какъ увидимъ далѣе, онъ такъ же категорически высказалъ и въ засѣданіяхъ 26-го и 28-го января 1861 года.

Когда, такимъ образомъ, изъ-подъ ногъ оппозиціи была вырвана точка опоры, то оставалось лишь одно—искусственно затянуть дѣло и выторговать наибольшія выгоды. Но по первому пункту оппозиція потерпѣла фіаско: опять-таки государь потребовалъ, чтобы главный комитетъ торопился съ своей работой и чтобы въ январѣ 1861 года журналъ комитета былъ представленъ въ государственный совѣтъ, а къ 15-го февраля могъ быть изданъ манифестъ. Предѣлы времени были, такимъ образомъ, высочайше установлены

и ихъ перейти не представлялось возможнымъ: было бы, пожалуй, и опаснымъ при тогдашнемъ рѣшительномъ настроеніи Александра II заставить его вторично ударить кулакомъ по столу, и мы видимъ изъ дневника Валуева, что министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, лидеръ оппозиціи, создавая въ дѣлѣ искусственныя загородки, съ тревогою останавливается на мысли о гнѣвѣ и недовольствѣ государя.

Помимо соображеній о личной волѣ самодержца, торопиться съ дѣломъ побуждали и слухи о настроеніи въ провинціи: народъ уже знаетъ объ окончаніи работъ редакціонныхъ комиссій, знаетъ, что теперь все дѣло за «министрами», а потому настроеніе умовъ подымается и принимаетъ опасный оттѣнокъ. Страхъ аграрнаго движенія, погромовъ и связанныхъ съ ними имущественныхъ убытковъ былъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы поторопиться. Не соображенія государственнаго порядка и исторической справедливости, какъ это сплошь наблюдается въ лѣтописяхъ отечественной жизни, являются рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ, а соображенія сословной заинтересованности, и недаромъ же Н. Милютинъ въ оправданіе своей политики, по свидѣтельству Валуева, говорилъ дворянамъ [1]): «Васъ, дворянъ, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да опять заснете. Васъ надобно такъ кольнуть, чтобъ вы подпрыгнули вверхъ». Призракъ возможнаго крестьянскаго движенія и былъ по отношенію главнаго комитета тѣмъ уколомъ, который побудилъ его членовъ въ теченіе трехъ данныхъ въ его распоряженіе мѣсяцевъ имѣть сорокъ пять засѣданій, начинавшихся въ часъ пополудни и продолжавшихся нерѣдко до семи часовъ вечера.

Приведенныя выдержки изъ дневника Валуева даютъ достаточное понятіе о томъ, въ чьи руки попало величайшее русское историческое дѣло, и о той безпомощности, неустойчивости, въ какой они очутились въ столь важные дни. Этотъ комитетъ, составленный изъ графа Блудова, графа Адлерберга, князя Гагарина, Ланского, графа Панина, князя Долгорукова, Муравьева, Чевкина и Княжевича, представлялъ собою нестройную толпу сановныхъ звѣздоносцевъ, рѣшительно неспособныхъ возвыситься до рѣшенія вопроса первостепенной государственной важности, въ зависимости отъ котораго было поставлено все бытіе Россіи и судьба милліоновъ людей. Старческое топтаніе на мѣстѣ, злобное брюзжаніе, взаимное непониманіе и неспособность схватить даже элементарныя стороны бытовой жизни, съ коей они, очевидно, совершенно не были знакомы, рѣзко бросаются въ глаза. Закулисныя интриги, сословные интересы, соображенія о личномъ вліяніи и положеніи при дворѣ, бездарность, косность и застой—вотъ тѣ элементы, которые ярко

[1]) «Дневникъ» графа Петра Александровича Валуева.

выступаютъ при ознакомленіи съ деталями работы членовъ главнаго комитета. Единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ изъ этой картины старческой немощи и сановнаго озлобленія является великій князь Константинъ Николаевичъ, который, подъ воздѣйствіемъ Елены Павловны и Н. Милютина, умѣлъ при всей трудности своего положенія сохранить позицію защитника тенденцій редакціонныхъ комиссій.

Какъ сообщаетъ официальный біографъ Александра II, покойный историкъ С. С. Татищевъ, положеніе дѣлъ въ главномъ комитетѣ сложилось такъ [1]): «Въ главномъ комитетѣ,—повѣствуетъ онъ,—далеко не всѣ члены раздѣляли взглядъ великаго князя на новыя положенія. Вполнѣ сочувствовали имъ и дѣятельно ихъ поддерживали одни только Ланской, графъ Блудовъ и Чевкинъ. Три члена, Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Княжевичъ, желали внести въ нихъ существенныя измѣненія. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Валуевымъ, предлагалъ оставить за крестьянами на первое время существовавшіе надѣлы, а окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками отсрочить до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ. Князь Гагаринъ, поддерживаемый графомъ Адлербергомъ, настаивалъ на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ не болѣе какъ по одной десятинѣ на душу и съ предоставленіемъ затѣмъ крестьянамъ найма остальныхъ земель по добровольнымъ съ помѣщиками соглашеніямъ. Наконецъ, самъ бывшій предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, графъ Панинъ, выразилъ несогласіе съ ихъ проектами по четыремъ важнымъ статьямъ: о вотчинной полиціи помѣщиковъ; объ ограниченіи правъ собственности помѣщиковъ на представленныя крестьянамъ этими землями; объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

«Разсмотрѣнію проектовъ положеній главный комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести и даже семи часовъ. Головнинъ такъ описываетъ ихъ въ письмѣ къ князю Барятинскому: «Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость великому князю предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось, благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ

[1]) С. С. Татищевъ, «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», т. I,

еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно, не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ, возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы, остается безмолвнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній его величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь.

«Наконецъ великому князю удалось убѣдить графа Палена пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настаяніямъ самого государя, и графъ Адлербергъ. Такимъ образомъ, составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, которые и были приняты главнымъ комитетомъ».

Въ дальнѣйшемъ государственный совѣтъ, подъ воздѣйствіемъ главнымъ образомъ оппозиціонно настроенныхъ представителей крѣпостническаго дворянства и по соглашенію съ консерваторами изъ главнаго комитета, видоизмѣнилъ «положеніе» комиссіи по предметамъ надѣловъ и платежей крестьянъ, принявъ для надѣловъ minimum, а для платежей maximum, а главное—ввелъ совершенно противорѣчивую духу проекта комиссій статью о даровомъ надѣлѣ («нищенскій надѣлъ», «подаренка»), но тѣмъ не менѣе главные принципы, которые были положены въ основу трудовъ редакціонныхъ комиссій остались незыблемыми и вошли въ «положеніе» 19-го февраля 1861 года, какъ-то: освобожденіе крестьянъ съ землею, полная отмѣна помѣщичьей власти и вотчинной полиціи и организація крестьянскаго самоуправленія.

26-го января 1861 года состоялось знаменитое соединенное засѣданіе главнаго комитета съ совѣтомъ министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя императора, гдѣ достаточно ярко сказалось отсутствіе общности дѣйствій господъ министровъ и явное несоотвѣтствіе ихъ личностей и занимаемыхъ ими въ государственной іерархіи положеній. Государь выразилъ признательность тѣмъ членамъ засѣданія, которые высказались въ пользу «положеній», сказалъ нѣсколько защитительныхъ словъ по адресу редакціонныхъ комиссій, помянувъ добромъ ихъ труды и откинувъ тяготѣвшія надъ ними обвиненія, горячо расцѣловалъ Константина Николаевича, а также въ заключеніе многозначительно прибавилъ, что если онъ до сихъ поръ давалъ полную свободу дѣйствій и мнѣній всѣмъ призваннымъ къ труду освобожденія крестьянъ, то теперь онъ не допуститъ никакихъ отмѣнъ, затягиваній и искусственныхъ проволочекъ и требуетъ, чтобы къ 15-го февраля все дѣло было закончено: «этого я желаю, требую и повелѣваю». Обращаясь же непосредственно къ своимъ министрамъ, Александръ Николаевичъ поставилъ имъ на видъ, что доселѣ они враждовали между собою, пререкаясь по крестьянскому дѣлу, а нѣкоторые даже противились

его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго согласія другъ съ другомъ, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденнаго имъ положенія, внушительно добавивъ: «Вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть».

Эти слова чрезвычайно полно обнимаютъ собою принципы и дѣйствительность русской государственности: принципъ—неограниченность царскаго самодержавія, какъ такового, дѣйствительность—замѣна его самодержавіемъ бюрократіи, которое, не стѣсняясь прерогативами верховной власти, наперекоръ единенію царя и народа, руководитъ историческими судьбами страны, согласно своимъ временнымъ тенденціямъ, желанію и сословнымъ интересамъ привилегированныхъ классовъ. Увы, далеко не всегда верховная власть обрѣтала въ себѣ силу и волю, чтобы положить предѣлъ таковой политикѣ служилаго сословія, какъ это усматривается со стороны Александра II въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ, а скорѣе точно подъ дѣйствіемъ непонятнаго гипноза, гдѣ не послѣднюю роль игралъ элементъ личнаго страха, эта верховная власть становилась въ своихъ поступкахъ въ подчиненное бюрократіи положеніе и покрывала своей верховной санкціей ея подчасъ незаконныя дѣянія, становясь, такимъ образомъ, вразрѣзъ съ народными интересами и вынося на себѣ недовольство и нареканія массъ. За преступленія противъ блага народа и дѣянія во вредъ ему со стороны бюрократическихъ элементовъ въ ихъ разныхъ стадіяхъ и напластованіяхъ въ царствованіе именно Александра II русскій самодержецъ переживалъ отмѣченную выше драму, испытывая на себѣ всѣ послѣдствія узурпаціи своей власти служилымъ сословіемъ, наполнившимъ въ особенномъ изобиліи столичныя и провинціальныя бюрократическія канцеляріи.

28-го января состоялось общее собраніе государственнаго совѣта подъ личнымъ предсѣдательствованіемъ государя императора, чего до тѣхъ поръ, со времени основанія совѣта, ни разу не случалось, и здѣсь Александръ II произнесъ свою замѣчательную историческую рѣчь, о которой въ тѣ дни такъ много говорили во всѣхъ столичныхъ кругахъ и о коей Головнинъ писалъ къ Барятинскому: «Засѣданіе государственнаго совѣта 28-го января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою государь освѣтилъ разбирательство совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ императоръ по отношенію ко всему дѣлу, доказала насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе, и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостью. Эта рѣчь поставила государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ совѣта.

Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріею совѣта, не была написана и прочитана,—нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ».

Приводимъ эту рѣчь полностью, какъ выдающійся образецъ царскаго краснорѣчія, коимъ на протяженіи нашихъ очерковъ до сихъ поръ не часто приходилось пользоваться. Александръ II говорилъ:

«Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ государственнаго совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ. Повторяю—и это мои непремѣнная воля,—чтобъ дѣло это теперь же было кончено.

«Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, я увѣренъ что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ государственный совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представленную работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего

дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

«Прежде, чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя непреклонная воля.

«Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію помѣщичьей власти.

«Съ этою цѣлью при императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ, при императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ моемъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе законы были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многихъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я вполнѣ ей сочувствую, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ возволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершаться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь государственному совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что

Библиотека
Института В. И. Ленина
126884

Великая княгиня Елена Павловна.

происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершилось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи. Безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и

въ царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ царствѣ Польскомъ.

«Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянствъ другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе этого были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдатели этихъ комиссій были сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подверглись, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ главный комитетъ. Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ комитета, а брата въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

«Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но твердо уповаю на милость Божію и, увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божію помощью, приступимъ къ самому дѣлу».

Нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе рѣчи по существу ея историческаго изложенія событій; важно то, что царь громко заявилъ свою неизмѣнную волю и далъ опредѣленное направленіе ходу работъ государственнаго совѣта. Этимъ былъ отрѣзанъ путь для проволочекъ и оставался лишь способъ извлеченія наибольшей

Н. А. Милютинъ.

выгоды изъ положенія и обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи и проявили свою энергію сановники, забывая наказъ государя дѣйствовать «не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники», облеченные довѣріемъ своего царя. Минимумъ надѣла и максимумъ выкупа, какъ равно введеніе дарового надѣла получили здѣсь свое узаконеніе.

Засѣданія государственнаго совѣта продолжались двѣ съ половиною недѣли, протекли очень бурно, при чемъ идея политическаго реванша продолжала царить среди многихъ представителей не только высшаго и сановнаго дворянства, но и болѣе зависимой и подчиненной части бюрократіи. Такъ, въ «Дневникѣ» Никитенки

уже послѣ состоявшагося подписанія акта объ освобожденіи, но до его распубликованія, записано подъ датою 23-го февраля 1861 г.[1]). «Наше дворянство должно съ освобожденіемъ крестьянъ стать въ новое отношеніе къ правительству. Оно должно пріобрѣсти новый нравственный и политическій авторитетъ. Первый зависитъ отъ него самого, отъ степени его ума, образованія и нравственной силы: ему предстоитъ теперь опереться на нихъ и на нихъ однихъ. Авторитетъ политическій возникаетъ самъ собой изъ новыхъ обстоятельствъ, въ которыя дворянство вовлечено реформой. Правительство, освобождая крестьянъ, не могло не призвать его къ участію въ своихъ предначертаніяхъ. Это зародышъ, изъ котораго могутъ развиться болѣе обширныя права дворянства, разумѣется, если оно сумѣетъ воспользоваться этими первымъ, выпавшимъ ему на долю моментомъ участія въ дѣлахъ правительственныхъ, но сумѣетъ не иначе, какъ опираясь на нравственный авторитетъ. Тогда оно получитъ политическое значеніе, собственно не какъ дворянство (для этого у него нѣтъ достаточной юридической и исторической почвы), но какъ лучшая часть народа, болѣе образованная, болѣе развитая, болѣе способная понять какое бы то ни было право и поддержать его передъ авторитетомъ верховной власти».

16-го февраля въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣніе самаго проекта освобожденія и всѣ подготовительныя къ нему работы были кончены, и 19-го февраля государственный секретарь В. П. Бутковъ отвезъ проектъ манифеста и указъ сенату въ Зимній дворецъ, гдѣ государь гусинымъ перомъ, снимокъ съ котораго при семъ прилагается, и подписалъ величайшій въ нашей исторіи государственный актъ въ редакціи, установленной московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

Вопросъ о составленіи манифеста былъ не легкимъ, и сначала это дѣло было поручено Ю. Самарину, подъ редакціей Н. Милютина и при участіи въ составленіи со стороны великаго князя Константина Николаевича и Блудова. Но, по свидѣтельству Н. П. Семенова, [2]) «составленный Самаринымъ проектъ не удовлетворилъ ожиданій, какъ вслѣдствіе сообщенія въ немъ излишнихъ подробностей, не совсѣмъ понятныхъ вначалѣ народу, такъ и по причинѣ отсутствія въ немъ слога, который составляетъ необходимую принадлежность. Тогда графъ Панинъ, послѣ нѣсколькихъ еще неудачныхъ опытовъ составленія проектовъ манифеста, испросилъ высочайшее соизволеніе предложить митрополиту московскому и коломенскому Филарету принять этотъ трудъ на себя».

Какъ извѣстно, по вопросу объ эмансипаціи крестьянъ Филаретъ не былъ на сторонѣ либеральной части общества и отно-

[1]) А. В. Никитенко, «Записки и дневникъ», ч. II.
[2]) Н. П. Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ», т. III.

сился къ дѣлу освобожденія недовѣрчиво и скептически, а потому обращеніе къ нему не было встрѣчено имъ сочувственно и онъ уклонился отъ высокой чести быть авторомъ великаго историческаго акта. Потребовалось воздѣйствіе на него со стороны его духовника, послѣ чего только послѣдовало его согласіе и желательный манифестъ былъ имъ составленъ, при чемъ проектъ Самарина въ значительной мѣрѣ даже со стороны нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи былъ положенъ въ основаніе работы выдающагося дѣятеля нашей церкви. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ сущности и проектъ Самарина, и оригиналъ Филарета явились литературными памятниками, далеко не отвѣчавшими ни темѣ, въ немъ разработанной, ни переживаемому историческому моменту, какъ равно не приноровленными къ пониманію тою средою, для которой они были писаны. Манифестъ вышелъ тяжеловѣснымъ, безъ требуемаго подъема духа, безъ искры въ немъ Божіей; это скорѣе объяснительная записка, длинная, писанная сухо и съ излишними, подробно въ немъ разработанными пунктами. Только въ концѣ, въ заключительномъ обращеніи имѣются красивыя, сочныя выраженія, которыя говорятъ сердцу и будятъ чувство, причемъ, надо отдать справедливость Филарету, этому сухому уму, онъ сумѣлъ, какъ стилистъ и психологъ народной массы, стать выше блестящаго публициста-славянофила. Самаринъ проектировалъ заключительныя слова манифеста такъ [1]): «Спокойнымъ ожиданіемъ предстоящаго улучшенія въ вашемъ быту, покорностью властямъ и закону и строгимъ исполненіемъ лежащихъ на васъ обязанностей, вы оправдали наши о васъ попеченія. Нынѣ, въ ясномъ сознаніи лежащихъ на васъ обязанностей, вознесите теплыя мольбы благодарности къ Всевышнему Подателю всякихъ благъ, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, покажите себя и впредь вполнѣ достойными даруемой свободы, помня твердо святую заповѣдь о повиновеніи предержащимъ властямъ: нѣсть бо власть аще не отъ Бога!»

Эту поучительную сентенцію Филаретъ замѣнилъ историческими словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Одновременно съ подписаніемъ манифеста объ освобожденіи Александръ II издалъ и рескриптъ на имя великаго кнѧзя Константина Николаевича, гдѣ между прочимъ изложилъ свой взглядъ на дѣло раскрѣпощенія милліоновъ людей. Государь писалъ: «Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной воли, но мы можемъ нынѣ же со спокойною совѣстью сказать себѣ, что

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1891 г. № 6. «Проекты манифеста 19 февраля 1861 г.» Н. П. Семенова.

нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и со смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота ему извѣстна». Въ этомъ же рескриптѣ было объявлено объ учрежденіи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, главнаго комитета «для устройства сельскаго состоянія для всей имперіи на общихъ однообразныхъ началахъ».

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ объявленъ сенату 2 марта, а въ воскресенье 5 марта (прощенное воскресенье) обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ его въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ государь самъ прочелъ манифестъ, встрѣченный громогласнымъ и долго не смолкавшимъ «ура!» Въ теченіе марта состоялось обнародованіе манифеста повсемѣстно по всей Россіи. Какъ же встрѣтила страна реализовавшійся наконецъ актъ свободы, каковы были впечатлѣнія и самочувствіе народа, интеллигенціи, служилыхъ классовъ и самого государя въ эти знаменательные дни, когда Россія вступила на путь новаго историческаго бытія? Показанія современниковъ въ этомъ отношеніи для насъ драгоцѣнны и даютъ возможность сдѣлать тѣ изъ нихъ выводы, которые намъ нужны будутъ для дальнѣйшаго изложенія событій нашихъ историческихъ очерковъ. Поэтому приведемъ нѣкоторыя, быть можетъ, и нѣсколько пространныя выдержки, но очень знаменательныя и по характеру ихъ и по заключающемуся въ нихъ фактическому матеріалу.

А. В. Никитенко на 5 марта записалъ въ своемъ «Дневникѣ» [1]: «Воскресенье. Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ. Мнѣ принесли его около пополудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5 марта и имя Александра II Освободителя.

«Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ,

[1]) А. В. Никитенко, «Записки и Дневникъ», т. II, изд. 2-е.

другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно доносились слова: «Указъ о вольности—свобода». Одинъ, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиненіи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ: «Чортъ дери эту бумагу! Два года! какъ бы не такъ, стану я повиноваться!» Другіе молчали.

«Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ (А. Д.) Галаховымъ. «Христосъ воскресе!» сказалъ я ему. «Воистину воскресе!» отвѣтилъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

«Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанскаго, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II».

Вотъ цѣнное съ фактической стороны свидѣтельство историка и лидера дворянства, кн. В. П. Мещерскаго, приправленное, однако, по свойству его литературнаго пера, полемическою солью во славу своего сословія. Кн. Мещерскій пишетъ въ своихъ вспоминаніяхъ»: [1]) «...Рядомъ съ... царившимъ по крестьянскому вопросу оживленіемъ, скептики и критики задавали себѣ вопросъ: да гдѣ же тотъ, кто будетъ вводить такую громадную и трудную реформу? Вопросъ этотъ относился къ личности министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Ланской казался слишкомъ слабымъ и развалившимся для такого исполинскаго дѣла, а между тѣмъ по странной случайности, подтвердившей и на сей разъ ту мысль или легенду, что первый министръ въ Россіи всегда Николай Чудотворецъ, приступили къ реформѣ въ 1861 году, не только не задумавшись надъ вопросомъ: есть ли человѣкъ, способный ее проводить, но какъ будто забывши про этотъ вопросъ. Забыли и многое другое, не менѣе важное.

«Помню, что въ то время спокойные и безпристрастные умные люди говорили о томъ, что хорошо было бы передъ наступленіемъ 19 февраля созвать: 1) всѣхъ губернаторовъ, чтобы преподать имъ одну общую инструкцію, и дать имъ тонъ, по которому они могли бы дѣйствовать, и 2) всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства съ цѣлью: а) въ ихъ лицѣ поблагодарить все дворянство за патріотическое дѣло, ими совершенное, и б) призвать ихъ къ духовному, такъ сказать, содѣйствію правительству въ предстоящемъ великомъ трудѣ введенія положенія 19 февраля. Такіе созывы губернскихъ предводителей дворянства имѣли бы историческое значеніе торжественнаго исповѣданія государемъ передъ лицомъ своего народа той громадной исторической заслуги, которая съ такою любовью, съ такимъ глубокимъ вѣрноподданическимъ чувствомъ, съ такимъ безпредѣльнымъ самоотверженіемъ была принесена дворянствомъ на алтарь отечества.

---

[1]) Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія», ч. I.

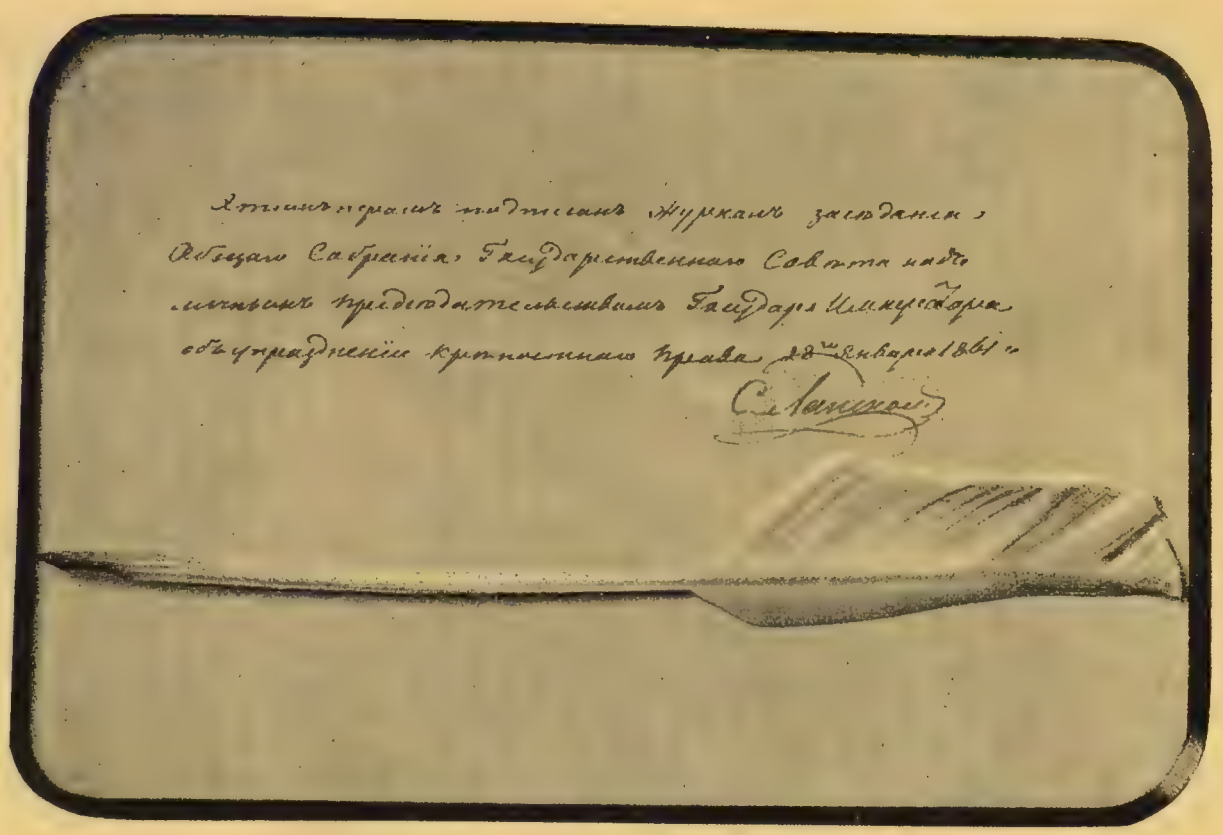
«Но ничего изъ этихъ мыслей не осуществилось... Съ свойственными имъ лукавостью и косностью дѣятели крестьянсткаго вопроса упорно постарались осуществленіе этой прекрасной мысли сдѣлать невозможнымъ... Сначала запялись подбираніемъ очень усердно флигель-адъютантовъ, которыхъ предстояло разсылать по Россіи для объявленія манифеста 19 февраля. Безспорно, между этими флигель-адъютантами были и достойные и способные люди: прежняя практика посылки для наборовъ дала нѣкоторымъ изъ нихъ кой-какія практическія свѣдѣнія и сметку въ области внутренней жизни Россіи, но были и совсѣмъ неспособные къ этому дѣлу, которые тѣмъ не менѣе съ тѣми же полномочіями посланы были въ такую трудную минуту на столь отвѣтственное дѣло.

«А рядомъ съ этимъ, только 2 мѣсяца послѣ 19 февраля, въ 1861 году догадались и спохватились въ Петербургѣ, что въ провинціи, въ деревняхъ никакой власти для введенія положенія не имѣется и что мировыхъ посредниковъ еще нѣтъ, и что вся полицейская часть этого грандіознаго государственнаго переворота легла, съ одной стороны, на присланнаго изъ Петербурга флигель-адъютанта, а съ другой стороны на полицію того времени, т. е. на знаменитыхъ земскихъ исправниковъ по выбору изъ дворянъ. О реформѣ полиціи надумали только 2 года спустя.

«Вотъ какъ легкомысленно тогда пущено было дѣло; воротилы его все свое вниманіе сосредоточили надъ земельнымъ вопросомъ, т. е. надъ заботою какъ можно глубже поразить дворянство, а объ интересахъ порядка и правительства они мало думали, да такой степени мало, что когда вышелъ манифестъ 19 февраля и вышло положеніе о крестьянахъ, оказалось, что эманисипаторы позабыли или не захотѣли выработать уставъ вотчинной полиціи... на нихъ возложенный, какъ задача...

«Безвластіе и безпорядокъ были тѣми элементами, которые призваны были въ 1861 г. быть воспріемниками отъ купели этого новорожденнаго дитяти 19 февраля 1861 года. Вотъ и наступило великое 19 февраля.

«Потомки наши могли бы себѣ представить обстановку этого дѣла необыкновенною по торжественности и, такъ сказать, въ декоративномъ отношеніи. Но именно этой декоративной торжественности вовсе не было. Какъ всегда, въ этотъ день было торжественное богослуженіе въ Исаакіевскомъ соборѣ, куда съѣхались высшіе чины, генералитетъ и военные, и гдѣ прочитанъ былъ прекрасный манифестъ пера Филарета. Говорили въ городѣ до этого дня, что будто государь со всею царскою фамиліею будетъ присутствовать на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ и при чтеніи манифеста; другіе говорили, что будетъ въ тотъ день большой выходъ во дворцѣ; иные даже прибавляли, что съ балкона



Перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ.

во дворцѣ будетъ чтеніе манифеста, но ничего этого не было, и, во дворцѣ, какъ всегда, былъ въ этотъ день малый выходъ.

«Единственное необыкновенное событіе, въ этотъ день случившееся, было привѣтствіе государя народомъ на Сенатской площади въ третьемъ часу дня. Государь ѣхалъ вмѣстѣ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и толпы крестьянъ были допущены къ поднесенію ему хлѣба-соли. Но размѣры этой толпы были настолько скромные, что, очевидно, это было привѣтствіе, заранѣе поставленное генералъ-губернаторомъ княземъ Суворовымъ въ извѣстныя рамки. Помню, что тогда очень искренно жалѣли, что народному привѣтствію не даны были болѣе достойные событію широкіе размѣры.

«Записалъ я въ тотъ день другое впечатлѣніе, которое по своему характеру было историческое. Послѣ прогулки государь вошелъ къ своей дочери, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, любимому своему дѣтищу, съ сіявшимъ лицомъ, поднялъ ее на руки, принялся цѣловать и съ такимъ чуднымъ, съ сіяніемъ радости, лицомъ сказалъ тутъ же находившейся воспитательницѣ великой княжны, Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, потомъ Аксаковой, которая мнѣ и разсказывала: «j'ai voulu embrasser ma fille le plus beau jour de ma vie!» (я захотѣлъ расцѣловать мою дочь въ лучшій день моей жизни). Слова эти имѣютъ двойной историческій смыслъ. Во-первыхъ, они выражаютъ то прекрасное настроеніе души, въ которомъ Александръ II совершилъ и объявилъ своему народу великую реформу, и, во-вторыхъ, увы, это было, какъ слова радости, какъ слова, выражавшія наслажденіе его души,—его лебединой пѣснью. Послѣ были отклики мгновеннаго удовольствія, веселія, но такихъ словъ Царь-Освободитель болѣе не произносилъ. Слова его, что онъ считаетъ этотъ день лучшимъ днемъ его жизни, сбылись въ полномъ смыслѣ этого слова. Никогда лучшаго дня уже не было въ его жизни.

«Нельзя себѣ уяснить,—въ тѣ дни, кто кромѣ государя, испыталъ 19 февраля такое чистое настроеніе. Мнѣ казалось, что всѣ, съ которыми я встрѣчался, относились къ событію не довольно радостно: иные относились, какъ будто, недовѣрчиво, другіе—сомнительно, третьи—пессимистично, пророча какіе-то неизбѣжные безпорядки. Причина тому была нехорошая.

«Безъ преувеличенія и безъ натяжки можно сказать, что царь, радовавшійся 19 февраля 1861 года о совершившейся реформѣ искренно, былъ однимъ изъ немногихъ въ Петербургѣ.

«У большей части изъ сотрудниковъ радость эта могла не быть искренна потому, то и работа ихъ была неискренна: они гораздо болѣе работали для политической и соціальной идеи, чѣмъ для дѣйствительнаго блага народа, чѣмъ для дѣйствительной славы государя. А государь работалъ надъ этимъ дѣломъ съ единствен-

ною мыслію совершить огромную соціальную реформу для блага своего народа. Оттого его радость о 19 февралѣ 1861 года была искренна, а радость его сотрудниковъ была испорчена вопросами и сомнѣніями въ родѣ слѣдующихъ: достаточно ли отняли у дворянъ земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное въ своихъ устояхъ и въ своихъ основахъ, достаточно ли создано для него критическое и трудное положеніе?

«Это была одна психическая черта, мѣшавшая въ высшихъ сферахъ радоваться крестьянской реформѣ искренно. Но было и другое психическое явленіе, мѣшавшее обществу радоваться дѣлу 19 февраля искренно,—это явленіе происходило въ интеллигентныхъ сферахъ, надъ этой реформой тамъ не задумывались: тамъ на нее не смотрѣли съ участіемъ патріотическимъ и не остановливались надъ нею серьезно; въ этихъ сферахъ смотрѣли на крестьянскую реформу мимоходомъ, какъ на первый шагъ къ дальнѣйшему либеральному будущему, какъ на первую брешь въ цитадели старины и, нетерпѣливо требуя дальнѣйшаго, умы отходили отъ крестьянской реформы въ минуту, когда она объявилась.

«Но совсѣмъ иное настроеніе было тогда внутри Россіи. Реформа 19 февраля принята была тамъ съ благоговѣніемъ тѣмъ самымъ дворянствомъ, которое въ Петербургѣ либеральные реформаторы хотѣли, во что бы то ни стало, представить какою-то оппозиціонною правительству и государю массою и надъ матеріальнымъ разореніемъ котораго они такъ усердно ломали себѣ головы, совершая задачу освобожденія крестьянъ. Благоговѣніе это къ реформѣ выказалось какъ нельзя болѣе краснорѣчиво въ томъ единодушіи, съ которымъ рѣшительно вездѣ дворянство откликнулось на призывъ правительства поставить изъ своей среды мировыхъ посредниковъ для введенія крестьянскаго положенія 19 февраля».

Въ дальнѣйшемъ мы еще будемъ говорить объ отношеніи дворянства къ фактическому выполненію великой реформы, а пока обратимся еще къ одному свидѣтелю тѣхъ дней, изобразившему намъ, какъ принятъ былъ актъ свободы въ сердцѣ сермяжной Россіи, въ первопрестольной Москвѣ, во всѣ историческіе моменты народной жизни громко подававшей свой голосъ за всю страну.

Старикъ Погодинъ такъ описываетъ наружный видъ Москвы въ день 5 марта [1]). «Въ смутномъ расположеніи духа отправился въ Кремль. По Зубову, по Пречистенкѣ народу меньше обыкновеннаго. Въ Кремлѣ, на площадкѣ почти никого.

«Признаюсь эпизодически, что я со страхомъ приближался къ дверямъ и былъ почти намѣренъ остановиться: ну, какъ попрежнему хожалый жандармъ или квартальный меня не пуститъ, ска-

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина». Николай Барсуковъ, кн. XI.

жетъ какую-нибудь грубость, и кровь моя взволнуется, жёлчь вскипитъ... Я прошелъ въ двери, однакоже, благополучно, несмотря на тѣсноту, и почувствовалъ удовольствіе, хотя, съ больною ногою стоять мнѣ было почти опасно... Черезъ нѣсколько минутъ я пробрался во внутренность собора и сталъ въ сторонѣ. Соборъ былъ полнехонекъ, по крайней мѣрѣ сзади, а впереди, кажется, было просторно... Въ моей сторонѣ люди были разныхъ званій: направо бѣлая мантилья, налѣво овчинный тулупъ, вокругъ купцы средней руки. Весь народъ стоялъ благоговѣйно и соблюдалъ совершенную тишину.

«Не стану говорить о себѣ, что я чувствовалъ, думая, слушая... Овчинный тулупъ стукалъ безпрестанно пальцами по кожѣ, кладя крестное знаменіе, и умиленно вздыхалъ, произнося по временамъ шопотомъ: Господи помилуй!—Какъ мнѣ хотѣлось заглянуть въ его душу! Видно было, что онъ молится усердно. Манифестъ былъ прочитанъ... сердце трепетало. Чтеніе продолжалось долго; при послѣднемъ выраженіи: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», весь народъ перекрестился. Минута, которой описать нѣтъ силъ. Господи! Господи! благослови! благодаримъ, благодаримъ! Мнѣ хотѣлось бы услышать за молебномъ: «Тебе Бога хвалимъ»—во сто или двѣсти голосовъ, чтобы стѣны затрещали, а пропѣлъ его обыкновенный хоръ.

«Послѣ многолѣтія государю мнѣ хотѣлось бы услышать многолѣтіе православному русскому крестьянству, получающему освобожденіе, многолѣтіе благородному россійскому дворянству, отпускающему своихъ крестьянъ на волю, согласно съ волею царскою; но, кажется, этихъ многолѣтій, полезныхъ для того, чтобы возбуждать духъ любовнаго единенія между сословіями, пропѣто не было, вѣроятно, потому, что они не значатся по чину. По крайней мѣрѣ я ихъ не слыхалъ.

«Прочіе соборы были биткомъ набиты, а особенно Чудовъ монастырь, гдѣ было, какъ я слышалъ, больше крестьянъ.

«Выйдя изъ церкви, я пока оставался съ встрѣтившимися знакомыми. По окончаніи богослуженія народу въ Кремлѣ не оставалось.

«Изъ Кремля я поѣхалъ въ Замоскворѣчье, а оттуда на гулянье подъ Новинскимъ, въ третьемъ часу. На улицахъ нигдѣ не замѣтно было необыкновеннаго движенія, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Въ балаганахъ, на балконахъ не слышалось ни одного слова, относящагося къ интересу минуты. Зато у райковъ напѣвалась передъ слушателями всякая нравственная мерзость безнаказанно. На качеляхъ и на конькахъ было повеселѣе, впрочемъ, не знаю, отъ масленицы, или отъ свободы... Воротился домой часовъ въ 9, также мимо гулянья, и все тоже было почти совсѣмъ тихо; въ нашемъ послѣднемъ переулкѣ встрѣтилось нѣсколько пьяныхъ, и то не слишкомъ.

«На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ издатель газеты и говоритъ: «Я хотѣлъ просить васъ, Михаилъ Петровичъ, написать нѣсколько строкъ о вчерашнемъ днѣ, но вижу, что писать нечего; такъ было тихо».

«Народъ вдругъ не понялъ, не выразумѣлъ, не взялъ въ толкъ, что онъ манифестомъ получаетъ. Не выразумѣли еще порядочно и мы, грамотные. Недоумѣніе—вотъ слово, которое характеризуетъ настоящее положеніе въ воскресенье. Народъ, руководствуемый вѣрнымъ своимъ чутьемъ, принимаетъ на вѣру, что ему сдѣлано добро, молится Богу, благодаритъ государя».

Погодинъ, самъ вышедшій изъ рядовъ податного сословія, своей мѣткой рѣчью и зоркимъ наблюдательнымъ взоромъ вѣрно зарегистрировалъ общее настроеніе: «недоумѣніе». Точно что-то тихое грустное поднималось отъ земли къ небу: Тебя Бога хвалимъ, на Тебя уповаемъ...

II.

Зарубежные отклики на манифестъ 19 февраля.—Критика реформы со стороны Н. П. Огарева.—«Письма безъ адреса» Н. Г. Чернышевскаго.—Разстрѣлъ крестьянъ въ селѣ Бездиѣ, Казанской губ.—Крестьянскія волненія и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Но если недоумѣніе охватывало широкіе круги заинтересованныхъ русскихъ людей у себя на родинѣ, то были и такіе, временно и случайно очутившіеся за границею, для которыхъ манифестъ 19 февраля былъ не только актомъ опредѣленнаго дня и историческаго момента, но событіемъ, коимъ покрывалось стародавняя эпоха съ ея личнымъ горемъ, слезами и страданіемъ. Въ концѣ марта русская колонія въ Парижѣ по случаю освобожденія крестьянъ служила молебенъ, и, увѣдомляя объ этомъ Анненкова, И. С. Тургеневъ писалъ: «...священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всѣ всплакнули... передо мною стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: нынѣ отпущаеши раба твоего. Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). «Дожили мы да этого великаго дня», было въ умѣ и на устахъ каждаго».

Да, Н. И. Тургеневъ и кн. Волконскій могли плакать: осуществилось, наконецъ, то, о чемъ они мечтали въ 1825 году. Ихъ слезы были слезами радости по поводу мирной эволюціи, которая, «по мановенію царя» свершилась, вопреки всякимъ тревожнымъ ожиданіямъ и предсказаніямъ, и во имя которой ихъ единомышленники тридцать шесть лѣтъ назадъ такъ преждевременно и ужасно погибли.

Радостно встрѣтилъ вѣсть о свободѣ на берегахъ Темзы и Герценъ, хотя въ его рѣчи уже перестали раздаваться тѣ звучныя слова,

которыми онъ когда-то привѣтствовалъ первыя начинанія Александра II въ крестьянскомъ вопросѣ. Польскій вопросъ и событія въ Варшавѣ опустошили его хвалебный лексиконъ и внесли въ теченіе мыслей и чувствъ раздраженіе, горечь и гнѣвъ. А Огаревъ, посвятивъ въ «Колоколѣ» дню 19 февраля особую дѣловую статью, заканчивалъ ее: «Да! начало велико. Сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II: благословенъ грядый во имя свободы! А потомъ—потомъ мы посмотримъ, что будетъ. Какъ русскій народъ—мы имѣемъ надежды; но довѣріе пріобрѣтается умѣньемъ и дѣломъ. Говорятъ, что сенатъ хочетъ поднести государю имя Освободителя. Мы увѣрены, что Александръ II настолько честенъ и искрененъ, что приметъ его не отъ сената, а отъ народа, и не теперь, а тогда, когда всѣ крестьяне будутъ свободны и всѣмъ имъ ихъ земля будетъ отдана безъ утайки, безъ недомолвокъ, безъ недоразумѣній, ясно и полно».

Это, такъ сказать, условное привѣтствіе высказывалось въ № 96 герценовскаго журнала, а въ №№ 98—99 редакторъ со свойственнымъ ему пыломъ рѣчи сообщилъ: «Русская кровь льется! Да русская кровь льется рѣкой!.. и есть прямыя души, робкіе умы, упрекающіе насъ въ выстраданныхъ нами словахъ проклятій и негодованія! Правительство все могло предупредить, и польскую кровь и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманіе, за свое неумѣнье ни въ чемъ итти до конца—убиваетъ толпы нашихъ братій.

«Ужасомъ, слезами наполняютъ насъ новости, идущія со всѣхъ сторонъ. Бѣдные, бѣдные крестьяне! Вѣдь въ Европѣ не подозрѣваютъ, что такое значитъ у насъ усмиреніе солдатами, генералъ-адъютантское, флигель-адъютантское усмиреніе. Одна надежда на солдатъ и на молодыхъ офицеровъ. Тяжело носить оружіе, на которомъ запеклась кровь своихъ родныхъ, отцовъ, матерей, братьевъ.

«Мы останавливаемся, темно передъ глазами, мы боимся дать голосъ всему, что стонетъ въ насъ, мы боимся высказать все, что бродитъ на сердцѣ...»

Въ такой лирической формѣ писалъ Герценъ, а Огаревъ, эта тяжелая артиллерія «Колокола» [1]), спѣшилъ бросить къ подножію царскаго престола незаслуженное, но категорическое обвиненіе:

«Старое крѣпостное право замѣнено новымъ.
Вообще крѣпостное право не отмѣнено.
Народъ царемъ обманутъ!»

Что же такое случилось?

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 96.

Рѣзкость приговора со стороны Огарева вытекала изъ несоотвѣтствія, которое получалось между ожиданіями, предшествовавшими реформѣ, ея осуществленіемъ и тѣми ближайшими событіями во внутренней жизни Россіи, которыя за нею послѣдовали, изъ нея ближайшимъ образомъ вытекали и до извѣстной степени являлись опредѣленными показателями политическаго курса, принятаго правительствомъ вслѣдъ за днемъ 19-го февраля. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомились съ ходомъ главнѣйшихъ мыслей по предмету ожидавшейся реформы, высказанныхъ многими представителями общественности, и видѣли, какъ подъ тяжестью реальной исторической дѣйствительности этимъ мыслямъ не суждено было получить своего осуществленія. Но оставалась все же нѣкоторая надежда и послѣдняя прилѣплялась къ рескрипту, данному на имя великаго князя Константина Николаевича.

По поводу этого рескрипта тотъ же Огаревъ въ статьѣ «Начало русскаго освобожденія» [1]), написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ историческаго событія 19 февраля, говорилъ: «Рескриптъ Константину Николаевичу обѣщаетъ самое живое дѣло въ будущемъ. Имъ учреждается «комитетъ для устройства всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ». Слѣдственно, тутъ прямо поставленъ вопросъ объ освобожденіи государственныхъ, удѣльныхъ и всякихъ казенныхъ крестьянъ. Сверхъ того трудами этого комитета могутъ быть устранены всѣ противорѣчія и ошибки, лежащія въ положеніи о крестьянахъ, освобождающихся отъ помѣщичьей власти. Этотъ комитетъ въ короткое время можетъ сдѣлать чудеса для развитія хозяйственнаго, судебнаго и административнаго самоуправленія русскаго народа. Въ этой надеждѣ народъ охотно и спокойно вытерпитъ два тяжелые года переходнаго состоянія. Комитету предстоитъ великая и трудная обязанность: въ два года положить рѣшительный конецъ шаткому, неопредѣленному, для всѣхъ сторонъ вредному положенію перехода: отдать всему народу его землю, опредѣливъ, со стороны освобожденныхъ изъ крѣпости, пособіе помѣщикамъ, правильными годовыми взносами; создать мірскіе капиталы въ крестьянскихъ общинахъ; дать имъ средства для артельнаго хозяйства; измѣнить подать личную на подать вещную; распредѣлить ее не на однихъ крестьянъ, а на всѣ сословія; отдать народу его выборное управленіе, независимое отъ произвола помѣщиковъ, окружныхъ, управляющихъ, губернаторовъ и всякихъ иныхъ баскаковъ въ нѣмецкомъ мундирѣ, дать ему его выборную, порядокъ охраняющую полицію, и уничтожить полицію приставную, безотвѣтственную, грабящую, сѣкущую, чиновничью; дать народу свой судъ, независимый отъ баскаковъ, и увѣренность, что ни еди-

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 96.

наго человѣка въ Россіи никакая власть не можетъ безъ суда схватить, посадить въ тюрьму и подвергнуть какому бы то ни было штрафу или наказанію, не говоря уже о наказаніи тѣлесномъ, которое должно быть сдано въ архивъ, открытый только для печальнаго вѣрнаго труда лѣтописцевъ. Если Константинъ Николаевичъ понимаетъ все величіе задачи, возложенной на него братомъ, то онъ пойметъ, что для нихъ обоихъ, изъ ложныхъ видовъ власти, обмануть народныя ожиданія и народное терпѣніе было бы позорно; что постепенность не значитъ медленность и застой въ полумѣрахъ, что ему надо работать много и быстро; сила обстоятельствъ не ждетъ; обязанность правительства отгадывать общественныя потребности, чтобы каждая новая мѣра была отвѣтомъ на внутренній, можетъ, еще стоящій на степени предчувствія народный запросъ».

Таковы были ожиданія въ февралѣ, а уже въ іюнѣ Огаревъ такъ опредѣлялъ положеніе дѣлъ [1]). «Съ 19-го февраля до 8-го мая прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. Въ февралѣ подписанъ манифестъ, въ апрѣлѣ льется кровь безоружныхъ крестьянъ, въ маѣ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписываетъ губернаторамъ объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливаго хода дѣлъ мы и не ожидали. Итакъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича оттертъ на задній планъ; теорія государственнаго развитія поручена Бутковымъ, а практика Апраксинымъ. Стало, ожидать, чтобы «комитетъ для устройства сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ» помогъ дѣлу, исправилъ бы или перемѣнилъ «положеніе о крестьянахъ»—была съ нашей стороны мечта, которую мы, изъ жажды блага народнаго, лелѣяли не одинъ день. Въ то время правительство, казалось, стало во главѣ русскаго освобожденія; его положеніе было необычайно свѣтло и счастливо; оно его утратило разомъ, и наконецъ надежда на него, вѣра въ него рушилась окончательно. Упавши въ кровь, оно упало въ грязь и вынуждено объяснять народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое безсиліе! Причины такого хода дѣлъ разгадать не трудно; ихъ двѣ: 1) правительство въ освобожденіи народа неискренно; 2) оно совершенно бездарно, т. е. не умѣетъ ничего понять и ничего сдѣлать. Разрывъ съ этимъ правительствомъ для всякаго честнаго человѣка становится обязательнымъ. Взгляните на новаго министра внутреннихъ дѣлъ; мы его не знаемъ, мы только видимъ, что онъ съ перваго шага вслухъ говоритъ нелѣпость, хочетъ увѣрить народъ, что баршина не барщина, а «замѣна оброка работою»... Неужели правительство думаетъ, что министерскій циркуляръ надуетъ на-

[1]) «Колоколъ» 1861 г. № 107.

родъ или кого-нибудь, хотя бы того чиновника, которому будетъ приказано о б ъ я с н я т ь эту нелѣпость? Такое презрѣніе къ публикѣ черезчуръ запосчиво; всякій, прочитавшій циркуляръ, подумаетъ, что правительство или сдуру вретъ, или преднамѣренно лжетъ. Итакъ, видите ли, что нельзя служить этому правительству, нельзя съ нимъ единаго шагу ступить, не запачкавшись или не одурачившись».

Въ приведенныхъ словахъ Огарева представлена достаточно полно та сумма неудовольствій, которая въ первой половинѣ 1861 года уже обозначилась въ передовомъ общественномъ сознаніи и которая въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, въ томъ или иномъ освѣщеніи усматривалась въ рѣчахъ и прочихъ представителей русской интелигенціи. Такъ, Чернышевскій въ приготовленныхъ для № 2 «Современника» за 1862 г. «Письмахъ безъ адреса», на самомъ же дѣлѣ адресованныхъ Александру II, но не пропущенныхъ цензурою, также устанавливаетъ причины неудовольствія правительствомъ, причемъ чрезвычайно тонко по соображеніямъ цензурной необходимости обрисовываетъ современное положеніе дѣлъ, при которомъ рознь между правящими сферами, съ одной стороны, интеллигенціей—съ другой и народомъ—съ третьей неминуема, безъ всякой надежды при существующихъ факторахъ дѣйствительности на ея исчезновеніе. Эти «Письма» не дошли въ моментъ посылки по назначенію и, хотя они писаны были нѣсколько позже статей Огарева и уже тогда, когда первые признаки революціоннаго броженія обозначились въ русской жизни, тѣмъ не менѣе ихъ своевременно отмѣтить въ настоящемъ мѣстѣ, какъ мнѣніе вліятельнаго политическаго публициста, владѣвшаго въ то время въ сильной мѣрѣ умами значительной части русскаго общества.

Обращаясь къ своему высокопоставленному корреспонденту, идейный руководитель и вдохновитель «Современника» писалъ [1]): «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будетъ, какъ вамъ угодно: надъ своими чувствами никто не властенъ, и мы не ищемъ вашихъ одобреній. У насъ другая цѣль, которую, вѣроятно, имѣете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не отъ насъ вы, и не отъ васъ мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для нихъ судья внѣ вашего круга, очень малочисленнаго, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнѣе вашего, но все-таки составляетъ лишь ничтожную частичку въ десяткахъ милліоновъ людей, благу которыхъ мы и вы хотѣли бы содѣйствовать. Если бы этотъ судья могъ произносить съ сознаніемъ дѣла оцѣнку вашимъ и нашимъ работамъ, всякія объясненія между вами и нами были бы излишни.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.

«Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Васъ онъ знаетъ по имени, но, будучи совершенно чуждъ вашего круга понятій и вашей обстановки, рѣшительно не знаетъ ни вашихъ мыслей, ни причинъ, руководящихъ вашими дѣйствіями, а насъ онъ не знаетъ даже и по имени. Согласитель, милостивый государь, что такое положеніе дѣлъ фальшиво. Работать для людей, которые не понимаютъ тѣхъ, кто работаетъ для нихъ,—это очень неудобно для работающихъ и невыгодно для успѣха работы. Думаешь, что какое-нибудь дѣло принесетъ пользу, а видишь, что оно остается неисполнимымъ по недостатку сочувствія въ людяхъ, для которыхъ предпринято. Вы испытывали это при каждомъ хорошемъ вашемъ дѣлѣ. Тоже очень часто испытывали это и мы. Это печалитъ и подъ конецъ сердитъ. Становишься мнителенъ и раздражителенъ. Не имѣешь духа объяснить свою неудачу настоящею ея причиною—недостаткомъ общности въ понятіяхъ между собою и людьми, для которорыхъ работаешь; признать эту причину было бы слишкомъ тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успѣхъ всего того образа дѣйствій, которому слѣдуешь, не хочешь признать эту настоящую причину и стараешься найти для неуспѣха мелочныя объясненія въ маловажныхъ случайныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, вы сваливаете вину своихъ неудачъ на насъ; нѣкоторые изъ насъ винятъ въ своихъ неудачахъ васъ. Какъ хорошо бы оно было, если бъ эти нѣкоторые изъ насъ, или вы, были правы въ такомъ объясненіи своихъ неуспѣховъ! Тогда задача бы разрѣшилась очень легко устраненіемъ внѣшняго препятствія успѣху дѣла. Но грустно то, что никакія наши дѣйствія противъ васъ, или ваши противъ насъ не могутъ привести ни къ чему полезному. Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствій одни?»

Таковъ приступъ автора, гдѣ онъ рѣзко размежевалъ двѣ другъ другу противоположныя стороны, среди которыхъ пребываетъ апатичный, безгласный народъ, о судьбѣ котораго поставленъ вопросъ и интеллигенціей и правительственной властью.

Отмѣтивъ далѣе опасное настроеніе народа и низкое состояніе его духовныхъ запросовъ, Чернышевскій говоритъ, что интеллигенціи необходимо столковаться съ властью о средствахъ, «которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную» для обѣихъ нынѣ несогласныхъ между собою сторонъ; опасность заключается въ возможности посягательства темныхъ народныхъ массъ на просвѣщеніе, состоящее, согласно общимъ принципамъ автора, въ необходимой связи съ идеей свободнаго благополучія и справедливаго соціальнаго строя. Съ саркастической улыбкой на устахъ обрисовываетъ онъ ходъ эмансипаціонной работы и подчеркиваетъ нарастаніе политической мысли въ дворянскомъ сословіи, причемъ останавливается на

роли по отношенію реформы основныхъ устанавливаемыхъ имъ въ Россіи элементовъ: бюрократической власти, либеральной партіи, передовой интеллигенціи, дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ. Анализируя эти роли, авторъ «Писемъ» осторожно приподымаетъ завѣсу надъ политическими тенденціями дворянства и утверждаетъ: «крѣпостное право было создано и распространено властью: всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи. Почему же власть принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самой привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство?... Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ, доставила силу такъ называемой либеральной партіи, требовавшей уничтоженія крѣпостного права. Такимъ образомъ, власть принимала на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ власти.

«Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: и источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣлъ. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло, не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкою его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершиться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая въ пристрастіи къ дворянству.

«Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А бюрократія по самой сущности своей всего болѣе занимается формализмомъ. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній. Этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ.

«Но тотчасъ оказалось, что рѣшеніе сдѣлано было неудобоисполнимое. Предполагалось сохранить сущность крѣпостного права, отмѣнивъ его формы. Но безъ формы нельзя сохранить и сущности. И что же вышло? Помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними; выгоды эти исчезали безъ всякаго вознагражденія для нихъ, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самомъ дѣлѣ исчезли.

«А между тѣмъ дворянство видѣло, что власть старалась сдѣлать для него все, что могла. Изъ этого естественно слѣдовалъ выводъ: итакъ, власть не въ состояніи ничего сдѣлать для сохраненія собственности помѣщиковъ или для ихъ вознагражденія.

А изъ этого вывода еще легче слѣдовалъ другой: -итакъ, помѣщики должны сами позаботиться о сохраненіи вознагражденія за ту часть, которую теряютъ. А изъ этого вывода неизбѣжно слѣдовалъ третій: но до сихъ поръ помѣщики держались не собственною силою, а постороннею опорою; теперь, когда прежняя опора оказывается слишкомъ слаба, надобно имъ отыскать для себя новыя опоры. Выборъ тутъ былъ незатруднителенъ».

Далѣе Чернышевскій отмѣчаетъ, какъ къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса втянулись прочія сословія, какъ отсюда эти «сословія» перешли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей, при чемъ они разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. «Тотчасъ же замѣтили они, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодномъ для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты. Вамъ извѣстно, милостивый государь, какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касался частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно такъ же страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другія сословія. Такимъ образомъ, самъ собою открывался ему способъ найти нужную для него опору. Оно сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій». Чернышевскій настаиваетъ, что совокупность обстоятельствъ побуждаетъ верховную власть отказаться отъ мысли, что «можно принимать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это потому только, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей вы лишены удобствъ лично дѣлать свои наблюденія. А мы, наблюдавшіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга, мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ».

Въ четвертомъ «письмѣ» Чернышевскій группируетъ вкратцѣ главнѣйшія событія, въ которыхъ усматривается неспокойное и опасное состояніе страны; событія эти—смуты въ Варшавѣ, смуты внутри Россіи, «загадочное появленіе» программы революціоннаго органа «Великоруссъ», порицаемой, по его словамъ, одними, хвалимой другими, небывалое движеніе молодежи въ Петербургѣ, «страшная развязка» этого движенія, слухи о предлагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленія его къ занятію общественными вопросами. Каждое изъ этихъ явленій передвигаетъ обще-

ство все дальше и дальше по одному направленію, враждебному правительству, которое необходимо устранить, для чего прежде всего слѣдуетъ озаботиться прекращеніемъ натянутости отношеній, установившихся между властью и сословіями». Откуда образовалась эта натянутость, не исторически-давняя, о которой мы говорили такъ много въ нашихъ предыдущихъ очеркахъ [1]), а натянутость даннаго историческаго момента, связаннаго съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса? Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ Чернышевскій дѣлаетъ обозрѣніе хода крестьянскаго вопроса, какъ онъ развивался съ часа созыва редакціонныхъ комиссій, и устанавливаетъ, что съ самаго начала ходъ дѣла въ комиссіяхъ пошелъ бюрократическимъ путемъ. Начальство, т. е. представитель власти (предсѣдатель редакціонныхъ комиссій), говорило, «что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ»; отвѣтъ: «ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашими убѣжденіями, и мы вполнѣ принимаемъ ихъ». По мнѣнію Чернышевскаго, такое совпаденіе единомыслія неестественно и служитъ показателемъ, что «свободы мнѣній въ редакціонныхъ комиссіяхъ не было» и что все дѣло освобожденія шло бюрократическимъ путемъ, при чемъ предсѣдатель комиссій «не былъ связанъ твердою и обдуманною волею того лица или тѣхъ лицъ, волю которыхъ онъ обязанъ былъ исполнять по закону», а «связанъ мнѣніями, опасеніями, привычками множества другихъ лицъ, которыя даже не имѣли законнаго права обнаруживать своего вліянія», т. е. цѣлаго сословнаго круга, «отъ котораго по формальному своему полномочію онъ былъ совершенно независимъ». Изъ такой «натуры бюрократическаго порядка» произошла удивительная вещь: «крѣпостное право съ провозглашеніемъ его отмѣны осталось въ цѣлости». Случилось это по неизбѣжному характеру бюрократическаго порядка: предсѣдателю комиссіей показалось по какой-то догадкѣ, что хотятъ этого какія-то лица, которымъ необходимо угождать; членамъ комиссіи показалось, что слова предсѣдателя должны служить выраженіемъ неизмѣнной рѣшимости высшаго правительства, а высшее правительство, увидѣвъ такое рѣшеніе комиссій, убѣдилось, что нельзя уничтожать крѣпостного права, если уже спеціалисты, и при томъ извѣстные противники крѣпостного права, рѣшаютъ, что надобно сохранить его. Точно также опредѣлились и всѣ другія черты дѣла: выкупъ земель необязательный, а по добровольному соглашенію, размѣръ надѣла, величина повинностей и платежей крестьянскихъ, и т. д. Никто не можетъ принять на себя отвѣтственности за устройство дѣла въ такомъ видѣ,—ни высшее правительство, ни редакціонныя комиссіи, рѣшительно никто не желалъ устроить дѣло такъ; его такъ устроилъ бюрократическій порядокъ, независимо отъ воли и убѣжденія лицъ, чѣмъ бы то ни было—работами ли

[1]) См. нашу книгу «Борьба за конституцію».

своими, желаніями ли своими, подписями ли своими,—участвовавшихъ въ веденіи этого дѣла». Изъ всего этого вышло нѣчто совершенно неожиданное: увеличеніе оброка, платимаго крестьянами въ пользу помѣщика. Прежде крестьянинъ за одну десятину своего надѣла платилъ одинъ рубль, а по новому положенію тяжесть его повинности увеличилась на десять копеекъ, т. е. онъ уплачиваетъ одинъ рубль десять копеекъ.

Выдержки изъ статей Огарева и Чернышевскаго опредѣляютъ въ достаточной полнотѣ составныя части суммы неудовольствія интеллигенціи противъ правительства, около которыхъ и по поводу которыхъ разыгрались печальныя событія тогдашней дѣйствительности. Въ общихъ своихъ взглядахъ оба публициста сходятся между собою, несмотря на нѣкоторую разность въ постановкѣ вопросовъ и въ своихъ личныхъ политико-философскихъ воззрѣніяхъ. Чернышевскій, какъ представитель соціалистической школы, для даннаго историческаго момента сходился въ оцѣнкѣ событій съ Огаревымъ, котораго скорѣе надо отнести къ категоріи политическихъ либераловъ, хотя и крайняго демократическаго оттѣнка. Главныя составныя части этой суммы неудовольствія формулируются такъ: 1) крестьянская реформа, произведенная исключительно подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, проведена непослѣдовательно, неумѣло и въ угоду привилегированнаго рабовладѣльческаго сословія; 2) изъ кабалы юридической крестьяне попадаютъ въ кабалу экономическую, причемъ ихъ правовыя отношенія къ прежнимъ господамъ очень неопредѣленны; 3) экономическая кабала выясняется изъ недостаточности и произвольности (территоріальной) ихъ надѣла и усиленной тяготы оброка; 4) законное неудовольствіе крестьянъ тушится по прежней системѣ кровью; 5) бюрократическій режимъ остается нетронутымъ и въ прежней силѣ, правительство бездарно и совершенно чуждо намѣренія широкихъ политическихъ реформъ; историческій опытъ его ничему не научилъ, и голоса доброжелательныхъ просвѣщенныхъ людей, любящихъ свою отчизну и болѣющихъ за нее, попрежнему принимаются за голоса враждебные и злонамѣренные. Единственнымъ выходомъ изъ смутнаго положенія вещей, которое грозитъ потрясеніями и ужасами,—обращеніе къ творческимъ силамъ страны, которыя и должны установить справедливый соціальный и политическій строй, для чего эти силы должны быть освобождены отъ давленія бюрократическаго пресса и отъ воздѣйствія классовыхъ привилегированныхъ интересовъ. Это единственная цѣлесообразная программа, при непринятіи которой правительствомъ, народъ и общество должны объявить ему полный разрывъ.

Мы видѣли изъ всего хода крестьянской реформы, какова была тутъ роль Александра II, знаемъ также изъ показаній князя Мещерскаго, каково было настроеніе государя въ моментъ

осуществленія реформы, поэтому не можемъ, конечно, согласиться съ Огаревымъ, упрекавшимъ самого государя въ неискренности и въ нежеланіи освобожденія народа. Это положеніе публициста должно быть откинуто, но съ остальными вышеотмѣченными заключеніями нельзя не согласиться, такъ какъ они нашли себѣ твердое подтвержденіе въ историческихъ фактахъ дальнѣйшей жизни. Правительство вообще и Александръ II въ частности совершенно не признавали необходимости органическаго обновленія государственнаго механизма, ни по программѣ, выставленной славянофилами, ни по программѣ, выработанной западниками. Бюрократическій строй признавался единственно подходящимъ для Россіи, надежнымъ, устойчивымъ и отвѣчающимъ всѣмъ ея жизненнымъ запросамъ; допускалась только возможность его нѣкотораго подновленія, при чемъ элементы подновленія, въ интересахъ общественнаго успокоенія, почерпались изъ программы либеральной партіи, но самый способъ осуществленія намѣчаемаго подновленія, планъ дѣйствій въ данной области оставлялся въ распоряженіи все той же бюрократіи, отдавался на ея усмотрѣніе и рѣшеніе. Такимъ образомъ пути развитія жизненныхъ силъ государства оставались постарому нерасчищенными и загроможденными все тѣми же случайностями и неожиданностями, на которыя такъ мѣтко указалъ Чернышевскій въ своихъ «Письмахъ безъ адреса». Всѣ желаютъ одного, а въ результатѣ получается невѣдомымъ способомъ нѣчто другое. Творчество явно отсутствуетъ и замѣняется тою бездарностью, на которую указалъОгаревъ. Этой правительственной бездарности, являющейся какъ бы своего рода исторической привилегіей нашего отечества, русскій народъ обязанъ рядомъ несчастій, благодаря которымъ его жизнь до нашихъ дней включительно никакъ не можетъ вступить въ широкое культурное русло, на которое онъ имѣетъ такое неотъемлемое право по своей природной даровитости и естественнымъ богатствамъ занимаемой имъ площади земли...

Открывая въ жизни Россіи эпоху реформъ, Александръ II не имѣлъ около себя выдающихся по уму, по энергіи и широтѣ государственнаго ума сотрудниковъ. Опытъ подысканія ихъ изъ общественной среды былъ кратковременъ, не былъ доведенъ до конца и скоро откинутъ. Люди, не связанные своимъ прошлымъ, своимъ соціальнымъ положеніемъ въ странѣ съ бюрократическою средою, очень скоро были этою средою затерты, устранены и замѣнены все тѣми же покорными сынами всесильной бюрократіи. Такъ, уступая происканъ придворныхъ и чиновныхъ сферъ, очень скоро послѣ 19-го февраля 1861 года изъятъ былъ Н. А. Милютинъ, въ лицѣ котораго многіе надѣялись видѣть будущаго министра внутреннихъ дѣлъ, а на авансцену жизни выдвинутъ сотрудникъ Муравьева, помогавшій ему въ борьбѣ съ либеральными вѣяніями въ области крестьянскаго вопроса—П. А. Валуевъ, типичный предста-

витель бюрократической системы, на котораго и возложена была задача творческаго порядка—проведенія въ жизнь и осуществленія на дѣлѣ положенія 19-го февраля. Кромѣ того, для наблюденія за правильностью осуществленія самой реформы, вмѣсто обращенія къ помѣстнымъ силамъ, на первый планъ по старой привычкѣ, унаслѣдованной отъ николаевскаго и предшествовавшихъ временъ, выдвигаются совершенно неосвѣдомленные въ вопросѣ разные флигель-адъютанты, роль которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказалась роковою: они не столько явились въ глазахъ темнаго населенія представителями царской власти, призывающей освобождаемыхъ отъ рабства съ Божьяго благословенія на новую жизнь, сколько карательнымъ орудіемъ, выдвинутымъ «обиженнымъ» дворянскимъ сословіемъ противъ своихъ еще вчерашнихъ рабовъ. Вершители милостивой царской воли были обращены въ палачей, брызнувшихъ на великій актъ свободы алой струей крови. Старый режимъ не хотѣлъ безъ мести уступать поле новому и поспѣшилъ на прощанье нанести жестокій ударъ его создателю. Это былъ трагическій моментъ въ жизни царя-Освободителя, опредѣлившій въ значительной мѣрѣ ходъ послѣдующихъ въ его печальной судьбѣ событій. Кровавымъ свѣтомъ освѣтили зарю новой жизни въ Россіи не либеральная, радикальная и революціонная интеллигенція, а тѣ, кто на словахъ изъявляли своему «обожаемому монарху» столько преданности, а на дѣлѣ сводили съ нимъ счеты за величайшее въ нашей исторіи его дѣяніе. Разстрѣлъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, пролитая ихъ кровь были сигналомъ къ выраженію правительству прямого недовѣрія со стороны наиболѣе страстныхъ представителей нашей общественности и побудили Огарева бросить въ лицо Александру II тяжкое оскорбленіе. Его именемъ придворная знать, бюрократія и дворянство покрыли свое кровавое дѣяніе и, сводя съ нимъ счеты по случаю нанесенной имъ якобы тяжкой обиды, выдали именно его головою крайнимъ общественнымъ элементамъ. Крайніе правые сошлись въ данномъ случаѣ съ крайними лѣвыми, и въ историческомъ отвѣтѣ за такой неестественный союзъ оказался именно тотъ, кто менѣе всего заслужилъ удары исторической Немезиды. Истинные виновники смутныхъ событій остались въ сторонѣ и общественная волна выкинула накипь мутной грязи именно на ступеньки царскаго престола...

Уже Герценъ въ № 100 «Колокола» повѣдалъ внѣшнія подробности о кровавомъ событіи въ с. Безднѣ, Казанской губ., гдѣ по приказанію уполномоченнаго въ Казани, свитскаго генералъ-майора Апраксина, войска безъ всякой надобности стрѣляли въ тысячную толпу крестьянъ, взбудораженныхъ освободительнымъ моментомъ и не умѣвшихъ истолковать истиннаго значенія данной имъ воли. Въ повѣствованіи корреспондентовъ Герцена истинное

смѣшано съ фантастическимъ, и пружины, приведшія въ движеніе Спасскій уѣздъ, остались не раскрытыми. Въ настоящее время, когда на страницахъ «Историческаго Вѣстника» напечатанъ въ высшей степени интересный очеркъ Ф. А. П—ва «Изъ воспоминаній 1859—1861 годовъ» [1]), вся безднинская исторія получаетъ настоящее освѣщеніе, событія и лица тѣхъ дней выступаютъ передъ нами во всѣхъ послѣдовательныхъ подробностяхъ и дѣйствовавшія тогда соціальныя силы выведены наружу.

Авторъ воспоминаній, служившій при казанскомъ губернаторѣ Козляниновѣ, своимъ строгимъ и справедливымъ выполненіемъ возлагаемыхъ на него порученій по разбирательству злоупотребленій помѣстныхъ помѣщиковъ своею властью надъ крѣпостными, возбудилъ противъ себя ненависть казанскаго дворянства. Послѣ объявленія воли, когда во многихъ деревняхъ обнаружились волненія крестьянъ по случаю того, что они не хотѣли болѣе ходить на барщину, продолженную еще на время «положеніемъ», Козляниновъ сталъ пользоваться услугами П—ва для улаженія инцидентовъ между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными мирнымъ путемъ, чего тотъ легко и достигалъ. Но вотъ разыгрался «бунтъ» въ Спасскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бывшаго попечителя Мусина-Пушкина, при чемъ самое движеніе крестьянъ приняло нѣсколько особый характеръ съ элементомъ здѣсь исторической легендарности. Какъ выяснилось впослѣдствіи изъ дознанія, произведеннаго все тѣмъ же Половцовымъ [2]), въ безднинскомъ эпизодѣ не только не было никакого предумышленія, но даже не было и бунта, а произошла лишь столь знакомая, родная общая безтолковщина. Суть показаній свелась къ слѣдующему: «При объявленіи манифеста 19-го февраля были во всѣ помѣщичьи деревни развезены экземпляры положенія объ освобожденіи крестьянъ. Положеніе это составляло толстую сброшюрованную книгу большого формата; что было написано въ этой книгѣ, очевидно, никто изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ понять не могъ, грамотныхъ тогда между ними не было вовсе, не существовало ни волостныхъ правленій, ни сельскихъ училищъ, а потому совершенно некому было читать привезенную книгу, имѣвшую форму толстаго огромнаго кирпича, и лежалъ этотъ кирпичъ безъ всякаго движенія тамъ, куда онъ привезшимъ его чиномъ отданъ былъ. Были нѣкоторые мужики въ церкви, гдѣ священникъ объявилъ волю, но и въ церкви мужики поняли немного, да и читалъ священникъ царскій манифестъ, а не положеніе. Пришли изъ сосѣдней Бездны вѣсти, что тамъ грамотный мужикъ Антонъ Петровъ разобралъ положеніе и въ немъ волю отыскалъ; торопливо отправились въ Бездну по нѣсколько крестьянъ изъ

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., кн. 10 и 11.
[2]) Авторъ воспоминаній.

всѣхъ деревень, куда дошелъ слухъ о безднинскомъ чтецѣ, взяли съ собою привезенныя имъ книги положенія и книги эти представили Антону Петрову, который въ книгахъ этихъ долго разбирался, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ волю находилъ, а въ нѣкоторыхъ не находилъ; тѣ, въ чьихъ книгахъ была воля, уѣзжали радостные, тѣ, у кого воли не было, плакали и рыдали». Наличность воли и отсутствіе ея опредѣлялись, по словамъ Половцова, такъ: Антонъ Петровъ открывалъ положеніе о крестьянахъ, которое держалъ въ рукахъ, и показывалъ «отдѣлъ правилъ о порядкѣ приведенія въ исполненіе положенія, въ которомъ объясненъ былъ способъ составленія уставныхъ грамотъ», и гдѣ сказано было, что въ грамотѣ должно быть объяснено: названіе деревни, имя владѣльца, число душъ по десятой ревизіи съ указаніемъ тѣхъ, которыя были послѣ этой ревизіи отпущены на волю. Вотъ послѣднимъ-то тремъ словамъ безграмотный и полуюродивый Петровъ и придалъ совсѣмъ особенное толкованіе: онъ утверждалъ среди своихъ слушателей, что уже послѣ десятой ревизіи, т. е. въ 1858 г., всѣ помѣщичьи крестьяне отпущены на волю, но господа въ согласіи съ мѣстными властями эту настоящую царскую волю спрятали. Будучи полуграмотнымъ, онъ не во всѣхъ грамотахъ находилъ эти рѣшающія слова, отсюда и проистекало его рѣшеніе, что одни по новому акту нынѣ получаютъ свободу, а другіе—нѣтъ, однимъ—счастіе и правда, а другимъ—горе и неволя. Рѣчи безтолковаго и неграмотнаго мужика падали на благопріятную почву, утучненную стародавнею историческою надеждою на волю и землю; отсюда волненія среди крестьянъ, ихъ тревожное настроеніе и легенды о царскихъ золотыхъ грамотахъ, спрятанныхъ попами и помѣщиками, ожиданіе царскихъ пословъ, которые должны разрушить козни враговъ народа, и осуществленіе черезъ царя истинной правды на землѣ. По обычаю русской жизни мѣстная власть растерялась, постаралась раздуть броженіе крестьянъ, не принимавшее, однако, никакого угрожающаго характера, въ явленіе грознаго бунта. А тутъ еще изъ Петербурга прикатилъ царскій посланецъ, не имѣвшій никакого понятія объ условіяхъ бытовой дѣйствительности и... совершилось нѣчто грозное и ужасное. Нелѣпый Петровъ былъ обращенъ въ Пугачева, а темные мужики, сокрушавшіеся о волѣ, въ преступныхъ бунтовщиковъ, готовыхъ обратить дворянскую собственность въ груду пепла и камней. Помѣщики моментомъ воспользовались: Апраксина въ казанскомъ клубѣ накачали шампанскимъ и нелѣпыми измышленіями, убѣдили отстранить отъ дѣла умѣвшаго по-хорошему говорить съ мужиками Половцова, а самому взять въ руки усмиреніе взбунтовавшейся сельской черни, «не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не считая потерь, сколько бы ихъ не было». Апраксинъ выполнилъ волю казанскаго дворянства, явился съ вооруженною силою въ Бездну,

велъ себя глупо, безтолково, жестоко, и кровь полилась: убитыхъ оказалось на мѣстѣ 71 и раненыхъ 115 (зарегистрированныхъ) человѣкъ. Великій актъ 19-го февраля былъ смоченъ кровью, брызги которой съ береговъ Волги долетѣли до Невы, вселяя всюду ужасъ, озлобленіе и негодованіе. Казанское дворянство отслужило кровавую панихиду по своей рабовладѣльческой привилегіи, а крестьяне вмѣсто святой воды и крестнаго знаменія крестились пулями на новую жизнь и на «свободный трудъ».

Въ с. Безднѣ имѣлъ мѣсто типичный случай, но и въ прочихъ мѣстностяхъ многія неясности положенія, а главное на два года сохраненный, хотя и облегченный, экономическій status quo послужили поводами къ темныхъ броженіямъ и проявленіямъ взбудораженной народной мысли, не могшей самостоятельно разобраться въ обстоятельствахъ времени и своего новаго состоянія. Касаясь тѣхъ невеселыхъ дней въ жизни крестьянства, г. Петръ Масловъ въ книгѣ «Аграрный вопросъ въ Россіи» говоритъ [1]): «По обнародованіи манифеста экземпляры его были разосланы по всѣмъ концамъ Россіи. Вмѣстѣ съ манифестомъ разосланы были крестьянскія «положенія», но, по не возможности (!!) напечатать ихъ въ достаточномъ количествѣ, они не могли быть прочтены всѣмъ крестьянамъ одновременно съ манифестомъ. Такимъ образомъ, правительство мѣстами само вызвало недоразумѣнія съ крестьянами, которые, по прочтеніи манифеста, могли ожидать настоящей «воли», а не новой формы «обязательныхъ» отношеній къ помѣщикамъ и не отрѣзки земли въ пользу послѣднихъ... Въ мѣстахъ волненія были «подавлены безъ кровопролитія (если не считать кровопролитій при сѣченіи крестьянъ), въ другихъ случаяхъ военною силою», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣщаніями предводителей дворянства, на которыхъ были возложены мировыя обязанности впредь до назначенія мировыхъ посредниковъ. Волненія крестьянъ въ эту эпоху носили скорѣе пассивный характеръ. Они, напримѣръ, «упорно» не хотѣли выбирать старшинъ для образованія сельскаго управленія, въ другомъ мѣстѣ они «упорно» настаиваютъ на выборѣ старшинъ, заявляя, что прежнихъ не будутъ слушать. И то и другое принималось, какъ бунтъ».

Крестьянскія волненія вызвали циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева,—о которомъ уже упоминалось въ отзывѣ Огарева,—гдѣ говорилось: «Изъ доходящихъ... свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ во многихъ мѣстахъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя

[1]) Петръ Масловъ, «Аграрный вопросъ въ Россіи», т. II, «Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе». Спб. 1908.

надежды. Они ожидаютъ такъ называемой ими новой воли, съ объявленіемъ которой по истеченіи двухъ лѣтъ они получатъ будто бы какія-то новыя льготы, въ положеніи 19-го февраля не указанныя и отъ пользованія коими будто бы будутъ устранены крестьяне, заключавшіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ... лично разъяснять (старшинамъ) сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ... что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана».

За этимъ циркуляромъ послѣдовалъ другой, гдѣ было сказано, что въ виду того, что крестьяне смотрятъ на (издѣльную) повинность, какъ на исключительную принадлежность крѣпостного состоянія, то надлежитъ имъ разъяснять, «что, какъ издѣльная повинность или такъ называемая по установшемуся обычаю «барщина», такъ и оброки признаются за вознагражденіе въ пользу помѣщика».

«Въ большинствѣ случаевъ крестьяне не видѣли и не понимали опасныхъ для нихъ сторонъ крѣпостной реформы. Выражая протестъ противъ барщины, они соглашались во многихъ мѣстахъ принимать дарственные надѣлы, чтобы не платить за нихъ. Помѣщики, напротивъ, прекрасно понимали свои выгоды, и надѣленіе крестьянъ произошло... такъ, какъ было выгодно помѣщикамъ. Въ нечерноземномъ районѣ, гдѣ земля была малоцѣнной, а оброки высоки, крестьяне получили больше земли, между тѣмъ какъ въ черноземномъ районѣ, гдѣ оброкъ былъ ниже, многіе крестьяне получили дарственные надѣлы, такъ какъ земля представляла большую цѣнность, чѣмъ капитализированный оброкъ. Помѣщики прибѣгали ко всякимъ пріемамъ, чтобы ликвидировать крѣпостное право на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Употребляли или «волчій зубъ, или лисій хвостъ»... Тамъ, гдѣ не помогала «ласка», помогали угрозы. Многіе помѣщики, чтобы сократить крестьянскіе надѣлы тамъ, гдѣ земли были плодородны, какъ только стало извѣстно о предстоящей реформѣ, старались обезземелить крестьянъ, другіе прибѣгали и къ другимъ пріемамъ... При подобномъ характерѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній неудивительно, что крестьяне получали овраги и другія невыгодныя земли, неудивительно также, что крестьяскіе «бунты» происходили почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ приходилось ликвидировать крѣпостныя отношенія»

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Маслова, «крестьянскія волненія при отмѣнѣ крѣпостного права имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ до отмѣны крѣпостного права и чѣмъ волненія 1905—1907 годовъ. Крестьяне пытались по возможности больше взять отъ крѣпостной реформы и наталкивались на сопротивленіе властей и помѣщиковъ. Но эти волненія не были результатомъ

рѣзкаго противорѣчія, которое образовалось къ концу крѣпостного права между существовавшими правовыми отношеніями и слагавшимся новымъ хозяйственнымъ строемъ.

«Крестьяне еще не были приведены въ то тяжелое положеніе, къ которому привело дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства къ началу текущаго столѣтія. У нихъ не было безвыходнаго положенія, при которомъ никакія увѣщанія не могутъ помочь, хотя они предчувствовали, повидимому, тяжелыя послѣдствія отъ создавшихся, при отмѣнѣ крѣпостного права, условій. Все-таки отмѣна крѣпостного права давала имъ относительную свободу и, подчиняясь силѣ, крестьянство на нѣсколько десятилѣтій наружно успокоилось... Въ глубинѣ народной жизни происходилъ переломъ народнаго міросозерцанія, народная мысль упорно работала въ поискахъ за выходомъ изъ тяжелыхъ условій, но активныхъ проявленій крестьянскаго движенія не было вплоть до половины восьмидесятыхъ годовъ.

«Разница положенія, въ которомъ находились крестьяне до и послѣ отмѣны крѣпостного права, отразилась, слѣдовательно, на крестьянскомъ движеніи такимъ образомъ. До отмѣны крѣпостного права, хотя не происходило одновременно такого широкаго крестьянскаго движенія, какъ послѣ реформы 61 года, но движеніе изъ года въ годъ возобновлялось то тамъ, то здѣсь въ теченіе десятилѣтій. Послѣ отмѣны крѣпостного права широкое крестьянское движеніе черезъ два-три года сравнительно съ періодомъ 61—63 гг. стихло и успокоилось на четыре десятилѣтія, проявляясь только изрѣдка въ видѣ конфликтовъ изъ-за притѣсненій отдѣльныхъ помѣщиковъ. Только въ теченіе слѣдующихъ четырехъ десятилѣтій назрѣлъ кризисъ крестьянскаго продовольственнаго хозяйства. Этотъ кризисъ снова толкнулъ крестьянъ на упорную борьбу за улучшеніе своего положенія».

III.

Статья изъ № 102 «Колокола» за 1861 г.: «Что нужно народу?»—Первая революціонная программа, какъ прообразъ подпольной литературы.—Политическая программа К. С. Аксакова.—Идея земскаго собора.

Казанскія кровавыя событія были тою искрою, которая зажгла рѣчь Герцена, Огарева, Чернышевскаго. Эти же событія дали толчокъ и той литературѣ, которая именно съ 1861 года начала обильно нарождаться и проникать въ народъ подъ видомъ разныхъ летучихъ листковъ и беллетристическихъ произведеній, написанныхъ съ поддѣлкою подъ народную рѣчь, въ цѣляхъ агитаціонныхъ и революціонныхъ. Предвѣстникомъ такого рода литературы явилась передовая статья «Колокола» отъ 1-го іюля 1861 года.

Здѣсь въ первый разъ отчетливо намѣчена политическая программа практическаго характера въ цѣляхъ неуклоннаго ей слѣдованія и ея выполненія самимъ народомъ, при чемъ ея языкъ приноровленъ къ пониманію широкихъ массъ. Эта статья значительно разнится и по своей внѣшности, формѣ изложенія, манерѣ говорить отъ всего прочаго, что въ томъ же родѣ говорилось патентованными публицистами, обращавшимися преимущественно къ литературно и политически подготовленной аудиторіи. Поэтому, разсматривая ее, какъ первый образецъ русскихъ прокламацій второй половины XIX столѣтія, приведемъ изъ нея необходимыя выдержки. Статья озаглавлена «Что нужно народу» [1]) и сразу начинается отвѣтомъ: «Очень просто, народу нужна земля да воля. Безъ земли народу жить нельзя, да безъ земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу... Народъ съ поконъ вѣковъ на самомъ дѣлѣ владѣлъ землею, на самомъ дѣлѣ лилъ за землю потъ и кровь, а приказные на бумагѣ чернилами отписывали эту землю помѣщикамъ да въ царскую казну. Вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю, и хотѣли увѣрить, что это и есть законъ, это и есть божеская правда. Однако никого не увѣрили. Плетьми народъ сѣкли, пулями стрѣляли, въ каторгу ссылали, чтобы народъ повиновался приказному строю. Народъ замолчалъ, а все не повѣрилъ. И изъ неправаго дѣла все же не вышло дѣла праваго. Притѣсненіями народъ и государство разорили». Но вотъ подъ давленіемъ необходимости объявили волю. Народъ повѣрилъ, обрадовался и сталъ молиться. Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу положенія, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагѣ, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помѣщику попрежнему; хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственныя деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе, гдѣ помѣщикъ будетъ сѣчь черезъ начальство, гдѣ судъ будетъ творить начальство, гдѣ все перепутано такъ, что если бъ въ этихъ царскихъ положеніяхъ и нашлась какая-нибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственнымъ крестьянамъ попрежнему ихъ горькую судьбу оставили, и землей и народомъ оставили владѣть все тѣхъ же чиновниковъ а хочешь на волю, такъ выкупай свою землю. Слушаетъ народъ, что ему толкуютъ генералы и чиновники про волю, и понять не можетъ—какая это воля безъ земли подъ помѣщичьими и чинов-

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 102.

ничьими розгами. Вѣрить не хочетъ народъ, чтобы его такъ безчестно обманули. Быть, говоритъ, не можетъ, чтобы царь своимъ словомъ четыре года ласкалъ насъ свободой, а теперь на дѣлѣ подарилъ бы прежней барщиной и оброками, прежними розгами и побоями.

«Хорошо кто не повѣрилъ, да смолчалъ; а кто не повѣрилъ, да сталъ тужить по несбывшейся волѣ, тѣхъ пришли вразумлять плетьми, штыками да пулями. И полилась по Руси безвинная кровь. Вмѣсто молитвъ за царя, раздались стоны мучениковъ, падающихъ подъ плетьми и пулями да изнемогающихъ подъ желѣзами на сибирской дорогѣ.

«Такъ-то опять плетьми да каторгой хотятъ заставить народъ вѣрить, что новый законъ есть божеская правда».

«...Нѣтъ! двоедушничать съ народомъ и обманывать его—безчестно и преступно. Торговать землей и волей народа не то же ли, что Іудѣ торговать Христомъ. Нѣтъ, дѣло народа должно быть рѣшено безъ торга, по совѣсти, по правдѣ. Рѣшеніе должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы слова рѣшенія, разъ произнесенныя, ни царь, ни помѣщики перетолковывать не могли. Чтобы ради глупыхъ, безтолковыхъ, измѣнническихъ словъ не лилось неповинной крови. Что нужно народу? Земля, воля, образованіе».

Но какъ ихъ получить и что для того надо дѣлать?

На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ обширной программой, которая слагается изъ слѣдующихъ положеній:

«1) Объявить, что всѣ крестьяне свободные съ тою землею, которою теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, напримѣръ, у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дать участки изъ земель государственныхъ, т. е. народныхъ, никѣмъ еще не занятыхъ. У кого изъ помѣщичьихъ крестьянъ земли не въ достачу, тѣмъ прирѣзать земли отъ помѣщиковъ или дать земли на выселокъ, такъ чтобы ни одинъ крестьянинъ безъ достаточнаго количества земли не остался. Землей владѣть крестьянамъ сообща, т. е. общинами. А когда въ какой общинѣ народится слишкомъ много народу, такъ что тѣсно станетъ, дать такой общинѣ для крестьянъ сколько нужно земли на выселокъ изъ пустопорожнихъ удобныхъ земель. Въ тысячу лѣтъ русскій народъ заселилъ и завоевалъ земли столько, что ему ея на многіе вѣка хватитъ. Знай плодись, а въ землѣ отказа быть не можетъ...

2) Какъ весь народъ будетъ владѣть общей народной землей, такъ, значитъ, весь народъ за пользованіе этой землей будетъ платить и подать на общія народныя нужды, въ общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденныхъ съ землей крестьянъ обложить такою же податью, какую нынѣ платятъ государствен-

ные крестьяне, но не болѣе. Подати тѣ взносить крестьянамъ сообща, за круговою порукою, чтобы крестьяне каждой общины отвѣчали другъ за друга.

3) Хотя помѣщики триста лѣтъ и владѣли неправо землей, однако народъ ихъ обижать не хочетъ. Пусть имъ казначейство выдаетъ ежегодно, въ пособіе или вознагражденіе, сколько нужно, примѣрно хоть шестьдесятъ мильоновъ въ годъ изъ общихъ государственныхъ податей [1]). Лишь бы народу осталась вся земля, которую онъ теперь на себя пашетъ... да лишь бы подати ни въ какомъ случаѣ не повышали, а то народъ на отсчитываніе вознагражденія помѣщикамъ изъ податей согласенъ. А сколько кому изъ отсчитываемыхъ на это изъ податей денегъ приходится, помѣщики сами промежъ себя по губерніямъ согласиться могутъ. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали...

4) Если... подати до полныхъ 60 мильоновъ, слѣдующихъ помѣщикахъ, и не хватитъ, то для покрытія недостатка все-таки никакихъ лишнихъ податей требовать не надо. А потому войско слѣдуетъ сократить на половину... Теперь на войско и на флотъ тратится сто двадцать мильоновъ. а все безъ толку. Съ народа собираютъ на войско денегъ кучу, а до солдата мало доходитъ. Изъ ста двадцати мильоновъ сорокъ милліоновъ идетъ на однихъ только военныхъ чиновниковъ, которые еще, кромѣ того, сами знатно казну разворовываютъ...

5) И собственные расходы царскаго правительства надо сократить...

6) Избавить народъ отъ чиновниковъ. Для этого надо, чтобъ крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными. Сельскихъ и волостныхъ старшинъ опредѣляли бы своимъ выборомъ и отрѣшили бы своимъ судомъ. Между собой судились бы своимъ третейскимъ судомъ или на міру. Сельскую и волостную полицію справляли бы сами своими выборными людьми. И чтобъ во все это, равно какъ и въ то, кто какою работою или торговлей и промысломъ занимается, отнынѣ ни одинъ помѣщикъ или чиновникъ не вмѣшивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это отвѣчаетъ круговая порука, Для легкости же круговой поруки крестьяне каждой общины промежъ себя сдѣлаютъ складчину, т. е. составятъ мірскіе капиталы... Общественный капиталъ и хозяйству сельскому поможетъ, да и отъ чиновниковъ спасетъ, такъ какъ при исправномъ платежѣ податей ни одинъ чиновникъ никого и притѣснять не можетъ...

---

[1]) Авторъ статьи дѣлаетъ финансовый подсчетъ такого рода операціи и опредѣляетъ, что черезъ 37 лѣтъ помѣщикамъ все слѣдуемое имъ будетъ выплачено и изъ народныхъ податей на эту статью государственнаго бюджета ничего не пойдетъ. Б. Г.

7) А для того, чтобъ народъ, получивъ землю и волю, сохранилъ бы ихъ на вѣчныя времена, для того, чтобы царь не облагалъ произвольно народъ тяжкими податями и повинностями, недержалъ бы на народныя деньги лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ, которые давили бы народъ, для того... надо, чтобъ подати и повинности опредѣлялъ бы и раскидывалъ промежъ себя самъ народъ чрезъ своихъ выборныхъ. Въ каждой волости выборные отъ селъ рѣшатъ промежъ себя, сколько надо собрать съ своего народа денегъ на общія нужды волости, и выберутъ промежъ себя довѣреннаго человѣка, котораго пошлютъ въ уѣздъ, чтобъ вмѣстѣ съ выборными отъ другихъ волостей и землевладѣльцевъ и городскихъ обывателей рѣшить, какія нужны подати и повинности по уѣзду. Эти выборные на уѣздномъ сходѣ выберутъ промежъ себя довѣренныхъ людей и пошлютъ ихъ въ губернскіе города, чтобы рѣшить, какія народу принять повинности по губерніи. Наконецъ выборные отъ губерній съѣдутся въ столицу къ царю и порѣшатъ, какія народу принять повинности и какія подати должны быть отбываемы народомъ для нуждъ государственныхъ, т. е. общихъ для всего русскаго народа. Довѣренные отъ народа люди не дадутъ народа въ обиду, не позволятъ брать съ народа лишнихъ денегъ, а безъ лишнихъ денегъ не изъ чего будетъ содержать и лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ. Народъ, значитъ, будетъ жить счастливо, безъ притѣсненій.

«Довѣренные люди рѣшатъ, сколько податей платить народу и какъ платить ихъ, чтобы никому не было обидно. Какъ соберутся выборные да столкуются, имъ ужъ можно будетъ порѣшить, чтобы подати платить не съ души, а съ земли. У какой общины земли болѣе, да земли получше, той, значитъ, и платить податей придется болѣе; а кто землей бѣднѣе—тѣ и платить будутъ менѣе. Тутъ и помѣщики съ своей земли платить будутъ. Значитъ, дѣло будетъ справедливое и для народа льготное. Довѣренные же рѣшатъ, какъ по справедливости отбывать рекрутскую повинность; какъ по справедливости отбывать дорожную, постойную и подводную повинности; оцѣнятъ ихъ деньгами и разложатъ по всему народу безобидно. Разочтутъ всякую народную копейку, на какое именно дѣло ей итти; сколько денегъ на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народныя, сколько на дороги. И что рѣшатъ, то и будетъ. Какъ придетъ годъ, такъ въ каждой копейкѣ подай отчетъ народу—куда она истрачена. Вотъ тогда только народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать. Вотъ, что нужно народу, безъ чего онъ жить не можетъ».

Такова въ статьѣ программа новаго государственнаго строительства и народнаго хозяйства, программа, какъ видятъ читатели, построенная на принципѣ народнаго представительства съ сохраненіемъ въ Россіи начала царской власти и съ широкимъ развп-

тіемъ въ ея низахъ соціалистическихъ принциповъ общности народнаго хозяйства. Послѣ программъ, выдвинутыхъ въ свое время декабристами, это первая политическая программа, приноровленная къ реальнымъ требованіямъ жизни, безъ наличія въ ней теоретическихъ построеній и выводовъ, но цѣликомъ приложенная къ запросамъ современной отечественной дѣйствительности, въ интересѣ ея предстоящаго обновленія. Рядомъ съ такой постановкой дѣла тутъ же намѣчено, черезъ чье посредство и какимъ образомъ слѣдуетъ добиваться осуществленія этой программы.

До послѣдняго момента, сказано здѣсь, всѣ надежды возлагались на царя, который долженъ и могъ бы осуществить великую народную волю. Но разстрѣлъ крестьянъ показалъ, что онъ не другъ, а врагъ народа. Этихъ настоящихъ преданныхъ друзей слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ. «Пуще всего надо народу сближаться съ войскомъ. И отецъ ли, мать ли снаряжаетъ сына въ рекруты—не забывай народной воли, бери съ сына клятву, что по народу стрѣлять не будетъ, не будетъ убійцей отцовъ, матерей и сестеръ кровныхъ, кто бы ни далъ приказъ стрѣлять, хотя бы самъ царь... Затѣмъ ищи себѣ друзей и повыше. Когда найдется офицеръ, который научитъ солдатъ, что стрѣлять по народу грѣхъ смертный, знай народъ, что это другъ его, который стоитъ за землю мірскую да за волю народную.

«Найдется ли помѣщикъ, который тотчасъ отпуститъ крестьянъ на волю со всей ихъ землею самымъ льготнымъ образомъ и ни въ чемъ ихъ не обидитъ, а во всемъ поможетъ; найдется ли купецъ, который не пожалѣетъ своихъ рублей на освобожденіе, найдется ли такой человѣкъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ, и учился, и писалъ, и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мірскую да волю народную: знай народъ—это все друзья его.

«Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пули въ разбивку нечего; а надо молча сбираться съ силами и искать людей преданныхъ, которые помогли бы совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ, и дѣломъ, и казной, и жизнью, чтобъ можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять противъ царя и вельможъ землю мірскую, волю народную да правду человѣческую».

Таковы живые факторы предстоящей борьбы народа съ правительствомъ за волю и землю; среди нихъ, какъ мы видимъ, главная роль отводится войску, только съ устраненіемъ котораго изъ кровавой драмы народу возможно достигнуть желаемой ему цѣли. Въ этомъ положеніи мы видимъ нѣчто совершенно новое, что прежнимъ борцамъ за конституцію, въ лицѣ декабристовъ, не приходило въ голову и что даже совершенно противорѣчило ихъ плану дѣйствій. Тамъ все полагалось въ активной силѣ войска, здѣсь—въ его пассивномъ отношеніи къ имѣющимъ развернуться

событіямъ. Мысль, проведенная въ программѣ, ясна и практична: режимъ держится и отстаивается войскомъ; устраните послѣднее, обопритесь на благожелательные народу элементы, гдѣ, повидимому, передовой интеллигенціи отводится видная роль,—и побѣда обезпечена.

На царя нѣтъ надежды—таково тоже основное и, пожалуй, въ нѣкоторомъ родѣ кардинальное положеніе статьи. Онъ не творитъ воли народной, онъ врагъ народа, потому что приказываетъ стрѣлять въ народъ, проливаетъ его кровь. Трагическія событія въ Казанской губерніи и въ другихъ мѣстахъ Россіи дали сильное оружіе въ руки враговъ существующаго бюрократическаго режима, причемъ прямымъ виновникомъ этихъ событій выставляется именно царь, съ священнымъ званіемъ котораго связывались съ исконныхъ временъ у народа понятія о высшей правдѣ, милости и добрѣ. Мы знаемъ теперь истинныхъ виновниковъ этихъ кровавыхъ событій. Дворянство и титулованная бюрократія, въ самый трудный моментъ жизни Александра II, когда ему предстояло стать на недосягаемую историческую высоту, и когда его всѣми средствами слѣдовало оберегать, искусственно навели на него въ глазахъ народа кровавый свѣтъ, чѣмъ и не преминула воспользоваться политическая агитація, громко воскликнувшая: вотъ онъ, врагъ народа, отступитесь отъ него!

Страшное слово было произнесено, и трагическій конецъ царя-Освободителя былъ намѣченъ.

Страстныя и негодующія рѣчи Герцена и Огарева падали на благопріятную почву: общественныя силы изъ мертвеннаго состоянія въ николаевскую эпоху пришли уже въ сильное броженіе за періодъ времени 1855—1860 года, а къ началу 1861 года, открывшемуся знаменательнымъ событіемъ освобожденія крестьянъ, они находились въ фазѣ открытаго кипѣнія, долженствующаго рано или поздно реализоваться моментами активной оппозиціи существующему порядку вещей и правительственному курсу. И тѣмъ болѣе, что послѣдній все менѣе и менѣе отвѣтствовалъ еще недавнимъ ожиданіямъ, вспыхнувшимъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Крестьянская реформа, неумѣло проведенная, съ значительными уступками въ пользу былого рабовладѣльческаго сословія, корыстно обидѣла однихъ, не удовлетворила другихъ и обозлила третьихъ. Самое крестьянство, довольное и счастливое пришедшей къ нему свободой личности, оставалось, однако, въ состояніи нѣкотораго недоумѣнія и смутнаго еще сознанія, что изъ кабалы соціальной оно, съ наступленіемъ эпохи воли, неминуемо попадаетъ въ еще, пожалуй, болѣе тяжкую кабалу—кабалу экономическую, которая въ самомъ недалекомъ будущемъ должна привести его жизнь въ полное разстройство и упадокъ, вслѣдъ за чѣмъ естественно имѣетъ наступить въ качествѣ неизбѣжной и логической послѣдовательности, оску-

дѣніе п всей Россіи. Вслѣдъ за великимъ актомъ 19 февраля 1861 г., явившимся результатомъ личной воли царя и работы общественныхъ элементовъ, долженъ бы былъ наступить періодъ широкаго административнаго и государственнаго творчества съ характеромъ радикальнаго преобразованія всѣхъ основъ управленія. Требовался большой государственный размахъ, требовалось привлеченіе всѣхъ общественныхъ элементовъ къ совмѣстной творческой работѣ, дабы, въ увлеченіи историческимъ моментомъ, эти элементы лишены были почвы для какой-либо оппозиціонной и антиправительственной дѣятельности. Нужно было смѣлое и открытое принятіе одной изъ выработанныхъ предыдущими годами программъ—или славянофильской съ ея земско-народными принципами соборности, или западнической, если не ясно еще въ тѣ дни формулированной въ деталяхъ, то намѣченной еще въ конституціонныхъ программахъ декабристовъ. Въ своей извѣстной запискѣ, поданной Александру II при восшествіи на престолъ, Константинъ Аксаковъ, какъ бы предвидя тѣ черные дни, которые неминуемо скоро наступятъ въ нашемъ отечествѣ, такъ формулировалъ историческую задачу момента [1]):

1. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

2. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

3. Взамѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

4. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

5. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это мнѣніе (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

6. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

7. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно, при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

8. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

9. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала), но

[1]) «Русь», 1881 г., изд. И. С. Аксакова.

были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и, общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не на-

К. С. Аксаковъ.

ходя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо тотъ и другой гибельны, одинъ въ матеріальномъ и нравственномъ, другой—въ одномъ нравственномъ отношеніи.

10. Итакъ, нарушеніе со стороны правительства русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

11. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

12. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію,—оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ

истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства,—оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная—свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный, существенно-жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

13. Но какъ же это привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

14. Итакъ, свобода слова: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльна, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

15. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали въ важныхъ случаяхъ общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того земскіе соборы, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе только мнѣнія, которое государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго... вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ, практическое указаніе: что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ внѣшнее его состояніе.

Именно:

Полная свобода слова устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и земскій соборъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣніе страны.

Внутренній общій союзъ жизни... до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: въ настоящую минуту, т. е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе—вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа земскій соборъ.

Эта записка была подана Александру II въ 1855 г. и, помимо своего назначенія—опредѣленнаго политическаго profession de foi, высказаннаго въ видѣ желаемой программы для основъ новаго государственнаго строительства, она являлась шагомъ предупрежденія и голосомъ предсказанія того, что дѣйствительно получило свое осуществленіе въ русской жизни. Западническая фракція, въ

лицѣ Герцена, на первыхъ порахъ новаго царствованія, устранилась отъ указаній и требованій политическаго характера и сосредоточила всю силу нападокъ и убѣжденій на вопросахъ этико-соціальнаго порядка, имѣя прежде и прежде всего въ виду крѣпостной вопросъ. Мы видѣли, какъ развернулись событія: программа общелиберальная (безъ различія ея политическихъ оттѣнковъ) была правительствомъ до извѣстной степени усвоена и въ извѣстныхъ ея частяхъ принята къ исполненію, но не въ цѣляхъ радикальнаго обновленія всего отечественнаго строя, а въ интересахъ постепеннаго залечиванія тѣхъ ранъ, которыя уже слишкомъ явно бросались въ глаза и давали себя болѣзненно чувствовать. Объ органическомъ обновленіи всего государственнаго механизма не было поставлено и вопроса, и прочность и цѣлесообразность существующаго порядка вещей не вызывали никакого сомнѣнія. Признана была только необходимость нѣкоторой замѣны однѣхъ служилыхъ рукъ другими, причемъ и эти-то послѣднія руки должны были быть привлечены не изъ общественныхъ сферъ и классовъ, а все изъ той же испытанной бюрократической среды. Что касается частичнаго осуществленія либеральной программы, почти цѣликомъ вышедшей изъ западническаго лагеря, то и въ этомъ отношеніи правительство не считало нужнымъ торопиться и еще менѣе дѣлиться своими намѣреніями по сему предмету съ взволнованными и нетерпѣливыми элементами общественности. Все замышлялось, намѣчалось и творилось въ тиши бюрократическихъ канцелярій, и только въ 1862 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, по указанію государственной канцеляріи, счелъ необходимымъ оповѣстить населеніе въ основанной имъ къ тому времени оффиціозной газетѣ «Сѣверная Почта» о намѣчаемой къ осуществленію правительственной программѣ реформъ. Но это случилось лишь въ 1862 г., чреватый же послѣдствіями 1861 г. оставался совершенно не освѣщеннымъ административнымъ фонаремъ, а именно въ этотъ періодъ и окрѣпла, развернулась и фактически начала выполняться та сторона опасности, на которую пророчески указалъ вождь славянофильства.

Тотъ земскій соборъ, который въ туманномъ абрисѣ и общихъ чертахъ выставлялъ Аксаковъ, какъ средство врачеванья всѣхъ нашихъ историческихъ недуговъ, не могъ привлечь къ себѣ благосклоннаго вниманія полунѣмецкаго нашего правительства, не умѣвшаго распознать его идейнаго смысла и приписывавшаго ему значеніе конституціоннаго порядка, гдѣ, во-первыхъ, кладется предѣлъ бюрократическому произволу и, во-вторыхъ, заключается ограниченіе верховныхъ правъ самодержца. Пожалуй, о послѣднемъ, въ связи съ тѣми теченіями, которыя выяснились среди дворянскихъ организацій въ 1862 г., заботы было менѣе, но первое преисполняло сердца страхомъ, а потому, какъ и въ предыдущую эпоху, мы наблю-

даемъ слишкомъ явное нерасположеніе и предубѣжденіе къ славянофиламъ, несмотря на вѣрноподданнѣйшій характеръ исповѣданія ихъ политической вѣры. А вмѣстѣ съ тѣмъ теперь, на протяженіи полувѣка, мы должны признать, что никто изъ представителей нашей общественности не попадалъ въ тѣ дни такъ мѣтко и дальновидно въ цѣль, какъ Константинъ Аксаковъ. Сдѣлай дѣйствительно правительство Александра II попытку созыва народныхъ представителей въ моментъ освобожденія крестьянъ или сейчасъ вслѣдъ за нимъ, объяви даже только свое намѣреніе въ этомъ отношеніи во всеуслышаніе, и лѣтопись отечественной жизни, можно навѣрное сказать, освободилась бы отъ печальныхъ страницъ, гдѣ обозначены нынѣ и каракозовскій выстрѣлъ 1866 г., и 1-е марта 1881 года, и многочисленныя кровавыя событія, которыми была такъ полна наша дальнѣйшая историческая жизнь. Но голосъ великаго патріота услышанъ не былъ, и событія развернулись именно въ той послѣдовательности, неминуемость которой онъ предсказалъ: «впереди... деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искорененіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь». Правительство, давъ свободу крестьянамъ, не дало никакой свободы обществу, и послѣднее бросилось на добываніе ея насильственнымъ путемъ, опредѣлило, частью косвенно, частью непосредственно, революціонные методы борьбы и къ исходу 1905 года поставило опредѣленное требованіе конституціи, на каковое требованіе правительство и отвѣтило актомъ 17 октября 1905 года со всѣми вытекающими изъ него нынѣ послѣдствіями. Весь ходъ этихъ событій и промежуточныхъ историческихъ моментовъ могъ быть легко предупрежденъ, но, повторяемъ, для того требовалось наличіе крупнаго государственнаго творчества, широкаго политическаго размаха, а ихъ-то у окружающихъ Александра II лицъ совершенно не хватало. У самого же Царя-Освободителя хватило энергіи лишь на смѣлый подъемъ крѣпостного вопроса, а послѣдующія реформы протекли при уже нѣсколько вяломъ и усталомъ его настроеніи. Онъ какъ бы разочаровался въ русскомъ обществѣ, въ русской жизни, а тутъ наступили, быстро слѣдуя другъ за другомъ, трагическіе моменты его личной жизни. Государь сдѣлался объектомъ самой страшной травли, которую когда-либо видѣла исторія вѣнценосцевъ, когда каждый день его жизни дышалъ на него ужасомъ кровавой смерти, когда на очередь гибели была поставлена не только личность его самого, но его семьи, его сотрудниковъ, его близкихъ. И прелюдія къ этому ужасному наступившему въ русской жизни историческому періоду начала разыгрываться именно въ 1861 г., почти вслѣдъ за обнародо-

ваніемъ акта 19 февраля и раздавшимися въ Казанской губ. выстрѣлами по беззащитной крестьянской толпѣ. Вотъ почему на этомъ 1861 годѣ, какъ равно и на слѣдующемъ 1862 году мы должны остановиться нѣсколько подробнѣй. Въ эти годы обозначилось и опредѣлилось въ значительной мѣрѣ то, что получило свое реальное осуществленіе послѣ каракозовскаго выстрѣла въ 1866 г., который, будучи дѣйствіемъ единоличнымъ и внѣ рѣшенья какой-либо партіи, явился, однако, громкимъ сигналомъ для начала послѣдующихъ революціонныхъ выступленій и террористическихъ актовъ, получившихъ характеръ систематически проводимой программы въ послѣдующіе семидесятые годы.

IV.

Перемѣны въ составѣ администраціи: новые министры Путятинъ и Валуевъ.—Новый курсъ и его неопредѣленность.—А. В. Никитенко и «Сѣверная Почта».—Новый періодъ въ работѣ общественной мысли.—Общій обликъ литературы шестидесятыхъ годовъ.—Закатъ популярности А. И. Герцена.—Н. Г. Чернышевскій и его общественное значеніе.—Н. А. Добролюбовъ.—Д. И. Писаревъ.—Значеніе типа Базарова изъ романа «Отцы и дѣти» по толкованію самаго И. С. Тургенева.

Мы отмѣтили въ предыдущихъ главахъ, при какомъ общественномъ настроеніи протекла крестьянская реформа, и, со словъ князя Мещерскаго, обрисовали душевное настроеніе въ день 19 февраля самого государя императора, а также зарегистрировали въ рядѣ описываемыхъ событій, что имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ и что вызвало взрывъ негодованія руководителей «Колокола».

Какъ уже сказано выше, ни у самого Александра II, ни у его совѣтчиковъ и сотрудниковъ не возникало и мысли о необходимости радикальнаго преобразованія всего государственнаго строя, но насущность нѣкоторыхъ перемѣнъ въ составѣ руководителей нашей внутренней политики и педагогической системы была дѣломъ рѣшеннымъ. И вотъ вскорѣ послѣ 19 февраля на постъ министра народнаго просвѣщенія, вмѣсто подавшаго въ отставку Е. П. Ковалевскаго, былъ назначенъ адмиралъ гр. Е. В. Путятинъ, а на постъ министра внутреннихъ дѣлъ бывшій сотрудникъ М. Н. Муравьева, статсъ-секретарь П. А. Валуевъ. Выборъ гр. Путятина мотивировался желаніемъ подтянуть молодежь и внести въ строй высшихъ учебныхъ заведеній начало дисциплины. Что же касается назначенія Валуева, то таковое, несомнѣнно, было сдѣлано подъ давленіемъ консервативной группы высшей бюрократіи, самого Муравьева и «какъ желаніе государя—по словамъ біографа Александра II [1])—въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла принять въ соображеніе

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», С. С. Татищева, т. I.

законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже отчасти пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи. Что таково именно было значеніе состоявшейся министерской перемѣны,—говоритъ Татищевъ—«подтверждалось и одновременнымъ удаленіемъ Николая Милютина съ должности товарища министра, хотя съ производствомъ въ сенаторы, но и съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ. Дѣятельнѣйшіе изъ сотрудниковъ Милютина въ средѣ редакціонныхъ комиссій, Самаринъ и князь Черкасскій, тогда же оставили Петербургъ и въ качествѣ мировыхъ посредниковъ занялись примѣненіемъ къ дѣлу на мѣстѣ выработанныхъ ими законоположеній. Изъ участниковъ ихъ вліятельнаго кружка остался во главѣ земскаго отдѣла одинъ Соловьевъ, но и тотъ ненадолго. Валуевъ приступилъ къ отправленію новыхъ своихъ обязанностей «мягко и уклончиво»—говорили его политическіе противники, въ дѣйствительности же съ таковою программою: строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ.

Валуевъ сыгралъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ значительную роль, о коей еще придется говорить, а потому пока остановимся на его личности, какъ обрисовываетъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ хорошо знавшій его князь Мещерскій, которому, какъ историку той эпохи, нельзя отказать въ сочности красокъ и рельефности контуровъ выведенныхъ имъ портретовъ.

«Валуевъ былъ интересный типъ своей эпохи,—говоритъ князь Мещерскій [1]).—Я впервые съ такимъ типомъ встрѣчался, и долженъ сказать, что послѣ повторенья этого типа никогда не встрѣчалъ поднесь... Онъ былъ, несомнѣнно, и образованный, и начитанный, и до извѣстной степени въ умственномъ отношеніи импозантный или представительный человѣкъ. Таково было первое впечатлѣніе; но потомъ, при сближеніи съ нимъ, онъ производилъ странное впечатлѣніе тѣмъ, что казался обожателемъ музыки словосочетанія, и этотъ культъ фразы звонкой и громкой ставилъ выше всѣхъ остальныхъ къ нему предъявлявшихся ожиданій и требованій. Рядомъ съ этимъ онъ представлялъ въ отношеніи характера и всей его духовной личности изумительное спокойствіе, спокойствіе безъ пристрастія и какъ будто равнодушіе къ убѣжденіямъ... Онъ не зналъ, что значитъ что-нибудь принимать къ сердцу; и такимъ квіетистомъ онъ былъ въ семейной и частной жизни. Физіономія спокойная, безстрастная, скорѣе добрая, чѣмъ равнодушная, мягкая и привѣтливая, съ тонкими, красивыми губами, всегда наготовѣ говорить—физіономія эта никогда не измѣнялась. Злость, негодо-

[1]) Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», ч. I.

ваніе, ненависть, радость, восторгъ, нѣжность—всѣ эти элементы духовной жизни никогда не находили отраженія или выраженія на лицѣ Валуева; барометръ у него какъ будто стоялъ постоянно на ясной погодѣ, beau fixe, и вотъ именно это въ постоянныхъ отношеніяхъ производило извѣстное тягостное впечатлѣніе. Душа возмущалась отъ этого постояннаго maestoso moderato, какъ отзвукъ человѣка, и такъ и рвалась крикнуть: да выйдите хоть разъ изъ себя, да разсердитесь же.

«Такое же странное впечатлѣніе производилъ Валуевъ относительно мыслей. Его умъ не зналъ простой мысли, какъ не зналъ онъ тоже простого силлогизма, какъ не зналъ онъ простого разрѣшенія мыслію вопроса... Валуевъ, какъ членъ государственнаго совѣта, какъ посолъ, какъ предсѣдатель какого-либо важнаго учрежденія, могъ удовлетворить главнымъ требованіямъ, будучи образованнымъ человѣкомъ, будучи спокойнымъ собесѣдникомъ, будучи внимательнымъ слушателемъ; но администраторомъ, призваннымъ постоянно брать иниціативу вопросовъ и постоянно напрягать умъ къ рожденію ихъ, Валуевъ никогда не могъ быть.

«Но такова была... игра судьбы. Изъ Ростовцева, никогда не видавшаго вблизи ни мужика, ни деревни, она сдѣлала главнаго дѣятеля крестьянской реформы; изъ Замятина, выбраннаго Панинымъ въ товарищи изъ-за роста, она сдѣлала судебнаго реформатора; Валуеву она поручила вести крестьянское дѣло, вводить земскую реформу. Затрудненія въ предстоящемъ ему дѣлѣ для Валуева заключались въ томъ, что онъ очень мало зналъ Россію, въ ея внутренней жизни. Онъ былъ губернаторомъ въ Остзейскомъ краѣ, и только тамъ познакомился съ пружинами губернской жизни, а между тѣмъ Остзейскій край въ то время мало походилъ на русскій край. Но, при всемъ томъ, Валуевъ былъ, какъ начальникъ, весьма почтенный и симпатичный человѣкъ. Помпезный въ рѣчи, онъ былъ въ обращеніи простъ и доступенъ; онъ уважалъ свободу мнѣнія и чужія убѣжденія, онъ со всѣми всегда былъ джентльменомъ, былъ безусловно честнымъ человѣкомъ и не зналъ, что значитъ придворное холопство.

«Впрочемъ, чтобы оставаться честнымъ и добросовѣстнымъ лѣтописцемъ того времени, я долженъ сказать, припоминая время и отношеніе къ его задачамъ тогдашнихъ людей, что назначеніе Валуева и его личность имѣли свой историческій смыслъ. Разумѣется, государственный человѣкъ, ближе знавшій Россію, съ твердою и ясною программою, съ цѣльнымъ характеромъ и съ желѣзною энергіею, былъ бы гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ въ то время, чѣмъ Валуевъ... Но въ то время, когда кругомъ все кипѣло какимъ-то озлобленіемъ къ дворянству и какимъ-то нетерпѣливымъ и лихорадочнымъ стремленіемъ ко всему новому, очень была серьезная опасность для государства отъ назначенія на мѣсто министра вну-

треннихъ дѣлъ какого-нибудь молодого генія, по внушенію или Михайловскаго, или Мраморнаго дворца [1]), который повелъ бы министерство внутреннихъ дѣлъ въ духѣ либерализма tambour battant. Выборъ, павшій на Валуева, выборъ самого государя, который успѣлъ съ нимъ познакомиться, какъ съ докладчикомъ по комитету министровъ, и за котораго былъ такой вѣскій голосъ, какъ М. Н. Муравьева, его недавняго начальника, выборъ этотъ, говорю я, былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что онъ поставилъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ того времени призваннаго стать въ первенствующую въ ряду министровъ роль, человѣка внѣ партій, человѣка спокойнаго и хладнокровнаго, человѣка безусловно преданнаго Государю и слишкомъ образованнаго и джентльмена, чтобы симпатизировать начинавшимъ зарождаться Базаровымъ, какъ кандидатамъ для государственныхъ должностей.

«На русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое имѣетъ смыслъ при оцѣнкѣ людей; это французское слово: comme il faut. Валуевъ былъ типомъ этого comme il faut, и потому именно, что онъ имъ былъ, онъ никогда не могъ восхищаться черными ногтями и нечесанными волосами, какъ признаками новыхъ политическихъ убѣжденій. И я нисколько не преувеличиваю, нисколько не грѣшу даже противъ оттѣнковъ истины, если, отдавая себѣ отчетъ въ личности Валуева въ то время, я именно эту личность со всѣми ея недостатками признаю въ отрицательномъ смыслѣ полезною, какъ причину, почему многое, что при какомъ-нибудь князѣ Черкасскомъ, напримѣръ, могло прямо привести Россію къ соціальной революціи, при Валуевѣ и благодаря ему шло съ горы заторможеннымъ. Валуевъ явился невольнымъ тормазомъ. Его сладкозвучная фраза получила свою историческую роль».

Въ приведенной выдержкѣ изъ «воспоминаній» князя Мещерскаго имѣются важныя указанія касательно устанавливавшагося въ тотъ періодъ общаго политическаго курса: 1) правительство считаетъ необходимымъ искать поддержки въ дворянствѣ и желаетъ такою политикою компенсировать его за причиненныя ему эмансипаціей огорченія—политическія, нравственныя и матеріальныя; 2) вліянію либеральныхъ круговъ, не исключая отсюда вліянія Михайловскаго и Мраморнаго дворцовъ, кладется конецъ; 3) на сцену государственнаго дѣйствія выдвигаются элементы консервативные съ назначеніемъ для нихъ быть тормазомъ прогрессивныхъ общественныхъ теченій; 4) министерству внутреннихъ дѣлъ отводится главное вліяніе въ дѣлѣ государственнаго управленія; 5) въ обществѣ народился уже типъ нигилиста, какъ предтечи революціи, угрожающаго общественному спокойствію.

---

[1]) Т. е. по внушенію великой княгини Елены Павловны или великаго князя Константина Николаевича.

Наступленіе эры «дворянской политики», хотя и далеко не въ столь конкретныхъ формахъ и реальныхъ проявленіяхъ, какъ то имѣло мѣсто въ восьмидесятыхъ годахъ слѣдующаго царствованія, усматривается не только въ назначеніи П. А. Валуева, но и въ тѣхъ нѣкоторыхъ рѣчахъ, которыя государь счелъ долгомъ произнести представлявшимся ему депутаціямъ дворянъ и крестьянъ во время своего лѣтняго путешествія въ Россіи въ томъ же 1861 году. Такъ, въ Тулѣ Александръ II сказалъ, обращаясь къ помѣстному дворянству: «Господа, я изъявилъ благодарность дворянству въ мани-

А. В. Никитенко.

фестѣ за то добровольное пожертвованіе, которое оно принесло и которымъ пособило мнѣ, съ Божьею помощью, совершить великое дѣло; теперь снова повторяю эту благодарность. Прежнія отношенія ваши къ крестьянамъ прекращены, къ нимъ возвратиться болѣе нельзя; но то положеніе, которое мною установлено взамѣнъ стараго порядка, должно приводиться въ исполненіе добросовѣстно, къ упроченію быта владѣльцевъ и крестьянъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете; надѣюсь, что дворянство и въ этомъ дѣлѣ выкажетъ себя такимъ же, какимъ оно было всегда, то есть точнымъ исполнителемъ воли государевой». Обратившись къ волостнымъ старшинамъ, государь по поводу слуховъ, обильно ходившихъ въ то

время, что настоящая царская воля подмѣнена дворянами, попами и администраціей волей помѣщичьей, строго сказалъ: «Ко мнѣ доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ. Исполняйте, чего требуетъ законъ и положеніе! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ».

Что касается новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то въ первый годъ своего назначенія онъ слабо проявляетъ начала своей самостоятельной политики и, повидимому, еще не твердо остановился на курсѣ, который ему предстояло взять. Единственное орудіе, которое онъ выдвигаетъ, по собственной иниціативѣ, въ своей борьбѣ съ кипѣвшей страстями общественностью, это орудіе воздѣйствія печатнымъ словомъ, въ каковыхъ цѣляхъ въ концѣ 1861 г., когда многія явленія революціонной дѣйствительности уже обозначились и опредѣлились, основываетъ офиціозную газету «Сѣверная Почта», редакцію которой онъ поручаетъ профессору и либеральному цензору А. В. Никитенкѣ.

Въ «Дневникѣ» послѣдняго подъ 28 октября записано [1]): «Послѣ обѣда я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ предложилъ мнѣ быть редакторомъ газеты, которую министерство рѣшило издавать съ новаго года. Я высказалъ ему свое мнѣніе, что газета должна, прежде всего, имѣть свой опредѣленный характеръ, должна выражать какое-нибудь направленіе. А направленіе это, я полагаю, не можетъ быть иное, какъ умѣренно-либеральное. Если я возьму на себя редакцію газеты, буду ли я въ состояніи поддерживать это направленіе въ видахъ самого правительства? Министръ отвѣчалъ, что тутъ надо будетъ дѣйствовать осторожно. «Вы знаете,—прибавилъ онъ,—что само правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ». Подъ 18 ноября: «Докладъ министру внутреннихъ дѣлъ о газетѣ. Разрѣшены нѣкоторые вопросы. Главное, мнѣ хотѣлось еще объясниться насчетъ направленія. Я рѣшительно и опредѣлительно высказалъ мои мысли относительно правдивости. Мнѣ сказано, что это быть иначе не можетъ, и дано торжественное увѣреніе, что министерство ничего противнаго этому не потребуетъ. Я замѣтилъ, что, «кромѣ убѣжденій вашего высокопревосходительства и моихъ, того требуетъ и выгода самого дѣла». На слѣдующій 1862 годъ Никитенко заноситъ въ «Дневникъ» 5 февраля: «Непріятное, о, какое непріятное дѣло! Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ губернаторамъ, чтобы тѣ, посредствомъ полиціи, заставляли подписываться на «Сѣверную Почту», такъ какъ эта газета правительственная и должна противодѣйствовать русской прессѣ! Такъ сказано въ циркулярѣ. Это меня глубоко огорчило. Надо принять

[1]) А. В. Никитенко. «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». «Записки и дневникъ».

противъ этого мѣры». 6 февраля: «Я прочиталъ сегодня двумъ моимъ главнымъ сотрудникамъ, Ржевскому и Арсеньеву, проектъ моего письма къ министру съ изложеніемъ нашего протеста противъ принудительной подписки на газету и особенно противъ того, какъ въ его циркулярахъ мотивированы эти нелѣпыя мѣры. Они безъ малѣйшаго колебанія согласились подписать мое письмо. Завтра оно будетъ отправлено по назначенію». 7 февраля: «Отправилъ письмо къ Валуеву съ подписями: моею, Ржевскаго и Арсеньева. Письмо, мнѣ кажется, написано убѣдительно и сильно. По крайней мѣрѣ, я не стѣснялся. Письмо было отправлено около четырехъ часовъ, а отвѣтъ я получилъ въ шесть. Отвѣтъ показываетъ, что министръ почувствовалъ неприличіе своего поступка, но, какъ поправить его трудно, то онъ кое-какъ изворачивается. Впрочемъ, онъ обѣщается дать циркуляру поясненіе, благопріятное для нашихъ идей».

Такимъ образомъ, въ теченіе 1861 г. политика новаго министра внутреннихъ дѣлъ далеко еще не опредѣлилась и носила на себѣ туманные абрисы: съ одной стороны, онъ склоняется къ «умѣренно-либеральному» курсу, обѣщаетъ «правдивость», а рядомъ съ этимъ открыто беретъ на себя борьбу съ крайностями общественнаго мнѣнія, въ видахъ чего уже къ марту 1862 г. сосредоточиваетъ въ своемъ вѣдѣніи цензурное вѣдомство и становится на путь репрессій по отношенію печати и выдвигаетъ на первую очередь систему строго-карательную. Но если въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ мы наблюдаемъ программу нерѣшительности, колебанія и неопредѣленности, то иная картина намъ нарисуется, когда мы хоть вкратцѣ ознакомимся, что дѣлалось въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, которому въ тотъ годъ на долю выпала трудная задача организаціи жизни и упорядоченія научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По настоящему предмету «Дневникъ» Никитенки даетъ богатый матеріалъ, позволяющій слѣдить за ходомъ дѣлъ въ этомъ министерствѣ чуть-ли не по днямъ и часамъ.

Волненія въ нашихъ университетахъ и явное въ нихъ броженіе, не посившее на себѣ однако, на первыхъ порахъ, явно-политическаго характера, начали проявляться еще съ 1857 г., но по чисто домашнимъ, такъ сказать, случаямъ и предлогамъ. Съ теченіемъ времени и особенно съ 1861 г. эти волненія принимаютъ очень широкіе размѣры, принимаютъ характеръ политическій, вливаются въ общія явленія оппозиціоннаго характера того времени, вызываютъ серьезныя опасенія правительства и являются для него предметомъ особенной заботы и напряженнаго вниманія. Рядомъ съ нѣкоторыми явленіями изъ жизни нашей литературы, легальной и нелегальной, вопросъ о молодежи, объ университетахъ, можно сказать, заслонилъ собою всѣ прочія стороны нашей внутренней

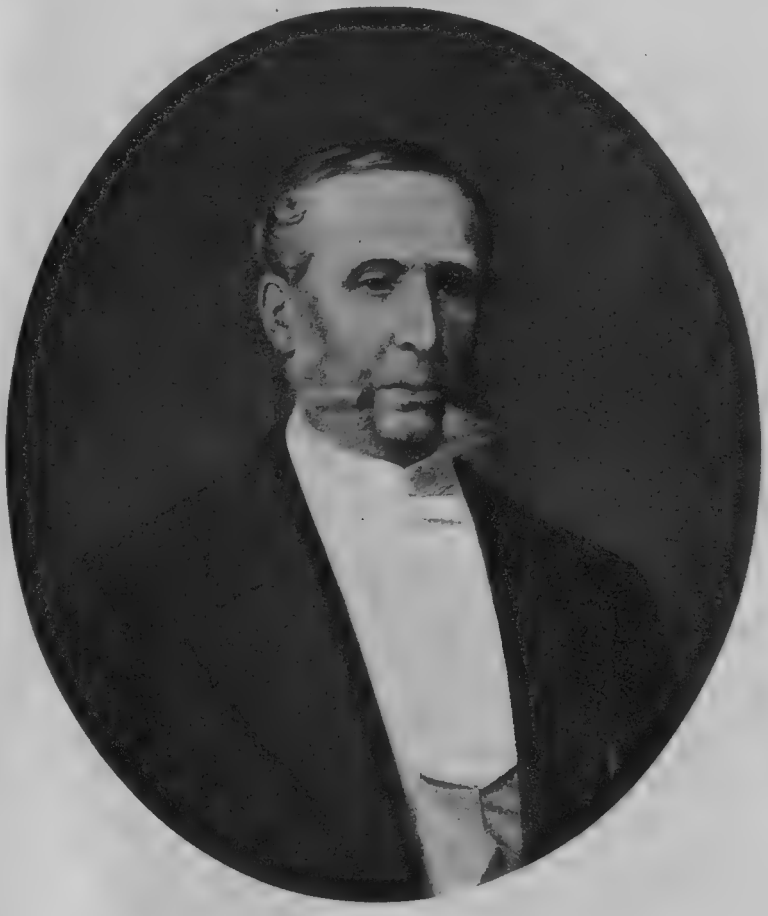
жизни и, въ связи съ польскимъ политическимъ броженіемъ, обнаружившимся въ Варшавѣ, ослабилъ даже до нѣкоторой степени интересъ къ дѣлу эмансипаціи и къ тому, какъ она протекала, составивъ настоящую злобу 1861 года.

Безпорядки въ университетахъ послужили предметомъ особаго обсужденія въ совѣтѣ министровъ весною 1861 г., причемъ многіе голоса здѣсь раздались въ пользу повсемѣстнаго закрытія университетовъ, впредь до ихъ реформы. Съ такого рода мнѣніемъ не соглашался тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, какъ не соглашался съ этимъ и самъ Александръ II. Тѣмъ не менѣе Ковалевскій подалъ въ отставку, и на его мѣсто, не безъ содѣйствія московскаго митрополита Филарета, былъ назначенъ адмиралъ гр. Е. В. Путятинъ, въ качествѣ человѣка, отличавшагося особенною набожностью. Противъ такого назначенія протестовалъ, по слухамъ, великій князь Константиръ Николаевичъ, по званію генералъ-адмирала знавшій способности и характеръ своего подчиненнаго. Ходъ событій въ «Дневникѣ» Никитенки изложенъ такъ: апрѣля 15-го: «Въ четвергъ въ совѣтѣ министровъ происходили пренія объ университетахъ, министръ нашъ встрѣтилъ страшныя нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ сослался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку министра о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ. Вотъ и дождался Евграфъ Петровичъ[1])! Графъ Строгановъ, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ: «Что сдѣлали бы вы, если бы какой-нибудь профессоръ въ вашемъ присутствіи началъ бы читать лекцію о конституціи въ Россіи?» 25-го: «Безконечные толки о кризисѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ всѣ видятъ торжество реакціонной партіи, и Ковалевскій мало-по-малу вырастаетъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не только оскорбленъ, но и озлобленъ. Я, однако, полагаю, что онъ не совсѣмъ правъ. Ему давно и серьезно слѣдовало бы подумать объ университетскихъ безпорядкахъ. Теперь же, когда для разсмотрѣнія его предложеній назначенъ тріумвиратъ, ему, кончено, ничего болѣе не остается, какъ выйти въ отставку. Ковалевскій человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно, по настоящимъ временамъ, смѣлаго и обширнаго ума. Но все-таки онъ уменъ, а главное честенъ—и это уже много. Прочіе не такъ умны, а о добросовѣстности уже и говорить нечего. Каково, однако, положеніе государя: не имѣть возможности положиться ни на умъ, ни на честность окружающихъ его».

---

[1]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Постъ министра послѣдовательно предлагали графу С. Г. Строганову, Ѳ. П. Литке, М. А. Корфу, но въ концѣ концовъ рѣшительный выборъ остановился на графѣ Е. В. Путятинѣ, при которомъ и разыгрались главные студенческіе безпорядки 1861 г. и про котораго Ва-



П. А. Валуевъ.

луевъ говорилъ, что это—«человѣкъ ограниченный, неспособный возвыситься до извѣстныхъ понятій и осилить своего положенія». По случаю отставки Ковалевскаго Никитенко писалъ въ «Дневникѣ» (19 мая): «Ковалевскаго всѣ восхваляютъ за то, что онъ оставляетъ министерство съ такимъ блескомъ, поддержавъ въ совѣтѣ министровъ

принципъ прогресса и пр. Я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе. На меня это производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ пожертвовалъ государемъ за добрую молву, за лестный отзывъ со стороны людей извѣстнаго лагеря. Слѣдовало ли ему въ такую серьезную минуту покидать добраго, честнаго, благонамѣреннаго государя, вся вина котораго въ томъ, что вокругъ него нѣтъ людей достойныхъ. Но, возражаютъ мнѣ, что же было дѣлать Ковалевскому, если государь не приглашалъ его остаться и, видимо, склонялся на сторону противной партіи? Такъ, но Ковалевскій еще раньше, послѣ Аксаковскаго дѣла, самъ оттолкнулъ его отъ себя. Да и въ университетскомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ, по меньшей мѣрѣ, нерадиво. Университеты уже года три, видимо, падали въ экономическомъ, учебномъ и нравственномъ отношеніи. Предпринялъ ли Ковалевскій что-нибудь для ихъ улучшенія? Ковалевскій точно боялся приняться за это дѣло, какъ бы изъ боязни нареканій, что онъ противится либеральному движенію, если бы ему пришлось прибѣгнуть къ какой-нибудь ограничительной мѣрѣ въ отношеніи студентовъ. Онъ, если можно такъ сказать, поставилъ себя въ положеніе нейтральное, заботясь только о томъ, чтобы въ публикѣ его бездѣйствіе не было приписано его винѣ. Не знаю, но, на мой взглядъ, онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ государственный человѣкъ, который долженъ бороться съ трудностями, ожидающій благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее. Теперь онъ попалъ въ мученики за правое дѣло. Но что скажетъ объ этомъ будущее?...»

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, графъ Е. В. Путятинъ сразу же сталъ сторониться тѣхъ изъ дѣятелей вѣдомства, въ коихъ усматривалъ начала либерализма, и искалъ себѣ опоры въ элементахъ консервативной бюрократіи. По словамъ Никитенки, у него бродили странныя идеи, напримѣръ: «что преподаваніе въ нашихъ училищахъ надо подчинить духовенству; что въ университетахъ слѣдуетъ отдѣлить вольнослушателей отъ студентовъ... онъ думаетъ, что министерство должно опираться не на идеи и разумъ государственный, а на бюрократію... онъ въ нынѣшнемъ движеніи умовъ видитъ только пошлый либерализмъ, а не видитъ въ немъ настоящихъ потребностей народа и времени, и что онъ хочетъ стать въ упоръ этому движенію». Вотъ съ такими-то взглядами на положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ и съ такою программою вступилъ графъ Путятинъ въ отправленіе своихъ обязанностей и, конечно, задача управленія пришедшимъ въ полное разстройство вѣдомствомъ оказалась ему не по плечу, и къ концу года онъ, что называется, окончательно сгорѣлъ, оставивъ по себѣ память въ исторіи нашей общественности рядомъ неудачныхъ мѣропріятій, результатомъ которыхъ были волненія во всѣхъ университетахъ и въ особенности петербургскомъ, гдѣ настроеніе учащейся молодежи сказалось очень бурно и характерно.

Исторія въ петербургскомъ университетѣ 1861 г. находится въ тѣсной связи съ общимъ движеніемъ, охватившимъ въ тотъ періодъ все русское общество, во всѣхъ его интеллигентныхъ пластахъ и является типичнымъ барометрическимъ показателемъ его настроенія, его чаяній и порывовъ. Эта исторія нашла себѣ откликъ по всей тогдашней Россіи, гулко отозвалась на берегахъ Темзы, въ редакціи «Колокола» и выдѣлила изъ стѣнъ университета въ общественную среду немало будущихъ дѣятелей, какъ носителей активной оппозиціи и борцовъ за освободительныя и революціонныя начала. Разсматривать студенческую исторію 1861 г. внѣ связи съ явленіями тогдашней общественной жизни не представляется возможнымъ, въ видахъ чего мы и остановимся прежде всего на посильномъ изображеніи этихъ явленій, поскольку именно они выражали собой значеніе переживаемой эпохи, ея смыслъ и задачи.

Свидѣтель той эпохи, ея дѣятельный участникъ, извѣстный публицистъ Н. В. Шелгуновъ даетъ слѣдующую ей обрисовку въ своихъ воспоминаніяхъ «Изъ прошлаго къ настоящему» [1]). «До 1860 года общественное вниманіе было занято освобожденіемъ крестьянъ,—повѣствуетъ онъ:—теперь же, когда всѣ основанія освобожденія опредѣлились, и шла редакціонная работа положенія 19 февраля, у общества явился досугъ подумать и о другомъ. Поэтому съ 1860 г. начинается какъ бы иной періодъ» въ работѣ общественной мысли. Работа эта не представляла особенной трудности, потому что ея программа была очень проста и заключалась всего въ одномъ словѣ «свобода». Внизу освобождались крестьяне отъ крѣпостного права, вверху освобождалась интеллигенція отъ служилаго государства и отъ старыхъ московскихъ понятій. И болѣе великаго момента, какъ этотъ переходъ отъ идеи крѣпостного и служилаго государства къ идеѣ государства свободнаго,—въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ. Мы современники этого перелома, стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что-нибудь великое или невеликое. Мы просто стремились къ простору и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать, единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и для себя, но именно отъ этого общественное движеніе оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникала повсюду, и совершалось дѣйствительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили въ отставку, чтобы завести лавочку или магазинъ бѣлья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ... Освободительный порывъ только и поддерживался общественно-гуманными идеалами, только

[1]) Сочиненія Н. В. Шелгунова, изд. 3-е, т. II.

они создали всѣ реформы, и только благодаря освободительнымъ, гуманнымъ идеаламъ Россія шестидесятыхъ годахъ выдвинула такую массу замѣчательныхъ людей въ литературѣ, въ журналистикѣ, въ художествѣ, въ музыкѣ, на общественномъ поприщѣ и въ сферѣ государственнаго преобразованія. Въ короткій періодъ трехъ-четырехъ лѣтъ обществу была дана такая масса идей, понятій и знаній, большая часть которыхъ до сихъ поръ не дождалась практическаго осуществленія. Къ этому же времени принадлежитъ первая попытка женщинъ къ высшему образованію... Былъ поднятъ даже вопросъ о вольномъ университетѣ. Однимъ словомъ, общество напрягло всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной инціативы на себя. И правительство (по крайней мѣрѣ вначалѣ) не видѣло въ этомъ ничего несогласнаго съ его желаніемъ. Правительство сознавало, что при новыхъ усложненныхъ требованіяхъ болѣе развитой жизни продолжать старую систему казеннаго управленія у него недостаетъ силъ, и оно стало продавать или закрывать казенные фабрики и заводы, поощряло и поддерживало акціонерныя предпріятія, создало Русское общество пароходства и торговли, открыло возможность учрежденія частныхъ банковъ, передало постройки желѣзныхъ дорогъ частнымъ предпринимателямъ. Однимъ словомъ, реакція противъ прежняго всепоглащающаго государственнаго вмѣшательства и казеннаго руководительства была не только всеобщей, но и легла въ основу общественно-экономическихъ реформъ и всей системы государственнаго хозяйства прошедшаго царствованія. Но и въ то время, богатое людьми смѣлыми, энергическими, рѣшительными, людей почина было не особенно много».

Отмѣтивъ взаимодѣйствіе и взаимовліяніе печати и общества, о чемъ мы еще будемъ говорить нѣсколько далѣе, Шелгуновъ останавливается на той сторонѣ тогдашней жизни, которая обнимала собою семейный вопросъ,—отношенія между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, и приходитъ къ выводу, что «съ шестидесятыхъ годовъ семейныя отношенія испытали полную революцію: все стало въ нихъ гуманнѣе, порядочнѣе, чище, а главное—правдивѣе. Правдивость, искренность и свобода сдѣлали русскую семью ровнѣе, ближе, счастливѣе и создали ей внутренній міръ, какого она прежде не знала. Такой сравнительно полный успѣхъ получился, нужно думать, оттого, что семейный переворотъ, предоставленный собственнымъ силамъ общества не испытывалъ внѣшняго вмѣшательства. Никакой доморощенный химикъ не стоялъ надъ нимъ, чтобы руководить броженіемъ или чтобы закрыть крышку котла, когда это показалось бы нужнымъ химику. Котелъ работалъ свободно и до сихъ поръ продолжаетъ еще свою нескончаемую работу. Старая и вѣчно новая исторія стремленія человѣка къ личному счастью!»

Въ этомъ внѣшнемъ бурленіи общественныхъ силъ, гдѣ переоцѣнивались всѣ старыя цѣнности, гдѣ ребромъ ставились вопросы о счастьи общественномъ и личномъ, о благѣ соціальномъ и индивидуальномъ, руководящую роль играла литература, и тогдашній представитель печатнаго слова является настоящимъ «учителемъ жизни», который, почерпая изъ нея мотивы и сюжеты и перерабатывая ихъ въ лабораторіи личнаго творчества и своего научнаго знанія, давалъ ей тонъ и направленіе. Никогда въ исторіи нашего общественнаго развитія взаимодѣйствіе литературы и жизни не было такъ сильно, какъ именно въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, несмотря даже на то, что предѣлы литературной работы были очень узки, что многія стороны дѣйствительности были изъяты изъ круга ея сужденій, и надъ ней продолжала тяготѣть карательная рука цензора, хотя нѣсколько и растерявшагося. но все же далеко немилостиваго и не ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ строгими рамками законности.

Характеризуя общими и нѣсколькими грубыми чертами обликъ литературы шестидесятыхъ годовъ, покойный критикъ, такъ рано сошедшій въ могилу, Евг. Соловьевъ (Андреевичъ) въ своей книгѣ «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка» говоритъ: «При переходѣ отъ литературы 40-хъ годовъ къ литературѣ 60-хъ вы чувствуете въ тонѣ, идеяхъ, настроеніяхъ, что если бы не звено—Бѣлинскій, такъ странно соединившій въ себѣ барина и разночинца, эстетика и поклонника пользы,—вы бы сказали, что имѣете дѣло съ литературой другого народа. Однако эта литература только другого класса общества. Идеалистъ и теоретикъ-баринъ 40-хъ годовъ уступилъ мѣсто интеллигенту-разночинцу. Отвлеченная этика, стержнемъ которой была идея личнаго самосовершенствованія, уступила мѣсто этикѣ утилитарной. Красота была отодвинута на второй планъ—пользой, вопросы отвлеченно-философскіе уступили мѣсто чисто практическимъ и т. д. Призванный къ жизни разночинецъ задавалъ тонъ всему, и больше—онъ дѣйствительно былъ руководителемъ эпохи. Онъ внесъ въ свою работу свою философію, свое міровоззрѣніе, въ свои взгляды—совершенно понятное нетерпѣливое желаніе овладѣть жизнью и ея благами—наукой, искусствомъ, обезпеченностью (для себя и другихъ, конечно), которыя еще наканунѣ казались ему чѣмъ-то недостижимымъ. Онъ внесъ и раздраженіе противъ вчерашнихъ господъ, передъ которыми онъ долженъ былъ такъ долго молчать. Его любовь къ обездоленному и униженному собрату была равносильна его ненависти къ тому, кто обездоливалъ, развращалъ и унижалъ. Часто онъ просто мстилъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что врагъ, хотя и сбитый съ позиціи, все еще живъ и надѣется рано или поздно восторжествовать. И онъ торопился въ своихъ презрительныхъ и, увы, совершенно заслуженныхъ, гнѣвныхъ насмѣш-

кахъ излить накипѣвшую злобу и отмстить за свое вынужденное раньше молчаніе. Вотъ основы его міросозерцанія:

«1) Матеріализмъ въ философіи. Въ жизни и человѣка и общества все просто объясняется естественно-механическими законами. Все—матерія. Внѣ этого нечего искать. Всякое исканіе безплодно и даже вредно, такъ какъ отвлекаетъ человѣка отъ общественныхъ задачъ. Матеріализмъ вообще боевой кличъ эпохи въ ея схваткахъ съ офиціальнымъ оппортунизмомъ.

«2) Утилитаризмъ въ этикѣ. Главныя силы человѣка въ его разумѣ, разсудкѣ. Путемъ науки, знанія онъ достигаетъ побѣды надъ природой и собственнаго благополучія и счастья. Но собственное благополучіе и счастіе возможны лишь при счастьѣ всѣхъ. Поэтому санкціей нравственности должна быть польза общества и стремленіе его къ такому его состоянію, которое обезпечиваетъ для каждаго равную долю въ пользованіи жизненными благами.

«3) Утилитаризмъ въ искусствѣ. Роль искусства подчиненная. Самостоятельнаго значенія оно не имѣетъ. Оно одинаково должно служить счастью всѣхъ. Единственный источникъ прекраснаго—жизнь, дѣйствительность. Всякое ея украшеніе, всякая неосуществимая мечта вредна, потому что прежде всего надо сосредоточить всѣ силы людей на устройствѣ земного благополучія. Въ литературѣ 60-хъ годовъ слышится даже «вопіяніе» противъ красоты, которая отвлекаетъ человѣка отъ его прямыхъ земныхъ обязанностей».

Послѣ такой формулировки міросозерцанія «шестидесятниковъ» г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Однако все это временное, случайное, историческими обстоятельствами вызываемое и исчезаемое вмѣстѣ съ ними. Но вотъ святое и вѣчное подъ этой случайной оболочкой: уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка, каковъ бы онъ по своему происхожденію ни былъ,—признаніе полнаго равенства и полной равноправности между людьми во всей совокупности общественныхъ отношеній. И все это слилось въ одномъ маленькомъ и даже чуждомъ для насъ словѣ—эмансипація. Это ключъ къ пониманію эпохи. Эмансипировались крестьянинъ отъ помѣщика, женщина отъ семейной кабалы, гражданинъ отъ государства, мысль отъ преданій и кумировъ прошлаго. Былъ порывъ, была страсть, было вдохновеніе. И въ этомъ красота эпохи, несмотря на грубую и часто неуклюжую форму».

Таковъ общепринятый смыслъ эпохи въ ея историко-философскомъ освѣщеніи, удачно формулированный Е. Соловьевымъ. Несмотря на наличіе стихійнаго элемента въ томъ періодѣ, когда все приводилось въ движеніе и бурлило подобно вешнимъ водамъ, только что сбросившимъ съ себя ледяныя покровы, необходимо отмѣтить и тѣхъ виднѣйшихъ представителей ея, около которыхъ группировались тѣ или иные общественные элементы

и съ именемъ которыхъ связывались задачи времени, его цѣли и импульсы. Толпа требовала себѣ героевъ, а потому и создала, выдвинула ихъ, поклонилась имъ и пошла за ними, какъ за провозвѣстниками правды жизни.

До 1861 года властителемъ думъ современниковъ былъ, какъ извѣстно, Герценъ, который давалъ съ «того берега» пароли и лозунги своимъ соотечественникамъ и съ именемъ котораго соединялось представленіе о всемъ томъ передовомъ, прогрессивномъ, чего такъ жаждало истомленное николаевскою эпохою общество, какъ равно и о всемъ томъ оппозиціонномъ, черезъ которое необходимо пройти для достиженія лучшаго соціальнаго, экономическаго и политическаго будущаго. Но уже съ наступленіемъ дней свободы его имя начинаетъ какъ бы нѣсколько тускнѣть, между нимъ и передовыми соотечественниками, остающимися на родномъ берегу, пробѣгаетъ черная кошка; онъ не удовлетворяетъ уже всѣмъ запросамъ родного времени во всю ширь послѣдняго, его философское міросозерцаніе оказывается какъ бы отсталымъ, а съ 1863 года, послѣ того, какъ онъ связалъ тѣснѣйшимъ образомъ свое имя съ польскимъ возстаніемъ, его всероссійская слава и популярность начинаютъ итти къ закату. Въ жизни Герцена наступаетъ драма — онъ не удовлетворяетъ ни «лѣвыхъ», ни «правыхъ», остается въ значительной мѣрѣ одинокимъ и переживаетъ самого себя, какъ носителя соціальныхъ и политическихъ вожделѣній русскаго общества.

Отмѣтимъ положеніе и роль Герцена въ общемъ развитіи критико-философской русской мысли, чтобы яснѣе стало понятнымъ, почему именно, какъ носитель опредѣленной философской доктрины, онъ пересталъ удовлетворять современниковъ и въ чемъ заключалось преимущество передъ нимъ въ глазахъ интеллигентной массы новыхъ общественныхъ кумировъ, явившихся ему на смѣну.

По мѣткому опредѣленію г. Иванова-Разумника[1]), «соціологическій индивидуализмъ западничества и этическій индивидуализмъ славянофильства былъ синтезированъ Герценомъ путемъ философско-историческаго индивидуализма, съ этого синтеза и беретъ свое начало народничество». Народничество Герцена, по словамъ изслѣдователя «Исторіи русской общественной мысли» прежде всего— «отрицательное отношеніе къ современному политико-экономическому развитію Западной Европы, а потому и требованіе примата соціальныхъ реформъ надъ политическими, чтобы избѣжать мѣщанскаго пути развитія Запада. Затѣмъ народничество—это вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи, основанное, въ свою очередь, на убѣжденіи въ анти-мѣщанствѣ и небуржуаз-

[1]) Ивановъ-Разумникъ, «Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка», т. I.

ности «крестьянскаго тулупа» и на признаніи общиннаго устройства краеугольнымъ камнемъ русскаго быта; поэтому народничество—это отрицательное отношеніе къ буржуазіи, строгое раздѣленіе понятій «націи» и «народа» и ожесточенная борьба съ экономическимъ либерализмомъ. Въ то же время народничество—это неизбѣжная постановка той или иной «утопіи» въ началѣ соціологическихъ концепцій, одинаково далекихъ отъ соціологическаго идеализма, такъ и соціологическаго ультраноминализма». Средняя позиція между западничествомъ и славянофильствомъ и требованіе первенства соціальныхъ реформъ надъ политическими, чтобы избѣжать буржуазнаго развитія Запада—вотъ, пожалуй, та Ахиллесова пята, которая сослужила печальную службу въ популярности Герцена, какъ вождя русскаго общества послѣ 1861 года. Какъ-никакъ, а соціальная реформа была уже осуществлена, исправленіе ея внѣ вліянія политическихъ факторовъ тутъ, очевидно, было невозможно, а редакторъ «Колокола» медлилъ отвѣтомъ на постановку именно политическихъ заданій. Отсюда, помимо конкретныхъ обстоятельствъ жизненнаго характера, нетерпѣніе въ отношеніи его со стороны крайнихъ элементовъ и преобладаніе симпатій къ тѣмъ, кто былъ имъ роднѣе—по духу и плоти, кто былъ къ нимъ ближе и кто явственнѣе и шире отвѣчалъ на задачи времени. Центральною личностью такихъ общественныхъ симпатій явился Николай Гавриловичъ Чернышевскій, который въ своей личности въ своей дѣятельности и даже трагической судьбѣ отразилъ всю эпоху шестидесятыхъ годовъ со всѣми ея причудливыми переливами отъ свѣтло-яркихъ къ темнымъ тонамъ».

Не касаясь общей литературно-философской характеристики руководителя «Современника» остановимся лишь на значеніи Чернышевскаго для общественнаго развитія Россіи, въ связи съ общей задачей нашей работы, какъ дѣятеля, имѣвшаго въ виду перейти и отчасти успѣвшаго перейти отъ работы теоретической къ дѣятельности практической въ кругу вопросовъ политическаго порядка. Будучи поклонникомъ нѣмецкаго философа Фейербаха, Николай Гавриловичъ по своимъ убѣжденіямъ былъ соціалистомъ чистой воды и революціонеромъ по своимъ политическимъ тенденціямъ, которыя по цензурнымъ условіямъ того времени онъ, конечно, не могъ развивать, но которыя были извѣстны тогдашнимъ широкимъ кругамъ русской интеллигенціи, не только столичной, но и провинціальной. Будучи народникомъ подобно Герцену, онъ въ основу своего міросозерцанія, по формулировкѣ г. Иванова-Разумника, полагалъ «общую норму—благо личности и принципъ примата народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ». Слѣдствіемъ этого являлась его борьба съ либеральнымъ доктринерствомъ, съ россійскимъ популярнымъ тогда фритредерствомъ, обращающимъ главное вниманіе на увеличеніе производства страны и тѣмъ са-

Н. А. Добролюбовъ.

мымъ подавляющимъ человѣческую личность; отсюда его предпочтеніе реформъ соціальныхъ передъ экономическими, и борьба за «общинное начало, какъ соблюдающее интересы реальной личности и отвѣчающее примату народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ». Это у него сопровождалось, по словамъ г. Разумника, «вѣрой въ возможность для Россіи миновать капиталистическій фазисъ развитія, вѣрой въ ея особый путь, въ буквальномъ значеніи этого слова». Но если Герценъ, вѣруя въ самобытность

Россіи, относился съ пренебреженіемъ къ «мѣщанству» Западной Европы, то, въ противность ему, Чернышевскій былъ горячимъ сторонникомъ западной культуры и цивилизаціи, вѣрилъ въ жизненность и продуктивность ея силъ и былъ далекъ отъ поклоненія «мужицкому тулупу».

Обладая блестящимъ перомъ, отзываясь осторожно и тонко по всѣмъ вопросамъ тогдашней отечественной дѣйствительности, поскольку ее возможно было затрогивать, онъ по каждому случаю и поводу умѣло распространялъ среди читателей свое исповѣданіе вѣры, пріобрѣтая съ каждой статьей все большій и большій кругъ почитателей. Отдавъ своему единомышленнику и товарищу по «Современнику» Н. А. Добролюбову отдѣлъ критики, Чернышевскій спеціально сосредоточился на работѣ научной и публицистической, твердо завоевавъ себѣ всеобщее вниманіе и вызывая своими статьями ненависть, злобу и страхъ однихъ и обожаніе и поклоненіе другихъ. Въ 1861 году имя Чернышевскаго было самымъ популярнымъ въ литературѣ—онъ владѣлъ умами молодежи, являлся авторитетомъ въ глазахъ литературной братіи и рисовался правительству, какъ грозная сила, которая въ состояніи увлечь за собою все русское общество на путь активной борьбы съ властью подъ революціоннымъ знаменемъ, во имя торжества соціалистическихъ началъ. И Чернышевскій, повидимому, сознавалъ свои силы, понимая, что правительство его не переоцѣниваетъ, вслѣдствіе чего уже въ 1861 г., если не раньше еще, пришелъ къ выводу, что литературная работа въ тиши редакціоннаго кабинета—задача для него слишкомъ узкая, не соотвѣтствующая требованіямъ историческаго момента. Его біографъ, г. Русановъ (Н. Е. Кудринъ), говоритъ[1]): «Николай Гавриловичъ былъ слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы не видѣть въ Россіи 60-хъ годовъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія со старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкомъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій. Это рѣшеніе имъ было принято,—говорилъ, напримѣръ, мнѣ Шелгуновъ,—не безъ долгаго колебанія, не безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія аргументовъ *за* и *противъ*. Но, разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже не сходилъ съ нея. И та фраза, которою онъ характеризовалъ однажды свое отношеніе къ литературнымъ врагамъ: «Я мертвъ для репутаціи, какую могу имѣть въ вашихъ

[1]) Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ) «Соціалисты Запада и Россіи».

глазахъ»,—эта фраза вполнѣ можетъ характеризовать его отношеніе и къ врагамъ политическимъ. Удовлетворивъ своей теоретической добросовѣстности, удовлетворивъ потребности своего неумолимо анализирующаго ума и придя къ извѣстному рѣшенію, онъ становился мертвъ къ тому, что могли сказать или сдѣлать его пожизненные противники. Отнынѣ разсудокъ уступалъ мѣсто энергіи воли и лишь сохранялъ за собой право ясно замѣчать тѣ препятствія, какія лежали на пути къ достиженію цѣли. И здѣсь величіе, здѣсь трагизмъ личности Чернышевскаго, который со второй половины 1861 года не могъ не видѣть торжества крѣпчающей реакціи, равно какъ сильной вѣроятности пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, но твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи. Отличаясь осторожностью, но лишь тамъ, гдѣ осторожность могла быть полезна дѣлу, не любя бравированія понапрасну опасностью, чуждаясь фанфаронства, уменьшающаго шансы на успѣхъ, онъ, наоборотъ, безъ колебаній дѣлалъ тѣ шаги, которые вынуждались самымъ ходомъ великаго историческаго столкновенія между старой и молодой Россіей. Отсюда страшная непріязнь къ Чернышевскому, котораго одни считаютъ «брульономъ» (это прекраснодушные либералы), другіе—очень ловкимъ и тонкимъ злодѣемъ, подъ котораго и иглы не подточишь (это люди реакціи)».

Послѣ ареста Чернышевскаго, когда его судили, то въ обвинительномъ актѣ, между прочимъ, было отмѣчено, что управляющимъ III отдѣленіемъ было въ свое время получено анонимное письмо, въ коемъ правительство предостерегалось отъ Чернышевскаго, «этого коновода юношей, хитраго соціалиста»: онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи проводятся уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные, отдалились отъ него». «Если не удалите Чернышевскаго,—пишетъ авторъ письма,—быть бѣдѣ, будетъ кровь; эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ—отчаянныя головы, эта «молодая Россія» высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія наклонности; можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте куда хотите, но поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія».

Строго послѣдовательно, полно и обстоятельно Чернышевскій нигдѣ въ своихъ статьяхъ не высказалъ своего политическаго и соціалистическаго credo. Уразумѣніе послѣдняго почерпается только изъ сопоставленія многочисленныхъ мѣстъ въ его работахъ, какъ научнаго характера, такъ и публицистическаго. Идейная сѣть «уло-

вленія умовъ» современниковъ плелась имъ чрезвычайно искусно, и репутація умнѣйшаго и вліятельнѣйшаго общественнаго вождя, при всей его личной замкнутости и скромности, установилась за нимъ непоколебимо. Герценъ, Катковъ, Достоевскій, всѣ видные представители нашего общества, не исключая и чиновъ администраціи, къ нему апеллируютъ по разнымъ вопросамъ жизни, въ особенности когда идетъ вопросъ объ успокоеніи умовъ и о воздѣйствіи на молодежь. Безошибочно можно сказать, что ни до Чернышевскаго, ни послѣ него наша литература не выдвигала никого, кто бы такъ сильно и властно овладѣлъ умами современниковъ и воплотилъ бы въ своей личности отвѣты на запросы своей эпохи. Мы уже отмѣтили, что рядомъ съ нимъ по вопросамъ критики и сатирической полемики работалъ чрезвычайно талантливый его единомышленникъ, молодой писатель Н. А. Добролюбовъ, который въ своихъ статьяхъ развивалъ съ удивительнымъ блескомъ тѣ же соціально-политическіе мотивы, что и Чернышевскій, что въ значительной степени облегчало имъ обоимъ общественную пропаганду и воспитаніе поколѣній, въ особенности молодежи, въ опредѣленномъ оппозиціонномъ направленіи и нервномъ настроеніи.

Опредѣляя значеніе Добролюбова въ нашей общественной жизни, С. А. Венгеровъ въ своемъ «Общемъ очеркѣ исторіи новѣйшей литературы»[1]) говоритъ: «...въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ, потому что всегда ненавидитъ сильно тотъ, кто сильно любитъ. Молодость сыграла весьма крупную роль въ созданіи добролюбовской рѣзкости и непримиримости. Не переживъ самъ николаевской эпохи, онъ не могъ чувствовать того умиленія отъ перемѣны политической атмосферы, которое охватило людей, живо помнившихъ недавніе дни безправія и мрака. Идеалы его шли гораздо дальше. Ученикъ Чернышевскаго, онъ никакъ не могъ удовлетвориться умѣренными требованіями эпохи, а стадность внезапно... народившагося всероссійскаго «прогресса» ему прямо претила. Слишкомъ глубоко преданный идеѣ дѣйствительнаго прогресса онъ не выносилъ показной и репетиловски-шумливой прогрессивности, и вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч., разныхъ Розенгеймовъ, Бенедиктовыхъ, Львовыхъ, Соллогубовъ, которымъ вторили даже откупщикъ Кокоревъ и разные ловители рыбы въ мутной водѣ, его крайне раздражали. Въ серьезную борьбу онъ не вступалъ съ этою стадностью, но въ знаменитомъ «Свисткѣ»—сатирическомъ приложеніи къ «Современнику» (заведенъ въ 1858 году), гдѣ онъ принялъ дѣятельное участіе, Добролюбовъ, далъ полную волю своему тонкому остроумію и разъ навсегда провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между людьми, либеральничающими, по-

[1]) С. А. Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы».

тому, что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни—священный лозунгъ всѣхъ ихъ духовныхъ стремленій».

Откидывая опредѣленіе Добролюбова, какъ «разрушителя» по преимуществу, г. Венгеровъ продолжаетъ: «Несправедливо... усматривать въ Добролюбовѣ разрушителя «эстетики» и упразднителя искусства. И то и другое можетъ быть пріурочено только къ Писареву. Самъ же онъ является не провозвѣстникомъ публицистическаго искусства, а основателемъ публицистической критики. Съ него начинается та полоса русской критики, не закончившаяся и понынѣ, когда чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяютъ на оцѣнку произведенія: его оцѣниваютъ, по преимуществу, какъ факторъ прогресса или регресса... Начиная съ Добролюбова, литературные критики наши—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить свои общественные идеалы. Добролюбовъ создалъ особый родъ критическихъ статей «по поводу», которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія... и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты новаго міросозерцанія».

«Современникъ», предводительствуемый Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, являлся въ эпоху 60-хъ годовъ тою вліятельною и все-рѣшающею политическою трибуною, откуда безапелляціонно давались общественныя директивы, откуда наносились безжалостные удары по представителямъ казеннаго прогресса, гдѣ клеймился регрессъ и гдѣ намѣчались соціалистическіе пути развитія общественной жизни. Не таково было значеніе другого вліятельнаго ежемѣсячника—Кушелевскаго «Русскаго Слова», сыгравшаго въ тогдашней дѣйствительности тоже крупную роль. Отсюда выступилъ на арену русской жизни «мыслящій реалистъ», родной братъ и предтеча уже нарождавшагося въ ту пору «нигилиста», оставившаго по себѣ въ развитіи нашего умственнаго движенія такой своеобразный слѣдъ.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, главный дѣятель журнала, въ противоположность Чернышевскому и Добролюбову, вышедшимъ изъ духовной среды, былъ по всѣмъ первоначальнымъ наклонностямъ, воспитанію и вкусамъ отпрыскомъ дворянства, но, попавъ въ передѣлку редактора «Русскаго Слова» Благосвѣтлова, этого типичнаго представителя «бурсацкой озлобленности» ко всему привилегированному, быстро скинулъ со всѣмъ пыломъ своей высокодаровитой натуры съ себя всѣ традиціи соціальнаго прошлаго и сталъ во главѣ крайняго направленія; его лозунгомъ было— сплошное отрицаніе и разрушеніе всего, что хоть чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь было связано съ наслѣдіемъ прошлаго, съ традиціями

отцовъ и дѣдовъ. Немного какъ бы влюбленный въ Писарева, покойный Андреевичъ-Соловьевъ его лучшій біографъ, такъ характеризуетъ главнаго идейнаго вдохновителя «Русскаго Слова»[1]): «Писаревъ,—говоритъ онъ,—никогда не формулировалъ ясно своего общественнаго идеала, но у него былъ «герой», въ выясненіи индивидуальности котораго и заключается суть его критическихъ статей. Этотъ герой—мыслящій реалистъ, нашедшій свое литературное воплощеніе въ типѣ Базарова. Писаревъ облюбовалъ этотъ типъ, облюбовалъ, какъ эстетикъ, потому что для него жизнь мыслящаго реалиста не только самая полезная, но и самая красивая. Въ мыслящемъ реалистѣ на первомъ планѣ стоитъ его ярко выраженная индивидуальность. Онъ вѣритъ только въ умъ, знаніе, науку. Онъ врагъ всякихъ предразсудковъ, стѣсняющихъ всякую свободу, онъ врагъ всякихъ сословныхъ, кастовыхъ перегородокъ, мѣшающихъ человѣку работать въ сферѣ истиннаго своего призванія, «гдѣ онъ только и можетъ принести наибольшую пользу обществу съ наибольшимъ наслажденіемъ для себя». Онъ имѣетъ дѣло прежде всего съ дѣйствительностью, которая, вслѣдствіе нищеты и невѣжества людей, требуетъ постоянныхъ улучшеній и настойчивой работы. Эта работа, руководимая и вдохновляемая всѣмъ прежнимъ реальнымъ опытомъ человѣчества,—истинное ея назначеніе. Но во имя чего станетъ работать мыслящій реалистъ? Во имя долга? Конечно, нѣтъ, такъ какъ Писаревъ не признавалъ долга. Во имя нравственной отвѣтственности передъ людьми? Тоже нѣтъ, потому что реалистъ такой отвѣтственности не знаетъ. Во имя общественной пользы? Польза, конечно, будетъ, но не она вдохновляетъ къ труду. Вдохновляетъ лишь красота самой работы, наслажденіе, получаемое отъ нея, вдохновляетъ творческое осуществленіе цѣли и вліяніе на жизнь.

«Этимъ Писаревъ какъ бы замыкаетъ кругъ рѣшенія задачи о смыслѣ жизни. Все выходитъ изъ личности, все возвращается къ ней. Она не требуетъ для себя никакой опеки, никакого руководства, кромѣ руководства науки и знанія. Внѣ себя она не ищетъ ни опоры, ни цѣли. Она совмѣщаетъ въ себѣ весь полный Божій міръ, и даже работа, которую она отдаетъ обществу, возвращается къ ней въ видѣ наслажденія и вліянія. Ея первая, главная, единственная цѣль—собственное развитіе, собственное совершенствованіе. Внѣ личности, важнѣе личности нѣтъ ничего; все, что отвлекаетъ личность отъ самой себя,—все это вредно. И Писаревъ всею силою возставалъ противъ мистики, говорящей о началахъ высшихъ, чѣмъ личность, и противъ схоластики и метафизики, т. е. той же мистики, только преображенной, введенной въ логическія схемы и формулы. Личность мыслящаго

[1]) «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка».

реалиста есть нѣчто самоцѣнное и самодовлѣющее, значитъ, нѣчто такое, что можетъ пользоваться абсолютной, безграничной свободой и полной безотвѣтственностью. Реалистъ всегда поступаетъ за свой счетъ и на свой страхъ. Если разумъ и наука оправдываютъ его поведеніе, то никакого другого оправданія ему не нужно. И Писареву въ сущности оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы дойти до «потребляющей ближнихъ своихъ» личности Штирнера или даже до сверхъ-человѣка Ницше. Но этого шага онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Сынъ 60-хъ годовъ, ученикъ Чернышевскаго, Писаревъ долженъ былъ считаться съ идеей общественной пользы и интересовъ массы, т. е. господствующей, центральной идеей эпохи,—такой даже, которая составляла истинное ея содержаніе, ея одухотворяющее начало. И эту идею онъ принялъ также цѣльно, также органически, съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ и идею личной свободы».

Не касаясь вопросовъ политическихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и останавливая свое вниманіе лишь на вопросѣ соціальномъ, Писаревъ полагалъ, что этотъ соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только «мыслящимъ пролетаріатомъ», что судьба многомилліоннаго русскаго народа находится въ рукахъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, идеалъ каковыхъ и былъ имъ выдвинутъ для воплощенія современникамъ съ образцомъ подражанія въ лицѣ тургеневскаго Базарова, этого перваго литературнаго «нигилиста», какъ героя своего времени.

Ученіе Писарева, или, какъ говорится, «писаревщина», увлекло собою значительную часть общества, въ особенности молодежь, и освобожденіе отъ всякихъ «предразсудковъ», этическихъ, эстетическихъ, соціальныхъ и политическихъ, стало девизомъ эпохи въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи, бывшей и остающейся всегда падкою на всякое подражаніе и повторенія съ чужого голоса, на которомъ лежитъ хоть нѣкоторая печать оригинальности, а въ особенности рѣзкости и хлесткости. Голосъ Писарева, поддержанный довольно талантливымъ хоромъ прочихъ сотрудниковъ изъ редакціи «Русскаго Слова», пришелся по вкусу русской толпѣ, которая, въ упоеніи призрачной наступившей общественной свободой, поспѣшила принять къ исполненію велѣнія своего талантливаго учителя, выбрасывая за бортъ обихода всѣ свои обязанности—религіозныя, семейныя, гражданскія, какъ ненужные предразсудки, стоящіе искусственною преградою на пути къ достиженію счастія индивидуальнаго, къ использованію даровъ жизни въ ихъ наибольшей полнотѣ. Писаревъ твердилъ, раздувая инстинкты толпы: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть». И впечатлительная толпа, нервно взвин-

ченная вѣяніями эпохи, съ упоеніемъ внимала этому крику, нанося въ какомъ-то дикомъ изступленіи удары—и родительской власти, и семейному союзу, и Венерѣ Милосской, и Мадоннѣ Рафаэля, плевала на все прекрасное и изящное, обезображивала свой наружный обликъ и доводила до «скотства» свои потребности физическія и моральныя. Что-то дикое и антикультурное вошло въ жизнь, внеся въ нее грубость нравовъ и пониженіе умственнаго общественнаго уровня, обезцѣненіе духовнаго естества человѣка и главенство надъ всѣмъ и вся интересовъ матеріальныхъ и утилитарныхъ.

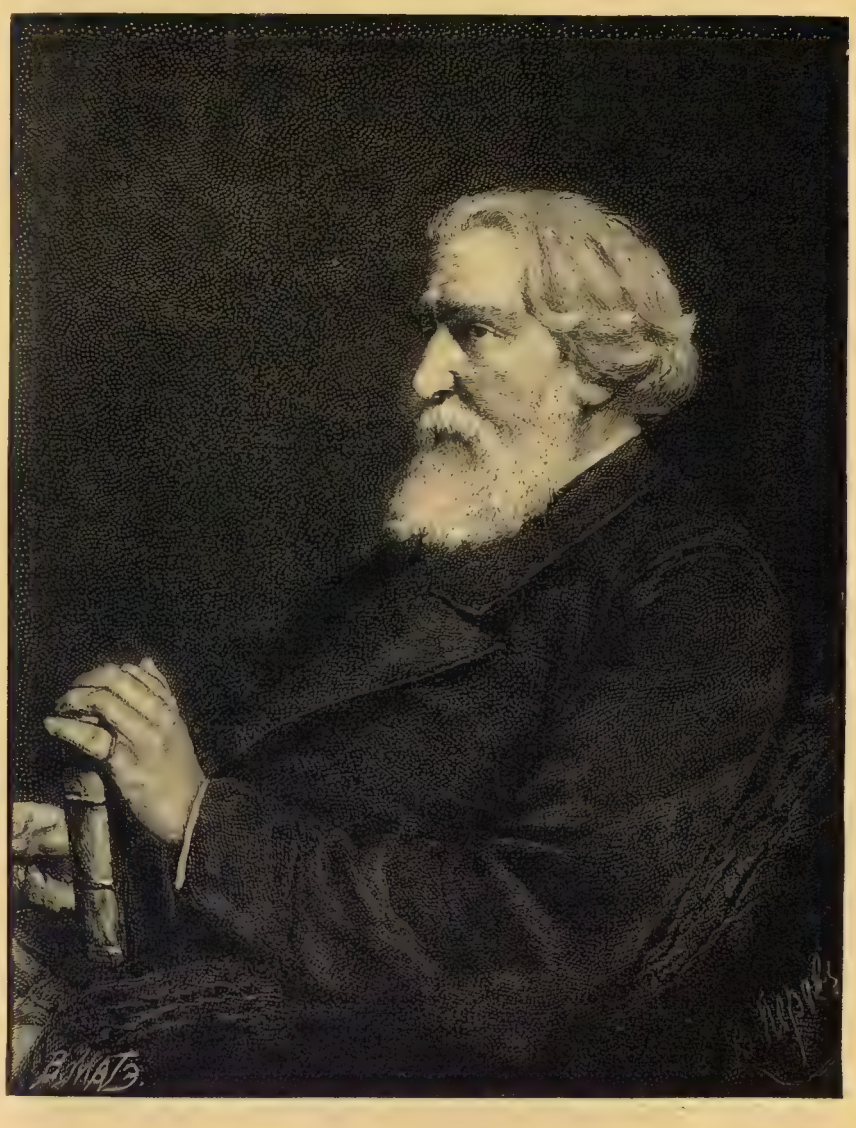
Исторически-послѣдовательно говоря, Базаровъ собственно не былъ настоящимъ нигилистомъ, каковой нечесаный, немытый, грязный и циничный сталъ передъ русскимъ обществомъ и русскою литературою во весь свой ростъ лишь во вторую половину 60-хъ годовъ. Создавая своего героя, Тургеневъ и по поводу его самого, и по поводу самаго произведенія, и по поводу разноголосицы критики въ ея отношеніи къ роману «Отцы и дѣти» писалъ К. К. Случевскому въ письмѣ, отъ 14 апрѣля 1862 г. [1]):

1) «Базаровъ все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа (Катковъ находилъ, что я въ немъ представилъ апоѳеозу «Современника»). Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое,—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей,—а вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ? Stoff und Kraft онъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. пустую книгу; дуэль съ П. П. именно введена для нагляднаго доказательства пустоты элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически; и какъ бы онъ отказался отъ нея: вѣдь П. П. его побилъ бы. Базаровъ, по-моему, постоянно разбиваетъ П—а П—а, а не наоборотъ; и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать революціонеромъ.

2) То, что сказано объ Аркадіи, о реабилитированіи отцовъ и т. д., показываетъ только,—виноватъ!—что меня не поняли. Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса. Вглядитесь въ лица Н—я П—а, П—а П—а, Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хорошихъ представителей дворянства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновниковъ, генераловъ, грабителей и т. д. было бы грубо, le pont aux ânes—и невѣрно. Всѣ истинные отрицатели, которыхъ я зналъ, безъ исключенія (Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и д. т.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей. И въ этомъ заключается великій смыслъ; это отнимаетъ у дѣятеля, у отрицателей всякую тѣнь личнаго негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни. Графиня Сальясъ неправа, говоря, что лица, подобныя Н. П—ву и П—у П—у,—наши дѣды:

---

[1]) «Щукинскій Сборникъ». выпускъ VII.



И. С. Тургеневъ.

Н. П. это—я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П. Столыпинъ, Есаковъ, Россети—тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ, и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать ихъ несостоятельность. Представить съ одной стороны взяточника, а съ другой—идеальнаго юношу—эту картину пускай рисуютъ другіе... Я хотѣлъ большаго. Базаровъ въ одномъ мѣстѣ у меня говорилъ (я это выкинулъ для цензуры) Аркадію, тому самому Аркадію, въ которомъ ваши гейдельбергскіе товарищи видятъ болѣе удачный типъ: «твой отецъ—честный малый, но будь онъ расперевзяточникъ,—ты все-таки дальше благороднаго смиренія или кипѣнія не дошелъ бы, потому что ты—дворянчикъ»...

4) Смерть Базарова (которую графиня Сальясъ называетъ г е р о и с к о ю и потому критикуетъ) должна была, по-моему, наложить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. А ваши молодые люди и ее находятъ случайной! Оканчиваю слѣдующимъ замѣчаніемъ: если читатель не полюбитъ Базарова со всей его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью,—если онъ его не полюбитъ, повторяю я,—я виноватъ и не достигъ своей цѣли. Но «разсыропиться», говоря его словами,—я не хотѣлъ, хотя черезъ это я бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ. Я не хотѣлъ напрашиваться на популярность такого рода уступками. Лучше проиграть сраженіе (и, кажется, я его проигралъ), чѣмъ выиграть его уловкой. Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная,—и все-таки обреченная на погибель,—потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго,—мнѣ мечтался какой-то странный pendant Пугачевымъ и т. д. А мои молодые современники говорятъ мнѣ: качая головами: «Ты, братецъ, опростоволосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ,—напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился». Мнѣ остается сдѣлать, какъ въ цыганской пѣснѣ: «снять шапку да пониже поклониться». До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намѣренія, только два человѣка—Достоевскій и Боткинъ».

Писаревъ, увлекшись личностью Базарова, усматривалъ въ немъ именно тѣ самыя черты, которыя наложилъ на свой литературный типъ самъ его создатель—Тургеневъ, окрестившій его именемъ «нигилиста». Базаровъ былъ собственно «мыслящимъ реалистомъ», предтечею «нигилизма», который, явившись на аренѣ русской дѣйствительности нѣсколько позже, воплотилъ въ себѣ всю полноту мѣщанскаго эгоизма съ культомъ собственнаго «я». Появленіе этого сорта людей рисуется Н. К. Михайловскимъ такъ [1]): «Пришли люди, не мучившіеся надъ выработкой грубыхъ формулъ, не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допускала бы практическаго паденія, несмотря на односторонность теоретическихъ положеній. Пришли эти люди и подобрали наши краткія и ясныя формулы, и пустили ихъ въ оборотъ... Боже, что они изъ нихъ сдѣлали! Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы реалисты;

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. IV.

а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы реалисты; а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей собственной утробы... Мы реалисты; а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма наука должна служить практикѣ и сама по себѣ цѣны не имѣетъ, то мы пускаемъ ее въ ходъ для обдѣлыванія своихъ практическихъ дѣлишекъ... И т. д., и т. д. Словомъ, пришлые люди, подобравъ наши краткія и ясныя формулы, уединивъ ихъ отъ процесса ихъ выработки, навѣсили на нихъ всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую низость...»

Въ качествѣ историко-философскаго противовѣса нигилизму, въ качествѣ реакціи этому общественному явленію явился въ семидесятыхъ годахъ политическій идеализмъ, отвлекшій массу молодежи отъ проповѣди чистаго эгоизма въ сторону политическаго альтруизма, къ стремленію положить душу свою за ближняго, особенно за меньшого брата въ лицѣ той многомилліонной массы, для которой 19 февраля 1861 года принесло одновременно и столько радости и немало горя... Но движеніе семидесятыхъ годовъ могло осуществиться лишь послѣ того, какъ пути движенія были пріуготовлены, и въ этомъ отношеніи и «реализмъ» Писарева, и «нигилизмъ» его эпигоновъ сыграли свою роль, хотя бы и отрицательную. Ихъ вызовъ с и л ь н а г о на общественную арену былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и призывомъ къ борьбѣ. Кирсановы, Лаврецкіе, Рудины—эти представители уходившей въ историческую даль дворянской Россіи—не были способны на подвиги активной борьбы. Для этого потребовались люди съ закваской Базарова, но безъ его узкаго profession de foi. И они явились и взяли на себя громадную тяжесть непримиримой борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, гдѣ потребовались жертвы, жертвы и жертвы... Какъ повели они эту борьбу, какіе пути для того себѣ избрали, мы увидимъ далѣе. Мы отмѣчаемъ здѣсь только преемство типа. Нигилизмъ былъ тою заразною общественною болѣзнью, той maladie d'enfance, послѣ которой наступаетъ исцѣленіе и нарастаніе рвущихся наружу силъ. И этими силами нужно было умѣло и во время воспользоваться, но... правительство все никакъ не могло «уяснить своихъ видовъ», своего историческаго національнаго призванія, и кровавая драма съ ужасающею послѣдовательностью развернулась, поглотивъ въ своемъ развитіи массу жизней и средствъ и принеся въ жертву этой борьбѣ на многіе годы культурное благополучіе русскаго народа, какъ то и предсказывалъ въ свое время К. С. Аксаковъ.

V.

Подпольная печать.—Общество «Великоруссъ» и первые №№ его изданія.—№ 3 «Великорусса», посвященный вопросу «о династіи» и съ проектомъ адреса государю.—Прокламаціи «Къ молодому поколѣнію».—Отвѣтъ «Великоруссу» въ «Колоколѣ».—Опредѣлившаяся на основаніи этихъ литературныхъ произведеній группировка политическихъ настроеній.—Слѣдствіе и судъ надъ участниками организаціи «Великорусса».—Участіе Чернышевскаго въ этой организаціи.—М. И. Михайловъ—авторъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію».—Арестъ Михайлова и проектъ адреса литераторовъ на высочайшее имя.—Привѣтствіе Михайлову со стороны студентовъ въ Петропавловской крѣпости.—Его ссылка въ Сибирь.

Соціалистическая проповѣдь Чернышевскаго, оппозиціонные призывы Герцена и разрушительные методы борьбы Писарева подъ общій аккомпанименъ ихъ литературныхъ единомышленниковъ сыграли въ жизни русскаго общества шестидесятыхъ годовъ рѣшающую роль. Оно какъ-то сразу поднялось, почуяло свою силу и изъ состоянія неопредѣленнаго броженія съ туманными задачами въ будущемъ и неопредѣленною программою дѣйствій въ настоящемъ, очень скоро очутилось на революціонномъ пути съ готовностью итти на борьбу съ правительствомъ, благо это правительство, по признанію самого министра внутреннихъ дѣлъ, еще не уяснило себѣ своей ближайшей задачи и было сбито со своего вѣковѣчнаго пути—подавленія путемъ репрессій всякихъ проявленій свободнаго духа и свободной мысли. И предвѣстниками начала активныхъ общественныхъ выступленій революціоннаго характера послужили появившіяся лѣтомъ и осенью 1861 года прокламаціи—«Великоруссъ», «Къ молодому поколѣнію» и др., а также волненія студентовъ университетовъ. Студенты именно съ этого историческаго момента берутъ на себя роль летучихъ отрядовъ русской революціонной арміи, нащупывающихъ настроеніе правительственныхъ сферъ, создающихъ администраціи постоянныя затрудненія и выдѣляющихъ изъ своей среды уже побывавшихъ въ дѣйствіи борцовъ для самой арміи.

До лѣта 1861 года мы имѣли дѣло лишь съ зарубежною печатью, хотя обильно и просачивавшейся въ русскую публику, но испытавшей въ своемъ распространеніи немало затрудненій и препятствій, или съ печатью подцензурною, стѣсненною въ свободѣ рѣчи, вынужденною говорить междустрочіемъ и «эзоповымъ» языкомъ. Теперь мы становимся лицомъ къ лицу съ «печатью подпольною», которая съ величайшими жертвами для ея создателей получаетъ широкое распространеніе по всей Россіи и является «вольнымъ голосомъ» русскихъ людей у себя дома, на родномъ берегу. № 1 «Великорусса», напечатанный въ тайной типографіи, появился въ іюлѣ 1861 г. и открылъ собою первую главу изъ исторіи отечественной нелегальной литературы. Слѣ-

дующіе номера появились въ августѣ и сентябрѣ, а въ промежуткѣ этого времени распространилась въ обществѣ привезенная изъ-за границы крайне рѣзкая по тону и полемическая по адресу «Великорусса» прокламація «Къ молодому поколѣнію». Оба этихъ литературныхъ произведенія, къ ознакомленію съ которыми намъ надлежитъ сейчасъ обратиться, повлекли за собою политическіе процессы съ участіемъ въ нихъ, въ роли обвиняемыхъ, представителей литературы, они же открыли собою длинный рядъ послѣдующихъ политическихъ процессовъ съ ихъ печальными жертвами и трагическими эпилогами.

Первый нумеръ нелегальнаго изданія «Великоруссъ» былъ разбрасываемъ и разсылаемъ по разнымъ намѣченнымъ адресамъ въ іюлѣ 1861 года. Содержаніе его было слѣдующее [1]):

«Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ожидать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

«Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты вынуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались образованные классы. Сначала же попробуемъ; быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

«Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

«Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаетъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?

«Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а, опредѣливъ способы дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать».

На поставленные вопросы редакціей «Великорусса» были, повидимому, получены надлежащіе отвѣты, которые она и резюми-

[1]) «Былое», 1906 г., іюль.

ровала въ слѣдующемъ № листка, вышедшемъ въ первой половинѣ сентября. Отвѣты обнимаютъ собою три главныя стороны русской жизни: крестьянскій вопросъ, польскій вопросъ и вопросъ о конституціонной формѣ правленія. По первому пункту редакція устанавливаетъ положеніе, что «для мирнаго водворенія законности необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи».

Что касается польскаго вопроса, то по этому пункту утверждается, что русскіе приверженцы законности должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. «Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуетъ того же,—говорится здѣсь.—Наша власть надъ Польшей основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми царство Польское было соединено съ Россіей на Вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную чисто-національную армію. Мы измѣнили этому слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками». Указавъ на финансовую невыгодность порабощенія Польши и на необходимость рано или поздно отозвать оттуда наши войска, «Великоруссъ» приходитъ къ заключенію, что «вопросъ о Польшѣ для насъ, русскихъ, состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется враждебной тогда намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ».

Далѣе въ прокламаціи устанавливается необходимость дать населенію южной Россіи полную свободу располагать своею судьбою по собственной волѣ. «Теперь этотъ народъ,—читаемъ мы здѣсь,—еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій не довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого,—мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшилъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго

для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою». Заключительная часть прокламаціи посвящена вопросу объ утвержденіи въ нашемъ отечествѣ конституціи и здѣсь мы читаемъ: «Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому, подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными людьми, которыхъ укажетъ голосъ публики».

Черезъ двѣ недѣли по выходѣ № 2 «Великорусса» вышелъ и № 3, посвященный вопросу «о династіи» и съ проектомъ адреса государю. Свои разсужденія о царствующей династіи «Великоруссъ» начинаетъ съ нѣкоторой справки объ общественной анкетѣ, сдѣланной по сему предмету, и говоритъ: «Мнѣнія о томъ, способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ о произнесенныхъ будто бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, наклоннымъ къ спокойному пользованію почетностью и матеріальными выгодами своего положенія. Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцемъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія, и пріобрѣтенной имъ при-

вычкѣ пользоваться неограниченною властью, и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ, и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты боязнью политической свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

«Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, попрежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій, совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску Неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластія добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію конституціи. Но, будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою во мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи—дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ».

Въ виду такого разногласія во мнѣніяхъ о династіи таинственный комитетъ, руководившій «Великоруссомъ» и намѣчавшій опредѣленное политическое движеніе въ нашемъ отечествѣ, предполагалъ «дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью, совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ», оговариваясь, что самъ комитетъ «вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ» полагаетъ, что «законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить». Тѣмъ не менѣе комитетъ предлагаетъ всѣмъ единомышленникамъ нѣсколько потерпѣть и помочь «умѣренной партіи» сдѣлать нѣкоторую пробу настроенія представителей династіи, въ каковыхъ цѣляхъ и подать государю адресъ, написанный въ умѣренномъ духѣ.

Проектъ этого адреса былъ приложенъ къ № 3 «Великоруссa» въ такой редакціи:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Положеніе нашей русской родины тяжко и опасно.

«Дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права рѣшено въ смыслѣ, противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19 февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года, и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ, которыхъ вознаградитъ государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19 февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ,—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическіе формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ.

«Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ нами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которое не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

«Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ.

«Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи».

Комитетъ «Великорусса» не только спроектировалъ текстъ адреса, но обсудилъ также способы, какъ осуществить его подачу. По мнѣнію редакціи, слѣдовало воспользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать принципы адреса и мысль о необходимости подачи его Александру II. «Сначала,—говоритъ комитетъ,—пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти, руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинако съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ,

вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ, въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ итти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надо спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденіе».

Такова была общая задача, но для людей «сильныхъ умомъ и характеромъ» комитетъ намѣчалъ и иную обязанность, болѣе трудную, сложную и отвѣтственную, а именно «организовать и дисциплинировать движеніе», въ каковыхъ цѣляхъ эти люди должны были составлять по всей Россіи комитеты, которые бы систематически руководили партіями и держались слѣдующихъ конспиративныхъ правилъ: 1) ничего не ввѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ; всѣ дѣла должны были вестись изустно; 2) никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего города, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого комитета.

Когда такая организація будетъ установлена, комитеты, по мнѣнію «Великорусса», могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ ихъ открытія, ихъ нельзя будетъ даже назвать тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою и предотвращающихъ напрасныя столкновенія. На ихъ же обязанности лежало «озаботиться заслужить довѣріе молодежи», «давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды» и удерживая ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, грозящихъ имъ гибельнымъ концомъ. «Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступитъ въ сношеніе съ ними,—заявляетъ редакція «Великорусса».— Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому нужно будетъ знать ихъ для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ нумерѣ «Великорусса» мы съ расчетомъ только ставили вопросы, и притомъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ программу, которую потребовали они сами.

«Итакъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія, соби-

раніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстимости нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь... Поймите свою силу вы, къ кому мы обращаемся теперь». Въ заключеніе «комитетъ» заявляетъ съ нѣсколько грознымъ предостереженіемъ: «Этимъ нумеромъ и проектомъ наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не остается выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить ужъ не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ».

Таково содержаніе трехъ номеровъ перваго нелегальнаго русскаго политическаго листка, напечатаннаго на родной землѣ, распространеннаго въ значительномъ количествѣ экземпляровъ среди обывателей обѣихъ столицъ и вызвавшаго въ обществѣ обширные толки—съ одной стороны, а съ другой—въ правительственныхъ кругахъ—сознаніе и пониманіе, что зарево домашняго политическаго пожара уже занимается и что съ этимъ пожаромъ необходимо бороться самыми рѣшительными мѣрами.

Въ связи съ разыгравшимися въ тѣ дни студенческими безпорядками Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» занесъ подъ 30-е

сентября: «...Не одно университетское юношество замѣшано въ настоящемъ движеніи. Ему сочувствуютъ рѣшительно всѣ здѣшнія высшія учебныя заведенія, да и не одни здѣшнія, а и провинціальныя. Всѣ теоретики-либералы, журналисты также на ихъ сторонѣ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что происшествія послѣднихъ двухъ дней связаны съ прокламаціями «Великорусса» и «Къ молодому поколѣнію», гдѣ провозглашается открыто революція. Словомъ, это симптомъ революціонной лихорадки, которая охватила множество легкихъ пишущихъ и велерѣчащихъ умовъ. Явленіе это, пожалуй, вполнѣ естественно, но ему надо противодѣйствовать разумно и энергически, иначе оно поведетъ насъ къ анархіи, а анархія, какъ извѣстно, оканчивается страшнѣйшимъ изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмомъ реакціоннымъ». Итакъ, Никитенко, человѣкъ обширнаго знакомства въ столицѣ и часто вѣрно отражавшій своими записями въ «Дневникѣ» настроенія, царившія въ широкихъ общественныхъ и бюрократическихъ кругахъ, не усомнился придать «Великоруссу» большое значеніе и поставить его въ непосредственную связь съ волненіями молодежи, приковавшими къ себѣ въ тѣ дни всеобщее вниманіе. Это вліяніе на ходъ тогдашнихъ событій «Великорусса» онъ раздѣлилъ и съ появившейся тогда же прокламаціей «Къ молодому поколѣнію». Въ интересахъ послѣдовательности изложенія прежде, чѣмъ обратиться къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу «Великорусса» и къ изложенію судьбы лицъ, замѣшанныхъ въ его распространеніи, отмѣтимъ сначала содержаніе второй прокламаціи, которой либеральный цензоръ придалъ такое большое значеніе и которая сыграла въ исторіи нашей журналистики значительную роль съ ея печальными послѣдствіями.

Прокламація «Къ молодому поколѣнію» явилась продуктомъ заграничнаго тисненія и плодомъ работы герценовской типографіи. До нѣкоторой степени ее можно разсматривать, какъ отголосокъ движенія мысли, созданнаго комитетомъ «Великорусса», и развитія тѣхъ положеній, которыя были изложены на страницахъ «Колокола» въ отвѣтъ первому русскому нелегальному листку.

Когда вышелъ № 1 «Великорусса», Герценъ съ радостью его привѣтствовалъ, какъ первое проявленіе свободнаго русскаго голоса, раздавшагося на пространствѣ родной земли, внѣ соображеній цензурной дозволенности. Онъ помѣстилъ привѣтственную статью[1]) своему младшему политическому собрату подъ заглавіемъ: «Заводите типографіи! Заводите типографіи!», гдѣ говорилъ: «Теперь самое время. Мы съ восторгомъ узнали, что у насъ начали печатать въ тиши, не безпокоя цензуру, мы видѣли даже одинъ листокъ «Великорусса». Это второй необходимый

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 105.

шагъ; вездѣ такъ было. Дома стѣсненная мысль ныряла и появлялась вдругъ гдѣ-нибудь въ чужой странѣ; на время это удовлетворяетъ. Но какъ только мысли, печатаемыя за границею, начинаютъ осуществляться, имъ нужна родная почва, близость, вдохновенье дня. Печатайте ручными типографіями, печатайте кое-какъ, тутъ не до эльзевировскихъ изданій, имѣйте буквъ на полъ-листа, чтобы разомъ можно было спрятать отъ долгихъ рукъ и короткихъ умовъ тайной полиціи. Нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ легче заводить типографіи, какъ у насъ, вездѣ тѣснѣе живутъ. Но не намъ васъ учить, да еще публично, мы ограничиваемся братскимъ совѣтомъ: заводите типографіи! заводите типографіи!»

Совѣтъ Герцена былъ впослѣдствіи осуществленъ: домашнія тайныя типографіи сыграли въ развитіи русскаго революціоннаго движенія выдающуюся роль, доставивъ полицейской власти немало заботъ въ раскрытіи ихъ мѣстопребыванія и выясненіи личностей ихъ организаторовъ и руководителей, но все же значительная доля нелегальщины, какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ послѣдующія десятилѣтія проникала въ населеніе изъ-за границы. Въ ряду этой заграничной нелегальщины значится и прокламація «Къ молодому поколѣнію», снабженная эпиграфомъ изъ Рылѣева: «Я ль буду въ роковое время позорить гражданина санъ...» и съ помѣткой, что она «напечатана безъ цензуры въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1861 года». Начало ея посвящено крестьянскому вопросу съ утвержденіемъ, что освобожденіе сдѣлано вопреки интересамъ народа и что потому самодержавная власть правительства должна быть сметена, если она только не пойдетъ на надлежащія уступки. «Молодое поколѣніе,—восклицаетъ авторъ листка,—не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію—вы настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное намъ императорскою властью, вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого помазанія, что Богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила—духъ тьмы, а этотъ-то духъ и есть русская императорская власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ. Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ. Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ

больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ. Объясните все это народу и солдатамъ, но не забудьте прибавить, что помѣхой всему—царь и его министры, для которыхъ это выгодно».

Далѣе въ прокламаціи слѣдуетъ полемическая часть по адресу умѣренныхъ русскихъ конституціоналистовъ и отрицаніе необходимости для Россіи идти тѣмъ государственнымъ путемъ, изъ котораго возникли учрежденія Запада. «Въ послѣднее время,—сказано здѣсь,—расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придешь ли къ благосостоянію? односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ конечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется—деньги. А эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; онѣ черствятъ человѣка, онѣ ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общее съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

«Пусть несетъ его Европа... (мы) имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени. Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдуютъ намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рошера и Гнейста. Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значитъ, она намъ не учитель въ экономическомъ вопросѣ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы, русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новомъ и, нисколько

не плѣпяясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлать свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлалась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика. Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно».

Далѣе идутъ длинныя разсужденія о безсиліи власти, ничтожествѣ дворянства и т. д., въ заключеніе чего ставится вопросъ: чего же мы хотимъ? на что дается такой отвѣтъ: мы хотимъ свободы, чтобы число свободныхъ людей росло все больше, чтобы они тѣснѣе приставали одинъ къ другому, и, наконецъ, потребовали бы перемѣны существующихъ порядковъ. «Къ этимъ-то людямъ свободы мы и обращаемся—они поймутъ насъ, чего мы хотѣли! Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ—выборная и ограниченная. Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры. Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне имѣютъ это право, если они избираютъ сами отъ себя старшинъ и головъ, если общинамъ предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы, зачѣмъ же этими правами выборнаго начала и самоуправленія не пользуется вся остальная Россія?.. Наша сельская община есть основная ячейка, собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало. Вотъ что намъ нужно. Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало, чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала... Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы денежные сборы съ страны не шли неизвѣстно куда; чтобы ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ. Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи—явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы

землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины... мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки... мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель Европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19 февраля по міру... мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ; мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно... мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостного права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи... Мы хотимъ полнаго обновленія страны... уничтоженія мѣщанства—имъ должна быть дана земля... мы хотимъ сокращенія расходовъ на безполезную громадную армію... мы хотимъ сокращенія расходовъ на все управленіе... уничтоженія вредныхъ для народа управленій, какъ министерство государственныхъ имуществъ, министерство двора, удѣльное управленіе... мы хотимъ сокращенія расходовъ на царскую фамилію... мы хотимъ освобожденія изъ казематовъ и возвращенія изъ ссылки всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія... возврата на родину всѣхъ политическихъ выходцевъ... мы хотимъ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ».

Выставивъ такую программу хотѣній, авторъ прокламаціи спрашиваетъ: кто же будетъ ее выполнять? и отвѣчаетъ: надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола,—вотъ къ этимъ-то элементамъ и обращается воззваніе, восклицая: «Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку и разсказывать все одни и тѣ же разсказы объ однихъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать... пора приступить къ дѣлу теперь же, не теряя ни минуты. Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть: насъ милліоны, а злодѣевъ сотни. Стащите съ пьедестала, въ мнѣніи народа, всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами, объяспите народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять ту простую вещь, что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ изъ носа мужицкаго. Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами къ той роли, какую вамъ придется играть: зрѣйте въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и

поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14 декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ, право, умирать не легче!»

Тѣ мысли и положенія, которыя мы встрѣчаемъ въ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», также были изложены и въ «Отвѣтѣ

М. И. Михайловъ.

Великоруссу», помѣщенномъ въ «Колоколѣ» [1]), отъ 15 сентября н. с. Здѣсь, послѣ привѣтствія первому вольному голосу у себя на родинѣ, высказано и несогласіе съ программой «комитета» и сказано: «Великорусссъ» сознаетъ неизбѣжность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее «общество». Но если онъ серьезно

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 107.

взялся за дѣло и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Надо обращаться не къ «обществу», а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучшаго быть не можетъ, пока власть въ царскихъ рукахъ. Шевелить одержимое спячкой общество, конечно, не вредно—но вѣдь этимъ дѣла не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь некогда. «Общество» никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, что тому нужно. Общество—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій, стало, серьезной борьбы быть не можетъ; могутъ быть только размолвки о томъ, чтобы поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ. Да къ тому же это общество точно такъ же дрябло и безсильно, какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней. Оно, въ массѣ, пропитано до мельчайшихъ клѣточекъ организма черствымъ доктринерствомъ, лакейскимъ раболѣпіемъ, или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя».

Если нельзя надѣяться на общество въ полномъ его составѣ большинства, то имѣется въ наличіи выходъ: это—соединеніе меньшинства, и при томъ радикально настроеннаго, рѣшительнаго и альтруистическаго, съ народомъ. «Надо, чтобы это меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть. Если бъ такой союзъ существовалъ раньше, не текла бы теперь понапрасну неповинная кровь народная и не прошло бы правительству даромъ его преступное лже-освобожденіе. Но еще не все потеряно. Тупость бюрократій послужила впрокъ, обративъ противъ нея силу, которая могла бы поддержать ее всѣмъ своимъ могуществомъ. Настоящее освобожденіе упрочило бы ее на сотню лѣтъ, позволивъ пренебречь всевозможными противниками. Лже-освобожденіе погубитъ народъ. Съ ребяческимъ довѣріемъ ждетъ обманутый народъ черезъ два года полной воли и найдетъ—новое крѣпостное право. Въ этотъ промежутокъ меньшинство должно сдѣлать д ѣ л о».

Но какъ же приняться за дѣло? Отвѣтъ одинъ—организовать рядъ энергичныхъ тайныхъ конспиративныхъ кружковъ, которые и должны выдѣлить необходимыхъ «бойцовъ», быть можетъ, даже по своему происхожденію вышедшихъ изъ народа. «Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго, какъ тайные союзы,—говоритъ авторъ письма въ «Колоколѣ».—Они образуютъ бойцовъ, соединяютъ силы, подготовляютъ движеніе; безъ нихъ массы не поднимутся или, поднявшись неподготовленныя, не выдерживаютъ борьбы съ организо-

ваннымъ врагомъ. Назовите изъ цѣлой исторіи хотя одно удавшееся народное движеніе, совершенное безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся? Такихъ примѣровъ не найдется. У насъ обыкновенно ссылаются на неудачи 25 и 48 годовъ[1]). Тутъ неудачи произошли не оттого, что тайные союзы вообще средства негодныя, а потому, что начала этихъ союзовъ были невѣрны. Для насъ они служатъ предостереженіемъ отъ двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего-либо силами одного общества безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ».

Опорою тайныхъ союзовъ въ ихъ борьбѣ съ правительствомъ должны быть «несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его. На эти массы мы и обопремся». Въ чемъ же долженъ заключаться кругъ дѣйствія союзовъ? Онъ долженъ быть широкъ, чтобы всякъ нашелъ себѣ работу: «надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, заводить братства въ полкахъ, сближать солдатъ съ народомъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія, привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія, завести торговыя и промышленныя заведенія и готовить денежныя и всякія средства».

Авторъ ставитъ въ заключеніе и послѣдній вопросъ: къ чему стремиться—къ конституціи или къ чему иному? и отвѣчаетъ: «За конституцію стало бы, вѣроятно, почти все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь. Пусть они идутъ своей дорогой, мы своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собраній и свободу печати. Мы не знаемъ вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она цѣль и послѣднее слово».

«Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и полный союзъ областей».

Мы намѣренно привели большія выдержки, какъ изъ прокламаціи «Великоруссъ», такъ и «Къ молодому поколѣнію» съ доба-

[1]) Здѣсь авторъ разумѣетъ исторію кружковъ «декабристовъ» и «петрашевцевъ». Б. Г.

вленіемъ и выдержекъ изъ письма въ «Колоколъ», дабы ознакомить читателей подробно съ двумя главнѣйшими теченіями политической мысли, оформившимися въ русскомъ оппозиціонномъ обществѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Оба эти теченія надолго опредѣлили собою и группировку общественныхъ силъ въ ихъ натискѣ на правительственную власть, намѣтили разные между собою методы борьбы съ нею и конечныя вожделѣнія, неминуемо вытекающія изъ этой борьбы. Дальнѣйшія событія отечественной жизни въ кругу этихъ теченій и расположились въ двоякомъ направленіи и порядкѣ мыслей, какъ то намѣтилъ комитетъ «Великорусса» и составители прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Одна общественная группа, наиболѣе численная и вліятельная, приняла программу «комитета» и сдѣлала, какъ это видно будетъ далѣе, нѣкоторую попытку столковаться съ правительствомъ и мирнымъ путемъ добиться отъ него уступокъ по пути желательныхъ реформъ, другая—значительно менѣе численная, но зато рѣшительная и смѣлая, отбросила всякую мысль о возможномъ союзѣ съ правительствомъ и «обществомъ», или, правильнѣе, интеллигенціей, вышедшей изъ нѣдръ дворянскаго сословія, и пошла путемъ конспираціи, революціонной пропаганды, сближенія съ народомъ въ интересахъ политической агитаціи, не останавливаясь на пути своихъ дѣйствій передъ жертвами, ни даже передъ лицомъ смерти. Оба эти теченія получаютъ свое реальное осуществленіе именно со второй половины 1861 г., причемъ на первыхъ порахъ наблюдается какъ бы перевѣсъ успѣха на сторонѣ идейной проповѣди «Великорусса», а въ дальнѣйшемъ ходѣ событій—возобладаніе началъ, выдвинутыхъ авторомъ письма въ «Колоколъ», въ чемъ читатели убѣдятся въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія настоящихъ очерковъ. Пока же остановимся на вопросахъ, кто же были авторы приведенныхъ прокламацій, какова была ихъ дальнѣйшая судьба и какъ правительственная власть отозвалась на брошенный ему вызовъ.

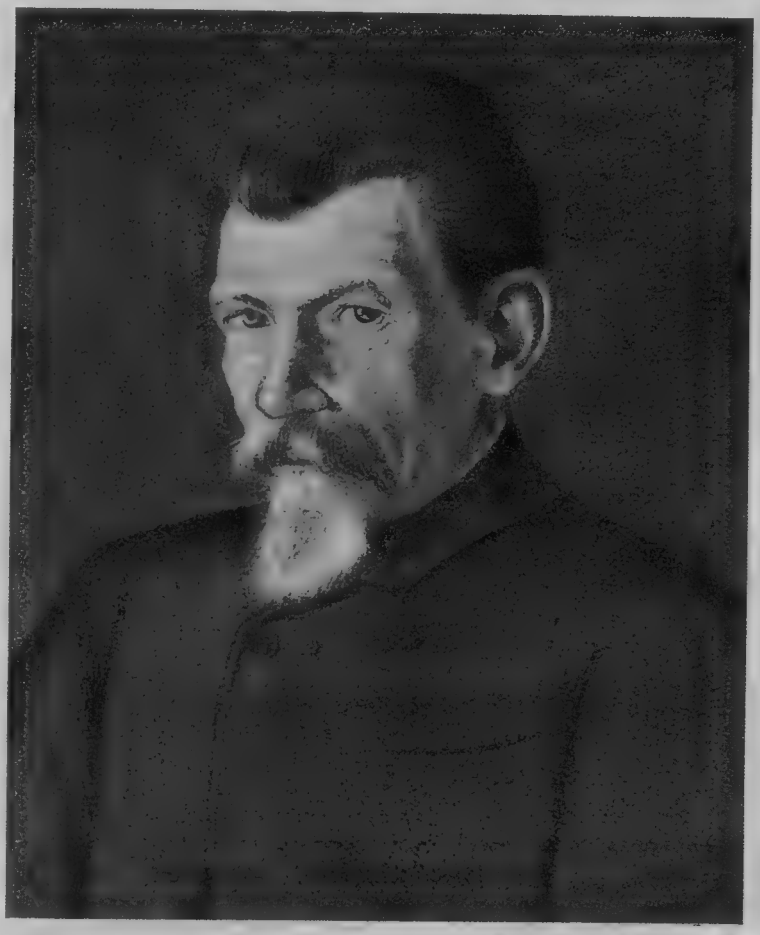
Несмотря на то, что въ настоящее время въ нашей литературѣ опубликованы во всѣхъ подробностяхъ свѣдѣнія о процессѣ «Великоруссцевъ»[1]), а также напечатаны воспоминанія «Изъ пережитаго»[2]) В. Обручева, привлекавшагося къ суду по дѣлу распространенія № 2 прокламаціи «Великоруссъ», тѣмъ не менѣе происхожденіе организаціи комитета «Великоруссъ», имена его членовъ и авторовъ, составителей самихъ прокламацій, остались не выясненными. Надъ всѣмъ этимъ эпизодомъ изъ политической жизни нашей интеллигенціи и посейчасъ виситъ туманъ, и только по догадкамъ, предположеніямъ и нѣкоторымъ сопоставленіямъ можно съ большею или меньшею достовѣрностью допустить, чьихъ рукъ было

---

[1]) «Былое», 1906 г., № 7.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1907 г., №№ 5 и 6.

дѣло созданія этихъ прокламацій и кто, повидимому, былъ идейнымъ вдохновителемъ таинственной организаціи. В. А. Обручевъ въ интересныхъ воспоминаніяхъ о своей роли въ распространеніи нумера «Великорусса» не пожелалъ сообщить, отъ кого онъ полу-



Н. В. Шелгуновъ.

чилъ пакеты съ прокламаціей для опусканія ихъ въ почтовые ящики столицы, каковы были детальныя обстоятельства даннаго ему порученія, и ограничился главнымъ образомъ передачей событій примѣнительно къ собственной личности и постигшей его печальной судьбѣ. Не выясняетъ интересующаго насъ вопроса и

отчетъ о процессѣ, опубликованный нынѣ г. М. Лемке на страницахъ «Былого», ибо ни слѣдствію, ни суду не удалось установить виновниковъ происхожденія «Великорусса». Правительство, употребившее всѣ силы къ раскрытію организаціи и къ поимкѣ виновниковъ, заполучило въ свою власть лишь второстепенныхъ персонажей, роль которыхъ была, повидимому, довольно случайною и исключительно исполнительною по распространенію прокламаціи, согласно кѣмъ-то заранѣе составленнымъ адресамъ. Привлеченными по дѣлу «Великоруссцевъ» къ слѣдствію и суду оказались всего пять человѣкъ: отставной офицеръ Обручевъ, студентъ Данненбергъ, студентъ Лобановъ, студентъ Сваричевскій и отставной лекарь Боковъ. Приговореннымъ оказался лишь Обручевъ къ каторжной работѣ на три года, остальные или были совершенно оправданы, или отданы подъ надзоръ полиціи послѣ сдѣланнаго имъ высочайшаго выговора. Вообще самый процессъ «Великоруссцевъ» ни въ какомъ отношеніи не представляетъ выдающагося интереса и не оставилъ по себѣ въ русской жизни значительнаго слѣда съ вытекающими изъ него чреватыми послѣдствіями. Но одно, что самый фактъ процесса обнаружилъ: это—наличіе въ столичномъ обществѣ сплоченной группы людей единомышленныхъ, готовыхъ вступить въ борьбу съ правительственной властью и уже дѣлающихъ реальные шаги къ тому, чтобы свернуть эту власть съ занятаго ею пути на новый.

Лица, занимавшіяся процессомъ «Великоруссцевъ» и опубликовавшія результаты своихъ изслѣдованій (М. Лемке [1]), А. Корниловъ [2]), Л. Кульчицкій [3]), а также современники процесса, составившіе воспоминанія о томъ періодѣ (Л. Пантелѣевъ [4]), г. Стахевичъ [5]), за исключеніемъ А. Корнилова, полагаютъ, что прокламаціи «Великорусса» были такъ или иначе дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Г. Стахевичъ такъ говоритъ объ этомъ, вспоминая свою близость съ Чернышевскимъ во время ссылки въ Сибирь: «Я замѣтилъ, что Чернышевскій съ явнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки надъ заглавіемъ «Великоруссъ»; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей, и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «Великорусса», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листковъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ пре-

---

[1]) «Былое», 1906 г. № 7.
[2]) «Крестьянская реформа».
[3]) «Исторія русскаго революціоннаго движенія».
[4]) «Изъ воспоминаній прошлаго».
[5]) «Закаспійское обозрѣніе», 1905 г., № 243.

образованій». Въ такомъ же духѣ высказывается и Л. Пантелѣевъ, говоря про нѣкоего Захарьина, съ которымъ былъ знакомъ: «Близость Захарьина съ Чернышевскимъ даетъ мнѣ основаніе думать, что Ник. Гавр. былъ, можетъ быть, не совсѣмъ чуждъ дѣлу «Великорусса». Къ тому же манера говорить съ публикой, стиль «Великорусса» очень напоминаютъ Н. Г.». Это лингвистическое соображеніе очень мѣтко; дѣйствительно, если вспомнить хотя бы «Письма безъ адреса» Чернышевскаго со строго-логическимъ развертываніемъ здѣсь основныхъ положеній, отступленіями, преобладаніемъ въ нихъ соображеній экономическаго порядка, нѣкоторой стилистической скупостью и сравнить эти свойства письма Николая Гавриловича съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ изложеніи прокламаціей «Великорусса», то сходство авторскихъ манеръ изложенія мысли явно бросается въ глаза и вызываетъ предположеніе о тождествѣ литературнаго пера. Если единоличное авторство Чернышевскаго въ интересующей насъ прокламаціи остается фактически бездоказательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ остается то положеніе, что «Великоруссъ» вышелъ изъ нѣдръ близкихъ редакціи «Современника», былъ ею одобренъ и съ ея благословенія пущенъ по бѣлому свѣту. Недаромъ же сотрудникъ «Современника» и лицо, находившееся подъ покровительствомъ Чернышевскаго, В. А. Обручевъ оказался виновнымъ въ распространеніи этой прокламаціи, и недаромъ цѣлый рядъ именъ, согласно воспоминаніямъ дѣятелей того времени, какъ-то связанъ, прямо или косвенно, какъ съ редакціей этого вліятельнѣйшаго и передового политическаго органа оппозиціоннаго характера, такъ и съ легендами и смутными слухами, сохранившимися отъ того періода нашей общественной жизни, о происхожденіи и дѣятельности общества «Великоруссъ».

Была ли дѣйствительно правильно поставлена организація «комитета», отъ имени котораго говорилъ первый русскій нелегальный листокъ, напечатанный въ типографіи академіи генеральнаго штаба, невозможно сказать, но вотъ тѣ нѣкоторыя имена, которыя состоятъ въ исторической связи съ появленіемъ «Великорусса»—Н. Г. Чернышевскій, В. А. Обручевъ, братья А. и Н. Серно-Соловьевичи, Лучининъ[1]), Жукъ, Захарьинъ, А. Слѣпцовъ, къ нимъ же примыкали, по словамъ А. Кульчицкаго, и нѣкоторые офицеры, «вышедшіе въ періодъ 1857—62 г. изъ двухъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній—академіи генеральнаго штаба... и артиллерійской академіи—и позже погибшіе преимущественно въ царствѣ Польскомъ, до и послѣ возстанія, за сочувствіе польскому движенію».

---

[1]) Выведенный, по предположеніямъ г. Пантелѣева, въ «Прологѣ прологовъ» Чернышевскаго подъ именемъ Невельгина. Б. Г.

Когда-то Герценъ изъ своего далека взывалъ къ русскимъ людямъ—«vivos voco», и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда пробилъ часъ для русскихъ реформъ и послѣднія пошли не по тому пути, который намѣчался для нихъ передовою политическою мыслью того времени, эти «живые» люди отозвались на его призывъ. Во главѣ ихъ, какъ дающіе тонъ и направленіе политической работѣ и агитаціи, стали представители литературы, а въ качествѣ выполнителей явилась учащаяся молодежь изъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній, постепенно съ того времени и перешедшая въ составъ дѣйствующей арміи революціоннаго набора.

Если весь эпизодъ съ «Великоруссомъ» остался въ нашей литературѣ слабо выясненнымъ, съ широкимъ полемъ для гаданій и предположеній, то иначе обстоитъ дѣло съ прокламаціей «Къ молодому поколѣнію». Авторъ этого нелегальнаго творенія (по крайней мѣрѣ въ большей части его написанія) и онъ же, какъ корреспондентъ въ «Колоколѣ», былъ обнаруженъ въ ближайшіе дни появленія прокламаціи, отданъ подъ судъ и кончилъ свою жизнь въ далекихъ рудникахъ Сибири[1]). Талантливый писатель, прекрасный переводчикъ изъ Гейне, Гуда, Лонгфелло и др., поэтъ—Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, вотъ то имя, съ которымъ связана судьба этого радикальнаго литературнаго памятника, явившагося въ средѣ нашей общественности отвѣтомъ на умѣренный относительно призывъ «Великорусса» и тѣмъ первымъ ударомъ домашняго революціоннаго колокола, оповѣстившаго общество, что разрывъ наиболѣе пылкихъ общественныхъ элементовъ съ правительственною властью фактъ совершившійся и что дни отечественной смуты не за горами, какъ то и предсказывалъ въ свое время К. Аксаковъ.

Сношенія русскихъ писателей, какъ равно и очень многихъ дѣятелей нашей родины въ ихъ побывкѣ за границею, съ Герценомъ и его редакціей, начавшіяся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, стали съ теченіемъ времени все тѣснѣе и тѣснѣе. Въ числѣ лицъ, ставшихъ въ близкія отношенія къ редактору «Колокола», были и супруги Н. В. и Л. П. Шелгуновы и М. И. Михайловъ. Въ бытность свою за границею, лѣтомъ 1861 г., Шелгуновъ и Михайловъ, составившіе, повидимому, совмѣстно прокламацію «Къ молодому поколѣнію», рѣшили ее напечатать, вопреки совѣтамъ Герцена, что и было выполнено Михайловымъ въ типографіи «Колокола». Въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ приложилъ свою руку къ этому литературному произведенію, осталось недостаточно выясненнымъ; впрочемъ, по существу дѣла это и не

---

[1]) Мих. Лемке. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ документамъ). Спб. 1907.

представляетъ особаго интереса въ общемъ ходѣ событій тогдашняго дня. Значительный пакетъ этой прокламаціи былъ въ заклееномъ на днѣ сундука видѣ доставленъ Михайловымъ въ Петербургъ и здѣсь распространенъ. Племянникъ историка Н. И. Костомарова, корнетъ В. Д. Костомаровъ, состоявшій съ поэтомъ въ дружескихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ на него донось, въ результатѣ какового Михайловъ былъ арестованъ, преданъ суду и приговоренъ послѣ высочайшей конфирмаціи къ 6 годамъ каторжной работы. Съ начала царствованія это былъ первый политическій процессъ, съ участіемъ въ немъ, вдобавокъ, виднаго представителя литературы, потому неудивительно, что и самый арестъ Михайлова, и судъ и осужденіе его произвели въ обществѣ большое волненіе, возбудили значительные толки и приподняли еще болѣе и безъ того взмылившуюся въ тѣ дни общественную волну. Михайловъ судился одинъ и сумѣлъ своими отвѣтами и всѣмъ поведеніемъ на судѣ никого не замѣшать въ процессѣ и никого не подвести подъ карающее дѣйствіе закона. Онъ, такъ сказать, закрылъ собою Шелгунова, и, если послѣдній въ дальнѣйшемъ не избѣгъ участи арестованнаго, то это случилось уже потомъ, когда сотрудникъ «Русскаго Слова» сдѣлалъ попытку къ освобожденію поэта изъ Сибири, пріуготовляя и себѣ съ женою и Михайлову побѣгъ за границу.

Въ литературныхъ кружкахъ отнеслись къ авторству Михайлова въ прокламаціи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и недоумѣніемъ, а арестъ его вызвалъ среди петербургскихъ и московскихъ литераторовъ намѣреніе подать государю императору адресъ, каковой и былъ по иниціативѣ писателя Громеки обсуждаемъ на квартирѣ у Каткова; но вслѣдствіе возникшихъ здѣсь несогласій подъ нимъ не собралось должнаго количества подписей. Вотъ этотъ любопытный проектъ адреса[1]):

«Ваше императорское величество!

«Опасаясь, чтобы несчастное происшествіе, въ которомъ замѣшано нѣсколько литературныхъ именъ, не повредило интересамъ всей литературы, а слѣдовательно и правильному ходу общественнаго развитія, мы, ниже подписавшіеся, представители отечественной литературы, считаемъ священною обязанностью всеподданнѣйше просить ваше императорское величество принять во вниманіе всѣ обстоятельства, способныя умалить въ вашихъ глазахъ значеніе совершеннаго преступленія и доказать независимость его отъ общихъ стремленій литературы.

Законы, управляющіе ходомъ общественныхъ событій, государь, повсюду одинаковы и непреложны. Человѣческій умъ неспособенъ выработать никакой истины, если предъ нимъ нѣтъ никакихъ заблужденій. Только по сравненію хорошаго съ дурнымъ можно оцѣнить хоро-

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 113.

шее; только при свободной и безпрепятственной борьбѣ истины съ заблужденіемъ можетъ торжествовать истина. Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ правильная борьба невозможна, гдѣ человѣческое слово и разумъ стѣснены цензурою—тамъ всякаго рода заблужденія и страсти получаютъ особую силу, ибо ничто, кромѣ разума, не въ состояніи побѣдить ихъ. Всякая попытка истребить заблужденія полицейскими мѣрами вела только къ усиленію ихъ. Такъ было вездѣ, во всѣ времена, во всѣхъ государствахъ, и ваше величество лучше другихъ сознали эту истину, повелѣвъ прекратить преслѣдованіе раскола, который до вступленія вашего на престолъ постоянно увеличивался и разрастался. Политическія заблужденія и страсти подчинены тѣмъ же законамъ, ибо вытекаютъ изъ того же источника. Имъ нерѣдко подвергаются люди весьма благородные и доброжелательные, но столько же нетерпѣливые и пылкіе. Заблужденія этого рода совершенно безвредны и безсильны тамъ, гдѣ противъ нихъ всегда на сторожѣ разумныя и консервативныя силы общества, готовыя во время изобличить всякую ошибку, умѣрить и охладить всякій излишній пылъ, остановить всякое неразумное требованіе. Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе подавлено и не смѣетъ возвысить голоса въ пользу истины, тамъ оно никогда не возвыситъ его открыто противъ заблужденія; гдѣ преслѣдованіе мысли беретъ на себя полиція, тамъ уже литература дѣйствовать не можетъ, не унижая своего достоинства.

Въ такомъ именно положеніи находится русская литература, лишенная всякой возможности дѣйствовать по внушеніямъ общественнаго разума. Многое изъ того, что нынѣ огорчаетъ и затрудняетъ правительство, устранилось бы само собой при свободномъ обсужденіи, и общественное мнѣніе само осудило бы и сдѣлало бы смѣшными тѣ крайнія увлеченія молодости, которыя, распространяясь подъ обольстительнымъ покровомъ тайны, имѣютъ видъ опаснаго дѣла. Полицейскія преслѣдованія этихъ попытокъ, придавая имъ серьезное значеніе, способствуютъ только къ ихъ распространенію; суровыя же наказанія виновныхъ дѣлаютъ ихъ мучениками въ глазахъ общества, и вмѣсто порицанія, на которое разсчитываетъ законъ, пріобрѣтаютъ имъ, напротивъ, всеобщее уваженіе. Положеніе литературы, сознающей всѣ эти истины, становится невыносимо тягостнымъ. Не имѣя никакой возможности противодѣйствовать какимъ бы то ни было заблужденіямъ, литература обречена на двоякую отвѣтственность: предъ умственными потребностями общества, которымъ удовлетворить не можетъ,—и предъ правительствомъ, которое обвиняетъ ее въ недостаткѣ сочувствія и помощи. Между тѣмъ она нисколько не виновна въ обоихъ случаяхъ.

Литература неоднократно выражала искреннюю готовность помогать правительству во всѣхъ его благихъ стремленіяхъ, но каждый разъ предложенія ея были отвергаемы. Ваше царствованіе, государь, привѣтствовано было съ любовью, ваши благія намѣренія вызывали въ литературѣ искреннюю благодарность и горячія надежды. Но правительству угодно было остановить потокъ этого добраго чувства и запретить выраженія преувеличенныхъ надеждъ. Нынѣ, по неизбѣжному закону отраженія, преувеличенія эти впали въ противоположную крайность.

Мы понимаемъ, государь, какое огорченіе должны были принести вашему сердцу проявленія этой послѣдней крайности. Но великодушіе ваше извѣстно всѣмъ. Въ немъ почерпали силу всеобщія надежды Россіи, въ немъ же должны найти свое безсиліе вспышки частной безнадежности. Твердо увѣренные въ добротѣ вашего сердца, мы не страшимся за участь виновныхъ, увлекшихся въ политическое преступленіе. Мы умоляемъ ваше величество измѣнить тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ зарожденію подобныхъ преступленій, и предупредить развитіе ихъ на

будущее время. Дайте свободу русскому общественному разуму, дозвольте ему обнажить свой мечъ на защиту своихъ правъ и, повѣрьте, государь, вы найдете въ русскомъ словѣ побѣдоносное оружіе, которое если и не станетъ защищать безъ разбора всякое убѣжденіе правительства, то всегда заодно съ нимъ стремиться будетъ къ поддержанію правды, законности и всеобщаго благоденствія».

Авторомъ этого адреса и лидеромъ на собраніи у Каткова былъ жандармскій офицеръ Громека, принимавшій въ тѣ дни широкое участіе въ литературныхъ органахъ либеральнаго пошиба. Собраніемъ, однако, адресъ, какъ выраженіе коллективнаго мнѣнія всей русской журнальной корпораціи, принятъ не былъ, и главными оппонентами по сему предмету были московскіе профессора Соловьевъ и Чичеринъ, доказывавшіе, что вмѣшательство частныхъ людей въ дѣла правительства не будетъ явленіемъ честнымъ [1]). Подробности объ этомъ собраніи у Каткова были сообщены въ «Колоколѣ» тогда только-что вступавшемъ на литературное поприще, нынѣ извѣстнымъ критикомъ В. П. Буренинымъ. Арестъ Михайлова въ значительной мѣрѣ, въ связи съ другими тогдашними обстоятельствами столичной жизни, о чемъ рѣчь будетъ далѣе, содѣйствовалъ революціонизированію нашего общества, вызвавъ рядомъ съ выраженіями сожалѣнія и сочувствія въ сторону потерпѣвшаго и озлобленіе противъ правительственныхъ начинаній, носившихъ репрессивный характеръ, а также и противъ представителей администраціи и тѣхъ началъ государственности, во имя которыхъ репрессіи примѣнялись. По адресу Михайлова и во время его пребыванія въ крѣпости и въ моментъ произнесенія ему приговора было выражено немало сочувствій манифестаціоннаго характера, а предстоявшій ему дальній путь слѣдованія въ Сибирь былъ напутствованъ самыми горячими пожеланіями, краснорѣчиво свидѣтельствовавшими объ общемъ настроеніи интеллигентныхъ тогдашнихъ сферъ.

Студенты петербургскаго университета, заключенные въ Петропавловскую крѣпость послѣ извѣстной исторіи, о которой мы еще будемъ говорить, узнавъ, что въ крѣпость привезенъ авторъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», прислали ему слѣдующее привѣтственное стихотвореніе, принадлежавшее перу студента Н. Утина:

УЗНИКУ.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 112.

И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать!

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ,

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Михайловъ поспѣшилъ отвѣтить своимъ юнымъ, невѣдомымъ корреспондентамъ также стихотворнымъ письмомъ, гдѣ говорилъ:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!..

Огаревъ съ береговъ Темзы, когда сюда пришла вѣсть объ осужденіи и ссылкѣ Михайлова, благословилъ его на дальній путь слѣдующимъ стихотвореніемъ [1]):

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь—
Грядущихъ подвиговъ предтечь;

[1]) «Колоколъ», 1862 г., № 119—120.

Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ,
И надо было жертвы вновь—
Разжечь ихъ немощную кровь.
Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ—
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!..
И гнѣва трепетъ боевой
Объемлетъ вдохновенный строй.
Впередъ, впередъ! разрушенъ страхъ—
И гордый врагъ падетъ во прахъ.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропалъ—
Онъ чары страха разорвалъ;
Иди жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ—не жалѣй!
. . . . . .
. . . . . .
Но ты пройдешь чрезъ тѣ мѣста,
Гдѣ безъ молитвы и креста
Недавно брошенъ свѣжій трупъ
Бойца, носившаго тулупъ [1]).
Нашъ старшій братъ изъ мужиковъ,
Онъ первый всталъ противъ враговъ
И волей царскою былъ онъ
За волю русскую казненъ.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Дальнѣйшіе куплеты кончаются повторными стихами:

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Уже на мѣстѣ ссылки Михайловымъ были получены также привѣтственные стихи П. Л. Лаврова, будущаго извѣстнаго эмигранта и главы русскаго революціоннаго движенія въ нѣкоторыхъ сторонахъ его развитія, а тогда только что начавшаго завоевывать себѣ популярность, какъ профессоръ артиллерійской академіи и писатель-философъ. Лавровъ писалъ своему пострадавшему собрату [2]):

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летитъ бурный вѣтеръ свободно;
Несетъ онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несетъ вздохъ тоски всенародной...

[1]) Здѣсь авторъ подразумѣваетъ разстрѣлъ вожака Бездънинской исторіи крестьянина — Петрова. Б. Г.

[2]) «Былое», 1906 г., № 5.

Несетъ онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому милому другу...
Несетъ онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...
И шепчетъ: «Я слышалъ, въ поляхъ, городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Блѣднѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря;
Заблещетъ свѣтило свободы...
И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникѣ томъ ужъ готовятъ тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждутъ, чтобъ мгновенье приспѣло...
И шлютъ издалека сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья...
И твердую вѣру: свобода придетъ—
И скоро... Борецъ, до свиданья!

Приведенныя поэтическія привѣтствія выбывшему изъ строя политику чрезвычайно ярко рисуютъ настроеніе передовыхъ тогдашнихъ общественныхъ элементовъ:

...За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.

Эти слова были пророческими. Михайловъ началъ собою длинный строй русскихъ жертвъ, которыя были принесены во имя борьбы со старымъ порядкомъ вещей. За нимъ густой цѣпью потянулись въ казематы, тюрьмы и дальніе рудники многочисленные представители интеллигенціи, и русская жизнь вся превратилась въ какой-то длительный кровавый кошмаръ...

VI.

Университеты какъ разсадники политическаго радикализма.—Вліяніе на студенчество радикальной публицистики.—Консервативные студенческіе кружки.—Броженія въ провинціальныхъ университетахъ.—Исторія проф. А. П. Щапова въ Казани.—Студенчество въ столичныхъ университетахъ.—Студенты-поляки и ихъ политическое вліяніе на товарищей.—Репрессивныя мѣропріятія по отношенію студенчества.—«Студенческая исторія» 1861 г. въ Петербургскомъ университетѣ.—Привѣтствіе студентовъ Герценомъ въ статьѣ «Исполинъ просыпается».—Обращеніе къ студентамъ И. С. Аксакова въ газетѣ «День».—Обсужденіе студенческой исторіи въ совѣтѣ министровъ.—Финалъ студенческой исторіи въ Петербургѣ.—Университетскіе безпорядки въ Москвѣ, въ Казани и Кіевѣ.

Одновременно съ появленіемъ въ столицѣ прокламацій, служившихъ вполнѣ опредѣленнымъ показателемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, передъ правительствомъ совершенно неожиданно

всталъ «вопросъ студенческій», сразу припявшій политическій отпечатокъ и бурное выраженіе. Мы уже знаемъ изъ прежнихъ главъ настоящихъ очерковъ, что въ стѣнахъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній отъ времени до времени вспыхивали разныя студенческія исторіи, источникъ которыхъ крылся въ «домашнихъ», такъ сказать, обстоятельствахъ и событіяхъ жизни учащихся и коллегіи профессоровъ, какъ равно въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Если не считать извѣстнаго уже читателямъ Герценовскаго кружка сороковыхъ годовъ съ проповѣдью въ немъ «сенъ-симонизма», то послѣдующій довольно долгій періодъ русской жизни не обнаруживаетъ въ студенчествѣ рѣзко обозначеннаго движенія въ сторону «политики», не рисуетъ намъ революціоннаго настроенія университетовъ. Даже исторія Петрашевскаго какъ-то слабо задѣла университетскую жизнь, и здѣсь въ роли разсадника «зловредныхъ идей» выступаетъ на первый планъ аристократическій привилегированный Александровскій лицей. Чрезвычайно любопытно, что именно изъ лицея вышли нѣкоторые дѣятели, которые въ исходѣ глухихъ сороковыхъ годовъ въ лицѣ Буташевича-Петрашевскаго, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ лицѣ братьевъ Серно-Соловьевичей, А. Слѣпцова и др. стали въ первые ряды той активной оппозиціи, которая бросила вызовъ правительству, и немало поработая для революціонизированія русскаго общества. Этимъ набрасывается тѣнь на столь твердо установившуюся репутацію консерватизма и исключительной вѣрноподданнической преданности знаменитаго разсадника государственныхъ мужей. Петербургскій, московскій и провинціальные университеты въ этомъ отношеніи хронологически отстали отъ лицея, и если въ 1861 году студенчество демонстративно заявило о своемъ сочувствіи оппозиціи, о своей связи съ революціонными элементами, то лицейская семья, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ даровитыхъ членовъ, зарегистрировала въ лѣтописяхъ отечественной жизни свое революціонное выступленіе нѣсколько раньше. Второе наше привеллегированное учебное заведеніе, училище правовѣдѣнія, такого выступленія въ своемъ общественно-послужномъ спискѣ не имѣетъ, и его значеніе въ русской исторической дѣйствительности иного характера: оно поставило нашей родинѣ немало дѣятелей прогрессивнаго порядка, которые поработали въ смыслѣ осуществленія и разработки либеральныхъ началъ, заложенныхъ въ реформатскую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Молодая обновленная русская юстиція почерпнула, главнымъ образомъ, отсюда исполнителей и работниковъ на законодательной нивѣ. Русская революція не связана съ училищемъ правовѣдѣнія явными и крѣпкими нитями, чего нельзя сказать про Александровскій лицей, который въ 1861году находился съ оформившимся къ уже тому времени революціоннымъ движеніемъ въ довольно тѣсной связи.

Что касается университетовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, то хронологическую послѣдовательность ихъ революціонизированія трудно прослѣдить—таковое находилось и совершалось параллельно и пропорціонально наростанію революціонныхъ элементовъ во всей русской современности. Въ глухое николаевское время университеская каѳедра была тѣмъ амвономъ, съ котораго отъ времени до времени и въ подходящей для того формѣ раздавалась проповѣдь прогрессивныхъ и либеральныхъ ученій. Типичнымъ представителемъ такой проповѣди въ Москѣ былъ Грановскій, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили[1]). Эмансипаціонная эпоха усилила кадры такихъ проповѣдниковъ, и петербургскій университетъ въ этомъ отношеніи выдвигается на первое мѣсто среди родственныхъ ему прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но отъ либерализма до проповѣди революціи и воспитанія юношества въ духѣ революціи огромная пропасть, и ученая корпорація въ данномъ случаѣ не несетъ на себѣ исторической отвѣтственности. Она готовила молодежь къ новой жизни, въ духѣ реформаціонныхъ началъ, въ увѣренности, что темпъ преобразованной отечественной жизни не задержится и послѣдняя будетъ развиваться въ томъ направленіи, какое намѣтила и формулировала передовая интеллигенція западнической окраски, имѣвшая къ тому времени достаточную возможность ясно высказаться, какъ на лекціяхъ съ ученыхъ каѳедръ, такъ и на страницахъ обще-литературныхъ и спеціальныхъ ученыхъ журналахъ. Но благодаря тому, что учебная жизнь въ тотъ періодъ обрѣталась въ явно-дезорганизованномъ видѣ, что правительство медлило съ реформами высшихъ учебныхъ заведеній и жизнь молодежи здѣсь не носила, какъ, напримѣръ, въ западно-европейскихъ университетахъ, опредѣленной организаціи,—связь между каѳедрою и аудиторіей была слишкомъ слаба, чтобы въ нужный для государства историческій моментъ эта каѳедра явилась тою руководящею силою, которая могла бы оказать на умы молодежи достаточно сильное и необходимое вліяніе. Сама каѳедра не пользовалась со стороны руководящихъ сферъ достаточнымъ довѣріемъ и уваженіемъ и ученой корпораціи не было предоставлено въ жизни страны того почетнаго и вліятельнаго положенія, которое ей было необходимо въ интересахъ воспитанія юношества и его политическаго руководительства. Положеніе дѣлъ сводилось къ той формулѣ, по которой профессоръ читаетъ лекцію, а студентъ таковую слушаетъ, и только. О духовномъ взаимодѣйствіи, внѣ зависимости отъ формальнаго регламента, не поднималось рѣчи, и таковое, пожалуй, даже обрѣталось не въ авантажѣ; оставались въ наличіи лишь единичныя случайныя вліянія, въ зависимости отъ индивидуальности про-

[1]) «Борьба за конституцію».

фессора, его талантливости, какъ равно экспансивности и воспріимчивости единичныхъ слушателей.

Отсюда—перевѣсъ вліянія на молодежь сторонних силъ, и чѣмъ эти силы были агрессивнѣе въ своемъ политическомъ учительствѣ, чѣмъ больше онѣ заключали въ себѣ дерзновенія, внѣшняго блеска и популярной доступности, тѣмъ вліяніе ихъ становилось рѣшительнѣе и безповоротнѣе. Конкурировать съ этими вліяніями представителямъ каѳедры было невозможно, и вотъ на протяженіи очень короткаго политическаго дня мы видимъ, что учащаяся молодежь уходитъ изъ-подъ профессорскаго вліянія и подпадаетъ цѣликомъ подъ воздѣйствіе наиболѣе радикальной печати—«Колокола», «Современника» и «Русскаго Слова»; не служители науки являются ея руководителями, а такіе представители печатнаго слова, какъ Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, и въ особенности Писаревъ, на литературномъ знамени которыхъ былъ ярко написанъ девизъ, призывающій къ борьбѣ съ правительствомъ во имя политическаго, соціальнаго и экономическаго обновленія Россіи. Призывъ издателя «Полярной Звѣзды» и «Колокола» къ молодежи, приглашавшій ее стать въ первые ряды борцовъ за свободу русскаго народа, палъ на благопріятную почву и въ удобный для того историческій моментъ. Студенчество скоро стало въ оппозицію и первое время явило собою въ русской жизни образецъ активнаго и массового выступленія съ громкимъ заявленіемъ правительству своего недовольства, недовѣрія и съ опредѣленными требованіями, шедшими въ разрѣзъ съ тогдашними начинаніями министерства народнаго просвѣщенія. Студенческіе безпорядки въ петербургскомъ университетѣ грянули на голову правительства неожиданно и явились въ тогдашней русской дѣйствительности тѣмъ моментомъ, съ котораго собственно и началась явная и массовая утечка наиболѣе энергичныхъ силъ въ ряды открытыхъ враговъ существующаго порядка вещей, въ станъ борцовъ, отдавшихъ себя на борьбу со всѣми вытекающими изъ такой неравной борьбы печальными послѣдствіями. Власть очутилась лицомъ къ лицу съ очень знаменательнымъ фактомъ русской жизни, отвѣтить на который, кромѣ мѣръ внѣшняго формальнаго порядка, она оказалась не въ силахъ. Но прежде, чѣмъ коснуться нѣсколько подробнѣе петербургскихъ событій въ осень 1861 года, необходимо отмѣтить тѣ нѣкоторыя страницы изъ жизни учащейся молодежи въ провинціальныхъ университетахъ, въ коихъ достаточно рельефно обрисовывается ея настроеніе и тяготѣніе къ политикѣ.

М. К. Лемке, извлекшій изъ разныхъ архивовъ (преимущественно сенатскаго) такъ много матеріала для исторіи революціоннаго движенія и опубликовавшій его сначала въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, а потомъ издавшій ихъ отдѣльными

сочиненіями, въ очеркѣ «Молодость отца Митрофана» [1]), посвященномъ одному изъ раннихъ дѣятелей русской революціи въ ея подготовительной стадіи, приводитъ, между прочимъ, интересный документъ, обнаруживающій вполнѣ опредѣленно существованіе конспиративнаго политическаго кружка среди студентовъ харьковскаго университета. Документъ этотъ—записка сенатора Жданова, которому въ 1862 году поручено было слѣдствіе «о дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія». Въ одной изъ частей этой записки подъ заглавіемъ: «О тайномъ обществѣ, открытомъ въ Харьковѣ», говорится: «Въ 1855 г. въ Харьковѣ кружокъ студентовъ тамошняго университета основалъ тайное политическое общество, цѣль котораго состояла въ перемѣнѣ существующаго образа правленія въ Россіи. Для прикрытія дѣйствій тайнаго общества и для большей возможности усилить оное новыми членами съ мятежными тенденціями, было основано, съ разрѣшенія университетскаго начальства, литературное общество.

«Въ тайныхъ собраніяхъ своихъ члены политическаго общества, разсуждая о необходимости государственнаго переворота въ Россіи, колебались въ своихъ заключеніяхъ между выборомъ конституціоннаго или республиканскаго правленія и однажды остановились на преступномъ убѣжденіи въ необходимости истребленія всей августѣйшей его императорскаго величества фамиліи. Въ собраніи этомъ были Завадскій, Ефименко, Муравскій, Ивковъ. Исполненіе этого злодѣйскаго намѣренія вызвался принять на себя одинъ изъ членовъ общества, студентъ Завадскій, для чего собирался ѣхать въ Петербургъ.

«Главные основатели и энергическіе двигатели этого противозаконнаго общества были студенты: Бекманъ, Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ. Кромѣ того, были прикосновенны къ дѣлу: Левченко, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій и другіе.

«Средствомъ къ достиженію цѣли полагали, между прочимъ, распространеніе либеральныхъ понятій между простымъ народомъ и раскольниками, какъ людьми болѣе другихъ склонными къ перевороту, по причинѣ недовольства своимъ положеніемъ. Въ виду этой цѣли члены общества признали необходимымъ заняться приготовленіемъ самихъ себя къ предстоящему назначенію и другихъ Вначалѣ общество, какъ видно, не уяснило себѣ еще мысль о томъ, какимъ путемъ удобнѣе проводить между народомъ пропаганду своихъ преступныхъ идей, а предположеніе объ учрежденіи воскресныхъ школъ опредѣлительно еще не высказалось. Но уже и въ то время ясно

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

было заявлено намѣреніе—подъ видомъ распространенія грамотности подготовить простой народъ къ принятію участія въ осуществленіи преступныхъ цѣлей.

«Не ограничиваясь распространеніемъ печатаемыхъ за границею сочиненій возмутительнаго содержанія, одинъ изъ членовъ общества, Завадскій, тогда уже приготовлялъ статьи для распространенія между простымъ народомъ. Для сего имъ были оставлены: замѣтки, въ видѣ сказки о происходящихъ для народа неудобствахъ отъ монархическаго правленія, и поученіе простому народу, въ коемъ, между прочимъ, сказано: «народу нужно знать, какіе порядки были у насъ въ старину, что въ нихъ хорошаго, что нужно перемѣнить и какъ бы это сдѣлать». Кромѣ того, для достиженія предложенныхъ цѣлей признавалось полезнымъ имѣть въ виду пользоваться св. Евангеліемъ, такъ какъ оно, по духу своему, противорѣчитъ самодержавію.

«Подготовляя такимъ образомъ преступное ученіе между простымъ народомъ, Завадскій тогда уже писалъ: «составился небольшой кружокъ студентовъ, который отчасти началъ трудиться надъ распространеніемъ грамотности; все это могло исполниться не иначе, какъ при возможной самостоятельности общества студентовъ, устранивъ всякое недобросовѣстное вмѣшательство начальства.

«Между тѣмъ, по поводу бывшаго въ 1858 г. волненія студентовъ харьковскаго университета [1]) нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, бывъ исключены изъ университета, переѣхали въ Кіевъ.

«Такимъ образомъ дѣятельность, членовъ тайнаго общества, ограничивавшаяся доселѣ только Харьковомъ, переноситъ свои возмутительныя идеи на новую почву, гдѣ съ тою же энергіею члены общества развиваютъ свои преступныя намѣренія и распространяютъ ихъ между новыми своими членами».

О дѣятельности въ Кіевѣ бывшихъ питомцевъ харьковскаго университета мы узнаемъ все и зъ той же записки сенатора Жданова въ той ея части, которая носитъ наименованіе: «Учрежденіе первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ», гдѣ мы читаемъ:

«Соединившись въ Кіевѣ между собою въ тѣсный кружокъ, они вскорѣ увеличиваютъ личный составъ свой присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета. Въ этомъ кружкѣ впервые появляется отчетливое намѣреніе и сознательная мысль объ учрежденіи воскресныхъ школъ въ тѣхъ видахъ, чтобы обученіемъ простого народа имѣть въ немъ вліяніе и поддержку для осуществленія задуманныхъ цѣлей. Во главѣ этого

[1]) О волненіи въ харьковскомъ университетѣ см. ст. Н. Н. Мазуренко «Первая харьковская университетская исторія. (Изъ воспоминаній стараго студента)». «Историческій Вѣстникъ», 1907 г., сентябрь. Авт.

предпріятія становится профессоръ Павловъ, начинается дѣятельная переписка съ членами тайнаго общества, находящимися въ Харьковѣ; устанавливаются сношенія, чрезъ того же профессора Павлова, со студентами московскаго и петербургскаго университетовъ. Наконецъ, получается разрѣшеніе начальства объ учрежденіи первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ.

«Профессоръ Павловъ, коему начальствомъ поручается главный надзоръ за воскресными школами, становится передовымъ дѣятелемъ и двигателемъ развитія и направленія этихъ будущихъ разсадниковъ народнаго образованія.

«Такимъ образомъ, ходомъ самыхъ обстоятельствъ слагается двойственная роль профессора Павлова: съ одной стороны, онъ является во главѣ новаго учрежденія, какъ агентъ правительства, съ другой—онъ становится центромъ, возлѣ котораго, въ качествѣ дѣятелей воскресныхъ школъ, группируются личности съ преступными тенденціями, которыя ему не могли не быть извѣстными и которыхъ онъ, конечно, и самъ не былъ чуждъ.

«Ближайшая сокровенная цѣль и направленіе учреждающихся въ Кіевѣ воскресныхъ школъ весьма ясно высказывается даже въ темныхъ намекахъ и полувыраженныхъ мысляхъ, заявленныхъ главными дѣятелями въ ихъ письмахъ и прочихъ бумагахъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи слѣдственной комиссіи.

«Въ этомъ отношеніи будетъ небезполезно обратиться къ письмамъ и замѣткамъ самихъ авторовъ.

«Бекманъ пишетъ: «Настало другое время, открылось болѣе простора для общественной дѣятельности... подъ вліяніемъ этого времени основался кругъ студентовъ, въ которомъ исчезли всѣ враждебныя начала, раздѣлявшія нашъ университетъ. Среди этого круга родилась мысль объ учрежденіи воскресныхъ школъ».

«При извѣстіи въ Харьковѣ объ открытіи въ Кіевѣ воскресныхъ школъ Ляховскій пишетъ Муравскому: «Ура! ура! Митрофанъ Даниловичъ! поздравляю съ открытіемъ воскресныхъ школъ! Душевно радъ, что вы у берега».

«Левченко, принимавшій непосредственное участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, высказывается еще яснѣе; вотъ его слова: «Средствомъ къ распространенію въ массѣ простого народа либеральныхъ идей должны служить воскресныя школы». Онъ сочувствовалъ этому предпріятію въ особенности потому, что, такъ какъ при образованіи массы имѣлось въ виду распространеніе въ ней понятія о естественныхъ правахъ человѣка, то въ этомъ онъ видѣлъ задатокъ измѣненій въ будущемъ существующаго порядка. Между университетами, по мнѣнію Левченко, должны поддерживаться постоянныя сношенія передачею всего того, что дѣлается въ каждомъ изъ нихъ.

Такимъ образомъ, безъ опредѣленныхъ формъ, безъ названныхъ членовъ являлось бы общество, организованное единствомъ цѣлей, и сама собою должна была образоваться пропаганда, распространяя по возможности вездѣ либеральныя понятія».

Не касаясь пока исторіи развитія и дѣятельности воскресныхъ школъ и судьбы ихъ и допуская вмѣстѣ съ г. Пантелѣевымъ [1]), что записка сенатора Жданова излишне тенденціозна съ стремленіемъ во что бы то ни стало найти серьезные слѣды политической преступности въ дѣйствіяхъ и замыслахъ кіевскихъ и харьковскихъ студентовъ, должны однако констатировать чрезвычайно важный фактъ въ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній: уже на ранней зарѣ «эпохи реформъ» мы видимъ нѣкоторыхъ изъ представителей учащейся молодежи раздвигающими задачи своего пребыванія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и ставящими себѣ цѣли не только самообразованія, но и широкой общественной дѣятельности въ интересахъ политическаго преобразованія Россіи, согласно съ программами, установленными руководителями либеральныхъ и радикальныхъ теченій отечественной жизни. Молодежь не ограничивается интересами ученія и науки, интересами студенческаго бытія, но ставитъ вопросъ шире: о своемъ гражданскомъ служеніи родинѣ на поприщѣ ея политическаго развитія, и, въ союзѣ съ представителями каѳедры, намѣчаетъ способы такого служенія и средства осуществленія намѣченныхъ задачъ. Учительство и распространеніе въ необразованной массѣ началъ просвѣщенія выдвигается въ данномъ случаѣ на первый планъ. Такимъ образомъ учащаяся молодежь отозвалась на самую существенную потребность народа—его просвѣщеніе—и въ то время, какъ правительственная власть не проявляла въ кругу этой стороны государственной жизни никакой дѣятельности и не спѣшила занять здѣсь руководящей позиціи, студенчество пытается взять дѣло просвѣщенія, на первое по крайней мѣрѣ время городской массы, въ свои руки, связавъ вмѣстѣ съ тѣмъ это дѣло и съ задачами политической пропаганды. Бюрократія запаздываетъ и тутъ съ своимъ выступленіемъ и появляется на сценѣ жизни нѣсколько позже, когда вопросы просвѣщенія народныхъ массъ какъ бы заслонились вопросами политическими и цѣлями агитаціонными. Тогда власть, оставляя въ сторонѣ самое дѣло широкаго просвѣщенія народа, переходитъ на роль гасителя начавшагося то тамъ, то тутъ мѣстнаго пожара, устраняетъ предупредившихъ ея появленіе молодыхъ представителей общественности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не спѣшитъ замѣстить ихъ представителями своего круга. Въ результатѣ получается извѣстная борьба силъ съ ея неминуемыми жертвами, за которою самое дѣло народнаго просвѣщенія не под-

[1]) Его письмо въ редакцію «Былого» за 1907 г., № 3.

вигается ни на шагъ впередъ. Народная масса остается предоставленою самой себѣ, въ стихіи мрака невѣжества, а отечественная дѣйствительность—всякимъ случайностямъ, исключающимъ понятіе о планомѣрномъ развитіи ея сознательныхъ государственныхъ потребностей, сообразованныхъ съ историческимъ опытомъ болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей.

Если въ харьковскомъ и кіевскомъ университетахъ мы наблюдаемъ стремленіе студенчества къ политическимъ организаціямъ и къ выступленію на поприще общественнаго служенія родинѣ, то въ казанскомъ университетѣ въ 1861 г. замѣчается повышенное настроеніе умовъ учащейся молодежи, въ связи съ извѣстными уже читателямъ кровавыми событіями въ с. Безднѣ. Казанская интеллигенція либеральнаго направленія рѣшила почтить крестьянскую трагедію торжественною панихидою «о рабахъ Божіихъ, въ смятеніи убіенныхъ». Такая панихида въ присутствіи многочисленной толпы студентовъ университета и духовной академіи дѣйствительно и была отслужена въ кладбищенской церкви, причемъ молодежь составила громкій хоръ, а профессоръ А. П. Щаповъ, по окончаніи службы, произнесъ съ амвона «полную горечью энтузіазма рѣчь» на событіе дня, освѣтивъ таковое подъ соотвѣтствующимъ политическимъ угломъ зрѣнія. Сообщеніе о такой политической демонстраціи немедленно было сдѣлано въ Петербургъ, результатомъ чего послѣдовало отрѣшеніе Щапова отъ каѳедры, арестъ и высылка изъ Казани; при этомъ во избѣжаніе какихъ-либо демонстративныхъ дѣйствій со стороны учащейся молодежи его арестъ и высылка были обставлены своего рода таинственными предосторожностями. Но «шила въ мѣшкѣ не утаишь», и хотя студенчество дѣйствительно удержалось отъ всякихъ безпорядковъ, но успѣло на прощаніе снять фотографію съ популярнаго и любимаго профессора и проводить его гурьбою на пароходъ. По случаю отъѣзда Щапова изъ Казани мѣстный поэтъ даже сочинилъ стихи, гдѣ изложилъ чувства талантливаго ученаго въ моментъ разлуки его съ роднымъ городомъ и мѣстнымъ обществомъ. Стихотвореніе это [1]) получило широкую популярность и долго ходило по рукамъ въ рукописныхъ экземплярахъ. Поэтъ писалъ:

Городъ сплетенъ, городъ пыли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя, ты сталъ мнѣ гадокъ!..
Восемь лѣтъ въ своихъ объятьяхъ,
Городъ, ты меня душилъ,
То въ мученьяхъ, то въ проклятьяхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ.

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., № 2., ст. П. А. Юдина «Къ біографіи Щапова».

Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданья мужика,
Ты широкихъ думъ не понялъ
Сына бѣднаго дьячка.
Жалкій городъ! ты потѣхи
Ждалъ съ каѳедры отъ меня;
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя.
Нѣтъ! Не въ томъ мое призванье,
Чтобъ потѣхою служить:
Не хочу святое званье
Я учителя срамить.
Я открыто, прямо, ясно
Все сказалъ тебѣ, что могъ,
А теперь въ тебѣ я гласно
Отрясаю прахъ отъ ногъ.
Спи же городъ сномъ глубокимъ,
До возстанья мужика.
Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
Сына бѣднаго дьячка.

«Широкая рѣчь» сгубила «сына бѣднаго дьячка», и хотя въ Петербургѣ онъ былъ выпущенъ на волю, даже пристроился къ службѣ, но карьера его была сломлена и, отставленный отъ любимаго дѣтища-каѳедры, онъ опустился и, подобно многимъ русскимъ талантливымъ натурамъ въ однородныхъ положеніяхъ, спился съ круга, опустился и погибъ еще полный силъ и въ цвѣтущемъ возрастѣ. Кромѣ Щапова, пострадали и девять человѣкъ студентовъ, принявшихъ на себя организацію панихиды. Они были по высочайшему повелѣнію исключены изъ университета. Щаповскій инцидентъ оставилъ свой слѣдъ въ жизни мѣстной учащейся молодежи, и съ того времени мы наблюдаемъ постоянное участіе казанскаго университета во всѣхъ прочихъ студенческихъ движеніяхъ съ неизмѣннымъ выдѣленіемъ изъ его стѣнъ активныхъ дѣятелей русскаго революціоннаго процесса.

Если студенты кіевскаго, харьковскаго и казанскаго университетовъ въ той или иной формѣ реагировали на событія тогдашняго политическаго дня и вступали на путь активной общественной дѣятельности, то не отставали отъ нихъ и ихъ товарищи по столичнымъ университетамъ. Такъ, въ Москвѣ, студенты заведя тайную типографію, печатали въ ней такія произведенія, которыя по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не могли увидать свѣта, какъ, напримѣръ, сочиненія Бюхнера, Фейербаха, Герцена, Огарева и др. Склады этихъ изданій сосредоточивались довольно открыто на студенческихъ квартирахъ, откуда они уже широкимъ потокомъ текли въ населеніе, служа опредѣленнымъ орудіемъ и средствомъ его распропагандированія и развитія въ немъ передовыхъ идей радикальнаго характера. О такой дѣятельности московскаго студенчества митрополитъ Филаретъ счелъ долгомъ поставить госу-

даря въ личную извѣстность, результатомъ чего въ августѣ 1861 г. явились многочисленные обыски и аресты, повлекшіе за собою открытіе самой типографіи: создалось даже цѣлое дѣло «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», къ коему были привлечены отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, студенты Гольцъ-Миллеръ, Новиковъ, Петровскій-Ильенко, Сваричевскій, Сулинъ, Ященко и, главный руководитель всего издательскаго дѣла, Периклъ Агрипуло. Дѣло это тянулось до 1863 г., когда по рѣшенію сената, утвержденному государственнымъ совѣтомъ и конфирмованному государемъ императоромъ, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые въ Кавказскій корпусъ, а студенты приговорены къ заключенію въ смирительный домъ и административной высылкѣ; студентъ Агрипуло не дождался конца суда, скончавшись въ 1862 г. въ одной изъ московскихъ больницъ.

Что касается петербургскаго университета, то онъ въ своемъ оппозиціонномъ настроеніи наиболѣе рѣзко заявилъ себя студенческой исторіей осенью 1861 года, которая послужила какъ бы сигналомъ къ возникновенію студенческихъ безпорядковъ во всѣхъ прочихъ университетахъ и явилась своего рода эрою въ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Новый (Головинскій) университетскій уставъ 1863 г. былъ конечнымъ отвѣтомъ правительства на эти безпорядки, внесшимъ въ жизнь студенчества и университетовъ болѣе разумныя форменныя начала, нежели послѣдній уставъ, но вслѣдствіи своего запозданія появленіемъ на свѣтъ оказавшійся безсильнымъ отвлечь молодежь отъ политики. Жертвы уже были принесены, значительный контингентъ недовольныхъ и «пострадавшихъ» выброшенъ за бортъ учебныхъ заведеній, коими общей кадръ оппозиціи значительно усилился. Ко времени появленія устава 1863 г. студенчество успѣло уже искуситься въ политическихъ конспираціяхъ, пріобщиться къ издательству нелегальной литературы и въ достаточномъ количествѣ своихъ представителей креститься въ казематахъ Петропавловской крѣпости и въ прочихъ тюрьмахъ Россійской имперіи. Волненія въ Польшѣ и постоянное стремленіе всѣхъ нашихъ политическихъ дѣятелей опредѣленнаго направленія, начиная съ декабристовъ и кончая Герценомъ и Бакунинымъ, связать «польское дѣло» съ обновленіемъ всего русскаго строя оказали и на русское студенчество безусловное вліяніе. Это вліяніе со стороны поляковъ на обывателей и на студенческую среду въ ея настроеніи бурленія несомнѣнно, что усматривается между прочимъ и изъ того воззванія, которымъ сигнализированъ былъ такъ называемый бунтъ въ петербургскомъ университетѣ. Изслѣдователь студенческихъ движеній въ эпоху 60-хъ годовъ, г. Ашевскій говоритъ по сему предмету [1]): «Въ общемъ итогѣ революціон-

[1]) «Современный Міръ», 1907 г., кн. 11.

А. П. Щаповъ.

ная дѣятельность русскихъ студентовъ въ разсматриваемую эпоху ограничивалась печатаніемъ и распространеніемъ прокламацій и, самое большое, удачными попытками взбунтовать крестьянъ посредствомъ печатныхъ воззваній и устной пропаганды. Польское возстаніе предоставляло русской учащейся молодежи возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ съ правительствомъ.

Сочувствіе къ угнетенной Польшѣ среди русскаго студенчества было очень сильное. По словамъ Худекова, «почти вся молодежь открыто защищала поляковъ». Русская нелегальная пресса, между прочимъ «Колоколъ» и прокламаціи «Земли и Воли», во время польскаго возстанія старались доказать, что кто борется за свободу Польши, тотъ борется за свободу Россіи. Итальянскіе студенты въ началѣ 1863 г. прямо обратились къ русскому студенчеству съ горячимъ призывомъ вступиться за Польшу и начать открытую борьбу съ самодержавіемъ».

Близость и единомысліе студентовъ русскихъ и поляковъ особенно наглядно выразились въ тѣхъ демонстраціяхъ, которыя послѣдовали послѣ кровавыхъ событій въ Варшавѣ. Такъ, когда въ Петербургѣ въ католической церкви 1-го марта была отслужена панихида по полякамъ, убитыхъ въ Варшавѣ во время уличной демонстраціи, на ней присутствовали многіе русскіе студенты и профессора, какъ, напримѣръ, Костомаровъ и Утинъ. Послѣ панихиды былъ пропѣтъ польскій національный гимнъ, поддержанный и русскими студентами. Когда разнесся слухъ, что слѣдствіе по поводу этой демонстраціи въ костелѣ 1-го марта имѣетъ въ виду привлечь къ отвѣту только польскихъ студентовъ, то русскіе ихъ сотоварищи составили въ университетѣ въ читальнѣ слѣдующее заявленіе покрытое 300 подписей; «Мы, нижеподписавшіеся, были 1 марта на реквіемѣ въ память убитыхъ въ Варшавѣ, участвовали въ пѣніи національнаго польскаго гимна и потому просимъ считать насъ равно-отвѣтственными вмѣстѣ съ студентами изъ поляковъ». Такая же русско-польская демонстрація имѣла мѣсто и въ Москвѣ, причемъ студентами были произнесены зажигательныя рѣчи, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что и у русскихъ и у поляковъ единый общій врагъ—императорское правительство. Такое же братаніе національностей наблюдалось и на похоронахъ Шевченки.

Нѣсколько иная картина рисуется намъ въ кіевскомъ университетѣ, гдѣ до 1861 г. царило единство чувствъ и настроеній умовъ въ студенчествѣ, и лишь съ этого времени проявляется нѣкоторый антагонизмъ. Г. Ашевскій рисуетъ дѣло такъ: «До 1861 г. польскіе и русскіе студенты въ университетѣ св. Владимира дѣйствовали болѣе или менѣе солидарно, даже занимались совмѣстнымъ преподованіемъ въ воскресныхъ школахъ. Когда же въ Кіевѣ, по примѣру Варшавы и Вильны, начинались полонофильскія демонстраціи: дамы стали носить глубокій трауръ съ польскими эмблемами, въ костелѣ стали исполнять польскій національный гимнъ, а въ театрѣ ставить тенденціозныя польскія пьесы—студенты-поляки, составлявшіе въ университетѣ большинство, захотѣли вовлечь въ это движеніе всю учащуюся молодежь. Во время чтенія на улицѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ студентъ Пеньковскій не снялъ шапки и за это подвергся аресту. На студенческой сходкѣ,

вызванной этимъ инцидентомъ, студенты-поляки хотѣли провести петицію на имя генералъ-губернатора, въ которой порицались дѣйствія полиціи и требовались гарантіи для студенческой неприкосновенности. Такъ какъ петиція была составлена въ рѣзкихъ выраженіяхъ, то русскіе студенты (украинцы и великоруссы) заподозрѣли въ ней задпюю мысль вызвать репрессіи со стороны правительства, чтобы еще болѣе усилить недовольство и общества и университетской молодежи. Руководимая кружкомъ наиболѣе «сознательныхъ» студентовъ съ Драгомановымъ и В. Антоновичемъ во главѣ, русская молодежь отказалась дѣйствовать заодно съ польскими студентами и на частныхъ сходкахъ подняла вопросъ о тѣсномъ сліяніи всѣхъ русскихъ студентовъ для противодѣйствія преобладающему вліянію въ университетѣ поляковъ. Предположено было образовать три корпораціи изъ русскихъ студентовъ, а полякамъ предоставить право на образованіе двухъ корпорацій съ тѣмъ, чтобы при рѣшеніи общихъ дѣлъ каждая корпорація пользовалась однимъ голосомъ. Кромѣ того, русскіе студенты приняли участіе въ агитаціи въ пользу открытія университета въ Варшавѣ, чтобы отвлечь туда польскую молодежь. «Прошеніе объ этомъ,—по свидѣтельству Б. Юзефовича,—было уже подписано огромнымъ большинствомъ непольскихъ студентовъ».

«Попечитель Пироговъ, сочувствовавшій антипольскому движенію русскаго студенчества, навѣрное далъ бы ходъ прошенію о варшавскомъ университетѣ, и согласился бы на учрежденіе студенческихъ корпорацій, но дни его попечительства были уже сочтены не безъ вліянія «польской интриги». Сначала онъ долженъ былъ запретить студенческія сходки, и молодежь не замедлила подчиниться этому распоряженію, такъ какъ, по словамъ Юзефовича, «личный авторитетъ Пирогова былъ сильнѣе его попечительской власти». А вскорѣ затѣмъ онъ былъ смѣщенъ съ должности попечителя и въ апрѣлѣ оставилъ Кіевъ послѣ торжественныхъ проводовъ, въ которыхъ принимали участіе и русскіе студенты.

Итакъ, польскій буксиръ въ студенческомъ движеніи 1861 года очевиденъ, и если послѣднее само по себѣ, какъ оно вылилось осенью въ Петербургѣ, не окрашено спеціально-политическимъ цвѣтомъ, то по входящимъ въ него мотивамъ, его составнымъ частямъ, сторонним на него вліяніямъ и сдѣланнымъ изъ него нашей революціонной печатью выводамъ, оно должно быть отнесено къ числу тѣхъ отечественныхъ общественныхъ движеній, которымъ необходимо отвести мѣсто въ настоящихъ очеркахъ.

Дѣло народнаго образованія и реформа всего ученаго и бытового уклада высшихъ ученыхъ заведеній являлись во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ очереднымъ вопросомъ, требовавшимъ скораго и энергичнаго отвѣта. Но правительство, занятое ликвидаціей печальнаго наслѣдія Крымской войны, а главное—дѣ-

ломъ эмансипаціи крѣпостного режима, медлило съ неотложными вопросами просвѣщенія, вслѣдствіе чего между прочимъ получилось такое положеніе, что университеты, помимо какихъ-либо законодательныхъ актовъ, сами собою перешли отъ тѣсной жизни, установленной для нихъ николаевскимъ режимомъ, къ жизни широкой, бьющей самодѣятельностью и полной тѣхъ новыхъ началъ, которыя имъ не были даны даже послѣ устава 1863 г. Нѣкоторыя отдѣльныя высочайшія повелѣнія, главнымъ образомъ ставившія точку велѣніямъ предыдущаго царствованія, сыграли тутъ рѣшающую роль. Жизнь студенчества забурлила въ университетѣ и стала слагаться на основѣ широкаго самоуправленія, внѣ обязательнаго контроля педагогической среды и воздѣйствія на нее представителей науки, внѣ какихъ-либо уставовъ и правильно выработанныхъ формъ учебной дисциплины.

Начиная съ 1856 г., студенты, съ согласія начальства высшаго и своего мѣстнаго, добиваются права на изданіе собственныхъ органовъ печати («Сборниковъ»), мотивируя такое начинаніе тѣмъ, что «пришло время университетскому юношеству сказать свое слово»; они переходятъ отъ способа записыванія профессорскихъ лекцій къ системѣ изданія литографированныхъ курсовъ; организуютъ свои кружки (безъ уставовъ и внѣ тенденцій корпоративнаго устройства) главнымъ образомъ «на почвѣ освободительныхъ идей и общей готовности послужить дѣлу народнаго образованія»; принимаютъ самое дѣятельное и активное участіе въ созданіи и развитіи безплатныхъ «воскресныхъ школъ» для народа, занимаются преподаваніемъ въ ежедневныхъ школахъ, устраиваемыхъ тогда для бѣдныхъ дѣтей; организуютъ классы взаимопомощи, библіотеки, читальни и развиваютъ начало сходокъ (митинговъ) съ ихъ бурными преніями, горячими рѣчами и отвлеченіемъ отъ научныхъ занятій; устанавливаютъ институтъ студенческаго суда съ его дисциплинарными рѣшеніями. По свидѣтельству одного изъ современниковъ, «въ тѣ шумные дни студенты учились мало, въ смыслѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій и прилежнаго заучиванія профессорскихъ записокъ, но чрезвычайно воспріимчиво и сильно мыслили, и высокими чувствами были преисполнены до того, что, казалось, и по землѣ ходили приподнятыми. Всесторонее возрожденіе Россіи, въ особенности благо народное были у всѣхъ не только на языкѣ, но въ умѣ и на сердцѣ». Историкъ петербургскаго университета, проф. В. В. Григорьевъ подводитъ такой суровый приговоръ дѣятельности студентовъ за этотъ періодъ [1]): «Все это,—говоритъ онъ,—дѣлалось такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы. Хлопоты по изданію сборника, хлопоты по дѣламъ кассы

[1]) В. В. Григорьевъ «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе перваго пятидесятилѣтія его существованія».

велись съ такою тратою времени на совѣщанія по всѣмъ этимъ предметамъ, что отнимали возможность заниматься, какъ бы слѣдовало, прямымъ ихъ дѣломъ—работою по предметамъ университетскаго преподаванія не только у всякаго рода распорядителей и депутатовъ, въ обиліи избиравшихся товарищами для каждаго изъ помянутыхъ предпріятій, но и у всей остальной массы студентовъ... Но мало того, что непроизводительнымъ образомъ тратилось время на всѣ помянутыя затѣи, имѣли онѣ еще и то печальное вліяніе, что пріучали университетскую молодежь смотрѣть на хлопоты по осуществленію ея предпріятій, какъ на нѣчто весьма серьезное, пріучали принимать слова и суетню за дѣло и такимъ образомъ мельчали и понижали въ нихъ нравственное и гражданское чувство, раздувая въ то же время мелочное тщеславіе самолюбивыхъ и какъ бы оправдывая въ нерадивыхъ отвращеніе ихъ отъ настоящей работы».

Широкій доступъ въ университетъ сторонней публикѣ, включая сюда и женщинъ на правахъ вольнослушательницъ, вторженіе «улицы» въ стѣны храма науки придавали его жизни и укладу еще большую шумность, суетливость и хаотичность, что вмѣстѣ съ прочими вышеуказанными напластованіями въ студенческой средѣ лишало университетъ того спокойнаго академическаго характера, который ему нуженъ былъ для полезнаго и плодотворнаго существованія. Академическая жизнь оказалась сдвинутою съ мѣста и втянутою въ водоворотъ общей тогдашней суетливости, которая по естественному историческому ходу вещей всегда сопутствуетъ переходныхъ стадіяхъ въ жизни народовъ, переходящихъ отъ періодовъ застоя къ эпохамъ реформъ. А выведенная изъ состоянія устойчивости университетская жизнь, въ связи съ независящими отъ нея общегосударственными теченіями и вѣяніями, рано или поздно должна была разыграться чѣмъ-нибудь шумнымъ и бурнымъ. И это бурное прорвалось наружу къ началу осеннихъ занятій въ 1861 году.

Мѣры регрессивнаго характера, внѣ предѣловъ творческаго характера съ цѣлью правильнаго построенія всего университетскаго уклада, но исключительно въ цѣляхъ ограниченія студенческихъ вольностей, «обузданія» молодежи и «оздоровленія» университетской жизни начали приниматься уже съ 1858 г. Первое ограниченіе заключалось въ томъ, что студенты лишены были права изъявлять публично своимъ профессорамъ знаки одобренія или порицанія; далѣе велѣно было имъ внушить, что «законы наши строго воспрещаютъ всякаго рода сборища и демонстраціи, а потому если студенты, не внявъ сему предостереженію, окажутся виновными въ какомъ-либо изъ означенныхъ проступковъ, то немедленно будутъ исключаемы изъ университетовъ, несмотря на то, каково бы ни было число виновныхъ». Въ 1859 году

послѣдовало распоряженіе, что «внѣ университетскихъ зданій студенты пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи». Тогда же былъ повышенъ съ 16 на 18 лѣтъ возрастъ для поступленія въ университетъ, а въ слѣдующемъ году сокращенъ численный пріемъ желающихъ сюда поступать. Очень строгія правила были выработаны для московскихъ студентовъ, до обязательнаго говѣнія и причащенія включительно.

Всѣ эти распоряженія содѣйствовали росту оппозиціоннаго настроенія молодежи, результатомъ чего уже съ самаго начала 1861 г. были разныя вспышки «кипучихъ силъ» почти во всѣхъ нашихъ университетахъ, вспышки, о коихъ было уже говорено въ своемъ мѣстѣ. Серьезная попытка упорядочить студенческій бытъ была сдѣлана наиболѣе цѣлесообразно въ Петербургѣ по иниціативѣ К. Д. Кавелина и съ согласія тогдашняго попечителя И. Д. Делянова Комиссія изъ профессоровъ, при участіи депутатовъ отъ студенчества намѣтила проектъ правилъ о сходкахъ, объ университетскомъ судѣ. Весь планъ былъ разсчитанъ на то, что онъ окажется по плечамъ массѣ, состоящей изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, чѣмъ активныхъ. Однако этому проекту, съ уходомъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, не суждено было осуществиться, а взамѣнъ того введены были ограничительныя правила 31 мая, по коимъ сходки безъ разрѣшенія начальства и какія-либо объясненія съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ безусловно запрещались, сокращался процентъ освобождаемыхъ отъ платы и воскрешалась извѣстная «инструкція деканамъ и ректорамъ» отъ 1851 г., гдѣ между прочимъ требовалось, чтобы въ профессорскихъ лекціяхъ «ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть разсудительное примѣненіе, благоговѣніе къ святынѣ, преданность къ государю и любовь къ отечеству».

Вновь назначенный министръ, адмиралъ Путятинъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, призналъ эти правила недостаточными и въ теченіе лѣта усугубилъ ихъ новыми строгостями, гдѣ послѣдовательно провелъ систему запрещенія выборнаго начала. Комиссія изъ профессоровъ противопоставила этимъ правиламъ особо выработанныя, причемъ заимствовала изъ дерптскаго университета «матрикулы», особыя книжки, гдѣ должны были содержаться всѣ университетскія правила и какъ бы формулярный списокъ каждаго студента, обязательно долженствовавшаго имѣть при себѣ таковую книжку. Эти правила, однако, подверглись со стороны министерства значительной переработкѣ. Между университетскимъ совѣтомъ и министромъ создался, благодаря этому, конфликтъ, теченіе котораго обрисовано К. Д. Кавелиномъ въ

его запискѣ о безпорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ такъ: [1])

«Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ, отвергло свидѣтелей въ судѣ, подчинило студенческую библіотеку полному распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря, требовало немедленнаго введенія билетовъ, отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, не выдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ не болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ дѣлалъ имъ замѣчанія за рѣзкость тона комиссіи, о послабленіи на экзаменахъ отозвался, какъ о нарушеніи обязанностей службы, циркулярное же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не въ правѣ. Затѣмъ министръ требовалъ, чтобы совѣтъ указалъ на профессора, который бы могъ, на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора временно, на годъ.

«Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженіе министерства отняло у новыхъ правилъ все смягчающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было разсчитывать, а, съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ, пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжкой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ. А управиться не было никакихъ средствъ, это видѣлъ всякій. Положеніе проректора, само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству, при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести

[1]) «Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина», т. II.

быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю [1]) въ совѣтѣ свои мнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны на этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловное ихъ выполненіе и выборъ проректора.

«Въ бывшемъ, слѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній положено было представить попечителю, что совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ.

«Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства—дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобы на него можно было пойти легкомысленно, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобы увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывы какъ сопротивленіе распоряженіямъ начальства и отвѣтило назначеніемъ на должность проректора и инспектора студентовъ человѣка, не уважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятельнаго и трусливаго.

«Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной, прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще непонятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакихъ мѣръ для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству—изъ самыхъ нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ слуховъ».

При такихъ смутныхъ обстоятельствахъ открылся осенній учебный семестръ 1861 г., и вся ненормальность университетскаго строя обнаружилась сразу со всѣми ея горькими послѣдствіями и въ самой бурной формѣ.

Уже весною, уѣзжая на каникулы, студенты ожидали репрессій, но осенняя дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Страсти вспыхнули сразу, стихійно, открылись сходки, появились воззванія. Большое объявленіе отъ студентовъ съ эпиграфомъ—

---

[1]) Генералъ-лейтенатну Филипсону, смѣнившему Делянова. Авт.

«Нашъ вѣкъ желѣзный, вѣкъ царей,
Штыковъ, законовъ безтолковыхъ,
Плодитъ безъ счету не людей—
Людишекъ дрянненькихъ, грошевыхъ».

гласило [1]):

«Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмотримъ, сколько наберется рыцарей, чтобы поднять ее. На словахъ ихъ очень много, куда не обернешься—вездѣ красные, только какъ бы намъ не пришлось краснѣть за нихъ.

«Студенты буйствуютъ, студенты своевольничаютъ»,—брюзжатъ сѣдовласые столпы отечества (прямые столпы), и вотъ являются передъ глазами публики декреты: впускать въ университетъ только платящихъ (выражаясь прямѣе: душить невѣжествомъ массу); запретить всякія сходки (т. е. dividere et imperare, а какъ imperare—почувствуемъ впослѣдствіи). Вотъ покуда два образчика нѣжности.

«Этого мало? Да, конечно. Но это только цвѣточки. Но что же намъ дѣлать? Да ничего... молчать. И поэтому молчите, молчите, молчите...

«Русскій народъ давно отличался долготерпѣніемъ, били насъ татары—мы молчали, били цари—молчали и кланялись, теперь бьютъ нѣмцы—мы молчимъ и уважаемъ ихъ!.. Прогрессъ!.. Да въ самомъ дѣлѣ, что намъ за охота заваривать серьезную кашу? Мы вѣдь широкія натуры, готовыя на грязныя полицейскіе скандальчики, подъ пьяную руку. Это только тамъ гдѣ-то, на Западѣ, есть такіе дурни, которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово—la gloire.

«Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ намъ сидѣть скромно на скамьяхъ, слушать цензированныя страхомъ лекціи, вести себя прилично, какъ слѣдуетъ въ классѣ, и требуютъ не разсуждать; слышите ли—не разсуждать!.. Ха, ха, ха...

«Но, господа, если паче чаянія взбредетъ намъ, что и мы тоже люди, что у насъ есть головы, чтобы мыслить, языкъ—чтобы не доносить, а говорить то, что мы мыслимъ, есть цѣлыхъ пять чувствъ—чтобы воспринимать ощущенія отъ правительственныхъ ласкъ и глазомъ, и ухомъ, и прочими благородными и неблагородными частями тѣла,—что если о всемъ этомъ мы догадаемся нечаянно? Какъ вы думаете, что изъ этого выйдетъ? Да ничего... Посмотрите на эпиграфъ и посмотрите все, что выйдетъ.

«Всѣ данныя имѣются у насъ теперь, чтобы намъ обмануться въ нашихъ словахъ.

«Мы—легіонъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безчисленные кружки свободно мыслящихъ людей, Западная Европа, все лучшее, передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже, чѣмъ шпіоновъ. Стоитъ только показать, что насъ много. Теперь, кто же противъ насъ? Пять-шесть олигарховъ, тирановъ подлыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть господами; они теперь выворачиваютъ тулупы, чтобы пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей и чтобы еще болѣе уподобиться своей братьѣ-звѣрямъ; но бояться ихъ ничего, стоитъ только показать, что мы не боимся; потомъ противъ насъ нѣсколько тысячъ штыковъ, которые не смѣютъ направить противъ насъ. Вотъ все—что же тутъ страшнаго? Итакъ всѣ, кто не боится,

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 116.

пусть сплачиваются въ массу и... пусть будетъ, что будетъ. Худого не можетъ быть: мы не за худое.

«Главное, бойтесь разногласья и не трусьте энергическихъ мѣръ. Имѣйте въ головѣ одно: стрѣлять въ насъ не смѣютъ—изъ-за университета въ Петербургѣ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники твердятъ (покачивая головами): «Столица неспокойна».

«На нашихъ мы менѣе надѣемся, чѣмъ на поляковъ. Въ нихъ болѣе благороднаго самоотверженія: они умѣли смѣло покушаться нѣсколько разъ на пріобрѣтеніе своей свободы, умѣли безъ страха итти на пытку, въ рудники, страдать за идею, и поэтому нашъ братскій призывъ къ нимъ принять самое дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, подѣлиться съ нами своею энергіею.

«Энергія, энергія, энергія!.. Вспомнимъ, что мы молоды, а въ это время люди бываютъ благородны и самоотверженны; не пугайтесь ничего, повторяемъ еще разъ, хотя бы пришлось итти всему университету въ келью богомольнаго монастыря.

«Судите!.. Но не напоминайте собою эпиграфа».

Это довольно легкомысленное произведеніе студенческаго пера, по существу затронутыхъ въ немъ вопросовъ, разсчитанное, однако, на самолюбіе читателей, произвело ожидаемый эффектъ: волна взбудораженныхъ чувствъ поднялась очень высоко, сходка получила страстный характеръ; Срезневскій, исполнявшій за отсутствіемъ Плетнева обязанности ректора, былъ прогнанъ съ каѳедры, гдѣ право рѣчи и сочувствіе слушателей сохранили лишь радикальные ораторы. Резолюція сходки, какъ и слѣдовало ожидать, получила рѣшительное направленіе отрицательнаго характера: новымъ правиламъ не подчиняться, пятидесяти рублей за право слушанія лекцій не платить, матрикуловъ и билетовъ для входа въ университетъ не брать. Изъ министерства послѣдовало распоряженіе о временномъ прекращеніи лекцій. Когда собравшіеся студенты явились на слѣдующій день въ университетъ, то нашли всѣ входы запертыми. Составилась сходка во дворѣ, причемъ ораторской трибуной послужила лѣстница; полились опять объясненія, почему и надолго ли университетъ закрытъ. Филипсонъ, находившійся въ стѣнахъ университета, отозвался отсутствующимъ. Тогда студенты постановили отправиться всѣмъ наличіемъ сходки къ нему на квартиру на Колокольной улицѣ. Въ строгомъ порядкѣ двинулись студенты черезъ Дворцовый мостъ: «Былъ прекрасный сентябрьскій день, солнце ярко освѣщало длинную вереницу студенческой процессіи—описываетъ это движеніе г. Сорокинъ [1]), участникъ процессіи.—Дорогой къ намъ массами присоединились дѣвицы, слушательницы университетскихъ лекцій и множество молодыхъ людей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ студенчеству или просто намъ сочувствующихъ. При появленіи нашемъ около Морскихъ улицъ и далѣе, по Невскому

[1]) «Русская Старина», 1892 г., № 5.

французскіе парикмахеры выбѣгали изъ своихъ магазиновъ и съ оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки, восклицали: «Revolution! Revolution!»

Освѣдомленная заранѣе о предположенномъ движеніи полиція конным и пѣшимъ строемъ, имѣя въ замкѣ генералъ-губернатора Игнатьева и оберъ-полицеймейстера Паткуля экскортировала процессію, не прибѣгая, однако, ни къ какимъ насиліямъ. На Колокольной процессію встрѣтили усиленные наряды полиціи, жандармовъ, пожарные съ топорами и часть стрѣлковаго батальона съ ружьями. Здѣсь чуть не произошла боевая схватка, но своевременно явившійся попечитель Филипсонъ устранилъ опасный моментъ, уговорилъ студентовъ вернуться въ университетъ для переговоровъ и вся процессія тѣмъ же путемъ двинулась на Васильевскій островъ. По прибытіи въ университетъ съ разрѣшенія попечителя были избраны для переговоровъ депутаты, при гарантіи со стороны управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ ихъ неприкосновенности. Депутаты просили объ открытіи университета и отмѣнѣ новыхъ правилъ. По вопросу объ открытіи университета послѣдовалъ уклончивый, условный отвѣтъ, по вопросу о правилахъ—категорически отрицательный. Вкратцѣ дальнѣйшій ходъ событій изложенъ въ «Колоколѣ» [1]) такъ: «Между тѣмъ агенты Третьяго отдѣленія получили приказанія отъ графа Шувалова разыскать зачинщиковъ безпорядковъ. Зачинщиковъ, по удостовѣренію сыщиковъ, оказалось 42 человѣка. По соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія ихъ положено было арестовать. Графъ Шуваловъ, прибывъ ночью съ 25 на 26 сентября къ оберъ-полицеймейстеру, гдѣ были собраны пристава и нѣкоторые изъ надзирателей, на которыхъ было возложено арестованіе студентовъ, объяснилъ имъ способъ арестованія, и спокойствіе болѣе полусотни домовъ было нарушено въ эту ночь.

«Аресты производились по запискамъ и указаніямъ управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ, и ни одинъ арестъ не былъ произведенъ на законномъ основаніи. Никому изъ арестованныхъ не предъявлено предписанія начальства о заарестованіи, никому не объявлена причина ареста; напротивъ того, арестованіе нѣкоторыхъ лицъ показываетъ полное самоуправство даже низшихъ полицейскихъ властей. Депутаты, личности которыхъ, согласно данному честному слову графомъ Шуваловымъ и Филипсономъ, были неприкосновенны, подверглись также аресту подъ именемъ зачищиковъ. Студенты пораженные ночными арестами и не постигая

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 121. Болѣе подробно, съ деталями, на основаніи разныхъ источниковъ, вся университетская исторія изложена въ статьѣ г. Ашевскаго «Русское студенчество въ эпоху 60-хъ годовъ». «Современный Міръ» 1907 г. (Августъ).

Б. Г.

причины таковыхъ, собрались 27 сентября къ университету и обратились къ попечителю съ просьбою заступиться за товарищей. Генералъ Филипсонъ въ отвѣтъ на то потребовалъ, чтобы они немедленно разошлись, и когда они этого не исполнили, то онъ официально отнесся къ военному генералъ-губернатору, прося его прекратить безпорядки посредствомъ городской полиціи. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, прибывъ въ университетъ, убѣдилъ толпу разойтись, и въ 10 минутъ всѣ разошлись, пославъ министру народнаго просвѣщенія депутацію, которую онъ однако не принялъ. Затѣмъ студенты собрались около университета 2 октября, и нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ лицами не принадлежащими университету (въ числѣ 30 человѣкъ) были арестованы.

«Въ то же время были арестованы на квартирахъ еще нѣсколько студентовъ и другія лица, не принадлежащія университету, нѣкоторые за то, что они собрались депутатами отъ неизвѣстныхъ кружковъ своихъ товарищей толковать о новыхъ правилахъ; другіе по причинамъ никому неизвѣстнымъ (какъ это видно изъ оффиціальныхъ бумагъ). Такимъ образомъ въ казематы петербургской крѣпости были препровождены подъ арестъ 97 человѣкъ. Для изслѣдованія безпорядковъ, происшедшихъ въ здѣшнемъ университетѣ, назначена была слѣдственная комиссія. Комиссія, приступивъ къ изслѣдованію, приняла въ руководство существующія законоположенія и потребовала отъ оберъ-полицеймейстера и управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ доказательствъ виновности студентовъ, подвергнутыхъ аресту. Доказательствъ этихъ сообщено комиссіи не было, и вмѣсто того предписаніемъ, даннымъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ на имя предсѣдательствующаго въ комиссіи, измѣнено свойство возложеннаго на комиссію порученія, а именно: слѣдственный характеръ изслѣдованія отмѣненъ и комиссіи поручено только распредѣлить арестованныхъ по категоріямъ, по степени виновности. Для такого распредѣленія по категоріямъ, комиссіи слѣдовало отыскать степень виновности арестованныхъ лицъ. Данными въ этомъ случаѣ представлялись:

а) обвиненія, взводимыя правительствомъ,

б) собственныя показанія арестованныхъ и

в) отзывъ университетскаго начальства.

«Правительство обвиняло студентовъ: 1) что они противозаконно собирались на сходки въ университетѣ и внѣ стѣнъ онаго и, когда ихъ приглашали разойтись, не расходились, 2) что на этихъ сходкахъ были вывѣшены и читались возмутительныя прокламаціи, 3) что для одной изъ своихъ сходокъ (23 сентября) они силою вошли въ актовую залу, которой дверь была закрыта, что они, собравшись въ толпу, не разсѣялись, когда ихъ къ тому приглашали, и 4) что нѣкоторые изъ студентовъ принадлежатъ къ тай-

нымъ обществамъ. Доказательствъ или уликъ по всѣмъ этимъ обвиненіямъ правительство никакихъ сообщить не могло.

«Студенты объяснили: 1) Что они дѣйствительно собирались на сходки, но что это не было противозаконно, потому что сходки были необходимы, университетское начальство объ этомъ знало и не воспрещало, что на одной изъ сходокъ присутствовалъ даже самъ ректоръ, который не приглашалъ студентовъ разойтись (какъ это удостовѣряетъ правительство); равно начальство не объявило, что послѣдовало высочайшее повелѣніе о безусловномъ запрещеніи сходокъ. 2) Что возмутительныхъ прокламацій и рѣчей никто изъ студентовъ не произносилъ, что же касается двухъ прокламацій, которыя были вывѣшены въ одной изъ университетскихъ комнатъ, то они ихъ не одобряютъ и кто ихъ составлялъ, не знаютъ. 3) Что 23 сентября они дѣйствительно собрались на сходку въ актовую залу черезъ боковую дверь, но что дверь эта не была заперта и они никакой двери не ломали. 4) Студенты, обвиняемые въ участіи въ тайныхъ обществахъ, показали, что они ни къ какимъ таковымъ обществамъ не принадлежатъ. 5) Лица, арестованныя въ толпѣ 20 октября, удостовѣряютъ, что они попали въ оную случайно и не слыхали приглашенія полиціи разойтись.

«Университетское начальство, въ лицѣ исправлявшаго должность ректора Срезневскаго и ректора Плетнева, объяснило: 1) что студентамъ не было объявлено высочайшаго повелѣнія о безусловномъ запрещеніи сходокъ, 2) что 23 сентября, когда студенты собрались на сходку въ актовую залу, дверь въ оную не была сломлена, 3) что студентамъ не было предложено разойтись со сходки и 4) что были ли читаны и вывѣшены въ университетѣ какія-либо прокламаціи, университетскому начальству неизвѣстно.

«Между тѣмъ матрикулы для студентовъ были изготовлены, правительство объявило черезъ газеты, что желающіе принять оные могутъ подать прошеніе, тѣ же, которые не подадутъ прошенія въ недѣльный срокъ со дня объявленія, будутъ считаться уволенными изъ университета. Желающихъ принять матрикулы оказалось болѣе 600 человѣкъ; не принявшихъ же матрикулы правительство пригласило оставить столицу въ 48 часовъ.

«Такое расчлененіе студентовъ было причиною сборища около университета 12 октября. Студенты, не принявшіе матрикуловъ, прибыли въ университетъ съ цѣлію воспрепятствовать своимъ товарищамъ слушать лекціи. Полицейское начальство распорядилось о заарестованіи этихъ студентовъ, и когда воинскія команды выводили арестованныхъ со двора университета, то другая толпа студентовъ бросилась отбивать товарищей. Толпу эту также заарестовали, и вмѣстѣ съ первыми, препроводили сперва въ крѣпость, потомъ въ Кронштадтъ, для содержанія подъ арестомъ.

Разборъ виновности сихъ послѣднихъ студентовъ порученъ особой комиссіи».

Такова довольно правдивое и краткое описаніе событій, послѣдовавшихъ послѣ демонстраціи къ квартирѣ попечителя.

Университетскій инцидентъ произвелъ большое впечатлѣніе на общество и правительство. Онъ явился для начала сезона самымъ острымъ вопросомъ дня и рѣшительно заслонилъ собою всѣ остальные вопросы, тѣмъ болѣе, что событія въ Петербургѣ нашли себѣ сильное отраженіе въ Москвѣ, Казани и прочихъ университетскихъ городахъ, гдѣ равнымъ образомъ разразившіяся студенческія волненія взбудоражили сильно всю мѣстную жизнь во всѣхъ ея соціальныхъ напластованіяхъ. Остротѣ общественнаго настроенія содѣйствовало то, что не вездѣ эти волненія обошлись мирно, а сопровождались насиліемъ и кровавой расправой. Значеніе студенческой исторіи въ Петербургѣ было освѣщено Герценомъ въ «Колоколѣ» слѣдующимъ образомъ въ статьѣ «Исполинъ просыпается» [1]). Здѣсь сказано;

«Да, спящій «Сѣверный Колоссъ», «Исполинъ царю послушный» просыпается и вовсе не такимъ послушнымъ, какъ во времена Гавріила Романовича Державина.

«Добраго утра тебѣ—пора, пора! богатырскій былъ твой сонъ—ну, и проснись богатыремъ! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ, да и чихни—чтобъ спугнуть всю эту стаю совъ, вампировъ, Путятиныхъ, Муравьевыхъ, Игнатьевыхъ и другихъ нетопырей; ты просыпаешься—пора имъ на покой. Есть нечистота движущаяся—всѣ эти прусаки, богомокрицы, насѣкомыя, лишенныя крылъ, но не лишенныя аппетита, несовмѣстныя съ дневнымъ свѣтомъ. Чихни, исполинъ,—и отъ нихъ слѣда не останется, кромѣ несмываемыхъ пятенъ польской и крестьянской крови!

«Господи, какой жалкій и смѣшной видъ у этого грознаго правительства! Куда дѣлась его вахмистрская наружность, его фельдфебельская выправка, гдѣ его сипло-армейскій голосъ, которымъ оно тридцать лѣтъ кричало: «Въ гробъ заколочу Демосѳена!»—Что, служивый, видимо, не тѣ времена, да и не тѣ силы, широкъ сталъ тебѣ мундиръ, насупилась каска на глаза... Ступай, кавалеръ, въ больницу, не то въ инвалиды!

«Да что же случилось, отчего оно такъ оторопѣло? Революція, что ли? Филаретъ взбунтовалъ Москву? Петръ Ольденбургскій провозглашенъ императоромъ въ школѣ правовѣденія? Отгадайте! А пока, возьмите «Таймсъ» и читайте его превосходныя корреспонденціи...

---

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 110.

«Грубое правительство, напуганное выжившимъ изъ ума Строгановымъ, рядомъ мелкихъ преслѣдованій и униженій начало оскорблять университеты: назначеніемъ Путятина, школьными стѣсненіями, бездушнымъ отталкиваніемъ неимущихъ. Студенты петербургскаго университета избрали депутатовъ и поручили имъ довести до начальства ихъ протестъ. Начальство поступило съ нимъ въ томъ родѣ, какъ поступали дикіе на Сандвичевыхъ островахъ съ парламентерами, въ томъ родѣ, какъ Петръ б о л ь ш о й поступилъ съ Полуботкомъ, а Николай д л и н н ы й съ депутатами отъ старорусскихъ солдатъ, то есть, вопреки всякому понятію чести и нравственному стыду, захватило ихъ. Студенты рѣшились просить освобожденія своихъ товарищей—и вотъ отчего Бистромъ-Сантеръ бунтовалъ солдатъ, натравляя ихъ на другія сословія, Паткуль надорвалъ двухъ лошадей, а Игнатьевъ-Мальковскій шепталъ Филипсону: «Все готово, можно начинать!» Что начинать? бойню юношей, рѣзню на университетскомъ дворѣ?.. Что къ этому прибавлять!

«Но гдѣ же былъ, что дѣлалъ, что сказалъ душеспасительнаго нашъ японецъ, нашъ океанидъ, бого и человѣкоугодникъ Путятинъ? Отчего онъ не ѣздилъ на шлюпкѣ съ Сергіевскимъ взадъ и впередъ по Невѣ и Мойкѣ въ то время, когда Паткуль замыловалъ второго жеребца? Онъ былъ гдѣ-то «подъ полой» скрытъ отъ глазъ паціента, какъ ножъ или пила передъ хирургической операціей. Какъ безвозвратно запятналъ себя этотъ человѣкъ, какъ быстро сѣлъ на мель грязи этотъ шкиперъ просвѣщенія!

«О Филаретъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ! Какой нехристіанскій совѣтъ далъ ты на старости святительства твоего кораблевождицѣ японской; безъ твоего архипастырскаго благословенія жилъ бы онъ себѣ мирно и небезвозмездно въ Лондонѣ комиссіонеромъ и купчиною адмиралтейства и кротко возносилъ бы мольбы свои къ подножію престола Всевышняго между заказами снастей корабельныхъ и ихъ пріемовъ,—а теперь всѣхъ водъ, соленыхъ и прѣсныхъ, отъ береговъ Синайскихъ до водохранилищъ мытищенскихъ, не довлѣетъ на омовеніе человѣка, принявшаго на себя величайшее преступленіе, преступленіе противъ духа, противъ просвѣщенія...

«Въ Россіи закрыты университеты—въ Польшѣ церкви сами закрылись, осквернены полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ впотьмахъ? Они сошли съ ума—долой ихъ съ козелъ, если не хотите съ ними грохнуться о землю? Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?.. Сказать вамъ куда? Прислушайтесь—благо тьма, не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, растетъ стонъ, поднимается ропотъ—что начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чревата

бурями, послѣ страшно-утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!

«Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ проходитъ. Вы тайно еще печатаете дома, но явно протестуете. Хвала вамъ, младшіе братья, и наше дальнее благословеніе! О, если бъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься, когда мы читали о студенческомъ днѣ въ Петербургѣ».

Такъ взглянулъ на дѣло «съ того берега» знаменитый русскій эмигрантъ, подъ такимъ именно политическимъ угломъ зрѣнія онъ его освѣтилъ и такъ онъ опредѣлилъ его дальнѣйшее развитіе. Въ народъ! Отъ спеціально-студенческихъ неудовольствій и бурныхъ проявленій кипучихъ силъ по домашнимъ обстоятельствамъ къ дѣлу политической пропаганды на Волгѣ, на Дону, на Уралѣ... Совѣтъ, какъ увидимъ дальше, далъ свои результаты, и молодежь отвѣтила на указаніе своего политическаго наставника извѣстнымъ «крестовымъ походомъ» въ народъ въ семидесятыхъ годахъ, о чемъ рѣчь будетъ дальше.

На діаметрально противоположную точку зрѣнія сталъ въ вопросѣ другой видный представитель нашей общественности, И. С. Аксаковъ, обратившійся къ студентамъ въ своей газетѣ «День» со слѣдующимъ совѣтомъ [1]):

«Бросьте всѣ ваши безполезные толки, волненіе безъ содержанія и безъ цѣли, безъ опредѣленнаго смысла! Сами вы знаете, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ подобныя явленія не могутъ быть терпимы, какъ ненормальныя, безпорядочныя отправленія общественнаго организма. На крестьянскія сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несутъ тягла. Вы также все еще не имѣете полныхъ правъ гражданскихъ, а слѣдовательно и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Съ какою цѣлью поступаете вы въ университетъ? Съ единственною цѣлью учиться; другой цѣли, другой заботы, другой дѣятельности у васъ и быть не можетъ и быть не должно! Подумайте о тѣхъ горестныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ навлечь на всѣхъ ваши поступки! Вы молодое поколѣніе Россіи, вы ея цвѣтъ, ея надежда, вы будущіе граждане, будущіе дѣятели на всѣхъ ея поприщахъ!—Вы должны запасаться силами и всякимъ духовнымъ оружіемъ для борьбы съ жизнью; вы должны пріобрѣтать знанія и развивать мышленіе, чтобы вести Россію по дальнѣйшему пути истиннаго прогресса. Вы должны изучить россію и русскую народность, чтобы наполнить бездну, еще отдѣляющую насъ отъ народа, чтобы возстановить цѣльность всего обще-

[1]) «День», 1861 г.

ственнаго организма, чтобы дѣйствовать согласно съ духомъ народа! Посудите сами: какого же добра можетъ ожидать Россія отъ незрѣлыхъ, недоученныхъ, недоношенныхъ въ умственномъ отношеніи сыновей своихъ? Только пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ! Любите ли вы Россію, любите ли вы народъ свой? Понимаете ли вы свое призваніе? Если любите, если понимаете, такъ займитесь дѣломъ, относитесь къ жизни посерьезнѣе, отрезвите себя крѣпкимъ умственнымъ трудомъ, воспитайте въ себѣ силу терпѣнья и могущество воли, развивайте мысль, возбуждайте дѣятельность сознанія, будьте безукоризненно честны и непоколебимо тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ, и вы дадите Россіи мужей, нужныхъ ей,—нужныхъ въ предстоящія ей трудныя времена испытанія. Не отнимайте же у себя силъ и способовъ для будущей дѣятельности!»

Таковъ былъ не могшій разсчитывать на успѣхъ и популярность въ тѣ дни общаго нервнаго возбужденія голосъ вождя славянофиловъ. Онъ не могъ снискать ему гула одобренія молодежи и даже болѣе горячо настроенныхъ представителей общественности, почему и былъ отнесенъ къ тѣмъ голосамъ, которые раздавались со стороны такъ называемой «крайней правой», гдѣ стояли Филаретъ, графъ Шуваловъ, графъ Строгановъ, Путятинъ и другіе. Крылатое слово Искандера-Герцена съ его образною рѣчью и шаржированными положеніями болѣе отвѣтствовало общему настроенію и являлось той барометрической стрѣлкой, которая своимъ уклоненіемъ вѣрно опредѣляла наступающую политическую погоду.

Если радикальная печать такъ сочувственно отнеслась къ петербургской студенческой исторіи, усматривая въ ней главнымъ образомъ элементъ явнаго «протеста» и считая ее началомъ «новой эпохи», которою открывается жизнь Россіи, то правительство отнеслось къ движенію молодежи строго и надъ участниками сходокъ, засаженными частью въ Петропавловскую крѣпость, частью въ Кронштадтъ, были наряжены слѣдственныя комиссіи, а въ комитетѣ министровъ всему студенческому вопросу были посвящены особыя засѣданія, о которыхъ Герценъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія [1]): «26 октября былъ... собранъ особый совѣтъ министровъ. Государь открылъ засѣданіе тѣмъ, что совѣщанія совѣта по закону должны быть секретны, а между тѣмъ всему городу извѣстно, что говорится въ государственномъ совѣтѣ и въ совѣтѣ министровъ. Государь выразилъ желаніе, чтобы впредь совѣщанія совѣта сохранялись какъ дѣйствительныя государственныя тайны и не были разглашаемы. Спичъ государя подѣйствовалъ—и дня три члены совѣта отмалчивались, а потомъ начали попрежнему кто проговариваться, а кто и просто болтать.

---

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 116.

«Путятинъ въ совѣтѣ изложилъ весь ходъ университетскаго дѣла въ самомъ превратномъ смыслѣ. Его стали останавливать, опровергать и доказывать, что онъ извращаетъ всѣ факты, извѣстные министрамъ по запискѣ Кавелина. Между прочимъ Путятинъ увѣрялъ, что оппозиція правительству, съ характеромъ политическимъ, распространена между всѣми студентами и между всѣми профессорами; въ доказательство послѣдняго онъ привелъ фактъ, что «правительство хотѣло увеличить жалованье профессорамъ, но что они отказались отъ этого по одному духу оппозиціи».

«Милютинъ заставилъ его признаться, что профессора не отказывались отъ увеличенныхъ окладовъ, но отвергли съ негодованіемъ циркуляръ Путятина, въ которомъ онъ, по случаю увеличенія окладовъ, вмѣнилъ имъ въ обязанность: впредь преподавать науки въ духѣ, соотвѣтствующемъ видамъ правительства.

«Когда же онъ изложилъ свой планъ о преобразованіи университетовъ въ нѣчто подобное семинаріямъ, то государь сказалъ прямо, что это нелѣпо. Съ того времени Путятинъ, очевидно, приговоренъ къ паденію, но паденіе его совершается медленно, изъ ложнаго административнаго приличія.

«Между тѣмъ объ слѣдственныя комиссіи дѣйствуютъ. Петербургъ находится подъ предсѣдательствомъ Волянскаго, въ Кронштадтѣ предсѣдатель Пущинъ. Объ комиссіи находятъ то, что есть, что студентовъ не въ чемъ винить. Въ докладной запискѣ петербургской комиссіи даже очень рѣзко указано на всѣ ошибки министерства народнаго просвѣщенія.

«Вотъ это-то и приводитъ правительство въ смущеніе. Какъ согласиться, что напрасно выслали гвардію противъ студентовъ и напрасно ее благодарили на Царицыномъ лугу, напрасно разослали до 300 молодыхъ людей изъ Петербурга, напрасно посадили до 600 въ крѣпость. Какъ скоро будетъ новый министръ народнаго просвѣщенія, то ждутъ пересмотра устава университетскаго. Нынѣ петербургскій университетъ номинально открытъ, но въ дѣйствительности никто не ходитъ, и лекціи не читаются...

«Въ четвергъ 2 ноября было опять длинное засѣданіе... Особенно замѣчательна въ этомъ засѣданіи была рѣчь Милютина, который сказалъ откровенно, что Россія нуждается въ образованіи, которое должно всячески поддержать, что на новыя правила вся образованная Россія и вся заграничная пресса смотритъ не безъ основанія, какъ на мѣру реактивную, какъ на поворотъ съ пути реформъ, что принятіе этихъ правилъ составитъ ошибку правительства и что пересмотръ уставовъ университета необходимъ.

«Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ: какимъ путемъ рѣшить участь захваченныхъ студентовъ? Милютинъ предлагалъ путь законный: т. е. послѣ слѣдствія—судъ.—Игнатьевъ предложилъ отдать всѣхъ бунтовщиковъ въ солдаты—для примѣра. Шуваловъ, раздувшій

всю эту исторію, предложилъ полную амнистію, желая съ успѣхами при дворѣ соединить популярность. Всѣ три мнѣнія были отвергнуты. Рѣшено: по окончаніи слѣдствія рѣшить дѣло административно, въ совѣтѣ министровъ, т. е. рѣшили не стѣсняться ничѣмъ въ полицейскомъ произволѣ... Между тѣмъ... Кавелинъ подалъ въ отставку, и вслѣдъ за нимъ Спасовичъ и Стасюлевичъ (послѣдній читаетъ между тѣмъ у наслѣдника). Кромѣ того, подалъ прошеніе Плетневъ и собираются подать Утинъ, Пыпинъ и Костомаровъ».

Изъ этой краткой справки намъ обрисовывается въ достаточной полнотѣ финалъ студенческой исторіи. Молодежь потершѣла, но участь ея значительно была впослѣдствіи смягчена, причемъ со стороны всевозможныхъ общественныхъ элементовъ, включая сюда и учащихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по ея адресу были высказываемы явные и шумные знаки сочувствія до матеріальной помощи включительно. Министерство Путятина сметено и рядомъ съ этимъ въ правительственныхъ сферахъ обозначается прогрессивное теченіе, которое, въ лицѣ Милютина, громко подымаетъ свой голосъ за необходимость развитія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ и разгромъ петербургскаго университета, который временно подвергается закрытію и лишается нѣсколькихъ выдающихся научныхъ силъ, что сыграло въ развитіи нашей общественности очень опредѣленную роль.

Вспоминая объ этомъ уходѣ профессоровъ изъ университета, покойный Спасовичъ въ статьѣ о Кавелинѣ говоритъ: «Въ теченіе двухъ недѣль, съ 25 сентября по 12 октября, профессорскій кружокъ, числомъ отъ 12 до 15 человѣкъ, къ которому въ рѣшительные моменты присоединялись и всѣ остальные профессора, собирался почти ежедневно для совѣщанія на частныхъ квартирахъ, то у одного, то у другого изъ профессоровъ. Кавелинъ, безъ всякаго избранія и предварительнаго соглашенія, былъ нашимъ руководителемъ, а въ пререканіяхъ съ начальствомъ, такъ сказать, застрѣльщикомъ. Онъ рѣшалъ своимъ вѣскимъ голосомъ наши сомнѣнія и колебанія. Ему мы обязаны тѣмъ, что мы такъ послѣдовательно и до конца изображали собою въ нѣкоторомъ родѣ Кассандру, предсказывающую паденіе Иліона, не сходя вмѣстѣ съ тѣмъ съ пути самой строгой законности и устраняясь отъ солидарности съ сталкивающимися двумя силами: съ начальствомъ, дѣйствующимъ, опираясь на солдатъ, и со студенчествомъ... Мы совсѣмъ не искали популярности и отлично понимали, что если бы наши услуги были приняты, и намъ была бы предоставлена власть въ университетѣ, то, укрощая расходившихся студентовъ, мы не

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. II. Вступительная статья В. Д. Спасовича.

остановились бы передъ самыми энергичными мѣрами для установленія того нормальнаго университетскаго порядка, какой былъ у насъ на умѣ. Когда университетъ опустѣлъ, не бывъ даже офиціально закрытъ, то Кавелинъ первый рѣшилъ, что оставаться дольше въ этомъ университетѣ онъ не можетъ, но не вмѣняетъ никому изъ насъ въ обязанность послѣдовать его примѣру. На эту рѣшимость Кавелина, которой онъ никому не навязывалъ, откликнулись только четыре профессора: М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ и я. Во избѣжаніе всякаго вида стачки или коллективной демонстраціи мы рѣшили, что наши прошенія будутъ поданы не одновременно и нѣсколько позже прошенія Кавелина. Они послѣдовали одно за другимъ въ теченіе ноября 1861 г.».

Позднѣе ихъ примѣру послѣдовалъ и Н. И. Костомаровъ.

Впослѣдствіи эта группа покинувшихъ университетъ профессоровъ собралась въ особый кружокъ вокругъ М. М. Стасюлевича, положившаго въ 1866 г. основаніе извѣстному журналу «Вѣстникъ Европы», которому въ политической жизни Россіи суждено было сыграть видную роль, какъ органу, систематически проводившему въ общественное сознаніе идеи «правового порядка». Лишившись офиціальной каѳедры по доброй волѣ, петербургскіе ученые сумѣли создать себѣ вліятельныя трибуны, съ которыхъ ихъ голосъ широко разносился по всей родной землѣ.

Студенческая исторія взбудоражила все столичное общество, привела въ движеніе самые разнообразные его элементы и безусловно въ сильной степени содѣйствовала укрѣпленію того оппозиціоннаго настроенія, которое назрѣвалось передъ тѣмъ. Студенты показали примѣръ активнаго протеста, и этотъ примѣръ имѣлъ свои послѣдствія: оппозиція стала дружнѣе, сплоченнѣе и агрессивнѣе. Событія въ Петербургѣ гулко отозвались и въ прочихъ университетскихъ центрахъ Россіи, и всюду послѣдствія были одинаковы: волна общественнаго недовольства вздымается и опредѣленный кругъ политическихъ идей получаетъ свое расширеніе и углубленіе.

Особенно крупно и шумно разыгрались событія въ Москвѣ. Въ корреспонденціи въ «Колоколъ» изъ Москвы по сему предмету сказано [1]): «При вѣсти о закрытіи петербургскаго университета взволновался и московскій. Студенты московскаго университета рѣшили подать адресъ государю. Нашлось 500 подписей, а потомъ выступила на сцену партія, совѣтующаяся съ Тучковымъ; правитель его канцеляріи Рудзевичъ перемѣнилъ адресъ на прошеніе къ Путятину. Подписавшіяся подъ адресомъ къ государю отказались, польскіе студенты тоже сказали, что къ прошенію не присоединятъ своихъ подписей, тогда какъ прежде соглашались, если найдется большое

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 112.

число русскихъ,—и вотъ уже 3 дня дѣло идетъ, кажется, ни къ чему. Въ послѣднее время, когда увидали, что дѣло пошло очень дурно, изъ 500 подписавшихся 300 взяли свои подписи назадъ. 4 октября было происшествіе нѣсколько поотраднѣе: человѣкъ 600 студентовъ отправились изъ университета на могилу Т. Н. Грановскаго. Впереди несли корзину цвѣтовъ и вѣнки. Народъ снималъ шапки и крестился, но когда замѣчалъ, что всѣ въ фуражкахъ и въ корзинѣ даже Бога не видно, снова надѣвалъ.

«На кладбищѣ, разумѣется, появилась полиція въ солдатской формѣ и переодѣтая. Во время другой рѣчи послѣ панихиды взошелъ за рѣшетку оберъ-полицеймейстеръ Крейцъ. Сдѣлался взрывъ, слышалось: «здѣсь вамъ не мѣсто» и т. п. въ этомъ родѣ; одинъ изъ студентовъ вскочилъ: «Г.г.! ради могилы Т. Н. Граповскаго не дѣлайте скандала, тише!»—и все у тихло. Крейцъ повернулъ налѣво кругомъ и ушелъ. «На возвратномъ пути совершенно спокойно, не обращая вниманія, студенты прошли мимо выстроившихся жандармовъ; въ сторонѣ за зданіемъ стояло около 150 будочниковъ, неизвѣстно съ какой цѣлью собранныхъ».

Панихида была отслужена и пока все обошлось благополучно. Тѣмъ временемъ не прекращались и хлопоты объ адресѣ государю, текстъ котораго собственно не содержалъ въ себѣ ничего дерзкаго, но заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ пожеланіе относительно нѣкоторыхъ сторонъ студенческой жизни въ смыслѣ автономныхъ правъ, относительно безплатнаго обученія бѣдныхъ, а также ходатайство за петербургскихъ товарищей. Дѣло съ адресомъ подвигалось туго и, наконецъ, 13 октября приняло бурный, кровавый оборотъ. Корреспондентъ Герцена описалъ ходъ событій такъ: [1]) «Въ послѣдніе дни студенты были очень обезкуражены. Адресъ подписывали туго. Человѣкъ 200 самыхъ горячихъ и энергичныхъ послали депутатовъ къ попечителю просить его объ открытіи 1 и 2 юридическихъ курсовъ[2]) и принять адресъ къ государю. Онъ отказался отъ того и другого. Тогда студенты силою вошли въ профессорскую залу. Въ дверяхъ удерживали ихъ минутъ пять профессора Ешевскій и Бодянскій, но студенты наконецъ оттѣснили ихъ и взошли къ попечителю. Пришелъ полицеймейстеръ Крейцъ, но его не впустили. Студенты разошлись вечеромъ, а ночью начались аресты, схвачены были между прочими и больные, лежавшіе больше недѣли дома. На другой день толпа студентовъ собралась въ саду и, узнавъ, что многіе взяты,—рѣшились итти къ генералъ-губернатору; въ числѣ двухсотъ пошли по Тверской. Лишь только вышли они на площадь,

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 113.

[2]) Оба курса были закрыты по случаю бывшихъ тутъ безпорядковъ. Авт.

раздались свистки, и со всѣхъ сторонъ изъ засады показались жандармы.

«Тутъ произошла схватка. Многіе защищались, но всѣ были взяты; иные бѣжали, но тогда тулупы, народъ, кинулись на нихъ съ криками: «бейте поляковъ, они пришли рѣзать губернатора!» Съ яростью они брали студентовъ за воротники, валили, давили, полиція спасала ихъ и говорила прохожимъ: «Мы спасаемъ! народъ рветъ на части бунтовщиковъ!» Это показалось страннымъ—съ чего? Какъ? Но скоро штука была открыта; это были переодѣтые будочники и солдаты, и они-то съ криками бросились на студентовъ, желая увлечь народъ. Два купца первые открыли это, узнавъ будочника своего квартала переодѣтымъ въ тулупъ. Всѣ тулупы были съ усами, но безъ бородъ и кланялись начальству, подымая руку къ шапкѣ. Все это играло роль народа и душило студентовъ, которыхъ полиція спасала; пока это было на площади, по улицамъ происходили неслыханныя вещи. Разъяренные, какъ звѣри, жандармы пускали во весь опоръ своихъ лошадей, давили и скакали на ловлю студентовъ. Они бросались на всякаго, у кого была форма студенческая. Хватали всѣхъ безъ различія. Раевскаго, который ѣхалъ стричься къ парикмахеру, вытащили изъ коляски, другого вытащили изъ магазина; напали на шедшихъ въ клинику. Одинъ студентъ былъ гувернеромъ и ѣхалъ съ дѣтьми; его вытащили изъ экипажа, дѣти съ испугу выскочили и разбѣжались, и ихъ потомъ искалъ отецъ цѣлый день. Вытаскивая студентовъ изъ экипажа, ихъ волочили по землѣ, разбивая имъ лицо. Одного буквально удавили на шарфѣ и его замертво подняли на бульварѣ двѣ дамы и сами свезли въ клинику. Жандармы его тащили за два конца cache-nez и, думая, что онъ ужъ мертъ, бросили. За его жизнь Захарьинъ не отвѣчаетъ. Другого, Коревьина, жандармъ ударилъ палкой по головѣ; онъ упалъ замертво, но скоро приподнялъ голову, другой жандармъ наѣхалъ на него лошадью и раздавилъ его! Его унесли, и онъ, говорятъ, умеръ. Пока шла эта ловля и травля по всей Москвѣ, студентовъ, взятыхъ на площади, загнали на большой дворъ Тверской части, что противъ дома генералъ-губернатора и гдѣ гауптвахта. Тамъ голодные и холодные (съ нихъ стащили шинели и украли ихъ) стояли они съ 11 часовъ утра до часу ночи. Толпа около была большая, и въ ней судили и рядили разно. Однако народу всѣ почти объясняли, что это не бунтовщики и рѣзать они никого не хотѣли. Этотъ слухъ вышелъ отъ переодѣтыхъ, которые распространяли разныя возмущающія вещи, чтобы увлечь за собою настоящій народъ».

Такова въ общихъ чертахъ картина происшедшаго избіенія студентовъ въ Москвѣ. Въ результатѣ ея нѣкоторые студенты потерпѣли кару за «бунтъ», но въ общемъ московская исторія, при

всемъ мрачномъ ея колоритѣ, не имѣла для судьбы московскаго университета тѣхъ послѣдствій, какія мы видѣли въ Петербургѣ. Студентамъ удалось даже подать черезъ Рылѣева адресъ государю, принести жалобу на дѣйствія московской администраціи и выразить свои ріа desideria исключительно въ области своихъ студенческихъ нуждъ. Правда, эта подача не прошла имъ даромъ, но во всякомъ случаѣ фактъ личнаго сношенія студенчества съ государемъ получилъ свое реальное осуществленіе и, весьма возможно, сыгралъ добрую роль въ относительно слабыхъ послѣдствіяхъ для молодежи проявленія ихъ оппозиціоннаго настроенія.

Вслѣдъ за Петербургомъ и Москвою прошумѣли студенческіе безпорядки въ Казани и Кіевѣ, хотя и не въ столь широкомъ масштабѣ, но также съ печальными результатами для судьбы молодежи. За бортомъ учебныхъ заведеній оказалось въ итогѣ немало молодыхъ силъ, которыя потомъ и наполняли собою революціонные кадры, отдавъ себя всецѣло на активную борьбу съ правительствомъ. Не называя тѣхъ, кто сталъ впослѣдствіи въ ряды легальной оппозиціи, укажемъ Гижицкаго, Войнаральскаго, Эльпидина и Каракозова, чьи имена тѣсно связаны со всѣхъ ходомъ русской революціи. Они приняли свое первое «боевое» крещеніе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г. и отсюда понесли свои бурныя силы въ ту пучину борьбы, гдѣ ихъ ожидали самыя крайности человѣческой судьбы до смертной казни включительно.

VII.

Поляки въ студенческомъ движеніи.—Всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства.—Конспиративные кружки.—Прокламаціи «Земская Дума» и «Русская правда».—Общество «Земли и воли».—Н. А. Серно-Соловьевичъ.—Участіе въ обществѣ «Земля и воля» литературныхъ силъ.—Конституціонный «Проектъ уложенія императора Александра II», составленный Н. А. Серно-Соловьевичемъ.—Дѣятельность въ новомъ революціонномъ обществѣ учащейся молодежи.—Воспоминанія объ этомъ участіи Л. Ф. Пантелѣева.

Во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ 1861 г. принимали горячее участіе студенты-поляки. Въ нѣкоторыхъ университетахъ это участіе было сильнѣе, въ другихъ слабѣе, но такъ или иначе польскій элементъ вездѣ былъ въ той или иной степени налицо, и историкъ студенческой жизни въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, С. Ашевскій ограничивая это участіе до минимума, тѣмъ не менѣе говоритъ [1]): «Безспорно, что поляки, готовясь къ возстанію противъ русскаго владычества, не были особенно разборчивы въ средствахъ для ослабленія своего врага»; и въ другомъ мѣстѣ: «Несомнѣнно только одно, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ студенты-

[1]) «Современный Міръ», 1907 г., № 10.

поляки принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ новыхъ университетскихъ правилъ, хотя вели себя такъ осторожно, что почти избѣжали сколько-нибудь серьезныхъ наказаній. Во всякомъ случаѣ, въ спискахъ пострадавшихъ студентовъ гораздо больше даже нѣмецкихъ именъ и фамилій, чѣмъ польскихъ. Что касается побужденій, заставлявшихъ поляковъ участвовать въ студенческихъ волненіяхъ, Ешевскій [1]) прекрасно объясняетъ это участіе болѣе матеріальными, чѣмъ политическими причинами. «Прежде,—говоритъ онъ,—бѣднякъ шелъ преимущественно на медицинскій факультетъ, часто вопреки своимъ наклонностямъ, вопреки отвращенію къ медицинскимъ занятіямъ, а ради вѣрнаго куска хлѣба по выходѣ изъ университета. Теперь еще большее обезпеченіе представлялъ факультетъ юридическій. Университетъ получалъ безпрестанно вызовы желающихъ получить мѣста судебныхъ слѣдователей на весьма выгодныхъ условіяхъ... А впереди представлялись адвокатура, гласное судопроизводство и другія реформы. Особенно велико было число поляковъ и польскихъ уроженцевъ западныхъ губерній, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ. Для нихъ, по особымъ обстоятельствамъ, еще болѣе, чѣмъ для русскихъ, карьера юриста казалась самой обезпеченной. Большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ московскомъ университетѣ отличалось крайней бѣдностью. Оно могло существовать только благодаря освобожденію отъ платы за лекціи, стипендіямъ и помощи со стороны товарищей... На поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній и обрушилось всею тяжестью новое постановленіе (о немедленномъ взносѣ денегъ за обученіе и объ освобожденіи отъ платы не болѣе двухъ студентовъ на каждую губернію московскаго учебнаго округа)... Этимъ объясняется какъ участіе всего польскаго студенчества въ университетскихъ безпорядкахъ, такъ и то, что эти безпорядки начались на юридическомъ, а не на другомъ факультетѣ. Разумѣется, нельзя отвергать другихъ, чисто-національныхъ побужденій польскихъ студентовъ принять участіе въ этихъ волненіяхъ и направить ихъ уже къ своей цѣли, но приложеніе высочайшаго повелѣнія немедленно дало возможность полякамъ и русскимъ дѣйствовать единодушно, чего не было прежде. Мѣра правительства падала одинаково тяжко и на тѣхъ, и на другихъ, хотя, быть можетъ, еще тяжелѣе на поляковъ, чѣмъ на русскихъ, и, соединяя ихъ подъ однимъ знаменемъ для общей цѣли, на защиту бѣдныхъ товарищей, эта мѣра давала огромный перевѣсъ полякамъ надъ русскими во всѣхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ. Дѣло было общее, а польская община была крѣпко организована, дѣйствовала еди-

[1]) Профессоръ московскаго университета. Его статьи о студенчествѣ той эпохи были напечатаны въ «Русской Старинѣ». Б. Г.

нодушно, повиновалась извѣстнымъ предводителямъ, и, очевидно, должна была брать верхъ надъ разрозненными, часто безсознательными, необдуманными стремленіями русскихъ студентовъ».

Приведя эту цитату изъ работы Ешевскаго, авторъ отъ себя прибавляетъ: «Можно, вообще, спорить о томъ, какую цѣль преслѣдовали польскіе студенты, участвуя въ волненіяхъ 1861 г.: думали ли они доставить затрудненія русскому правительству въ интересахъ своей отчизны, или же просто вели совмѣстную борьбу

Н. А. Серно-Соловьевичъ.

за академическую свободу, или, наконецъ, имѣли въ виду и то и другое. Во всякомъ случаѣ, ихъ провокаторская роль въ студенческихъ волненіяхъ, если не можетъ быть всецѣло отнесена въ разрядъ патріотическихъ мнѣній, то все же должна быть ограничена самой минимальной дозой».

Мы нарочно, во избѣжаніе нареканій, привели наиболѣе благопріятные для поляковъ мнѣнія и отзывы, чтобы констатировать опредѣленный фактъ: поляки сыграли въ студенческомъ движеніи очень опредѣленную роль, и эта роль согласовалась какъ нельзя болѣе съ тою общею политикою, которой поляки держались въ

виду готовившихся и разыгравшихся событій въ Варшавѣ. А тамъ скоплялись тучи, и русское правительство, сбитое въ достаточной мѣрѣ съ своей позиціи внутренними, чисто-домашними дѣлами, съ тревогою озиралось на западную окраину, откуда несся зловѣщій шумъ и надвигалась сильная гроза. Во имя этой грозы шла подспудная работа по всѣмъ этапамъ русской жизни, и однимъ изъ результатовъ этой работы можно считать и бѣгство Бакунина изъ Сибири, удавшееся, какъ теперь это достаточно выяснено [1]), благодаря польской роднѣ со стороны его супруги. Бакунинъ, бѣжавъ изъ Сибири, помимо того, что усилилъ революціонную проповѣдь «Колокола», внесъ еще, кромѣ того огромную страсть защиты «польскаго дѣла» и кличъ на весь міръ во имя польской революціи.

Уже въ началѣ 1862 г. онъ въ интересахъ своей проповѣди выступаетъ съ широкимъ воззваніемъ: «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», которое помѣщаетъ въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ «Колоколу» [2]). Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ: «И да будетъ опозоренъ тотъ изъ русскихъ, у кого въ настоящую минуту, когда русскія войска рѣжутъ польскій народъ, топчутъ польскихъ дѣтей и женщинъ, достанетъ духу сказать хоть одно слово упрека героическимъ и благороднымъ дѣтямъ этой мученической, но далеко не подавленной страны. Не подавленной, нѣтъ: Jescze Polska nie sginela! И мы съ восторгомъ и съ умиленіемъ привѣтствуемъ дивное возрожденіе великаго славянскаго народа, безъ котораго славянскій міръ былъ бы не полонъ, ощутилъ бы ничѣмъ не замѣстимую пустоту, былъ бы лишенъ своего вѣнка. Да, мы любимъ поляковъ, мы удивляемся имъ, мы вѣримъ въ ихъ высокую будущность, неразрывно связанную съ будущностью всѣхъ славянъ, мы вѣримъ въ ихъ братство съ нами».

Положеніе правительства къ исходу 1861 г. было такимъ образомъ чрезвычайно трудное. Прокламаціи, аресты въ писательской средѣ, студенческія волненія, агитація поляковъ противъ правительства, усиленіе эмиграціи и взятіе ею подъ защиту польскаго дѣла, волненіе въ Варшавѣ, общее броженіе въ интеллигенціи—вотъ сумма данныхъ, которыми заключался 1861 годъ. Положеніе дѣлъ, такимъ образомъ, становилось очень труднымъ особенно если принять во вниманіе еще крупную заботу о благополучномъ установленіи новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, что, какъ мы уже видѣли, далеко не вездѣ протекало благополучно. Озабочивало правительство и настроеніе дворянства, которое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ принимало явно конституціонное теченіе и грозило новыми осложненіями, съ которыми прихо-

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1907 г., кн. 12, ст. С. А. Казаринова.
[2]) «Колоколъ», 1861 г., № 122—123.

дилось серьезно считаться. И дѣйствительно, уже въ самомъ началѣ 1862 г. тверское дворянство выступило съ чрезвычайно любопытнымъ адресомъ, который мы приводимъ, какъ интересный историческій памятникъ, цѣликомъ.

Дворянство обратилось къ государю со словами [1]):

«Ваше императорское величество
«Всемилостивѣйшій государь!

«Собравшись въ первый разъ послѣ обнародованія законоположеній 19-го февраля 1861 г., тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и къ искорененію всякой неправды на землѣ русской. Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ начинаніямъ вашего императорскаго величества и готово слѣдовать за вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа. Въ доказательство нашей готовности и полнаго довѣрія къ лицу вашего императорскаго величества, мы рѣшаемся представить на ваше благоусмотрѣніе откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

«Манифестъ 19-го февраля, объявившій волю народу, улучшилъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, рожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной в. в. воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій.

«Народъ видитъ, что онъ со временемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками.

«Государь! мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставитъ все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству.

«Что же можетъ устранить его?

«Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

«Мы просимъ привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не полагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 126.

«Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ.

«Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ ваше величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго.

«Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

«Всемилостивѣйшій государь! мы твердо увѣрены, что вы искренно желаете блага Россіи, и потому считаемъ священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ вашего величества существуетъ странное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію вашихъ благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной воли, сановники изобрѣли временно-обязательное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которая грозитъ довести до крайняго разоренія и крестьянъ и помѣщиковъ; нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣненія.

«Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что мы стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не только для удовлетворенія, но даже и для указанія народныхъ потребностей.

«Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса воли народа. Созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.

«Представляя на разсмотрѣніе вашего величества всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что

искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованію.

«Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастіе именоваться

В. И. В. вѣрноподданные (слѣдуетъ 112 подписей)

Кромѣ этого адреса, тверское дворянство подписало въ томъ же духѣ протоколъ, гдѣ выразило пожеланіе относительно введенія независимаго гласнаго суда, установленія гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія и категорически высказалось за необходимость «собранія выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій» въ интересахъ «свободныхъ учрежденій».

Такого рода «адресъ» для Новаго года былъ большимъ сюрпризомъ правительству и показалъ ему, что политическое движеніе идетъ быстрыми шагами вширь и что русская жизнь явно сдвинулась съ своего стараго пути помимо воли администраціи и вопреки ея велѣнію. Вліятельное сословіе выставляло почтительное, но твердое пожеланіе, эмиграція входила все въ болѣе тѣсныя сношенія съ домашними вліятельными общественными элементами, и среди послѣднихъ ужъ созрѣвали тайныя организаціи, въ цѣляхъ упорной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей. Правительство начинало напрягать свои силы, чтобы захватить въ свои руки нити организацій и при содѣйствіи агентовъ выяснить тотъ кругъ лицъ, который стоитъ въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ редакціи «Колокола».

А въ Петербургѣ, на глазахъ у не успѣвшаго еще сооргапизоваться правительства, шла дѣйствительно бойкая агитація въ пользу политическаго сплоченія и образованія конспиративныхъ кружковъ. Таковыхъ, повидимому, къ этому времени народилось много и въ самыхъ разнообразныхъ составахъ. Однимъ изъ важныхъ центровъ такого политическаго собиранія силъ былъ «шахматный клубъ», библіотека Серно-Соловьевича и другія мѣста; явились на сцену и новыя прокламаціи, которыя и распространялись въ населеніи въ значительномъ количествѣ. Изъ числа послѣднихъ, относящихся именно къ началу 1862 г., обращали на себя вниманіе—«Земская Дума» и «Русская Правда». Первая касалась лишь вопроса о необходимости созыва представителей народа, вторая же главнымъ образомъ имѣла въ виду польскій вопросъ. Въ «Земской Думѣ» говорилось [1]): «Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія—*земская дума*. Цѣль ея:

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 139.

«Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

«Созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для составленія новаго «Уложенія» и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

«На дняхъ бывшее общее собраніе думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ кружковъ дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствія и выступить какъ организованная партія.

«Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день «тысячелѣтія» Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству—въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены—свои требованія въ такой формѣ, предъ которой оно должно будетъ уступить.

«Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньше жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ итти заодно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы».

А вотъ что говорилось въ заключительной части № 1 «Русской Правды» [1]): «Братья поляки! когда-то вы писали на своихъ знаменахъ: «за нашу и вашу свободу». Тогда немногіе еще понимали вашъ великодушный вызовъ, но теперь познаніе свободы овладѣло сердцами всѣхъ честныхъ людей, теперь на вашъ откликъ явятся тысячи. Братья! забудемъ и простимъ другъ другу все прошлое; впереди же насъ нѣту тучъ, которыя могли бы омрачить нашъ святой союзъ: свободный голосъ рѣшитъ все, а гдѣ свобода—тамъ и истина! Тутъ споровъ быть не можетъ! Правительство наше въ своей апатіи теперь, какъ и прежде, говоритъ вамъ: будьте послушны и кротки, и мы дадимъ вамъ конституцію. Братья! будьте послушны и кротки, какъ ягненки, и васъ остригутъ, какъ барановъ! Горько говорить это намъ, вашимъ палачамъ, хотя палачамъ невольнымъ,—мы сознаемъ это, и лучше пусть каждый сознаетъ честно свои преступленія, чтобы легче было забыть и простить ихъ. Простите же насъ, братья! Дайте намъ вашу руку, потому что настанетъ часъ, когда мы вмѣстѣ станемъ подъ однимъ знаменемъ, знаменемъ свободы. Мужество и постоянство пусть будутъ нашимъ девизомъ! Умираютъ люди; но идея, всѣми сознанная и прочувствованная, не умретъ, не достигнувъ высоты своего осуществленія.

---

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

«Свобода, свобода!—раздается со всѣхъ концовъ міра. Это пробужденная проповѣдь нашего Спасителя; подъ ея звуки и враги должны подать другъ другу руки, забывая все прошлое и проливая благодарныя слезы передъ алтаремъ Христа, который снова просвѣтляетъ человѣка своимъ забытымъ святымъ ученіемъ.

«Братья! такихъ словъ не заглушить громомъ пушекъ; такихъ слезъ не смыть нашимъ врагамъ и потоками нашей крови. Пусть льется она! Она еще больше скрѣпитъ нашъ свободный братскій союзъ, и каждая ея капля, по словамъ пророка, родитъ новаго мученика свободы».

Не менѣе фантастически кончался и № 2 «Русской Правды», гдѣ авторъ въ пафосѣ восклицалъ: «Что понялъ народъ, то подавно поняло и войско, и—горе всѣмъ чужеземнымъ утѣснителямъ русской свободы, когда ненависть, тлѣющая въ груди каждаго русскаго гражданина, каждаго русскаго воина, вырвется наружу съ крикомъ: «смерть нѣмцамъ! да здравствуетъ свобода!»

Мы намѣренно привели образцы этой странной нелегальщины, чтобы показать, какая между прочимъ «литература» наводняла рынокъ, очевидно, находя своихъ потребителей. Конечно, отъ серьезныхъ группъ эти листки исходить не могли, и являлись продуктомъ творчества случайныхъ любителей политики, не состоявшихъ въ составѣ какой-нибудь дѣйствительно серьезной организаціи.

Иначе обрисовывается дѣло, когда мы подходимъ къ такимъ организаціямъ, какъ общество «Земли и Воли», возникшее приблизительно тоже въ началѣ 1862 г. и въ дѣятельности котораго приняли участіе такіе серьезные общественные дѣятели, какъ Н. Г. Чернышевскій и Н. А. Серно-Соловьевичъ. Здѣсь мы впервые послѣ извѣстныхъ уже намъ обществъ декабристовъ встрѣчаемся съ началомъ правильной организаціи, съ широко поставленными программами и съ планами, которые могли доставить правительству немало хлопотъ. Съ этого общества и начинается собственно настоящая исторія развитія революціоннаго движенія въ Россіи и наше близкое ознакомленіе съ этимъ движеніемъ, поскольку современная литература выяснила событія, сюда относящіяся.

Наступившій 1862 годъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ годъ чрезвычайно знаменательный для политической жизни Россіи. Въ этотъ періодъ мы наблюдаемъ усиленную мобилизацію общественныхъ силъ въ ихъ натискѣ на правительство съ цѣлью вырвать у него наибольшую сумму реформъ, побудить его ликвидировать старый полицейско-бюрократическій строй и вступить на путь созыва народныхъ представителей съ задачами «учредительнаго собранія». Рядомъ съ этимъ обнаруживается достаточная организованность правительственной власти, которая изъ состоянія нерѣшительности

и нѣкотораго разброда переходитъ въ наступленіе противъ явно обнаружившейся оппозиціонной общественности, обрушивается на нее, производитъ въ ней значительныя опустошенія, полагая, что съ устраненіемъ опредѣленныхъ единицъ масса придетъ въ спокойное состояніе и революціонному движенію будетъ положенъ конецъ. Въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ началу административному дается преимущество надъ началомъ правосудія. Вмѣстѣ съ такими методами «пресѣченія и наказанія» правительство приходитъ къ окончательному рѣшенію о необходимости вступить на путь реформъ, которыя намѣчаются, хоть и внѣ содѣйствія для ихъ осуществленія со стороны совокупныхъ силъ страны, однако, согласно минимуму либеральной программы и при нѣкоторомъ участіи, правда, очень слабомъ, свѣдующихъ людей по выбору самой бюрократіи. Такимъ способомъ разрабатываются подъ покровомъ глубокой канцелярской тайны реформы университетская и судебная. Отсутствіе здѣсь гласности и упорное нежеланіе обнаружить передъ страною свои реформаторскія намѣренія влечетъ за собою очень печальныя послѣдствія въ видѣ утраты всякаго довѣрія къ правительству со стороны видныхъ и вліятельныхъ представителей отечественной общественности и ихъ нежеланія какимъ-либо способомъ содѣйствовать осуществленію намѣченныхъ преобразованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же обнаруживается новое теченіе въ молодой русской оппозиціи—разладъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между «отцами и дѣтьми», разладъ не идейно-философскій, какъ это было, напримѣръ, въ исходѣ 50 годовъ, а въ отношеніи минимума и максимума политическихъ требованій. При этомъ «отцы» отчасти подъ вліяніемъ «сыновъ», отчасти подъ давленіемъ практическаго опыта и изученія реальной отечественной дѣйствительности переходятъ отъ программъ съ характеромъ компромисса къ программамъ болѣе радикальнымъ въ смыслѣ ихъ агрессивности и въ отношеніи опредѣленныхъ конституціонныхъ требованій. Такая эволюція наблюдается въ дѣятельности Герцена и Чернышевскаго, въ особенности у послѣдняго, который къ тому времени переходитъ отъ теоріи къ практикѣ и становится тайнымъ вождемъ революціоннаго движенія въ Россіи, почему на него, хотя и безъ достаточныхъ къ тому формальныхъ и конкретныхъ данныхъ, и оборачивается особенная ненависть правительственной власти, которая заживо его хоронитъ въ Сибири и пересѣкаетъ ему возможность воздѣйствовать на умы современниковъ.

Какъ уже отмѣчено выше, среди общественныхъ организацій, преслѣдовавшихъ цѣли политическія, наиболѣе серьезною и вліятельною явилась организація общества «Земли и Воли», возникшаго около начала этого года. Въ точности время основанія общества, его составъ, районы распространенія и дѣйствій и болѣе или менѣе обстоятельная программа, положенная въ его основу,

до сихъ не выяснены въ нашей литературѣ. Болѣе всего данныхъ о немъ мы почерпаемъ изъ извѣстной уже нашимъ читателямъ книги Л. Ф. Пантелѣева «Изъ воспоминаній прошлаго». Но и то, что сообщаетъ г. Пантелѣевъ, всего болѣе относится ко второму періоду жизни общества, когда оно цѣликомъ попало во власть молодежи, въ лицѣ самого Л. Ф. Пантелѣева, Н. Утина и другихъ; что же касается перваго періода, то о немъ и самъ авторъ воспоминаній говоритъ поверхностно, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго матеріала для болѣе обстоятельнаго повѣствованія. Быть можетъ, со временемъ мы и узнаемъ нужныя подробности, когда, напримѣръ, выйдетъ, хотя бы часть записокъ покойнаго А. А. Слѣпцова, бывшаго дѣятельнаго члена «Земли и Воли», котораго Пантелѣевъ такъ зло и карикатурно изобразилъ подъ наименованіемъ «господина съ пенснэ» [1]). О существованіи начала этихъ записокъ имѣется указаніе въ литературѣ съ отмѣткою, что продолженію ихъ помѣшала смерть автора, такъ что остается только пожелать, чтобы въ интересахъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи хоть это начало скорѣе появилось въ печати. Не даютъ намъ нужныхъ свѣдѣній о «Землѣ и Волѣ» ни опубликованные до сихъ поръ матеріалы о Чернышевскомъ, ни даже опубликованный нынѣ г. Лемке «процессъ 32» или «дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», гдѣ центральною фигурою являлся Н. А. Серно-Соловьевичъ, самый активный дѣятель народившагося политическаго общества, о каковомъ обществѣ, однако, въ процессѣ не встрѣчается указаній. Вообще организація «Земли и Воли» въ обоихъ ея періодахъ, относящихся къ шестидесятымъ годамъ, прошла мимо вѣдѣнія правительственныхъ агентовъ и офиціально не была зарегистрирована какимъ-либо процессомъ или дознаніемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ общество успѣло выпустить нѣсколько прокламацій, создать

---

[1]) Что покойный А. А. Слѣпцовъ и «господинъ съ пенснэ» лица тождественныя, о томъ автору настоящихъ очерковъ говорилъ тоже нынѣ покойный С. Н. Кривенко, разсказывавшій, что Слѣпцовъ былъ очень обиженъ своимъ изображеніемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера г. Пантелѣева, и собирался ему отвѣтить; но со времени появленія книги г. Пантелѣева этого отвѣта не появилось и, вѣроятно, онъ и вошелъ въ ненапечатанныя пока воспоминанія Слѣпцова. Этотъ высокопоставленный дѣятель министерства народнаго просвѣщенія и кавалеръ всяческихъ орденовъ до конца своихъ дней оставался отчаяннымъ радикаломъ, относившимся даже къ такимъ «пострадавшимъ» политикамъ, какъ С. Н. Кривенко, нѣсколько свысока и именуя его полупрезрительно «либераломъ». Въ дни свободъ 1905 года авторъ встрѣтилъ на одномъ изъ митинговъ Слѣпцова и былъ просто пораженъ его сіяющимъ видомъ, съ которымъ онъ внималъ ультра-радикальнымъ рѣчамъ, передъ которыми реплики нашихъ патентованныхъ, но все же умѣренныхъ вожаковъ освободительнаго движенія казались слабыми и не достигающими цѣли. Слѣпцовъ, видимо, стоялъ на сторонѣ первыхъ, слыша въ ихъ словахъ элементъ анархіи и непримиримости.

Б. Г.

провинціальные отдѣлы, черезъ посредство которыхъ вело пропаганду въ интеллигентныхъ слояхъ населенія, собрать болѣе или менѣе значительныя средства и положить краеугольный камень и починъ такимъ политическимъ организаціямъ, которыя проявили въ слѣдующемъ десятилѣтіи необыкновенную энергію борьбы сначала подъ тѣмъ же знаменемъ «Земли и Воли», а потомъ, послѣ раскола здѣсь, подъ знаменами «Чернаго передѣла» и «Народной воли». Отсюда мы въ правѣ заключить, что въ тѣ дни сыскная агентура еще была слабо организована и главное вниманіе правительства обращено на связь домашнихъ оппозиціонныхъ элементовъ съ штабъ-квартирой Герцена, Огарева и Бакунина на березахъ Темзы. Всѣ нити революціоннаго зла усматривались именно здѣсь, и домашнее броженіе понималось исключительно, какъ отраженіе заграничной пропаганды. Правительство какъ бы замерло на суммѣ данныхъ, ему извѣстныхъ съ конца 50-хъ годовъ, еще не оріентировалось въ ходѣ событій, которыя назрѣвали дома, и не понимало, что обаянію лондонскихъ эмигрантовъ уже наступилъ конецъ. Ихъ «отсталость», за исключеніемъ развѣ Бакунина, который все болѣе становился интернаціональнымъ героемъ, была вопросомъ болѣе или менѣе рѣшеннымъ въ глазахъ новаго поколѣнія, которое все сильнѣе и громче провозглашало новыя требованія и выставляло болѣе рѣшительныя и радикальныя программы для преобразованія политическаго, соціальнаго и экономическаго уклада Россіи. Черезъ очень короткое время это народившееся поколѣніе, частію вышедшее изъ студенческаго движенія 1861 года, частію воспитанное отрицательными теченіями тогдашней литературы и частію вышедшее изъ разночинническихъ нѣдръ, не связанныхъ традиціями и преданіями съ столь еще недавнимъ дворянскимъ прошлымъ, уже объявило Герцена менѣе всего политическимъ дѣятелемъ, а только «поэтомъ, художникомъ, артистомъ, разсказчикомъ, романистомъ, олицетвореніемъ эффекта, театральныхъ подмостковъ, крика». Этотъ назрѣвавшій разладъ, начало которому усматривается въ 1862 году, особенно послѣ выхода прокламаціи «Молодая Россія», не былъ достаточно взвѣшенъ и оцѣненъ правительствомъ и по энерціи 50-хъ годовъ все его вниманіе, какъ сказано выше, сосредоточивалось на берегахъ Темзы. Отсюда, какъ намъ кажется, его неумѣніе распознавать, что творилось на берегахъ Невы и невѣдѣніе относительно организаціи «Земли и Воли». И если мы видимъ съ его стороны рѣзкій и рѣшительный ходъ по адресу Чернышевскаго, то онъ скорѣе и все болѣе исходилъ не изъ освѣдомленности полицейскихъ силъ относительно его причастности къ организаціи молодого политическаго сообщества, а изъ своего рода сыскного чутья, для оправданія и подтвержденія котораго, какъ видно будетъ далѣе, потребовались фальсификаціи документовъ и созданіе криминальныхъ апокрифовъ.

Читатели благоволятъ вспомнить требованія, выставленныя въ прокламаціи «Великоруссъ»: «требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія,—сказано здѣсь.—Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики». Въ этомъ же порядкѣ мыслей высказалась и прокламація «Земская Дума», которая нами приведена выше и которая, согласно нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ, исходила изъ той же организаціи, что и организація «Великорусса»; а въ прокламаціи «Свобода»[1]) (№ 2) мы имѣемъ уже прямое указаніе, что «Великоруссъ», прекратившій свои изданія на третьемъ номерѣ, слился съ обществомъ «Земля и Воля» «во имя одной общей цѣли». Такимъ образомъ, преемственная связь «Великорусса», «Земской Думы» и «Свободы», какъ выразительницы взглядовъ «Земли и Воли», не подлежитъ сомнѣнію. Если организація «Великорусса», разъ таковая дѣйствительно существовала въ смыслѣ правильной организаціи, успѣла какъ пикакъ, а выпустить три номера нелегальнаго изданія, то «Земля и Воля» до второй половины 1862 г. не проявила себя никакимъ печатнымъ документомъ и, очевидно, обрѣталась въ стадіи формаціи съ ея необходимымъ нащупываніемъ почвы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, съ вербовкой членовъ и выработкой детальной политической программы. Нельзя въ точности опредѣлить, стоялъ ли во главѣ новообразовавшагося общества центральный комитетъ и изъ кого именно онъ состоялъ. Активную дѣятельность проявляли лишь бывшіе лицензты братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слѣпцовъ, нѣкто Рымаренко—студентъ медико-хирургической академіи. Съ этими именами, по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемся въ воспоминаніяхъ г. Пантелѣева, какъ съ именами лицъ, участвовавшихъ въ привлеченіи молодыхъ силъ къ составу общества. Затѣмъ, согласно косвеннымъ указаніямъ, можно съ большей или меньшей вѣроятностью предположить, что идейнымъ вдохновителемъ организаціи являлся именно Н. Г. Чернышевскій, державшійся, однако, чрезвычайно замкнуто, сдержанно и таинственно, не участвовавшій въ переговорахъ съ молодежью и даже уклонявшійся отъ всякихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, когда эта молодежь обращалась къ нему съ запросами и указаніями. Онъ былъ близокъ и къ Н. А. Серно-Соловьевичу, и къ А. А. Слѣпцову, и его участіе въ составленіи прокламаціи «Великорусса» въ настоящее время почти установлено. Отсюда по необходимости дѣлается выводъ, что его участіе и въ «Землѣ и Волѣ» отнюдь не можетъ считаться невѣроятнымъ и тѣмъ

[1]) «Былое», 1906 г., августъ.

болѣе, что къ тому времени относятся его извѣстныя уже читателямъ «Письма безъ адреса», гдѣ въ его дѣятельности прямо замѣтна нѣкоторая эволюція отъ прежняго чистаго теоретизма къ практицизму. Послѣдній элементъ можно прослѣдить и въ нѣкоторыхъ другихъ его работахъ, обнаруживающихъ работу мысли и полетъ чувства писателя за то время. А однажды Чернышевскій вступилъ на путь активной борьбы съ правительствомъ, то по всему, что намъ извѣстно о его личности, и той репутаціи, которая за нимъ уже установилась, можно смѣло заключить, что не во вторыхъ рядахъ дѣятелей ему суждено было оставаться, а, конечно, на первомъ мѣстѣ, какъ духовному вождю и руководителю окружающаго. До нѣкоторой степени вѣроятія можно предположить, что если не прямыми участниками, то во всякомъ случаѣ людьми освѣдомленными относительно политической организаціи «Земли и Воли» могли быть и нѣкоторые сотрудники «Современника», какъ, напримѣръ, Г. З. Елисеевъ, а также Н. В. Шелгуновъ, Н. А. Энгельгардтъ, П. Л. Лавровъ, нѣкоторые представители военнаго сословія изъ академіи артиллерійской и генеральнаго штаба, которые въ тѣ дни принимали живое участіе въ политической жизни страны, въ сильной мѣрѣ были затронуты революціонной пропагандой и состояли подъ несомнѣннымъ вліяніемъ польскаго революціоннаго движенія. Вообще необходимо отмѣтить, что, со времени разгрома декабристовъ и послѣ долголѣтняго затишья, мы съ 1862 года наблюдаемъ рядъ явленій въ жизни арміи, показывающихъ, что политическая пропаганда успѣла уже здѣсь получить права гражданства и нѣкоторые офицеры и нижніе чины подвергаются даже судебному преслѣдованію за держаніе и распространеніе въ войскахъ противоправительственныхъ изданій, за явно выражаемое сочувствіе польскому движенію и за непочтительное и отрицательное отношеніе къ верховной власти [1]).

Итакъ, свѣдѣнія о первомъ періодѣ существованія «Земли и Воли» очень скудны и намъ извѣстны лишь въ общихъ чертахъ (прокламаціи «Великоруссъ», «Земская Дума») ея принципіальныя desiderata. Когда въ іюлѣ 1862 былъ арестованъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, то въ его бумагахъ, между прочимъ, былъ найденъ проектъ конституціи, чрезвычайно любопытный, который послѣ извѣстныхъ проектовъ Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля является первымъ образцомъ послѣдовательно развернутой политической мысли въ ея примѣненіи къ государственному строительству нашей родины. Былъ ли этотъ проектъ результатомъ единоличной работы автора, или онъ отражалъ на себѣ умственную работу всего того политическаго сообщества, въ которомъ онъ вращался—что всего

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», подъ редакціей В. Богучарскаго, т. I.

Н. А. Энгельгардтъ.

вѣроятнѣе,—но такъ или иначе, этотъ документъ настолько интересенъ, что приводимъ его полностью, какъ первый подробно разработанный проектъ русской конституціи, во вторую половину XIX в. Въ знакомыхъ уже намъ прокламаціяхъ намѣчены лишь принципы, общія мѣста, а здѣсь имѣется наличность детальной работы практическаго характера и значенія. Этому проекту конституціи подъ наименованіемъ «Проектъ уложенія Александра II» предшествовало начало письма къ государю, изъ котораго усматривается, что Серно-Соловьевичъ дѣйствительно собирался поднести свой проектъ Александру II, подобно тому, какъ онъ еще въ 1858 г. подавалъ ему записку о крестьянскомъ вопросѣ, за которую получилъ даже, не взирая на свою государственную службу (онъ былъ тогда чиновникомъ канцеляріи государственнаго совѣта), признательность государя, выразившуюся въ резолюціи: «Призовите его и поблагодарите его отъ моего имени. Скажите ему, что я не только на него не сержусь, но искренно благодарю за откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣла, хотя пылкость юношества и повела его, можетъ быть, слишкомъ далеко. Пусть онъ не оставляетъ службы и, надѣюсь, докажетъ свое усердіе и преданность. Въ этомъ молодомъ поколѣніи много хорошаго и истинно благороднаго. Россія должна отъ него много ожидать».

Очевидно, въ смутной надеждѣ, что и новая его записка не повлечетъ за собою грустныхъ послѣдствій, Серно-Соловьевичъ и намѣревался представить ее при письмѣ лично императору Александру II. Весь его проектъ дѣлится на четыре отдѣла и обнимаетъ собою пятьдесятъ девять параграфовъ; нельзя не отмѣтить, что нѣкоторыя положенія проекта конституціи не потеряли значенія и для нашихъ дней и, во всякомъ случаѣ, обнаруживаютъ въ авторѣ недюжинный государственный умъ творческаго характера.

Вотъ этотъ проектъ полностью [1]).

ПРОЕКТЪ УЛОЖЕНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Положенія общія.

1) Верховная власть въ Россіи принадлежитъ государю императору, особа котораго считается священною и неприкосновенною. Порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется сообразно доселѣ дѣйствовавшимъ законамъ. Сумма на содержаніе государя императора и августѣйшаго дома опредѣляется ежегодно его величествомъ.

2) Верховная власть составляетъ высшую ступень управленія государствомъ, подъ ея вѣдѣніемъ дѣйствуютъ власти: законодательная, исполнительная и судебная.

---

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

3) Основами дѣйствій всѣхъ этихъ властей должны быть: правда, милосердіе, добросовѣстное исполненіе законовъ, честность, уваженіе къ человѣку.

4) Законодательная власть принадлежитъ по всему государству народному собранію, а по губерніямъ—губернскимъ собраніямъ.

5) Народное собраніе и губернскія собранія состоятъ изъ выборныхъ отъ дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей.

6) Въ народное собраніе дворянство каждой губерніи посылаетъ отъ себя по два выборныхъ. Городскіе жители по одному выборному на каждые 50.000. Сельскіе жители по одному на каждыя 100.000. (Выборы въ народное собраніе на первое время могутъ быть произведены въ губернскихъ собраніяхъ).

Губернское собраніе состоитъ изъ девяти выборныхъ отъ каждаго уѣзда трехъ отъ дворянъ, трехъ отъ городскихъ, трехъ отъ сельскихъ обывателей.

7. Въ губернское собраніе дворянство выбираетъ своихъ выборныхъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ производить выборы въ настоящее время а городскіе и сельскіе жители порядкомъ, указаннымъ въ особыхъ инструкціяхъ.

8) Выборы въ народное собраніе производятся губернскимъ собраніемъ отдѣльно по сословіямъ.

Инструкція городскихъ выборовъ.

Выборы отъ городскихъ жителей происходятъ слѣдующимъ порядкомъ:

Столицы и губернскіе города, имѣющіе болѣе пятидесяти тысячъ жителей, составляютъ каждый избирательный округъ и посылаютъ своихъ выборныхъ, соотвѣтственно населенію, по одному на 50.000.

Губернскіе и уѣздные города, имѣющіе меньше пятидесяти тысячъ жителей соединяются въ избирательные округи по стольку, чтобы ихъ общее населеніе составило 50.000.

Предварительно избранія выборныхъ избираются **выборщики**. Для сего каждый городъ раздѣляется на избирательные участки, число которыхъ опредѣляется населеніемъ.

Въ опредѣленный день всѣ обыватели участка, имѣющіе въ городѣ осѣдлость и достигшіе совершеннолѣтія, сбираются въ назначенное мѣсто и выбираютъ выборщиковъ: въ городахъ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ по одному на тысячу: болѣе пятидесяти тысячъ—по два на тысячу, а менѣе пятидесяти тысячъ—по три на тысячу.

Тутъ же составляется списокъ кандидатовъ въ выборные. Выборщики всего округа сходятся вмѣстѣ и изъ назначенныхъ кандидатовъ избираютъ одного выборнаго (а въ большихъ городахъ надлежащее число выборныхъ) по большинству голосовъ.

Участковыми и окружными выборами заправляютъ сперва лица, особо на сей предметъ назначенныя высочайшею властью, а впослѣдствіи лица, на которыхъ эта обязанность будетъ возложена народнымъ собраніемъ.

Выборы производятся шарами, закрытою баллотировкою. Они должны быть совершенно свободны.

9) Выборный долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія условія: быть совершеннолѣтнимъ, окончить курсъ: отъ дворянъ въ высшемъ, отъ городскихъ обывателей въ среднемъ, отъ сельскихъ въ низшемъ учебномъ

заведеніи, не состоять на государственной службѣ и не быть опороченнымъ по суду.

10) Выборные избираются на три года.

11) Каждый выборный представляетъ только одно мѣсто. Выбывающій по какому бы ни было случаю замѣняется другимъ.

12) Собранія открываются и закрываются по окончаніи года или срока выборовъ государемъ.

13) Народное собраніе, собравшись, выбираетъ двухъ кандидатовъ на должность предсѣдателя и вице-предсѣдателя и затѣмъ приступаетъ къ повѣркѣ выборовъ. Предсѣдатель, а въ отсутствіе его вице-предсѣдатель представляютъ рѣшенія собранія на высочайшее утвержденіе.

14) По разсмотрѣніи правильности выборовъ, народное собраніе раздѣляется на комиссіи по числу министерствъ.

15) Всякій вопросъ, поступающій на разсмотрѣніе собранія, предворительно обсуждается комиссіей и представляется собранію ея докладчикомъ. Члены комиссіи, не согласившіеся съ большинствомъ, представляютъ свои мнѣнія.

16) На разсмотрѣніе собранія дѣла поступаютъ: 1) по высочайшему повелѣнію; 2) по представленію министровъ; 3) по представленію выборныхъ, какъ отъ губернскихъ собраній, такъ и отъ своего лица.

17) Каждый городъ, каждая деревня имѣетъ право входить въ собраніе съ прошеніями, чрезъ посредство своихъ выборныхъ.

18) Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. При равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Министры присутствуютъ и подаютъ голоса наравнѣ съ выборными.

19) Подача голосовъ бываетъ или закрытая, шарами, или открытая, подачею. Собраніе при каждомъ вопросѣ рѣшаетъ способъ подачи голосовъ.

20) Вѣдѣнію собранія подлежитъ: 1) постановленіе новыхъ законовъ или отмѣна старыхъ по всѣмъ частямъ управленія, касающагося всего государства; 2) разсмотрѣніе государственнаго бюджета и смѣтъ министерствъ; 3) разрѣшеніе займовъ, выпуски кредитныхъ билетовъ и установленіе налоговъ; 4) вопросы внѣшней политики, представленные собранію высочайшею волею; 5) разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ министерствъ 6) разсмотрѣніе жалобъ на министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ и на дѣйствія губернскихъ собраній; 7) всѣ дѣла, возлагаемыя на него высочайшею властію; 8) пересмотръ прежнихъ рѣшеній народнаго собранія.

21) Засѣданія собранія производятся публично. Отчеты о нихъ печатаются.

22) Съ 15 мая по 15 августа засѣданій не бываетъ.

23) Высочайшая власть имѣетъ право распустить во всякое время собраніе, назначивъ тотчасъ же новые выборы.

24) Народное собраніе собирается въ Москвѣ, куда переносится и столица, для имперіи, въ Варшавѣ для царства Польскаго, въ Иркутскѣ для Сибири, въ Тифлисѣ для Кавказа и Грузіи, въ Гельсингфорсѣ для Финляндіи, въ Ригѣ для остзейскихъ губерній. Въ Варшавѣ верховную власть представляетъ вице-король, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Финляндіи и Остзейскомъ краѣ—намѣстники. Жителямъ литовскихъ губерній предоставляется посылать депутатовъ или въ Москву, или въ Варшаву.

25) Выборные неприкосновенны, пока состоятъ въ этомъ званіи. Выборный можетъ быть лишенъ званія до истеченія срока, на который выбранъ, только по опредѣленію суда, за уголовныя преступленія.

26) Выборные получаютъ содержаніе отъ пославшихъ ихъ населеній.

Л. Ф. Пантелѣевъ.

Губернское собраніе.

27) Губернское собраніе въ законодательномъ порядкѣ вѣдаетъ всѣ вопросы, касающіеся его губерніи или имѣющіе значеніе общегосударственныхъ вопросовъ.

28) Внутреннее устройство и порядокъ сужденій въ губернскихъ собраніяхъ тотъ же, что и въ народномъ собраніи.

29) Подробное опредѣленіе круга дѣйствій народнаго и губернскихъ собраній составитъ предметъ особаго закона.

Исполнительная власть.

30) Исполнительная власть сосредоточивается: общая для всего государства—въ министерствахъ, мѣстная—въ губернскихъ собраніяхъ и у губернатора.

31) Министерства суть слѣдующія: 1) народнаго просвѣщенія, 2) финансовъ, 3) торговли и промышленности и народнаго благосостоянія, 4) внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, 5) иностранныхъ дѣлъ, 6) военное, 7) морское.

Примѣчаніе. Управленіе дворами августѣйшаго дома составляетъ особое вѣдомство, непосредственно подвѣдомственное высочайшимъ особамъ.

Пути сообщенія вѣдаются министромъ торговли; почта—министерствомъ народнаго просвѣщенія; государственныхъ имуществъ—министерствомъ финансовъ. Государственный контроль, переходя къ собраніямъ упраздняется.

32) Министры назначаются государемъ императоромъ. Одинъ изъ нихъ носитъ званіе перваго министра и предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ.

33) Министры дѣйствуютъ на основаніи инструкцій народнаго собранія, которому даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Инструкціи опредѣляютъ кругъ дѣйствій и пространство власти каждаго министра и составъ министерствъ.

34) Каждое должностное лицо дѣйствуетъ въ силу законовъ и отвѣтствуетъ за свои дѣйствія.

35) Каждый членъ народнаго собранія имѣетъ право просить у министра объясненій въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ министерства.

36) Въ губерніяхъ исполнительная власть принадлежитъ губернскому собранію и губернатору; въ городахъ—думамъ и головамъ, въ волостяхъ—волостнымъ сходамъ и волостнымъ старостамъ, въ селахъ—міру и деревенскому старостѣ.

37) Въ губернскомъ собраніи дѣлятся на комиссіи, по числу министерствъ, и каждая комиссія вѣдаетъ въ губерніяхъ свои дѣла въ кругѣ, опредѣленномъ закономъ.

38) Назначеніе въ должности зависитъ отъ комиссіи, увольненіе—отъ губернскаго собранія.

39) Органами министерствъ въ губерніяхъ служатъ: министерства финансовъ и народнаго благосостоянія—общественный банкъ; министерства внутреннихъ дѣлъ—губернаторъ. Всѣ казенныя училища состоятъ въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, а завѣдываніе училищами въ губерніи принадлежитъ ректору университета, когда

ихъ нѣтъ—ректору гимназіи. Въ вѣдѣніи военнаго министерства состоятъ всѣ военныя силы.

40) Общественный банкъ производитъ всѣ банковыя операціи, содѣйствуетъ развитію промышленности и вообще народнаго благосостоянія и сбираетъ всѣ подати. Банкомъ управляютъ директора по выбору губернскаго собранія. Кругъ дѣйствій банка опредѣляется закономъ.

41) Директоры училищъ выбираются губернскимъ собраніемъ.

42) Судебная власть сосредоточивается въ судѣ присяжныхъ, дѣйствующемъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Сверхъ того въ каждой мѣстности избираются жителями мировые посредники, къ которымъ тяжущіяся стороны имѣютъ право обратиться за разбирательствомъ въ дѣлахъ гражданскихъ и въ обидахъ. Рѣшеніе мирового посредника, къ которому обратились обѣ стороны, получаетъ законную силу, жалобы на него приносятся присяжнымъ. Мировые посредники избираются только изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

43) Присяжные чередуются изъ лицъ, имѣющихъ право быть избирателями.

44) Уголовныя дѣла разбираются на мѣстѣ совершенія преступленія, а гражданскія—въ мѣстѣ жительства истца, куда вызывается и отвѣтчикъ.

45) Жалобы на рѣшенія присяжныхъ приносятся въ губернскій судъ, состоящій изъ выборныхъ губернскимъ собраніемъ.

46) Высшая судебная инстанція—судебный сенатъ, состоящій изъ лицъ, на половину избранныхъ народнымъ собраніемъ, на половину назначенныхъ верховною властью.

47) Смертная казнь безусловно отмѣняется,

48) Тѣлесное наказаніе отмѣняется. Оно замѣняется въ надлежащихъ случаяхъ арестомъ или денежною пенею.

49) Верховная власть имѣетъ право уменьшать мѣру наказаній, положенную судебнымъ сенатомъ.

Общія права.

50) Всѣ русскіе люди, коего бы пола, чина, званія и состоянія ни были, равны передъ закономъ и передъ судомъ. Всѣ они пользуются въ равной степени покровительствомъ законовъ, исполнять которые всѣ должны въ равной степени. Всѣ они пользуются въ одинаковой степени правами, въ настоящемъ уложеніи предоставленными.

51) Никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ по рѣшенію суда. Уголовные преступники могутъ быть арестованы съ тѣмъ, чтобы дѣла о нихъ были разсмотрѣны не далѣе, какъ въ теченіе семи дней.

52) Всякій русскій или водворившійся въ Россіи на постоянное житье имѣетъ право на владѣніе четырьмя десятинами земли. Отводъ земли дѣлается по сношеніи лицъ съ подлежащихъ вѣдомствомъ народнаго благосостоянія.

53) Всякій живущій въ Россіи имѣетъ право безпрепятственно придерживаться своего религіознаго вѣрованія и отправлять богослуженіе по ученію своей церкви.

54) Всякій обязанъ уплачивать налогъ по мѣрѣ своихъ средствъ порядкомъ, поставленнымъ въ особомъ законѣ.

55) Рекрутская система замѣняется добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу за опредѣленное вознагражденіе. Въ случаѣ опасности непріятеля всѣ должны являться къ призыву на защиту отечества, по возможности съ оружіемъ.

56) Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ немедленно прекращаются. Бывшіе помѣщичьи крестьяне уравниваются. Крестьяне удерживаютъ за собою свои надѣлы и облагаются подушными въ казну, соразмѣрно съ повинностями государственныхъ крестьянъ. Размѣръ и степень вознагражденія помѣщиковъ опредѣляются народнымъ собраніемъ.

57) Всѣ подробности высказанныхъ здѣсь началъ будутъ обсуждены и развиты народнымъ собраніемъ.

Таковъ проектъ политическаго преобразованія Россіи, найденный при обыскѣ у Н. А. Серно-Соловьевича и могущій быть разсматриваемымъ до нѣкоторой степени, какъ голосъ опредѣленной партіи, перешедшій отъ изложенія общихъ принциповъ въ краткихъ летучихъ прокламаціяхъ къ разработкѣ жизненныхъ вопросовъ государства въ ихъ реальной постановкѣ. Этому проекту, если сравнить его съ конституціонными проектами декабристовъ, нельзя отказать въ практичности и въ умѣніи въ краткихъ формулахъ разрѣшать тѣ спорныя стороны отечественной жизни, которыя и по сію пору, даже въ нашемъ обновленномъ государственномъ строѣ, остаются еще не разработанными и не рѣшенными.

Не считая найденныхъ у Н. А. Серно-Соловьевича еще нѣкоторыхъ рукописей, обнаруживающихъ его политическое profession de foi, это все, что намъ извѣстно болѣе или менѣе существеннаго относительно плановъ и намѣреній общества «Земля и Воля» въ первый періодъ его существованія, когда его составъ опредѣлялся участіемъ здѣсь «отцовъ». Болѣе обстоятельно мы знакомимся съ обществомъ съ момента входа сюда молодыхъ силъ, которымъ черезъ полгода и пришлось стать вершителями этой распадавшейся политической организаціи, отъ ея имени выпускать прокламаціи и поддержать престижъ русскаго революціоннаго движенія. Бокъ о бокъ съ ними дѣйствовали также небольшіе кружки въ составѣ тоже по большей части учащихся, но значеніе послѣднихъ было блѣднѣе, хотя московской организаціи подъ главенствомъ Аргиропуло и Зайчневскаго пришлось достаточно прошумѣть, создать цѣлый политическій процессъ и навести нѣкоторый страхъ и не только на круги правительственные и консервативные, но даже либеральные. Но объ этомъ нѣсколько далѣе.

Нѣкоторые представители молодежи, участвовавшіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г., «пострадавшіе» и принимавшіе живѣйшее участіе во всѣхъ университетскихъ событіяхъ, обратили на себя вниманіе старшаго поколѣнія, стоявшаго близко къ революціонной политикѣ. Изъ числа этой молодежи, повидимому, особеннаго вниманія заслужили Н. Утинъ и Л. Ф. Пантелѣевъ, воспоминаніями котораго мы и пользуемся для изложенія хода событій, относящихся къ судьбѣ «Земли и Воли» [1]). По свидѣтельству

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго», книга первая.

автора, Утинъ не разъ заводилъ разговоръ на тему, что время требуетъ болѣе строгой организаціи, чѣмъ та, которую представляютъ собою студенческіе кружки, что пора выйти изъ рамокъ чисто студенческихъ интересовъ. На это г. Пантелѣевъ ничего не возражалъ, но указывалъ, что починъ долженъ выйти изъ круговъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Однажды, въ первой половинѣ 1862 г. Утинъ заѣхалъ къ г. Пантелѣеву съ приглашеніемъ заѣхать къ нему. «Приходи ко мнѣ завтра вечеромъ; будутъ два господина съ очень серьезнымъ разговоромъ; кромѣ тебя, я никого не звалъ,—повѣтствуетъ г. Пантелѣевъ.—Я догадался, о чемъ предстоитъ собесѣдованіе, и коротко отвѣчалъ:—хорошо, приду. На другой день въ назначенный часъ являюсь. Въ кабинетѣ наглухо спущены всѣ драпировки, Утинъ, видимо, въ приподнятомъ первомъ состояніи; я самъ испытывалъ ощущеніе въ родѣ того, какъ бы вступалъ въ нѣкое заповѣдное святилище. Черезъ короткое время раздался звонокъ, и вошли двое мнѣ незнакомыхъ. Сейчасъ же Алексѣю (лакей Утина) былъ отданъ приказъ никого болѣе не принимать и подавать чай. Насъ взаимно представили; одинъ былъ высокій, нѣсколько плотный блондинъ; ему не было и тридцати лѣтъ, но смотрѣлъ онъ старше: я буду называть его господинъ съ пенснэ [1]); другой моложе, небольшого роста, со впалой грудью и поразительно добрыми глазами, хотя и былъ въ штатскомъ платьѣ, оказался студентомъ медико-хирургической академіи Рымаренко. Послѣ непродолжительнаго сторонняго разговора усѣлись за столъ, на которомъ уже стоялъ чай.—Можно приступить къ дѣлу?—спросилъ господинъ съ пенснэ тономъ человѣка, не привыкшаго понапрасну терять время.—Пожалуйста.

«Нарисовавъ картину тогдашняго положенія нашихъ внутреннихъ дѣлъ, указавъ на всеобщее недовольство, господинъ съ пенснэ обратилъ наше вниманіе на то, что никакихъ настоящихъ реформъ нельзя ждать отъ правительства.—Вся исторія,—сказалъ онъ, учитъ, что дѣйствительныя реформы всегда исходили изъ народа, а не преподносились ему. Но народъ неорганизованъ; единичныя же усилія, какимъ бы героизмомъ они ни отличались, ничего не могутъ дать. Поэтому нужна организація. Что должно стоять на ея знамени?—«Земля»; т. е. возвращеніе народу того, что ему по праву принадлежитъ, и «Воля», т. е. созваніе земскаго собора, который долженъ перестроить всю нашу государственную жизнь на новыхъ народно-демократическихъ и федеративныхъ началахъ. Затѣмъ господинъ съ пенснэ заявилъ, что начало такой организаціи уже положено. Вся Россія,—продолжалъ онъ,—въ революціонномъ отношеніи, въ силу естественныхъ и историческихъ условій, распадается на районы: сѣверный, тамъ есть еще мѣста,

[1]) Это былъ А. А. Слѣпцовъ. Б. Г.

гдѣ въ народѣ до сихъ поръ сохранилась память о вѣчевомъ строѣ; волжскій, гдѣ Стенька Разинъ и Пугачевъ навсегда заложили сѣмена ненависти къ существующему строю; уральскій съ его горнозаводскимъ населеніемъ; средне-промышленный, казачій. Что касается до Литвы и Малороссіи, то здѣсь должны дѣйствовать свои собственныя организаціи; съ ними великорусская организація, конечно, обязательно входитъ въ тѣсныя отношенія, но какъ равная съ равными.—Далѣе мы были посвящены въ нѣкоторыя детали организаціи; помнится, все дѣло сводилось на цѣлую іерархію пятерокъ [1]). Въ Петербургѣ имѣется центральный комитетъ (ораторъ и его сотоварищъ были не болѣе, какъ скромные агенты центральнаго комитета, даже сами не знали, которой степени,—такъ строго выдерживается въ организаціи тайна!); въ каждомъ районѣ свой комитетъ, но, понятно, главное руководительство принадлежитъ центральному комитету. Вся эта рѣчь длилась, можетъ быть, съ часъ; говорилъ господинъ съ пенснэ складно, съ дипломатической выдержкой, какъ бы взвѣшивая каждое слово, мѣстами, правда, темновато, когда, напримѣръ, шла рѣчь объ отношеніяхъ центральнаго комитета къ областнымъ; но мы понимали, что онъ и не обязанъ былъ выкладывать передъ нами всѣ карты. Въ заключеніе намъ былъ предложетъ вопросъ: желаемъ ли мы вступить въ организацію?

«Мы не колеблясь выразили свое согласіе. Не помню, что говорилъ Утинъ, но я сказалъ приблизительно слѣдующее: понятно, что всякая организація должна выдерживать принципъ строжайшей тайны, и для удовлетворенія личнаго любопытства я не счелъ бы себя въ правѣ предъявить какіе-нибудь нескромные вопросы; но такъ какъ придется привлекать къ участію въ организаціи, то весьма существенно знать: находится ли «Земля и Воля» въ самомъ зародышевомъ состояніи, или уже она опирается на какія-нибудь силы? Вѣдь этотъ вопросъ можетъ предъявить всякій, кому будетъ предложено вступить въ общество.—«Земля и Воля»,—отвѣчалъ господинъ съ пенснэ,—находится еще въ первомъ, подготовительномъ періодѣ развитія; впрочемъ, во всѣхъ крупныхъ центрахъ уже началась группировка. Независимо отъ этого организація можетъ разсчитывать на поддержку одного полка и одной батареи.

«Послѣднія слова были сказаны такъ просто и скромно, что, признаюсь, произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе; несмотря на то, что прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, я ихъ точно сейчасъ слышу. Даже и безъ того, что говорилъ господинъ съ пенснэ, я самъ догадывался, что «Земля и Воля» врядъ ли суще-

---

[1]) Организація пятерокъ вошла въ составъ программы Нечаева, о чемъ рѣчь будетъ далѣе и нашла свой откликъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго. Б. Г.

ствуетъ болѣе полугода, и уже успѣла заручиться полкомъ и батареей! Впрочемъ, дѣло возможное,—я самъ имѣлъ нѣкоторыя знакомства между военными, и настроеніе ихъ было благопріятное.

«Въ концѣ бесѣды господинъ съ пенснэ вошелъ въ нѣкоторыя конспиративныя детали и, между прочимъ, сообщилъ рецептъ химическихъ чернилъ для переписки. Его далъ Маццини. Если ссылкой на знаменитаго заговорщика онъ хотѣлъ въ финалѣ усугубить эффектъ, то сильно ошибся. Да это всякій аптекарь можетъ посовѣтовать,—подумалъ я, тоже и Утинъ.

«Но вотъ мы съ Утинымъ остались вдвоемъ.—Ну, что ты скажешь?—спросилъ онъ меня.

— «Да теперь уже поздно говорить; мы заявили, что присоединяемся къ «Землѣ и Волѣ».

— «Я не о томъ говорю. Вотъ это, другъ мой, люди! А тонкая штука господинъ съ пенснэ, ни одного лишняго слова не проронилъ».

Такова бытовая картинка, нарисованная г. Пантелѣевымъ, откуда мы узнаемъ, каковы были способы того времени для распропагандированія молодежи и пріобщенія ея къ революціонному теченію. Тутъ и убѣжденія, и игра на самолюбіе, и эффектъ—полкъ, батарея, Маццини!—и таинственность... Хоть моментами и съ сомнѣніями въ душѣ, но въ общемъ молодежь радостно отозвалась на зовъ и отдала себя на служеніе революціонному дѣлу. Тщетно только пытались неофиты проникнуть въ тайну организаціи центральнаго комитета и его функцій—здѣсь передъ ними падала тяжелая завѣса, за которою оставалась неизвѣстность. Кромѣ Слѣпцова, Рымаренко, отчасти Н. А. Серно-Соловьевича, они не имѣли возможности ни съ кѣмъ переговорить, никого допытать. Что-то смутное подсказывало имъ, что гдѣ-то дѣйствуетъ невидимая рука Н. Г. Чернышевскаго, но эта была лишь догадка, не подтверждаемая ничѣмъ реальнымъ, и это обстоятельство, повидимому, придавало ихъ служенію «дѣлу» прелесть таинственности и наполняло ихъ души «возвышающимъ обманомъ». Такъ или иначе, но молодежь принялась энергично за возложенное на нихъ дѣло и приступила къ вербовкѣ въ общество новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа учащихся. Вскорѣ имъ представилась и болѣе отвѣтственная задача: командировка и агитація въ провинціи.

«Въ одинъ прекрасный день совершенно неожиданно приходитъ ко мнѣ господинъ съ пенснэ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣевъ.

«— Не можете ли вы рекомендовать кого-нибудь для поѣздки въ Уральскій казачій край? Тамъ надо установить отдѣлъ нашей организаціи.

«Какъ разъ у меня была для этого совершенно подходящая личность.—Могу, отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго чувства удовольствія, и назвалъ фамилію, дополнивъ ее надлежащей характеристикой.—Ничего лучше быть не можетъ,—сказалъ господинъ съ пенснэ:—а теперь вотъ еще что: очень важно весь сѣверъ и частью сѣверо-востокъ связать въ одно цѣлое и установить мѣстный комитетъ; не возьмете ли вы это на себя?—Но я же никого тамъ не знаю, только въ Вологдѣ есть у меня кое-какія знакомства.—И отлично, въ Вологдѣ же находится Бекманъ, вотъ, значитъ, Вологда и обезпечена; оттуда поѣзжайте въ Петрозаводскъ; тамъ войдете въ сношеніе съ Рыбниковымъ, черезъ него вамъ будетъ открытъ весь Олонецкій край, да навѣрное и Новгородскій. Проѣзжая черезъ Москву, непремѣнно познакомьтесь съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго; надо ихъ во что бы то ни стало ввести въ наше общество; это одинъ изъ самыхъ энергическихъ кружковъ и съ большими связями. Отъ нихъ, конечно, можете получить указанія на Владимиръ, Кострому и другіе города.—Тоже не знаю ни Аргиропуло, ни Зайчневскаго.—Вы получите къ нимъ письма. Постранствуйте по большимъ волжскимъ торговымъ селамъ; вы и въ этомъ случаѣ можете разсчитывать на кружокъ Аргиропуло и Зайчневскаго, но, главное, пріобщите ихъ къ нашему дѣлу».

Деньги на поѣздку по провинціи съ цѣлью политической агитаціи были г. Пантелѣеву вручены Серно-Соловьевичемъ, а рекомендательныя письма въ Вологду къ мѣстному губернатору ему далъ со свойственнымъ ему добродушнымъ благожелательствомъ петербургскій генералъ-губернаторъ Суворовъ. Однако, эта революціонная командировка оказалась не изъ удачныхъ, и результаты ея совсѣмъ ничтожными. Единственно, въ чемъ онъ могъ убѣдиться, что какъ никакъ, а въ провинціи, при всей ея сонливой неподвижности, уже начинаютъ обозначаться элементы будущей оппозиціи и нарастаніе будирующаго настроенія. Въ Москвѣ посланецъ Слѣпцова и Серно-Соловьевича познакомился съ указанными ему Зайчневскимъ и Аргиропуло, которые къ тому времени оказались уже арестованными [1]), но къ которымъ онъ, однако, нашелъ доступъ. Тутъ онъ впервые прочелъ прокламацію «Молодая Россія», о которой придется говорить далѣе и которая на него не произвела благопріятнаго впечатлѣнія. Рекомендацій въ провинцію онъ отъ нихъ никакихъ не получилъ и убѣдился, что московскій кружокъ очень незначителенъ, хотя кипитъ юношескимъ

---

[1]) Аргиропуло во время ареста скончался, а Зайчневскій, обвиненный въ печатаніи запрещенныхъ сочиненій и въ попыткѣ возмущенія крестьянъ въ имѣніи отца, былъ сосланъ въ Сибирь, откуда въ началѣ 70-хъ годовъ вернулся. Въ 80-хъ гг. онъ снова былъ сосланъ; скончался въ 1895 г. въ Смоленскѣ. Б. Г.

Н. Утинъ.

избыткомъ силъ и дѣлаетъ попытки завязать политическія связи съ Петербургомъ и Чернышевскимъ въ особенности.

Пребываніе въ Вологдѣ тоже не дало желанныхъ результатовъ. Онъ познакомился лишь съ пребывавшими здѣсь въ политической ссылкѣ поляками и Бекманомъ, участникомъ тайной политической студенческой организаціи на югѣ, о которой мы уже упоминали. Бекманъ тоже не могъ ничѣмъ пособить Пантелѣеву въ его миссіи, но далъ очень характерную обрисовку тогдашней провинціальной среды въ смыслѣ ея воспріимчивости въ пропагандѣ революціонныхъ ученій и пріобщенія къ обществу «Земля и Воля». «Въ Вологдѣ,—сказалъ онъ,—плохая почва, можетъ быть, человѣка два найдете, которыхъ стоитъ привлечь. Правда, здѣсь чуть не на рукахъ носятъ поляковъ... особенно увлекается ими прекрасный полъ, но вѣдь это ничего не значитъ. Какъ и вездѣ въ провинціи, въ Вологдѣ исподволь ругаютъ правительство, этимъ, однако, не надо обманываться. Вотъ Петръ Петровичъ чуть не красный, потому что вмѣсто губернаторства ему предложили выйти въ отставку; Иванъ Николаевичъ тоже недоволенъ, думалъ, что по случаю 19 февраля дадутъ генерала; но его протекторъ Ростовцевъ умеръ ранѣе, и онъ остался ни при чемъ. И у всякаго есть какой-нибудь чисто личный мотивъ. Если вамъ придется встрѣтить Александра Михайловича, прислушайтесь,—чистый якобинецъ, когда заговоритъ о правительствѣ: у него, видите ли, отняли крестьянъ, да еще заставили землю имъ дать; и хотя онъ отвелъ имъ болота, но кричитъ, что его ограбили. Но такъ какъ имъ (т. е. дворянамъ) удалось смѣстить двухъ губернаторовъ, то теперь какъ-то меньше говорятъ о земскомъ соборѣ. Впрочемъ, есть здѣсь два князя, вотъ это настоящіе революціонеры,—отъ огромнаго состоянія у нихъ остается равно настолько, чтобы, умирая, было на что похорониться съ подобающимъ церемоніаломъ».

Характеристика дворянской провинціи и мотивы, по коимъ она готова пѣть въ униссонъ вожакамъ революціоннаго движенія, сдѣлана мѣтко и правильно: мотивы личные вотъ тотъ камертонъ, который создавалъ общее настроеніе. Вѣрноподданичество, «вѣрность престолу», обожаніе монарха и «преданность исконнымъ началамъ»—все это были красивые аксессуары для торжественныхъ адресовъ и нужныхъ выступленій по командѣ мѣстной администраціи; въ остальные же моменты жизни вездѣ царила индифферентная косность, которая пробуждалась и приходила въ движеніе только по соображеніямъ личнаго характера и внѣ всякихъ импульсовъ идейнаго порядка. И какъ это ни печально, но нужно сознаться, что такая характеристика сохранила свое право гражданства на долгое время, если не сохраняетъ такового въ значительномъ процентѣ и понынѣ. Личности, личныя побудительныя причины и личныя вожделѣнія,—вотъ что заслоняетъ собою образъ

Россіи, какъ государства, нуждающагося въ патріотическомъ содѣйствіи привилегированнаго класса, въ интересахъ мірового могущества, экономическаго расцвѣта и культурнаго преуспѣянія отечества. Отсюда въ значительной степени и вытекъ впослѣдствіи успѣхъ революціонной пропаганды и натискъ на правительство со стороны террора, которому привилегированное сословіе не только не рѣшалось и не было въ силахъ дать соотвѣтствующій отпоръ, но который подчасъ слишкомъ часто находилъ здѣсь себѣ тайное сочувствіе и поддержку по соображеніямъ личнаго свойства. Петры Петровичи, Иваны Николаевичи, Александры Михайловичи, о которыхъ упомянулъ въ своей бесѣдѣ Бекманъ,—это въ конкретныхъ образахъ вся тогдашняя и, пожалуй, въ сильной мѣрѣ и нынѣшняя Россія...

Ни съ чѣмъ вернулся г. Пантелѣевъ въ Петербургъ осенью, когда надъ сѣверной столицей прошумѣли событія, приведшія интеллигенцію въ достаточно угнетенное состояніе: запрещеніе двухъ руководящихъ журналовъ, «Современника» и «Русскаго Слова», закрытіе «Шахматнаго клуба», закрытіе безплатныхъ воскресныхъ школъ, аресты Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. И. Писарева (послѣдняго въ связи съ дѣломъ о прокламаціи «Молодая Россія»), а вмѣстѣ съ ними аресты цѣлаго ряда молодыхъ представителей учащагося міра, таинственные «пожары», грозившіе Петербургу огненнымъ моремъ, столь поразившіе воображеніе населенія, особенно въ его низшихъ слояхъ... Видимо было, что сыскная агентура работала усиленнымъ темпомъ, какъ бы стараясь наверстать упущенное и вырвать съ корнемъ всякіе слѣды явной и тайной оппозиціи. Казематы Петропавловской крѣпости послѣ долгой пустоты оказались заполненными; здѣсь нашли себѣ заключеніе учащіеся, писатели, тверскіе помѣщики, требовавшіе конституціи, здѣсь засѣдали слѣдственныя комиссіи, сюда постоянно пріѣзжали представители власти и закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ повышенное еще весною общее настроеніе, нѣсколько опустившееся въ злополучный лѣтній пожарный періодъ, снова какъ будто начало подниматься.

Г. Пантелѣевъ и Утинъ послѣ обхода видныхъ общественныхъ дѣятелей и послѣ опроса ихъ пришли къ убѣжденію, что никакого слѣда комитета имъ не найти (Рымаренко, Серно-Соловьевичъ арестованы, а Слѣпцовъ куда-то уѣхалъ), и тогда они рѣшили образовать свой собственный комитетъ, который отъ имени «Земли и Воли» продолжалъ бы давать обществу революціонный тонъ и держать его въ убѣжденіи, что политическая организація, несмотря на разгромъ интеллигенціи, продолжаетъ существовать и заявлять о своей жизненности. Образовался небольшой комитетъ, гдѣ главными руководящими силами были именно Утинъ и Пантелѣевъ; напяли дачу, изъ числа молодежи небольшого петербургскаго кружка

Судакевича и Островскаго взяли рабочія силы, а шрифты и все прочее необходимое для типографской работы получили отъ О. И. Бабста, молодого и популярнаго издателя, имѣвшаго свою типографію. Послѣ того ими была выпущена прокламація «Къ образованнымъ классамъ», прошедшая, благодаря своей идейной незначительности, довольно незамѣченной. Вскорѣ на ихъ горизонтѣ объявился и «господинъ съ пенснэ», который и вступилъ въ кружокъ; несмотря на свои притязанія главенствовать, онъ занялъ здѣсь положеніе простого члена организаціи. Выпущены были вслѣдъ за нимъ и еще три номера прокламацій въ теченіе 1863 года подъ наименованіемъ «Свобода», при чемъ № 2 былъ главнымъ образомъ направленъ противъ сочувственныхъ государю адресовъ отъ консервативнаго дворянства и противъ репрессивныхъ мѣръ правительства въ области внутренней политики, недостаточной его заботливости объ экономическомъ благосостояніи народа и его дѣйствій по подавленію польскаго возстанія. Этимъ собственно и ограничилась дѣятельность комитета, если не считать его безплодныхъ переговоровъ съ дѣятелями польскаго возстанія, не давшихъ полякамъ, однако, никакого осязательнаго результата. Въ концѣ концовъ уже осенью 1863 года было рѣшено закрыть организацію, какъ недостаточно активную и неспособную внести въ русское общество какую-либо новую струю. Такое рѣшеніе было постановлено при слѣдующей обстановкѣ и обстоятельствахъ, какъ то рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Пантелѣевъ. «Лѣто 1863 года прошло безъ всякой сколько-нибудь замѣтной дѣятельности «Земли и Воли» въ Петербургѣ,—повѣствуетъ онъ:—а что дѣлалось въ провинціи, мы почти не знали, господинъ съ пенснэ дѣйствительно въ 1862 году былъ въ Нижнемъ, Казани, Саратовѣ, заводилъ тамъ кое съ кѣмъ изъ молодежи разговоры о «Землѣ и Волѣ», но прочныхъ и дѣятельныхъ связей съ тамошними кружками не установилось. Въ Петербургѣ, послѣ майскихъ экзаменовъ, старая студенческая среда совсѣмъ разрѣдѣла; московскій кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Мо—овъ, былъ заарестованъ; осенью дѣла польскаго возстанія круто пошли на убыль, дипломатическое вмѣшательство свелось къ нулю, реакціонное настроеніе все болѣе и болѣе крѣпло. Осенью пріѣхалъ въ Петербургъ Р—кій. Я съ нимъ откровенно заговорилъ о положеніи дѣлъ «Земли и Воли» и поставилъ прямо вопросъ:—Вы знаете провинцію, человѣкъ вы житейски опытный (ему было уже за 30 лѣтъ), скажите по совѣсти—что дѣлать? Со одной стороны, изъ-за границы нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а съ другой—въ здѣшнихъ членахъ начинаетъ замѣчаться апатія, новыхъ членовъ не пребываетъ, а убыль, напримѣръ, въ Москвѣ, не знаешь кѣмъ замѣстить.—Я думаю, отвѣчалъ Р—кій, надо всѣмъ заявить, что организація закрывается

до болѣе благопріятнаго времени; безцѣльно и опасно продолжать такъ дѣло.

«Я съ нимъ согласился. Собрали нашъ комитетъ...[1]) Р—кій говорилъ такъ убѣдительно, представилъ такую живую картину печальнаго положенія дѣлъ «Земли и Воли» въ провинціи, что рѣшеніе о закрытіи «Земли и Воли» въ провинціи было принято безъ большихъ возраженій, хотя и съ оговоркой, что при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ комитетъ опять примется за старое дѣло; на этомъ особенно настаивалъ Судакевичъ. Такъ какъ Р—кій не оставался въ Петербургѣ, то его просили побывать въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ пунктахъ и тамъ вездѣ передать о закрытіи «Земли и Воли».

Такъ закончила свое существованіе первая конспиративная политическая организація, возникшая при очень таинственныхъ обстоятельствахъ, слабо проявившая свою дѣятельность, но все же успѣвшая заложить и въ провинціи и въ столицѣ ячейки будущихъ серьезныхъ политическихъ кружковъ, до нѣкоторой степени выяснить наличіе силъ, могущихъ посвятить себя политической дѣятельности, и создать въ обществѣ смутное предчувствіе, что рядомъ съ оффиціальнымъ правительствомъ изъ обывательской среды всегда могутъ выйти такія конспиративныя общества, которыя съ большой настойчивостью и жертвами готовы поддерживать революціонные лозунги и создавать администраціи немалыя затрудненія.

VIII.

Воскресныя школы.—Записки о нихъ шефа жандармовъ кн. Долгорукова.—Пропаганда въ Воскресныхъ школахъ.—Слѣдственная комиссія о нихъ сенатора Жданова.—Закрытіе воскресныхъ школъ.—Отвѣтъ «Молодой Россіи» со стороны Герцена.—Прокламація «Предостереженіе».—Вербовка агентовъ въ революціи.—Фабрикація и распространеніе первыхъ прокламацій.—Арестъ студента Баллода и писателя Д. И. Писарева и др.—Новый политическій процессъ и резолюція Сената.

Если политическая организація «Земли и Воли» ускользнула отъ вниманія агентовъ полиціи и дѣятели ея, какъ члены этой организаціи, не понесли никакой кары, то прочія общественныя «ячейки», гдѣ администраціей былъ усмотрѣнъ «вольный духъ», опасное направленіе и склонность къ оппозиціи потерпѣли именно въ 1862 г.

---

[1]) Утинъ бѣжалъ къ тому времени за границу, такъ какъ на немъ лежало подозрѣніе въ распространеніи подложнаго манифеста на Волгѣ съ цѣлью поднять тамъ возстаніе крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ это было дѣло исключительно поляковъ, надѣявшихся такимъ способомъ занять правительственныя силы, отвлечь ихъ отъ Западнаго края и создать внутреннія затрудненія русской администраціи. На бѣгство Утину было дано комитетомъ 3,000 руб., которыя были впослѣдствіи возвращены отцомъ молодого эмигранта. Б. Г.

сильный разгромъ. Для обозрѣнія состоянія тѣхъ ячеекъ намъ необходимо обратиться къ событіямъ, предшествовавшимъ этому году, а также относящимся къ началу его.

Какъ мы уже знаемъ, эмансипаціонная эпоха на зарѣ своей была окружена вѣяніями просвѣтительнаго характера, и интеллигенція въ первую очередь выдвигала необходимость широкаго народнаго образованія. Въ виду пассивнаго отношенія правительственныхъ сферъ къ этой сторонѣ отечественной жизни, руководство ею и ея организація были энергично подобраны и взяты въ руки именно представителями этой интеллигенціи въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ ученой и педагогической корпораціи съ горячимъ участіемъ тутъ учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній. Вспоминая впослѣдствіи, какъ вливались волны молодежи въ закипѣвшее тогда жизнью педагогическое море, нынѣ уже покойный В. П. Острогорскій въ своей книгѣ «Изъ исторіи моего учительства» [1]) говоритъ: «...А между тѣмъ, какъ нашъ кружокъ, съ сентября 1859 года начавшій собираться еще и по вторникамъ у одного изъ нашихъ членовъ, товарища моего по 3-й гимназіи, В. М. Сорокина, велъ замкнутую кружковую жизнь,—въ петербургскомъ обществѣ проявилось неслыханное дотолѣ педагогическое оживленіе. Знаменитыя статьи Пирогова въ «Морскомъ Сборникѣ» 1856 года, «Вопросы Жизни» и «Школа и жизнь», появленіе педагогическихъ журналовъ, множество школьныхъ воспоминаній въ печати, вмѣстѣ съ ожидавшимся освобожденіемъ крестьянъ, при сознаніи нашей образовательной и воспитательной несостоятельности и невѣжества въ народной массѣ,—все это вмѣстѣ естественно обратило общество къ вопросамъ педагогическимъ. Сначала обсуждались они всюду только въ разговорахъ и печати, а потомъ вскорѣ перешли и къ опытамъ практическаго разрѣшенія, въ формѣ учрежденія на новыхъ началахъ и самыхъ школъ, ежедневныхъ и воскресныхъ. Естественно также, что, при тогдашнемъ общемъ подъемѣ духа, въ молодежи, всегда чутко отзывающейся на все новое, манящее къ себѣ идейностью содержанія и перспективой будущаго, это общественное движеніе должно было встрѣтить особенное сочувствіе. И вотъ, уже въ 1859 году основывается въ Петербургѣ, около Таврическаго сада, частное безплатное Таврическое училище. Оно основывается юнымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ Михаиломъ Осиповичемъ Косинскимъ, горячимъ энтузіастомъ, вмѣстѣ съ учителемъ, преподававшемъ въ Смольномъ институтѣ, покойнымъ редакторомъ «Русской Старины», М. И. Семевскимъ, извѣстнымъ педагогомъ Д. Д. Семеновымъ, покойнымъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ и другими молодыми людьми изъ офицеровъ и студентовъ

[1]) Викторъ Острогорскій. «Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. (1851—1864 гг.)».

и нѣсколькими дамами и дѣвицами. Вотъ это-то первое у насъ въ Россіи ежедневное безплатное народное училище, основанное кружкомъ частныхъ лицъ, добровольно и безкорыстно пожелавшихъ послужить русскому просвѣщенію, и положило, кажется, начало такъ скоро остановленному у насъ развитію частныхъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ, именно въ то время, когда мы такъ настоятельно нуждались въ скорѣйшемъ распространеніи начальнаго образованія. Насколько же труды этихъ молодыхъ людей, піонеровъ нашего новаго народнаго просвѣщенія, были на первыхъ же порахъ благотворны и искусны, видно изъ того, что уже вскорѣ по открытіи Таврической школы, быстро показавшей замѣчательные успѣхи въ первоначальномъ обученіи, нѣсколько лицъ изъ ея основателей, напримѣръ, самъ Косинскій, М. И. Семевскій, Д. Д. Семеновъ и нѣкоторые другіе получили приглашеніе занять уроки въ Смольномъ институтѣ отъ его знаменитаго въ юной исторіи русской педагогики инспектора, К. Д. Ушинскаго».

Авторъ воспоминаній живо и обстоятельно рисуетъ передъ читателями возникновеніе одной изъ такихъ безплатныхъ школъ, именно Василеостровской, выводитъ рядъ лицъ, пріобрѣвшихъ себѣ впослѣдствіи имена на педагогическомъ поприщѣ, какъ дѣятелей прогрессивнаго (но не революціоннаго) направленія, знакомитъ съ постановкой здѣсь дѣла образованія и педагогики вообще, короче—вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ чисто просвѣтительнаго характера, откуда совершенно невозможно сдѣлать какого-либо вывода относительно опасности для существовавшаго строя педагогическихъ начинаній молодежи, ихъ совѣтниковъ и руководителей, во главѣ которыхъ, между прочимъ, стоялъ и К. Д. Кавелинъ, далекій какъ извѣстно, отъ близости къ революціоннымъ доктринамъ.

Да и сама правительственная власть на первыхъ порахъ благосклонно смотрѣла на возникновеніе вольныхъ школъ и считала долгомъ имъ покровительствовать и ихъ рекомендовать губернаторамъ для насажденія въ провинціи. Такъ, 22 марта 1860 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ послѣднимъ циркуляръ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «... Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ (по С.-Петербургу и Архангельску), можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, я, по соглашенію съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городахъ, то соображеніе ваше по сему предмету не оставьте сообщить въ министерство для дальнѣйшихъ распоряженій.» Такъ писалось въ началѣ 1860 года, но уже къ концу его жандармское упра-

вленіе убѣдилось, что къ спеціальному школьному дѣлу въ нѣкоторыхъ случаяхъ приплетается политическій элементъ, имѣющій своей конечной цѣлью политическое раскрѣпощеніе населенія. Въ виду сего княземъ В. А. Долгоруковымъ представлена была чрезвычайно любопытная записка, въ которой сдѣлана попытка освѣтить настоящій вопросъ и намѣтить соотвѣтствующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Шефъ жандармовъ писалъ [1]): «Внезапное возникновеніе воскресныхъ школъ проявилось такимъ лихорадочнымъ движеніемъ, что не можетъ уже быть вопроса: полезно ли распространеніе сихъ школъ. Но правительство должно необходимо принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, дабы стать во главѣ сего движенія, обратить на пользу безсознательное увеличеніе праздныхъ и бродящихъ умовъ; дабы правильнымъ, зрѣло обдуманнымъ руководствомъ предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присущность очевидна. Правительство не можетъ допустить, чтобы половина народонаселенія была обязана своимъ образованіемъ не государству, а себѣ или частной благотворительности какого-либо отдѣльнаго сословія. Безвозмездное преподаваніе упрочитъ за ними на твердомъ основаніи довѣріе и благодарность народныхъ массъ, коимъ они благодѣтельствуютъ. Всякія мѣры, которыя могли бы казаться преградою, противопоставляемою распространенію ихъ школъ, были бы поводомъ къ возбужденію ропота и превратныхъ толковъ, ищущихъ только предлога.

«Не десятки народныхъ школъ могутъ удовлетворить размѣру потребности. Правительство должно предупреждать ходатайства частныхъ лицъ, испрашивающихъ разрѣшеніе на открытіе таковыхъ школъ. Но отсюда прямо истекаетъ вопросъ: имѣетъ ли государство средства содѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ? Нужны деньги и учителя. При недостаткѣ и тѣхъ и другихъ остается сообразить возможность извлечь наибольшую пользу изъ средствъ, коими располагать возможно. Вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«1) Препятствовать распространенію школъ вредно и едва ли возможно.

«2) Не должно оставлять ихъ въ тѣхъ рукахъ, которыя произвольно приняли ихъ на свое попеченіе.

«3) Исподволь и осторожно слѣдуетъ обратить всѣ народныя школы въ учрежденія государственныя; принять безотлагательныя мѣры къ улучшенію ихъ и дать видъ поощренія быстрому распространенію ихъ.

«4) Какъ выраженіе сочувствія правительства, устроить при церквахъ особыя на сей предметъ кружки, хотя и нельзя ожидать отъ сей мѣры успѣшнаго воспособленія.

---

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

«5) Частные сборы, сдѣланные уже въ пользу школъ, оставить въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя нынѣ оными занимаются; послѣдующіе же сборы предоставить непосредственно вѣдѣнію попечителя учебнаго округа и изыскать средства къ возможному обез-

Князь В. А. Долгоруковъ.

печенію содержанія, внимательно опредѣливъ размѣръ дѣйствительныхъ потребностей. При нынѣшнемъ положеніи воскресныхъ школъ можно ожидать, что по прошествіи нѣкотораго времени остынетъ стремленіе, возбужденное модою и сверхъестественнымъ порывомъ, и тогда за недостаткомъ средствъ школы будутъ послѣдовательно

закрываемы, что неминуемо приписано будетъ противодѣйствующей инерціи.

«6) Дать сему дѣлу правильную форму, дабы школы не усвоили безпорядка, неизбѣжнаго въ этомъ новомъ дѣлѣ. Съ сею цѣлью надлежало бы привлечь неощутительно къ участію лицъ высшаго сословія, благонадежность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни министерство народнаго просвѣщенія, ни полиція не могутъ имѣть средствъ къ достаточному надзору.

«7) Въ женскихъ школахъ надлежало бы негласно, но рѣшительно отстранить всякое участіе офицеровъ, студентовъ, воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній и вообще молодыхъ людей.

«8) Осторожно и спокойно отстранить всякое покушеніе къ расширенію учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаваніемъ правилъ вѣры (разумѣется, духовнымъ лицомъ), грамоты, письма и счета, не допуская чтенія книгъ, не назначенныхъ къ тому спеціально учебнымъ вѣдомствомъ, и воспретивъ объясненіе отвлеченныхъ предметовъ. Сіе самое изъяснено въ правилахъ, изданныхъ отъ министерства; но разумное соблюденіе предписаннаго затруднено допущеніемъ къ преподаванію всѣхъ желающихъ.

«9) Немедленно приступить къ изданію книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ ощущается крайній недостатокъ. Составленіе сихъ книгъ отнюдь не можетъ предоставлено быть отдѣльнымъ лицамъ, а, съ допущеніемъ участія сочувствующихъ сему дѣлу, должно быть поручено отвѣтственной редакціи, проникнутой убѣжденіемъ въ важности и безотложности сей существенной потребности».

Записка шефа жандармовъ не осталась безъ послѣдствій и, переданная для свѣдѣнія министерству народнаго просвѣщенія, легла въ основаніе его циркуляра попечителемъ округовъ, гдѣ было повторено уже для исполненія многое изъ того, что кн. Долгоруковымъ намѣчалось въ качествѣ опредѣленныхъ дезидерій политики правительства по отношенію учебнаго дѣла. Школы съ того времени оказались подъ фактическимъ контролемъ административной власти, результатомъ чего явилось указаніе на существованіе въ школѣ опредѣленной политической пропаганды, наличіе коей въ видѣ чтенія и раздачи прокламацій было удостовѣрено фабричными рабочими, посѣщавшими школы.

Такая пропаганда, правда, очень слабая, не организованная и безъ всякихъ результатовъ, обнаружилась въ воскресныхъ школахъ—Сампсоніевской на Выборгской сторонѣ и Введенской на Петербургской сторонѣ, при чемъ въ роли распространителей прокламацій—«Что надо войску», «Молодая Россія», «Подвигъ капитана Александрова», «Что нужно народу»—явились главнымъ образомъ мѣстные педагоги въ лицѣ студентовъ Хохрякова, Беневоленскаго, Крапивина, Модестова и др. Въ особенности отличался по части

разбрасыванія прокламацій В. И. Модестовъ, будущій извѣстный ученый и представитель умѣреннаго либерализма. Однако при всей своей неосторожности, Модестовъ не попался и не подвергся никакому взысканію. По полученіи донесенія полиціи о существованіи среди посѣтителей школъ политической пропаганды, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ донесъ о томъ государю, послѣ чего послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) о дѣйствіяхъ и распорядителей и преподавателей двухъ названныхъ школъ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія произвести формальное слѣдствіе; 2) производство слѣдствія возложить на особую комиссію изъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, управленія шефа жандармовъ и петербургскаго генералъ-губернатора при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія; 3) по окончаніи слѣдствія передать дѣло на законное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ; 4) при наличіи слѣдствія закрыть школы и о поводахъ къ ихъ закрытію объявить въ газетахъ; 5) принять мѣры къ тому, чтобы надзоръ за прочими воскресными школами былъ дѣйствителенъ и непрерывенъ; и 6) сообразуясь съ результатами предназначеннаго слѣдствія, разсмотрѣть общій вопросъ о могущей встрѣтиться надобности въ коренномъ преобразованіи воскресныхъ школъ.

Во главѣ комиссіи былъ поставленъ сенаторъ Ждановъ, которымъ и была составлена записка, гдѣ констатирована наличность политическаго элемента въ организаціи воскресныхъ школъ, какъ столицы, такъ и провинціи. Къ дѣлу о пропагандѣ въ школѣ было привлечено всего 6 человѣкъ, причемъ преступныя дѣянія ихъ и виновность были резюмированы сенатомъ, откуда это дѣло было направлено черезъ государственный совѣтъ на конфирмацію государя, слѣдующимъ образомъ [1]): «Правительствующій сенатъ находитъ, что изъ числа подсудимыхъ: 1) студентъ Хохряковъ по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла и показаніями рабочихъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что неоднократно читалъ своимъ ученикамъ въ школѣ и у себя на дому возмутительныя воззванія: «Что нужно народу» и «Что дѣлать войску». Хотя Хохряковъ и показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду возбудить рабочихъ къ открытому возстанію, но, по показаніямъ учениковъ его о сдѣланныхъ имъ разъясненіяхъ и по собственному его показанію о цѣли, съ которою онъ читалъ имъ упомянутыя брошюры, и о разъясненіяхъ, которыя онъ имъ дѣлалъ, нельзя не признать, что онъ, читая публично брошюры въ воскресной школѣ и у себя на дому лицамъ изъ низшаго класса народа, дѣлалъ это не иначе, какъ съ злымъ умысломъ—возбудить

[1]) М. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

рабочихъ къ явному неповиновенію верховной власти. За это преступленіе Хохряковъ подлежитъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія наказанію . . . . . по неискренности его въ сознаніи, на 9 лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ безъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ изъятъ. 2) Студентъ Беневоленскій, читавшій у себя на квартирѣ двумъ ученикамъ своимъ воззваніе «Что нужно народу», по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, относительно цѣли, съ которою онъ читалъ ученикамъ ту брошюру, и объясненій, которыя имъ при томъ дѣлалъ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ же преступленіи, какъ и Хохряковъ, и подлежитъ... тому же наказанію, но лишь въ низшей мѣрѣ... какъ сознавшійся на первомъ допросѣ въ учиненномъ имъ преступленіи, за симъ ему, какъ несовершенолѣтнему, время каторжной работы должно быть . . . сокращено одною третью, т. е. онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца. Но, принимая во вниманіе его молодость, чистосердечное на первомъ допросѣ сознаніе, то, что онъ при самомъ чтеніи столь вредныхъ сочиненій внушалъ слушавшимъ отвращеніе къ явному возстанію, насилію и кровопролитію, которыя предлагались въ воззваніяхъ: «Молодая Россія» и «Что нужно народу» для достиженія предположенныхъ преступныхъ цѣлей,—правительствующій сенатъ находитъ возможнымъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго Беневоленскому по закону наказанія ссылкою его по лишеніи всѣхъ правъ состоянія не въ каторжную работу, а въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. 3) Крапивинъ, какъ признанный уже правительствующимъ сенатомъ безумнымъ, долженъ... содержаться въ домѣ умалишенныхъ, и за симъ ходатайство отца его о помилованіи его слѣдуетъ оставить въ настоящее время безъ уваженія. 4) Фабричные рабочіе: Митрофановъ, Федоровъ и Трифоновъ, по собственному своему сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ томъ, что они не только имѣли у себя возмутительное воззваніе «Молодая Россія», но передавали оное другимъ для прочтенія. Такъ какъ по слѣдствію не обнаружено, чтобы они дѣлали это съ преступною цѣлью, то... они подлежатъ: Митрофановъ, какъ болѣе другихъ виновный, что доказывается тѣмъ, что онъ лучше другихъ зналъ содержаніе воззванія, понималъ его значеніе, принесъ это воззваніе въ артель,—высшей мѣрѣ наказанія; при этомъ срокъ ареста долженъ быть уменьшенъ для него, какъ несовершенолѣтняго, одною степенью... Федоровъ и Трифоновъ, менѣе Митрофанова виновные, подлежатъ наказанію по послѣдней части 285 ст. въ средней мѣрѣ, и это наказаніе должно быть уменьшено для нихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, одною степенью... замѣнено наказаніемъ розгами въ низшей мѣрѣ... 5) Коченковъ и Ан-

тоновъ, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными въ томъ, что не донесли своевременно начальству: 1-й, Коченковъ, о чтеніи и объясненіи Хохряковымъ возмутительныхъ брошюръ, а 2-й, Антоновъ, о томъ, что получилъ, хотя и на короткое время, воззваніе «Молодая Россія»; Коченковъ за означенный проступокъ... подлежитъ наказанію... розгами... Что же касается Антонова, то какъ показаніе его о томъ, что онъ хотѣлъ донести начальству о полученномъ имъ воззваніи и съ этою цѣлью началъ оное списывать, чтобы имѣть явное доказательство справедливости его доноса, слѣдствіемъ не опровергнуто, то ему сдѣдуетъ сдѣлать строгое внушеніе, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду оныхъ, не останавливался собираніемъ доказательствъ. 6) А о поступкахъ Карпа Андреева... сужденіе имѣть не слѣдуетъ за смертью его...»

Заключеніе сената съ соотвѣтствующими смягченіями было черезъ государственный совѣтъ представлено государю и имъ утверждено. Молодежь потерпѣла наказаніе, потерпѣли его и рабочіе, но главное послѣдствіе изъ всего этого было то, что съ того времени, т. е. съ самаго возникновенія слѣдствія, наступилъ конецъ безплатному и вольному обученію въ школахъ и послѣднія повсемѣстно въ имперіи были закрыты, какъ равно и организованныя тогда же народныя читальни. По этому предмету лѣтомъ 1862 г. мы имѣемъ слѣдующія высочайшія повелѣнія. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 8-го іюня, въ № 152, было напечатано: «Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя безплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть погубныхъ послѣдствій, закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ къ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать».

Черезъ недѣлю въ «Сѣверной Почтѣ» (офиціальномъ тогдашнемъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), въ № 127 послѣ-

довало повелѣніе: «Государь императоръ по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни». А на слѣдующій день въ той же газетѣ было напечатано: «Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣть соизволилъ: чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ Третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

«Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣть соизволилъ: нынѣ же закрыть учрежденное при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особое отдѣленіе для вспомоществованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы».

Эти мѣропріятія правительства совпали по времени съ разыгравшимися въ столицѣ таинственными пожарами, происхожденіе которыхъ окружалось въ народѣ всяческими толками и легендами. Послѣдніе толки, въ связи и съ этими пожарами и прочими фактами нашей жизни, достигли въ тѣ дни дѣйствительно значительныхъ размѣровъ, волнуя умы обывателей и держа ихъ въ ожиданіи какихъ-то знаменательныхъ событій. Пользуясь этимъ, генералъ-губернаторъ Петербурга приказомъ отъ 8-го іюня, какъ бы предупреждая высочайшія повелѣнія, своею властью закрылъ всѣ столичныя народныя читальни, а также шахматный клубъ, «въ которомъ, по словамъ запретительнаго приказа, происходятъ и изъ котораго распространяются неосновательными сужденія».

Благодаря указаннымъ мѣропріятіямъ, просвѣтительной энергіи интеллигенціи былъ положенъ рѣшительный конецъ: 274 школы по всей Россіи были закрыты, безъ замѣны, однако, этихъ разсадниковъ грамотности какими-либо иными учрежденіями. Ошибочныя дѣйствія небольшой, случайной и неорганизованной кучки молодежи сыграли въ данномъ случаѣ роковую роль, которая попоставила надолго точку къ порывамъ остальной молодежи, далекой отъ политики, но искренно понесшей народу свой трудъ, знаніе и любовь къ учительству. Единичные грѣхи поставлены были въ вину многимъ, и страдающимъ элементомъ отъ такой постановки вопроса явился все тотъ же народъ, около жизни котораго подъ занявшимися лучами освобожденія слагалась такъ неудачливо

для него борьба правительственной власти съ крайними представителями общественности.

Мы видимъ изъ приговора, вынесеннаго «воскресникамъ», что главнымъ поводомъ, сгубившимъ и ихъ самихъ и все дѣло воскресныхъ школъ, было чтеніе и распространеніе прокламацій и среди нихъ именно прокламаціи «Молодая Россія», о которой намъ приходилось уже упоминать, когда шла рѣчь о посѣщеніи г. Пантелѣевымъ представителей московскаго политическаго радикализма. Если въ дѣлѣ Хохрякова мы впервые встрѣчаемся съ попытками распропагандированія «сознательныхъ рабочихъ» и видимъ, какими средствами сѣялось среди фабричнаго люда сѣмя неудовольствія существующимъ порядкомъ съ призывомъ ихъ къ борьбѣ, то въ исторіи прокламаціи «Молодая Россія» и, какъ коррективѣ къ ней, въ прокламаціи «Предупрежденіе» обстоятельно знакомимся, какъ фабриковались самыя прокламаціи, какъ онѣ печатались и какимъ окольнымъ путемъ приходилось дѣйствовать, чтобы получить текстъ подпольнаго листка и его оттиски.

Прокламація «Молодая Россія» вышла изъ нѣдръ московскаго революціоннаго кружка Зайчневскаго, Аргиропуло, Гольцъ-Миллера и др., составлявшихъ «мѣстный центральный революціонный комитетъ», была распространена въ обѣихъ столицахъ въ значительномъ количествѣ и произвела сильный переполохъ во всѣхъ кружкахъ, какъ консервативныхъ, либеральныхъ, такъ и имѣвшихъ то или иное отношеніе къ русской политической оппозиціи. Герценъ и даже Бакунинъ, съ одной стороны, Чернышевскій—съ другой всѣ были смущены духомъ этой прокламаціи, гдѣ усматривались явные элементы анархизма со всѣми вытекающими отсюда террористическими послѣдствіями кроваваго характера. Разбирая эту прокламацію и отмѣчая, что правительству нечего пугаться горячности молодой рѣчи, что къ молодежи, выпустившей ее, надлежитъ отнестись именно какъ къ молодежи, у которой кипѣніе крови, избытокъ силъ, издатель «Колокола» писалъ [1]): «Молодая Россія» намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, она вовсе не русская; это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка—ея неумѣстность, случайность совпаденія съ пожарами—усугубила ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книги, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь отсюда и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, ко-

[1]) «Колоколъ», 1862 г., № 139.

торую даетъ или свой опытъ, или строй организованной партіи.

«Но, сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, отрѣшеннаго отъ народа. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ уважаемыхъ почтенностей, которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, крайнія слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче, въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

«Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріогеніи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которою они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ—это непониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?

«Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ... народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева».

Въ статьѣ «Журналисты и террористы» [1]) Герценъ снова обращается къ «Молодой Россіи», осуждаетъ терроръ и говоритъ: «Для народа подняться трудно, это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное разореніе семьи, невспаханное поле, голодныя дѣти, саранча постоя. Вотъ отчего крестьянинъ терпитъ, ужасно долго терпитъ и изрѣдка, когда уже мѣра переполнена,

[1]) «Колоколъ», 1862 г., № 141.

В. И. Модестовъ.

онъ является въ какомъ-то мрачномъ отчаяніи и убиваетъ гуртомъ не только враговъ, но и своихъ собственныхъ дѣтей, чтобы они не сдѣлались военными поселенцами.

«Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть, данная врагу, и обличеніе передъ нимъ своей слабости.

«А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобы вы были сила, чтобы вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобы онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бафера, а понятную для него религію земли... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте грудью, ляжте костьми, но не зовите его, какъ желанный день. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, и будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ, или во фригійской—все равно.»

Чернышевскій былъ также смущенъ содержаніемъ «Молодой Россіи» и, желая изгладить тяжелое впечатлѣніе, ею произведенное въ обществѣ, возложилъ на А. Слѣпцова, какъ виднаго дѣятеля «Земли и Воли», переговорить съ авторами ея относительно необходимости смягчить это впечатлѣніе. Повидимому, прямымъ результатомъ переговоровъ былъ выпускъ новой прокламаціи подъ заглавіемъ «Предостереженіе», напечатанной уже въ Петербургѣ по особому заказу студентомъ Баллодомъ, тогда популярнымъ и энергичнымъ представителемъ студенчества, имѣвшимъ мужество заступиться за Н. И. Костомарова во время шумнаго скандала въ думскомъ залѣ на публичной лекціи.

Кѣмъ именно была составлена эта прокламація и отъ кого она исходила, остается пока неизвѣстнымъ. Печатавшій ее студентъ Баллодъ далъ по поводу ея, какъ равно и по поводу своего участія въ революціонномъ движеніи, слѣдующее показаніе на слѣдствіи, которое является живою иллюстраціей къ тому, какъ вербовались въ тѣ дни агенты «революціи». О вербовкѣ гг. Пантелѣева и Утина намъ уже извѣстно; теперь очередь за Баллодомъ. Вотъ что онъ показалъ [1]):

«Въ Александровскій паркъ впервые въ первой половинѣ мая (1862 г.) я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ два какихъ-то господина и сказали:

«— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобы провести пріятно время, а для того, чтобы поговорить о дѣлѣ.

---

[1]) Мих. Лемке. «Политическіе процессы».

«Оба они были съ бородами, средняго роста. Одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ; онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27; одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у второго—русая.

« —Мы слышали, что вы—честный и энергичный человѣкъ; вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвавъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной назвали мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они—члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листковъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

«— Напрасно,—отвѣчали они.—Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція, или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

«— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки,—нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

«— Не знаю,—сказалъ я.—Что придется.

«— Странно! Вы—человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, если бы вамъ предложили?

«— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

«— Вотъ мы дадимъ вамъ программу,—и вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

«— Вотъ наша программа.

«Послѣ того мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ нихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напакостить. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

«— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

«— Нисколько,—но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта[1]). Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность.

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое: одного изъ нихъ я видѣлъ въ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ; отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

«— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

«— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

«— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

«— Знаю. Я былъ сейчасъ у...; тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

«— Я вамъ привозилъ деньги, вотъ онѣ и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете, куда обратиться?

«— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

«— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «Къ чему вы меня торопите?»

«— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейской частью. У насъ этою частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

«— Слѣдить за всякимъ вновь поступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко; у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не постоимъ.

«— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

«— На это, можетъ быть, и соглашусь—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «Карманной типографіи» и сказали:

«— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

---

[1]) Думская исторія съ Н. И. Костомаровымъ. Б. Г.

«Я сказалъ, что она моя.

«— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

«— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

«— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи,—сказалъ я:—то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ это мы разошлись.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я шелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

«— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я. Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

«— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

«— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, потому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ.

«— Нѣтъ,—сказали они:—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ шагахъ въ 50, взяли у нихъ бумаги, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать. Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье, въ 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

«Это было въ 12 часу дня.

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія и говорилъ съ ними потому, что разсчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Такова живая сценка, которая наглядно рисуетъ намъ способъ фабрикаціи тогдашнихъ прокламацій и средства вербовки членовъ революціонныхъ организацій. Здѣсь мы видимъ наличіе опредѣленнаго кружка, состоящаго изъ людей зрѣлаго возраста, располагающаго значительными суммами денегъ, предназначенныхъ на политическую пропаганду; здѣсь же и готовые исполнительные органы, самоотверженно отдающіе себя во власть незнакомыхъ людей во имя опредѣленной борьбы. Тайныя типографіи, конспиративныя квартиры, опредѣленныя организаціи (до полицейской службы включительно), секретныя встрѣчи—все это показываетъ, что революціонное движеніе постепенно разворачивается, налаживается и грозитъ въ будущемъ серьезными послѣдствіями, гдѣ способы пресѣченія движенія одними карательными мѣрами далеко не удовлетворятъ своему назначенію и не достигнутъ нужной цѣли.

Баллодъ, занимавшійся; по собственному признанію, раскидываніемъ прокламацій и перепечатывавшій таковыя въ собственной «карманной типографіи», является передъ нами типичнымъ рядовымъ слугою русскаго революціоннаго движенія, однако безъ достаточнаго еще опыта и нужной для конспираціи школы, несмотря даже на то, что въ распоряженіи его были цѣлыхъ двѣ квартиры. Хотя невѣдомые заговорщики цѣликомъ положились на него, и ему даже удалось выполнить ихъ порученіе, неопытность его сказалась довольно скоро, и онъ самъ выдалъ себя головою, довѣрившись безъ особой надобности случайному лицу.

Имѣя въ виду отпечатать 360 экземпляровъ готоваго уже набора прокламаціи «Къ офицерамъ», онъ обратился для того къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства Гербановскому; послѣдній, только что передъ тѣмъ заведшій въ квартирѣ своей жены еще незаявленную полиціи типографію, проговорился о сдѣланномъ ему заказѣ экзекутору министерства, а этотъ послѣдній донесъ о полученномъ имъ сообщеніи полиціи, и... арестъ Баллода свершился. Былъ произведенъ обыскъ на обѣихъ его квартирахъ, установлены кое-какія его связи съ случайными людьми, и политическое дѣло скоро оформировалось. На основаніи найденныхъ рукописей, переписокъ, экземпляровъ нелегальной литературы къ дѣлу оказались причастными лица, по не изъ числа тѣхъ, которыя имѣли съ Баллодомъ свиданія и совѣщанія въ паркахъ и которыя, повидимому, дѣйствительно представляли собою таинственную организацію, а изъ тѣхъ, которыя еще въ очень слабой близости стояли къ «политикѣ» и случайно оказались причастны въ дѣятельности студента-типографа. Послѣ ряда обысковъ, допросовъ и предварительныхъ слѣдствій къ дѣлу оказались привлеченными: по первой категоріи—сказанный студентъ петербургскаго университета Петръ Баллодъ, литераторъ, сотрудникъ «Русскаго Слова» Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ

здѣшняго университета Василій Лобановъ и бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печаткинъ; по второй категоріи—студентъ медико-хирургической академіи, уже знакомый намъ по повѣствованію г. Пантелѣева, Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ и студенты академіи Помпей Мультановскій [1]) и Юлій Гюбнеръ; къ третьей—бывшій студентъ московского университета Леонидъ Ольшевскій, студенты Петръ Ткачевъ и Кемарскій. Кромѣ того, къ дѣлу привлекались Николай Жуковскій и Павелъ Жуковскій, первый успѣлъ бѣжать за границу и сдѣлался довольно виднымъ впослѣдствіи эмигрантомъ, и оказавшійся въ заграничномъ отпуску студентъ Павелъ Мошкаловъ, не пожелавшій однако вернутся въ Россію по вызову правительства.

Виновность названныхъ лицъ съ опредѣленіемъ степеней наказанія изложена въ резолюціи сената по этому дѣлу для высочайшей конфирмаціи такъ:

«1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

«2. Кандидата спб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и государя императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи; ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

«3. Бывшаго студента Спб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія со студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго, посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

«4. Бѣжавшаго за границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

«5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ

[1]) Впослѣдствіи извѣстный хирургъ. Б. Г.

крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить.

«6. Бывшаго студента Спб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2, тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства; б) бывшаго студента мед.-хир. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить; г) студентовъ Лабанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить; д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіеся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. спб. военному генералъ-губернатору».

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, государь положилъ резолюцію: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить семью годами».

Настоящее дѣло вызвало опредѣленный шумъ въ столицѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе привлеченія къ нему виднаго дѣятеля тогдашней журналистики Д. И. Писарева, успѣвшаго уже къ тому времени завоевать себѣ прочныя симпатіи молодежи. Къ активной политикѣ Писаревъ былъ въ сущности совершенно непричастенъ и его «виновность» заключалась лишь въ томъ, что онъ согласился

Д. И. Писаревъ.

на предложеніе Баллода напечать написанную имъ статью, которая являлась отвѣтомъ бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, выпустившему на книжный рынокъ по порученію правительства двѣ брошюры, подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти, направленныя противъ Герцена и имѣвшія цѣлью нанести ударъ его популярности въ русскомъ обществѣ. Баллодъ только что отпечаталъ прокламацію, написанную студентомъ Павломъ Мошкаловымъ подъ заголовкомъ: «Русское правительство

подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти»; узнавъ, что Писаревъ также негодуетъ на Шедо-Ферроти и не имѣетъ возможности по цензурнымъ условіямъ отвѣтить автору брошюры, Баллодъ склонилъ его написать статью по адресу оппонента Герцена, обѣщавъ ее напечатать для распространенія въ публикѣ тайнымъ образомъ. Писаревъ доставилъ ему таковую статью, написанную сильнымъ языкомъ, рѣзко и совершенно нецензурно. Эта-то рукопись и была захвачена у Баллода при обыскѣ и она-то и послужила источникомъ обвиненія Писарева, причемъ автору были инкриминированы въ особенности заключительныя слова: «Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы дальше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двухъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать дотѣхъ поръ, пака масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать . . . . . и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы».

Отмѣченное въ статьѣ Писарева закрытіе двухъ виднѣйшихъ тогда журналовъ, «Современника» и «Русскаго Слова», произвело дѣйствительно на общество угнетающее впечатлѣніе, послѣдовавшій арестъ Писарева усугубилъ это впечатлѣніе, но сильнѣйшей степени общественная паника достигла, когда стало извѣстно, что арестованъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій съ возбужденіемъ противъ него жестокаго обвиненія. Послѣ ссылки Михайлова, высылки изъ Петербурга профессора Павлова, ареста Писарева, новая утрата интеллигенціи въ лицѣ вліятельнаго руководителя временно замолкшаго «Современника» явилась показателемъ, что медовымъ мѣсяцамъ правительственнаго либерализма наступилъ дѣйствительно конецъ. Со сцены жизни сметались не успѣвшія еще расцвѣсть учрежденія, сметались не развернувшіе еще всѣхъ своихъ силъ люди...

IX.

Вечеръ Литературнаго Фонда въ залѣ Городской Думы и рѣчь здѣсь проф. П. В. Павлова.—Арестъ и ссылка послѣдняго.—Собраніе профессоровъ на квартирѣ В. Д. Спасовича.—Инцидентъ во время лекціи Н. И. Костомарова въ Вольномъ университетѣ.—Конецъ послѣдняго.—«Современникъ» и «Русское Слово».—Записки о нихъ цензора А. В. Никитенки.—Пріостановка на 8 мѣсяцевъ этихъ журналовъ.—Арестъ Ветошникова.—«Процессъ 32» или «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».—Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.—Характеристика Чернышевскаго, сдѣланная шефомъ жандармовъ Потаповымъ.—Фабрикація документовъ, свидѣтельствующихъ противъ Чернышевскаго В. Костомаровымъ.—Псевдописьмо къ поэту А. Н. Плещееву.—Обвинительные пункты противъ Чернышевскаго.—Опредѣленіе Сената по дѣлу послѣдняго и его ссылка на каторжныя работы.

Арестъ и ссылка профессора П. В. Павлова явились строгимъ отвѣтомъ правительства на его дѣятельность по воскреснымъ школамъ на югѣ. Къ началу 1862 г. вопросъ объ этихъ воскресныхъ школахъ еще не былъ поставленъ въ той формѣ, какъ мы то видѣли изъ доклада шефа жандармовъ, но къ дѣятелямъ, въ нихъ участвовавшимъ, Третье Отдѣленіе уже начало присматриваться и отмѣчать тутъ тѣ опасныя черныя точки, которыя короткое время спустя создали описанный выше процессъ «воскресниковъ». Павловъ былъ пока только на замѣчаніи, какъ ревностный участникъ тогдашняго освободительнаго движенія, и оставалось только выждать удобный моментъ, чтобы поставить предѣлъ его дѣятельности. Такой удобный моментъ и явился на вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ фондомъ, на которомъ въ качествѣ лекторовъ выступили Н. Г. Чернышевскій съ воспоминаніями о недавно скончавшемся Добролюбовѣ, В. Курочкинъ и проф. П. В. Павловъ, взявшій темою для своего чтенія «тысячелѣтіе Россіи», которое должно было исполниться осенью того года. Лекція Павлова была предварительно одобрена цензурою и представляла собою въ сущности публицистическое разсужденіе по общимъ вопросамъ современнаго политическаго дня, гдѣ въ конечной части говорилось [1]): «Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ русская земля наказалась вполнѣ за страданія и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной эпохи: никогда Россія не испытывала болѣе тягостнаго состоянія! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнія. Ко временамъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша бѣдствій преисполнилась. Подъ вліяніемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событій нашему многострадальному отечеству предстояло пройти черезъ

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ»

страшный историческій переворотъ. Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ предотвратить всеобщее бѣдствіе. Вступивъ однажды на этотъ путь, наши администраторы, не захотятъ ни подъ какимъ видомъ итти назадъ; они, конечно, знаютъ, что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели. Правительство дало спасительный толчокъ самому обществу, упраздненіе правительствомъ крѣпостного права потрясло всю русскую землю до основанія. Если не ошибаемся, образованные, достаточные классы въ Россіи поняли, что, въ виду возможнаго историческаго переворота, благоразуміе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными, недостаточными классами въ городахъ и въ селахъ какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, достаточные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное, добровольное сліяніе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ можетъ удаться въ Россіи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго отечествомъ тысячелѣтія, въ переходную эпоху великаго общественнаго переворота, одно это соединеніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великихъ бѣдствій, могущихъ угрожать ей». Въ такой редакціи чтеніе не встрѣтило препятствій со стороны цензурнаго вѣдомства, но, повидимому, возбужденный царившею въ залѣ атмосферою профессоръ уклонился отъ этой редакціи и вставилъ здѣсь фразы, которыя произвели сенсацію въ залѣ среди молодежи и публики, дали поводъ къ овиціямъ и впослѣдствіи послужили предлогомъ для жестокой въ отношеніи его кары.

Присутствовавшій на чтеніи Л. Ф. Пантелѣевъ передаетъ обстоятельства всего инцидента такъ[1]): «Дошла очередь до Павлова... публика приготовилась съ напряженнымъ вниманіемъ слушать его. Онъ, повидимому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающій характеръ, и въ то же время сильно подчеркивались слова, сами по себѣ не заключавшія ничего страшнаго. Читалъ онъ по поводу тысячелѣтія Россіи; основная мысль чтенія была такая: какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи были извѣстныя общественныя группы, пользовавшіяся тѣми или другими правами, только масса населенія всегда стояла внѣ правового порядка, и положеніе ея постепенно настолько ухудшилось, что можно было ожидать страшнаго народнаго взрыва. Къ счастью правительство это поняло и приступило къ реформѣ. До публики, извѣстнымъ

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго».

образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ: напр., Павловъ сказалъ: «Ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя (передъ тѣмъ говорилось о Крымской войнѣ) чаша народныхъ страданій преисполнилась»; а многимъ послышалось «во время» и т. д... Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать, только онъ произнесъ: «Имѣющій уши слышать да слышитъ». Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое, вѣроятно, потомъ оказалось немало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ же громко говорили, что Павлову не сдобровать.

«На этомъ же вечерѣ В. Курочкинъ читалъ «Господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ»; казалось, что потолокъ обрушится отъ рукоплесканій и криковъ, всякій разъ сопровождавшихъ слова: «Тише, тише, господа: господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ, приближается сюда».

«Вечеръ закончился исполненіемъ въ 16 разъ «Камаринской».

«Вечеръ былъ въ четвергъ, въ воскресенье я и Н. Утинъ, въ качествѣ представителей студенческаго комитета, нашли нужнымъ навѣстить Павлова. Застали его въ самомъ спокойномъ настроеніи: онъ прямо сказалъ, что не можетъ себѣ представить, чтобы ему могли угрожать какія-нибудь непріятности, такъ какъ въ его чтеніи рѣшительно ничего не было противоправительственнаго. Уйдя отъ Павлова, я цѣлый день не былъ дома и вернулся къ себѣ уже къ самой ночи. Каково же было мое удивленіе, когда нашелъ у себя на столѣ записку Н. Утина: «Павловъ арестованъ и высылается въ Ветлугу, завтра назначено засѣданіе комитета (студенческаго), приходи непремѣнно».

Дѣйствительно, ссылка Павлова состоялась, и по поводу ея, а также публикаціи въ «Русскомъ Инвалидѣ» [1]), по сему предмету правительства была выпущена прокламація, гдѣ говорилось:

«Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ—не сказано. Кто же распоряжается нами.—Третье Отдѣленіе? Неужели какой-нибудь Долгоруковъ или Валуевъ рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Военнымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не ссылать; отчего не дать это право губернаторамъ, квартальнымъ, становымъ?

«И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ, или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой-нибудь Ветлугѣ только за то, что человѣкъ не созданъ мерзавцемъ и идіотомъ, что правду Долгоруковыхъ и Валуевыхъ человѣкъ счи-

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

таетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

«И чего трусить?! Всѣхъ не сошлютъ.

«Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, сбираются сослать еще нѣсколькихъ,—что же! Или ужъ нѣтъ людей имъ на смѣну?.. Протестуйте, подавайте адреса, жертвуйте деньги, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликайтесь на нашъ призывъ, покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергичные люди».

Профессоръ Павловъ вслѣдъ за Щаповымъ явился вторымъ представителемъ ученой корпораціи, на котораго пала правительственная кара. Ссылка этого профессора сыграла рѣшающую роль въ судьбѣ возникшаго тогда въ Петербургѣ Вольнаго университета, долженствовавшаго замѣнить собою закрытый въ тѣ дни здѣшній правительственный разсадникъ высшей науки [1]). Здѣсь, въ этомъ эпизодѣ мы впервые встрѣтились съ попыткой организаціи активной забастовки со стороны студенчества, при помощи которой разсчитывали добиться отъ правительства уступки и опредѣленныхъ результатовъ.

«Думскій эпизодъ», разыгравшійся 8 марта 1862 г., именно характеренъ съ этой стороны, а также со стороны не совсѣмъ откровенной и двойственной политики профессоровъ, которая напоминаетъ нѣкоторые моменты изъ жизни высшихъ учебныхъ заведеній въ наши дни. Поэтому мы позволимъ себя остановиться на этомъ эпизодѣ нѣсколько подробнѣе, нежели онъ того стоитъ, и, несмотря на то, что непосредственно политической жизни Россіи онъ не касается. Воспоминанія г. Пантелѣева въ данномъ въ случаѣ именно подробно знакомятъ насъ съ закулисной стороной дѣла. Онъ повѣтствуетъ: «Какъ только стало извѣстнымъ, что Павловъ высылается въ Ветлугу... сейчасъ же собрался студенческій комитетъ; всѣ были въ крайнемъ возбужденіи; да и не одни студенты, все общество было взволновало. Въ комитетѣ почти единодушно было рѣшено въ видѣ протеста закрыть всѣ лекціи; но для этого нужно было имѣть согласіе профессоровъ; поэтому остановились на такомъ порядкѣ: созвать всѣхъ лекторовъ, отрядить въ это собраніе нѣсколькихъ депутатовъ отъ комитета съ порученіемъ поставить вопросъ: въ виду участи, постигшей Павлова, считаютъ ли они возможнымъ продолженіе лекцій. Делегаты, конечно, не должны были говорить, что комитетъ уже пришелъ къ рѣшенію за-

[1]) Этотъ «вольный университетъ» возникъ изъ мысли о публичныхъ лекціяхъ въ пользу студентовъ, пострадавшихъ послѣ извѣстной уже исторіи. Въ этихъ чтеніяхъ приняли участіе не только оставшіеся въ университетѣ профессора, но и покинувшіе его, а также нѣкоторые наиболѣе популярные среди молодежи ученые и писатели. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ послѣднихъ, какъ напр. Чернышевскому и Лаврову, чтеніе не было разрѣшено. Б. Г.

крыть лекціи, но они обязаны были заявить, что не ручаются за сохраненіе порядка (и это была правда) въ виду крайне возбужденнаго настроенія не только молодежи, но и публики. Профессора собрались въ квартирѣ В. Д. Спасовича; всѣ они одинаково были возмущены высылкой Павлова. Прежде всего выбрали предсѣдателя собранія; выборъ палъ на И. Е. Андреевскаго, и этимъ они погубили свое дѣло, что видно будетъ далѣе. Какъ только делегаты поставили вопросъ, могутъ ли продолжаться лекціи, то Стасюлевичъ, Б. Утинъ и Спасовичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ закрытія лекцій; они, конечно, находили мѣру, принятую противъ Павлова, ничѣмъ не оправдываемой, но не видѣли никакой связи между судьбой, постигшей Павлова, и лекціями.

«... Въ серединѣ засѣданія пріѣхалъ Костомаровъ; узнавъ, въ чемъ дѣлъ онъ тоже высказался противъ закрытія лекцій... Онъ однако, не остался до конца засѣданія, и всѣ рѣшенія были приняты безъ него. Тѣмъ не менѣе огромное большинство профессоровъ (делегаты въ баллотировкѣ, помнится, не участвовали) высказались за закрытіе лекцій, причемъ предварительно было постановлено, что рѣшеніе будетъ обязательно для меньшинства. Затѣмъ былъ обсуждаемъ вопросъ: объявленіе о закрытіи лекціи (оно собраніемъ возлагалось на студенческій комитетъ и даже назначили день—ближайшая лекція Костомарова) должно ли быть мотивировано участью, постигшей Павлова? И опять значительнымъ большинствомъ было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ. Все это произошло въ значительной степени отъ роли, которую на этомъ собраніи сыгралъ И. Е. Андреевскій. Ранѣе онъ никогда не заявлялъ рѣзкаго образа мыслей, а тѣмъ паче какого-нибудь фрондерства, но на этомъ собраніи сдѣлалъ все, что было въ силахъ предсѣдателя, чтобы рѣшеніе вышло такое, какого, видимо, хотѣлъ студенческій комитетъ. Профессора потомъ громко говорили, что И. Е. Андреевскій ихъ предалъ. Мы вышли торжествующіе и даже нѣсколько удивленные легко одержанной побѣдой; но мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ И. Е. оказался всецѣло на нашей сторонѣ?» [1])

Такова организація забастовочнаго заговора, гдѣ люди науки во имя популярности покорно шли на буксирѣ у молодежи. Результаты для исторіи нашего просвѣщенія оказались довольно печальными.

Какъ и можно было ожидать, публичныя лекціи въ думскомъ залѣ закончились крупнымъ скандаломъ, который разыгрался на

[1]) Двойственность поведенія Андреевскаго во всей думской исторіи наложила на него тѣнь на очень долгое время. И даже много лѣтъ спустя, во время его ректорства въ 80-хъ годахъ, когда его популярность среди молодежи въ сильнѣйшей степени возросла, очень часто раздавались все же непріятные для него разговоры, отправной точкой которыхъ было именно его поведеніе въ 1862 г. Б. Г.

чтеніи Н. И. Костомарова и въ связи съ его отношеніемъ къ предрѣшенной забастовкѣ. Оказалось, что вслѣдъ за рѣшеніемъ на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Андреевскаго, профессора, собравшись на новое совѣщаніе у проф. Совѣтова, пришли къ иному и совершенно обратному рѣшенію, а именно: не создавать конфликта съ правительствомъ по случаю высылки Павлова и продолжать свои лекціи въ вольномъ университетѣ; но о такомъ своемъ постановленіи они не поторопились поставить въ извѣстность студенческій комитетъ, подъ давленіемъ котораго они еще такъ недавно вынесли свою первую резолюцію. О своемъ новомъ рѣшеніи наканунѣ лекціи Костомарова лишь немногіе прислали увѣдомленіе, и вотъ скандалъ былъ готовъ. «Было 8-е марта,— описываетъ этотъ скандалъ г. Пантелѣевъ:—большая думская зала была переполнена не только студентами, но и огромной массой публики, такъ какъ въ нее уже успѣли проникнуть слухи о какой-то предстоящей демонстраціи. Вотъ Костомаровъ кончилъ свою лекцію; раздались обычные аплодисменты. Затѣмъ на каѳедру сейчасъ же взошелъ студентъ Е. П. Печаткинъ и сдѣлалъ заявленіе о закрытіи лекцій съ тою мотивировкой, какая была установлена на собраніи у Спасовича, и съ оговоркой о профессорахъ, которые будутъ продолжать лекціи. Костомаровъ который не успѣлъ далеко отойти отъ каѳедры, сейчасъ же вернулся и сказалъ: «Я буду продолжать чтеніе лекціи», и при этомъ прибавилъ нѣсколько словъ, что наука должна итти своей дорогой, не впутываясь въ разныя житейскія обстоятельства. Разомъ раздались и рукоплесканія, и шиканье; но тутъ подъ самымъ носомъ Костомарова Е. Утинъ [1]) выпалилъ: «Подлецъ! второй Чичеринъ, Станислава на шею!» Вліяніе, которымъ пользовался Н. Утинъ, видимо, не давало покоя Е. Утину, и онъ тогда изъ кожи лѣзъ, чтобы заявить свой крайній радикализмъ, его шутя тутъ прозвали Робеспьеромъ. Выходка Е. Утина могла взорвать и не такого впечатлительнаго человѣка, какимъ былъ Костомаровъ; къ сожалѣнію, онъ потерялъ всякое самообладаніе и, вновь вернувшись на каѳедру, сказалъ между прочимъ: «Я не понимаю тѣхъ гладіаторовъ, которые своими страданіями хотятъ доставить удовольствіе публикѣ (кого онъ имѣлъ въ виду, трудно сказать, но эти слова были поняты, какъ намекъ на Павлова). Я вижу передъ собой Репетиловыхъ, изъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ Расплюевы». Рукоплесканій уже не раздавалось, и, казалось, все зало шикало и свистало. По программѣ мнѣ слѣдовало сдѣлать заявленіе о расчетѣ съ публикой; я это и сдѣлалъ, но, кажется, меня никто не слышалъ, да и слышать не хотѣлъ. Несмотря на то, что Костомаровъ тотчасъ же уѣхалъ, публика не расходилась; немногіе пытались за-

[1]) Впослѣдствіи довольно извѣстный адвокатъ и публицистъ. Б. Г.

щищать его, но подавляющее большинство возбужденно говорили, что если Костомаровъ попробуетъ читать, то его до этого не допустятъ, забросаютъ солеными огурцами и моченными яблоками. А той порой циркулировалъ адресъ [1]), и было собрано нѣсколько сотъ подписей. Наконецъ, появился Н. И. Погребовъ (городской

Н. И. Костомаровъ.

голова) и попросилъ публику разойтись, что и было тотчасъ же всѣми исполнено».

Думскій инцидентъ съ Костомаровымъ положилъ конецъ вольному университету, но отголоски этого инцидента въ разныхъ

[1]) Адресъ отъ публики сосланному профессору Павлову съ выраженіемъ ему сочувствія и негодованія по поводу постигшей его участи. Б. Г.

постановкахъ вопроса перешли на страницы печати, причемъ молодежь, проводившая идею первой къ Россіи демонстративной забастовки, нашла себѣ защитника въ лицѣ Н. Г. Чернышевскаго.

Описываемый такимъ образомъ 1862 годъ положилъ конецъ общественнымъ начинаніямъ въ сферѣ распространенія какъ высшаго, такъ и низшаго образованія. Съ закрытіемъ «вольнаго университета», съ закрытіемъ «воскресныхъ школъ» кругъ просвѣтительной дѣятельности значительно сузился, при чемъ нельзя не отмѣтить, что историческая отвѣтственность за таковыя явленія въ значительной мѣрѣ ложится на общественныя элементы, которые въ тотъ періодъ проявляли недостаточную умѣренность и неумѣніе использовать свою позицію, которую они успѣли выгодно занять, благодаря растерянности казенныхъ сферъ. Близорукая политика оппозиціи quand même, стремленіе вносить во всѣ области жизни начала политики, въ надеждѣ быстро ликвидировать тяжкое наслѣдіе прошлаго историческаго періода, сыграли тутъ рѣшающую роль. Это дало поводъ административнымъ силамъ вновь окрѣпнуть, оттѣснить силы общественныя и прочно занять временно утерянное мѣсто въ цѣляхъ и интересахъ исключительнаго руководительства жизнью страны во всѣхъ ея моментахъ и проявленіяхъ. Кое-что для народа и ничего черезъ народъ—становится лозунгомъ періода.

Общественная волна, поднявшаяся съ 1855 г., въ 1862 году сильно падаетъ, и именно этотъ годъ, если только оставить безъ вниманія предшествовавшія предостереженія, является годомъ перелома во взаимоотношеніяхъ правительства и общества. Послѣднее осязательно переходитъ въ положеніе приниженное, подавленное, первое—въ состояніе наступательное и торжествующее. Къ числу наступательныхъ дѣйствій должно быть отнесено и закрытіе двухъ руководящихъ органовъ печати—«Русскаго Слова» и «Современника».

Эти два журнала, имѣвшіе такое рѣшающее значеніе въ исторіи развитія русской общественной оппозиціи, могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ тѣхъ двухъ основныхъ ячеекъ, изъ которыхъ вынесли свое идейное содержаніе послѣдующія поколѣнія, сыгравшія въ политической жизни нашего отечества выдающуюся оппозиціонную роль. Съ этими двумя органами печати, сосредоточившими въ своихъ редакціяхъ къ описываемому времени нити общественнаго руководительства и дававшими тонъ нашей общественности, правительству по необходимости приходилось считаться и, если оно въ періодъ своего разстройства и шатанія, относилось къ нимъ не только терпимо, но даже какъ будто съ нѣкоторой боязненностью, то съ наступленіемъ дней его крѣпости и торжества, оно рѣшило съ ними покончить и нанести имъ рѣшительный ударъ. И этотъ ударъ былъ нанесенъ именно въ 1862 г. Выразителемъ взгляда министерства Валуева на оба

журнала являлся проф. Никитенко, который еще въ концѣ 1861 г. представилъ объ этихъ органахъ печати докладную записку, въ категоричности которой однако, онъ впослѣдствіи нѣсколько раскаивался. Никитенко писалъ[1]) «Два журнала въ періодической нашей литературѣ» — «Современникъ» и «Русское Слово»—должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. «Русское Слово» идетъ по стопамъ «Современника». Это его идеалъ, образецъ; и главный изъ сотрудниковъ послѣдняго, Чернышевскій, для него есть величайшій единственный умъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который одинъ понимаетъ всѣ современныя и даже будущія потребности человѣчества и Россіи, и одинъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ въ истинно-соціальномъ духѣ. «Русское Слово», впрочемъ, заботится не только о томъ, чтобы построить человѣческія общества по новой системѣ, сколько о томъ, чтобы разрушить всѣ нынѣ существующія системы. Разрушеніе есть его спеціальность. Оно разрушаетъ всѣ авторитеты власти, нравственности, вѣрованій, науки, да и самыя принципы власти, нравственности, вѣрованій, науки для него не существуютъ. Матеріализмъ его главная, единственная доктрина. Изъ этого само собой уже проистекаетъ такое прекрасное, отрадное явленіе, какъ анархія, или лучше сказать, проистекаетъ невозможная анархія—политическая, нравственная, умственная, эстетическая. Конечно, не всѣ статьи написаны въ «Русскомъ Словѣ» въ такомъ духѣ, да это было бы и невозможно: никакого соціализма и матеріализма не стало бы на 12 такихъ толстыхъ томовъ. Болѣе всего означенныя идеи развиваются въ статьяхъ критическаго содержанія, которыми обыкновенно обозначаются у насъ цвѣтъ и физіономія журналовъ».

Приведя рядъ выписокъ изъ «Русскаго Слова», подтверждающихъ сдѣланную имъ характеристику, Никитенко продолжаетъ: «Всѣ заключающіяся въ сдѣланныхъ мною выпискахъ мысли до того нелѣпы, ребячливы, противны всѣмъ условіямъ человѣческой логики, опыта, многочисленныхъ свидѣтельствъ исторіи и науки, до того отличаются надутымъ суесловіемъ, вздорнымъ тономъ, ухватками, забіячливостью, умничаніемъ и всезнаніемъ недоучившагося школьника, что онѣ скорѣе достойны смѣха, чѣмъ серьезнаго вниманія и преслѣдованія. И дѣйствительно, ихъ слѣдовало бы предоставить собственной жалкой слѣпотѣ и невѣжеству и предать на жертву единственному достойному ихъ наказанію—возможности болѣе и болѣе изобличаться, смѣлѣе и смѣлѣе заявлять свою безсмысленность, что вѣрнѣе всякихъ мѣръ, краснорѣчивѣе всѣхъ опроверженій должно бы погрузить ихъ въ ничтожество и сдѣлать совершенно безвредными. Авторы подобныхъ произведеній

[1]) «Русскій Архивъ», 1895 г., № 2.

имѣютъ въ виду одну цѣль—пріобрѣтеніе популярности (другой родъ—пріобрѣтенье деньги, само собою разумѣется), и, конечно, для нихъ не можетъ быть большей кары, какъ полное невниманіе, особенно со стороны тѣхъ, кого хотѣлось бы имъ дразнить своими школьными проказами.

«Но есть обстоятельства, заставляющія смотрѣть на эти вещи другими глазами. Большинство читающей публики нашей такъ мало еще развито и образовано, что оно не въ состояніи противиться обаянію печатнаго слова, которое всегда является въ нѣкотораго рода убранствѣ, ослѣпляющемъ слабое зрѣніе. Въ печати обыкновенно употребляются нѣкоторые литературные пріемы, нѣкоторыя риторическія прикрасы, термины, то ученые, то принятые людьми просвѣщенными и умными, фразы съ извѣстною долею фосфорическаго блеска, бойкости или изворотливости пера, такъ что большинство публики отуманивается всѣмъ этимъ и, какъ отъ пріема одуряющей снѣди или питья, чувствуетъ въ себѣ что-то нехорошее, но никакъ не въ состояніи воспротивиться вліянію прочитаннаго. Тутъ уже заключается положительный вредъ статей, подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ «Русскомъ Словѣ». И, однако, это еще не главное. Гораздо важнѣе этого тотъ вѣсъ и значеніе, какое пріобрѣтаютъ онѣ между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетѣ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что настоящее молодое поколѣніе большею частью воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ «Русскаго Слова». Въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени умственнаго возбужденія и развитости, умами овладѣваетъ родъ сладострастія мысли, не менѣе пылкаго и обаятельнаго, какъ и сладострастіе физическое».

Развивъ далѣе положеніе объ увлеченіяхъ идеями вообще со стороны молодежи, авторъ записки говоритъ: «Къ счастью, конечно, далеко не всѣ наши періодическія изданія идутъ путемъ «Русскаго Слова» или «Современника»; нѣкоторыя изъ нихъ даже вступаютъ въ полемику съ ними и стараются изобличить всю несостоятельность ихъ мнѣній. Къ сожалѣнію, эти изобличенія касаются болѣе литературной стороны критикуемыхъ ими статей, нежели ихъ духа и направленія. Впрочемъ, трудно и требовать другого способа изобличеній отъ этихъ умѣренно-либеральныхъ журналовъ, потому что въ такомъ случаѣ они должны бы поднять щекотливые вопросы о предметахъ священныхъ въ религіозномъ и нравственномъ или важныхъ въ политическомъ смыслѣ, а за это ихъ тотчасъ огласили бы доносчиками, обвинили бы въ булгаринизмѣ. Да и самой цензурѣ подобная полемика причинила бы новыя затрудненія: кромѣ щекотливости подвергать всеобщему состязанію предметы слишкомъ высокаго и важнаго значенія, ей пришлось бы допускать

въ печати, такъ сказать, вдвойнѣ и во многихъ изданіяхъ, что она не должна бы терпѣть ни разу ни въ одномъ.

«Какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что журналъ «Современникъ» и «Русское Слово» производятъ у насъ весьма важное вліяніе на массу читающей публики, особенно публики молодой. Направленію, въ которомъ они издаются, должны быть положены преграды. Я полагаю необходимымъ сдѣлать отвѣтственнымъ редакторамъ ихъ послѣднее строгое предостереженіе и затѣмъ, если въ нихъ появятся статьи или мысли, подобныя находящимся въ представленной мною запискѣ, то представить государю императору о прекращеніи изданій. Но при этомъ я считаю тоже справедливымъ сдѣлать цензору «Русскаго Слова» строгій выговоръ: ибо онъ долженъ обращать вниманіе не на однѣ фразы разсматриваемыхъ имъ статей, но на духъ ихъ и направленіе, хотя и самыя фразы такого рода, какъ означенныя въ запискѣ, никоимъ образомъ не должны бы быть дозволены имъ къ печатанію. И если исключеніемъ фразъ нельзя ослабить вреднаго и непозволительнаго значенія цѣлой статьи, то онъ долженъ, ничѣмъ не стѣсняясь, подвергнуть всю ее запрещенію».

Таковъ былъ взглядъ и программа министерства Валуева, гдѣ бывшій редакторъ «Современника» и либеральный профессоръ-цензоръ произноситъ рѣшающее слово «репрессія», результатомъ чего явилась осенью 1862 г. пріостановка на 8 мѣсяцевъ «Современника» и «Русскаго Слова», а также временное закрытіе за рѣзкость тона Аксаковскаго «Дня». Но еще до принятія этой мѣры противъ распространенія въ обществѣ «вредныхъ идей» правительство обратило усиленное вниманіе на безпрепятственное распространеніе прокламацій домашняго происхожденія, вслѣдствіе чего еще въ апрѣлѣ того же года издало особыя правила о надзорѣ за типографіями и литографіями, что, впрочемъ, не помѣшало даже въ ближайшее за симъ время появленію новыхъ прокламацій, хотя, правда, и не въ столь значительномъ количествѣ, какъ прежде. Изъ числа этихъ прокламацій можно отмѣтить нѣсколько по адресу военнаго сословія, напр., «Къ офицерамъ», прокламацію «Къ образованнымъ классамъ» и «Земская дума», о которой мы выше уже говорили.

Въ 1862 г. правительство въ своемъ надзорѣ за интеллигенціей на первую очередь ставитъ вопросъ о сношеніи русскихъ гражданъ съ эмигрантами, на что до тѣхъ поръ не обращалось никакого вниманія. Какъ мы уже говорили, паломничество къ Герцену, сношенія съ нимъ, сотрудничество въ «Колоколѣ» со второй половины пятидесятыхъ годовъ стало дѣломъ почти обязательнымъ для всякаго, кто такъ или иначе принималъ участіе въ общественныхъ и политическихъ явленіяхъ нашей тогдашней жизни. Правительственные органы объ этомъ прекрасно знали и склонны были смотрѣть на это, какъ на дѣло естественное. Но съ 1861 г., когда политическая про-

паганда въ Россіи уже нѣсколько окрѣпла, когда изъ лондонской типографіи начали поступать не только «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», но и летучіе листки съ назначеніемъ революціонной агитаціи, Третье Отдѣленіе приложило всѣ старанія къ тому, чтобы выяснить, кто тѣ, которые состоятъ съ знаменитымъ эмигрантомъ въ наиболѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, каковы ихъ планы, намѣренія и цѣли. Въ этихъ видахъ была усилена политическая агентура, работа которой и не преминула дать опредѣленные результаты, предоставивъ въ распоряженіе администраціи обширный фактическій матеріалъ, послужившій содержаніемъ большого дѣла [1]) съ цѣлымъ рядомъ въ немъ лицъ разнообразныхъ профессій и соціальныхъ положеній.

Начало дѣлу положилъ доносъ, поступившій въ Третье Отдѣленіе, гдѣ говорилось, что въ началѣ іюля 1862 г. въ Петербургъ пріѣдетъ изъ Лондона нѣкій Павелъ Александровичъ Ветошниковъ съ письмами на имя разныхъ лицъ отъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева. Въ слѣдующемъ доносѣ говорилось: «6 (18) іюня въ Лондонѣ у Герцена были вечеромъ: Огаревъ, Бакунинъ, г-жа О'Коннель (француженка, занимающаяся живописью), Кельсіевъ, Перетцъ, Калиновскій, Альбертини, Тхоржевскій, Жемчужниковъ, Рубинштейнъ, Мартьяновъ, Гамалѣя, Мечниковъ, Ветошниковъ, Голинскій, Ковалевскій, Чернякъ (Профессоръ Пражскаго университета). Говорили о прокламаціи «Молодая Россія», которая еще не была получена».

«24 іюня (6 іюля) наканунѣ отъѣзда Ветошникова изъ Лондона на вечерѣ у Герцена были: Огаревъ, Бакунинъ, Ветошниковъ, Кельсіевъ, Перетцъ, Стасовъ, Альбертини, Ковалевскій, два брата Суздальцевы, Чернецкій, Тхоржевскій, графъ Ксаверій Браницкій, два брата Плаутины (родственники Огарева), два поляка и трое русскихъ.

«Ветошниковъ весьма долго разговаривалъ съ Бакунинымъ въ другой комнатѣ.

«Герценъ читалъ статью о пожарахъ и о прокламаціи «Молодая Россія».

Результатомъ этихъ анонимныхъ доносовъ былъ арестъ Ветошникова на границѣ, обыскъ его и конфискація наличной корреспонденціи, съ чего и началась размотка клубка, давшаго въ распоряженіе администраціи нѣкоторыя любопытныя нити разнообразныхъ сношеній людей между собою, ключъ къ ихъ планамъ и намѣреніямъ. Обыскъ у одного давалъ въ результатѣ указанія на другого и т. д., и т. д. Въ итогѣ въ рукахъ правительства оказался не Богъ вѣсть какой цѣнный криминальный матеріалъ, сводившійся по большей части только къ намекамъ, къ началамъ дѣйствій, къ вчернѣ намѣ-

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

ченнымъ планамъ-мечтаніямъ, на основаніи которыхъ трудно было установить единство революціонной программы съ задачами въ ней радикальныхъ переворотовъ и ниспроверженія существующаго порядка вещей. Но какъ бы то ни было, мы все же почерпаемъ изъ данныхъ, добытыхъ обысками, допросами и слѣдствіемъ, нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, показывающія, что революціонныя тенденціи охватили собою уже довольно широкіе круги, что на борьбу съ правительствомъ впервые готовились выступить новыя, нетронутыя до сихъ поръ силы и что иниціаторы этой борьбы постепенно вырабатывали не только теоретическіе планы политической агитаціи, но пытались ихъ обставить практическими дѣйствіями: намѣчались наиболѣе удобные способы доставки въ Россію нелегальной литературы изъ-за границы и территоріальные пункты ея провоза (Константинополь—Кавказъ), предполагалось вовлечь въ революціонный потокъ раскольниковъ и старообрядцевъ, для чего съ ними черезъ посредство, главнымъ образомъ, Кельсіева были завязаны довольно тѣсныя спошенія, мобилизировались болѣе или менѣе значительныя денежныя средства, предназначавшіяся на революціонныя цѣли, ставился вопросъ о содѣйствіи русскому революціонному движенію со стороны инородцевъ и т. д. До сихъ поръ, съ начала XIX вѣка мы видѣли только поляковъ, идущихъ объ руку съ русскими политическими протестантами; теперь на ту же роль намѣчались и кавказскіе инородцы, какъ, напримѣръ, армяне.

Такъ, Кельсіевъ писалъ Н. Серно-Соловьевичу въ письмѣ отъ 7 іюля: «Герценъ написалъ превосходную статью о «Молодой Россіи»—у васъ, я увѣренъ, она будетъ принята съ восторгомъ, и вопросъ о поджигателяхъ ею разрѣшится. Они оба, и Г. и О., работаютъ здѣсь неутомимо, и если все пойдетъ, какъ теперь идетъ, они къ осени станутъ окончательно въ главу движенія—объ этомъ у меня съ самаго возвращенія моего идетъ съ ними бесѣда. Я лично тоже тружусь порядкомъ, граница буравится со всѣхъ концовъ, переписка съ раскольниками скоро приметъ исполинскіе размѣры, переписка дружеская, интимная, до объясненій въ любви и до клятвы въ дружбѣ, на манеръ Дамона и Пиѳіоса. Присылайте только статей о закрытіи моленныхъ, отбираніи книгъ и т. п. для «Вѣча»; поддержите—и мы скуемъ себѣ партію не изъ однѣхъ верхушекъ; едва ли и теперь уже не вьется гнѣздо для центра, и едва ли мнѣ скоро не придется опять видѣться съ вами... Затѣмъ отыщите мнѣ хорошихъ людей въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ и во Псковѣ, т. е. не хорошихъ, а способныхъ, или, если не способныхъ, то удоборуководимыхъ, какъ податель сего письма [1]); для сближенія съ раскольниками это нужно. Сами вотъ вы чѣмъ бы занялись—устройствомъ почтъ между Петербургомъ и ближайшими губернскими го-

[1]) Т. е. Ветошниковъ. Б. Г.

родами, такъ чтобъ книгамъ, журналамъ, прокламаціяхъ, когда центръ окончательно устроится, былъ вполнѣ свободный и удобный путь внутри Россіи. Сдѣлайте до осени, хоть до Рождества, что можно въ этомъ отношеніи, и къ Рождеству я надѣюсь заварить кашу и пріѣду къ вамъ. Въ Петербургѣ я на вашемъ мѣстѣ мало имѣлъ бы дѣлъ, не стоитъ того, а на провинціаловъ налегъ бы. Такъ я здѣсь дѣлаю: чуть какъ подвернется и станетъ сочувствовать, я его и въ руки. Такимъ манеромъ у меня строятся разные трубы и каналы для провоза какихъ вамъ угодно идей и распоряженій. Какъ центръ склеится, Г. и Ог.[1]) объявятъ въ «Колоколѣ», что они пристали къ нему, вы подтолкнете къ нему всякіе кружки, и мои мыслепроводы, сочувствователи, пойдутъ въ дѣло. А покуда давайте расчищать почву и собирать матеріалы».

Въ одномъ изъ конфискованныхъ писемъ Бакунина къ армянскому писателю и общественному дѣятелю Налбандьяну говорилось по поводу имѣющаго явиться къ послѣднему Воронова: «Онъ крѣпкій и умный хохолъ, долго проживавшій въ Новороссійскомъ краѣ и хорошо знающій Кавказъ; въ іюнѣ будетъ въ Питерѣ, а въ сентябрѣ въ Тифлисѣ. Онъ переговоритъ съ вами о новомъ средствѣ доставленія нашихъ товаровъ [2]) въ Кавказскій край. Его мысль слѣдующая: изъ Трапезунта ходятъ на Кавказскій берегъ малыя турецкія суда съ контрабандою, которую провозятъ во множествѣ. Горцы же, пользуясь правомъ возить съ горъ дрова на всѣ русскіе посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ возили между дровами и наши лондонскіе запрещенные товары. А на русской линіи покупаютъ ихъ съ чрезмѣрною охотою и готовы платить большія деньги. Показаніе ясно, слѣдуетъ имъ воспользоваться и регулировать. По полученіи сего, напишите кому изъ своихъ, дѣльному и торговому человѣку въ Константинополѣ, за честность и дѣльность котораго вы передъ нами отвѣчать можете, и уговорите его устроить отношенія по этому дѣлу съ контрабандистами въ Трапезунтѣ—такъ что намъ была бы возвращаема ими только лондонская цѣна посылаемыхъ товаровъ плюсъ цѣнность пересылки ихъ изъ Лондона въ Константинополь. Всѣ же остальные барыши предоставлялись ему».

Въ письмахъ Бакунина давались ключи къ дешифрированію иносказательно написанныхъ писемъ, гдѣ, напримѣръ, Герценъ долженъ былъ значиться подъ именемъ барона Тизенгаузена, Огаревъ—Костеревъ, самъ Бакунинъ—Брыкаловъ; государь—Гавриловъ; слова «тайная полиція»—Слѣпневъ, правительство — Дурново, тюрьма—кофейная, турки—сапожники и т. п.; также города всѣ переименовались. Чрезвычайно любопытно письмо, найденное у Налбандьяна, гдѣ шла рѣчь о революціонной организаціи армянъ.

---

[1]) Т. е. Герценъ и Огаревъ.
[2]) Т. е. прокламацій и лондонскихъ изданій. Б. Г.

Вотъ оно съ прибавкой ключа для дешифрированія этого на первый разъ какъ-будто загадочнаго документа:

«Письмо ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное къ г. Мартиросу донынѣ еще не доставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили г. Мартиросу; тогда можно смѣло будетъ доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать—имѣемъ здѣсь банкира, когда мы его не имѣемъ, поставитъ меня въ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ повредить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ насчетъ вашихъ распоряженій до меня касающихся. Старался я имѣть здѣсь ложу братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англіи, отъ которой также получено позволеніе, предоставляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попроще ея. Цѣль этого братства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о неимущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ внѣшнимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодую на то, но слѣдовало такъ; на дняхъ все будетъ отправлено. Съ Катальянцемъ я видаюсь: онъ очень хорошій, но смирный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала, тогда заранѣе воспользовались бы. Прибылъ сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцать человѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, насчетъ же остальныхъ обѣщалъ постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я такъ же думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при вопросѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемѣрная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаиваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

А вотъ и ключъ къ расшифрованію непонятныхъ мѣстъ, какъ этого, такъ и другихъ писемъ, касающихся армянской организаціи.

Открыть торговый домъ—сосредоточить и умножить войска.
У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто—въ Трапезонтѣ имѣть одного комиссіонера.
Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ.

Покупать ленъ—съ горцами начать переговоры и заключить союзъ.
Бумагопашество—въ Киликіи водворить колонію.
Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ.
Имѣть кредитъ—издавать газету.
Самсона пріятель—Россія.
Бейрутскій пріятель—Франція.
Манчестерскій пріятель—Англія.
Женевскій пріятель—Италія.
Константинопольскій пріятель—Персія.
Тріестскій пріятель—Польша.
Парижскій пріятель—«нельзя расшифровать имени»—написалъ Аскархановъ, но потомъ кто-то написалъ: Чарторижскій.
Лондонскій пріятель—Герценъ.
Ливорнскій пріятель—Гарибальди.
Фабрикаторъ—публицистъ.
Больной—Арменія.
Хлопчатая бумага—Киликія.
До жатвы выдать деньги—возбудить національность.
Для покупки товара—для возстанія.
Мартиросъ—Мадзини.
Алминкаръ—Бакунинъ.
Часы—штыковое ружье.
Хронометръ—пушка.
Послать индиго—склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликіи.
Пашня для посѣва индиго—Александретта.
Возвысить цѣны на товары—собирать деньги.
Мука—порохъ.
Пшеница—ядро.

Долго и утомительно было бы слѣдить за всѣми перипетіями слѣдствія надъ лицами, привлеченными къ дѣлу, и тѣмъ болѣе, что эти послѣднія оказались втянутыми въ него по разнымъ поводамъ, часто совершенно случайнымъ и безъ всякаго отношенія къ вопросу о политической пропагандѣ. Дѣло тянулось съ осени 1862 г. по конецъ 1864 г., и только тогда по нему вынесено было сенатское постановленіе, высочайше вслѣдъ за симъ утвержденное, согласно смягченіямъ, сдѣланнымъ государственнымъ совѣтомъ. Сенатъ представилъ:

1. Отставного надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику (sic!) Кельсіеву съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2. Отставного коллежскаго секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3. Почетнаго гражданина Николая Владимирова, 36

лѣтъ,—за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ злоумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. Изъ нихъ коллежскаго секретаря Ветошникова по предмету участія въ самомъ злоумышленіи лондонскихъ пропагандистовъ противъ русскаго правительства—признать неизобличеннымъ;

4. Отставного штабсъ-капитана Николая Петровскаго за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ—признать подлежащимъ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ;

5. Купца Ивана Шибаева за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсіевымъ, напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ того, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шибаева, ходатайствовать передъ Г. И. объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіи имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею, впрочемъ, Шибаева подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по предмету недонесенія правительству о прибытіи преступника Кельсіева въ Россію Шибаева отъ суда освободить;

6. Отставного коллежскаго регистратора Пимена Лялина, 66 лѣтъ, за имѣніе у себя разныхъ возваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ выдержанію подъ арестомъ два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе; по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій, посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ, и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи;

7, 8, 9. Преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената, находящихся за границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василія Кельсіева, за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію,

несмотря на дѣлаемые имъ вызовы,—лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства съ тѣмъ, 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. 368 ст. улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ осужденія на законномъ основаніи въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи правительству по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу;

10. Великобританскаго подданнаго Артура Бени, за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ С.-Петербургъ русскаго подданаго Василія Кельсіева, по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни—выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію, съ званіемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ,—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію, подъ опасеніемъ поступить съ нимъ по 354 ст. уложенія;

11. Почетнаго гражданина Махаила Журавлева;

12. Чиновника X класса Павла Аркадьева, за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи воззванія «Земская Дума»,—выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обоихъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

13. Дочь майора, дѣвицу Марію Челищеву за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній—выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

«Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2 т. XV св. зак. уголовн., представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: 1) кандидата с.-петербургскаго университета Михаила Налбандова въ знаніи о преступныхъ замыслахъ лондонскихъ пропагандистовъ, въ содѣйствіи имъ къ распространенію въ Россіи запрещенныхъ ихъ лондонскихъ изданій, въ стремленіи распространить на югѣ Россіи, между армянами, противоправительственное движеніе—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ, какъ личность неблагонадежную, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ выслать въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи:

2 и 3) Сужденіе объ отставныхъ надворномъ совѣтникѣ маркизѣ Николаѣ де-Траверсе и кол. регистраторѣ Ничипоренко, за смертью ихъ, прекратить;

4) Отставного поручика князя Павла Трубецкого, братьевъ: 5) отставного поручика Александра и 6) коллежскаго регистратора

Алексѣя Орфано; 7) надворнаго совѣтника Александра Афанасьева: 8) кандидата московскаго университета Алексѣя Козлова; 9) купца Дмитрія Кожанчикова; 10) литератора Максимова; 11) отставного штабсъ-капитана Бѣлозерскаго; 12) отставного штабсъ-капитана Любенкова; 13) отставного коллежскаго ассесора Воронова; 14) дѣйствительнаго студента Николая Потѣхина; 15) дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаевскаго; 16) отставного коллежскаго ассесора Каншина; 17) отставного коллежскаго ассесора Альбертини и 18) коллежскаго секретаря Ивана Тургенева—по настоящему дѣлу освободить отъ суда. А дѣвицѣ Фернклундъ, на просьбу ея о позволеніи ѣхать ей за однимъ изъ подсудимыхъ, Ветошниковымъ, въ ссылку обвѣнчанною его женою, объявить, что предметъ этотъ до разрѣшенія сената не относится и что она съ просьбою своею о семъ должна была своевременно обратиться къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, коему предпишется объ исполненіи имѣющаго состояться о Ветошниковѣ и прочихъ рѣшенія».

Опредѣленіе пошло, какъ и всегда, въ государственный совѣтъ, откуда было возвращено 9 апрѣля 1865 года. Государственный совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сената, «призналъ однакоже возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участіи этого подсудимаго», и потому мнѣніемъ положилъ: «1) участь отставного надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича и коллежскаго секретаря Ветошникова повергнуть монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Е. И. В. высочайше повелѣть подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая на каторжную работу, поселить въ Сибири навсегда; 2) отставного титулярнаго совѣтника Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14 класса Василія Кельсіева и литератора Виктора Касаткина, лишивъ согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената, всѣхъ правъ сотоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства; 3) въ прочемъ утвердить заключеніе сената».

30 марта государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

27 апрѣля приговоръ былъ объявленъ въ собраніи сената при открытыхъ дверяхъ.

«Процессъ 32», или «дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», былъ первымъ крупнымъ по количеству участвовавшихъ въ немъ лицъ процессомъ въ царствованіе Александра II. Центральной фигурой процесса явился Н. А. Серно-Соловьевичъ, и въ его лицѣ административная власть изъяла изъ русской общественности и всего тогдашняго политическаго движенія энергичнаго дѣятеля, который могъ дѣйствительно быть опаснымъ тогдашнему строю—съ одной

стороны, и съ другой, какъ мы то видѣли изъ показанія г. Пантелѣева, тою активною силою, около которой группировались пришедшіе въ движеніе нѣкоторые общественные слои. Всѣ остальные, кого процессъ затронулъ, въ сущности не играли въ тогдашнемъ движеніи какой-либо существенной роли и являлись тѣми второстепенными лицами, которыя всегда имѣются въ наличности при всѣхъ политическихъ движеніяхъ и участіе которыхъ сводится здѣсь по большей части къ выполненію такъ или иначе предначертанныхъ вожаками порученій. Но если арестъ Ветошникова въ кругу этого процесса не далъ особыхъ реальныхъ результатовъ, то въ другомъ отношеніи онъ выгодно сыгралъ на руку тогдашней полицейской власти: она почерпнула здѣсь поводъ къ аресту Н. Г. Чернышевскаго, въ дѣятельности котораго до сихъ поръ не имѣлся случай придиркѣ, въ виду крайней осторожности всего его поведенія.

На Николая Гавриловича Чернышевскаго и въ обществѣ, и въ правительственныхъ кругахъ смотрѣли какъ на властителя тогдашнихъ революціонныхъ думъ, какъ на тайную пружину, которая приводитъ все окружающее въ опредѣленное движеніе, чей духъ чувствуется въ каждомъ проявленіи тогдашней общественной оппозиціи, чей слѣдъ такъ или иначе наблюдается въ каждомъ арестѣ, въ каждомъ нелегальномъ произведеніи. Его статьи, сдержанныя по внѣшней формѣ, какъ будто нѣсколько холодныя, но полныя разъѣдающаго анализа и фактически обоснованныя и построенныя съ логической несокрушимостью, производили на правительство просто устрашающее впечатлѣніе, и самъ Александръ II, въ блескѣ своихъ освободительныхъ начинаній лично не могъ простить публицисту «Современника» его критики реформы по освобожденію крестьянъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ формально къ нему никакъ не удавалось придраться, и таинственность, окружавшая его личность, приводила въ смущеніе и ставила втупикъ какъ его враговъ, такъ и почитателей. Въ то время, какъ въ «Шахматномъ клубѣ», тогдашней штабъ-квартирѣ конспираціи, Н. А. Серно-Соловьевичъ выдавалъ себя головою. Чернышевскій, явно руководившій многими дѣйствіями послѣдняго, оставался непроницаемъ и какъ будто былъ непричастенъ окружающему его политическому движенію.

Но вотъ арестъ Ветошникова даетъ администраціи поводъ къ обыску и аресту этого таинственнаго и опаснаго человѣка. Въ одномъ изъ писемъ Герцена, найденныхъ у Ветошникова, встрѣтилась фраза: «Мы готовы издавать Совр. [1]) здѣсь съ Черныш. [2]) или Женевѣ—печатать предложен е объ этомъ, какъ вы думаете?»

---

[1]) «Современникъ».
[2]) Чернышевскій.

Это-то упоминаніе о «Современникѣ» и Чернышевскомъ и было началомъ печальной жизненной повѣсти Николая Гавриловича. У него произвели обыскъ, захватили всѣ бумаги, арестовали и посадили въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, по сосѣдству съ Писаревымъ, Баллодомъ и другими, которые къ тому времени, какъ мы знаемъ, сюда уже были заключены. Однако разсмотрѣніе взятыхъ у арестованнаго бумагъ не дало слѣдственной комиссіи рѣшительно никакихъ данныхъ къ установленію какой-либо его виновности. Тогда для укрѣпленія позиціи слѣдственной комиссіи сюда была препровождена отъ управляющаго III Отдѣленія, Потапова, слѣдующая записка, гдѣ, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія та точка зрѣнія на писателя, которая установилась среди правящихъ сферъ. Вотъ характеристика Чернышевскаго, сдѣланная Потаповымъ [1]):

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, пріобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и притомъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками; собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему посторонникъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную и велъ ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ, чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, принося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ, 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько передъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность: онъ, все-таки, продолжалъ запирать комнату. Между тѣмъ замѣчено было,

[1]) Мих. Лемке. «Политическіе процессы».

что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и малоразговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ самарскую деревню его. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно,—однимъ словомъ, что правительство уморило его.

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка; когда же потомъ г-жа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу вамъ опять на всякій случай,—можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ—не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ». Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ: онъ сталъ запирать кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шелъ обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ, и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ ментраннажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ,—которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать—и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простого званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное сожженіе бумагъ было повторено. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ: «Что нужно народу» и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу», и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ, въ 8 линію, на подворье къ монахамъ. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, разсказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи будутъ устроены манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими

Н. Г. Чернышевскій.

лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ-то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова; на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскіе матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу. Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партіею Чернышевскаго, Іероглифова, Елисѣева и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентовъ, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него, онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ—и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіи этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями; полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего, извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному».

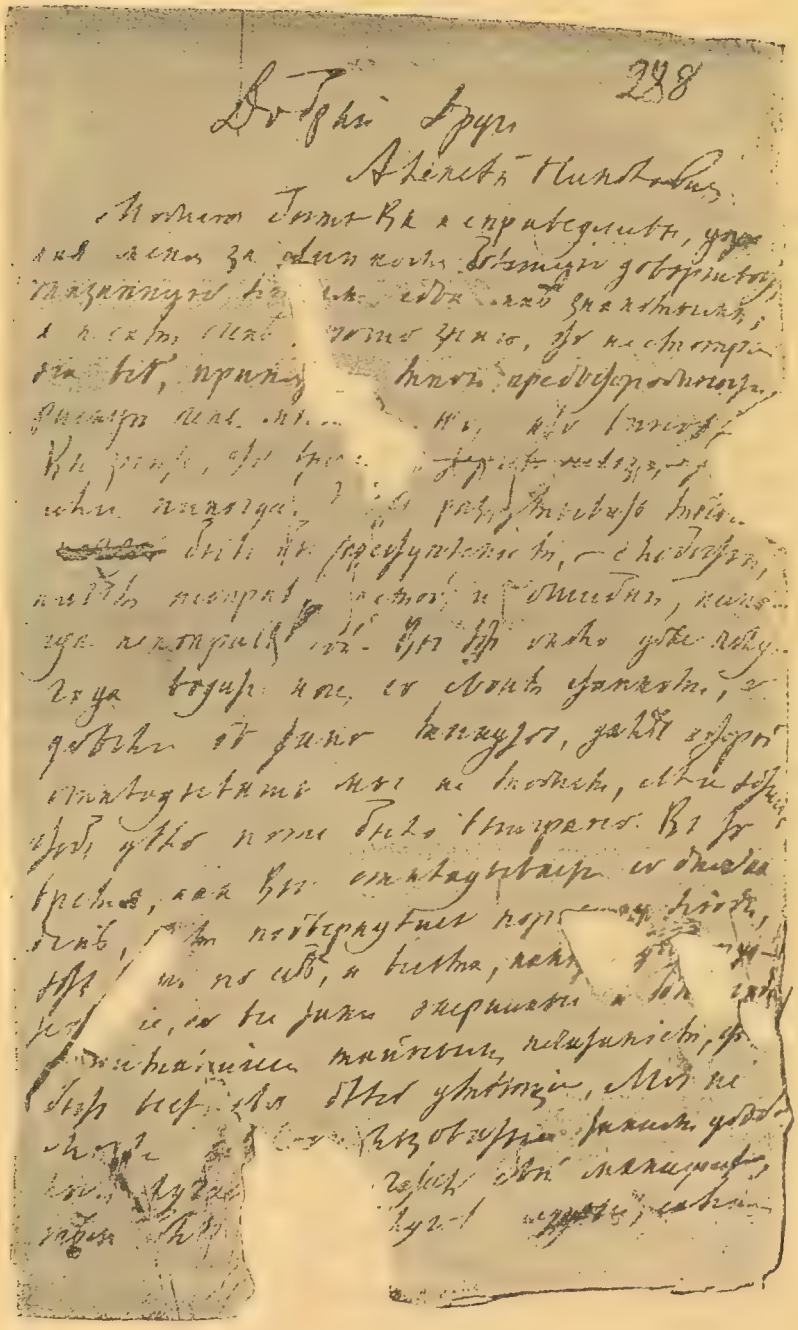
Мы не будемъ исправлять неточности и нѣкоторыя подтасовки, сдѣланныя въ запискѣ. Въ работѣ М. К. Лемке по поводу процесса Чернышевскаго это сдѣлано съ достаточной обстоятельностью, почему интересующихся и отправляемъ къ нему; съ своей же стороны отмѣтимъ, что записка Потапова свое дѣло сдѣлала: она установила въ глазахъ слѣдователей принципіальную, такъ сказать, виновность Чернышевскаго въ полномъ объемѣ его дѣятельности, какъ писателя и гражданина русской земли. Записка била на психологію слѣдователей, и въ этомъ отношеніи ея расчетъ оказался вѣрнымъ. Арестованнаго держали въ крѣпости, около его личности, жизни, дѣятельности производилось дознаніе, онъ былъ лишенъ того, на что онъ по закону имѣлъ право, какъ, напримѣръ, свиданія съ женой, личнаго допроса. Чернышевскій протестовалъ противъ такого къ нему отношенія и, между прочимъ, первый ввелъ въ режимъ арестованныхъ, какъ средство протеста, голодовку, пока не достигъ хоть нѣкоторыхъ результатовъ. Кстати будетъ отмѣтить, что въ теченіе своего заключенія въ крѣпо-

сти онъ не лишенъ былъ возможности продолжать свою литературную работу и между прочимъ именно изъ стѣнъ петропавловской тюрьмы вышелъ его знаменитый романъ «Что дѣлать», надолго сдѣлавшійся своего рода соціальнымъ евангеліемъ для нашей молодежи.

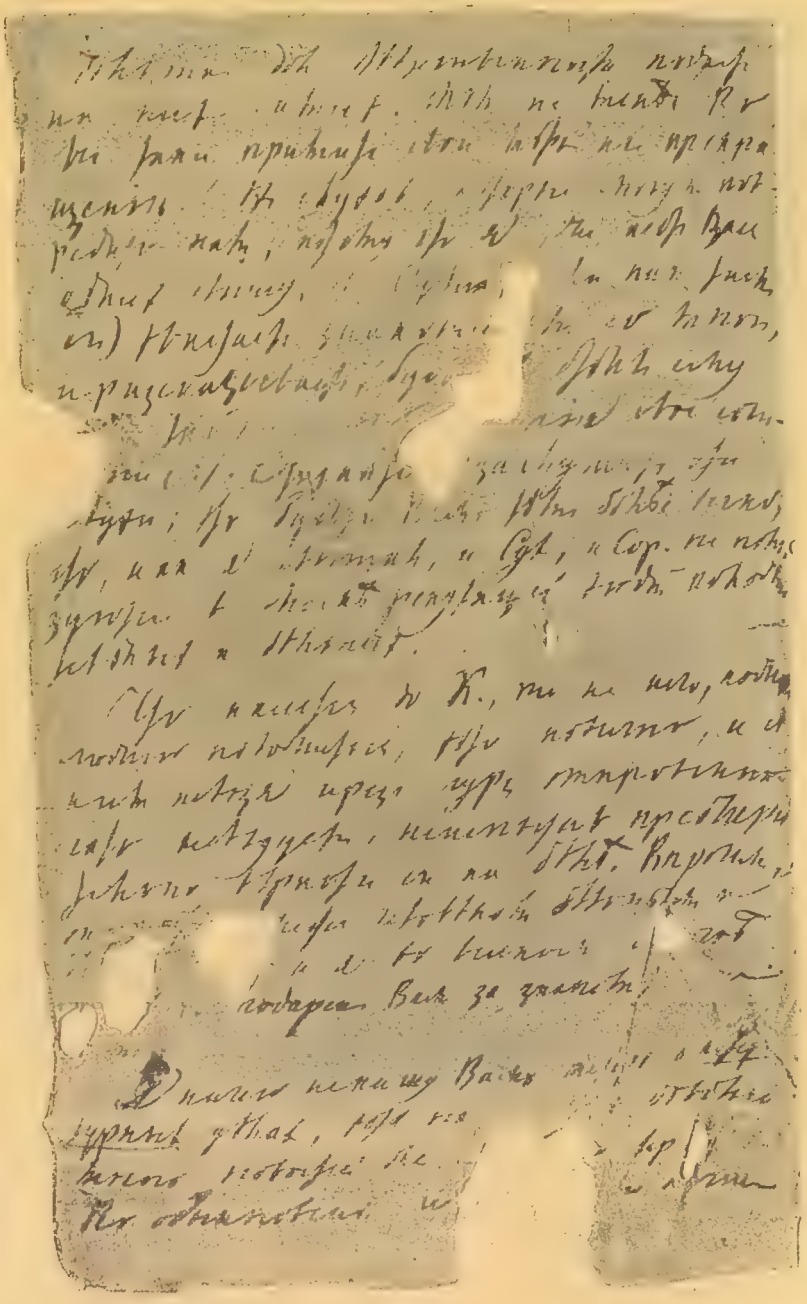
Собранныя слѣдственной комиссіей фактическія данныя противъ Чернышевскаго были слишкомъ ничтожны, а безъ нихъ нельзя было нанести ему рѣшительнаго удара. Скоро эти данныя, однако, появились въ рукахъ комиссіи, и на выручку ей пришелъ Всеволодъ Костомаровъ, о которомъ мы уже упоминали, когда шла рѣчь о московской революціонной молодежи. Онъ-то и явился тѣмъ грознымъ лже-свидѣтелемъ противъ нашего писателя, который и и рѣшилъ его участь. По свидѣтельству всѣхъ занимавшихся дѣломъ Николая Гавриловича [1]), Костомаровъ изъ корыстныхъ цѣлей вошелъ въ соглашеніе съ III Отдѣленіемъ и далъ въ его руки нужные документы, которые сфабриковалъ въ Москвѣ частью лично, частью черезъ нарочито для того подставленныхъ лицъ. Остановившись на пути своей высылки на Кавказъ подъ видомъ болѣзни, онъ написалъ родственнику длиннѣйшее письмо по поводу своей судьбы и постигшей его кары, гдѣ красной нитью по всѣмъ моментамъ своей и своихъ единомышленниковъ дѣятельности провелъ имя Николая Гавриловича, какъ злого генія и его лично, автора письма, и всей Россіи. Главнымъ обвиненіемъ противъ Чернышевскаго имъ выставлялось составленіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», гдѣ высказываемы были революціонныя тенденціи съ призывомъ крестьянъ къ бунту и рѣзнѣ и порученіе со стороны автора прокламаціи напечатать ее въ Москвѣ въ нелегальной типографіи, къ которой самъ Костомаровъ былъ причастенъ. По свидѣтельству Костомарова, на средства именно Чернышевскаго печатались прокламаціи, покупались шрифтъ, печатный станокъ, причемъ Чернышевскій былъ авторомъ не только воззванія къ крестьянамъ, но и къ солдатамъ, и къ старообрядцамъ и т. д.

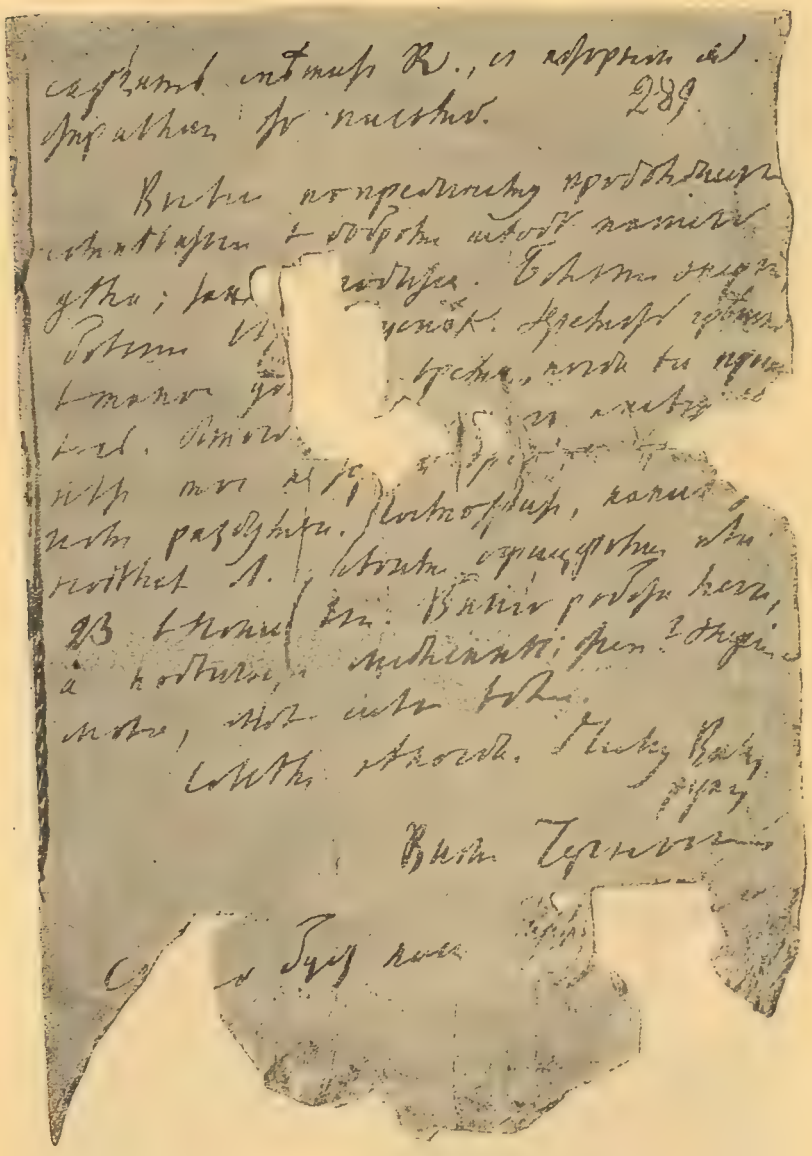
Это письмо по заранѣе составленному плану попало въ руки агентовъ, сопровождавшихъ Костомарова въ ссылку, какъ равно якобы совершенно случайно ими былъ найденъ у него пожелтѣвшій листокъ бумаги, на одной сторонѣ котораго рукой Костомарова были набросаны какіе-то стихи, а на другой почеркомъ, похожимъ на почеркъ Чернышевскаго, нѣсколько словъ, являвшихся поправкою къ прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ». Конечно, весь этотъ московскій матеріалъ попалъ въ распоряженіе слѣдственной комиссіи и на основаніи его начались новые допросы Чернышевскаго. Доказать обоснованность взведенныхъ на него обвиненій не стоило большого труда, и Чернышев-

[1]) Мих. Лемке, Н. Денисюкъ, Л. Пантелѣевъ, Н. Шелгуновъ, А. Фоминъ, А. Корниловъ и др.



Лже-автографъ Н. Г. Чернышевскаго.





скій вполнѣ удачно вышелъ изъ труднаго положенія и тѣмъ болѣе, что, на его счастіе, сотрудники Костомарова и полицейскихъ агентовъ предали ихъ и обнаружили значительную долю той «работы», которая было ими произведена въ Москвѣ въ цѣляхъ очерненія подсудимаго.

Несмотря на это, дѣло Чернышевскаго все же поступило въ сенатъ, и тутъ изъ III Отдѣленія на сцену выдвинутъ былъ новый ловко сфабрикованный документъ въ видѣ неизвѣстнаго дотолѣ письма подсудимаго къ поэту Плещееву, которое въ фотографическомъ снимкѣ въ качествѣ историческаго документа при семъ прилагаемъ. Письмо это также было получено все отъ того-же В. Костомарова. Здѣсь Чернышевскій якобы писалъ:

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть, вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я самъ очень хорошо знаю, что, несмотря на всѣ принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ, но кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ,—слабостью, ничѣмъ не оправдываемой, и ошибкой, никогда не поправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобъ дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все-таки энергичные и болѣе года занимаются тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха самая большая доля отвѣтственности падетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе вы все-таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной и разсказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія свое сочиненіе (?). Старайтесь заглушить эти слухи; это будетъ вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, и Сулинъ и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

«Что касается до К [1]), то на него, кажется, можно положиться, хотя, конечно, и съ нимъ нельзя черезчуръ откровенничать не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ, и я во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу вамъ теперь о литературныхъ дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для васъ небезынтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшитъ К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все попрежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ успѣхѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, больше вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплод-

---

[1]) Т. е. Костомаровъ.

номъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

«Совсѣмъ некогда. Жму вашу руку. Вашъ Н. Чернышевскій.

«Скоро буду писать черезъ К.»

По поводу этого письма г. Лемке говоритъ: «Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно и не требовалось ея, точно сенатъ только и ждалъ письма...

«24 іюля Чернышевскій былъ пригнанъ въ сенатъ, и первоприсутствовавшій Корніолинъ-Пинскій началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: «Oculis, non manibus».

«Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не приминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать «Чернышевскій», то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

«Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: «По сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно».

Юридически противъ Чернышевскаго для его обвиненія не было никакихъ данныхъ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ сдѣланныхъ имъ устно и письменно возраженій; всѣ его доводы въ свою пользу отличаются стройной логичностью, и ни одно сдѣланное во вредъ ему замѣчаніе не осталось имъ безъ опроверженія, и тѣмъ не менѣе сенатъ и государственный совѣтъ рѣшили дѣло не въ его пользу. Послѣ длиннаго мотивированнаго вступленія, не отличающагося ни вѣскостью приведенныхъ фактовъ, ни ловкостью подобранныхъ соображеній, сенатъ въ своей резолюціи возвелъ на Чернышевскаго слѣдующія три обвиненія:

«1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ только приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ, или Женевѣ, и письмо,

найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое, по словамъ его, получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что, дѣйствительно, Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 302 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

«2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто «срочно-обязанные»—«временно-обязанные» (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно написано «срочно-обяз.», и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»; г) показаніе бывшаго подъ судомъ въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ»; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ

подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденныхъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщенъ владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе онаго.

«3. Приготовленіе къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2 ст. 326 и т. X ч. 2 ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкоему Алексѣю Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308 т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности пріобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи «Къ барскимъ крестьянамъ», которое они взялись напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовьѣ).

«Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу правительства. Но, принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени предлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ

изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и соціалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній, въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его запирательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

«Въ своихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

«Рѣшеніе это на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ».

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля, въ такомъ видѣ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». 28 апрѣля Замятнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ.

Чернышевскій погибъ, и далекая Сибирь приняла въ свои объятія человѣка дѣйствительно выдающагося ума и таланта, кратковременная дѣятельность котораго наложила неизгладимый слѣдъ на русскую жизнь...

Никитенко, никогда не сочувствовавшій Чернышевскому, обратился по поводу суроваго, вынесеннаго ему приговора, къ Любощинскому и записалъ въ свой «Дневникъ». «Я спрашивалъ у сенатора Любощинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что

ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральныя убѣжденія противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій показалъ имъ какія-то бумаги III отдѣленія, и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ».

Да, говорили всѣ тогда, говорили долго и послѣ... до послѣдняго времени включительно, когда стало возможнымъ не только говорить, но и писать о томъ. Тогда же, сорокъ пять лѣтъ почти тому назадъ, лишь Герценъ могъ посвятить финалу этого дѣла негодующую статью [1]), закончивъ ее восклицаніемъ по адресу всѣхъ противниковъ и враговъ Чернышевскаго:

«Проклятье вамъ, проклятье—и, если можно, месть!»

X.

Военный заговоръ въ Западномъ краѣ.—Польская фабрикація царской грамоты.—Польское возстаніе 1863 г.—Обращеніе польскихъ революціонеровъ къ редакціи «Колокола».—Отвѣтъ Герцена.—М. Н. Катковъ.—Судъ надъ тринадцатью тверскими дворянами.—Адреса на имя государя императора.—Настроеніе правительственныхъ сферъ.—Настроеніе Александра II.—Адресъ московскаго дворянства.—Сатирическій отвѣтъ Тютчева.—Рескриптъ Валуеву.

Ликвидація революціонныхъ начинаній, замысловъ и организацій, а также изъятіе изъ общественной среды лицъ, считаемыхъ вредными для безопасности существующаго порядка вещей, заняла вниманіе правительственной власти до 1865 года включительно, когда послѣ выстрѣла Каракозова, послѣдовавшаго въ апрѣлѣ 1866 года, борьба крайнихъ общественныхъ элементовъ съ правительствомъ приняла новое направленіе и внутренняя исторія Россіи вступила въ кровавую полосу. Хотя указанная ликвидація производилась чрезвычайно энергично и упорно, тѣмъ не менѣе потокъ оппозиціи продолжалъ все шире захватывать собою интеллигентные круги, втягивая въ свое теченіе самыхъ разнообразныхъ представителей нашей общественности, причемъ учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеніи, а также офицерство являются попрежнему главными глашатаями идеи борьбы за коренное переустройство Россіи и противъ бюрократически-полицейскаго строя.

---

[1]) «Колоколъ», 1864 г., № 186.

Послѣ отмѣченныхъ выше арестовъ и судебныхъ приговоровъ (послѣдними были приговоры надъ Писаревымъ (1864 года) и Серно-Соловьевичемъ (1865 году) въ исторіи революціонныхъ движеній за тотъ періодъ слѣдуетъ отмѣтить военный заговоръ въ Западномъ краѣ и попытку при помощи подложнаго манифеста поднять крестьянство въ предѣлахъ Поволжья. Оба эти эпизода находятся въ непосредственной связи съ польскимъ мятежомъ 1863 года.

Среди офицерства войсковыхъ частей, расквартированныхъ въ царствѣ Польскомъ, издавна бродили революціонныя идеи, что, несомнѣнно, главнымъ образомъ объясняется близостью ихъ въ верхамъ польской народности, непрестанно мечтавшей объ отдѣленіи отъ Россіи и созданіи собственнаго государства, причемъ одни мечтали о республикѣ и славянской федераціи, другіе тяготѣли къ принципу королевской власти. Заговоръ декабристовъ (южное общество) обнаружилъ и реальныя послѣдствія сближенія нашего офицерства съ поляками. Точно также и около 1862 года въ Варшавѣ образовался небольшой кружокъ, въ составъ котораго входили и поляки, и русскіе, по преимуществу военные, поставившіе себѣ задачею пропаганду въ войскѣ съ цѣлью созданія опредѣленной революціонной организаціи ради борьбы съ существующимъ общегосударственнымъ режимомъ. Офицеры — Аргольдтъ, Сливицкій, Каплинскій, Потебня, Фенинъ, Новицкій, Кутузовъ, Ростковскій и рядовой Щура были главными дѣятелями этого кружка, успѣвшаго къ тому времени завязать тѣсныя сношенія съ главарями польскаго революціоннаго движенія Домбровскимъ и Сѣраковскимъ, а также съ представителями революціонныхъ организацій въ Петербургѣ и Москвѣ. На мѣстѣ главныхъ своихъ дѣйствій упомянутые представители войска, по свидѣтельству М. Ю. Ашенбреннера [1]), «постановили организовать другіе кружки въ ближайшихъ войсковыхъ частяхъ и приступить къ пропагандѣ между солдатами, для чего захватить въ свои руки сводную учебную команду стрѣлковой бригады. Въ составъ учебной команды входили, если не ошибаюсь, около 75 молодыхъ солдатъ, которые по окончаніи годового курса возвращались въ свои роты, а составъ учебной команды возобновлялся. При командѣ находилось человѣкъ 12 унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и человѣка 4 офицеровъ-преподавателей! Завѣдывалъ учебной командой Аргольдтъ, его ближайшими помощниками были Сливицкій 2-й и Каплинскій. Пропаганда дала поразительные и неожиданные результаты, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Когда дѣло было въ полномъ развитіи, Аргольдтъ и Сливицкій 2-й напеча-

[1]) М. Ю. Ашенбреннеръ. «Воспоминанія (шестидесятые и семидесятые годы)». «Былое», 1907 г.

тали въ «Колоколѣ» прокламацію къ офицерамъ русской арміи и призывали ихъ къ борьбѣ съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, оканчивая воззваніе словами: «Мы на смерть идущіе, вамъ кланяемся». Старшій братъ Сливицкаго 2-го Сливицкій 1-й (капитанъ) зналъ очень много. Однажды онъ явился къ командиру 4-го стрѣлковаго батальона полковнику Х. и сообщилъ ему, что по долгу службы и присяги онъ сейчасъ же отправится къ намѣстнику и доложитъ ему о военномъ заговорѣ, составленномъ Аргольдтомъ и Сливицкимъ 2-мъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Х., конечно, былъ изумленъ этимъ откровеніемъ, можетъ быть, онъ не повѣрилъ бы доносчику, во всякомъ случаѣ его болѣе поразила необычайная особенность доноса—предательство товарищей и брата. Онъ сталъ умолять Сливицкаго 1-го оставить это намѣреніе. Сливицкій 1-й отвѣтилъ, что по обязанности службы онъ пришелъ только заявить, что идетъ съ доносомъ къ старшему начальнику, и что его намѣреніе непоколебимо. Говорили, что Х., стараясь смягчить его, упалъ на колѣни и со слезами умолялъ его отложить, по крайней мѣрѣ свой доносъ, на нѣсколько часовъ, чтобы дать возможность спастись брату и товарищамъ за границу. Тогда Сливицкій 1-й сталъ угрожать и самому командиру. Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и, увидѣвъ такую небывалую сцену, вообразилъ что командиръ сошелъ съ ума...

«Сливицкій 1-й отправился прямо къ намѣстнику. Намѣстникъ давалъ аудіенцію по опредѣленнымъ днямъ, и Сливицкому 1-му пришлось направиться къ помощнику намѣстника генералу Рамзаю... Аргольдтъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій были арестованы. Кажется, Фенинъ и еще кто-то другой пытались бѣжать за границу, но были остановлены. Одинъ изъ нихъ отравился, другой застрѣлился. Новицкій и Кутузовъ также были арестованы. Ночью объ арестѣ Аргольдта, Сливицкаго 2-го и Каплинскаго узнала учебная команда и, по своему почину, съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскую цитадель, ворвалась туда, обезоружила караулъ и освободила арестованныхъ офицеровъ. Но въ крѣпости ударили тревогу, со всѣхъ сторонъ собрались большія массы войска, Аргольдтъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій, не желая безполезнаго кровопролитія, уговорили команду удалиться, простились съ нею и остались подъ арестомъ. Въ эту же ночь они были перевезены въ Ивангородъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно не причастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ онъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были разстрѣляны Аргольдтъ, Сливицкій 2-й и унтеръ-офицеръ Ростковскій. Каплинскій пошелъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы. Учебная команда была арестована. На допросѣ «съ пристрастіемъ» никто изъ солдатъ не проговорился. Унтеръ-офицеръ Щура умеръ подъ розгами, не сказавъ ни слова. Остальные

ные пошли въ арестантскія роты, за исключеніемъ нѣсколькимъ человѣкъ, переведенныхъ на нестроевыя должности въ отдаленные батальоны».

Сливицкій 1-й, просившій въ награду за сдѣланный доносъ о принятіи его въ гвардейскій полкъ, офицерами гвардіи однако не былъ допущенъ въ ихъ среду. Что же касается ближайшихъ послѣдствій варшавскаго военнаго заговора, то лицомъ пострадавшимъ явился намѣстникъ Лидерсъ, въ котораго Потебня, избѣжавшій ареста, выстрѣлилъ въ Саксонскомъ саду, ранивъ его въ лицо. Весь этотъ эпизодъ, совпавшій съ подготовлявшимися тогда тревожными событіями въ Варшавѣ, создалъ правительству немало затрудненій, почему оно и рѣшилось на крутую расправу съ его участниками. Эта расправа оказала свое дѣйствіе, и въ дальнѣйшемъ мы уже болѣе не встрѣчаемся съ мѣстными военными заговорами, хотя въ періодъ польскаго мятежа на сторонѣ возставшихъ и фактически и платонически и стали нѣкоторые представители русской государственности, какъ гражданской, такъ и военной.

Что касается событій въ Казани, то они уже непосредственно явились дѣломъ рукъ польскихъ агитаторовъ и имѣли своимъ ближайшимъ назначеніемъ отвлеченіе вниманія правительства и военныхъ силъ отъ западной границы къ востоку. Дѣло было задумано широко и въ его осуществленіи мы впервые послѣ долгихъ лѣтъ встрѣчаемъ методъ использованія страстей населенія въ опредѣленномъ направленіи при помощи царскаго манифеста, т. е. тотъ методъ, которымъ въ свое время такъ удачно пользовались и революціонные агитаторы московской Руси и въ особенности Емельянъ Пугачевъ [1]). Отъ имени царя, воля котораго для народа была всегда священною, давались лже-обѣщанія и лже-распоряженія, коимъ сѣрая невѣжественная масса и внимала жадно и покорно, готовая, въ силу экономическихъ и классовыхъ интересовъ, обрушиться на прочія сословія, являвшіяся какъ бы противниками и ослушниками царевой воли. Планъ поляковъ (преимущественно офицеровъ, служившихъ въ казанскомъ военномъ округѣ) былъ слѣдующій. Долженъ былъ быть выпущенъ манифестъ, царская грамота, коимъ: 1) крестьянамъ безвозмездно отдавалась въ собственность вся помѣщичья земля; 2) населеніе получало право избранія уѣздныхъ и губернскихъ властей; 3) подушныя подати и рекрутчина уничтожались; 4) арміи распускались, и солдаты получали надѣлы изъ фонда государственныхъ земель. Населенію приказывалось возстать противъ чиновниковъ, которые бы противодѣйствовали осуществленію этой программы.

---

[1]) Впослѣдствіи и извѣстный революціонеръ Стефановичъ явился сторонникомъ такого способа поднятія населенія противъ помѣщиковъ и правительства и сдѣлалъ даже попытку его использованія. Б. Г.

Играя на такихъ инстинктахъ и идя навстрѣчу всегдашнимъ чаяніямъ массы въ направленіи изложенной программы, агитаторы надѣялись создать серьезное народное движеніе въ районѣ исконныхъ народныхъ русскихъ бунтовъ, т. е. Поволжья, и тѣмъ самымъ доставить, какъ въ годину Пугачева, правительству серьезныя затрудненія, которыя бы помѣшали ему сосредоточить свои силы противъ возставшихъ польскихъ и юго-западныхъ губерній. Кромѣ того въ самой Казани надѣялись поднять возстаніе, для чего предполагали отбить отъ конвоя ожидавшуюся тамъ партію ссыльныхъ поляковъ и вмѣстѣ съ ними, какъ равно съ выпущенными изъ тюрьмы уголовными арестантами, съ частью революціонно-подготовленной молодежи и сотнею лицъ, тоже по преимуществу изъ учащейся молодежи, которые должны были пріѣхать изъ Москвы къ тому времени, организовать вооруженное выступленіе. Намѣчено было напасть на войсковыя казармы, арсеналъ, контору государственнаго банка, завладѣть оружіемъ, боевыми припасами и деньгами, захватить въ свои руки пути сообщенія, какъ водные, такъ и сухопутные въ предѣлахъ бассейновъ Волги и Оки, овладѣть всѣми пароходами этихъ рѣкъ и перебросить черезъ посредство вооруженной флотиліи пламя возстанія на территорію всѣхъ близлежащихъ губерній. Главными дѣятелями, сдѣлавшими уже опредѣленные шаги къ осуществленію изложенной программы и ее разработавшіе, были офицеры: Иванецкій, Мрочекъ, Станевичъ, Маевскій, Госцевичъ, Новицкій, Орловъ, Олехновичъ и др. Однако, въ средѣ заговорщиковъ нашлось лицо, которое донесло правительству о готовившемся возстаніи, почему администраціей своевременно были приняты соотвѣтствующія мѣры къ отобранію у населенія раскидываемыхъ прокламацій-манифестовъ, большая часть агитаторовъ схвачена по путямъ ихъ проѣздовъ, арестованы, судимы полевымъ судомъ и подвергнуты разной степени наказаніямъ: пятеро разстрѣляны, пятеро сосланы въ каторжныя работы, а остальные сосланы въ Сибирь на поселеніе, приговорены къ тюремному сидѣнію и т. д.

Въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1864 г., № 24) все дѣло было опубликовано съ приведеніемъ резолюціи суда, при чемъ правительство не ограничилось простою передачею фактовъ и рѣшенія суда, но сочло долгомъ и дать освѣщеніе событіямъ. Здѣсь между прочимъ читаемъ:

«Подробное изслѣдованіе показало, что всѣ эти дѣйствія суть только различныя проявленія одного и того же преступнаго замысла, иниціатива котораго принадлежитъ почти всецѣло польской партіи. Распространители лже-манифеста, дѣйствовавшіе въ мѣстности, прилегающей къ Окѣ и правому прибрежью Волги, были исключительно поляки. Заговоръ о вооруженномъ возстаніи въ Казани не имѣлъ также никакой другой цѣли, кромѣ поддержанія польскаго мятежа и поощренія вмѣшатель-

ства иностранныхъ державъ; цѣль эту поляки старались замаскировать предъ русскими молодыми людьми, избравъ для переговоровъ съ ними поручика Черняка, хотя уроженца Виленской губерніи, но по вѣрѣ русскаго.

«Такимъ образомъ, какъ ни прискорбны, происшедшія событія, но преобладаніе въ нихъ польскаго элемента не даетъ имъ характера внутренняго движенія и вполнѣ объясняетъ безуспѣшность дерзкихъ попытокъ злоумышленниковъ поколебать въ народѣ его глубокую, безграничную преданность Монарху-Освободителю...

«...Попытка эта (т. е. поднятіе возстанія въ Казани), какъ и всѣ другія, направленныя къ произведенію вооруженнаго возстанія въ краѣ, разбилася о здравый смыслъ народа. Тотъ же здравый смыслъ предохранилъ народъ отъ важныхъ безпорядковъ, какіе могли слѣдовать отъ дѣйствій эмиссаровъ: Новицкаго, Госцевича, Маевскаго и Олехновича, отправленныхъ Кеневичемъ изъ Москвы 22-го апрѣля 1863 г. въ разныя губерніи для распространенія подложнаго манифеста, хотя манифестъ этотъ, данный, будто бы, государемъ императоромъ 31-го марта въ Москвѣ, не отличаясь ничѣмъ, въ типографскомъ отношеніи, равно и по придуманной формѣ редакціи, отъ подлинныхъ печатныхъ манифестовъ, очевидно, былъ разсчитанъ на простоту и легковѣріе народа... Выѣхавъ въ одно время по Нижегородской желѣзной дорогѣ, Новицкій, Госцевичъ, Маевскій и Олехновичъ слѣдовали, не раздѣляясь до Нижняго и отъ Нижняго до Арзамаса, откуда должны были начать подкидывать манифесты по деревнямъ и дорогамъ; изъ Арзамаса Маевскій и Олехновичъ повернули по тамбовскому тракту на Темниковъ и Спасскъ; далѣе путь ихъ лежалъ черезъ Шацкъ на города Рязанской губерніи: Сапожокъ, Ряжскъ, Скопинъ, Тульской: Епифань, Богородицкъ и Тулу; Госцевичъ и Новицкій направились изъ Арзамаса пензенскимъ трактомъ на Саранскъ и Городище; отсюда Госцевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ, а Новицкій черезъ Кузнецкъ (Саратовской губ.) въ Волжскъ, намѣреваясь, тотъ и другой, возвратиться на пароходѣ въ Нижній и оттуда желѣзной дорогой въ Москву. Но ни одному изъ нихъ не удалось кончить своего путешествія; всѣ они были преслѣдуемы полиціей и схвачены: Маевскій и Олехновичъ 26-го апрѣля въ Спасскѣ, Госцевичъ 29-го апрѣля въ Симбирскѣ и Новицкій 30-го апрѣля въ Самарѣ. Хотя по пути слѣдованія этихъ эмиссаровъ впослѣдствіи мѣрами правительства было собрано весьма значительное количество экземпляровъ лже-манифеста, но лишь въ Пензенской губерніи, по поводу ихъ, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были взволнованы, такъ что для водворенія порядка потребовались особыя мѣры. Предоставляемъ каждому оцѣнить по достоинству средства, къ которымъ прибѣгнули польскіе патріоты для достиженія своихъ цѣлей»

Варшавскій эпизодъ и событія въ Казани, какъ видно, находятся въ непосредственной связи съ развитіемъ польскаго возстанія, почему и обратимся къ событіямъ въ царствѣ Польскомъ, касаясь ихъ только въ самыхъ главныхъ чертахъ.

Польскому возстанію 1863 г. было посвящено столько изслѣдованій и статей, что вдаваться здѣсь въ фактическія подробности этого возстанія было бы излишнимъ. Отмѣтимъ лишь, что этотъ вѣковой «споръ славянъ между собою» изъ области вооруженнаго единоборства, гдѣ обѣ стороны представляли собою двѣ совершенно опредѣленныя національныя единицы, гдѣ не могло быть смѣшенія симпа-

тій, гдѣ задачи каждой воюющей стороны были вполнѣ ясны и строго очерчены, съ теченіемъ вѣковъ, съ накопленіемъ въ человѣчествѣ гуманитарныхъ идей, освѣщенныхъ философскими идеями, принимаетъ нѣсколько иное, болѣе сложное освѣщеніе, подъ лучами котораго на глазахъ зрителей происходятъ нѣкоторая эволюція, придающая картинѣ борьбы иной смыслъ и иное значеніе. Русская прогрессивная интеллигенція протягиваетъ руку интеллигенціи польской и въ союзѣ съ нею мнитъ найти подкрѣпленіе въ своей борьбѣ съ роднымъ государственнымъ строемъ, причемъ во имя грядущей ожидаемой побѣды поступается своими національными интересами, интересами территоріальными, т. е. такими сторонами, которыя въ былой борьбѣ предковъ стояли на первой очереди. Врагъ оказывается общимъ и ради сокрушенія его на сцену выступаетъ крайній альтруизмъ, надъ сѣнью котораго расцвѣтаетъ польскій патріотизмъ, т. е. націоналистическій принципъ. Послѣдній горячо привѣтствуется ихъ русскими союзниками, именно только что отказавшимися въ своей программѣ дѣйствій отъ такого же принципа въ примѣненіи къ своей родинѣ. Польша признается страною несправедливо обиженною, незаконно лишенною тѣхъ государственныхъ установленій, введеніе которыхъ въ Россіи является пламенною мечтою. Поляки тонко пользуются настроеніееъ союзниковъ, поддерживаютъ всяческими средствами ихъ пламень, но сами ограничиваютъ свою дѣятельность исключительно предѣлами своей націоналистической задачи. Въ декабрьскіе дни 1825 г. они уклонились отъ фактическаго союза съ политическими романтиками Сенатской площади, предоставивъ ихъ собственной участи; но въ дальнѣйшей своей программѣ дѣйствій польскій элементъ, вливаясь въ русскую стихію, игралъ главнымъ образомъ роль состава разложенія, который настойчиво подтачивалъ силу правительственной власти. Во многихъ случаяхъ, когда оппозиція выдвигалась организованною силою, мы видимъ въ ней дѣятельную руку поляковъ, которые въ данномъ случаѣ преслѣдуютъ не идейную и ближайшую цѣль, ради которой эта оппозиція организуется, а исключительно свою домашнюю, польскую, идеаломъ которой была свободная Польша, отдѣленная отъ Россіи, расширенная въ своихъ границахъ юго-западными губерніями, Польша «отъ моря и до моря». Демократическіе принципы равенства и братства сословій, которыми всегда увлекались русскіе энтузіасты, далеко не часто являлись членами польскаго символа вѣры. Они подогрѣвали эти вѣрованія у своихъ союзниковъ, а для своего домашняго обихода придерживались сплошь и рядомъ иныхъ взглядовъ. И тѣмъ не менѣе союзъ русскихъ демократовъ и польскихъ политическихъ дѣятелей всяческихъ мастей и категорій оставался крѣпокъ. Русскіе въ этомъ союзѣ были всегда гораздо болѣе альтруистичны и откровенны, поляки—болѣе эго-

истичны и скрытны. Обаяніе Герцена и его слава были имъ принесены въ жертву исключительно польской идеи, а много ли было сдѣлано во имя его памяти тѣми, ради которыхъ онъ принесъ въ жертву свое перо?

Севастопольскій разгромъ и несчастный для насъ Парижскій миръ окрылили надеждами поляковъ на возможность воспользоваться ослабленіемъ Россіи ради достиженія завѣтныхъ мечтаній о польскомъ королевствѣ съ присоединеніемъ къ нему литовскихъ и украинскихъ областей. Формула этого соединенія толковалась партіями—крайней (красной) и умѣренной (бѣлой) разно: одни мечтали о демократической федераціи, другіе о постепенномъ сліяніи областей съ преимуществами въ пользу польской народности. Крайніе готовы были на поднятіе возстанія чуть ли не вслѣдъ за крымскимъ разгромомъ, умѣренные предпочитатели политику постепенности, допускали даже извѣстные компромиссы съ русскою властью, но главнымъ образомъ сосредоточивали свое вниманіе на территоріальномъ расширеніи польскаго государственнаго начала. Велепольскій, назначенный начальникомъ гражданскаго управленія, пользовавшійся вліяніемъ и довѣріемъ въ Петербургѣ, успѣлъ въ первые годы царствованія Александра II провести немало реформъ, о конхъ когда-то поляки тщетно мечтали, но онъ оказался человѣкомъ неуступчивымъ въ крестьянскомъ вопросѣ, намѣчая его разрѣшеніе въ сословно-дворянскомъ направленіи. Въ результатѣ своей политики компромиссовъ и упорства Велепольскій потерялъ всякое вліяніе и очутился въ изолированномъ положеніи. Л. Кульчицкій (Мазовецкій) въ своей книгѣ «Исторія русскаго революціоннаго движенія» [1]) обрисовываетъ положеніе дѣлъ такъ:

«Въ польскомъ обществѣ Велепольскій очутился въ совершенномъ одиночествѣ, какъ вслѣдствіе непринятія его программы ни «бѣлыми», ни «красными», такъ и въ виду своей полной непопулярности. Партія революціоннаго движенія, искавшая выхода въ возстаніи, считала всѣ реформы маркиза вредными, ибо онѣ якобы ослабляли антагонизмъ между Польшей и Россіей и могли отвлечь поляковъ отъ стремленій къ поднятію вооруженнаго возстанія; впрочемъ, они плохо вѣрили, что русское правительство исполнитъ принятыя на себя обязательства и сохранитъ эти реформы. Умѣренная же партія, боясь вооруженнаго выступленія, въ виду опасности не только со стороны русскаго правительства, но и со стороны польскихъ народныхъ массъ, была недовольна также тѣмъ, что Велепольскій политическую часть польскаго

[1]) Л. Кульчицкій. «Исторія русскаго революціоннаго движенія» (съ портретами русскихъ революціонныхъ дѣятелей). Переводъ съ рукописи, переработанной авторомъ для русскаго изданія, Л. Б—скаго.

вопроса ставитъ слишкомъ опредѣленно, т. е. заранѣе отказывается отъ извѣстныхъ требованій, напр. — присоединенія къ царству Польскому Литвы и Малороссіи. По мнѣнію «бѣлыхъ», слѣдуетъ воздержаться отъ вооруженнаго выступленія, и правительственныя реформы, поскольку онѣ имѣютъ положительное значеніе принять, но ни отъ чего въ будущемъ не отказываться. Это была безплодная и наивная политика, но нравившаяся людямъ воспитаннымъ на фразахъ, слѣпо преданнымъ традиціи и лишеннымъ всякаго политическаго чутья. Они не понимали, что, отказывая въ поддержкѣ Велепольскому, они роковымъ образомъ ведутъ народъ къ возстанію.

«Между тѣмъ революціонная организація дѣлала значительные успѣхи и представляла собой въ нѣкоторомъ родѣ шедевръ; она охватила всю страну и, несмотря на сильныя внѣшнія тренія и даже перевороты въ составѣ центральнаго комитета, внѣшнимъ образомъ являлась импонирующей силой.

«Имѣя въ своей средѣ значительное число лицъ, организація не могла совершенно уберечься отъ элементовъ, не всегда соотвѣтственныхъ; въ общемъ. однако, можно смѣло сказать, что въ ней сосредоточились, особенно до начала возстанія, люди наиболѣе энергичные и способные, представлявшіе собой большую нравственную величину. Но ни утонченно-цѣлесообразная система революціонной организаціи, ни безграничная преданность ея членовъ дѣлу, ни энергія и самопожертвованіе не могли, разумѣется, возмѣстить отсутствія крупной матеріальной силы, необходимой для достиженія цѣлей повстанческаго движенія, которое такимъ образомъ было заранѣе обречено на гибель. Современные его руководители переоцѣнивали силы своего народа, какъ равно и русскаго революціоннаго движенія, и совершенно ошибочно полагались на международное вмѣшательство. Восторженный подъемъ сдѣлалъ ихъ совершенно неспособными къ спокойному и глубокому обсужденію политическаго положенія. Правда, они не желали, чтобы возстаніе вспыхнуло тотчасъ же, такъ какъ необходима была основательная подготовка, но не сознавали, что самыя обширныя и наилучше задуманныя приготовленія не устранятъ неравенства польскихъ и русскихъ силъ».

Партія, стоявшая за возстаніе, рѣшила войти въ соглашеніе съ представителями русскаго революціоннаго теченія. Съ этою цѣлью Падлевскій и Гиллеръ отправились съ письмомъ центральнаго комитета въ Лондонъ, чтобы начать переговоры съ Герценемъ, Огаревымъ и Бакунинымъ. Въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ «Колоколѣ»[1]), центральный комитетъ, ставшій во главѣ организуемаго возстанія, объявилъ на первомъ планѣ, что Польша

[1]) «Колоколъ», 1862 г., № 146.

возстаетъ теперь, опираясь на признаніе права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полной самоправности всякаго народа располагать своей судьбой. Далѣе отмѣчалась разница, существующая относительно крестьянскаго дѣла въ Россіи и Польшѣ: «русское движеніе земское, наше—національное. Въ Россіи соціальное движеніе разовьетъ политическую свободу; у насъ реорганизація общества можетъ быть только послѣдствіемъ освобожденія и возстановленія нашего края». Вторая часть письма охватывала собою самый жгучій вопросъ. Здѣсь мы читаемъ:

«Мы были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали, не могли и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ[1]), безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ.

«Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши на прежнихъ ея границахъ, оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т. е. Литвинамъ и Русинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ. Въ настоящихъ же нашихъ приготовительныхъ дѣйствіяхъ мы почитаемъ нашею святѣйшею обязанностью употребить всѣ усилія для того, чтобы Литва и Украйна шли параллельно съ Польшею и чтобы народное возстаніе одновременно охватило всѣ части угнетенной родины нашей.

«Высказавъ нашъ образъ мыслей въ нашей программѣ, мы высказываемъ его и теперь откровенно, искренно, безъ всякой задней мысли, и повторяемъ, что мы даемъ полное удостовѣреніе въ нашемъ уваженіи къ полноправности народовъ, соединенныхъ съ Польшею и страдавшихъ вмѣстѣ съ нею. Требовать отъ насъ, чтобы мы, находясь подъ гнетомъ нашихъ враговъ, не имѣя свободы и возможности распоряжаться собою, отреклись отъ союза, который существуетъ и въ настоящее время, несмотря на раздѣлы; требовать отъ насъ, чтобы мы, на основаніи правъ, которыя мы признаемъ у другихъ народовъ, не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ—значитъ требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ.

«Изложивъ вамъ, какъ представителямъ свободной русской мысли, начала, на которыхъ призываемъ нашу родину къ великой борьбѣ, мы увѣрены, что братскій союзъ между русскими и поляками, на нашей польской землѣ, дастъ равно новую силу обоимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся освобождающіеся народы».

Подъ такимъ демократическимъ флагомъ вступили польскіе революціонеры въ свои переговоры съ вліятельными руководителями «Колокола», и не было никакого сомнѣнія, что ихъ обращеніе будетъ встрѣчено Герценомъ съ полнымъ сочувствіемъ. Знаменитый эмигрантъ уже давно подготовлялъ русское общество

[1]) Т. е. малороссовъ.

въ отношеніи сочувствія полякамъ, съ пріѣздомъ же къ нему Бакунина и со вступленіемъ его въ составъ редакціи «Колокола» статьи газеты по польскому вопросу принимаютъ крайне страстный и зажигательный характеръ.

Издатели «Колокола» отвѣтили центральному комитету въ слѣдующемъ № своего изданія [1]) такимъ письмомъ:

«Милостивые Государи!

«Письмо ваше къ намъ, помѣщенное въ прошломъ листѣ «Колокола», отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопеѣ польской борьбы за независимость. Начала, на которыхъ вы призываете народъ польскій къ возстанію, такъ широки и современны, такъ ясно высказаны вами, что мы не сомнѣваемся въ глубокомъ дѣятельномъ сочувствіи, которое возбудятъ ваши слова во всѣхъ русскихъ, желающихъ свергнуть съ себя устарѣлое и оскорбительное иго правительственной опеки.

«Что касается до насъ, намъ легко съ Вами итти; вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбой.

«Это наши основы, это наши догматы, наши знамена.

«Съ радостью передали мы ваши слова нашимъ соотечественникамъ и, благодаря васъ отъ всего сердца за то, что вы избрали насъ посредниками вашего сближенія съ русскими, мы не можемъ ничѣмъ достойнѣе отвѣчать вамъ, какъ печатая прилагаемое письмо къ русскимъ офицерамъ, стоящимъ въ Польшѣ. Письмо это отвѣтъ; мы медлили цѣлые мѣсяцы, и очень рады, что медлили,—вы дали намъ «возможность утвердительно сказать, что намъ извѣстны ваши понятія о краеугольныхъ началахъ народнаго дѣла вашего.

«Во имя ихъ да воздвигнется Польша, независимая, искушенная въ несчастіяхъ, окрѣпнувшая въ бою—да воздвигнется она безсословная, отбросивъ средневѣковые доспѣхи, безъ кольчуги и аристократическаго щита, пусть она явится славянскимъ поюнѣвшимъ атлетомъ, подающимъ одну руку—бѣдному хлопу, а другую—равноправному сосѣду.

«Во имя ихъ примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизмѣнную въ убѣжденіяхъ; мы ее подадимъ вамъ какъ русскіе, мы любимъ народъ нашъ, мы вѣруемъ въ него и его будущность, и именно потому подаемъ вамъ ее на дѣло справедливости и свободы».

Въ помѣщенномъ вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ письмѣ къ русскимъ офицерамъ между прочимъ совѣтовалось имъ:

«...Итти подъ судъ, въ арестанскія роты, быть разстрѣленнымъ, какъ Сливицкій, Аргольдтъ и Ростовскій, быть поднятымъ на штыки, какъ грозилъ вашъ дикій кондотьеръ Хрулевъ, но не поднимать оружія противъ поляковъ, противъ людей, отыскивающихъ совершенно справедливо свою независимость. Поддерживать силою оружія правительство, составляющее польское и наше несчастіе, вамъ невозможно, не совершивъ сознательныхъ преступленій или не унизившись до степени безсознательныхъ палачей. Дисциплина не обязательна тамъ,

[1]) «Колоколъ», 1862 г., № 147.

гдѣ она зоветъ на злодѣйство,—не вѣрьте этой религіи рабства, на ней основаны величайшія бѣдствія народовъ. Не подымать оружіе противъ поляковъ заставляетъ васъ совѣсть, уваженіе къ правотѣ ихъ дѣла, къ достоинству человѣка и, наконецъ, уваженіе къ нашему русскому земскому дѣлу.

«Нельзя начинать эту свободу въ своей родинѣ, затягивая веревку на шеѣ сосѣда; нельзя себѣ требовать правъ и тѣснить во имя матеріальной силы и политическихъ фантазій другой народъ. На этихъ властолюбивыхъ притязаніяхъ, на развитіи грубыхъ страстей стяжанія и захватыванія держались и держатся уродства военныхъ лагерей, заслоняющихъ мнимымъ величіемъ и побѣдоносными знаменами внутреннее неустройство и безвыходное рабство подданныхъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ № 151 «Колокола» появилось сильно написанное новое письмо:

«Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Полыпѣ», гдѣ говорилось, что мѣстные офицеры рѣшили «не опозорить русскаго имени продолженіемъ грѣховъ петербургскаго императорства; лучше падемъ жертвою очищенія, жертвою искупленія». Далѣе совѣтовалось составлять тайные военные комитеты, распропагандировать солдатъ, пріобщать ихъ въ составъ комитета и за симъ —

«Когда вы составите крѣпкіе кружки или комитеты, единодушно съ солдатами, войдемъ въ сношеніе и сомкнемся духомъ и дѣломъ во едино.

«Отъ Петербурга и Бессарабіи, отъ Урала и Дона, отъ Черноморья и Кавкава—пойдемъ спокойнымъ строемъ черезъ всю землю русскую, не допуская ненужнаго кровопролитія, давая народу свободно учреждаться въ волости и области и клича на земскій соборъ людей, выбранныхъ отъ всей земли русской для общаго союза и разумнаго устройства.

«Мы не самолюбивы. Мы не ставили себя центральнымъ комитетомъ. Пусть нами и вами руководятъ самые способные. Назовите ихъ, и мы пойдемъ за ними.

«Но торопитесь, время дорого.

«Если же судьба рѣшитъ, что мы прежде васъ должны будемъ отказаться отъ палачества и примкнуть къ дѣлу свободы, то завѣтъ настоящей воли народной, принятый нами отъ Пестелей и Рылѣевыхъ, мы передаемъ вамъ.

«Товарищи! Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся.

«Отъ васъ зависитъ, чтобъ это была не смерть, а жизнь новая!»

Такова была подготовительная агитація среди войсковыхъ частей на пользу поляковъ, которую пропагандировали издатели «Колокола», но... исторія совершила свой кругъ: возстаніе вспыхнуло, раздались выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ, кровь пролилась, и Герценъ, точно предвидя печальный для поляковъ исходъ, посвятилъ началу кровавыхъ событій одну изъ своихъ лучшихъ лирическихъ статей, которая была между прочимъ и своего рода лебединою пѣснею его политическаго вліянія и популярности въ Россіи. Съ этого момента начинается затменіе его славы; онъ встрѣчаетъ сильный отпоръ, и навстрѣчу его рѣчамъ полилась съ Страстного бульвара громкая и сильная рѣчь другого публициста, который на

борьбѣ съ руководителемъ «Колокола» и создаетъ свою извѣстность. Публицистъ этотъ былъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, еще недавній западникъ-англоманъ и поклонникъ парламентаризма, которому судьба уготовила занять впослѣдствіи въ русской печати исключительное положеніе по силѣ своего вліянія на административныя сферы. Польскій вопросъ и борьба съ Герценомъ были тою волною, которая подняла его вверхъ, преобразила его публицистическій ликъ и сконцентрировала около его имени и выкинутаго имъ патріотическаго знамени національное чувство большинства соотечественниковъ.

Вотъ эта лирическая статья Герцена [1]):

«Туча, которую мы указывали тогда, разразилась!

«Возстаніе зажглось, горитъ и разспространяется въ Польшѣ. Что сдѣлаютъ петербургскія пожарныя команды?.. Зальютъ его кровью—или нѣтъ?.. Да и тушитъ ли кровь?

«Неужели этому царствованію, которое такъ легко могло бы быть кроткимъ, человѣчественнымъ, суждено заступать глубже и глубже въ кровь? Кровью не вездѣ можно перейти въ бродъ...

«Возстаніе это всѣ предвидѣли, оно не могло не быть при безобразномъ полицейскомъ наборѣ; объ немъ предупреждали и мы, и десять другихъ журналовъ; были даже люди, которые предупреждали великаго князя и государя,—они не хотѣли отстраненія возстанія, они избрали кровь!

«Ну, Константинъ Николаевичъ! Какъ вы сладите съ вашей совѣстью? Ужъ не ѣхать ли куда-нибудь на горькія или кислыя воды? Зачѣмъ, Бога ради, зачѣмъ вы пріѣзжали въ Польшу? Кто этотъ личный врагъ вашъ, который вамъ далъ эту несчастную мысль?

«И вы, маркизъ, не даромъ старались ваше длинное имя записать въ польскую исторію! Выскоблить его оттуда будетъ трудно—потому что торжественно хороша страница, въ которую оно попало кровавымъ пятномъ—одна изъ лучшихъ въ хроникѣ вашего отечества.

«Въ самомъ дѣлѣ, что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за неизлагаемая любовь! Въ виду цѣлаго войска, двухъ, трехъ войскъ, съ злѣйшими врагами за спиною, открыто поднять знамя возстанія и, бросая перчатку дикому самовластью, громко сказать: «Довольно! Мы не хотимъ больше терпѣть. Ступай вонъ, или клюй ворономъ наши трупы!»

«Да, поляки, братья, погибнете ли вы въ вашихъ дремучихъ Мицкевическихъ лѣсахъ, воротитесь ли свободными въ свободную Варшаву, міръ равно не можетъ вамъ отказать въ удивленіи. Начинаете ли вы новую эру независимости и развитія, заключаете ли вашей смертью вѣковую, безпрерывную борьбу—вы велики. Во всемъ благословенна родина ваша; она, въ своемъ терновомъ вѣнцѣ, можетъ гордиться сыновьями. Въ васъ благородно, изящно сочетались два великихъ наслѣдства двухъ великихъ покойниковъ; все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всѣмъ доблестнымъ и могучимъ древне-римскаго гражданина.

«Хвала вамъ!

«...И когда мы, возлѣ васъ, идущихъ на смерть, на каторгу, представляемъ себѣ бѣднаго русскаго воина, мы готовы рыдать, какъ дѣти.

---

[1]) «Колоколъ», 1863 г., № 155.

Онъ долженъ краснѣть своихъ побѣдъ и бояться своихъ успѣховъ. Его положеніе страшно, быть палачемъ людей, вызванныхъ на возстаніе, или итти противъ своихъ—гдѣ тутъ воля выбора?

«Горе властямъ, какъ искушающимъ, такъ и бросающимъ смятеніе въ душу, насильственно разсѣкая совѣсть и противопоставляя одинъ долгъ другому, одну любовь другой... Святыню самобытной совѣсти и нравственнаго права личности—святынѣ родовой связи, преданія, крови.

М. Н. Катковъ.

Нѣтъ, это не народная война—это полицейское усмиреніе войсками: это тѣ ружья, которыя стрѣляли въ Бездинѣ, это тѣ приклады, которыми били петербургскихъ студентовъ, это тѣ штыки, которыми завтра будутъ колоть крестьянина русскаго, по командѣ тѣхъ же русскихъ нѣмцевъ, за то, что онъ хочетъ съ волей земли.

«Большое несчастіе, что польское возстаніе пришло рано; многіе, и мы въ томъ числѣ, дѣлали все нашими слабыми силами возможное, чтобы задержать его... Велепольскій и его Телемаки рѣшили иначе... Передъ совершающимися событіями—смиреніе, а не судъ: иныя силы, не сила слова рѣшаетъ вопросъ.

— «Что сдѣлаетъ Европа? Она не допуститъ! Допуститъ ли она еще разъ?»

Допуститъ.

Она устами другого монарха обезпечитъ, «что національность польская не погибнетъ», и успокоитъ народное сочувствіе извѣстіемъ съ трибуны, «что порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ».

Въ Англіи будутъ ненужные, безсильные, но очень великодушные митинги, и одна Германія приметъ искреннее участіе своей радостью— что славяне, во всякомъ случаѣ, будутъ бить славянъ.

Пророчество Герцена сбылось почти дословно, и его пламенная агитація среди европейскихъ народовъ въ пользу поляковъ реальныхъ результатовъ положительнаго характера имъ не принесла. Европа встрѣтила спокойно рѣшительный отпоръ русскаго правительства и отступила передъ твердымъ словомъ послѣдняго.

Попытки поляковъ «отвлечь» силы русскаго правительства успѣха не имѣли и, при всей растерянности его на первыхъ порахъ возстанія, оно, несмотря на очень трудныя, переживаемыя имъ въ тѣ годы затрудненія внутренняго характера, въ концѣ концовъ подавило мятежъ вооруженною силою. Вотъ какъ излагаетъ ходъ событій польскій историкъ, слова котораго и приводимъ здѣсь, ради «безпристрастія», несмотря на наше несогласіе съ нимъ въ освѣщеніи нѣкоторыхъ моментовъ событій и въ нѣкоторыхъ выводахъ, имъ сдѣланныхъ. Г. Кульчицкій повѣствуетъ [1]):

«Польское возстаніе вспыхнуло въ ночь съ 22 на 23 января 1863 года. Рекрутскій наборъ, объявленный Велепольскимъ, ускорилъ его начало. Но можно смѣло сказать, что вооруженное выступленіе совершилось бы во всякомъ случаѣ, если не черезъ полгода, то черезъ годъ. Настроеніе польскихъ революціонеровъ сдѣлало возстаніе неизбѣжнымъ.

«Партія возстанія имѣла во главѣ беззавѣтно преданныхъ дѣлу, чрезвычайно энергичныхъ, избранныхъ заговорщиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, лишенныхъ всякаго политическаго чутья, строящихъ свои расчеты не на добросовѣстномъ и всестороннемъ анализѣ фактовъ, но на страстныхъ порывахъ чувства, которое и создавало вѣру въ успѣхъ борьбы.

«Когда рекрутскій наборъ былъ объявленъ, руководители движенія рѣшили начать возстаніе, хотя и не были къ нему подготовлены. Гражданская организація была прекрасна, но военная— крайне слаба и полна недостатковъ. Въ странѣ совершенно не хватало оружія, повстанческіе отряды плачевно малочисленны.

«Народовое правительство выпустило въ моментъ начала возстанія манифестъ, въ которомъ начертало крестьянскую реформу, какую оно рѣшило провести: крестьяне, пользующіеся на чинше-

[1]) Л. Кульчицкій. «Исторія русскаго революціоннаго движенія».

вомъ правѣ или на барщинѣ [1]) помѣщичьей землей, получатъ ее въ собственность; безземельные крестьяне, стало быть тѣ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе не пользовались господской землей и были разнаго рода батраками, но принимаютъ нынѣ участіе въ возстаніи, получатъ также земельные участки въ собственность; помѣщиковъ страна вознаградитъ изъ государственныхъ средствъ.

«Народовое правительство предписало ксендзамъ манифестъ о надѣленіи крестьянъ землей оглашать съ амвона, повстанческимъ отрядамъ приводить его въ исполненіе. Дѣйствительно, этотъ декретъ въ точности исполнялся гражданскими и военными властями повстанцевъ въ тѣхъ мѣстахъ страны, гдѣ въ ихъ рукахъ находилась фактическая сила.

«Русское правительство—какъ это уже теперь съ несомнѣнностью доказано—могло подавить возстаніе въ зародышѣ. Въ царствѣ Польскомъ находилось около 100.000 вполнѣ снаряженнаго русскаго войска. Этой крупной силѣ повстанцы могли противопоставить первоначально нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ людей. Крѣпости находились въ рукахъ русскаго правительства. Перевѣсъ, слѣдовательно, находился всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Оно также было прекрасно освѣдомлено о готовящемся возстаніи. Въ Петербургѣ съ нимъ даже считались. Между тѣмъ власти въ царствѣ Польскомъ послѣ открытія повстанческихъ дѣйствій вели себя до крайности безтолково и отдавали распоряженія столь странныя, что могли возбудить подозрѣніе въ желаніи способствовать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, распространенію повстанческаго движенія.

«Въ чемъ же заключалась причина такого поведенія русскихъ властей въ царствѣ Польскомъ? Историки 1863 и 1864 гг. высказываются различно. Одни полагаютъ, что власти хотѣли подавить движеніе лишь послѣ его распространенія, чтобы такимъ образомъ нанести польскому народу ударъ болѣе жестокій и чувствительный, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ; другіе,—что варшавскія власти переоцѣнивали силы движенія; наконецъ, нѣкоторые подозрѣваютъ великаго князя Константина въ честолюбивыхъ замыслахъ.

«Прусское правительство тотчасъ же предложило въ Петербургѣ и Варшавѣ свою помощь, къ чему центральныя власти отнеслись благосклонно, варшавскія же—иронически. Однако и петербургское правительство въ ближайшее время не имѣло въ виду воспользоваться содѣйствіемъ услужливаго сосѣда.

«Уже въ первые мѣсяцы возстанія стало очевиднымъ, что оно не удастся. Крестьяне сочувствовали ему лишь отчасти, силы исчерпывались, оружія и денегъ не было.

---

[1]) Крѣпостное право было уничтожено еще при герцогствѣ Варшавскомъ въ 1807 году, крестьяне были признаны «вольными», но земля осталась помѣщичьей.
Б. Г.

«Сначала партія «бѣлыхъ» не принимала участія въ движеніи, и только когда имъ удалось склонить Наполеона III къ представленію русскому правительству ноты въ защиту поляковъ, они присоединились къ возстанію. Отсюда въ слѣдующемъ періодѣ возстанія замѣтенъ нѣкоторый подъемъ польскихъ силъ; ряды повстанцевъ заполняются новыми людьми, шляхта, часть аристократіи и буржуазіи не скупятся на щедрыя пожертвованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду руководителей возстанія начинаютъ проникать люди, настроенные консервативно, опасающіеся движенія народныхъ массъ и относящіеся безразлично къ требованію декрета народоваго правительства о надѣленіи крестьянъ землей. Крестьяне, благодаря первоначальнымъ успѣшнымъ дѣйствіямъ, стали въ болѣе замѣтномъ количествѣ заполнять повстанческіе ряды только къ концу 1863 и началу 1864 г., когда военныя власти повстанцевъ уже не въ силахъ были доставить добровольцамъ въ достаточномъ количествѣ оружіе.

«Какъ передъ началомъ возстанія, такъ и послѣ, среди руководителей происходитъ борьба за направленіе и форму движенія и власть.

«Изъ царства Польскаго возстаніе перекинулось въ Литву и Бѣлоруссію. Въ Жмудзи (Ковенская губ.) оно приняло сравнительно крупные размѣры, что объясняется многочисленнымъ участіемъ въ немъ ксендзовъ и его католической окраской, ибо жмудскіе крестьяне—усердные католики. Въ Бѣлоруссіи движеніе въ общемъ осуществлялось слабо, за исключеніемъ Гродненской губерніи, гдѣ имѣется нѣсколько совершенно польскихъ уѣздовъ и нѣкоторые уѣзды польскіе по преимуществу.

«Страшное разочарованіе ожидало повстанцевъ на Волыни, Подоліи и Украйнѣ; крестьяне хватали тамъ польскихъ революціонеровъ и отдавали ихъ въ руки русскихъ властей, подчасъ убивали схваченныхъ, подвергая ихъ предварительно истязаніямъ и пыткамъ.

«Для всѣхъ трезво смотрѣвшихъ на вещи стало очевидно, что требованіе возстановленія исторической Польши является погубной мечтой.

«Дипломатическое вмѣшательство Англіи и Франціи разбилось о безразличіе Австріи и враждебность къ полякамъ Пруссіи. Ни одна изъ державъ не предприняла соотвѣтственныхъ шаговъ съ оружіемъ въ рукахъ. Русское правительство, сначала встревоженное движеніемъ [1]), постепенно почувствовало почву подъ ногами. Князь Горчаковъ отвѣтилъ западнымъ державамъ весьма надменно, что русско-польское столкновеніе является внутреннимъ дѣломъ Россіи, въ которое она никому не позволитъ вмѣшиваться.

---

[1]) Императрица Марія Александровна на прощальной аудіенціи Муравьеву, отправлявшемуся въ Литву, выразила желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ эта область осталась за Россіей,—стало быть, наверху допускали возможность потерять царство Польское. Б. Г.

«Польское возстаніе вызвало реакцію въ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ потому, что предъявило притязанія на Литву и Малороссію. Не только консерваторы, но и громадное большинство либеральныхъ элементовъ высказалось въ борьбѣ съ поляками въ пользу правительства.

«И правительство съ удвоенной энергіей и жестокостью подавляло возстаніе, которое въ 1864 году уже близилось къ концу.

«Подавивъ его, правительство провело въ Польшѣ крестьянскую реформу—изъ политическихъ соображеній—на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ самой Россіи, а также предоставило крестьянамъ въ западныхъ губерніяхъ нѣкоторыя особыя права. Затѣмъ настали тяжелыя времена правительственной реакціи и реакціи въ самомъ обществѣ. Страна подверглась опустошенію, около 100.000 человѣкъ наиболѣе энергичныхъ и дѣльныхъ погибло на полѣ битвы и въ Сибири.»

Русскій историкъ той эпохи, С. С. Татищевъ, въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе» [1]), въ главѣ «Крамола», указывая на успокоеніе русскаго общества, послѣ принятія мѣръ правительственной строгости, начиная съ 1863 года, говоритъ: «Не столько, однако, эти мѣры строгости, сколько вспыхнувшій въ началѣ 1863 года мятежъ въ царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ произвелъ въ настроеніи русскаго общества коренной и спасительный переломъ. Совращенная съ праваго пути русская молодежь очнулась, отрезвилась и примкнула къ единодушному выраженію патріотическихъ чувствъ всѣхъ званій и состояній русскаго народа, спѣшившихъ излить ихъ передъ государемъ, какъ олицетвореніемъ отечества, верховнымъ блюстителемъ его цѣлости, независимости и достоинства. Посреди всеобщаго, всенароднаго одушевленія, какъ дымъ, разсѣялись революціонныя бредни ничтожнаго и безпочвеннаго меньшинства. Напрасно пытались снова сплотить и возмутить его лондонскіе выходцы, открыто выступившіе защитниками польскихъ притязаній; напрасно старался повліять на него польскій революціонный комитетъ, руководившій возстаніемъ и имѣвшій въ русской столицѣ сильныя связи даже въ высшихъ правительственныхъ кругахъ; воззванія, печатанныя въ Лондонѣ, распространяемыя въ Россіи по распоряженію варшавскаго жонда и обращенныя къ русскимъ образованнымъ классамъ, къ офицерамъ и солдатамъ, къ казакамъ, наконецъ, къ крестьянамъ, оставались безъ отлика. Не оправдались и надежды, возлагавшіяся на дѣйствіе подложнаго манифеста, составленнаго отъ царскихъ именъ и раскинутаго по всему Поволжью, въ которомъ объявлялась высочайшая воля о

---

[1]) С. С. Татищевъ, «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», томъ II.

предоставленіи крестьянамъ всей земли, оставшейся за надѣломъ ихъ въ собственность государства и землевладѣльцевъ. Великорусскіе крестьяне также мало поддались на его прельщеніе, какъ крестьяне малорусскіе на обѣщаніе «Золотой грамоты», изданной отъ имени жонда народоваго съ приглашеніемъ ихъ возстать противъ русскаго правительства, за что вся земля, которою они пользовались, предоставлялась имъ въ безвозмездную собственность. Крестьяне повсюду представляли грамоты властямъ и выдавали имъ ихъ распространителей. Такъ разсыпались во прахъ революціонныя грезы при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Заступничество за поляковъ окончательно подорвало вліяніе на русское общество лондонскихъ выходцевъ, первый ударъ которымъ нанесъ въ русской печати Катковъ, громовою статьею отвѣтившій на вызовъ Герцена и возложившій на него отвѣтственность за гибель множества молодыхъ людей, совращенныхъ или увлеченныхъ его писаніями. «Колоколъ», расходившійся въ первые годы своего существованія въ количествѣ отъ 2000 до 2500 экземпляровъ, спустился до 500, а съ 1863 года прекратился совсѣмъ. Послѣ подавленія польскаго мятежа совершенно прекратились острыя проявленія революціоннаго броженія въ Россіи. Государственныя преобразованія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, судебная реформа и введеніе земскихъ учрежденій открывали молодежи широкій доступъ къ участію въ дѣлахъ управленія. Если и обнаруживались еще конституціонныя вожделѣнія, то на легальной почвѣ, въ видѣ ходатайства дворянства и земскихъ собраній».

Дѣйствительно, польскій мятежъ взмылилъ волну національнаго чувства въ Россіи, чему въ сильной степени содѣйствовалъ своими сильными статьями М. Н. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», оказалъ на общество охлаждающее вліяніе, но въ исторіи развитія революціоннаго движенія этотъ мятежъ сыгралъ слабую роль. Оно по совпаденію обстоятельствъ (главнымъ образомъ, благодаря многочисленнымъ арестамъ и репрессивнымъ мѣрамъ, а также послѣдовательно проводимымъ реформамъ въ разныхъ отрасляхъ управленія) временно затихло, но это было только затишье передъ бурей, которая спустя три года и начала разыгрываться.

Мы уже знакомы съ исторіей, имѣвшей мѣсто на дворянскомъ собраніи Тверской губерніи, и съ адресомъ, поднесеннымъ мѣстнымъ дворянствомъ государю императору. Результатомъ былъ арестъ многихъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, заключеніе ихъ въ Петропавловской крѣпости и преданіе суду, который въ августѣ 1862 года и вынесъ имъ слѣдующій мотивированный приговоръ [1]):

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

«Въ «Сѣверной Почтѣ» (отъ 21-го февраля 1862 года, № 39) объявлено было о преданіи по высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената тринадцати тверскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, за письменное заявленіе мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они намѣрены впредь руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19-го февраля 1861 года и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. По разсмотрѣніи дѣла въ правительствующемъ сенатѣ (по 1 отдѣленію 5 департамента) упомянутыя лица: новоторжскій предводитель дворянства коллежскій секретарь Алексѣй Александровъ Бакунинъ, бывшій членъ губернскаго присутствія отставной штабсъ-капитанъ Николай Александровъ Бакунинъ, корчевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ Сергѣй Михайловъ Балкашинъ; мировые посредники: отставной подполковникъ Павелъ Александровъ Глазенапъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Николай Петровъ Харламовъ, отставной поручикъ Николай Михайловъ Полторацкій, отставной гвардіи поручикъ Максимъ Андреевъ Лазаревъ, губернскій секретарь Логгинъ Ѳедоровъ Лихачевъ, отставной поручикъ Александръ Николаевъ Невѣдомскій, отставной поручикъ Василій Николаевъ Кудрявцевъ, коллежскій ассесоръ Андрей Ѳедоровъ Кислинскій; кандидаты мировыхъ посредниковъ: отставной подпоручикъ Алексѣй Петровъ Демьяновъ и отставной поручикъ Леонидъ Алексѣевъ Широбоковъ—признаны виновными въ составленіи и распространеніи заявленія, заключающаго въ себѣ недозволенныя сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, съ нарушеніемъ служебнаго порядка, за что, по силѣ существующихъ законовъ, рѣшеніемъ правительствующаго сената опредѣлено: лишивъ упомянутыхъ лицъ нѣкоторыхъ по 54 статьѣ уложенія особенныхъ правъ и преимуществъ, подвергнуть ихъ заключенію въ смирительномъ домѣ, сообразно разнымъ степенямъ виновности подсудимыхъ, на слѣдующіе сроки: коллежскаго секретаря Бакунина на два года и четыре мѣсяца, коллежскаго ассесора Кислинскаго на два года, а остальныхъ на два года и два мѣсяца. Рѣшеніе это было объявлено подсудимымъ 10-го іюня и на основаніи онаго они были подвергнуты заключенію 18 іюля. Государь императоръ, по случаю торжественнаго дня тезоименитства государыни императрицы, всемилостивѣйше соизволилъ освободить всѣхъ упомянутыхъ лицъ отъ присужденнаго имъ заключенія, сохранивъ затѣмъ силу приговора въ остальной его части. Вслѣдствіе сего упомянутыя лица освобождены отъ заключенія 22 іюля».

Политическія тенденціи, сказавшіяся въ тверскомъ адресѣ, сквозили въ періодъ 1862—1863 гг. и въ другихъ адресахъ и обращеніяхъ, направляемыхъ къ государю. Этого не были чужды и адреса

юго-западныхъ губерній, выставившіе свои desideria въ связи съ надвигавшимися польскими революціонными событіями, эти же мысли еще рельефнѣе проводились въ проектѣ чисто-русскаго адреса, составлявшагося при непосредственномъ участіи Герцена, Огарева и Н. Тургенева. Такъ, дворянство Подольской губерніи жаловалось на «отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами»; могилевское дворянство ходатайствовало о введеніи гласнаго суда, возстановленіи виленскаго университета, о введеніи принципа религіозной и національной равноправности; минскіе дворяне просили равенства всѣхъ сословій и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (т. е. польскаго народа) и т. д. Тургеневъ, редактируя проектъ адреса на высочайшее имя, вставлялъ въ мотивировку подачи слѣдующія соображенія: «необходимо внести въ положеніе 19-го февраля 1861 года нѣкоторыя дополненія и улучшенія и привести весь остальной составъ Русскаго государства въ гармонію съ совершившимся переворотомъ, а для этого, раскрывъ безпощадной рукой всѣ безобразія нашей администраціи, суда, финансовъ и т. д., требовать созванія земскаго собора, какъ одного спасенія Россіи, однимъ словомъ, доказать правительству, что оно должно продолжать начатое имъ». Но этотъ адресъ не былъ представленъ, ибо тогда уже стали извѣстны намѣренія правительства «насчетъ губернскихъ сеймовъ—этого перваго шага къ парламентскимъ формамъ». Такъ смотрѣли многіе представители нашей общественности на подготовлявшуюся тогда земскую реформу, и такой же взглядъ отчасти не былъ чуждъ и руководителямъ нашего административнаго вѣдомства, какъ Н. А. Милютину и даже самому министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву. Необходимо вообще замѣтить, что частію подъ впечатлѣніемъ страха передъ развертывавшимися революціонными событіями у себя дома, частію подъ вліяніемъ польскаго мятежа, а также подъ давленіемъ еще не совсѣмъ утратившей своего вліянія либеральной печати, въ правительственныхъ сферахъ продолжали носиться прогрессивныя идеи, родственныя по духу тому, что являлось катехизисомъ западнической либеральной общественной фракціи. Мраморный дворецъ продолжалъ давать тонъ, и здѣсь находили себѣ протекцію новые представители административнаго вѣдомства, выдвинутые на смѣну былымъ руководителямъ нашего государственнаго механизма.

Своимъ злымъ перомъ князь Мещерскій въ своихъ извѣстныхъ уже читателямъ воспоминаніяхъ [1]) такъ рисуетъ положеніе дѣлъ въ этомъ направленіи. «Одною изъ характерныхъ чертъ того времени было то, что тогда, подъ вліяніемъ царившаго въ политической атмосферѣ стремленія къ прогрессу, т. е. къ реформамъ по

[1]) Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». т. I.

всѣмъ отраслямъ управленія, искались люди, своего рода спеціалисты,—то для одной, то для другой отрасли.

«Прежде всего искали спеціалиста для финансовъ, они считались и дѣйствительно были разстроены послѣ Крымской войны; и первыя попытки къ ихъ починкѣ, порученныя старику Княжевичу, не особенно считались удачными. Изъ Мраморнаго дворца... вылетали извѣстныя имена, особенно рекомендовавшіяся какъ личности, какъ молодыя и способныя силы, и между ними вылетѣло имя Рейтерна. Его признали годнымъ для спеціалистовъ по части финансовъ, отправили за границу, и чуть ли даже не въ Америку, съ задачею готовиться быть министромъ финансовъ. Рейтернъ поѣхалъ за границу; какъ способный, старательный и добросовѣстный нѣмецъ, онъ дѣйствительно употребилъ свою поѣздку для изученія финансовыхъ вопросовъ, и когда онъ вернулся, ему отдали русскіе финансы въ управленіе. Помню, что въ то время, не безъ основанія, серьезные люди недоумѣвали, почему бы будущему министру финансовъ не посвятить два годика на путешествіе по Россіи, для ея изученія въ экономическомъ отношеніи, что было бы, несомнѣнно, полезнѣе путешествія за границу, но въ то же время эта простая мысль не пришла никому изъ заправилъ въ голову...

«Изъ того же Мраморнаго дворца вылетѣло другое имя, спеціалиста-педагога,—это имя Александръ Васильевичъ Головнинъ. Министерство народнаго просвѣщенія не клеилось. Назначеніе Ковалевскаго, почтеннаго, добраго, умнаго человѣка, не давало никакихъ результатовъ въ смыслѣ приведенія въ порядокъ учебнаго міра, расшатаннаго и деморализованнаго послѣ Уварова, и въ особенности послѣ періода безпорядковъ 61 и 63 годовъ. Всѣ понимали и сознавали, что нуженъ энергичный и твердый человѣкъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, но въ высшихъ сферахъ тогда взглянули иначе: тамъ подумали, что нуженъ популярный человѣкъ, и тогда-то вылетѣло имя Головнина. Въ консервативныхъ кружкахъ Петербурга это имя было не любимо; всѣ знали, что Головнинъ—главный вдохновитель крайнихъ либеральныхъ тенденцій, и потому съ большимъ недовѣріемъ и разочарованіемъ отнеслись къ факту признанія Головнина спеціалистомъ по части педагогики и самымъ надежнымъ кандидатомъ на должность министра просвѣщенія. Во всякомъ случаѣ это было странное назначеніе: всѣ знали Головнина, какъ либерала, но никто никогда не слышалъ о Головнинѣ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ какое-либо отношеніе къ педагогическому дѣлу, и тѣмъ паче какую-нибудь подготовку или хотя какія-нибудь по этой спеціальности свѣдѣнія. Иные сомнѣвались даже въ достаточной степени его образованія. А глядя на его маленькую, неуклюжую и нестройную фигуру, съ несоразмѣрной туловищу головою и съ лицомъ, гдѣ читались сухость

и что-то непривѣтливое, всѣ спрашивали про Головнина: да имѣетъ ли этотъ человѣкъ довольно сердца, чтобы любить учащуюся молодежь?..

«...Затѣмъ искать принялись третьяго рода спеціалистовъ—спеціалистовъ по судебной реформѣ. И нашелся тогда очень оригинальный или, вѣрнѣе, странный, который и сыгралъ свою историческую роль, несмотря на то, что опять-таки серьезные люди недоумѣвали, почему именно онъ попалъ въ спеціалисты. Спеціалистъ этотъ былъ маленькій въ іерархіи чиновничьей человѣкъ, Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ, если не ошибаюсь, естественныхъ наукъ, ни раньше, ни послѣ не думая, что ему будетъ суждено играть роль спеціалиста по судебной реформѣ. Братъ его Митрофанъ былъ моимъ товарищемъ по училищу и пріятелемъ, и черезъ него я имѣлъ свѣдѣнія объ Одиссеѣ его брата... Онъ направился за границу, побывалъ во Франціи, побывалъ въ Италіи и привезъ съ собою находку: судебные итальянскіе уставы, какъ извѣстно, скопированные съ французскихъ, только съ большимъ оттѣнкомъ либерализма. И вотъ въ Петербургѣ всѣ ахнули: батюшки, какое сокровище, а мы то, дураки, и не подозрѣвали, и сразу туриста-дилетанта Сергѣя Заруднаго взяли и пожаловали въ Христофора Колумба для Россіи по судебной реформѣ... Съ нимъ стали носиться... Я съ нимъ познакомился и долженъ признаться, что очень добродушно удивился, почему судьба такого обыкновеннаго по уму и столь мало юридически образованнаго человѣка избрала въ апостолы судебной реформы для Россіи, и почему именно совсѣмъ юридически необразованный кандидатъ-математикъ или естественникъ былъ признанъ спеціалистомъ по судебной реформѣ. Можно было подумать, что главное, что составляло таинственную прелесть Заруднаго въ то время, было его фанатическое обожаніе къ иностраннымъ судебнымъ порядкамъ и полное презрѣніе къ русскимъ порядкамъ, а обожаніе иностранныхъ порядковъ, въ свою очередь, происходило отъ мысли, что они проникнуты либерализмомъ».

Въ этихъ характеристикахъ стараго публициста много шаржа, но общее освѣщеніе побудительныхъ мотивовъ, двигавшихъ правительственными органами, при выборѣ тѣхъ или иныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, сдѣлано правильно. Исповѣданіе принциповъ либерализма было рѣшающимъ элементомъ при подборѣ въ началѣ 60-хъ годовъ представителей вѣдомствъ. Зарудный явился такимъ образомъ вершителемъ судебъ министерства Замятина. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ Валуевъ, во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ, военнымъ министромъ былъ Д. Милютинъ. Такимъ образомъ, подборъ сановниковъ, которые приняли на себя проведеніе въ жизнь Россіи реформъ, былъ сдѣланъ довольно однородный по складу симпатій къ освобо-

дительнымъ идеямъ, что иногда ими достаточно откровенно и высказывалось. Въ періодъ 1862—1863 гг. нѣкоторые изъ названныхъ лицъ склонялись къ убѣжденію, что намѣченными реформами, каждой въ отдѣльности, какъ таковой, нельзя ограничиваться и возможно уже думать и объ «увѣнчаніи зданія», т. е. приведеніи главнѣйшихъ реформъ—освобожденія крестьянъ, судебной и земской къ единству въ смыслѣ допущенія у насъ представительнаго образа правленія. Принципіально противъ такой постановки вопроса самъ государь императоръ какъ будто ничего не имѣлъ, въ этомъ же смыслѣ находимъ мы нѣкоторое указаніе въ извѣстной нотѣ Горчакова, въ такомъ же направленіи изготовлялись проекты великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, а также Н. Милютинымъ, хотя и утратившимъ къ тому времени свое положеніе, но не лишившимся вліянія, симпатій и поддержки Мраморнаго дворца. Всѣ эти черточки являются показателями, что даже до половины 1865 года государственный курсъ далеко еще не опредѣлился и Россія стояла на распутьи: итти ли ей «по мановенію царя» влѣво и вправо, къ свободнымъ учрежденіямъ, или остаться при старыхъ полицейско-бюрократическихъ формахъ жизни. Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ компромиссомъ въ видѣ нѣсколько урѣзанныхъ и не приведенныхъ въ органическое единство реформъ, а послѣ выстрѣла Каракозова тяготѣнье власти ясно опредѣлилось въ правую сторону.

Въ настроеніи, рѣчахъ и бесѣдахъ государя того времени наблюдается, что онъ какъ будто склоненъ итти въ своемъ реформаторствѣ по пути, на который указывали и дворянскія организаціи, и либеральные представители администраціи и общественности. Неясные и бѣглые намеки, несомнѣнно, можно въ этомъ отношеніи у него уловить и, быть можетъ, они то и давали отчасти поводъ къ увѣренности, что наконецъ-то осуществится то, о чемъ на разные лады мечтали цѣлыя поколѣнія соотечественниковъ. Такъ, въ манифестѣ 1863 г. по поводу дѣлъ въ царствѣ Польскомъ онъ обѣщаетъ открыть «новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія... Сохраняя и нынѣ эти установленія, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны». Намекъ въ томъ же смыслѣ усматривается и въ депешѣ Горчакова русскому послу въ Англіи, рекомендовавшей возстановленіе польской конституціи. Развивая здѣсь мысль о постепенности русской государственной эволюціи, канцлеръ писалъ: «Система, принятая нашимъ августѣйшимъ монархомъ, заключаетъ въ себѣ зародышъ, который долженъ быть развитъ временемъ и опытомъ, онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ при-

вести къ административной автономіи, на основаніи провинціальныхъ и муниципальныхъ учрежденій, бывшихъ въ Англіи исходною точкою и основаніемъ величія и благоденствія». Элементъ конституціонныхъ симпатій просвѣчивалъ и въ рѣчи государя при открытіи (1863 г.) финляндскаго сейма. Здѣсь говорилось: «Соблюдая монархическое конституціонное начало, присущее правамъ финляндскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу внести... еще болѣе обширное право [1])... Ни одно изъ моихъ дѣйствій не нарушило согласія, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я хочу, чтобы согласіе это продолжало служить, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ мужественнымъ и честнымъ финскимъ народомъ. Онъ будетъ, несомнѣнно, способствовать благосостоянію страны, близкой моему сердцу, и доставитъ мнѣ случай созывать васъ въ опредѣленные сроки. Отъ васъ, представителей великаго княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ государемъ въ практическомъ духѣ надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія».

Также съ нѣкоторыми видами на политическое будущее говорилъ государь депутаціямъ, представлявшимся ему въ 1863 г. по случаю угрозы Европы вмѣшаться въ русско-польскія отношенія: «Вѣрьте же и мнѣ,—сказалъ онъ:—что вся моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая опрометчивость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Надѣюсь на вашу помощь и содѣйствіе мнѣ въ этихъ важныхъ дѣлахъ, которыя намъ еще предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда я сочту это возможнымъ и полезнымъ».

Французскій публицистъ Леруа-Болье передаетъ въ своей монографіи, посвященной Н. А. Милютину, что въ своей бесѣдѣ съ послѣднимъ по поводу дарованія полякамъ конституціи Александръ II высказался, что онъ вообще не противъ конституціоннаго порядка управленія, но что онъ противъ дарованія конституціи мятежнымъ полякамъ, не давая такой же одновременно и прочимъ русскимъ подданнымъ, а послѣднихъ онъ считаетъ еще недостаточно зрѣлыми для этой формы правленія. А черезъ два года, бесѣдуя съ Голохвастовымъ, звенигородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, по поводу поданнаго ему адреса мо-

[1]) Рѣчь шла относительно права инициативы сейма и права бюджетнаго.
Б. Г.

сковскимъ дворянствомъ, о которомъ рѣчь будетъ далѣе, государь обнаружилъ свой складъ мыслей очень опредѣленно. Вотъ что передаетъ С. Татищевъ [1]): «Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ». «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя,—сказалъ ему императоръ:—хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія». Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. «Говори правду, я всегда охотно ее слышу», отвѣтилъ императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины, т. е. внѣ или въ сторонѣ отъ народа. «Важно не слово, а дѣло,—замѣтилъ государь.—Что значитъ вся эта выходка... Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?» Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, императоръ продолжалъ: «И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что, сдѣлай я это сегодня, завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали».

Таковы были взгляды государя: расширеніе гражданскихъ правъ населенія желательно, народное представительство въ принципѣ допустимо, но все это въ отдаленномъ будущемъ, а пока преждевременно и опасно. Что касается Валуева, въ руки котораго попала дирижерская палочка по вопросамъ нашей внутренней политики, то если еще въ 1861 году, по словамъ Никитенки, «правительство не уяснило себя своихъ видовъ» и министръ самъ пребывалъ въ нерѣшительности дѣйствій, то уже черезъ годъ мы видимъ его дѣлающимъ попытки пойти навстрѣчу общимъ вожделѣніямъ объ «увѣнчаніи зданія». Онъ представляетъ государю записку «о созваніи общегосударственнаго земскаго собранія». Равнымъ образомъ онъ набрасываетъ «предположеніе о призваніи въ государственный совѣтъ для совѣщательнаго участія при обсужденіи подвѣдомыхъ ему дѣлъ извѣстнаго числа представителей дворянскихъ и город-

[1]) С. С. Татищевъ. «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», т. I.

скихъ сословій и нѣсколькихъ членовъ высшаго духовенства», т. е. составилъ проектъ о расширеніи государственнаго совѣта приглашенными представителями отъ населенія. Такую же реформу этого высшаго государственнаго учрежденія проектировалъ въ 1881 году и графъ Лорисъ-Меликовъ, что не получило осуществленія лишь благодаря трагическому событію 1 марта. Согласно изложенію на основаніи статей изъ «Вѣстника Права» г. Корнилова [1]) «Валуевъ 13 апрѣля 1863 года представилъ особую всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ доказывалъ необходимость, скорѣйшаго введенія въ Россіи представительныхъ учрежденій, чтобы дать «вѣрноподданной Россіи политическое первенство передъ крамольной Польшей». Въ запискѣ этой прямо указывалось на опасеніе «высшихъ слоевъ русскаго народа», что общимъ ходомъ событій правительство вынуждено будетъ даровать Польшѣ такія преимущества, которыя не будутъ предоставлены кореннымъ русскимъ областямъ. Эта мысль—сказано въ запискѣ—«просвѣчиваетъ даже въ текстѣ подносимыхъ вашему величеству адресовъ; но выраженія ея еще слышнѣе въ общемъ говорѣ массы и въ самыхъ благонамѣренныхъ органахъ нашей прессы... Вмѣстѣ съ выраженіемъ нелицемѣрной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякія пожертвованія, къ престолу вашего величества возносится полугласная мольба объ оказаніи дать это довѣріе, о дарованіи ему возможности доказать, что онъ его достоинъ... Дайте Россіи на пути развитія государственныхъ учрежденій шагъ впередъ передъ Польшей. Вы тогда еще тѣснѣе сдвините вокругъ себя всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Вы, дѣйствительно, будете, по выраженію московскаго дворянства, «могущественнѣе вашихъ предшественниковъ». Вы окончательно укрѣпите за Россіею возвращаемое ей омытое кровью цѣлыхъ поколѣній западное родовое ея достояніе. Вы заставите Западный край, наконецъ, обратиться лицомъ къ Москвѣ и стать тыломъ къ Варшавѣ. Тогда западный вопросъ будетъ рѣшенъ навсегда, и польское дѣло навсегда проиграно». Далѣе доказывалось, какъ эта мѣра пойдетъ навстрѣчу задушевнымъ желаніямъ русскаго общества. Валуевъ признавалъ свои соображенія настолько убѣдительными, что предлагалъ императору Александру, въ случаѣ одобренія имъ основной мысли этой записки, объявить объ этомъ особымъ манифестомъ». Но Александръ II,—говоритъ г. Корниловъ,—«не легко поддавался на такого рода соображенія. Онъ созвалъ 15 апрѣля 1863 года по этому вопросу особое совѣщаніе, и хотя на этомъ совѣщаніи основная мысль валуевской записки была одобрена, но объ этомъ ничего объявлено не было. Валуеву по-

[1]) «Общественное движеніе при Александрѣ II». «Минувшіе годы» 1908 г., августъ.

ручено было разработать соотвѣтственно этому полный проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта въ связи съ готовившимся тогда положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Проектъ этотъ былъ выработанъ и представленъ лишь 18 ноября 1863 года, но къ этому времени польское возстаніе было уже потушено и опасенія иностраннаго вмѣшательства совершенно разсѣяны. При этихъ условіяхъ валуевскій проектъ оказывался совершенно излишнимъ и его спрятали подъ сукно, откуда онъ былъ извлеченъ лишь въ концѣ царствованія, при наличности новыхъ тревожныхъ обстоятельствъ. Главныя основанія, которыя были приняты Валуевымъ въ руководство при составленіи его проекта въ 1863 году, были слѣдующія: 1) соблюденіе полной неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавной власти; 2) согласованіе новаго устройства государственнаго совѣта съ существовавшей ранѣе структурой этого учрежденія; 3) принятіе мѣръ къ тому, чтобы новый элементъ, вводимый въ него, не пріобрѣлъ въ немъ преобладающаго вліянія; 4) предсѣдатель съѣзда государственныхъ гласныхъ по назначенію; 5) обезпеченіе нѣкоторой доли правительственнаго вліянія на самый составъ съѣзда; 6) установленіе главныхъ правилъ дѣлопроизводства съѣзда. Всѣ эти основанія были строго соблюдены въ проектѣ: права государственнаго совѣта нисколько не были въ немъ расширены. Государственный совѣтъ попрежнему раздѣлялся на департаменты, и при немъ учреждался съѣздъ государственныхъ гласныхъ. По всякому дѣлу, подлежавшему разсмотрѣнію этого съѣзда, съѣздъ давалъ въ сущности лишь заключеніе, которое поступало затѣмъ на разсмотрѣніе одного изъ департаментовъ совѣта, а оттуда въ общее собраніе совѣта. Въ общемъ собраніи совѣта должны были участвовать не всѣ государственные гласные, а лишь 16 человѣкъ, выбираемыхъ по каждому дѣлу особо всѣмъ съѣздомъ. Въ сущности этотъ съѣздъ являлся бы подготовительной комиссіей при государственномъ совѣтѣ, который, въ свою очередь, оставался бы лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ при неограниченномъ самодержавномъ монархѣ. Составъ съѣзда Валуеву пришлось пріурочивать къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ, причемъ, впрочемъ, по «положенію», вопреки желанію Валуева, составъ земскихъ собраній устанавливается болѣе демократическій, нежели желалъ бы Валуевъ. По проекту Валуева съѣздъ составлялся: 1) изъ 60 гласныхъ, выбираемыхъ губернскими земскими собраніями тѣхъ губерній, гдѣ вводились земскія учрежденія, 2) по три гласныхъ отъ Москвы и Петербурга и по одному отъ двѣнадцати другихъ городовъ, 3) отъ окраинныхъ губерній и областей (въ томъ числѣ отъ Сибири и Кавказа) предполагалось 32 гласныхъ и, наконецъ, 4) 30 гласныхъ должны были назначаться правительствомъ». Таковъ былъ либеральный проектъ Валуева, созданный имъ передъ

лицомъ грозныхъ варшавскихъ событій, оставшійся, однако, безъ движенія и примѣненія.

Въ таковомъ же направленіи, но болѣе умѣренномъ, составленъ былъ проектъ о созывѣ общегосударственнаго земскаго собранія великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Согласно этому проекту, число гласныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и думъ въ «совѣщательное собраніе» должно было равняться 46. Совѣщательное собраніе дѣлилось на отдѣленія и созывалось не сразу, а по мѣрѣ надобности, на такіе сроки и для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, какъ это точно будетъ указано каждый разъ правительствомъ. Государственный совѣтъ долженъ передавать въ «совѣщательное собраніе» для предварительнаго разсмотрѣнія преимущественно тѣ дѣла, которыя требовали ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями. Къ разрѣшенію дѣлъ въ совѣтѣ допускался лишь одинъ «гласный», именно тотъ, который докладывалъ дѣло въ «совѣщательномъ собраніи».

Въ конституціонныхъ надеждахъ пребывали и многіе видные дѣятели и государственные люди того времени какъ Н. А. Милютинъ, великая княгиня Елена Павловна, баронъ М. П. Корфъ и другіе. Послѣдній, между прочимъ, по поводу подготовлявшейся тогда земской реформы прямо говорилъ, что «цѣль земской реформы заключается, конечно, не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія, хотя бы и въ лучшемъ и въ правильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, въ разрушеніи ея старыхъ основъ». И дворянскія собранія, подававшія государю адреса, также преисполнены были надежды, что уже пробилъ часъ, когда они будутъ призваны раздѣлить власть съ бюрократіей, и въ основанной къ тому времени В. Скарятинымъ и Н. Юматовымъ газетѣ «Вѣсть» идеалы дворянской олигархіи (дворянская конституція) высказывались достаточно откровенно и рѣзко. Основанная Валуевымъ офиціальная газета «Сѣверная Почта» не полемизировала съ «Вѣстью» по сему предмету и до нѣкоторой степени даже ей вторила, намекая, между прочимъ, что новыя земскія учрежденія явятся «школою учрежденій представительныхъ». Такіе же намеки дѣлала и русская офиціозная газета за границею «Le Nord».

Несмотря, однако, на такую атмосферу, царившую и въ административныхъ и въ общественныхъ кругахъ—«увѣнчаніе зданія» не состоялось и всѣ реформы, проведенныя правительствомъ въ тотъ періодъ, имѣли въ своемъ основаніи начало компромиссовъ между конституціонными вѣяніями и бюрократической дѣйствительностью. Валуевъ откровенно сознавался по поводу земскаго положенія, обнародованнаго въ 1864 г., что земскія реформы были проведены, «чтобы положить предѣлъ по поводу образованія зем-

скихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій». Реформа была сужена въ интересахъ дворянскаго сословія, дабы дать ему преобладающее вліяніе на мѣстахъ, съ одной стороны, а съ другой—чтобы отвлечь его отъ

О. И. Тютчевъ.

олигархическихъ мечтаній, которыя такъ сильно начали его охватывать и въ которыхъ сказывалось стремленіе компенсировать себя за ущербъ, понесенный сословіями въ реформѣ крестьянской. Земскою реформою до нѣкоторой степени эти цѣли и достигались,

хотя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма многіе продолжали полагать, что это только н а ч а л о недалекаго конца. Такъ, извѣстный эмигрантъ Долгорукій писалъ въ своемъ «Листкѣ» [1]): «Въ настоящее время, при данномъ порядкѣ вещей, земскія учрежденія не принесутъ пользы... но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ; они лягутъ широкою и твердою основою будущему конституціонному порядку вещей. Въ настоящее время—земское учрежденіе—тѣло сильное, здоровое, но безъ духа, слѣдовательно, недвижимое и бездѣятельное. Конституція вдохнетъ духъ въ это тѣло... Новыя земскія учрежденія, вѣроятно, судьбою предназначены служить основою будущему конституціонному порядку въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно имъ суждено быть источникомъ будущему земскому собору. Теперь, при земскихъ учрежденіяхъ, легко созвать соборъ земскій: стоитъ только предписать каждому уѣздному земству избрать извѣстное число государственныхъ гласныхъ. Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія современнаго порядка, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, безгласными сходками гласныхъ земскихъ».

Если не всѣ общественныя группы удовлетворились земскою реформою 1864 г., какъ то увидимъ на примѣрѣ московскаго земства, то въ прочихъ мѣстахъ послѣдовавшія одна за другою «великія реформы» произвели ожидаемое успокоеніе умовъ, даже несмотря на то, что эти реформы—университетскаго устава (1863 г.), судебная (1864 г.) и изданія временныхъ правилъ о цензурѣ (1865 г.)—прошли въ суженномъ видѣ противъ того, какъ ихъ въ свое время выдвигала прогрессивная печать и какъ о томъ ходатайствовали дворянскія собранія въ періодъ съ 1859 по 1862 гг. Наиболѣе «радикальною» оказалась реформа судебная, хотя въ ней принципъ независимости судей отъ воздѣйствія со стороны администраціи былъ ослабленъ, отъ нея было отнято политическое значеніе изъятіемъ изъ вѣдѣнія суда политическихъ преступленій и нарушеній законовъ о печати. Тѣмъ не менѣе въ общей сложности эти реформы до извѣстной степени удовлетворили большинство общества и отчасти въ зависимости отъ этого, отчасти подъ вліяніемъ счастливо для правительства ликвидированнаго польскаго мятежа, поднявшаяся было революціонная волна сильно спала. Рѣзкихъ проявленій оппозиціи со стороны общественныхъ группъ мы уже не встрѣчаемъ, и только московскій инцидентъ 1865 г. нарушилъ затихавшее общественное настроеніе.

Нѣкоторые представители московскаго дворянства, не видя въ дарованныхъ реформахъ политической компенсаціи, о кото-

[1]) С. Г. Сватиковъ. «Общественныя движенія въ Россіи (1700—1895).

рой они мечтали и въ пользу которой вели подготовительную агитацію, какъ въ своемъ органѣ «Вѣсть», такъ и въ заграничныхъ брошюрахъ («Предложеніе дворянству» М. Безобразова), воспользовались земскимъ собраніемъ 11 января 1865 г., чтобы осуществить подачу адреса государю съ изложеніемъ своихъ сокровенныхъ пожеланій. Послѣ пылкихъ рѣчей Орлова-Давыдова, Безобразова, Голохвастова и др., собраніе 270 голосами противъ 36 приняло предложенный лидерами адресъ, въ слѣдующей редакціи:

«Всемилостивѣйшій Государь! Московское дворянство въ настоящемъ собраніи своемъ не можетъ не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся ко благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содѣйствовать словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, вами избранномъ. Мы убѣждены, государь, что вы не остановитесь на этомъ пути и что вы пойдете впередъ, опираясь на ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности— сила нашего отечества! Собравъ вашу разъединенную доселѣ Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права отдѣльныхъ ея частей общими правами, вы искорените навѣки возможность мятежа и междоусобій. Призванному вами, государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, государь, основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству съ этою же цѣлью избрать изъ среды себѣ лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердою опорой русскаго престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, государь, вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигните точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны.

«Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, и внѣшніе, и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть.

«Всемилостивѣйшій Государь! Московское дворянство высказалось передъ вами, повинуясь священному долгу вѣрноподданности, не имѣя ничего иного въ виду, кромѣ государственной пользы. Мы высказались, государь, въ полной увѣренности, что слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу вашихъ преобразованій».

Этотъ адресъ, какъ равно и предшествовавшая его принятію рѣчь Орлова-Давыдова появились на столбцахъ «Вѣсти», т. е. сдѣлались скоро общеизвѣстными и произвели самое разнородное впечатлѣніе. Одни ожидали отсюда благихъ результатовъ и думали, что дворянское слово дойдетъ до царскаго сердца и вызоветъ тамъ

сочувствіе, другіе отнеслись къ нему совершенно отрицательно. Въ числѣ послѣднихъ сошлись вмѣстѣ западникъ Герценъ и славянофилъ Тютчевъ. Приведя въ «Колоколѣ» [1]) текстъ адреса, Герценъ посвятилъ ему статью, заключивъ ее словами: «...Мы долго думали, что за муха укусила англійскій клубъ и лордовъ его... Отчего вдругъ Безобразову стало уже такъ маркотно жить безъ ограниченія царской власти, а Орлову-Давыдову—такъ не въ мочь терпѣть l'arbitraire? Мы все искали Чацкаго, который произвелъ эту кутерьму. И вышло, что этотъ Чацкій—Константинъ Николаевичъ—l'impénetrable, ничего не дѣлающій по пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ ничего не дѣлалъ въ Варшавѣ. Видите, испугались, что его назначеніе остановить палачей въ Литвѣ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что не всю Польшу вывѣшають и ушлютъ въ Сибирь, что не весь Катковъ будетъ печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дѣти степной воли и англійскаго клуба, этого не могли вынести. Они-то встрепенулись и кликнули кличъ по всѣмъ уѣздамъ московскимъ: постоимъ-де, братцы, за Иверскую Божію Матерь, не дадимъ въ обиду нашего, пойдемъ за свободу дѣйствій Муравьева и за вольное катковское слово!

«Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойтете и не доѣдете ни даже съ двумя форейторами и однимъ гайдукомъ».

Тютчевъ со свойственной ему язвительностью отозвался по адресу московскихъ дворянъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

«Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ!
Вы—члены англійскаго клуба».

Задѣтые стихами поэта изъ Ниццы дворяне отвѣтили тоже въ стихотворной формѣ:

«Вы ошибаетеся грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили вѣрно вмѣстѣ съ шубой
И память о странѣ родной.

Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ:
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчно свѣтъ...

Но какъ же быть въ странѣ унылой
Гдѣ произволъ царитъ одинъ
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ.

[1]) «Колоколъ», 1865 г., № 195.

Нѣтъ, намъ парламента не нужно;
Но почему жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать».

Государь взгляпулъ на олигархическую затѣю дворянства на этотъ разъ довольно строго, адресъ не былъ принятъ, а противъ вдохновителей его приняты были репрессіи, при чемъ скарятинская «Вѣсть» за напечатаніе адреса была пріостановлена на восемъ мѣсяцевъ; кромѣ того, Александръ II на этотъ разъ поспѣшилъ въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ высказать свой взглядъ на конституціонныя мечтанія очень опредѣленно и рѣшительно поставить имъ точку. Въ рескриптѣ, напечатанномъ въ «Сѣверной Почтѣ» [1]), было сказано:

«Петръ Александровичъ! Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца въ Московской губерніи очередные губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе признанной правительствующимъ сенатомъ неправильности постановленій собранія предводителей и депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, всѣ постановленія сего собранія, до закрытія онаго имъ принятыя, не имѣютъ законной силы. Но Мнѣ не безызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее Мое царствованіе, нынѣ по Моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшить и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. Происшедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ Престоломъ и Отечествомъ Мнѣ всегда памятны и къ которому Мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія, или имѣютъ быть учреждены собранія земскія. Пребываю къ вамъ благосклонный».

[1]) «Сѣверн. Почта». 1865 г. № 24.

Рескриптомъ Валуеву былъ положенъ конецъ въ эпоху реформъ открыто выраженнымъ конституціоннымъ вѣяніямъ, послѣ чего вслѣдъ за нѣкоторымъ умпротвореніемъ общественныхъ элементовъ и неуклоннымъ проведеніемъ обѣщанныхъ реформъ на историческую сцену широко выступаютъ конспиративныя организаціи, но уже не только съ прокламаціями и пропагандою революціонныхъ идей, а въ отмосферѣ выстрѣловъ и покушеній. Каракозовскій выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г. былъ сигналомъ для такихъ выступленій, и съ этого рокового дня жизнь страны постепенно заволакивается густымъ кровавымъ туманомъ. На смѣну «эпохѣ великихъ реформъ» пришелъ періодъ реакціи и террора... террора бѣлаго и краснаго...

XI.

Обновленная Россія и общественный индифферентизмъ.—Настроеніе придворныхъ, административныхъ и великосвѣтскихъ круговъ.—Валуевъ.—Его политика.—Катковъ и недоброжелательное къ нему отношеніе Валуева.—Генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ.—Шефъ жандармовъ В. А. Долгоруковъ.—Борьба Каткова съ Петербургомъ.—Пресса и печать во вторую половину шестидесятыхъ годовъ.—«Что дѣлать?» Н. Г. Чернышевскаго.—И. С. Аксаковъ.—Печать провинціальная и подпольная.

Рядъ преобразованій въ государственномъ строѣ Россіи былъ осуществленъ въ десятилѣтіе 1861—1870 гг., каковой именно періодъ и получилъ въ нашей исторіи наименованіе «эпохи великихъ реформъ». Мы уже указали на главнѣйшіе моменты изъ жизни того знаменательнаго времени, когда надъ страною пронеслась живительная волна воздуха, подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ которой, казалось, она должна была преобразиться вся сверху донизу, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ и элементахъ и вступить въ широкое и ровное русло новаго историческаго бытія, гдѣ все сулило ей благоденствіе, покой, миръ и тишину. Но такъ только рисовалось въ пламенномъ ожиданіи, такъ страстно хотѣлось думать и въ это вѣрить, дѣйствительность же жестоко опровергла эти ожиданія, и «великая» эпоха оказалась осложненною такими обстоятельствами и подробностями, которыя наложили на нее густыя тѣни, произвели въ ней зловѣщія бреши, разросшіяся съ теченіемъ времени въ зіяющія бездны, сгладить, сравнять и пополнить которыя выпадаетъ только на долю текущихъ дней съ ихъ законодательной будничной и кропотливой работой въ Государственной Думѣ.

Мы видѣли, съ какими треніями, недостатками и при наличіи какихъ компромиссовъ осуществилась главнѣйшая реформа—крестьянская; немало затрудненій и дефектовъ обнаружилось и при проведеніи прочихъ реформъ, и только нѣкоторымъ исключеніемъ явилась реформа судебная, для осуществленія которой нашелся и

достаточный контингентъ людей и которая сама по себѣ въ значительной мѣрѣ примирила многіе нетерпѣливые общественные элементы съ правительственной властью.

Озирая пройденный путь преобразованій, извѣстный экономистъ А. А. Головачевъ, въ своей книгѣ «Десять лѣтъ реформъ» [1]) такъ обрисовываетъ дефекты знаменитыхъ реформъ, анализируетъ живую наличность, при которой онѣ протекали, и устанавливаетъ сумму выводовъ, съ которыми историку того времени нельзя не согласиться. «Многіе думали—говоритъ онъ:—что крестьянская реформа есть только первый шагъ къ уничтоженію не только однѣхъ грубыхъ формъ крѣпостного права, но и самыхъ его принциповъ, которыми проникліись всѣ сферы нашей жизни, и что за этимъ первымъ шагомъ послѣдуютъ другіе въ томъ же направленіи, но этого не случилось. Хотя законодательная дѣятельность съ того времени не остановилась и реформы слѣдовали одна за другой, но онѣ какъ-то мало трогали наши крѣпостныя замашки, которыя остаются въ жизни попрежнему и поражаютъ наблюдателя, въ особенности въ провинціи. Въ столицахъ, конечно, замѣтно иное, но въ провинціи повсюду вы замѣчаете старые порядки, даже въ новыхъ учрежденіяхъ, и интересъ къ общественнымъ дѣламъ, который одушевлялъ общество передъ крестьянской реформой и вскорѣ послѣ нея, исчезаетъ совершенно. Каждая новая реформа все менѣе и менѣе интересуетъ общество, и послѣдняя—въ городскомъ управленіи—совершается почти незамѣтно. Объ ней вовсе не говорятъ въ обществѣ.

«Сравнивая въ этомъ отношеніи 1860 и 1870 годы, приходится убѣдиться, что общество наше не только не подвинулось впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ. Прежде мы замѣчали всеобщій интересъ къ вопросамъ общественной жизни; всюду были слышны сужденія и толки, не только о главномъ, крестьянскомъ вопросѣ, но и о многихъ другихъ, несмотря на то, что они представлялись въ отдаленномъ будущемъ. Серьезныя статьи въ печати вызывали также сужденія въ обществѣ. Правда, сужденія эти шли часто и вкривь и вкось, но по крайней мѣрѣ видно было, что люди старались объяснить себѣ то, чего не понимали, видно было, что они думали, и что думы эти ихъ интересовали. Въ общественныхъ собраніяхъ появлялись люди, которыхъ возмущали прежніе порядки, которые ставили себѣ цѣлью общественную пользу и старались противодѣйствовать интригѣ и кумовству. Но вотъ проходитъ десять лѣтъ, и все измѣнилось. Людей, которыми руководилъ бы не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они и являются, то въ видѣ исключеній и безъ большого вліянія. Напротивъ, приверженцы стараго порядка вещей,

[1]) «Десять лѣтъ реформъ 1861—1871 гг.» А. А. Головачева.

прежде робко выражавшіе свое мнѣніе, теперь какъ будто устыдились своей прежней скромности и, вслѣдъ за «Московскими Вѣдомостями», набросились на все живое и разумное въ обществѣ. Интрига, кумовство и личный интересъ попрежнему стали царствовать, и не только въ дворянскихъ, но и въ земскихъ собраніяхъ. Исключенія, конечно, есть, но эти исключенія ничего не доказываютъ, мы говоримъ о большинствѣ случаевъ. Несмотря на то, что многія изъ прежнихъ предположеній осуществились и возможность обсужденія достоинствъ и недостатковъ стараго и новаго законодательства сдѣлалась доступнѣе,—этихъ сужденій не слыхать, и даже литература никого не интересуетъ. Послѣдняя, прежде имѣвшая такое значеніе и вліяніе, въ настоящее время утратила ихъ совершенно. Всѣ наши умники, повидимому, думаютъ, что они уже все знаютъ и что литература имъ ничего новаго не скажетъ. Что касается этого послѣдняго обстоятельства, то намъ кажется, что въ немъ надо винить нѣкоторые органы нашей печати и больше никого. Беззастѣнчивая полемика нѣкоторыхъ органовъ, ихъ соперничество между собою и желаніе уронить въ глазахъ публики своего противника, и главное—полицейско-сыскное направленіе, которому нѣкоторые посвятили себя преимущественно, достигли, наконецъ, того, что мало-развитое общество не думало отличать хорошаго отъ дурного и потеряло вовсе довѣріе къ печатному слову».

Обращаясь къ констатированію все того же надвинувшагося на Россію общественнаго индифферентизма къ реформамъ, авторъ продолжаетъ: «Значительныя реформы, произведенныя въ это время, могли бы, кажется, возбудить въ обществѣ интересъ и сочувствіе къ нимъ. По временамъ это и дѣйствительно было замѣтно, но вскорѣ опять наступили охлажденіе и апатія, какъ будто русское общество, истративъ всѣ свои нравственныя силы на крестьянскую реформу, сдѣлалось неспособно интересоваться общественными вопросами на болѣе продолжительное время. Не говоря уже о тѣхъ реформахъ, которыя не прямо касались общества, сколько было такихъ, которыя во всякой другой странѣ произвели бы глубокое впечатлѣніе? Уничтоженіе откуповъ, отмѣна подушной подати съ мѣщанъ, земскія учрежденія, судебная реформа, новый законъ о печати и, наконецъ, новое городовое положеніе. Само собою разумѣется, что первенствующее значеніе въ этомъ перечнѣ имѣютъ земская и судебная реформа, и онѣ произвели на нѣкоторое время сенсацію въ обществѣ. Въ особенности это было замѣтно при введеніи въ дѣйствіе мирового института въ столицахъ, гдѣ личный составъ мировыхъ судей могъ стоять въ уровень съ высотою положенія. Въ провинціи же этого не было замѣтно. Отъ земскихъ учрежденій добродушные мечтатели ожидали многаго; даже нѣкоторые органы печати увлеклись этими

ожиданіями, но прошло нѣсколько лѣтъ, и пришлось разочароваться. Въ настоящее время [1]) ни земскія, ни судебныя учрежденія никого не интересуютъ; но хуже всего то, что отъ нихъ и не ожидаютъ ничего особеннаго. При такомъ положеніи вещей невольно представляется вопросъ: гдѣ же причина этого равнодушія?»

Многіе полагаютъ, думаетъ авторъ, что причина эта кроется въ неудачномъ выборѣ дѣятелей, въ руки которыхъ попало проведеніе реформъ въ жизнь, по мнѣнію же другихъ—причина органическая, лежащая въ основѣ неустойчивости русскаго характера, способнаго на быстрое воспламененіе и вслѣдъ за симъ скоро остывающаго. Допуская, что оба эти фактора сыграли въ дѣлѣ общественной апатіи извѣстную роль, г. Головачевъ полагаетъ, однако, что роль эта не была доминирующей, и что все дѣло заключалось какъ въ несовершенствѣ самыхъ реформъ по ихъ существу, такъ и въ ложности способовъ ихъ осуществленія. На первомъ мѣстѣ, по утвержденію изслѣдователя, необходимо отмѣтить «отрывочность» реформъ. «Въ этомъ отношеніи даже крестьянская реформа не избѣгла этого недостатка,—говоритъ онъ:—она была составлена и введена отдѣльно отъ судебной реформы и при сознаваемой несостоятельности нашихъ судебныхъ учрежденій, потребовала новыхъ спеціальныхъ органовъ судебной власти въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣлами присутствій для разрѣшенія возникавшихъ споровъ между помѣщиками и крестьянами. По судебной реформѣ такая отрывочность замѣчается въ учрежденіи должности судебныхъ слѣдователей при старой системѣ судовъ. Эти новыя должности потребовали огромныхъ суммъ безъ всякой особенной пользы. Создаются также земскія учрежденія для завѣдыванія хозяйственными нуждами въ губерніяхъ, но въ ихъ вѣдѣніе передаются далеко не всѣ эти нужды,—и рядомъ съ ними остаются особыя земскія присутствія и казенныя палаты. Всѣ эти новыя учрежденія ставятся въ полную зависимость отъ губернаторовъ, которые руководствуются прежнимъ наказомъ. Наконецъ, въ вопросахъ финансовыхъ, гдѣ необходимость радикальныхъ реформъ была всего настоятельнѣе, въ видахъ и интересахъ самого правительства, и гдѣ недостатокъ нашей податной системы былъ сознанъ еще до освобожденія крестьянъ, все дѣло ограничивается замѣною откупной системы акцизною, изданіемъ новаго устава о торговлѣ и промыслахъ и наконецъ уставомъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Между тѣмъ упадокъ цѣнности денежной единицы и новыя реформы потребовали увеличенія бюджетовъ всѣхъ вѣдомствъ; министерству финансовъ оставались только два средства для по-

[1]) Эти строки относятся къ 1872 г., когда именно и вышла книга г. Головачева. Б. Г.

крытія постоянно возраставшихъ государственныхъ нуждъ—это займы и возвышеніе налоговъ,—и оно пользовалось этими средствами весьма широко. Словомъ, вездѣ замѣчаются только попытки къ отдѣльнымъ улучшеніямъ частностей... въ этихъ попыткахъ нѣтъ ничего общаго, и онѣ часто исходятъ изъ началъ, совершенно не соотвѣтствующихъ началамъ крестьянской реформы. Такъ, въ основѣ этой послѣдней положено освобожденіе труда, между тѣмъ какъ возвышеніе подушной подати, государственнаго земскаго сбора, падающаго также на душу, и установленіе налога на промыслы не могутъ считаться освобожденіемъ труда: налоги эти падаютъ прямо на трудъ, а не на имущество. Условія ценза не одинаковы въ земскомъ и городовомъ положеніи; условія гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ одни, въ земскихъ другія. Эта непослѣдовательность и различіе въ принципахъ значительно подрываютъ самый авторитетъ законовъ. Но, кромѣ этого вреда въ отдѣльныхъ реформахъ, есть еще большій. При такомъ порядкѣ являются рядомъ учрежденія, основанныя на старыхъ и новыхъ началахъ, и между ними возникаютъ столкновенія, которыя не только отнимаютъ и время, и силы, и средства, нужныя для настоящаго дѣла, но часто подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ новымъ учрежденіямъ—а это опаснѣе всего. Новыя учрежденія и помимо всякаго противодѣйствія, вслѣдствіе необходимости, встрѣчаются съ затрудненіями и, главное, съ недостаткомъ опытности; но если къ этому присоединяется еще противодѣйствіе со стороны разныхъ учрежденій, основанныхъ на старыхъ началахъ, учрежденій, власть имѣющихъ и чувствующихъ, какъ эта власть уходитъ изъ ихъ рукъ, что не можетъ быть пріятно, тогда или вовсе не будетъ полезнаго результата дѣятельности новыхъ учрежденій, или онъ будетъ едва замѣтенъ. При такихъ обстоятельствахъ даже лучшіе люди теряютъ энергію и оставляютъ дѣятельность, изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонамѣренности, чему бывали примѣры не одинъ разъ. Такимъ образомъ, исполненіе, быть можетъ, и хорошо задуманной реформы попадаетъ въ руки жалкой посредственности, которая только портитъ дѣло».

По мнѣнію писателя, «составители первоначальныхъ проектовъ не вполнѣ были убѣждены какъ въ насущной необходимости тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ имѣлось въ виду при составленіи новыхъ положеній, такъ и въ несостоятельности прежняго порядка, а потому мы не видимъ въ новыхъ законахъ огражденія отъ вліянія старыхъ принциповъ». Послѣднее слово пессимистической рѣчи автора сводится къ тому, что «новыя сѣмена свободнаго труда, самоуправленія, независимаго суда и нѣкоторой свободы слова брошены не на расчищенное поле, а среди старыхъ плевелъ крѣпостныхъ порядковъ. Мудрено ли послѣ того, что молодыя растенія глохнутъ, а люди, болѣе прозорливые, утратили энту-

зіазмъ первыхъ дней? Они думаютъ, что слѣдуетъ начинать новый періодъ реформъ, установивъ прежде всего общія начала для этихъ реформъ».

Экономія мѣста не позволяетъ привести всѣ частичныя указанія компетентнаго изслѣдователя по каждой реформѣ въ отдѣльности, да это и не входитъ въ общій планъ нашихъ очерковъ. Важно лишь отмѣтить показаніе живого умнаго современника, принимавшаго дѣятельное участіе въ событіяхъ тогдашней жизни, что эпоха реформъ оказалась безсильною поднять народный духъ, вызвать творческій энтузіазмъ и пролить на общественную дѣйствительность тѣ свѣтлые лучи, въ потокѣ которыхъ она ожила бы и расцвѣла пышныхъ цвѣтомъ. Черезъ десять лѣтъ періода реформъ все осталось какъ бы пришибленнымъ, съ печатью на немъ некультурности, пошлости и непроизводительности. Какой-то разбродъ и уныніе—съ одной стороны и сѣрый цвѣтъ—съ другой, вотъ то наслѣдіе, которое перешло отъ громкаго десятилѣтія къ послѣдующему времени. А. А. Головачевъ писалъ свою книгу уже тогда, когда свободѣ слова были положены ограничительные предѣлы, почему онъ и не могъ ставить точекъ на і и говорилъ испытаннымъ русскою литературою въ такихъ случаяхъ эзоповымъ языкомъ. Указывая на необходимость «начать новый періодъ реформъ», онъ имѣлъ въ виду именно тотъ періодъ преобразованія отечественной жизни, который только теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, переживаемъ мы. Онъ именно имѣлъ въ виду представительный строй правленія, т. е. то, къ чему въ той или иной формѣ этого представительства стремились всѣ передовые умы нашей интеллигенціи и во имя котораго пролилась кровь 14 декабря 1825 года. До осуществленія же этого представительства онъ полагалъ, что никакія частичныя реформы значенія имѣть не будутъ, не дадутъ осязательныхъ и животворныхъ результатовъ, не будутъ совершенны и производительны. Казенщина полицейско-бюрократическая задавитъ ихъ и вытравитъ изъ нихъ всѣ зиждительные соки. А потому людямъ, умудреннымъ опытомъ жизни, остается лишь принять выжидательное положеніе, а силамъ молодымъ, не перебродившимъ и рвущимся къ жизни,—удѣлъ безвременно гаснуть и гибнуть. Многія дальнѣйшія страницы нашихъ очерковъ и будутъ посвящены въ настоящей ихъ части повѣствованію объ этой трагической гибели и параллельно этимъ драмамъ молодыхъ жизней мы увидимъ и то мертвящее оцѣпенѣніе, которое исподволь, но плотно охватывало всѣ силы страны, обрекая ея реальную видимость на ту печальную картину, которую поэтъ охарактеризовалъ словами: «въ небѣ крикъ орлиныхъ стай; волчій голосъ въ полѣ» и «свистъ полночный соловья, вѣтеръ, степь да тучи»... Но прежде, чѣмъ приступить къ этому повѣствованію, мы должны обрисовать, какъ бы въ подтвержденіе выводовъ Головачева, наступленіе періода

апатіи на живыхъ конкретныхъ группахъ, которыя представляли собою вліятельную соціальную Россію, вершившую судьбами народной жизни, дававшую ей тонъ и отъ ея имени говорившую передъ судомъ исторіи.

Близко стоявшій въ тѣ годы къ придворной жизни князь В. П. Мещерскій въ не разъ уже цитированныхъ нами воспоминаніяхъ [1]) даетъ нижеслѣдующія любопытныя свѣдѣнія о настроеніяхъ, царившихъ въ придворныхъ, великосвѣтскихъ и высшихъ административныхъ сферахъ. Въ Зимнемъ дворцѣ царило настроеніе мягкое, грустное, и въ атмосферѣ чувствовалось разочарованіе и неудовольствіе по поводу большинства явленій русской общественной жизни. Печать этой грустной разочарованности прежде всего лежала на самомъ государѣ императорѣ, и вотъ двѣ сценки, приводимыя княземъ Мещерскимъ, обнаруживающія такое его душевное состояніе. «Запомнился одинъ моментъ на вечерѣ въ Китайской гостиной у ихъ величествъ въ эту осень (1864), и гдѣ главнымъ страдательнымъ лицомъ была бѣдная и милая графиня Блудова,—повѣствуетъ издатель «Гражданина».—Она только что вернулась изъ своего имѣнія въ Смоленской губерніи и полна была впечатлѣніями отъ новаго крестьянскаго житья-бытья, на которое она смотрѣла очами своей прекрасной души. Сидѣла она за чайнымъ столомъ, неподалеку отъ императрицы, и въ извѣстную минуту съ нею рядомъ сѣлъ государь.

«Государь началъ ее разспрашивать про ея поѣздку въ деревню, и я вижу, какъ во время разговора лицо графини какъ бы озаряется какимъ-то вдохновеніемъ сердца, и затѣмъ капнули изъ глазъ двѣ-три слезинки умиленія, то была минута, когда она говорила государю о благодарности къ нему народа.

«Государь слушалъ ее, потомъ я вижу, какъ его слѣтлое и доброе лицо вдругъ отуманилось и съ грустью въ глазахъ и на челѣ, смѣнившею улыбку, онъ говоритъ графинѣ Блудовой: ah, chère comtesse, c'est de l'idylle.

«Графиня смутилась и даже испугалась.

«—Comment de l'idylle, c'est la pure verité, pouvez vous douter de la reconnaissance du peuple russe?

«—Helas,—съ той же грустью отвѣчаетъ государь,—je ne crois plus à la reconnaissance humaine.

«Бѣдная графиня, собиравшаяся тронуть, утѣшить государя, въ этотъ годъ немало пострадавшаго, была въ этотъ вечеръ какъ убитая словами государя. Ее мучила мысль, сколько же долженъ былъ пострадать бѣдный государь, если такъ рано и такъ скоро онъ могъ прійти къ такому разочарованію. И дѣйствительно, во многомъ онъ долженъ былъ обмануться, многое должно было его глубоко огорчить, если вспомнить, что два года передъ тѣмъ, сіяя

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія.» Часть первая (1850—1864 гг.).

восторженною радостью, онъ сказалъ 19 февраля 1861 года Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой: aujourdhui c'єst le plus beau jour de ma vie».

Разсказывая въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о представленіи одного губернатора зимою 1865 года государю, Мещерскій

Императрица Марія Александровна.

сообщаетъ слѣдующее: «Государь его принялъ въ своемъ кабинетѣ и, послѣ нѣсколькихъ словъ, говоритъ ему: ну, садись и разсказывай мнѣ все, что у тебя въ губерніи дѣлается... А самъ государь сталъ ходить по кабинету. Пріемъ обратился въ экзаменъ. Онъ началъ говорить по порядку: съ дворянства.

«— Что, дворянство очень на меня сердится за освобожденіе крестьянъ?—спросилъ полушутя государь.

«Губернаторъ отвѣтилъ, что этого чувства онъ никогда не замѣчалъ въ дворянствѣ.

—Il font bonne mine à mauvais jeu,—сказалъ государь,—ils veulent se rattraper sur le земство... А у тебя оно спокойно?—спросилъ серьезно государь.

«Губернаторъ отвѣтилъ, что спокойно.

«— Столичныя земства [1]),—сказалъ государь,—даютъ дурной примѣръ, къ сожалѣнію. Они вздумали было меня учить, что дѣлать... Я надѣюсь, что губернаторы сумѣютъ сдерживать нетерпѣливые и слишкомъ увлекающіеся умы въ губерніи—съ тактомъ и энергіей...

«Я спросилъ губернатора, какъ говорилъ государь эти слова: съ гнѣвомъ или спокойно?

«— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ,—безъ всякаго гнѣва, а скорѣе добрымъ голосомъ и совсѣмъ спокойно.

«Вспоминаю, что, когда губернаторъ заговорилъ о народѣ и его благодарности, государь сразу его прервалъ.

«— Ну, насчетъ народной благодарности ты можешь мнѣ не говорить: я ни въ чью благодарность не вѣрю.

«Вообще губернаторъ, послѣ получасового свиданія съ государемъ, вынесъ впечатлѣніе, что онъ слишкомъ разочарованъ въ людяхъ и въ особенности въ идеяхъ реформъ». Задавшись вопросомъ, откуда явилось это столь быстро наступившее разочарованіе, князь Мещерскій даетъ слѣдующій посильный отвѣтъ: «Увы, причинъ этому было много... Десять лѣтъ прошло съ начала его царствованія... Сколько людей наговорили ему въ эти десять лѣтъ худого о худомъ, и какъ мало, напротивъ, люди говорили ему хорошаго о хорошемъ и въ извиненіе худого. Печать на 1/4 говорила о благодарности и на 3/4 говорила во имя отрицанія, обличенія и осужденія. Подпольная и заграничная русская публицистика была полна доносами, обвиненіями и злобою. Каждый день подавались государю въ разныхъ видахъ всѣ людскіе злые отзывы и злыя сплетни... Это одна сторона. А другая еще понятнѣе. Въ первые дни своего царствованія государь только жилъ для мечтанія и желанія добра. Онъ могъ, слѣдовательно, ожидать отъ людей довѣрія и терпѣнія къ своимъ прекраснымъ и благолюбивымъ стремленіямъ. Но нѣтъ; едва онъ дѣлалъ благое дѣло, никто не успѣвалъ еще сказать: спасибо, какъ начиналось нетерпѣливое требованіе другого, еще и еще; нервная похоть

---

[1]) Указаніе на адресъ московскаго земства и земскія собранія въ Петербургѣ.
Б. Г.

къ новому и къ реформѣ была главнымъ двигателемъ всѣхъ, и, чтобы ни дѣлалъ государь, всѣ дѣла встрѣчала критика однихъ и нетерпѣливыя требованія другого отъ другихъ... Ему не давали услыхать и увидать благодарность на дѣлѣ... трудно ли было при этихъ условіяхъ, окружавшихъ царя, не разочароваться».

Видоизмѣнилась нѣсколько къ началу 1865 г. и домашняя обстановка Александра II въ смыслѣ оказываемаго на него политическаго давленія. Князь Мещерскій свидѣтельствуетъ: «Даже въ домашнемъ кругу его мы знали о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ обычаяхъ, которые были въ связи съ перемѣною въ настроеніи и во взглядахъ государя. Такъ, напримѣръ, гостиная императрицы была уже не та. Прежде, съ начала царствованія, въ Петербургѣ говорили объ этой гостиной, потому что въ ней разъ или два раза въ недѣлю бывали небольшіе вечера, гдѣ велись оживленныя бесѣды о вопросахъ русской жизни, и на которые приглашались люди, называвшіеся въ обществѣ умными или достойными вниманія. Вечера эти имѣли живой смыслъ и благотворное вліяніе, внося въ придворную атмосферу много правдивыхъ отголосковъ жизни. Тогда же говорилось много о благомъ вліяніи императрицы на многія дѣла и на многіе государственные взгляды. Но въ 1864 году уже этихъ вечеровъ исчезли и слѣды. И всѣ знали съ грустью, что императрица старалась отстраняться отъ всякаго прямого вмѣшательства въ дѣла. Почему? Увы, отвѣтъ былъ очень простъ: потому, что стали находиться люди, которые этому умному, умѣряющему и спокойному вліянію императрицы признавали нужнымъ мѣшать, дабы другія менѣе умѣренныя и менѣе спокойныя вліянія не могли ея вліяніемъ парализоваться. Вечера бывали, но они имѣли характеръ свѣтскій и абсолютно не политическій, или же заключались въ чтеніи какой-нибудь беллетристической вещи. Только по средамъ, когда государь уѣзжалъ на охоту, императрица собирала у себя за обѣдомъ иногда людей для политической бесѣды...»

Идейный, политическій Standpunkt, къ которому стягивались придворныя вліянія и около котораго они боролись, сводился къ слѣдующему: какой программѣ дѣйствій слѣдовать, какъ въ вопросахъ внутренняго управленія, такъ и въ вопросахъ соотношенія съ политическими общественными либеральнаго характера. Въ то время, какъ одна придворная группа сводила вопросъ къ яркоокрашенной національностической политикѣ (особенно въ польскомъ вопросѣ) и къ противодѣйствію либеральнымъ «требованіямъ вѣка», другая—проповѣдывала компромиссы, политику уступокъ, согласную съ духомъ времени и западно-европейскими правовыми теоріями. По свидѣтельству все того же князя Мещерскаго, «при дворѣ тогда... мягкое направленіе очень сильно брало верхъ надъ

тѣмъ, которое въ Муравьевѣ [1]) находило геніальнаго борца за русскую народность и за русское единодержавіе. Борьба была неравная, ибо за Муравьева въ то время были только двѣ женщины, Анна Ѳедоровна Тютчева и графиня Блудова, послѣ кончины отца пожалованная въ камеръ-фрейлины и переѣхавная во дворецъ. Императрица, несмотря на этихъ двухъ близкихъ къ ней женщинъ, была поколеблена сильнымъ вліяніемъ придворныхъ политикановъ противъ Муравьева. Я назвалъ князя Суворова[2]), но онъ былъ недостаточно уменъ, чтобы имѣть сильное вліяніе; онъ только громко кричалъ и ругался, а тутъ же были люди умные, коихъ космополитическое вліяніе было гораздо сильнѣе Суворовскаго. Два графа Шувалова, отецъ графъ Андрей Петровичъ и сынъ его графъ Петръ [3]), затѣмъ князь Павелъ Андреевичъ Долгоруковъ, затѣмъ Мраморный дворецъ; тутъ же были Иванъ Матвѣевичъ Толстой, баронъ Ливенъ, постоянный habituè государя, графъ Віельгорскій, затѣмъ съ своими острыми шутками князь Вяземскій и, наконецъ, графъ Алексѣй Толстой [4]), одинъ изъ друзей государя, имѣвшій за собою право всегда правдиваго и всегда смѣлаго и откровеннаго голоса. Еще ближе подходило вліяніе вступившей тогда въ положеніе приближенной императрицы женщины умной и живой, Анастасіи Николаевны Мальцевой, урожденной княжны Урусовой, и вотъ всѣ эти лица вмѣстѣ представляли при дворѣ силу, противодѣйствовавшую, съ одной стороны, общественному мнѣнію, крѣпко поддерживавшему, съ Катковымъ во главѣ, Муравьева, а съ другой стороны, такимъ одинокимъ представителямъ русскаго настроенія, каковыми были графиня Блудова и А. Ф. Тютчева».

Около этихъ придворныхъ группъ соотвѣтственно располагались и бюрократическія министерскія теченія, причемъ въ періодъ, послѣдовавшій послѣ 1863 г. и удачнаго усмиренія поляковъ, умѣренно-либеральныя и оппортунистическія теченія получили перевѣсъ, благодаря чему, съ одной стороны, быстро осуществилась судебная реформа, а съ другой—состоялось удаленіе на покой графа Муравьева. Но если чиновному Петербургу съ Валуевымъ во главѣ удалось свалить виленскаго диктатора, то съ Катковымъ дѣло не обошлось такъ легко: положить предѣлъ его «оппозиціи во имя его величества» не удалось, а раздавшійся вскорѣ (въ 1866 г.) Каракозовскій выстрѣлъ упрочилъ его положеніе и смелъ съ арены дѣйствій его петербургскихъ высокопоставленныхъ враговъ. Если

---

[1]) Муравьевъ-Виленскій, усмиритель польскаго возстанія и противникъ эмансипаціи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею.

[2]) С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Впослѣдствіи шефъ жандармовъ послѣ смѣны Долгорукова.

[4]) Извѣстный поэтъ. Б. Г.

еще въ теченіе 1865 г. оставалось подъ сомнѣніемъ, въ какую сторону склонятся дворцовые вѣсы и какое вліяніе получитъ преобладающее значеніе, то злополучный день 4 апрѣля 1866 г. разрѣшилъ всѣ колебанія въ опредѣленномъ направленіи. Онъ смелъ всѣ иллюзіи либеральной партіи и, хотя не остановилъ осуществленія намѣченнаго круга реформъ, поставленныхъ уже къ разрѣшенію, но для новыхъ и въ особенности для идеи «увѣнчанія зданія», о

А. А. Краевскій.

коемъ какъ-никакъ, а все же позволяли себѣ робко мечтать и Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, уже не оставалось никакой надежды. Въ этомъ отношеніи 4 апрѣля 1866 г. и 1 марта 1881 г. сыграли въ жизни Россіи свою историческую роль: они остановили извѣстный наклонъ событій и затормозили каждый на много лѣтъ то, къ чему хотя нерѣшительно, однако съ громадными треніями и препятствіями подвигался, ходъ предыдущихъ событій. Если нѣкоторые симптомы реакціи можно прослѣдить и въ періодѣ 1863—1865 гг., то опредѣленно о ней говорить, какъ о фактѣ неминуемомъ или какъ о заключительномъ аккордѣ для періода

1855—1865 г., было бы неосмотрительно и бездоказательно. Придворная партія уступокъ и компромиссовъ, какъ мы то видѣли изъ показаній кн. Мещерскаго, дѣлала свое дѣло, и въ пользу ихъ противниковъ оставалось чрезвычайно немного; бюрократія же съ Валуевымъ во главѣ, во всякомъ случаѣ, была далека отъ союза съ сочувствующими Муравьеву и Каткову, прозорливо усматривая въ нихъ тѣ силы, которыя, въ случаѣ торжества, сметутъ ихъ съ арены дѣйствій. Политическій радикализмъ, отъ котораго дальновидно открещивался уже тогда Герценъ, сыгралъ именно на руку и Муравьеву и Каткову, послѣднему въ особенности. Вотъ почему мы видимъ въ дѣйствіямъ министерства Валуева политику противодѣйствія, рѣзкаго и даже грубаго, проповѣди «публициста Страстного бульвара», котораго онъ безуспѣшно спѣшитъ убрать съ поля журнальной работы, съ одной стороны, а съ другой—политику заигрыванія съ представителями умѣреннаго либерализма, обосновавшимися въ «Голосѣ» А. А. Краевскаго, тогда только что основанномъ.

Валуева, конечно, нельзя разсматривать, какъ выразителя либеральныхъ общественныхъ тенденцій, но эта была та бюрократическая сила, которая подъ давленіемъ правильно веденной кампаніи могла бы сослужить нужную въ данный моментъ общественную службу. «Общественно мнѣніе» 1864 г., выдвинутое либеральными общественными элементами, было противъ политики крутого усмиренія Муравьевымъ польскаго возстанія и вотъ, по свидѣтельству кн. Мещерскаго, Валуева «болѣе всего сердилъ несомнѣнный успѣхъ Муравьева въ Вильнѣ, котораго, надо отдать справедливость Муравьеву, онъ достигалъ, не взирая на то, что Валуевъ всѣми силами старался мѣшать Муравьеву и даже хвастался этимъ... Эта политическая ненависть къ Муравьеву ложилась темнымъ пятномъ на Валуева, ибо если ему не удавалось на дѣлѣ мѣшать Муравьеву въ Вильнѣ, то все же на совѣсть Валуева легла отвѣтственность за то, что анти-муравьевская партія желала вооруженія противъ него государя. У государя явилось, подъ вліяніемъ всякихъ наговоровъ и сплетенъ, враждебное чувство къ Муравьеву. Послѣдній это зналъ, и потому, исполнивъ главную часть своей задачи,—усмиривъ мятежъ и вернувъ краю спокойствіе,—сослался на свою старость, чтобы хлопотать о своемъ уходѣ изъ Вильны при первой же возможности. Это торжество антимуравьевской интриги при дворѣ, достигнутое усиліями всей космополитической и всей либеральной партіи въ Петербургѣ, было однимъ изъ важнѣйшихъ по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ политическихъ событій этого времени, ибо отсутствіе симпатій и полнаго довѣрія къ Муравьеву сверху подорвало довѣріе и къ плану и къ программѣ этого великаго государственнаго человѣка какъ разъ въ минуту, когда то и другое надо было упорно и энергично

продолжать въ Западномъ краѣ, и создало порядокъ вещей—неопредѣленный, перемѣнчивый и шаткій... Въ этомъ историческомъ роковомъ недоразумѣніи значительная доля вины принадлежитъ Валуеву; хотя надо сказать и то, что всякій, знавшій близко Валуева, не могъ не злиться, не негодовать на Валуева за это: la plus fojolie femme ne peut donnez que ce qu'elle a; Валуевъ не могъ давать государственнымъ вопросамъ того, чего у него не было; а у него не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства, или было и того и другого такъ мало, что весь онъ отдавался въ распоряженіе какихъ угодно—европейскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ—вліяній культуры и политики, съ полнѣйшимъ подобострастіемъ, но русскаго духа, русскаго разума стыдился и стыдился потому, что не зналъ ихъ и не имѣлъ ихъ».

Если въ отношеніяхъ къ Муравьеву и польскому вопросу положеніе, занятое Валуевымъ, рисовалось подъ угломъ націоналистическихъ требованій страннымъ для министра внутреннихъ дѣлъ, то таковымъ же страннымъ оно оказалось въ его отношеніяхъ къ Каткову и къ его газетѣ «Московскія Вѣдомости», являвшейся въ тѣ дни центромъ націоналистическихъ тенденцій и патріотическаго подъема духа. Въ своей ненависти къ Каткову и его органу министръ сталъ, при всей своей антипатіи къ демократическимъ теоріямъ, цѣликомъ на сторону только что основаннаго тогда Краевскимъ «Голоса», явившагося замаскированнымъ офиціозомъ министерства народнаго просвѣщенія Головнина и сосредоточіемъ сепаратистическихъ вѣяній и польскихъ вожделѣній. Объ этой страничкѣ нашей общественной жизни, въ связи съ земскими теченіями, князь Мещерскій повѣствуетъ такъ: «Въ то время начала создаваться партія либераловъ-аристократовъ въ аристократическихъ сферахъ петербургскаго общества. Назывались тогда уже нѣкоторыя грансеньерскія имена и политическіе салоны, гдѣ на будущее земство смотрѣли, какъ на арену для политической роли дворянства, думая о будущихъ политическихъ рѣчахъ, о будущихъ петиціяхъ,—и пока либералы-демократы предвкушали близкое наступленіе торжества всесословія, слѣдовательно, окончательнаго пораженія дворянства, либералы-аристократы мечтали о руководящей политической роли дворянства посредствомъ земства.

«Валуевъ смотрѣлъ на разрабатываемое подъ его главенствомъ земское положеніе скорѣе академически, чѣмъ съ точки зрѣнія какой-либо политической доктрины. Какъ во многихъ мысляхъ Валуева, и въ этомъ академическомъ взглядѣ на созидавшееся земство была доля наивнаго. Валуевъ исходилъ изъ мысли, что, создавая въ губерніяхъ цѣлую область земскихъ, то есть хозяйственныхъ заботъ, онъ этимъ давалъ умамъ сферу дѣятельности, которая могла ихъ оживлять, занять и отвлечь отъ политиче-

скихъ мечтаній въ общей, такъ сказать, сферѣ. Развѣ это не было наивно?

«А затѣмъ, говоря о земствѣ, какъ о всесословномъ органѣ хозяйства въ губерніи, онъ не менѣе наивно представлялъ его себѣ какимъ-то оркестромъ, въ которомъ будутъ гармонично разыгрываться всѣ мотивы земскаго self government, всѣ инструменты провинціальной жизни, и гдѣ дирижеромъ въ каждой губерніи будетъ губернаторъ.

«Все это было очень идиллично и мило, но дѣло въ томъ, что либералы того времени интересовались будущимъ земствомъ вовсе не потому, что хозяйство въ губерніи и уѣздѣ переходило изъ рукъ губернской администраціи къ земскимъ собраніямъ и управѣ, а исключительно, тѣмъ, что созданіе губернскаго земства неизбѣжно должно повлечь за собою центральное земство, то есть, во мнѣнію однихъ [1]), земскій соборъ, а по мнѣнію другихъ [2])—земскую палату. Но о палатѣ лордовъ, или о второй палатѣ, консервативной,—надо это прибавить для характеристики того времени—въ этихъ кружкахъ интеллигенціи считалось даже преступленіемъ и думать».

Тогда силою, руководящею интеллигенціею и въ особенности чиновническою интеллигенціею, былъ органъ Краевскаго «Голосъ». Онъ былъ всемогущъ въ офиціальномъ мірѣ, онъ пользовался особенною протекціею выступившаго во всемъ блескѣ своего могущества Головнина, новаго министра народнаго просвѣщенія, и такъ какъ этотъ же «Голосъ» воспѣвалъ будущее земство, то и Валуевъ ему покровительствовалъ, не взирая на то, что называлъ его демократическое направленіе антипатичнымъ.

«Это было тоже характернымъ курьезомъ,—говоритъ князь Мещерскій.—Валуевъ покровительствовалъ «Голосу» и самымъ искреннимъ образомъ являлся врагомъ, политическимъ, Каткова. Въ то время умный и ловкій Головнинъ, не желая себя ставить въ фальшивое положеніе относительно общественнаго мнѣнія и боговъ популярности, цензуру сдалъ Валуеву, и первое употребленіе, которое изъ нея сдѣлалъ Валуевъ, скопировавъ и переведя для примѣненія къ нашей печати правила наполеоновскаго режима съ его системою предостереженій, было преслѣдованіе Каткова. Катковъ, чувствуя совершенно основательно свою нравственную силу въ то время, не хотѣлъ склоняться передъ Валуевымъ въ польскомъ вопросѣ, и кончилось тѣмъ, что Валуевъ далъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе, думая газету на время прекратить. Но Катковъ не подчинялся; онъ сталъ все-таки выпускать «Московскія Вѣдомости» и платить штрафы. Валуевъ потерпѣлъ фіаско.

---

[1]) Славянофиловъ.

[2]) Умѣренныхъ западниковъ-конституціоналистовъ.

Государь лично вмѣшался въ это дѣло и, бывши въ Москвѣ, протянулъ Каткову руку и благодарилъ его за его патріотическія статьи и снялъ запреты съ газеты его.

«Отъ этого рикошетомъ выигралъ «Голосъ», ибо Валуевъ, изъ ненависти къ Каткову, давалъ волю Краевскому, который ею воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы въ угоду Валуеву при всякомъ случаѣ ругать Каткова.

«Но Валуевъ издавалъ свой собственный органъ. Это была офиціальная газета «Сѣверная Почта», изъ которой онъ замыслилъ сдѣлать нѣчто въ родѣ французскаго «Moniteur Universel». Но и эта мечта Валуева оказалась наивностью. Валуевъ создалъ особый отдѣлъ, полуофиціальный, гдѣ думалъ помѣщать руководящія и даже полемическія статьи по вопросамъ внутренней политики. Онъ даже самъ писалъ для газеты статьи.

«Но, разумѣется, ничего не вышло, кромѣ комичнаго, ибо всѣ знали, что Валуевъ за слишкомъ усердную полемику противъ «Сѣверной Почты» могъ отвѣчать предостереженіемъ, и потому никто о «Сѣверной Почтѣ» не говорилъ въ печати, и она глохла».

Такова была общественная физіономія и роль въ тогдашнихъ событіяхъ политико-общественнаго характера вершителя судебъ нашей внутренней политики. Вторымъ лицомъ, къ которому приковывалось общее вниманіе, былъ канцлеръ князь Горчаковъ, по ироническому прозвищу Тютчева—«le narcisse de l'écriture», всегда влюбленный въ себя и въ свои элегантныя политическія ноты, весь цѣликомъ ушедшій въ красивыя фразы и тонкости французской стилистики. Князь Горчаковъ создалъ себѣ главнымъ образомъ историческое имя умѣло составленною нотою европейскимъ державамъ въ періодъ польской смуты, когда на Россію надвинулось вмѣшательство европейскихъ дворовъ въ ея внутреннія дѣла. Однако, его отпоръ не былъ актомъ личнаго настоянія передъ государемъ, ибо имъ на всякій случай былъ составленъ и болѣе мягкій и уклончивый отвѣтъ, который онъ рядомъ съ первымъ и предложилъ на выборъ Александру II; и только настоянія націоналистической партіи склонили государя къ принятію именно твердаго тона въ обращеніи къ сосѣдямъ. Государь чрезвычайно высоко цѣнилъ Горчакова и какъ человѣка и какъ руководителя дѣлами нашей внѣшней политики, почему по всей справедливости изъ всѣхъ тогдашнихъ министровъ онъ пользовался наибольшею близостью ко двору.

Послѣ него вторымъ лицомъ въ кругу этой близости былъ тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ, который въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ прославился своимъ крайнимъ баронофильствомъ и анти-русскимъ настроеніемъ. По переѣздѣ въ столицу Суворовъ, подъ давленіемъ царившаго здѣсь моднаго настроенія реформаторскаго и оппози-

ціоннаго характера, сталъ либераломъ съ постоянной шуткой на устахъ и безпрерывнымъ крикливымъ и шумнымъ балагурствомъ. Характеризуя и этого вліятельнаго друга Зимняго дворца, князь Мещерскій говоритъ: «Поставивъ себѣ странную задачу быть въ одно время другомъ государя и самымъ популярнымъ въ общественномъ мнѣніи человѣкомъ, называя для смѣха своимъ другомъ и Чернышевскаго и Михайлова, князь Суворовъ много надѣлалъ вреда своимъ неукротимымъ чудачествомъ. Около него образовалась какая-то атмосфера распущенности въ языкѣ сперва, а потомъ въ принципахъ и дѣйствіяхъ, какого-то духовнаго перемятства относительно служебнаго долга, обязанностей, принциповъ, которые многихъ сбивали съ толку и разными окольными путями отражались иногда и въ иныхъ сферахъ общества, и въ средѣ учащейся молодежи. Съ рекомендаціями князя Суворова толкались по Петербургу, ища занятій, всевозможные косматые нигилисты: князь Суворовъ любилъ съ ними заигрывать [1]). Я видѣлъ его въ пріемной болѣе любезничающимъ съ ними, чѣмъ съ какимъ-нибудь почтеннымъ генераломъ. А между тѣмъ, всѣми этими шутками и чудачествами пробавлялся князь Суворовъ одинъ, а возлѣ него должностныя лица относились ко всему, къ чему Суворовъ относился балагуромъ, серьезно, а въ области серьезнаго Суворовъ всегда былъ безгласенъ, и пока, шутя съ разными нигилистами и называя Михайлова и К° mes amis, князь Суворовъ невольно ободрялъ ихъ шалить, тотъ же Суворовъ не умѣлъ быть серьезнымъ, не умѣлъ мѣшать, не могъ мѣшать, чтобы то здѣсь, то тамъ не попадались эти юные шалуны, входя въ категорію политическихъ преступниковъ... И всѣ его считали добрякомъ... Да, пожалуй, онъ былъ добрякъ, то есть то, что принято называть добрымъ человѣкомъ, но это качество было въ немъ отрицательное. Именно въ это время я его помню далеко не добрымъ, ибо никто не шелъ такъ зло, такъ пристрастно противъ Муравьева и противъ русскаго народнаго чувства, какъ Суворовъ. Пользуясь своею близостью ко двору и снисходительностью къ его языку, онъ не останавливался ни предъ какою сплетнею, ни предъ какою клеветою, чтобы чернить Муравьева въ глазахъ государя; мало того, онъ дѣлалъ изъ симпатіи къ Муравьеву какое-то политическое, будто бы, вредное настроеніе умовъ, вездѣ, гдѣ могъ, мѣшалъ всякому проявленію уваженія и симпатіи къ Муравьеву и немало содѣйствовалъ тому, чтобы въ глазахъ государя дискредитировать ту единственную

---

[1]) О популярности князя Суворова среди молодежи свидѣтельствуетъ и г. Пантелѣевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Между прочимъ и онъ, когда предпринялъ свое политическое tourné по Россіи въ цѣляхъ организаціи провинціальныхъ отдѣловъ «Земли и Воли», то выѣхалъ въ свою конспиративную поѣздку, имѣя въ карманѣ именно рекомендательное письмо князя Суворова. Б. Г.

вѣрную и мудрую политику въ Западномъ краѣ, которую создалъ Муравьевъ и которая кончилась въ Вильнѣ не потому, что Муравьевъ ушелъ, а потому, что сама политика была подорвана въ самомъ главномъ—въ довѣріи къ ней царя».

Во главѣ Третьяго Отдѣленія стоялъ князь В. А. Долгоруковъ. «Надъ домомъ шефа жандармовъ переставалъ мерещиться грозный образъ Дубельта, съ поднятыми угрожающими кулаками, и смѣнило его сладкое видѣніе—добраго, съ милою улыбкою князя Василія Андреевича,—повѣствуетъ князь Мещерскій.—И тогда, во исполненіе печальнаго закона человѣчества, всѣ крайніе либералы воспользовались этою доброю и честною личностью, чтобы храбро свершать свои походы въ область соціализма и записываться въ политическіе дѣятели... Онъ былъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ не только вельможи стараго благороднаго закала, но и необыкновенно деликатнаго человѣка. Нѣкоторые говорили про него, что онъ былъ простъ умомъ, но этого никакъ нельзя было про него сказать; напротивъ, у него былъ тонкій и быстро охватывающій умъ, но главный недостатокъ этого ума былъ тотъ, что онъ не умѣлъ сосредоточиваться и углубляться въ предметы, и предпочиталъ скользить по поверхностямъ вопросовъ. Это былъ общій, такъ сказать, недостатокъ его ума; и затѣмъ, для шефа жандармовъ умъ его имѣлъ тотъ недостатокъ, что онъ слишкомъ подчинялся его доброму сердцу и той деликатности, про которую я сейчасъ писалъ.

«Привѣтливая, добрая и благородная улыбка никогда не покидала князя Василія Андреевича, даже тогда, когда отъ него требовали, чтобы онъ являлся грознымъ представителемъ своего страшнаго вѣдомства. А улыбка эта была отраженіемъ его постоянно свѣтлаго и привѣтливаго настроенія духа. Изъ разговора съ нимъ получалось впечатлѣніе, что умъ князя Василія Андреевича никакъ не могъ усвоить себѣ представленіе о какомъ-нибудь подлецѣ или о какомъ-нибудь зломъ политическомъ преступникѣ. Онъ не понималъ ни нравственнаго уродства, ни жизни, посвященной преступному замыслу. Онъ не вѣрилъ ни въ полноту преступнаго замысла, ни въ полноту испорченности человѣка, и все, что до него доходило, онъ торопился относить на счетъ увлеченія, на счетъ заблужденія, и гораздо болѣе боялся строгости на своемъ мѣстѣ, чѣмъ опасности отъ политическихъ злоумышленниковъ, и на разу, это можно навѣрное сказать, не останавливался на мысли, что будь онъ строгъ въ извѣстныхъ случаяхъ, или допусти онъ строгость, онъ, вѣроятно, спасъ бы Россію отъ ужасной послѣдующей эпохи политическаго растлѣнія. На бѣду тогда былъ цѣлый тріумвиратъ мягкостей, коимъ центръ былъ князь В. А. Долгоруковъ: онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и министръ юстиціи Замятинъ. Передъ этимъ тріумвиратомъ Муравьевъ въ Вильнѣ и графъ Бергъ въ Варшавѣ являлись

какими-то страшными звѣрями апокалипсиса. Валуевъ былъ помѣшанъ на своей idée fixe, что полнота оркестра требуетъ и рѣзкихъ звуковъ того или другого инструмента (это были будущіе анархисты). Замятинъ все говорилъ: «надо помягче, надо помягче», а тогдашній шефъ жандармовъ усовѣщевалъ Огрицко во имя порядочности. И какъ, будучи военнымъ министромъ при императорѣ Николаѣ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ никакъ не могъ себѣ представить мысли о возможности пользоваться войною, чтобы набивать себѣ карманъ и, вслѣдствіе этого, кражи и хищенія интендантства доходили до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ и въ царствованіе Александра II онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы люди захотѣли воспользоваться добротою и довѣріемъ государя къ либерализму, для обращенія его въ оружіе противъ самого государя, и этимъ именно пользовались люди, чтобы работать смѣло и дружно противъ власти и порядка.

«И на бѣду, врагъ по своему характеру всякихъ энергичныхъ мѣръ противъ начавшейся тогда заразы соціализма, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ являлся въ то же время сообщникомъ Валуеву въ его борьбѣ противъ Муравьева и русской партіи въ польскомъ вопросѣ; это было неизбѣжное послѣдствіе его кроткаго и миролюбиваго характера; не одобряя крутыхъ мѣръ противодѣйствія, какъ шефъ жандармовъ, въ области политическихъ дѣлъ, князь В. А. Долгоруковъ не симпатизировалъ и крутымъ мѣрамъ Муравьева въ Вильнѣ, какъ бы разумны онѣ ни были, и какъ бы ни были очевидны благіе ихъ результаты. Этимъ Валуевъ и пользовался, чтобы въ своемъ ратоборствѣ противъ Муравьева окрылиться поддержкою князя Долгорукова, и благодаря именно этому сталъ возможенъ фактъ, что такъ скоро послѣ блестящихъ успѣховъ Муравьева Валуеву удалось сломать ему шею. Этому же тогда помогъ и начинавшій выступать въ роли государственнаго человѣка графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Онъ былъ въ роли Дубельта при князѣ Долгоруковѣ».

Таковъ былъ бюрократическій ареопагъ, который налаживалъ къ исходу первой половины 60-хъ годовъ дѣло внутренней политики Россіи, гдѣ одновременно слышались высокія слова: «правда и милость да царствуетъ въ судѣ», и производились вмѣстѣ съ тѣмъ публичная и позорная казнь надъ Чернышевскимъ, безъ твердо установленныхъ обстоятельствъ его виновности, гдѣ вершители этой политики одною рукою набрасывали проекты подобія конституціи, а другою готовили приказы о гоненіяхъ на дворянство за его вольнолюбивыя, хотя, быть можетъ, и сословно-эгоистическія, мечтанія...

Если, по показаніямъ г. Головачева, интеллигенція, и по преимуществу провинціальная, помѣстная, обрѣталась въ состояніи унынія и индифферентизма, то и печать, уже къ тому періоду вы-

росшая въ значительную силу, съ которой высшая бюрократія, съ одной стороны, заигрывала, а съ другой—уже начала считаться и мѣряться вліяніемъ, нельзя сказать, чтобы обрѣталась въ радужномъ состояніи и пылала какими-нибудь пламенными надеждами. За нею было уже открыто признано значеніе политической силы и, хотя ее старались держать въ черномъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе понимали, что безъ нея обойтись уже нельзя. Первымъ проявленіемъ такого сознанія нужно признать отношеніе реформированнаго правительства къ Каткову и его «Московскимъ Вѣдомостямъ», о чемъ указанія были уже сдѣланы княземъ Мещерскимъ.

Мы видѣли, каково было настроеніе, царившее въ бюрократическихъ сферахъ, и здѣсь Каткову не приходилось искать себѣ друзей и поддержки. На его сторонѣ въ Петербургѣ стояли Блудова и Тютчева, какъ представительницы дворцовыхъ сферъ, и Горчаковъ и Д. Милютинъ (военный министръ), являвшіеся представителями умѣреннаго чиновнаго либерализма. Остальные министры были противъ него, и главнымъ образомъ Головнинъ и Валуевъ. Зато на его сторонѣ были провинціальныя дворянскія организаціи и вообще крупное землевладѣніе, мирившееся съ его тогда еще эмансипаціонными взглядами и не совсѣмъ еще остывшими англоманскими тенденціями главнымъ образомъ за патріотизмъ, выказанный имъ въ польскомъ вопросѣ. Такимъ образомъ, если въ началѣ 60-хъ годовъ Чернышевскій являлся властителемъ думъ либеральной и радикальной интеллигенціи, тянувшей въ сторону соціалистическихъ идей, то Катковъ къ 1864 г. былъ центромъ вниманія дворянской Россіи, въ которой тлѣлись и временами вспыхивали порывы національстическаго энтузіазма. Столичная бюрократія была противъ того и другого. Съ Чернышевскимъ ей, чуявшей въ немъ практическаго «политика» и подозрѣвавшей его причастность къ революціоннымъ организаціямъ, удалось скоро справиться. На Катковѣ же она сорвалась и была Александромъ II принесена въ жертву большинству мнѣнія страны, т. е. дворянства, которое въ данномъ случаѣ нѣсколько схватилось съ Валуевымъ за его неискреннюю политику въ земскомъ вопросѣ. Не будь этой дворянской поддержки на сторонѣ публициста Страстного бульвара, ему бы не уцѣлѣть въ неравномъ спорѣ и въ лучшемъ случаѣ пришлось бы просто проститься съ «Московскими Вѣдомостями», оставшись при своемъ старомъ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ худшемъ лишившись и послѣдняго, какъ равно оставшись и за порогомъ университеета.

Катковъ въ русской литературѣ первый открыто бросилъ въ «Современной лѣтописи» перчатку своему, если не личному другу, то старому доброму знакомому, Герцену. Это съ его стороны было большою смѣлостью и тѣмъ болѣе, что на первыхъ

порахъ даже благонамѣренная «Сѣверная Пчела» не приняла цѣликомъ стороны Каткова. Въ польскомъ вопросѣ новый редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» опять-таки сталъ на свой рискъ и страхъ (при очень слабой петербургской поддержкѣ) въ совершенно независимое положеніе, поддержавъ Муравьева и выдвинувъ его имя, какъ національное знамя, причемъ воспользовался случаемъ, чтобы отпустить шпильку по адресу петербургской бюрократіи. Въ одной изъ своихъ статей за тотъ періодъ онъ говорилъ: «Наша сѣверная столица находилась года два тому назадъ въ такомъ положеніи, что Россіи, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація, которая разыгралась въ царствѣ Польскомъ. Какая тому причина? Ничто иное, какъ лишь то, что эти элементы захватили частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и все».

С. Н. Невѣдѣнскій въ своей біографіи М. Н. Каткова [1]) даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о немъ за тотъ періодъ, наблюдая постепенность эволюціонированія его мысли отъ западничества къ націонализму, которое создало ему такое опредѣленное мѣсто въ исторіи нашей общественности и которое чуть было не послужило поводомъ къ прекращенію его газетной дѣятельности. «Направленіе Каткова,—говоритъ г. Невѣдѣнскій,—стало, начиная съ 1863 г. замѣтно обособляться. Онъ предвидѣлъ въ 1862 году, что пойдетъ своимъ путемъ. Такъ и случилось. Первымъ шагомъ, съ которымъ онъ выступилъ на отдѣльную дорогу, было рѣзко обличительное отношеніе къ нигилизму. Онъ видѣлъ въ немъ не только болѣзненное, но и вредное явленіе. Катковъ первый началъ предвидѣть опасность отъ распространенія революціонизма съ средѣ молодежи какъ для нея самой, такъ и для дѣла предпринятой реформы. Онъ поставилъ въ свое время въ упрекъ Герцену, что тотъ не помогаетъ этому дѣлу, а, напротивъ, своею радикальною проповѣдью возстановляетъ правительство противъ преобразованій, и, такимъ образомъ, вредитъ Россіи. Чего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи Герценъ, то было, какъ извѣстно, выполнено дѣйствіями революціонеровъ-террористовъ.

«Вторымъ не менѣе самостоятельнымъ шагомъ Каткова было патріотическое отношеніе къ національному вопросу. Со времени польскаго возстанія онъ рѣзко ополчился противъ либеральнаго и федеративнаго космополитизма—и голосъ его нашелъ откликъ въ патріотическомъ чувствѣ русскаго народа. По польскому вопросу Катковъ высказывалъ мысль о политической необходимости поглощенія Польши Россіей. Онъ разошелся изъ-за этого взгляда съ Аксаковымъ; противъ него возстала въ этомъ отношеніи и боль-

[1]) «Катковъ и его время». С. Невѣдѣнскаго.

шая часть либерально настроенныхъ органовъ печати,—между прочимъ и тѣ, которые получали субсидіи отъ правительства. Катковъ сталъ почти одинъ въ печати со своею патріотической программой... Кромѣ польскаго вопроса, обстоятельства внутренней жизни Россіи вызвали вопросы о другихъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, народностяхъ. Всѣ принадлежащія къ западной окраинѣ національности поспѣшили сорвать дань съ эпохи господства либеральныхъ взглядовъ. Послѣ польскаго вопроса лѣтописи публицистики украсились вопросами финляндскимъ, остзейскимъ, даже бессарабскимъ. На Востокѣ, впрочемъ, народился только вопросъ армяно-грузинскій, но и то онъ имѣлъ мѣсто болѣе среди молодежи, учившейся въ столицѣ... Катковъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы и порознь въ отдѣльныхъ статьяхъ о Польшѣ, Финляндіи, Остзейскихъ губерніяхъ, о Закавказьѣ, и въ общихъ статьяхъ, въ которыхъ развиваетъ убѣжденія національнаго патріотизма...»

До 1862 г. Катковъ отрицалъ свою принадлежность къ какой-либо партіи, но по своимъ симпатіямъ, своему кругу знакомства, по своимъ научнымъ убѣжденіямъ почти цѣликомъ тяготѣлъ къ западникамъ, и изъ статей его историко-общественной категоріи за тотъ періодъ выглядывалъ на читателя корректный, сухой и педантичный англоманъ, влюбленный въ парламентаризмъ. Событія 1862—1866 гг. заставили его проститься съ прошлымъ и выкинуть національное знамя, подъ сѣнь котораго стеклись многіе и многіе русскіе люди. «Каткова стали считать представителемъ, какъ говорили въ заграничной и отчасти русской печати, особой партіи, которую называли то ультра-русской, то старо-русской, то молодою русскою,—говоритъ г. Невѣдѣнскій.—Противоположность этихъ квалификацій національнаго направленія служитъ указаніемъ, что оно не было въ сущности достояніемъ ни стараго, ни молодого поколѣнія, а просто было выраженіемъ патріотизма въ народѣ. О Катковѣ спорили въ иностранной прессѣ, его вліянію приписывали репрессивныя мѣры противъ полонизма послѣ усмиренія возстанія, «The foremost journal in Russia» (органъ, дающій направленіе въ Россіи), писалъ въ 1865 году корреспондентъ «Times» про «Московскія Вѣдомости». Легко понять, что отношеніе заграничной печати къ публицисту было почти исключительно враждебнымъ—его клеймили и позорили, онъ изображался представителемъ темныхъ началъ угнетенія и порабощенія.

«Но въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Каткова, все-таки сквозило уваженіе, которое внушало иностранной прессѣ его національное направленіе. Въ немъ видѣли представителя той стихійной русской силы, которая отстаивала русскую территорію въ теченіе вѣковъ отъ ударовъ съ востока и запада. Этими чертами врѣзалась его личность въ памяти иностранныхъ публицистовъ,

высказавшихъ этотъ взглядъ на Каткова почти черезъ четверть вѣка въ статьяхъ, вызванныхъ его смертью.

«Національное направленіе стало для Каткова предметомъ культа, къ которому онъ относился съ пріемами страстнаго, почти религіознаго благоговѣнія. Русская политика обратилась для него въ символъ вѣры, отступленіе отъ котораго онъ считалъ величайшей ересью. Съ яростью и озлобленіемъ нападалъ онъ на всѣхъ ея противниковъ. Обстоятельства, заставившія Каткова такъ сильно замкнуться въ патріотическомъ направленіи, лежали отчасти въ немъ самомъ, отчасти въ условіяхъ времени. Во-первыхъ, характеръ Каткова былъ склоненъ къ страстному, одностороннему увлеченію тѣмъ, что притягивало его вниманіе. Онъ былъ фанатикомъ своихъ идей, относившимся ревниво и подозрительно къ окружающему. Во всемъ ему чудилась опасность, и онъ готовъ былъ считать преступленіемъ даже малѣйшую своеобразность въ направленіи. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, было его девизомъ. Затѣмъ, окружающія условія также вызывали обостреніе его патріотической программы. Ему приходилось бороться съ очень могущественнымъ вліяніемъ,—эта борьба захватывала всю его душу и побуждала его постоянно обращаться къ народному сознанію русскихъ людей, искать въ немъ поддержку и опору.

«За исключеніемъ славянофиловъ, раздѣлявшихъ все-таки въ главныхъ чертахъ національную политику Каткова, большая часть органовъ русской печати шестидесятыхъ годовъ скептически и враждебно относилась къ патріотической программѣ Каткова. Къ ней относились, какъ къ чему-то отсталому и затхлому. Оказывалось такъ, что интересы русскаго знамени находили враговъ не только въ органахъ печати тѣхъ національностей, сепаратическія стремленія которыхъ клеймилъ Катковъ, но и со стороны органовъ русской прессы. Это слѣдуетъ въ особенности сказать относительно русской политики въ Западномъ краѣ. Противъ нея высказывались не только либеральные органы печати, но и начавшій появляться консервативный органъ старопомѣщичьей партіи «Вѣсть».

«Начавшійся въ 1863 году «Голосъ» сталъ самымъ ярымъ представителемъ антагонизма Каткова. Кто-то изъ писателей этой газеты заявилъ какъ-то прямо, что онъ не можетъ безъ враждебнаго чувства развернуть «Московскія Вѣдомости» («Московск. Вѣд.», 1863 г., № 212). «Голосъ» обвинялъ Каткова въ сепаратизмоманіи, въ томъ, что ему постоянно мерещится призракъ разъяренныхъ стихій, что онъ имѣетъ въ виду запугиваніе общества. Катковъ конечно, не оставался въ долгу.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что эта борьба имѣла существенное вліяніе на отношеніе Каткова къ либерализму. Онъ пересталъ видѣть въ немъ проявленіе теоретическихъ увлеченій и началъ за-

подозрѣвать его въ антинаціональныхъ и иныхъ своекорыстныхъ расчетахъ. Онъ указывалъ не только на праздность заявленій противнаго лагеря, но и на продажность своихъ антигонистовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ полученіи негласныхъ субсидій отъ извѣстной партіи въ средѣ петербургскаго офиціальнаго міра».

И Катковъ имѣлъ основаніе бросать своимъ принципіальнымъ литературнымъ недругамъ некрасивое обвиненіе, ибо онъ самъ только что прошелъ съ чистою совѣстью черезъ искусъ, передъ которымъ на берегахъ Невы его противники не устояли. Еще такъ

А. В. Головнинъ.

недавно, не больше десяти лѣтъ тому назадъ, когда печати, какъ политической силы, какъ силы болѣе или менѣе свободнаго мнѣнія, не существовало, ее третировали съ высоты бюрократическаго величія и административнаго произвола, en canaille. Времена перемѣнились; ей не дали настоящей свободы, но за нею начали ухаживать и вмѣстѣ съ тѣмъ для уловленія сердецъ пишущихъ выдвинули впервые средство подкупа, принципъ рептиліи, который получилъ въ девятидесятыхъ годахъ XIX вѣка у насъ такое широкое право гражданства, съ благословенія щедрой руки того, въ чьей власти находились рессурсы народной казны. Для первой половины шестидесятыхъ годовъ такой методъ воздѣйствія былъ

еще новъ, а потому въ интересахъ собиранія свѣдѣній о ростѣ тогдашняго общественнаго сознанія считаемъ полезнымъ зарегистрировать на этихъ страницахъ и эту сторону отечественной жизни. Со словъ Каткова разсказываетъ по сему предмету г. Невѣдѣнскій [1]): «Послѣ того, какъ состоялись въ московскомъ университетѣ торги, передавшіе въ его руки изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», было выражено Каткову отъ лица тогдашняго министра народнаго просвѣщенія сожалѣніе, что условія, предложенныя имъ университету, слишкомъ тяжелы, и опасеніе, чтобы изданіе не изнемогало подъ ихъ тяжестью (Катковъ обязался платить всего въ казну 74.000 руб., изъ нихъ университету 27.000 руб. за казенныя объявленія и, сверхъ того 5% за сборъ суммъ, поступающихъ въ редакцію отъ присутственныхъ мѣстъ чрезъ правленіе университета). При этомъ ему было сказано, что министръ желаетъ сдѣлать для него что-нибудь полезное. Такъ какъ условія, предложенныя Катковымъ казнѣ, были почти вдвое выше прежняго дохода, то, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, было бы справедливо, чтобы казна сдѣлала для «Московскихъ Вѣдомостей» уступку въ платѣ за разсылку газеты по почтѣ [2]). Катковъ отказался отъ этого предложенія. На вторичное приглашеніе министра народнаго просвѣщеніе указать, что можно сдѣлать для газеты въ смыслѣ устраненія неудобствъ, встрѣчаемыхъ ею отъ административныхъ вѣдомствъ, Катковъ указалъ на неудобство задѣлки постъпакетовъ въ экспедиціи почтамта и просилъ о предоставленіи этого непосредственно редакціи съ разрѣшеніемъ отправлять пакеты прямо на станціи желѣзныхъ дорогъ или въ протокольное отдѣленіе почтамта, мимо газетной экспедиціи. Министръ народнаго просвѣщенія, вошедши во всѣ подробности этого ходатайства, предложилъ оказать содѣйствіе Каткову въ устраненіи заявленнаго имъ затрудненія». Но это состояться не могло, и почтамтъ, предложившій Каткову перевести вопросъ на денежную компенсацію, не встрѣтивъ сочувствія издателя газеты, получилъ отъ него отказъ. Далѣе министръ лично обращался къ Каткову съ предложеніемъ открыть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» педагогическій отдѣлъ, вызываясь присылать для помѣщенія въ этомъ отдѣлѣ разныя статьи, причемъ было сказано, что такъ какъ этотъ отдѣлъ придалъ бы газетѣ особое значеніе для министерства народнаго просвѣщенія, то оно закупало бы ежегодно отъ 2 до $2^1/_2$ тысячъ экземпляровъ для разсылки по учебнымъ заведеніямъ, но Катковъ не пошелъ и на эту сдѣлку. Наконецъ, когда въ 1863 г. Катковъ ополчился противъ политики Велепольскаго, Головнинъ предложилъ ему издать собраніе его передовыхъ статей для разсылки книги по учеб-

[1]) «Катковъ и его время» С. Невѣдѣнскаго.

[2]) Это составило бы въ пользу издателя отъ 15.000 до 18.000 рублей.

нымъ заведеніямъ, но и эту сдѣлку Катковъ отвергъ, не желая косвенной субсидіей, разсчитанной притомъ на его авторское самолюбіе, пятнать себя и связывать себѣ руки [1]). Катковъ оставался такимъ образомъ свободенъ; тогда петербургскіе его враги, главнымъ образомъ въ лицѣ столь неудачно дѣйствовавшаго въ цѣляхъ подкупа Головнина, рѣшились донять его на «законномъ основаніи» при помощи денежныхъ штрафовъ и красныхъ цензорскихъ чернилъ. «Положеніе цензоровъ Каткова было поистинѣ ужасно,—повѣствуетъ г. Невѣдѣнскій.—Завѣдывавшій «Московскими Вѣдомостями» во время борьбы съ полонизмомъ цензоръ Петровъ, какъ разсказываютъ, дрожалъ отъ страха, когда носили печатные столбцы отъ Каткова назадъ въ типографію для окончательнаго напечатанія. Зато редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» заставляли платить немало штрафовъ. «Московскія Вѣдомости», какъ вспоминаетъ за 1863 годъ Катковъ, были (за исключеніемъ «Вѣсти»), какъ кажется, единственной газетой, съ которой взысканы были штрафы администраціей. Штрафовъ взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей, что безъ малаго, сколько мы знаемъ,—прибавлялъ онъ,—равняется ежемѣсячному казенному жалованію, которое получалъ тогда издатель «Голоса» за услуги, оказываемыя его газетой или отечеству, или Россіи, ибо эти два термина, по сужденію нѣкоторыхъ остроумныхъ политиковъ, у насъ не совпадаютъ между собою. Въ 1864 г. Катковъ заплатилъ штрафовъ относительно меньше—по собственному его показанію 550 руб. Вопросъ объ угожденіи или неугожденіи антинаціональному вліянію былъ поставленъ до нельзя просто: смотря по желанію, получай или плати».

Ведя борьбу противъ субсидируемыхъ газетъ, указывая на ненужность офиціозовъ, обрушиваясь на политику Головнина и Валуева, Катковъ игралъ въ опасную игру и, наконецъ, дождался того, что въ концѣ концовъ на него посыпались предостереженія и временныя запрещенія [2]) на основаніи новыхъ правилъ о печати, вошедшихъ въ силу 1 сентября 1865 г. Онъ временно вынужденъ былъ сократиться, пріостановить свою дѣятельность, пока наконецъ онъ не удостоился личной аудіенціи у государя, пожелавшаго, въ бытность свою въ Москвѣ, съ нимъ повидаться (послѣ покушенія Каракозова и смѣны нѣкоторыхъ министровъ), причемъ выразилъ ему свою царскую волю, чтобы онъ продолжалъ изданіе газеты и, въ случаѣ столкновенія съ администраціей, всегда обращался къ нему лично. Положеніе его было спасено и онъ окрѣпъ въ небывалую до тѣхъ поръ у насъ общественную силу,

---

[1]) Эта сдѣлка давала бы издателю лишнихъ 30.000 рублей дохода.

[2]) Первое запрещеніе пало на «Современникъ», второе на «Русское Слово», третье на «Вѣсть». Б. Г.

передъ авторитетомъ которой склонилась даже бюрократія. Изъ періода этой борьбы любопытно отмѣтить, что противъ московскаго публициста были пущены въ ходъ не только домашнія средства, но Валуевъ и Головнинъ прибѣгли и къ воздѣйствію иностранной печати. Такъ и противъ него тогда писали «Revue de deux mondes», «Journal des Débats», «Nord», причемъ по странной иронiи судьбы враждебныя ему статьи писались тою же самою рукою, которая вела полемику и съ Герценомъ, а именно все того же Шедо-Ферроти. У Герцена и Каткова, стоявшихъ въ тѣ дни на противоположныхъ барьерахъ въ роли смертоносныхъ дуэлянтовъ, оказалась очка соприкосновенія—общій врагъ въ лицѣ правительства Валуева, взявшаго на себя неблагодарную задачу пролавировать между политическими Сциллой и Харибдой. Такимъ образомъ, подъ угломъ тогдашней политики министерства внутреннихъ дѣлъ вреднымъ оказывались и Герценъ, и Чернышевскій, и Катковъ, каждый въ своеобразномъ освѣщеніи ихъ вреда. Подъ покровительствомъ же оказался «Голосъ», и въ отношеніяхъ безразличности—Аксаковскій «День», который, хотя въ тѣ дни и не отступалъ отъ историческихъ завѣтовъ создателей славянофильства, но въ польскомъ вопросѣ стоялъ враждебно къ Каткову.

Ко второй половинѣ 60-хъ годовъ мы видимъ значительно измѣнившуюся картину состоянія нашей печати противъ того, что она представляла собою въ исходѣ предыдущаго десятилѣтія. Къ этому періоду относится возвышеніе и ростъ *газеты*, какъ такого литературнаго явленія, которое воплощаетъ собой *моментъ* дня въ его разнообразномъ освѣщеніи. Главными выразителями общественнаго мнѣнія, сосредоточивающагося именно около этого момента дня въ Москвѣ являются «Московскія Вѣдомости» Каткова съ ихъ оппозиціей правительству, но все же съ либеральными тенденціями въ пользу реформъ той эпохи, какъ судебной, такъ и земской. Въ Петербургѣ общественное мнѣніе, и по преимуществу мнѣніе, руководимое бюрократіей, выражалъ «Голосъ» съ его оппортунистической политикой, съ отпечаткомъ на немъ неискренности и подозрительной благонамѣренности. Ежемѣсячники нѣсколько теряютъ свое значеніе, хотя попрежнему изъ редакціонныхъ кабинетовъ «Современника» и «Русскаго Слова» [1]) даются интеллигенціи тѣ пароли и лозунги, которые подвигаютъ ее къ оппозиціи въ политикѣ и создаютъ изъ нея ту враждебно правительству настроенную силу, которая замыкается въ своихъ опредѣлен-

[1]) Къ тому же времени относится и появленіе «Вѣстника Европы» М. М. Стасюлевича, журнала западнической либеральной окраски, довольно скоро завоевавшаго себѣ прочное положеніе въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Б. Г.

ныхъ идеалахъ, въ своемъ опредѣленномъ научно-философскомъ міросозерцаніи, корнями своими опускающемся къ свободолюбивымъ демократическимъ мечтаніемъ конца XVIII и первой четверти XIX вѣка. Здѣсь остаются традиціи декабристовъ, петрашевцевъ

И. С. Аксаковъ.

и всего того движенія, которое создало и осуществило, хотя и не полностью, эпоху великихъ реформъ и освободительнаго движенія 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже говорено было въ предыдущей части нашихъ очерковъ, отсюда же и главнымъ обра-

зомъ изъ редакціи «Русскаго Слова» продолжаетъ развиваться то своеобразное русское общественное теченіе, которое получило наименованіе «нигилизма» съ его гражданскими браками, коммунами и всяческими отрицаніями, теченіе, запечатлѣнное въ нашей литературѣ беллетристами съ Тургеневымъ во главѣ. Изъ редакціи же «Современника» выходитъ знаменитый въ свое время романъ Чернышевскаго «Что дѣлать», хотя и написанный въ казематѣ Петропавловской крѣпости, но явившійся по странной ироніи судьбы тѣмъ сильнѣйшимъ орудіемъ, посредствомъ котораго бывшій духовный руководитель «Современника» распропагандировалъ въ пользу соціализма нашу учащуюся молодежь. Изъ суровой политической тюрьмы въ то странное и полное противорѣчій время оказалось возможнымъ вліять на общество въ отрицательномъ направленіи и создавать тѣмъ самымъ цѣлые кадры будущихъ борцовъ, вся ненависть которыхъ сосредоточится на тѣхъ, по мановенію коихъ тюрьма поглотила автора агитаціоннаго романа. Изъ крѣпости, подъ бой музыкальныхъ часовъ, наигрывавшихъ звуки молитвопѣнія, по направленію Зимняго дворца и всего того, на чемъ этотъ дворецъ стоялъ, безшумно, но искусною рукою выдвигалось грозное орудіе разрушенія...

Характеризуя этотъ романъ, явившійся въ свое время кораномъ молодежи, С. А. Венгеровъ въ своихъ очеркахъ по исторіи русской литературы [1]) говоритъ: «Въ романѣ суровая фигура аскета и провозвѣстника общественно-политическаго движенія послѣдующей эпохи Рахметова, а также великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ человѣкомъ, котораго та полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни. Но все вниманіе читающей публики по преимуществу сосредоточивалось на героинѣ романа Вѣрѣ Павловнѣ, съ легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Въ этихъ снахъ аллегорически были воплощены политико-экономическіе идеалы Чернышевскаго о равномѣрномъ распредѣленіи богатства, о первенствующей роли трудящихся и т. д. Будущее рисовалось въ такихъ исключительно свѣтлыхъ очертаніяхъ, что отпадало самое важное при осуществленіи всякихъ новыхъ идеаловъ—тѣ жертвы, которыя выпадаютъ на долю піонеровъ. А между тѣмъ именно эта-то роковая окраска создала успѣхъ роману въ несерьезныхъ кругахъ средней публики; быть новымъ человѣкомъ, à la Вѣра Павловна, на которой не лежало никакихъ обязанностей и жизнь которой текла легко и весело, было очень заманчиво, а подражать ей было такъ легко. И тутъ-то и крылось фатальное дѣйствіе романа. Опас-

[1]) С. А. Венгеровъ. «Очерки по исторіи русской литературы».

ность и проклятіе всякой невѣрной и ложно освѣщенной мысли заключается въ томъ, что уродливые выводы изъ нея получаютъ несравненно болѣе скорое приложеніе къ дѣйствительности, чѣмъ зерно истины, кроющееся въ каждой новой идеѣ. Такъ случилось съ писаревской рѣзкостью, такъ вышло съ проповѣдью неограниченной свободы чувствъ, положенной въ основу «Что дѣлать».

Романъ Чернышевскаго въ конкретной формѣ отвѣтилъ на запросъ модной тогда беллетристики 60-хъ годовъ—на ученіе о практическомъ реализмѣ и объ идеализмѣ политическомъ. На его основахъ практическаго реализма укрѣпилось движеніе въ пользу тогдашнихъ коммунъ, въ пользу гражданскихъ браковъ, браковъ фиктивныхъ; онъ же далъ сильный толчокъ развитію «женскаго вопроса» съ его артелями, эмансипаціей отъ семейнаго безправія и стремленіемъ къ реалистическому образованію; онъ же далъ соки революціонному идеализму, объявивъ послѣдній какъ sine qua non для всякаго представителя мыслящаго пролетаріата, въ кадры котораго спѣшили записаться всѣ тѣ, кто считалъ необходимымъ порвать всякую связь съ историческимъ прошлымъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, стоящихъ такъ или иначе въ близости и родствѣ съ традиціями дореформенной Россіи.

Объ этомъ прошломъ новѣйшее поколѣніе рѣшительно ничего не хотѣло слышать, и все, что ему напоминало о немъ, встрѣчало съ его стороны насмѣшку, презрѣніе и ненависть. И. С. Аксаковъ при всей чистотѣ своихъ идеаловъ, какъ имѣющій съ этимъ историческимъ прошлымъ тѣсную теоретическую связь, стоялъ поэтому къ этому поколѣнію на значительно большемъ разстояніи, чѣмъ его предшественники—основатели славянофильства—къ своимъ современникамъ. Несмотря на свой голосъ въ пользу независимости поляковъ, несмотря на свои горячія симпатіи къ реформамъ, несмотря на сыпавшіяся на него цензурныя невзгоды, онъ тѣмъ не менѣе не пользуется въ тотъ періодъ никакимъ вліяніемъ и, во всякомъ случаѣ, меньшимъ, чѣмъ какое досталось ему на долю лѣтъ 15 спустя, когда патріотическая волна снова выдвинула его на авансцену общественной жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ, если вчитаться глубже въ его тогдашнія писанія, то мы увидимъ, что онъ единственный въ тогдашней нашей литературѣ подходилъ въ практическомъ отношеніи всего ближе къ тому вопросу, около котораго блуждала разными тропами и въ разномъ направленіи мысль современниковъ. Мы подразумѣваемъ тутъ непрестанное указаніе славянофиловъ о необходимости созванія земскаго собора, каковое созваніе и должно было явиться тѣмъ увѣнчаніемъ зданія, о которомъ мечтали и котораго такъ страстно желали всѣ тогдашнія прогрессивныя фракціи. Такъ, говоря еще въ 1862 г. объ обнародованіи основныхъ положеній судебной реформы, онъ писалъ въ своей

газетѣ «День» [1]): «Мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ способы, которыми совершались и вводились въ общественное вѣдѣніе и сознаніе два главныя законодательныя дѣйствія въ Россіи—уложеніе царя Алексѣя Михайловича и отмѣна крѣпостного права. Читатели сами увидятъ существенное различіе между законодательнымъ пріемомъ, сопровождавшимъ составленіе судебнаго проекта, и пріемами, употребленными для этихъ двухъ актовъ. Укажемъ на нихъ вкратцѣ.

«Составленіе уложенія царя Алексѣя Михайловича, или, говоря нынѣшнимъ бюрократическимъ языкомъ, составленіе проекта уложенія было поручено комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ боярина Никиты Одоевскаго, изъ боярина кн. Прозоровскаго, окольничаго князя Никиты Волконскаго и двухъ дьяковъ. Независимо отъ сего указалъ государь, какъ сказано во вступленіи къ уложенію, «для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла... выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ въ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ городовъ по человѣку; а изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостинной и изъ суконной сотенъ и изъ слободы и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ни въ чемъ нерушимы».

«Выборные люди, явившись, выражали свои желанія и мнѣнія въ формѣ челобитныхъ, на что есть указаніе въ самомъ уложеніи. Комиссія во время своихъ работъ была съ ними, какъ видно, въ постоянныхъ совѣщаніяхъ и докладывала государю отдѣльно о всякой вновь проектируемой статьѣ закона. Затѣмъ, проектированное уложеніе было доложено въ полномъ его составѣ государю, въ присутствіи тогдашняго государственнаго совѣта или боярской думы, и потомъ всѣмъ «выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны въ Москвѣ, и изъ городовъ чтено, чтобы все то уложеніе было прочно и неподвижно... И указалъ государь . . . все уложеніе написати на списокъ и закрѣпить тотъ списокъ», кромѣ высшихъ офиціальныхъ лицъ, «выборнымъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ, и посадскимъ людямъ Московскаго государства и всѣхъ городовъ Россійскаго царства». «Такой законодательный порядокъ, свидѣтельствующій о взаимной довѣренности власти и земства, о единствѣ

[1]) Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова, т. IV.

и цѣльности всего общественнаго организма, вскорѣ сдѣлался невозможенъ, благодаря цивилизаторскимъ операціямъ Петра Великаго» и т. д. Такимъ языкомъ и такимъ междустрочіемъ, пользуясь обстоятельствами, говорилъ вождь славянофильства о необходимости созыва земскаго собора и учрежденіи у насъ народнаго представительства съ функціями только с о в ѣ щ а т е л ь н ы м и, хотя и нравственно обязательными для власти. Языкъ, которымъ высказывались мысли, по существу своему либеральныя, экскурсіи въ область допетровской старины, несочувствіе новшествамъ Петра на западной образецъ—все это не могло по тогдашнимъ временамъ явиться средствомъ для достиженія популярности и широкаго вниманія, почему и рѣчи Аксакова проходили мимо современниковъ, не возбуждая въ массѣ сочувствія и должнаго къ себѣ вниманія. Къ нему не было ненависти, которую впослѣдствіи вылили на голову Каткова, но не было и серьезнаго отношенія. Поэтому и славянофильство 60-хъ годовъ оставалось не у дѣлъ и не оказывало на общественные слои ни осязательнаго положительнаго, ни отрицательнаго вліянія. Въ немъ не было того жара и перца, къ которому уже привыкли обыватели, предпочитавшіе потому обращаться скорѣе въ разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ къ другимъ общественнымъ приходамъ, гдѣ въ зависимости отъ вкусовъ и потребностей мысли и находили искомые отвѣты.

Необходимо отмѣтить, что, начиная съ 1862—1863 гг., провинція начинаетъ обслуживаться мѣстными газетами и главнымъ образомъ официальными губернскими и епархіальными «вѣдомостями», роль которыхъ сводится на первыхъ порахъ къ распространенію въ населеніи административныхъ распоряженій и правительственныхъ приказовъ. Въ силу такой суженности задачи ихъ вліяніе на читателей въ смыслѣ выработки и установки взгляда на событія современности должно быть признано очень незначительнымъ. Такимъ образомъ, въ роли руководителей общественнаго мнѣнія остаются перечисленные выше столичные органы печати, которые и являются тѣми каналами, черезъ посредство которыхъ обыватели просвѣщаются относительно дѣйствій и намѣреній правительства, съ освѣщеніемъ этихъ дѣйствій подъ тѣмъ или инымъ политическимъ угломъ зрѣнія. Какъ мы видѣли къ тому времени уже народилась и довольно обильная п о д п о л ь н а я литература, которая наравнѣ съ литературою зарубежною преслѣдуетъ цѣли спеціально революціонныя. Успѣхъ этой литературы къ исходу первой половины шестидесятыхъ годовъ нѣсколько ослабѣваетъ, но тѣмъ не менѣе въ наличности имѣлись общественныя напластованія, которыя воспитались на этой литературѣ, проникліись ею и стали ея ревностными послѣдователями, принявъ въ руководство своею жизненною дѣятельностью тѣ лозунги и императивы, которыя она успѣла твердо установить и обосновать. Главною

массою потребителей этой литературы явилось молодое поколѣніе учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, образовавшихъ изъ себя къ указанному періоду уже достаточно подготовленную армію, готовую къ непрестанному враждебному дѣйствію противъ правительственныхъ начинаній. Армія эта уже успѣла креститься боевымъ огнемъ, успѣла потерпѣть уроны, причемъ выбывшіе изъ ея строя не вернулись со смиреніемъ къ домашнимъ очагамъ для мирныхъ занятій, а, поклявшись отомстить за полученныя раны, начали постепенно формировать изъ себя на всемъ протяженіи родины небольшія конспиративныя группы исключительно въ цѣляхъ непрерывной политической агитаціи и съ реформаторскими видами относительно всего русскаго соціальнаго и экономическаго строя.

Эти конспиративные кружки сыграли значительную роль въ русской жизни, и изъ нихъ вышли, главнымъ образомъ, тѣ дѣятели русской революціи и эмиграціи, съ которыми въ дальнѣйшемъ намъ придется непрестанно встрѣчаться. Эти дѣятели, какъ увидимъ далѣе, за рубежомъ отчизны стали въ оппозицію и къ родоначальнику политической эмиграціи, къ Герцену, и признали себя исключительными преемниками завѣтовъ декабристовъ—съ одной стороны, и послѣдовательными учениками Н. Г. Чернышевскаго, съ другой, имя котораго и поставили во главу русскаго революціоннаго движенія новаго времени.

Таковы были главнѣйшія общественныя категоріи, стоявшія къ началу второй половины 60-хъ годовъ въ преддверіи новаго періода отечественной жизни, который можно назвать періодомъ «крамолы реакціи и террора». Періодъ этотъ хронологически охватываетъ собою время отъ 1866 по 1893 годъ, гдѣ опять-таки мы встрѣчаетмся съ двумя подраздѣленіями, изъ коихъ первое относится къ годамъ 1866—1881, а второе къ годамъ 1881—1893 г. Оба эти, почти равные между собою, періоды имѣютъ каждый свой специфическій оттѣнокъ, свой особый историческій смыслъ и значеніе, въ зависимости отъ личностей и характеровъ тѣхъ, кому суждено было держать въ своихъ рукахъ нити народнаго управленія, благо и судьбу этого народа, призваннаго къ тому времени «на свободный трудъ», но безъ права голоса по вопросамъ своихъ нуждъ, потребностей и горестей. Около права этого голоса завязывается упорная борьба, борьба въ дыму пороховыхъ выстрѣловъ и взрывовъ, съ побѣдителями и побѣжденными и съ смѣнами программъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій. А тотъ, во имя котораго шла эта борьба, тѣмъ временемъ совершалъ свое великое и таинственное дѣло: заселеніе русской земли, трудовую обработку ея и предоставленіе всѣмъ ее населяющимъ средствъ къ существованію. Русская государственность, русская торговля и промышленность крѣпли и ширились, благодаря его поту, труду и терпѣнію, а самъ онъ, творя свое дѣло и сплошь и рядомъ погибая подъ его

тяжестью, непрестанно вѣрилъ только въ двѣ силы, которыя должны рано или поздно скрасить его невеселое бытіе—въ Бога и царя, лишь порою грустно опуская голову и шепча про себя старую русскую историческую присказку: «до Бога высоко, до царя далеко!..»

XII.

Безпомощность и обнищаніе населенія.—Очередныя реформы.—Укрѣпленіе полицейско-бюрократическаго строя.—Молодые кружки самообразованія.—Кружокъ Нефедова.—Ишутинскій кружокъ «Адъ».—Ишутинъ.—Д. В. Каракозовъ.—Его замыселъ цареубійства.—Характеристика Каракозова.—Московскіе кружки.—«Организація».—Пріѣздъ Каракозова въ Петербургъ и его покушеніе на жизнь Александра II въ Лѣтнемъ саду 4 апрѣля 1866 г.—Впечатлѣніе, произведенное въ городѣ этимъ покушеніемъ.—Поздравленія государя по случаю его спасенія.—Пріемъ депутацій въ Зимнемъ дворцѣ.—Адреса и привѣтствія.—Отвѣтная рѣчь государя дворянству.—Отраженіе событія 4 апрѣля въ Москвѣ.—Своего рода «герои» дня.—Назначеніе М. Н. Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи о преступленіи Каракозова.—Административныя перемѣщенія.—Письмо Герцена къ Александру II.

Сѣро и буднично текли дни и годы обновленной великими реформами Россіи. Уныніе, разочарованіе и недоумѣніе охватывали разные слои населенія, начиная отъ царскихъ палатъ и кончая курной избой землепашца. Наверху сказывалось чувство преждевременной усталости и нѣсколько брезгливое отношеніе къ проявленной современниками «неблагодарности»; интеллигенція, передовая дворянская и разночинческая, понимала, что радужнымъ мечтамъ объ «увѣнчаніи» государственнаго зданія, столь ярко проявленнымъ въ исходѣ пятидесятыхъ и къ началу шестидесятыхъ годовъ, не суждено сбыться и реализоваться дѣяніями практическаго характера; провинціальная дворянская Россія продолжала жить своею традиціонною назатѣйливой жизнью съ характеромъ прозябанія и безъ запросовъ на высшія культурныя задачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ смутнымъ сознаніемъ, что въ этой ея жизни уже близокъ кризисъ, когда на вѣковыя «гнѣзда» зловѣще надвинется экономическая непогода, въ которой этимъ гнѣздамъ собственными силами не сдобровать и не сохранить своего былого историческаго значенія; торгово-промышленный классъ еще не опредѣлилъ въ полной мѣрѣ своего отношенія къ новымъ условіямъ жизни, но уже въ лицѣ разныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ постепенно и понемногу протягивалъ свои цѣпкія руки къ тому, что не умѣетъ удержать помѣщикъ и чего не въ состояніи и не въ силахъ забрать крестьянинъ; фабрично-заводская Россія еще не просыпалась, гудки фабрикъ и заводовъ слабо прорѣзывали своимъ рѣзкимъ и протяжнымъ свистомъ воздухъ, свистки паровозовъ и желѣзный грохотъ вагоновъ не потрясали вѣковой тишины и ни откуда еще не раздавался призывъ: «вставай, подымайся, рабочій народъ...» Россія только потягивалась

послѣ вѣкового сна, расправляла свои члены, не зная въ точности, какъ ей съ Божьяго благословенія и по царскому приглашенію приступить къ новому «свободному труду». Сермяжная, лапотная Россія сознавала, что она выпущена, наконецъ, на волю, но неясное чувство говорило ей, что между волей соціальной и экономической разница огромная, а безъ послѣдней она скоро можетъ познать всю сладость «цѣпей иныхъ», которыя, глубоко врѣзавшись въ народный организмъ, приведутъ его къ истощенію и злостнымъ недугамъ. Но какъ помочь надвигавшемуся злу оставалось неизвѣстнымъ, и охватывавшая крестьянина тоска искала себѣ выхода въ питейныхъ домахъ:

У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная,—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Прошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!

Сбывалось предсказаніе извѣстнаго польскаго революціонера Огрызко, состоявшаго въ періодъ крестьянской реформы на службѣ по министерству финансовъ и работавшаго вмѣстѣ съ К. Гротомъ надъ питейной реформой, который говорилъ, что Александръ II готовится освободить крестьянъ, а онъ съ своимъ принципаломъ споитъ будущихъ свободныхъ гражданъ. По словамъ поэта—

На всей тебѣ, Русь матушка,
Какъ клейма на преступникѣ,
Какъ на конѣ тавро,
Два слова нацарапаны:
«На вынось и распивочно».

Дѣйствительно, освободившаяся отъ крѣпостного режима сельская масса съ какой-то роковой послѣдовательностью потянулась въ кабакъ, гдѣ радовалась своей свободѣ и одновременно оплакивала наступающіе дни экономическаго рабства и нужды. Это паломничество въ питейные дома не встрѣчало ничьего противодѣйствія, и «пьяный бюджетъ» сталъ въ концѣ концовъ финансовымъ основаніемъ нашей государственности. Вводимыя частями и внѣ тѣсной зависимости другъ отъ друга, механическимъ способомъ, реформы шестидесятыхъ годовъ не запечатлѣвались на нашей родинѣ печатью творчества, преслѣдующаго цѣли экономическаго благополучія населенія, безъ наличія котораго вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было надѣяться на его культурный и государственный ростъ; и если, тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи послѣдующія десятилѣтнія дали

все же кое-какія благопріятные результаты, то объясненіе этому скорѣе всего надо искать въ удивительной живучести русскаго народа, стихійной живучести, которая помогла ему окончательно не погибнуть подъ гнетомъ одолѣвавшей его неумѣлой внутренней политики правительства. Послѣднее рѣшительно оказывалось не въ силахъ справиться съ программою, которую положило, на основаніи указаній, данныхъ либеральною западническою партіею, въ очередь осуществленія, проводя эту программу не полностью и оставляя сплошь и рядомъ даже ея составныя части недодѣланными или искаженными до неузнаваемости. Какъ уже сказано было въ своемъ мѣстѣ, наиболѣе цѣльно и полно была проведена реформа судебная, но, напримѣръ реформу полицейскую или реформу законовъ о печати оно не въ состояніи было цѣлесообразно провести и осуществить.

Подводя итогъ реформаторскимъ дѣйствіямъ правительства въ области преобразованія полицейскаго строя, И. Т. Тарасовъ въ своемъ курсѣ по полицейскому праву приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ [1]): «Сельское самоуправленіе, построенное на сословныхъ началахъ и при полной обособленности отъ болѣе интеллигентнаго слоя общества, никакимъ образомъ не могло сохранить своей самостоятельности и естественно должно было подпасть вліянію мѣстной администраціи, чему въ значительной степени содѣйствовали еще и позднѣйшія частныя отступленія отъ началъ Положеній 19 февраля.

«Введеніемъ земскихъ учрежденій 1864 г. компетенція полиціи претерпѣла значительное сокращеніе, такъ какъ вся хозяйственно-распорядительная, часть, вѣдавшаяся ею, отошла къ земству. Но, возложивъ на земство чуть ли не универсальныя задачи по мѣстному благоустройству, законъ не снабдилъ его необходимою для осуществленія задачъ принудительною властью, оставшеюся исключительно достояніемъ полиціи, вслѣдствіе чего явилось крайне странное несоотвѣтствіе между цѣлями и средствами къ достиженію ихъ, а ближайшимъ результатомъ такого несоотвѣтствія было совершенно несправедливое обвиненіе русскаго общества въ «незрѣлости», въ неспособности «стать на высотѣ своей задачи», въ безсиліи «оправдать надежды правительства». Болѣе интимная связь преобразованнаго въ 1870 г. городского самоуправленія съ полиціей выразилась сколько-нибудь только лишь въ томъ, что на городскую казну возложены были расходы по содержанію полиціи. Но, обременяя городской бюджетъ крупной статьей расхода по содержанію полиціи и лишая въ то же время городское общество сколько-нибудь дѣйствительнаго вліянія на составъ и

---

[1]) И. Т. Тарасовъ. «Лекціи по полицейскому (административному) праву». т. I. Введеніе. М. 1908 г.

организацію полиціи и контроля надъ ея дѣятельностью, реформа содѣйствовала болѣе разобщенію этихъ двухъ реформъ, нежели ихъ солидарности, столь необходимой для цѣли городского благоустройства». Отмѣтивъ далѣе соотношеніе въ судебной реформѣ власти судебной и административной, ученый авторъ говоритъ, что «судебная реформа внесла въ наши суды существенныя улучшенія, устранивъ, между прочимъ, полицію отъ отправленія правосудія и участія въ слѣдственномъ производствѣ, причемъ за полиціей оставлено только производство дознанія. Но, къ сожалѣнію, неопредѣленное отношеніе полиціи къ судебнымъ властямъ, оставшееся слишкомъ долго не урегулированнымъ, породило между обоими вѣдомствами такого рода антагонизмъ, который не могъ не отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на всей слѣдственной части. Еще болѣе пагубное значеніе имѣлъ законъ 19 мая 1871 г., возложившій на жандармскихъ чиновъ производство дознаній по политическимъ преступленіямъ, съ предписаніемъ руководствоваться при этомъ правилами, установленными для предварительныхъ слѣдствій. Такое отождествленіе дознанія съ предварительнымъ слѣдствіемъ, сдѣланное, конечно, для большаго уясненія жандармскимъ чинамъ существа новой обязанности ихъ, шло, однакоже рѣшительно въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе, что затѣмъ самое понятіе о политическихъ преступленіяхъ было расширено и чины прокурорскаго надзора пріобщены были къ дѣламъ, производившимся административнымъ порядкомъ».

Обращаясь непосредственно къ самой полицейской реформѣ, г. Тарасовъ приходитъ къ заключенію, что реформа эта, задуманная первоначально въ весьма широкихъ размѣрахъ, скоро приняла, однако, довольно одностороннее направленіе. «Вниманіе правительства,—объясняетъ онъ,—сосредоточилось почти исключительно только на увеличеніи личнаго состава полиціи и на усиленіи полицейской централизаціи; по крайней мѣрѣ въ этомъ именно направленіи получались результаты вполнѣ осязательные». Указавъ, какъ слагалась эта централизація и изъ какихъ именно составныхъ частей, изслѣдователь говоритъ, что «значительное сокращеніе компетенціи полиціи не только не ослабило послѣдней, но она вышла изъ эпохи преобразованій съ болѣе интенсивной и централизованной властью; если же принять во вниманіе полномочія, предоставленныя ей положеніемъ объ охранѣ, то придется признать, что она получила возможность въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ воздѣйствовать на юстицію и на общественное самоуправленіе. Подобный исходъ широко задуманной реформаторской дѣятельности могъ бы при нормальномъ теченіи государственной жизни привести къ заключенію, что законодатель, отступивши принципіально отъ намѣченной имъ программы, рѣшилъ достигнуть иного рода средствами цѣлей государственнаго

благоустройства и правосудія. Но цѣлый рядъ слишкомъ памятныхъ событій дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ иного рода предположеніе, именно, что правительство, не отказываясь отъ основныхъ началъ своей преобразовательной дѣятельности, увидѣло себя вынужденнымъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, сосредоточить все свое вниманіе и всю интенсивность своей власти на цѣляхъ государственной безопасности, временно принося этому въ жертву всѣ прочія цѣли государственнаго управленія. Если предположеніе это находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ, что отступленія отъ реформъ идутъ параллельно съ проявленіями революціонной дѣятельности, то съ другой стороны, все усиливавшаяся дѣятельность эта, завершившая въ страшный день 1 марта, столь же недвусмысленно доказываетъ, что въ существующей организаціи нашей высшей и низшей полиціи коренятся существенные недостатки, которыми и обусловливается рѣзкое несоотвѣтствіе между громадностью затрачиваемыхъ средствъ и сравнительной бѣдностью достигаемыхъ результатовъ». По окончательному выводу автора, явствуетъ, что «судьбы реформъ въ царствованіе Александра II были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ходомъ преобразованія полиціи, а потому всѣ ошибки въ новой организаціи полиціи не могли не отразиться болѣе или менѣе отрицательно на ходѣ реформъ и на достигнутыхъ ими результатахъ».

Итакъ мы видимъ, что, какъ совершенно справедливо отмѣчено это ученымъ авторомъ, всѣ начала реформъ ставятся въ тѣсную зависимость отъ начала полицейскаго, которое выдвигается съ особенною силою ради цѣлей государственной безопасности, т. е., иными словами, ради сохраненія во всей неприкосновенности полицейско-бюрократическаго строя, который, хотя въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, продолжаетъ отъ стародавнихъ историческихъ временъ давить всей своей тяжестью народный организмъ, не давая ему возможности, въ интересахъ его жизнеспособности, правильно развиваться. Въ интересахъ той же «безопасности» и сохраненія стародавней государственной формы правленія принимаются и надлежащія мѣры, дабы этотъ организмъ лишался и возможности громко и отчетливо заявлять о своихъ нуждахъ, потребностяхъ, желаніяхъ и идеалахъ. Тутъ выступаетъ на очередь вопросъ о цензурной реформѣ, которая и проводится опять-таки главнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ главной отмѣченной выше правительственной задачей времени.

Извѣстный публицистъ К. К. Арсеньевъ въ своемъ трудѣ «Законодательство о печати» [1]) даетъ слѣдующую картину движенія законодательства о печати въ эпоху реформъ. По его словамъ,

[1]) «Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ» часть I.

«предварительная цензура тяжелымъ гнетомъ ложась на печать, не удовлетворяла, съ другой стороны, и требованіямъ правительства. Инструкціи, часто мѣнявшіяся, не вносили въ ея дѣятельность ни однообразія, ни постоянства, ни системы. Нерѣдко пускались въ ходъ мѣры взысканія противъ цензоровъ и даже противъ цѣлыхъ цензурныхъ комитетовъ. Бывали и случаи запрещенія періодическихъ изданій за статьи, дозволенныя цензурой. Особенно такая участь постигала славянофильскія газеты... Естественно, поэтому, было остановиться на мысли, что именно въ карательныхъ мѣрахъ слѣдуетъ искать выхода изъ положенія, все больше и больше озабочивавшаго правительство. Эта мысль была офиціально выражена, въ ноябрѣ 1861 года, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Путятинымъ, по докладу котораго была учреждена смѣшанная комиссія изъ чиновъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Въ средѣ комиссіи, однако, за сохраненіе предварительной цензуры высказались именно представители министерства народнаго просвѣщенія, а за переходъ къ новому порядку—представители министерства внутреннихъ дѣлъ. На сторону послѣднихъ сталъ новый министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ. Учреждена была, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго, другая смѣшанная комиссія; но еще раньше окончанія ея трудовъ появившіеся тогда первые признаки внутренней смуты вызвали принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, изъ которыхъ иныя, вопреки первоначальному ихъ характеру и назначенію, остаются въ силѣ до настоящаго времени. На министерство внутреннихъ дѣлъ было возложено наблюденіе, чтобы въ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ; другими словами, ему ввѣренъ былъ надзоръ надъ дѣятельностью, въ этой сферѣ, министерства народнаго просвѣщенія. Разсужденія о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій и о недостаткѣ и злоупотребленіяхъ администраціи разрѣшено было печатать только въ книгахъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, стоящихъ не менѣе семи рублей въ годъ. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было предоставлено, въ случаѣ вреднаго направленія періодическаго изданія, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатаніе вышеупомянутыхъ разсужденій, и прекращать изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ. Съ предварительной цензурой была, такимъ образомъ, механически соединена цензура карательная. Практика очень скоро доказала невозможность раздѣленія цензурныхъ функцій между двумя вѣдомствами: уже 12 января 1863 года онѣ были переданы всецѣло министерству внутреннихъ дѣлъ. На его разсмотрѣніе поступилъ и законопроектъ, выработанный комиссіей князя Оболенскаго. Новая комиссія, учрежденная подъ предсѣ-

дательствомъ того же лица уже при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составила обширный проектъ устава о книгопечатаніи, разосланный, лѣтомъ 1863 года, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ и затѣмъ внесенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта».

Дальнѣйшее движеніе дѣла, по показаніямъ того же автора, было слѣдующее. Проекты Валуева въ департаментѣ законовъ встрѣтили возраженіе только со стороны Норова, говорившаго противъ соединенія предварительной цензуры съ карательною и противъ полновластія министра внутреннихъ дѣлъ. Отдѣльныя перемѣны были сдѣланы отчасти къ лучшему (прекращеніе изданія послѣ третьяго предостереженія было поставлено въ зависимость отъ опредѣленія сената; подцензурныя изданія были освобождены отъ представленія залога), отчасти къ худшему (не былъ принятъ спеціальный судъ присяжныхъ для дѣлъ о поступкахъ печати). Общее собраніе государственнаго совѣта нашло болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить проектъ устава, обнимавшій всѣ стороны вопроса, отдѣльными мѣропріятіями, впредь до указанія опыта. При новомъ разсмотрѣніи вопроса о цензурѣ департаментъ законовъ, въ виду неустройствъ еще судебной части, одобрилъ, въ качествѣ переходной мѣры, смѣшанную систему. Число печатныхъ листовъ, при которомъ оригинальное сочиненіе освобождается отъ предварительной цензуры, было понижено съ двадцати до десяти. Было высказано мнѣніе, что совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати долженъ быть предоставленъ не совѣщательный, а рѣшающій голосъ, съ тѣмъ чтобы разногласіе между совѣтами и министрами рѣшалось комитетомъ министровъ, но это мнѣніе не было принято, хотя за него въ департаментѣ стояло большинство голосовъ. 6-го апрѣля 1865 г. мнѣніе государственнаго совѣта получило, наконецъ, силу закона, хотя и временную, въ виду переходнаго положенія судебной части. Съ полученіемъ силы этимъ закономъ порядокъ разрѣшенія новыхъ періодическихъ изданій остался прежній: оно продолжало всецѣло зависѣть отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и освобожденіе или неосвобожденіе вновь основываемаго изданія отъ предварительной цензуры. Компетенція суда распространилась на печать въ очень слабой степени и то, что отдавалось въ распоряженіе власти административной въ исключительныхъ случаяхъ, практика узаконила за нею какъ право обычное».

Такимъ образомъ, если всѣ реформы въ значительной мѣрѣ были поставлены въ зависимость отъ начала полицейскаго, то дѣло печати въ особенности было этому началу подчинено, и всякое слово русскаго писателя, какъ выразителя общественнаго мнѣнія страны, именно разсматривалось главнымъ и исключительнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія полицейской дозволенности, стоявшей неукос-

нительно на стражѣ государственной безопасности, т. е. незыблемости существующаго порядка вещей. Изъ такой постановки вопроса даже при всемъ видимомъ, внѣшнемъ ростѣ тогдашней прессы мы наблюдаемъ слабое отраженіе ею на своихъ столбцахъ и страницахъ деффектныхъ сторонъ отечественной жизни, ея насущныхъ требованій и запросовъ, которые постоянно прикрывались административнымъ флагомъ съ надписью на немъ: «не позволено касаться». Отсюда становится понятнымъ тяжелое положеніе печати и ея полная зависимость отъ администраціи, благодаря чему она теряетъ силу свободнаго и свѣдущаго голоса въ вопросахъ современности, которая именно особенно въ тѣ дни и годы крайне нуждалась въ общественномъ контролѣ, правильномъ освѣщеніи и свободномъ руководительствѣ. Спасая якобы такимъ способомъ «государственную безопасность», руководители нашей внутренней политики вмѣстѣ съ тѣмъ приносили ей въ жертву благополучіе народа и страны, которое по старому осталось въ полной зависимости отъ бездѣятельной и лишенной всякаго творчества бюрократической власти. Послѣдняя беретъ подъ свою усиленную опеку мысль обывателя и накладываетъ на его уста крѣпкую печать молчанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти уста готовы развернуться для обличенія, критики и требованій какихъ-либо нововведеній. Съ исчезновеніемъ критики, а вмѣстѣ съ нею и подъема творчества въ странѣ наступаетъ наружное затишье, общественныя силы уходятъ въ подспудную работу, формируютъ кружки и сообщества, которые и принимаютъ, въ зависимости отъ индивидуальностей вступившихъ сюда членовъ, то или иное направленіе. Россія и въ дореформенную эпоху была богата кружками, а въ эпоху шестидесятыхъ годовъ число ихъ становится значительнѣе и, за неимѣніемъ возможности примѣнить свои силы на поприщахъ самодѣятельности и широкаго легальнаго служенія интересамъ народа, эти кружки получаютъ исключительный характеръ, одни въ смыслѣ самовоспитанія въ интересахъ будущаго политическаго служенія родинѣ, другіе въ смыслѣ научнаго саморазвитія, третьи въ направленіи немедленнаго активнаго участія въ жизни страны и народа съ цѣлями ихъ реформированія, согласно послѣднему слову западно-европейскаго либерализма и соціализма.

Мы уже знакомы съ дѣятельностью нѣкоторыхъ кружковъ, которые въ эпоху реформъ вступили на поприще именно служенія политикѣ, видѣли, что нѣкоторые изъ нихъ подверглись правительственному разгрому, а другіе, какъ, напр., партія «Земли и Воли», представленная въ послѣдніе два года ея существованія преимущественно молодежью, случайно ускользнули отъ полицейскаго преслѣдованія. Послѣ студенческихъ безпорядковъ число кружковъ значительно усиливается, при чемъ главными руково-

дителями ихъ являются по преимуществу тѣ наиболѣе энергичные и даровитые представители молодежи, которые имѣли несчастье особенно выдѣляться въ теченіе безпорядковъ и остаться за порогами высшихъ учебныхъ заведеній. Въ числѣ кружковъ, оставившихъ по себѣ тотъ или иной слѣдъ, въ особенности ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ надлежитъ отмѣнить московскіе кружки—Нефедовскій и Ишутинскій, первый какъ типичный кружокъ саморазвитія и самообразованія, второй какъ кружокъ политическій, выдѣлившій изъ своего состава человѣка, сыгравшаго въ историческихъ судьбахъ Россіи роковую роль. Человѣкомъ этимъ былъ Д. В. Каракозовъ, рѣшившійся на свой страхъ поднять руку на Царя-Освободителя. Но прежде, чѣмъ говорить о кружкѣ Ишутина и о Каракозовѣ, скажемъ нѣсколько словъ о кружкѣ Нефедова, о которомъ даются въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»[1]) слѣдующія небезынтересныя данныя. Авторъ фельетона «Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ» Н. Л—д—въ повѣствуетъ:

«Лишенные права сходокъ, студенты образовали кружки. Цѣль ихъ была саморазвитіе посредствомъ чтенія и бесѣдъ. Каждую субботу собирались у кого-нибудь изъ членовъ кружка человѣкъ двадцать, слушались рефераты о томъ, что прочлось кѣмъ-нибудь изъ членовъ замѣчательнаго за недѣлю. Затѣмъ начинались пренія при разливанномъ морѣ... чая съ копеечными сухарями. О спиртуозныхъ напиткахъ въ нашемъ кружкѣ не было и помина, даже о пивѣ. Читали преимущественно книги серьезнаго содержанія: историческаго, философскаго, соціальнаго. Нашими излюбленными авторами были: Гербертъ Спенсеръ, Дарвинъ, Льюисъ, Дж.-Ст. Милль, Огюстъ Контъ, конечно, въ переводахъ. Ученіе Огюста Конта намъ излагали въ своеобразныхъ рефератахъ студенты знавшіе французскій языкъ и ходившіе для чтенія его «Cours de la phylosophie positive» въ Румянцевскую библіотеку. Политикой студенты тогда не занимались. Читались между прочимъ журналы; особенно интересовала насъ завязавшаяся полемика между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ». Беллетристикой мало интересовались, хотя дѣлалось исключеніе для Щедрина, Достоевскаго. Сильные споры между нами возбуждалъ романъ «Преступленіе и наказаніе», но самое большое впечатлѣніе произвелъ романъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго. Рахметовъ былъ нашимъ идеаломъ. Изъ любимыхъ русскихъ поэтовъ былъ Некрасовъ, а изъ иностранныхъ—Гейне. Кружокъ, къ которому я принадлежалъ, назывался нефедовскимъ, потому что душей его былъ теперь уже умершій извѣстный этнографъ и беллетристъ-народникъ Ф. Д. Нефедовъ. Осенью 1865 года онъ ввелъ въ этотъ кружокъ своего земляка (самъ онъ былъ изъ Иванова-Вознесенска). Новый

[1]) «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 8.

членъ былъ сынъ дворового человѣка графа Шереметева; ему было лѣтъ 18; при невзрачной фигурѣ глаза его блестѣли незаурядным умомъ, хотя манеры были угловаты. Готовясь въ уѣздные учителя, онъ жилъ у Нефедова, посѣщалъ въ качествѣ сторонняго слушателя университетъ, отличался сдержанностью, рѣдко вмѣшивался въ разговоры на кружковыхъ собраніяхъ. Любознательность и нѣкоторая скромность вызывали симпатію къ нему. Я съ нимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что новый 1866 годъ онъ встрѣтилъ у меня вмѣстѣ съ другими товарищами. Затѣмъ по выдержаніи экзамена онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя въ одномъ изъ городскихъ училищъ. Черезъ три года этотъ скромный и сдержанный юноша сталъ героемъ нашумѣвшей въ Россіи и Европѣ трагедіи: новый членъ, введенный въ нашъ кружокъ Нефедовымъ, былъ Нечаевъ».

Вотъ типъ кружка самообразованія, изъ котораго, однако, впослѣдствіи вышелъ крупный политическій дѣятель и революціонеръ Нечаевъ, съ именемъ котораго связана цѣлая полоса изъ исторіи русской революціи. Съ нимъ читатели встрѣтятся впослѣдствіи. Иной характеръ имѣлъ кружокъ Ишутина.

Извѣстная дѣятельница русской революціи Е. Брешко-Брешковская, на основаніи показаній сосланныхъ «каракозовцевъ», съ которыми она встрѣтилась въ Сибири, вотъ что разсказываетъ въ изданной ею брошюрѣ и о самомъ Ишутинѣ, и о его кружкѣ. «Задолго до выстрѣла Каракозова,—повѣтствуетъ она [1]),—въ московскій университетъ поступила группа юношей изъ Пензенской, Владимирской и другихъ подмосковныхъ губерній, рано окончившихъ свои гимназіи, даровитыхъ и рѣшительныхъ. Многіе изъ нихъ были дѣтьми богатыхъ помѣщиковъ, имѣли въ Москвѣ родныхъ и знакомыхъ съ виднымъ общественныхъ положеніемъ и могли сразу войти въ широкія сношенія съ либеральными слоями общества. Въ то время общество вѣрило еще и въ провинціи, и въ столицахъ даже, что путь благодѣтельныхъ реформъ желателенъ самому правительству, что оно охотно возьметъ всю передовую часть общества себѣ въ помощники, что стоитъ только выйти на арену жизни и предложить свои услуги, чтобъ онѣ были приняты и встрѣтили бы поддержку и покровительство. Особенно радовались молодыя силы. Учились, готовились, строили грандіозные планы: какъ и чѣмъ служить великому дѣлу образованія великаго народа, великой страны. Безконечное поле всесторон-

---

[1]) Е. Брешковская. «Изъ моихъ воспоминаній». Объ этомъ же кружкѣ имѣются показанія Д. В. Стасова («Былое», 1906 г., № 4), которыя далѣе мы будемъ цитировать. Но для даннаго мѣста предпочитаемъ показанія г-жи Брешковской, мѣтко схватившей психологическую атмосферу, которая царила въ кружкѣ тогдашней молодежи и которая содѣйствовала нарастанію среди нея революціонныхъ тенденцій.
Б. Г.

ней работы влекло къ себѣ всѣ безкорыстныя силы: одни готовились строить и открывать школы и учить въ нихъ, учить безъ конца, другіе заводили библіотеки, издавали книги, писали новыя азбуки, народныя брошюры по всѣмъ отраслямъ знанія. Третьи мечтали и пытались обратить свои земли въ образцовыя хозяйства, гдѣ вся округа научится полезнѣйшимъ изобрѣтеніямъ и способамъ, гдѣ крестьяне получатъ и совѣтъ, и указаніе, и помощь. Шли въ волостные и сельскіе писаря толковать мужику новые законы, вводить въ земскую жизнь, защищать его отъ пауковъ, окружавшихъ народъ густыми сѣтями. Покупали медицинскія книги и лекарства и, какъ умѣли, лечили деревню, учили и гигіенѣ, спасали отъ заразы молодыхъ и дѣтей. Потокъ прорвавшейся энергіи и вѣками накопленныхъ лучшихъ силъ и вкусовъ хлынулъ съ такой быстротой, что на пути своемъ не замѣчалъ, сколько препятствій онъ долженъ былъ обходить, сколько жертвъ онъ оставлялъ по дорогѣ, какъ чья-то злая рука портила и кромсала его работу; какъ все выше поднималась стѣна враждебности со стороны правительства и постепенно загораживала дорогу развернувшейся общественной силѣ, чтобы погнать ее въ старыя тѣсныя рамы. Въ то же время, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, русское общество готовилось праздновать именины своего призванія: «Мы тоже люди. Мы граждане, а не рабы!»

«Надо было много благопріятныхъ условій для того, чтобы молодой, неопытный умъ могъ разобраться въ тѣхъ новыхъ, сложныхъ и противорѣчивыхъ явленіяхъ, которыми въ тѣ годы была полна жизнь Россіи. Нужна была ясность ума, знаніе исторіи и близкое знакомство съ условіями своей страны, чтобы прійти къ убѣжденію, что при всей красивой внѣшности либеральныхъ реформъ Россія остается въ томъ же безвыходномъ положеніи, въ какомъ была до начала ихъ. Нужно было много смѣлости мысли и чувства, чтобы утверждать, что крестьянство отпущено на волю и что оставшееся во всей своей силѣ самодержавіе могло каждую минуту отнять «реформы»...

«Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ молодая московская группа, сознавшая всю недѣйствительность «всякихъ реформъ» и рѣшившая составить изъ себя также революціонное ядро [1]) для постепеннаго образованія партіи, могущей вступить въ борьбу съ царизмомъ и помочь народу отвоевать себѣ свободу экономическую и политическую. Точно опредѣленной программы группа эта еще не имѣла, она еще не разработала подробнаго плана дальнѣйшихъ дѣйствій, а ближайшей своей цѣлью поставила революціонную пропаганду въ той средѣ, съ которой соприкасалась. По-

[1]) Первоначально это ядро составляли: Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Мотковъ,

нимая и чувствуя свое духодное одиночество, молодые революціонеры держали себя конспиративно и съ большимъ разборомъ принимали новыхъ членовъ въ свой организованный кружокъ. Въ обществѣ они заявляли себя либералами, желающими служить народу всѣми дозволенными культурными способами. Члены кружка дѣйствительно работали въ школахъ, мастерскихъ, библіотекахъ; открывали ихъ сами; отстаивали права женщихъ на трудъ, на образованіе. Этотъ способъ работы въ то время не только много значилъ самъ по себѣ, но и давалъ имъ возможность выбирать лучшихъ способныхъ людей и готовить ихъ къ болѣе отвѣтственной работѣ.

«Ишутинъ стоялъ въ центральномъ кружкѣ. Хотя старше другихъ,—ему было около 25 лѣтъ,—онъ горячился и увлекался, какъ юноша. Работа кипѣла въ его рукахъ. Знакомства пріумножались, завязывались новыя сношенія, революціонная атмосфера сгущалась, вопросы ставились рѣшительнѣе и острѣе. Способные, жадно учившіеся юноши страстно и неустанно вырабатывали свое міросозерцаніе; ихъ квартиры стали мало-по-малу тѣми умственными клубами куда спѣшило лучшее московское студенчество, чтобы найти отвѣты на массу грозныхъ вопросовъ, всегда присущихъ здоровой душѣ человѣка...»

Въ числѣ посѣщавшихъ кружокъ и пользовавшихся особенною симпатіей Ишутина находился и одинъ юноша, который, какъ потомъ оказалось, состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ къ III отдѣленію, почему впослѣдствіи, когда послѣ покушенія Каракозова на жизнь Александра II надъ кружкомъ разразилась гроза, въ руки правительства и были доставлены всѣ данныя о происходившихъ здѣсь разговорахъ и намѣчавшейся дѣятельности, каковыя, однако, судебнымъ слѣдствіемъ не были установлены. Эти данныя и послужили основаніемъ для строгаго суда надъ ишутинцами.

«Приблизительно въ это же время московская революціонная группа познакомилась съ двоюроднымъ братомъ Ишутина—Дмитріемъ Владимировичемъ Каракозовымъ, — повѣствуетъ далѣе г-жа Брешковская.—Войдя въ кругъ революціонеровъ, онъ охотно сталъ посѣщать ихъ и по цѣлымъ вечерамъ молча и спокойно вслушивался въ ихъ разсужденія, споры и дебаты. Казалось, что этотъ высокій, сильный человѣкъ, съ ясными голубыми глазами, выросшій вблизи народа, въ одной изъ приволжскихъ губерній,—наслаждался новымъ для него міромъ вопросовъ и задачъ и въ то же время разбирался въ собственныхъ своихъ чувствахъ и мысляхъ, дотолѣ дремавшихъ въ немъ.

«Появленіе этого спокойнаго человѣка, умѣвшаго внимательно слушать и умно всматриваться въ своихъ собесѣдниковъ, было встрѣчено хорошо, и много ораторскихъ талантовъ работало надъ тѣмъ, чтобы заставить Каракозова согласиться въ признаніи того

пути, какой намѣтили себѣ товарищи Ишутина. Каракозовъ почти не возражалъ, но и не принималъ на себя никакихъ обязательствъ, а продолжалъ слушать шумныя рѣчи, все съ большей настойчивостью, съ большей задумчивостью. Наконецъ Каракозовъ громко заявилъ свое рѣшеніе убить Александра II. Въ короткихъ словахъ онъ доказывалъ, что царская власть есть тотъ принципъ, при наличности котораго нечего и думать о коренныхъ соціальныхъ реформахъ. Онъ говорилъ, что всѣ усилія и жертвы революціонеровъ будутъ напрасны, пока тронъ царскій будетъ увѣренъ въ своей безопасности... Говорилъ онъ спокойно, сдержанно, страстно, всѣмъ глядя въ лицо и ни на комъ не останавливаясь, точно онъ громко отвѣчалъ себѣ на тѣ глубокіе запросы своей души, которые давно томили его, но все ускользали отъ его пониманія, пока онъ не натолкнулся на людей, которые, сами не зная того, своими горячими и долгими спорами разрѣшили ему задачу всей его жизни.

«Предложеніе Дмитрія Владимировича поразило всѣхъ, и всѣ протестовали, кромѣ Ишутина. Всѣ утверждали, что послѣ убійства царя некому еще будетъ воспользоваться смятеніемъ, могущимъ произойти первое время, что надо сперва привлечь на свою сторону больше людей, надо сорганизовать революціонные кадры. Говорили, что народъ будетъ противъ, что въ его глазахъ царь есть освободитель и ближайшій благодѣтель народа. Много сраженій было дано Дмитрію Владимировичу. Онъ терпѣливо выслушивалъ ораторовъ, сдержанно отвѣчалъ имъ, и только когда, отойдя въ сторону, онъ закрывалъ лицо руками и подолгу не шевелясь сидѣлъ въ углу комнаты, полный горячихъ рѣчей, можно было замѣтить, какая страстная и трудная борьба мучила этого человѣка.

«Наконецъ молодежи удалось убѣдить Ишутина въ необходимости сберечь организацію и отодвинуть планъ цареубійства на неопредѣленное время. Съ помощью Ишутина удалось взять слово съ Каракозова въ томъ, что онъ отказывается отъ своей задачи до общаго согласія. Онъ распрощался съ товарищами и уѣхалъ въ свою казенную деревню».

Таковъ прологъ разыгравшейся вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ драмы. Каракозовъ исчезъ изъ Москвы, а члены Ишутинскаго кружка продолжали заводить школы, мастерскія, библіотеки, пріобрѣтать знакомства и замышляли уже обратиться къ обществу съ революціонными прокламаціями. Каракозовъ тѣмъ временемъ пребывалъ въ деревнѣ и все продолжалъ замышлять о задуманномъ имъ преступленіи, пока, наконецъ, рѣшеніе въ немъ окончательно не окрѣпло и онъ ранней весной 1866 г. снова объявился въ Москвѣ, гдѣ категорически уже и заявилъ Ишутину, что его рѣшеніе цареубійства непоколебимо и вслѣдъ за симъ снова исчезъ съ

горизонта товарищей. Ишутинъ поспѣшилъ предупредить товарищей, всѣ страшно переполошились и тутъ же постановили отправить въ Петербургъ на поиски Каракозова двоихъ изъ состава кружка. Ходъ дальнѣйшихъ событій, по показаніямъ Д. В. Стасова[1]), защищавшаго на судѣ Ишутина, сложился такъ. Ишутинъ первоначально рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ Ермолаевымъ, но на собраніи эта поѣздка была отклонена по причинѣ свойства характера Ишутина—вѣчно «изворачиваться и не ставить вопроса ребромъ», что было опасно съ Каракозовымъ; вмѣсто него были командированы Странденъ съ Ермоловымъ. «Странденъ,—говоритъ г. Стасовъ,—въ это время приготовлялся участвовать въ освобожденіи изъ ссылки Чернышевскаго и долженъ былъ ѣхать въ Сибирь. Для этого уже шли подготовленія, доставались деньги и все, что предполагалось необходимымъ для побѣга; Странденъ даже запасся ядомъ (ядъ былъ у многихъ изъ членовъ организаціи; они имъ запасались для принятія въ случаѣ какихъ-либо покушеній и носили его въ пуговицахъ). Ишутинъ досталъ Страндену два фальшивыхъ паспорта, а Худяковъ далъ рекомендательныя письма въ Иркутскъ и Кузнецкъ. Такъ какъ Страндену нужно было переговорить въ Петербургѣ съ лицами, подготовлявшими освобожденіе Чернышевскаго, то рѣшено было, что поѣдетъ съ Ермоловымъ онъ, и они потребуютъ, чтобы Каракозовъ немедленно вернулся въ Москву, а по его возвращеніи постановить въ своемъ кружкѣ обязательство, чтобы никто не смѣлъ самовольно что-либо предпринимать иначе, какъ по общему рѣшенію. Но въ Петербургѣ ни Ермоловъ, ни Странденъ не знали адреса Каракозова, и потому стали его разыскивать по публикаціямъ въ газетахъ о пріѣзжающихъ, ходили для этого въ Публичную Библіотеку, ничего, разумѣется, не выискали и совершенно случайно, около бѣговъ на Невѣ, Страндена кто-то хлопнулъ по плечу. Это оказался Каракозовъ! Вслѣдъ за тѣмъ онъ пришелъ къ нимъ (Ермолову и Страндену) въ гостиницу и на вопросы: для чего онъ уѣхалъ тайно и что онъ тутъ дѣлаетъ?—объяснилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы поступить на фабрику и тамъ пропагандировать между рабочими. Ему возражали, что для этого нечего уѣзжать изъ Москвы, что и тамъ это можно дѣлать, и такъ какъ подозрѣвали его въ намѣреніи совершить цареубійство, то и спросили его объ этомъ, и онъ сказалъ: «а хоть бы и такъ», и наконецъ сознался, что дѣйствительно пріѣхалъ съ намѣреніемъ совершить цареубійство. Они стали его всячески убѣждать, отговаривать и добились того, что онъ имъ далъ честное слово, что не совершитъ этого и вернется скоро въ Москву. Успокоенные этимъ и увѣренные, что онъ сдержитъ слово, они уѣхали въ Москву и дѣйствительно черезъ нѣсколько времени послѣ этого вернулся и

[1]) «Былое», 1906 г., № 4. «Каракозовскій процессъ».

Д. В. Каракозовъ.

Каракозовъ. Онъ, разумѣется, видѣлся съ Ишутинымъ и другими и всѣмъ было извѣстно, что онъ далъ слово не совершать преступленія, всѣ были спокойны и увѣрены въ томъ, что онъ сдержитъ слово, какъ вдругъ онъ, пробывши въ Москвѣ два-три дня, исчезъ, не говоря никому ни слова, и затѣмъ разнеслась вѣсть о покуше-

ніи 4 апрѣля. Для товарищей не было сомнѣнія, что это сдѣлалъ онъ».

Обрисовывая Каракозова, И. А. Худяковъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ», такъ характеризуетъ его: [1]) «Каракозовъ, виновникъ событія 4 апрѣля, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у котораго дѣло замѣняетъ слово. Въ сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всего. Точно также и въ дѣтствѣ онъ не былъ словоохотливъ. Бывши ученикомъ пензенской гимназіи, онъ никогда не высовывался и не участвовалъ на мелкихъ стычкахъ съ надзирателями и учителями, зато когда вышла крупная исторія съ директоромъ, онъ былъ въ числѣ первыхъ... Товарищи еще въ гимназіи прозвали его Карломъ XII.

«Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей то неподвижной, то бурной натуры, онъ мало заботился о томъ, что скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ. Еще менѣе,— въ этомъ я увѣренъ,—онъ думалъ о себѣ.

«Какъ извѣстно, товарищи просили его не совершать до времени покушенія,—отсрочка, очень пріятная для человѣка, полнаго жизни... Онъ, однако, не послушался ихъ, потому что, во-первыхъ, онъ не зналъ того взаимнаго недовѣрія, которое Мотковъ посѣялъ между членами общества; во-вторыхъ, онъ думалъ, что покушеніе дастъ имъ значительныя денежныя средства, и народъ получитъ «уступочку», которой общество и воспользуется для пропаганды и для достиженія своей цѣли—соціальной республики...

«Однако, несмотря на силу своего характера, несмотря на предостереженія своихъ товарищей, Каракозовъ не имѣлъ настолько силы ума, чтобы исполнить свое дѣло мастерски. Онъ какъ будто нарочно оставилъ всѣ слѣды, чтобы открыть дѣло, въ случаѣ удачи...

«...Письмо, оставленное имъ въ Знаменской гостиницѣ, бумаги, найденныя въ карманѣ, самое пальто, наконецъ ядъ, который онъ взялъ въ пузырькѣ, когда легко могъ имѣть его въ шарикѣ и положить на зубы,—все это были достаточныя данныя, чтобы открыть дѣло. Самое запирательство въ фамиліи поставило только нѣкоторыхъ въ ложное положеніе и еще болѣе усилило озабоченность правительства. Все это такія данныя, которыя показываютъ, что сила его ума не совпадала съ силой характера. При размышленіи объ этомъ нельзя, впрочемъ, упустить изъ виду того, что та неподвижность, которая отличала Каракозова въ обыкновенное время, болѣе всего выработала эту неосторожность; незнакомый съ мелкими житейскими неудачами, онъ не могъ предугадать большей

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1906 г., №№ 10—12. «Изъ воспоминаній шестидесятника».

неудачи... живя въ тѣсномъ кружкѣ молодыхъ студентовъ, онъ, подобно Березовскому [1]), въ «повстаньѣ», безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ бы осторожнѣе... Кромѣ того, Каракозовъ очень могъ разсчитывать и на удачу своего покушенія. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ, а промахнуться въ упоръ было бы неслыханнымъ дѣломъ. ...Тогда толпа растерзала бы его на мѣстѣ, и едва ли бы тогда нашли какой-нибудь слѣдъ его происхожденія; даже если бы и нашли, то его неосторожность не повлекла бы за собой вредныхъ послѣдствій».

Мы ознакомились съ обрисовкой Ишутинскаго кружка и характеристикой Каракозова на основаніи показаній частныхъ лицъ, а вотъ какъ болѣе детально рисуетъ дѣло официальная «Объяснительная записка о преступленіяхъ членовъ революціоннаго общества «Организація», которую и проводимъ здѣсь болѣе или менѣе полно [2]), хотя въ ней и встрѣчаются повторенія того, о чемъ говорила г-жа Брешко-Брешковская. Но рядомъ съ этимъ здѣсь мы увидимъ и такія подробности, которыя для регистрированія тогдашнихъ политическихъ тенденцій имѣютъ нѣкоторое значеніе.

«Преступленіе Каракозова, какъ оказалось впослѣдствіи,—сказано въ «Запискѣ»,—было результатомъ преступной дѣятельности нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, увлекаясь мыслью содѣйствовать цареубійствомъ успѣху революціонныхъ стремленій, перешедшею къ намъ отъ проживающихъ за границею русскихъ изгнанниковъ черезъ посредство домашняго учителя Худякова [3]), составили въ Москвѣ тайное общество подъ названіемъ «Адъ», имѣвшее цѣлью осуществить въ Россіи столь преступное предположеніе.

«Подъ вліяніемъ разсужденій, слышанныхъ Каракозовымъ въ обществѣ «Адъ», котораго онъ былъ членомъ, Каракозовъ, не ожидая содѣйствія своихъ товарищей, совершилъ покушеніе на жизнь его императорскаго величества. По обнаруженіи вслѣдствіе этого событія существованія общества «Адъ», члены его были арестованы. Большая часть изъ нихъ сознались въ своей винѣ и на сдѣланныхъ имъ допросахъ указали, какимъ путемъ они дошли до образованія этого общества. Изъ ихъ показаній видно, что еще въ 1863 году въ Москвѣ составился кружокъ, который имѣлъ преимущественно цѣлью распространеніе между студентами соціалистическихъ идей и возбужденіе ихъ къ политической дѣятельности для произведенія въ государствѣ экономическаго пе-

---

[1]) Полякъ, покушавшійся на жизнь Александра II въ Парижѣ. Б. Г.

[2]) «Былое», 1906 г., № 4.

[3]) Роль Худякова въ данномъ случаѣ нѣсколько преувеличена. Революціонныя идеи проникали тогда довольно свободно въ массу молодежи черезъ посредство печатныхъ листковъ даже домашняго изготовленія, съ нѣкоторыми изъ которыхъ мы уже имѣли случай ознакомиться. Б. Г.

реворота. Кружокъ этотъ, постепенно увеличиваясь, измѣнялъ свое направленіе. Отъ распространенія соціалистическихъ идей между студентами дѣятели его перешли къ распространенію ихъ въ народѣ и рабочемъ классѣ. Засимъ они старались осуществить свои мысли на практикѣ и устраивали разныя заведенія на началахъ ассоціаціи. Въ лицахъ, принимавшихъ участіе въ сихъ предпріятіяхъ, они отыскивали новыхъ дѣятелей, и такимъ образомъ составилось довольно значительное число недовольныхъ людей, желавшихъ произвести преобразованіе въ существующемъ порядкѣ государственнаго управленія.

«Въ 1865 году у руководителей этого движенія явилась мысль организовать свою дѣятельность на правильныхъ началахъ и точно опредѣлить ея цѣль. Они стали собирать своихъ единомышленниковъ на сходки, на которыхъ обсуждали разныя предположенія и опредѣляли цѣль общества и будущія его дѣйствія. Члены этого общества, называвшагося «Организація», не были согласны между собою во многихъ своихъ предположеніяхъ, такъ, напримѣръ, относительно средствъ къ достиженію предполагаемыхъ цѣлей; нѣкоторые предлагали считать всѣ средства дозволенными, не исключая самыхъ гнусныхъ преступленій, если они могутъ быть для общества чѣмъ-либо полезными, но другіе смѣялись надъ подобными предложеніями и не придалали имъ никакого серьезнаго значенія.

«Подобныя же разнорѣчія существовали и по вопросамъ о цѣли общества и порядкѣ его дѣйствій. Болѣе дѣятельные члены «Организаціи» старались привести своихъ товарищей къ соглашенію изготовленіемъ писанныхъ уставовъ. Одинъ уставъ былъ написанъ Шагановымъ, а другой Ермоловымъ и Мотковымъ. Эти уставы были прочитаны на сходкахъ «Организаціи», но, однако, не были утверждены и въ Великомъ посту текущаго года еще обсуждались представителями разныхъ мнѣній, господствовавшихъ между членами «Организаціи». Когда преступленіе Каракозова возбудило опасеніе законнаго преслѣдованія, уставы «Организаціи» были уничтожены.

«По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ объ уставахъ Шаганова, Моткова и Ермолова, общество «Организація» должно было получить окончательное устройство слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько членовъ должны были составлять въ Москвѣ центральную агентуру. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ знакомиться съ поляками и заводить сношенія съ другими обществами, другой набирать новыхъ членовъ, третій поддерживать сношенія съ членами губернскими, знать объ ихъ дѣйствіяхъ, завѣдывать библіотекой, посылать изъ нея губернскимъ членамъ книги и, если нужны, деньги изъ процентовъ, вырученныхъ въ библіотекѣ. Капиталъ для открытія библіотеки хотѣлъ дать Ермоловъ, по продажѣ своего имѣнія, когда

будетъ совершеннолѣтенъ. Тѣ члены, которые обязаны были разъѣхаться по губерніямъ, какъ только найдутъ себѣ въ одномъ изъ городовъ занятія, обезпечивающія ихъ существованіе, или если будутъ средства для открытія губернской библіотеки, должны были знакомиться съ семинаристами и вообще молодыми людьми и убѣждать ихъ дѣлаться сельскими учителями, стараться открывать различнаго рода ассоціаціи, сноситься съ сельскими членами и въ случаѣ нужды помогать имъ деньгами и книгами. Сельскіе члены-учителя должны были устраивать при школахъ ремесленныя заведенія, сообразныя съ потребностями мѣстности, объяснять крестьянамъ, что единственное средство улучшить ихъ положеніе— круговая поддержка и устройство ассоціацій. При этомъ порядкѣ всѣ сельскіе члены опредѣленныхъ мѣстностей должны были быть извѣстны и совершенно подчинены губернскимъ членамъ организаціи, которые, въ свою очередь, должны были находиться въ зависимости отъ «центральной агентуры», обязанной всѣмъ имъ давать соотвѣтствующее направленіе.

«Означенное устройство общества, какъ уже было выше сказано, еще не было приведено въ исполненіе, однако нѣкоторые члены «Организаціи» уже готовы были приступить въ дѣйствіямъ, было предположеніе освободить сосланныхъ на каторжную работу въ рудникахъ государственныхъ преступниковъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича; для освобожденія Чернышевскаго былъ избранъ для поѣзки въ Сибирь членъ «Организаціи» Странденъ; для него были добыты яды и разныя наркотическія вещества, чтобы отравлять и усыплять стражей и такимъ образомъ освободить Чернышевскаго, который долженъ былъ остаться въ Москвѣ и стать во главѣ революціоннаго общества или бѣжать за границу и издавать тамъ журналъ, соотвѣтствующій цѣлямъ сего общества; членъ общества взаимнаго вспомоществованія Викторъ Федосѣевъ былъ подговоренъ отравить своего отца и пожертвовать наслѣдство, которое онъ получитъ, на пользу общества. Для осуществленія этого предположенія уже былъ добытъ ядъ, и Федосѣевъ отправился въ Кирсановъ; были переговоры о покупкѣ ваточнаго завода въ Можайскомъ уѣздѣ для устройства его на соціальныхъ началахъ; было предположеніе объ устройствѣ того же завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, для котораго даже былъ уже составленъ планъ; наконецъ предполагали убить купца Серебрякова и украсть у него деньги, и избрали одного члена «Организаціи» (Загибалова), который долженъ былъ поступить на службу почтальономъ и ограбить почту. Во время всѣхъ этихъ разсужденій, предположеній и приготовленій зачинщики «Организаціи», которые на ея сходкахъ были представителями самыхъ крайнихъ идей и наиболѣе преступныхъ намѣреній, уже образовали и устраивали новое общество «Адъ».

«Цѣлью общества «Организація», по объясненію членовъ онаго, были: возбужденіе и приготовленіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію, требованіе засимъ у правительства уступки, т. е. введенія соціализма, и, въ случаѣ сопротивленія,—устройство государства на соціальныхъ началахъ путемъ революціоннымъ, по захватѣ верховной власти въ свои руки и ниспроверженіи правительства.

«Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній видно, что всѣ лица, принадлежавшія къ «Организаціи», имѣли явно преступное направленіе противъ верховной власти и образа правленія и составили общество для осуществленія своихъ преступныхъ цѣлей, но дѣйствій онаго не было и вредныхъ послѣдствій не произошло, по случаю открытія ихъ злоумышленія заблаговременно правительствомъ.

«Эти лица раздѣлялись на отдѣльныя группы, носившія различныя наименованія. Главныя группы были слѣдующія: ипатовцы (по фамиліи Ипатова, хозяина дома, въ которомъ они жили)—Каракозовъ, Ишутинъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и Загибаловъ; малининцы (по фамиліи Малинина, съ которымъ они жили)—Малининъ, Мотковъ, Кочинъ, Александръ Ивановъ; саратовцы (по мѣсту ихъ рожденія въ Саратовской губерніи)—Соболевъ, Борисовъ, Сергіевскій, Воскресенскій, Полумордвиновъ и Лапкинъ.

«Ипатовцы были представителями самаго крайняго направленія, а стремленія малининцевъ, какъ и саратовцевъ, были умѣреннѣе, но малининцы были въ близкихъ сношеніяхъ съ ипатовцами и потому имѣли болѣе участія въ ихъ различныхъ предположеніяхъ. Когда образовалось общество «Адъ», члены его, пріискивая себѣ товарищей, мало-по-малу знакомили съ своею цѣлью нѣкоторыхъ членовъ «Организаціи». Однимъ они сообщали прямо о существованіи этого общества, съ другими они говорили только о своей цѣли, какъ о заслуживающей вниманія революціонной теоріи.

«Отъѣздъ Каракозова въ Великомъ посту изъ Москвы въ Петербургъ былъ особенно знаменательнымъ событіемъ для общества «Адъ». Зная хорошо личность Каракозова, его воззрѣнія и предположенія, члены «Адъ» поняли, что цѣль ихъ общества можетъ быть приведена въ исполненіе. Засимъ они узнали объ этомъ навѣрное, другіе остались при догадкѣ, которую не могли, не признавать весьма вѣроятною. Въ числѣ послѣднихъ былъ Мотковъ. Въ испугѣ отъ возможности близкаго осуществленія цѣли преступнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, онъ передалъ своимъ товарищамъ—малининцамъ, что Ишутинъ, Ермоловъ и Каракозовъ рѣшились на цареубійство и что, такъ какъ они отступаютъ отъ дѣйствій «Организаціи» и рѣшаются на такое дѣло, которое ее погубитъ, то слѣдуетъ исключить ихъ изъ общества, лишить ихъ возможности дѣйствовать и засимъ со-

ставить такой уставъ ихъ общества, при которомъ подобное явленіе не было бы уже возможнымъ. Товарищи Моткова на это согласились и сообщили все Дмитрію Иванову и Воскресенскому, которые также изъявили свое согласіе на противодѣйствіе ипатовцамъ. Было предположено завести Ишутина въ уединенныя мѣста и угрозами заставить его разсказать все, что онъ знаетъ, и тогда, если ихъ опасенія подтвердятся, объявить объ этомъ всѣмъ бывавшимъ на сходкахъ. Однако они не рѣшились привести это въ исполненіе, опасаясь мести ипатовцевъ, и положили отправить—Моткова за деньгами къ Маликову въ Холмъ и по полученіи этихъ денегъ тотчасъ собрать сходку и заставить Ишутина, Каракозова и Ермолова уѣхать изъ Москвы въ какой-нибудь отдаленный городъ, гдѣ имѣть за ними строгій надзоръ.

«До возвращенія Моткова изъ Холма всѣ виновные были арестованы.

«Послѣдняя сходка «Организаціи» была 4 апрѣля. На этой сходкѣ, которая происходила въ квартирѣ Юрасова, присутствовали въ числѣ прочихъ: Ишутинъ, Ермоловъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ, Николаевъ, Александръ Ивановъ, Дмитрій Ивановъ, Малининъ и Кичинъ. Здѣсь обсуждалось предложеніе немедленно разъѣхаться по разнымъ городамъ для осуществленія плана общества, и Ермоловъ объявилъ, что онъ немедленно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы достать денегъ для тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли средствъ выѣхать изъ Москвы.

«При производствѣ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, къ оному привлечены были разныя лица, которыя, не участвуя въ обществахъ «Адъ» и «Организація», находились въ сношеніяхъ съ ихъ членами по различнымъ преступнымъ замысламъ и предположеніямъ сихъ послѣднихъ. Маликовъ, Бибиковъ и Оболенскій были главными дѣятелями по предположенію объ устройствѣ Людиковскаго завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи и по этому предположенію были въ сношеніяхъ съ членами «Организаціи», которые, узнавъ объ ихъ проектѣ, приняли, какъ выше уже было сказано, участіе въ немъ, чтобы осуществить на этомъ заводѣ ихъ предположенія объ ассоціаціяхъ. Бывшій студентъ с.-петербургскаго университета Александръ Никольскій пріѣзжалъ въ Москву отъ Худякова съ предложеніемъ объ освобожденіи Серно-Соловьевича и находился по этому предмету въ сношеніяхъ съ Ишутинымъ. Учителя Марксъ и Трусовъ и провизоръ Лангаусъ участвовали въ доставленіи Страндену яда для поѣздки его въ Сибирь съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Шостаковичъ и Маевскій были въ сношеніяхъ съ ипатовцами, т. е. съ Ермоловымъ, Загибаловымъ, Ишутинымъ и Странденомъ, по укрывательству бѣжавшаго государственнаго преступника Домбровскаго».

Такова была во всѣхъ подробностяхъ и развѣтвленіяхъ дѣятельность московскаго или даже, правильнѣе, московскихъ кружковъ, изъ которыхъ столь роковымъ образомъ выдѣлился Каракозовъ. Мы видѣли, что ихъ боевая, такъ сказать, сходка назначена была на 4 апрѣля 1866 года, т. е. на тотъ день, когда отколовшійся отъ нихъ ихъ «молчаливый» товарищъ направилъ въ Лѣтнемъ саду дуло своего пистолета на гулявшаго тамъ Александра II.

Прибывъ въ Петербургъ, Каракозовъ остановился въ Знаменской гостиницѣ и видѣлся только съ медикомъ Кобылинымъ и писателемъ Худяковымъ, хотя и состоявшимъ тогда въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Ишутинскому кружку, но, повидимому, не освѣдомленнымъ о цѣляхъ прибытія сюда Каракозова. Такимъ образомъ, настоящаго заговора въ «дѣлѣ Каракозова» не было, въ немъ не было ни участниковъ, ни какихъ-либо сложныхъ подготовленій, ни намѣченныхъ далѣе послѣдствій. Все дѣло было дѣломъ рукъ одного человѣка, выносившаго нѣкоторое время опредѣленный планъ дѣйствій и рѣшившаго его привести въ исполненіе при удобномъ случаѣ. Императоръ Александръ II имѣлъ обыкновеніе постоянно гулять въ Лѣтнемъ саду, въ одиночествѣ со своею собакою или въ сопровожденіи членовъ царской семьи или кого-нибудь изъ приближенныхъ. Объ этихъ прогулкахъ населеніе было хорошо освѣдомлено, и часто многіе отправлялись въ Лѣтній садъ спеціально съ цѣлью встрѣтиться съ государемъ и посмотрѣть на него. Даже во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда еще покушенія на жизнь государя не сдѣлались дѣломъ систематическимъ, его постоянно можно было видѣть гуляющимъ по главнымъ аллеямъ любимаго имъ сада. И гимназисты 3-й петербургской гимназіи, помѣщающейся на Гагаринской улицѣ, въ числѣ которыхъ тогда былъ и авторъ настоящихъ очерковъ, бѣгали иногда въ близлежащій садъ, чтобы раскланяться съ императоромъ, стать передъ нимъ во фронтъ и отдать честь.

Каракозовъ прозналъ также о прогулкѣ Александра II, и вотъ 4 апрѣля 1866 г., когда Александръ II въ четвертомъ часу дня послѣ гулянья въ сопровожденіи племянника, герцога Николая Лейхтенбергскаго и племянницы, принцессы Баденской, садились въ коляску у набережной, Каракозовъ произвелъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета выстрѣлъ. Очутившійся случайно около него крестьянинъ Костромской губ. (шапочный мастеръ) Комиссаровъ толкнулъ руку (по однимъ утвержденіямъ, толкнулъ даже непреднамѣренно) стрѣлявшаго, почему пуля и пролетѣла мимо. Государь остался невредимъ, толпа бросилась на покушавшагося, но онъ полиціей былъ отъ нея устраненъ и тутъ же арестованъ. Такъ совершенно случайно предотвращено было страшное пролитіе крови, которое могло принести Россіи неисчислимое зло, возстановивъ

только что освобожденное царемъ крестьянство противъ привилегированныхъ классовъ, которое въ убійствѣ Царя-Освободителя легко отмѣтило бы актъ мести дворянства царю именно за лишеніе его правъ рабовладѣнія.

Послѣ взятія Каракозова Александръ II отправился прямо въ Казанскій соборъ принести благодареніе Богу за избавленіе отъ угрожавшей ему опасности, а герцогъ Николай съ принцессой Маріею поѣхали на происходившее въ то время засѣданіе государственнаго совѣта, чтобы предупредить о случившемся предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ великаго князя Константина Николаевича.

Когда государь возвратился въ Зимній дворецъ, то тамъ уже ожидали его всѣ члены государственнаго совѣта для принесенія поздравленія. Обнявъ императрицу и дѣтей, императоръ со всею семьею вторично поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ передъ чудотворною иконою Казанской Богоматери былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Дальнѣйшія событія біографъ Александра II въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе» [1]) излагаетъ такъ: «Между тѣмъ вѣсть о чудесномъ спасеніи монарха быстро разнеслась по городу. На площади передъ соборомъ толпа привѣтствовала его кликами радости и восторга. Въ Зимнемъ дворцѣ собрались министры, высшіе придворные и гражданскіе чины, генералитетъ, офицеры гвардіи, арміи и флота, спѣшившіе наперерывъ принести государю выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ. Всѣ были допущены къ нему. Густая толпа народа заливала Дворцовую площадь, оглашая воздухъ кликами «ура!». Государь нѣсколько разъ выходилъ къ ней на дворцовый балконъ. Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы происходили молебствія.

«На другой день, въ 10 час. утра, императоръ принялъ поздравленіе сената, явившагося въ Зимній дворецъ въ полномъ составѣ, съ министромъ юстиціи во главѣ. «Благодарю васъ, господа,—сказалъ онъ сенаторамъ,—благодарю за вѣрноподданническія чувства. Они радуютъ меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ, жалѣю только, что вамъ довелось выразить ихъ по такому грустному событію. Личность проступника еще не разъяснена, но очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всего прискорбнѣе, что онъ русскій». На выраженную однимъ сенаторомъ надежду, что дальнѣйшее слѣдствіе разъяснитъ личность преступника и что имя русскаго останется незапятнаннымъ, государь отвѣчалъ: «Дай Богъ!» Затѣмъ онъ сообщилъ сенаторамъ то, что открыло первоначальное разслѣдованіе, и, отпуская ихъ, повторилъ: «Благодарю, еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ».

---

[1]) «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», С. С. Татищева, т. 2-й.

«Въ часъ состоялся пріемъ императоромъ во дворцѣ петербургскаго дворянства, къ которому присоединились находившіеся въ столицѣ дворяне другихъ губерній, представители городскихъ обществъ и прочихъ сословій. Когда изъ Золотой гостиной государь вступилъ въ Бѣлую залу, подъ руку съ императрицей, въ сопровожденіи цесаревича и прочихъ сыновей, его встрѣтило громкое единодушное «ура!» не умолкавшее нѣсколько минутъ. Ихъ величества были растроганы. Ихъ окружили со всѣхъ сторонъ. На глазахъ у всѣхъ были слезы. Когда водворилась тишина, петербургскій предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ императору со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше императорское величество. При семъ горестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительномъ случаѣ, мы, предводители, депутаты и дворяне с.-петербургскіе, предстоя передъ вами, государь, не говоримъ, отъ имени дворянъ всей Россіи потому только, что каждое дворянское собраніе дорожитъ правомъ выразить само свое чувство. Но отъ имени нашихъ довѣрителей, дворянъ столицы и Петербургской губерніи, мы нынѣ выражаемъ передъ вашимъ величествомъ нашу скорбь, что рука преступника или сумасшедшаго посягнула ва вашу высочайшую, церковью освященною и намъ дражайшую особу, и вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ Богу благодарственное моленіе за то, что Онъ защитилъ Россію отъ бѣдствій, спасая вашу жизнь. Государь, позвольте намъ въ настоящую минуту вспомнить, что въ этомъ самомъ дворцѣ, въ третій день вашего царствованія, вы, принимая с.-петербургскихъ депутатовъ, имъ сказали, что надѣетесь видѣть всегда русское дворянство въ началѣ и во главѣ всякаго доблестнаго и полезнаго подвига. При помощи Божіей эта благодатная надежда оправдается къ многолѣтнему утѣшенію вашего чадолюбиваго сердца». Императоръ отвѣчалъ: «Господа дворяне и господа члены другихъ сословій! Благодарю васъ отъ всей души за выраженіе вашихъ чувствъ при этомъ грустномъ случаѣ. Такъ и въ прошломъ году, въ это же время, всѣ сословія выражали мнѣ свое сочувствіе. Если, кромѣ вѣры въ Бога, что поддерживаетъ меня въ моемъ трудномъ служеніи, то это именно та преданность и тѣ чувства, которыя мнѣ постоянно выражаютъ съ такимъ единодушіемъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какъ отъ васъ, господа дворяне, такъ и отъ всѣхъ другихъ сословій. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ всего сердца. Надѣюсь, что вы, господа дворяне, радушно примите въ свою среду вновь возведеннаго мною въ дворянское достоинство,—дворянина, вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполнѣ заслужилъ честь быть русскимъ дворяниномъ».

«6 апрѣля принесли императору поздравленія отъ имени своихъ государей и правительствъ пребывающіе въ Петербургѣ представители иностранныхъ державъ.

«Со всѣхъ концовъ имперіи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поступали выраженія чувствъ радости русскихъ людей о спасеніи драгоцѣнной жизни царя. Сословія и общества посылали депутаціи въ Петербургъ, отправляли телеграммы, посылали адресы; въ движеніи этомъ участвовали всѣ званія и состоянія, учрежденія, учебныя и воспитательныя заведенія и общины, даже частныя лица; многіе знаменовали всенародно восторгъ дѣлами благотворенія. Единодушный порывъ вѣрноподданныхъ глубоко проникъ въ сердце вѣнценосца, какъ явствуетъ изъ письма его къ высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому:

«Принявъ съ благоговѣніемъ присланную мнѣ вами икону святителя Алексія, искренно благодарю васъ и все московское духовенство за выраженныя чувства вѣрноподданнической преданности. Призванный на царство всемогущимъ Промысломъ, я возлагаю всѣ мои надежды на Вседержителя Бога, въ Его же десницѣ цари и народы, и глубоко вѣрую, что благое Провидѣніе охранитъ дни мои, доколѣ они будутъ нужны для дорогой мнѣ Россіи. Какъ ни тягостна моему сердцу мысль о покушеніи на мою жизнь, всецѣло отданную любимому отечеству, но она исчезаетъ передъ благою Божественною волею, отвратившею отъ меня опасность, и единодушное сочувствіе ко мнѣ всѣхъ сословій вѣрнаго моего народа, со всѣхъ концовъ обширной имперіи, доставляетъ мнѣ ежеминутныя трогательныя доказательства несокрушимой связи между мною и всѣмъ преданнымъ мнѣ народомъ. Эта священная связь да останется навѣки неизмѣннымъ залогомъ силы, цѣлости и единства нашего общаго великаго отечества. Призываю святую церковь молиться о благоденствіи и славѣ Россіи».

Такова была счастливая, праздничная сторона дѣла, изъ-за которой выглядывала и другая, не сулившая Россіи въ будущемъ ничего утѣшительнаго. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ авторъ цитированнаго уже выше фельетона въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» [1]) отраженіе событія 4 апрѣля на жизни первопрестольной. Онъ говоритъ:

«Кто жилъ въ то время въ Москвѣ, тотъ помнитъ, конечно, охватившее и жителей, и администрацію настроеніе. Народъ поили изъ выставленныхъ купцами на Красной площади винныхъ бочекъ; повсюду гремѣли оркестры; Н. Г. Рубинштейнъ послѣ концерта въ Дворянскомъ собраніи ходилъ по главнымъ московскимъ улицамъ во главѣ огромной толпы съ оркестромъ, игравшимъ народный гимнъ. На улицахъ происходили нерѣдко грубыя сцены насилія: избивались интеллигенты и даже дамы. Арестовывали не только въ чемъ-нибудь политическомъ заподозрѣнныхъ, но даже тѣхъ, у кого находили портреты Чернышевскаго. Особенно тяжело

[1]) «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 8.

было положеніе поляковъ. Всѣ въ Москвѣ были почему-то увѣрены, что стрѣлялъ полякъ. Ихъ гнали изъ квартиръ, отказывали отъ мѣстъ учителямъ и докторамъ. Наконецъ, узнали официально, что покушавшійся былъ уроженецъ Саратовской губерніи Каракозовъ. Въ Москвѣ тогда было невыносимо жить».

Князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) даетъ любопытныя указанія, какъ отразилось событіе 4 апрѣля на административныхъ сферахъ и какъ реагировали на него главнѣйшіе представители правительственнаго механизма, которыхъ ближе всего затрогивало преступленіе Каракозова.

Передавъ немало любопытныхъ эпизодовъ изъ тогдашней жизни, захваченной событіями 4-го апрѣля, отмѣтивъ, какъ Комиссаровъ сразу сталъ знаменитостью, авторъ говоритъ, что, кромѣ Комиссарова и Каракозова, въ тѣ дни явилось еще нѣсколько «героевъ». Первымъ былъ графъ М. Н. Муравьевъ, котораго изъ его уединенія и покоя вернули снова къ дѣятельности, поручивъ ему предсѣдательство въ Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи для выясненія преступленія Каракозова. Назначеніе это, по словамъ кн. Мещерскаго, было вызвано «напоромъ общественнаго мнѣнія». «Всѣ слои петербургскаго общества,—говоритъ онъ,—одинаково негодовали въ то время на политику вилянія Валуева и на полную распущенность въ управленіи Петербургомъ, обращенную въ statu quo легкомысленнымъ княземъ Суворовымъ. Громко говорили о необходимости энергическихъ мѣропріятій, искали людей съ энергіей, способныхъ,— и никого не находили, кромѣ графа Муравьева. Несмотря на свою старость, онъ принялъ предложенную ему страшно трудную должность безъ разсужденій, къ великой досадѣ его двухъ заклятыхъ враговъ, столь недавно праздновавшихъ его паденіе, Валуева и кн. Суворова». Вторымъ «героемъ дня» явился министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ. Про него кн. Мещерскій пишетъ такъ: «Пока Головнинъ систематически, но безъ явнаго вреда для правительства давалъ растлѣвать нравственность будущей Россіи, то есть молодежи, и подготовлялъ изъ учащейся молодежи будущихъ дѣятелей революціи въ Россіи, основанной на низложеніи всѣхъ авторитетовъ, начиная съ божественнаго, его оставляли въ покоѣ, казалось, никому нѣтъ дѣла до молодежи въ Россіи, лишь бы только не было шума, и никого изъ нашихъ сановниковъ не безпокоили и не трогали... Но вотъ 4-го апрѣля точно обухомъ треснуло всѣхъ по головѣ: государя чуть не убила пуля изъ руки какого-то человѣка, про котораго знали, что онъ побывалъ въ двухъ университетахъ [2]), и вотъ этого сопоставленія было достаточно, чтобы

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», часть вторая (1865—1881 гг.).
[2]) Казанскомъ и московскомъ.

привлечь къ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ мщенія и искупительныхъ жертвъ въ лицѣ Головнина... Замѣчательно, что это возбужденіе противъ Головнина появилось въ средѣ государственныхъ людей. До 4-го апрѣля ни-

Графъ П. А. Шуваловъ.

кто изъ коллегъ Головнина не задумывался надъ вопросомъ, хорошо или дурно онъ ведетъ свое министерство народнаго просвѣщенія?.. Послѣ 4-го апрѣля вдругъ у нихъ пробуждается какая-то усиленная ревность къ Россіи...»

Когда назначили Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи и онъ черезъ нѣсколько дней уже довелъ до свѣдѣнія государя, что въ числѣ арестованныхъ по подозрѣнію въ составленіи политическихъ противоправительственныхъ кружковъ имѣется нѣсколько десятковъ учащейся молодежи, и государю стали говорить, что въ этомъ виновенъ Головнинъ, то Александръ II призвалъ министра и сказалъ ему, что «въ виду печальныхъ событій, обнаружившихъ связь 4-го апрѣля съ дурнымъ настроеніемъ въ учащейся молодежи, ему подвѣдомственной,—онъ считаетъ необходимымъ его уволить. Увольненіе состоялось милостивое, такъ какъ Головнину дали 12 тысячъ жалованья и назначили его членомъ государственнаго совѣта. Выборъ государемъ преемника Головнину оказался, какъ говорили тогда, въ духѣ реакціи: онъ палъ на графа Дмитрія Андреевича Толстого, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода», при чемъ это оберъ-прокурорство было за нимъ сохранено и такимъ образомъ образовано извѣстное совмѣстительство вслѣдствіе намѣренія сблизить оба вѣдомства, дабы духовное образованіе не расходилось съ гражданскимъ».

Третій герой дня былъ шефъ жандармомъ кн. В. А. Долгоруковъ. «Объ немъ у меня въ «Дневникѣ» переданы слѣдующія интересныя и прекрасныя подробности,—говоритъ кн. Мещерскій.—Когда князь Василій Андреевичъ созналъ, что онъ долженъ себя считать однимъ изъ виновниковъ событія 4 апрѣля,—прямо виня себя въ слабости и въ плохомъ веденіи тайной полиціи,—онъ явился къ государю и говоритъ ему: «Ваше величество, у меня есть къ вамъ маленькая просьба, обѣщайте мнѣ ее исполнить». «Какая?» спросилъ государь. «Маленькая и притомъ такая, которая касается меня лично»,— «Если маленькая, то я обѣщаю ее исполнить». —«Благодарю васъ, государь,—отвѣтилъ князь:—увольте меня отъ должности шефа жандармовъ».—«Ну нѣтъ, это, извини меня, я не сдѣлаю. Ты имѣешь мое довѣріе».—«Я утратилъ довѣріе Россіи,—отвѣтилъ князь,—и имѣю ваше слово, государь, вы обѣщали мою просьбу исполнить». Государь сталъ упрашивать князя. Но князь не только былъ неумолимъ, но онъ потребовалъ небывалаго: чтобы въ приказѣ не было сказано: уволенъ по прошенію, а просто «уволенъ отъ должности». Государь упрашивалъ его согласиться на слово—«по прошенію», но князь Долгоруковъ былъ и тутъ неумолимъ, сказавши: «Пусть вся Россія знаетъ, что я уволенъ за неумѣніе охранять моего государя». Замѣчательно, что князь Долгоруковъ въ день своего увольненія выѣхалъ изъ казеннаго дома на частную квартиру. Преемникомъ себѣ онъ указалъ на гр. П. А. Шувалова, своего бывшаго начальника штаба, который и былъ назначенъ на должность шефа жандармовъ и начальника Третьяго Отдѣленія.

Четвертымъ героемъ былъ генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ. Поведеніе этого сановника обрисовано кн. Мещерскимъ въ крайне непривлекательномъ видѣ. «Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ,—говоритъ авторъ «Воспоминаній»:—дѣйствительно, ему ли было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сантиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному и говоря по-французски: вы всѣ веселитеся о спасеніи государя, я одинъ плачу, я, генералъ-губернаторъ! Съ такими же слезами онъ предсталъ передъ государемъ императоромъ и государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей, Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-юнгфрау императрицы и, цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрноподданническія чувства. Такъ продолжалось это нѣсколько дней; тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ государю и къ императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только это и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодовавшимъ къ нему общественнымъ мнѣніемъ, князь Суворовъ въ царскихъ ложахъ въ театрахъ, въ присутствіи государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: ругайте, сколько хотите, а я все-таки генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ.

«Назначеніе графа Шувалова на мѣсто шефа жандармовъ разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою обращенія его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрѣть въ сумасшествіи отъ бѣшенства; до того его поступки стали непристойны по ребяческой злобѣ и по безтактности. Такъ, напримѣръ, онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушались Муравьева и не исполняли его требованій».

Наконецъ послѣ сильнаго давленія на государя со стороны графа Шувалова отставка петербургскаго генералъ-губернатора была рѣшена, но вмѣстѣ съ упраздненіемъ и самого генералъ-губернаторства. Какъ повѣствуетъ князь Мещерскій, «государь

сказалъ князю Суворову, что онъ призналъ необходимымъ для объединенія управленія Петербургомъ упразднить генералъ-губернаторскій постъ, поблагодарилъ его за вѣрную службу и назначилъ его генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты. Вотъ тутъ князь Суворовъ выказалъ себя во всей своей непривлекательной наготѣ. Имъ овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и государя и ѣдетъ въ свое новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I.

«Такою трагикомедіею закончило свое существованіе давнишнее учрежденіе петербургскаго генералъ-губернаторства — добавляетъ къ своему повѣствованію князь Мещерскій.—Князь Суворовъ всѣхъ рельефнѣе изобразилъ собою вредъ этого учрежденія, и когда онъ дѣйствительно уѣхалъ въ свою Новгородскую губернію, разсказывали въ Петербургѣ, что розыски муравьевской комиссіи обнаружили, между прочимъ, что канцелярія генералъ-губернатора служила, между прочимъ, въ роли пріюта для нѣсколькихъ сильно скомпрометированныхъ вольнодумцевъ».

Незадолго до отставки Суворова оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ былъ смѣщенъ съ должности, и на это мѣсто назначенъ, по указанію графа Шувалова, Ѳ. Ѳ. Треповъ, обратившій на себя вниманіе русской власти, какъ одинъ изъ энергичныхъ дѣятелей по усмиренію варшавскихъ безпорядковъ. Съ уходомъ Суворова Треповъ и сталъ полновластнымъ хозяиномъ Петербурга въ полицейскомъ отношеніи, сохранивъ силу своего вліянія и власти до покушенія на него со стороны Вѣры Засуличъ, послѣдовавшаго въ 1878 году.

Назначеніе на мѣсто предсѣдателя слѣдственной комиссіи М. Н. Муравьева испугало весьма многихъ, сознававшихъ, что эта желѣзная воля не только сумѣетъ довести дознаніе до конца, исчерпать его, но въ соотвѣтствіи съ общимъ политическимъ міросозерцаніемъ графа, о которомъ достаточно уже было говорено прежде, постарается распространить свое вліяніе на всѣ отрасли государственнаго управленія и общественной жизни страны, подчинивъ ихъ началамъ внутренней политики, яркимъ представителемъ которой онъ являлся. Яснѣе всѣхъ это сознаетъ Герценъ, посвятившій событію 4-го апрѣля и работѣ слѣдственной комиссіи передовую статью въ «Колоколѣ» [1]).

«Новости изъ Россіи безконечно печальны»,—читаемъ мы здѣсь.

---

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 220.

«Выстрѣлъ 4-го апрѣля растетъ не по днямъ, а по часамъ въ какую-то о б щ у ю б ѣ д у и грозитъ вырости въ еще страшнѣйшія и еще больше не заслуженныя Россіей бѣдствія.

«Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ снова пепелъ, которымъ начало заносить тлѣвшій огонь, темныя силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчій ведетъ на всѣхъ парусахъ чинить Россію въ такую черную гавань, что при одной мысли объ ней цѣпенѣетъ кровь и кружится голова.

«Выстрѣлъ безуменъ, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣниться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отстранить невозможно, именно потому, что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ... Заговоръ создается, выдумывается теперь—такъ, какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ «адской машинѣ» улицы Никезъ. Такого рода дѣйствія могутъ быть местью отходящаго, личнымъ отчаяніемъ, но не водвореніемъ новаго... Кому полезенъ былъ бы успѣхъ? Развѣ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

«Жизнь народа превосходно поняла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, коронація, какой елей или sainte-chrême могли лучше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ, съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой. Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенія... а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ и этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать,—онъ окруженъ другимъ заговоромъ, онъ окруженъ р у с с к и м ъ т а й н ы м ъ ж о н д о м ъ. Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видали въ рукахъ смерти вмѣстѣ съ косой... Да, жондъ будетъ косить направо и налѣво, косить прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотрящія впередъ, косить народъ, которому теперь льстятъ, и все это подъ осѣненіемъ знамени, возвѣщающаго, что о н и спасаютъ царя, что они мстятъ за него. Горе Россіи, если царь о к о н ч а т е л ь н о повѣритъ, что тайный жондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бироновско-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ хапжествомъ новыхъ Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства николаевскаго времени, да еще со всѣми усовершенствованіями, вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской сквернословящей литературой».

Въ слѣдующемъ нумерѣ своего изданія Герценъ обратился къ государю уже съ личнымъ письмомъ. Вотъ оно: [1]).

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 221.

«Государь!

«Было время, когда вы читали «Колоколъ»,—теперь вы его не читаете. Которое время лучше, то или это, время ли освобожденій и свѣта, или время заточеній и тьмы—скажетъ вамъ ваша совѣсть. Но читаете вы насъ, или нѣтъ, этотъ листъ **вы должны прочесть**. Вы кругомъ обмануты, и нѣтъ честнаго человѣка, который смѣлъ бы вамъ сказать правду. Возлѣ васъ пытаютъ, вопреки вашему приказанію, и вы этого не знаете. Васъ увѣряютъ, что несчастный, стрѣлявшій въ васъ, былъ орудіемъ огромнаго заговора, но ни большого, ни малаго заговора **вовсе не было**; то, что они называютъ заговоромъ, это возбужденная мысль Россіи, это развязанный языкъ ея, это умственное движеніе, это ваши слова рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Васъ ведутъ отъ несправедливости къ несправедливости, васъ приведутъ къ гибели, если не въ этомъ свѣтѣ, то въ будущемъ свѣтѣ исторіи. Васъ приведутъ къ гибели заговорщики, въ самомъ дѣлѣ васъ окружающіе, не потому, чтобъ они этого хотѣли, а потому, что имъ это выгодно. Они пожертвуютъ вами, такъ какъ они жертвуютъ теперь сотнями невинныхъ, которыхъ невинность они знаютъ, такъ какъ они жертвуютъ честью семей, выдавая позорные билеты честнымъ женщинамъ...

«Что вамъ не можетъ это нравиться, я въ этомъ убѣжденъ, и оттого-то рѣшаюсь писать къ вамъ. Но этого мало. Узнайте сами истину—и проведите свою волю, какъ вы ее провели при освобожденіи крестьянъ.

«Четвертый разъ выхожу я на дорогу, по которой вы идете, и останавливаюсь на ней, чтобъ обратить ваше вниманіе не на себя, а на васъ самого.

«Отъ васъ ждутъ кротости, отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца», писалъ я, когда вы садились на престолъ. «Вы необыкновенно счастливы!»—«И до сихъ поръ ждутъ, вѣра въ васъ сохранилась» прибавилъ я черезъ два года съ половиною.

«Прошло семь лѣтъ, и какъ много прошло въ эти семь лѣтъ! Я былъ на югѣ Франціи, когда потухалъ вашъ сынъ. Первая вѣсть, услышанная мною въ Женевѣ, была вѣсть о его кончинѣ. Я не выдержалъ и, бранимый многими, взялся за перо и написалъ вамъ третье письмо, въ которомъ говорилъ: «Судьба неумолимо, страшно коснулась васъ, въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя. Вы въ такой минутѣ, ловите ее. Остановитесь подъ всей тяжестью удара и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ и о томъ, куда вы идете Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара».

«Вы не рѣшились. Судьба еще разъ коснулась васъ, и пусть меня называютъ сумасшедшимъ и слабымъ, я пишу къ вамъ, такъ

трудно мнѣ окончательно разстаться съ мыслью, что вы вовлечены другими въ тотъ историческій грѣхъ, въ ту страшную неправду, которая совершается возлѣ васъ.

«Вы не можете желать зла Россіи за ея любовь къ вамъ. Это неестественно. Станьте же во весь ростъ за нее, изнемогающую надъ тяжестью клеветы и испуганную тайнымъ судилищемъ и явнымъ произволомъ.

«По всей вѣроятности, это послѣднее письмо мое къ вамъ, государь. Прочтите его. Одно безконечное, мучительное горе о гибнущей юной, свѣжей силѣ подъ нечистыми ногами нечестивыхъ стариковъ, посѣдѣлыхъ во взяткахъ, каверзахъ и интригахъ, одна эта боль могла меня заставить еще разъ остановить васъ на дорогѣ и еще разъ поднять голосъ.

«Вниманія, государь, вниманія къ дѣлу. Его имѣетъ право требовать отъ васъ Россія».

Такъ писалъ на берегахъ Темзы политическій идеалистъ, уже къ тому, впрочемъ, времени значительно утерявшій силу своего вліянія, обращаясь къ Александру II, а такъ на берегахъ Невы говорилъ политическій практикъ М. Н. Муравьевъ, обращаясь къ привѣтствовавшему его назначеніе дворянству на торжественномъ обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ: «Я счастливъ, что поставленъ государемъ во главѣ учрежденія, которое должно служить къ открытію злого умысла и преступника. Я скорѣе лягу въ гробъ, чѣмъ оставлю не открытымъ это зло,—зло не одного человѣка, но многихъ, дѣйствовавшихъ въ совокупности. Надѣюсь, что вы, дворяне, поможете въ этомъ».

XIII.

Слѣдствіе М. Н. Муравьева.—Н. А. Некрасовъ.—Рескриптъ на имя предсѣдателя совѣта министровъ Гагарина.—Новый курсъ.—Аресты среди писателей.—Всеподданнѣйшая записка Муравьева.—Увольненіе его отъ предсѣдательствованія въ слѣдственной комиссіи.—Разочарованіе Каткова дѣйствіями Муравьева.—Трудность позиціи, занятой Муравьевымъ.—Воздѣйствіе на слѣдствіе и судъ надъ привлеченными къ дознанію по дѣлу 4 апрѣля со стороны «Московскихъ Вѣдомостей».—Судъ надъ каракозовцами.—Подробности судебнаго процесса.—Обвинительный приговоръ верховнаго уголовнаго суда.—Надежда Каракозова о помилованіи.—Казнь Каракозова. Судьба остальныхъ обвиняемыхъ.—Судьба Комиссарова.

Со всею страстностью политика-консерватора, почуявшаго возможность нанести ударъ духу либеральнаго времени и свести счеты съ представителями конституціоннаго либерализма, принялся графъ М. Н. Муравьевъ за возложенную на него слѣдственную задачу по дѣлу Каракозова. Онъ вложилъ сюда всю свою энергію, свою желѣзную волю и намѣтилъ самыя широкія рамки поставленной себѣ задачи: не только изслѣдовать преступленіе 4-го апрѣля и связанные съ нимъ непосредственно факты отечественной жизни, но освѣтить по-

слѣднюю самымъ обстоятельнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія парастанія въ ней антимонархическихъ и антинаціональныхъ тенденцій и либеральныхъ освободительныхъ вѣяній, не стѣсняясь въ данномъ случаѣ ни средствами для достиженія намѣченной цѣли, ни положеніемъ лицъ, которыя могли быть такъ или иначе причастны этимъ вѣяніямъ. Нечего и говорить, что такого рода постановка вопроса, съ одной стороны, оказалась въ конечномъ результатѣ огромной работы графа невыполнимой, а съ другой—имѣла результатомъ то, что къ дѣлу оказались припутанными масса совершенно непричастныхъ къ преступленію Каракозова лицъ, и общественное мнѣніе, какъ и въ дни польской смуты, снова ополчилось противъ Муравьева, успѣвъ внести охлажденіе къ нему даже со стороны Александра II. Бывшій виленскій диктаторъ по-своему въ сущности правильно, хотя и смутно, понималъ, что значеніе переживаемаго историческаго момента лежитъ не въ выстрѣлѣ Каракозова, какъ таковомъ, а въ общемъ склонѣ отечественной жизни, которая не хочетъ и не можетъ мириться съ точкою къ реформамъ, о необходимости которой уже начали поговаривать вліятельныя тогда «Московскія Вѣдомости». Онъ полагалъ, что правительству пора твердо поставить именно эту точку и объявить войну не на животъ, а на смерть всему тому, что мечтаетъ о новомъ строѣ жизни, смести съ лица земли всѣхъ тѣхъ, кто мечтаетъ объ этомъ строѣ и на его пользу работаетъ. Короче, Муравьевъ полагалъ возможнымъ остановить опредѣленный историческій процессъ жизни, повернуть его вспять, для чего, по его мнѣнію, не слѣдовало останавливаться ни передъ какими жертвами.

Кромѣ Герцена, пошедшаго открытымъ походомъ противъ Муравьева въ своемъ свободномъ «Колоколѣ», положеніе дѣлъ прекрасно сознавалъ и Некрасовъ, оставшійся за смертью Добролюбова и «изъятіемъ изъ обращенія» Чернышевскаго, единственнымъ лицомъ, на долю котораго передъ всѣмъ обществомъ и за своею отвѣтственностью приходилось отстаивать и проводить политическія тенденціи «Современника». Но Некрасовъ нѣсколько наивно полагалъ, что Муравьева можно смягчить, укротить и примирить, если не съ кругомъ идей, исповѣдуемыхъ ультра-либеральнымъ кругомъ сотрудникомъ «Современника», то съ самими сотрудниками и тѣмъ органомъ печати, гдѣ они находили себѣ общественную позицію и заработокъ. Спасая журналъ, спасая своихъ сотоварищей, можетъ быть, спасая и себя лично, поэтъ «мести и печали» рѣшается на самопожертвованіе, приноситъ свою репутацію на литературный алтарь и дѣлаетъ шаги навстрѣчу сближенія съ Муравьевымъ. Такъ, послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ, даннаго въ честь «спасителя» Александра II, когда Муравьевъ вышелъ на балконъ и закурилъ здѣсь свою любимую трубку, Некрасовъ подошелъ къ нему и попросилъ позволенія прочесть написанное въ

М. Н. Муравьевъ.

честь графа стихотвореніе. По полученіи согласія, онъ продекламировалъ своимъ глухимъ голосомъ [1]):

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много ѣсть лѣтъ ему... ура!

[1]) «Русскій Архивъ», 1885 г., кн. 6. Здѣсь это стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1865 г.

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги:
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ,
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Царитъ архангелъ Михаилъ!

По прочтеніи стиховъ Некрасовъ обратился къ Муравьеву съ вопросомъ:

— Ваше сіятельство, позвольте напечатать?

— Это ваша собственность,—сухо отвѣчалъ графъ:—и вы можете располагать ею, какъ хотите.

— Но я бы попросилъ вашего совѣта?

— Въ такомъ случаѣ не совѣтую.

Сцена вышла неловкая, обидная для знаменитаго поэта и его литературной репутаціи, положившая тѣнь на политическую искренность виднаго дѣятеля либеральнаго лагеря. Этотъ ложный шагъ со стороны Некрасова не принесъ, съ одной стороны, ожидаемаго имъ положительнаго результата, а съ другой — заслужилъ ему нареканія даже изъ лагеря, близкихъ и единомышленныхъ людей, какъ, напримѣръ, М. Антоновича и Герцена. «Современникъ» все же былъ, именно по указанію Муравьева, запрещенъ, какъ равно и «Русское Слово». На этомъ самомъ обѣдѣ въ честь «героя дня» Комиссарова, съ которымъ въ первое время послѣ событія 4-го апрѣля усиленно и не по заслугамъ нянчились, устроенномъ въ залѣ англійскаго клуба 27-го апрѣля петербургскими дворянами, Некрасовъ выступилъ и съ привѣтственнымъ стихотвореніемъ, заканчивавшимся словами:

Сынъ народа! тебя я пою.
Будешь славенъ ты много и много,
Ты великъ, какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою...

Вотъ что говорилъ Герценъ [1]), описывая этотъ торжественный обѣдъ: «Вслѣдъ за стихами Комиссарову, Некрасовъ явился со

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 220.

стихами Муравьеву. Вслѣдъ за стихами Муравьеву, онъ явился съ прозой въ томъ же игорномъ клубѣ, который превращенъ въ Ескуріалъ темнаго царства». «Муравьевъ, пишутъ «Московскія Вѣдомости» № 84, говорилъ довольно много послѣ обѣда, онъ указывалъ на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на нигилизмъ, прививаемый къ молодому поколѣнію? Некрасовъ, издатель «Современника», присутствовавшій при этой бесѣдѣ, повторилъ, обращаясь къ графу: «Да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ». Нельзя не порадоваться такому согласію между взглядами литературныхъ дѣятелей и потребностями общества».

«Браво, Некрасовъ... браво!.. Что вы написали стихи въ честь крестьянина, который спасъ государя, насъ не удивило. Мы не любимъ ни официальныхъ восторговъ, ни горестей, совпадающихъ съ распоряженіями полиціи, однако понимаемъ, что подвигъ Комиссарова могъ расшевелить демократическую музу вашу... Но что вы пишете стихи въ честь Муравьева, въ которыхъ вы говорите! «вся Россія бьетъ ему челомъ», чтобы «онъ виновныхъ не щадилъ!..» [1]) Но что вы забыли всякій стыдъ и всякое приличіе, осмѣливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему топоръ: «да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ».

«Признаемся... этого мы отъ васъ не ждали, а вѣдь вамъ извѣстно, какъ интимно мы знаемъ вашу біографію и какъ многаго мы могли отъ васъ ждать.

«Браво, Некрасовъ, браво!»

Въ томъ же нумерѣ «Колокола» дана еще замѣтка, гдѣ говорится: «Въ «Отголоскѣ» № 38 сказано, что Муравьевъ, повидимому, небольшой поклонникъ виршей Некрасова, замѣтилъ ему: «Я желалъ бы васъ отстранить отъ всякой круговой поруки съ зломъ, противъ котораго мы боремся, но врядъ ли могу»... Ха, ха, ха...

Vives donc des privations
Prenez donc des precautions!

«... Вотъ первая награда... А вторую пророчитъ одинъ крѣпостническій органъ, говорящій наивно: «что все равно, найдутъ, или нѣтъ, сообщниковъ Каракозова, они виноваты».

Герценъ не любилъ Некрасова, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, а потому не счелъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе побужденій, которыми руководился поэтъ, записывая передъ Муравьевымъ. Онъ отмѣтилъ лишь фальшь сдѣланнаго шага, эта фальшь нѣсколько времени спустя была подчеркнута сотрудникомъ Некрасова, замѣнившимъ въ отдѣлѣ публицистической критики покой-

[1]) Тутъ какое-то недоразумѣніе: такихъ строфъ въ стихотвореніяхъ не было, ни въ стихотвореніи Муравьеву, ни въ стихахъ Комиссарову. Б. Г.

наго Добролюбова, М. А. Антоновичемъ въ его извѣстномъ напечатанномъ «письмѣ» нашему поэту. Дѣйствительно, выступленіе Некрасова не имѣло никакихъ положительныхъ результатовъ и не спасло «Современника», какъ не уберегло кругъ писателей, такъ или иначе соприкасавшихся, хотя бы идейно, къ этому журналу отъ обысковъ и арестовъ въ связи съ дѣломъ Каракозова и къ выставленію ихъ Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшемъ донесеніи, какъ крамольниковъ, толкающихъ Россію въ омутъ соціальной революціи.

Тонъ, данный Муравьевымъ и его идейнымъ въ тѣ дни вдохновителемъ и истолкователемъ М. Н. Катковымъ правительственному настроенію въ области вопросовъ внутренней политики, ясно прозвучалъ впервые въ рескриптѣ, данномъ на имя предсѣдателя комитета министровъ Гагарина отъ 13-го мая 1866 года. Въ этомъ рескриптѣ сказано [1]):

Князь Павелъ Павловичъ.

Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко мнѣ ввѣреннаго Божіимъ промысломъ управленію моему народа служатъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за мои труды для блага Россіи.

Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю я своею обязанностью охранить русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ злоученій, которыя со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ.

Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до меня вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми производились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя учрежденною по моему повелѣнію особою слѣдственною комиссіею, уже указываютъ на к о р е н ь зла. Такимъ образомъ, Провидѣнію благоугодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣдываніе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 222.

я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

Не менѣе важна для истинныхъ пользъ государства въ его совокупности, и въ частности для каждаго изъ моихъ подданныхъ, полная не-

Н. А. Некрасовъ.

прикосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля 1861 г. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно

между собой соединенныхъ. Возбуждать сомнѣніе въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, обличенныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено то единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненыхъ и требовать отъ нихъ того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія предуказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія, и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

«Наконецъ для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и доброжелательныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства, при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій во всѣхъ слояхъ народа надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользъ и нуждъ разныхъ мѣстностей и разныхъ частей имперіи, Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положитъ предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностью обнаружились и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ мой для надлежащаго руководства всѣмъ министрамъ и главнокомандующимъ отдѣльными частями».

Такова программа новаго курса, которымъ правительство въ лицѣ своего верховнаго вождя отвѣтило на общественныя теченія шестидесятыхъ годовъ, курса, который Герценъ мѣтко окрестилъ наименованіемъ—«начало борьбы, начало войны», объявленной правительствомъ русской общественности. «Конца ея мы не увидимъ; врядъ ли увидятъ младшіе изъ юныхъ,—говоритъ онъ въ статьѣ по поводу рескрипта къ Гагарину [1]).—Туго развивается исторія, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процессъ, самая драма исторической беременности полна поэзіи. Всякому поколѣнію свое, мы не ропщемъ на нашъ пай, мы дожили не только до красной полосы на востокѣ, но и до того, что враги паши ее видятъ. Что же больше ждать отъ жизни, особенно когда человѣкъ, положа руку на грудь, съ чистой совѣстью можетъ сказать: и я участвовалъ въ этой гигантской борьбѣ, и я внесъ въ нее свою лепту».

Такимъ образомъ, выстрѣлъ Каракозова и первыя данныя слѣдствія по этому дѣлу привели правительство къ заключенію о необходимости усиленія власти и предоставленія рѣшающаго вліянія «охранительнымъ добропадежнымъ силамъ». Въ чрезвычайно важный историческій моментъ, когда обстоятельства до нельзя благопріятствовали для подъема общественныхъ силъ въ цѣляхъ творческой работы на пользу всей страны,—на сцену выступаютъ стародавніе пріемы подтягиванія и методы недовѣрчиваго и подозрительнаго контроля надъ умами обывателей. И только. Временное преходящее настроеніе умовъ нѣкоторой небольшой кучки интеллигенціи и случайное выступленіе на террористическомъ пути одного молодого человѣка становятся исходной точкой для цѣлой программы, изъ которой старательно вытравленъ духъ творчества и выкинута всякая забота о народѣ, который со всѣми въ тѣ годы неотложными нуждами предается какъ бы забвенію. Нѣтъ Россіи, а въ наличности только споръ интеллигенціи съ администраціей и борьба послѣдней съ не имѣющими никакого практическаго примѣненія крайними идеями соціализма. Источникъ такого взгляда на положеніе вещей почерпается въ запискѣ, поданной нѣсколько времени спустя государю императору предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи гр. Муравьевымъ при прошеніи объ освобожденіи его отъ дальнѣйшихъ слѣдственныхъ занятій, которую, какъ документъ, по нашему мнѣнію, первостепенной важности, и приводимъ полностью.

Поставленный во главѣ слѣдственной комиссіи, Муравьевъ принялся за дѣло съ большою энергіей, и по его настоянію былъ произведенъ длинный рядъ обысковъ и арестовъ. Вся его работа по открытію преступленія Каракозова можетъ быть раздѣлена на

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 222.

двѣ главныя части. Одна обнимала собою самое дѣло непосредственно, а другая, главнѣйшая, захватывала болѣе широкое соціальное поле, куда втянута была вся интеллигенція съ ея тогдашними мечтаніями и гаданіями. Корреспонденція «Изъ Петербурга» въ «Колоколѣ» [1]) сообщала слѣдующее о первыхъ шагахъ слѣдствія: «Аресты самые безобразные, самые безпричинные продолжаются. Во что бы то ни стало хотятъ запугать государя и увѣрить его, что онъ своей кротостью и благодушіемъ далъ созрѣть охватившему всю Россію заговору, что необходимы рѣшительныя мѣры. Зло, причиняемое журналами, безмѣрно. Все общество сначала было увѣрено, что не нынче—завтра раскроютъ огромный заговоръ, всѣ готовы были помочь полиціи, и на первомъ планѣ помогали гвардейскіе офицеры. Тайна, въ которой ведется дѣло, послѣ обѣщанной Муравьевымъ гласности, охладила многихъ—начинаютъ подозрѣвать интригу... Изъ полиціи Треповъ гонитъ всѣхъ, кто по его понятію, не способенъ быть злымъ гонителемъ всего молодого и живого, изъ учебныхъ заведеній гонятъ учителей, на урокахъ которыхъ ученики держатъ себя развязнѣе. Шпіоновъ бездна вездѣ, много отправлено въ Москву, въ провинціи и въ чужіе края, особенно въ Швейцарію... Муравьевъ удвоилъ имъ жалованье... Муравьевъ требовалъ выписать изъ Сибири Чернышевскаго, на что государь не согласился. Изъ лицъ извѣстныхъ арестованы: Благосвѣтловъ, Зайцевъ, Курочкинъ, Худяковъ, полковникъ Лавровъ, Елисѣевъ, Европеусъ съ женой и ея братъ Ковалевскій. Изъ послѣднихъ нѣкоторые выпущены»...

Дѣйствительно, кромѣ Худякова, изъ литературной среды никто не оказался привлеченнымъ къ дѣлу 4 апрѣля, но Муравьевъ получилъ случай стать лицомъ къ лицу, побесѣдовать со многими извѣстными представителями тогдашней общественности и ознакомиться съ вѣяніями времени, что и дало ему возможность изъ личнаго опыта представить государю записку, о которой упомянуто выше.

Въ этой «всеподданнѣйшей запискѣ» Муравьевъ писалъ между прочимъ: [2]) «Комиссія сдѣлала все, что могла, насколько это было возможно, путемъ официальнаго изслѣдованія, къ открытію зла и хотя ближайшіе злоумышленники и самыя связи революціонныхъ сообществъ достаточно обнаружены, но, конечно, остались сокрытыми еще многіе зловредные элементы, ибо всегда главные и тайные руководители политическихъ сообществъ, чѣмъ высшее имѣютъ въ нихъ значеніе, тѣмъ болѣе ограждаются таинственностью даже отъ своихъ единомышленниковъ, и потому не иначе могутъ быть открыты, какъ продолжительнымъ, тщательнымъ полицейскимъ наблюденіемъ и секретными розысками.

---

[1]) «Колоколъ», 1866 г., № 221.
[2]) «Былое», 1907, № 8.

«Хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ главныхъ революціонныхъ агентовъ упорно запираются и тѣмъ самымъ отнимаютъ возможность путемъ формальнаго изслѣдованія обнаружить тайныхъ вліятельныхъ руководителей и дѣятелей, но общій видъ дѣла ясно указываетъ, что таковые, скрываясь въ столицахъ, поддерживали сношенія съ революціонными заграничными агитаторами, а редакторы и сотрудники нѣкоторыхъ журналовъ, раздѣляя противоправительственныя идеи, систематически распространяли въ продолженіе многихъ лѣтъ всевозможныя разрушительныя ученія, стремящіяся къ ниспроверженію порядка и государственнаго управленія.

«Лица сіи, болѣе или менѣе состоящія уже на замѣчаніи правительства, были въ сношеніяхъ съ государственными преступниками: Михайловымъ, Чернышевскимъ, Серно-Соловьевичемъ и другими и вмѣстѣ со своими сотрудниками по редакціи [1]) составляли тѣ соціалистическія противоправительственныя средоточія (кружки), которыя при слабости мѣстнаго надъ ними надзора, прикрываясь легальностью предоставленнаго имъ права изданія, безвозбранно группировали вокругъ себя всѣ нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредствомъ своевольной прессы и привлеченія къ себѣ молодого поколѣнія, громили основу общественной нравственности и государственнаго строя.

«Комиссіей также обнаружены въ столицахъ нѣкоторые отдѣльные тайные дѣятели, которые подъ фирмою литературныхъ занятій были руководителями разныхъ соціалистическихъ изданій, переводовъ, учебниковъ для народа и иныхъ книгъ, въ видахъ распространенія соціалистическаго ученія. Они также были участниками въ составленіи разныхъ обществъ, читаленъ, артелей, безплатныхъ школъ и иныхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью подъ видомъ благотворенія, соединять и объединять въ соціалистическомъ и противоправительственномъ направленіи мысли молодого поколѣнія.

«Изъ сихъ отдѣльныхъ дѣятелей болѣе замѣчательны: артиллеріи полковникъ Лавровъ, преданный нынѣ военному суду; отставной полковникъ Путята, бывшій преподаватель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; Константиновъ, помощникъ инспектора императорскаго училища правовѣдѣнія; соумышленникъ его, бывшій студентъ Линевъ, недавно еще открывшій книжный магазинъ на Васильевскомъ островѣ; кандидатъ Альбертини, помощникъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», поручикъ инженеровъ путей сообщенія Михайловъ, учредитель безплатной школы съ нигилистическимъ направленіемъ; Яковлевъ, титулярный совѣтникъ, теперешній мировой судья, у котораго былъ общій съ извѣстнымъ по нигилистическому направленію служащимъ въ правительствую-

[1]) Здѣсь указаніе на редакцію «Современника» и «Русскаго Слова». Б. Г.

щемъ сенатѣ губернскимъ секретаремъ княземъ Голицынымъ книжный магазинъ съ читальней при немъ, куда собирались члены разныхъ соціалистическихъ обществъ, составляли онымъ уставы и вводили въ дѣйствіе безъ разрѣшенія правительства; бывшій редакторъ журнала «Русское Слово», кандидатъ университета Благосвѣтловъ; кандидатъ Евгеній Печаткинъ, давно извѣстный своей политической неблагонадежностью, имѣвшій большой книжный магазинъ и переплетную артель, о закрытіи коихъ мною сообщено министру внутреннихъ дѣлъ; студентъ с.-петербургскаго университета Рождественскій, составитель вмѣстѣ съ Лавровымъ и подполковникомъ Путятою устава издательской артели не разрѣшеннаго правительствомъ, но приведеннаго въ исполненіе.

«Кромѣ упомянутыхъ, есть еще иныя личности, видимо, неблагонадежныя, но противъ которыхъ не имѣется достаточно юридическихъ обличительныхъ фактовъ, въ особенности нѣкоторыя женщины, самаго крайняго нигилистическаго направленія, участвующія въ преподаваніи въ разныхъ безплатныхъ школахъ, учрежденныхъ ими, швейныхъ и иныхъ заведеніяхъ, а также соединяющія у себя и въ сихъ заведеніяхъ, по вечерамъ, разныхъ лицъ, извѣстныхъ соціалистическимъ направленіемъ. Обо всѣхъ сихъ лицахъ предполагается сдѣлать въ свое время, какъ сказано выше, соотвѣтственныя административныя распоряженія.

«Я смѣю думать, что въ настоящее время въ рукахъ правительства имѣется достаточно обнаруженныхъ уже фактовъ для правильнаго взгляда на настоящее положеніе дѣлъ и обузданія зла, угрожающаго гибельными для государства послѣдствіями.

«Хотя по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію нѣкоторыя изъ обсужденныхъ въ особой комиссіи мѣроположеній сообщены подлежащимъ вѣдомствамъ, и при благонамѣренномъ и настойчивомъ исполненіи они, безъ сомнѣнія, принесутъ значительную пользу, но наша бѣда состояла всегда въ томъ, что недоставало послѣдовательности и настойчивости въ исполнителяхъ. При томъ для полнаго успѣха необходимо единство взглядовъ и дружное содѣйствіе всѣхъ главныхъ распорядителей. При сихъ только условіяхъ правительство достигнетъ своей цѣли.

«Для болѣе ясной видимости политико-нравственнаго положенія государства я считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что изъ всѣхъ многочисленныхъ допросовъ и разговоровъ съ лицами, участвовавшими въ разныхъ политическихъ сообществахъ, явно обнаруживается, что мысль объ измѣненіи существующаго порядка государственнаго управленія, съ ниспроверженіемъ монархической власти и самодержавія, проникла уже въ разные слои общества и продолжаетъ распространяться подъ формою даже будто бы мнѣній, исхо-

дящихъ изъ высшихъ слоевъ общества и самого правительства».

«Грустно думать, что продолжительными совокупными дѣйствіями враговъ Россіи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилія будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, въ особенности дѣйствующія на моральное настроеніе умовъ.

«Однѣми строгими мѣрами наказанія зла остановить нельзя. Конечно, необходимо наказать, въ примѣръ другимъ, главныхъ виновниковъ государственнаго злоумышленія, но въ отношеніи моральной заразы надлежитъ въ точности исполнять мудрыя указанія вашего величества, начертанныя въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая; требовать содѣйствія всѣхъ консервативныхъ здравыхъ силъ Россіи и съ помощью благонамѣренной прессы громить извращенныя понятія, проникнувшія въ разные слои общества.

«Повторяя о необходимости болѣе бдительнаго на мѣстахъ надзора, я не могу не выразить своего убѣжденія, что для полнаго успѣха слѣдуетъ обратить болѣе тщательное вниманіе на выборъ лицъ, назначаемыхъ на должности губернаторовъ... этотъ важный предметъ государственной администраціи, видимо, не соотвѣтствуетъ еще настоятельнымъ потребностямъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и Сибирскомъ краѣ. Главнымъ образомъ нельзя не обратить вниманія на недостаточность полицейскаго надзора, который долженъ служить основаніемъ къ удержанію общественнаго порядка въ городахъ и селахъ. Къ сожалѣнію, эта часть у насъ далеко еще не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ, и даже въ столицахъ по сію пору не существуетъ той зоркой стражи, которая должна обезпечивать спокойствіе общества. При всемъ попеченіи объ этомъ настоящаго петербургскаго оберъ-полицеймейстера и настойчивой его заботливости онъ, по неимѣнію средствъ, лишенъ возможности даже учреждать полицейскій надзоръ надъ лицами завѣдомо неблагонадежными, отданными подъ таковой по распоряженію комиссіи. Получивъ по сему предмету отзывъ свиты вашего величества генералъ-майора Трепова, я сообщилъ объ этомъ по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ.

«Въ предыдущемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я имѣлъ счастье представить вашему величеству о необходимости принятія мѣръ къ устраненію польскаго элемента отъ участія въ мѣстномъ управленіи на желѣзныхъ дорогахъ, какъ главныхъ артеріяхъ внутреннихъ сообщеній. Изъ дѣлъ комиссіи видно, что въ обѣихъ столицахъ находится много поляковъ и обнаружены тайныя между

ними и политическими кружками сношенія. Они распространяютъ во внутреннихъ губерніяхъ польскую пропаганду, входятъ въ сношенія даже въ Сибири съ сосланными туда политическими преступниками, вымѣниваютъ фальшивые, привозимые изъ-за границы кредитные билеты, составляя такимъ образомъ денежный фондъ для пособія ссыльнымъ и заграничнымъ эмигрантамъ; многіе изъ нихъ, находясь въ сношеніи съ мѣстными противоправительственными кружками, подкупомъ и разными искательствами проникая въ тюрьмы и остроги, содѣйствовали освобожденію политическихъ преступниковъ, снабжая ихъ деньгами и фальшивыми паспортами для побѣга за границу. Въ Москвѣ организованъ даже польскій фондъ, подъ наименованіемъ «Народной опеки», который служилъ для вышесказанной цѣли, и будучи въ сношеніяхъ съ разосланными правительствомъ въ разные города центральныхъ губерній поляками, распространялъ повсюду столь враждебную противъ правительства пропаганду.

«Я обязанностью поставляю упомянуть объ этомъ потому, что зловредныя политическія тенденціи, проникнувшія во многіе слои нашего общества, видимо, поддерживаются и усиливаются содѣйствіемъ польскаго элемента. Это доказывается обнаруженными уже фактами и нѣкоторыми личностями, скрывавшимися въ столицѣ подъ разными псевдонимами и бѣжавшими за границу съ фальшивыми паспортами. Въ виду всего этого я полагалъ бы необходимымъ строго подтвердить подлежащимъ вѣдомствамъ о дѣйствительномъ усиленіи надзора за огромною массою поляковъ, находящихся какъ въ столицѣ, такъ и внутри имперіи, сосредоточивая сихъ послѣднихъ въ болѣе отдаленныя и пустынныя мѣстности, избѣгая назначенія лицъ польскаго происхожденія на должности, какъ въ губерніяхъ, такъ и въ центральныхъ управленіяхъ на точномъ основаніи неоднократно состоявшихся по сему предмету высочайшихъ указаній».

Таково было административное резюме государственнаго дѣятеля, извлеченное изъ трехмѣсячной слишкомъ работы и являвшееся его лебединою пѣснью на поприщѣ служенія интересамъ русской государственности. Сдавъ все слѣдствіе верховному уголовному суду подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, Муравьевъ, повидимому, нѣсколько недовольный, что ему не удалось проникнуть во всѣ тѣ углы русской жизни, куда ему того хотѣлось, счелъ долгомъ представить вышеприведенную всеподданнѣйшую записку и попросилъ объ увольненіи отъ дальнѣйшихъ занятій по слѣдствію, которыя въ сущности съ назначеніемъ верховнаго суда сами собою и должны были прекратиться. На запискѣ Муравьева Александръ II поставилъ резолюцію: «Записку эту внести въ комиссію подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина. На увольненіе графа Муравьева отъ предсѣдательствованія въ слѣдственной комиссіи

согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы имъ представлена была подробная записка съ его мнѣніемъ, какъ поступить съ тѣми лицами, которыя подлежать будутъ только административнымъ взысканіямъ».

По произнесеніи верховнымъ судомъ резолюціи надъ Каракозовымъ, Муравьевъ покинулъ Петербургъ и 31 августа въ своемъ имѣніи въ Лужскомъ уѣздѣ скоропостижно скончался. «Разумѣется, немедленно послѣ кончины этого великаго государственнаго человѣка,—говоритъ князь В. П. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]),—начались толки по поводу его смерти, совсѣмъ неожиданной для всѣхъ тѣхъ, которые недавно его видѣли работавшимъ надъ политическимъ слѣдствіемъ по дѣлу Каракозова, и самымъ распространеннымъ изъ слуховъ былъ толкъ о томъ, что его отравили злоумышленники политической партіи, дабы прекратить его дѣятельность по вскрытію политическихъ тайнъ. Погребеніе его въ Невской лаврѣ было торжественно, и русскія чувства получили удовлетвореніе въ томъ фактѣ, что на погребеніе графа Муравьева прибылъ государь во главѣ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи».

С. Невѣдѣнскій въ своей біографіи Каткова такъ говоритъ [2]) о той психологической обстановкѣ, въ которой протекли послѣдніе дни графа: «Катковъ высказывалъ, не обинуясь, разочарованіе относительно усилій, приложенныхъ графомъ Муравьевымъ къ разслѣдованію дѣла. Превознося заслуги Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, онъ какъ бы оттѣнялъ ничтожность, по его мнѣнію, результатовъ, достигнутыхъ имъ теперь. Черезъ 13 лѣтъ вспоминая объ этомъ по поводу покушенія противъ государя Соловьева, онъ говорилъ, что различіе въ результатахъ Муравьева на томъ и другомъ поприщѣ слѣдуетъ отнести, вѣроятно, къ тому, что въ Петербургѣ среди враждебныхъ вѣяній ему было труднѣе дѣйствовать, чѣмъ въ Вильнѣ. Разочарованіе относительно обнаруженнаго слѣдственной комиссіей раздѣлялось обществомъ и даже проникло выше. Очевидно, что наказаніемъ нѣсколькихъ участниковъ противоправительственнаго сообщества оно не вырывалось съ корнемъ и вовсе не достигалось сознаніе безопасности отъ подобныхъ случайностей. Графъ Муравьевъ послѣ разсмотрѣнія дѣла верховнымъ судомъ выѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. Мазадъ увѣряетъ, что его особенно тяготило охлажденіе къ нему Каткова, который такъ сильно и горячо его поддерживалъ прежде. Въ концѣ августа Муравьевъ внезапно скончался. Бываютъ иногда случаи, когда знаки милости и вниманія роковымъ образомъ опаздываютъ. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ. Знаки ордена Андрея Первозваннаго съ алмазами, отправленные государемъ Муравьеву, застали его уже мертвымъ

---

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», часть II.

[2]) «Катковъ и его время», С. Невѣдѣнскаго.

и доброе слово Каткова прозвучало въ видѣ некролога объ усопшемъ». Но рядомъ съ добрымъ словомъ московскаго публициста раздалось и жестокое слово («Колоколъ», № 228) Герцена, который въ своемъ поминаніи скончавшагося государственнаго дѣятеля провелъ параллель между нимъ и Аракчеевымъ, отдавая при томъ предпочтеніе послѣднему.

Разочарованіе результатами слѣдствія Муравьева являлось плодомъ большого недоразумѣнія. Работая, исходя изъ точки отправленія административно-полицейской, слѣдователь выяснилъ дѣло Каракозова, каковымъ оно было на самомъ дѣлѣ, т. е. дѣйствіемъ единичнымъ, а не продуктомъ какого-то всероссійскаго заговора, ибо послѣдняго не было. Кромѣ того, онъ выяснилъ организацію московскихъ кружковъ, которые и были привлечены къ суду, подчеркнулъ слабость администраціи въ отношеніи политическихъ ссыльныхъ, о чемъ въ сенатѣ уже имѣлось дѣло (дѣло о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами города Тобольска государственнымъ преступникамъ Михайлову, Обручеву, безсрочно-ссыльному каторжнику Макееву и другимъ преступникамъ), указалъ на петербургскихъ представителей оппозиціи, получившихъ въ тѣ дни особенное значеніе, какъ, напримѣръ, на Лаврова, и преподалъ правительству нѣсколько совѣтовъ исключительно полицейско-административнаго характера. Онъ не былъ призванъ государемъ сказать слово о нуждахъ всей Россіи и о томъ историческомъ пути, на который ей надлежало вступить, послѣ чего она только и могла освободиться отъ трагическихъ событій вродѣ покушеній Каракозова; къ этому онъ не былъ призванъ, да и не могъ ничего по сему предмету сказать новаго и вѣскаго, ибо не признавалъ никакихъ новыхъ нуждъ и глубоко вѣровалъ лишь въ силу твердой власти, при наличіи которой государство только и могло быть крѣпкимъ, а о народѣ онъ не хотѣлъ думать, да и не считалъ этого нужнымъ. Муравьевъ былъ типичнымъ представителемъ бюрократіи и, какъ таковой, добросовѣстно выполнилъ возложенное на него порученіе. Если ему не удалось втянуть въ свое слѣдствіе еще большаго количества лицъ, то это было невозможно, съ одной стороны, потому, что нужно было привлечь тогда къ дознанію чуть ли не всю интеллигентную Россію, которая обрѣталась, какъ мы на то уже указывали, въ состояніи общаго недовольства правительствомъ,—что не могло служить предметомъ какого-либо судебнаго разбирательства, а съ другой—потому, что тогда къ слѣдствію пришлось бы припутать и такихъ лицъ, которыя также являлись не сторонниками политики полицейско-бюрократическаго управленія или которыя являлись въ своей административной практикѣ сторонниками общаго умиротворенія и гуманныхъ мѣропріятій. Таковыхъ тогда пришлось бы искать и въ стѣнахъ дворцовъ и въ министерскихъ кабинетахъ,

т. е. въ такихъ районахъ, куда слѣдователю, естественно, нечего было обращаться и куда его даже не пустили бы. Правда, въ дѣлѣ верховнаго уголовнаго суда имѣются намеки и, повидимому, только намеки на попытку воскресить призракъ политической опасности 1825 г., при помощи указанія на какую-то «Константиновскую партію», т. е. партію, являвшуюся, въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича, какъ бы враждебной Зимнему дворцу; но къ этой попыткѣ нельзя отнестись серьезно, ибо ни реальной партіи, какъ таковой, не было, да и счетовъ съ ея крестнымъ отцомъ, по имени котораго ей дана была кличка, Александръ II никогда бы не позволилъ сводить... Такимъ образомъ недовольство Муравьевымъ со стороны единомышленниковъ является мало объяснимымъ. Иное дѣло—радость по случаю его смерти со стороны его принципіальныхъ враговъ и страхъ ихъ передъ производимымъ имъ слѣдствіемъ. Прогрессивная партія поняла, что выстрѣлъ Каракозова даетъ въ руки партіи консервативной, полицейско-бюрократической, орудіе для остановки политическаго развитія страны. И Муравьевъ своей всеподданнѣйшей запиской въ этомъ направленіи сдѣлалъ свое дѣло. Какіе бы симптомы реакціи ни появлялись на историческомъ горизонтѣ Россіи до 1866 г., съ этими симптомами еще была возможность бороться и не настолько они были рельефны и матеріализованы, чтобы въ нихъ можно было видѣть послѣднее слово правительственной политики. Иначе оказалось послѣ 4 апрѣля 1866 г. и послѣ той программы, которая была выдвинута и въ рескриптѣ Гагарину и въ запискѣ Муравьева, гдѣ порядокъ мыслей служилъ канвою для приведеннаго рескрипта, хотя хронологически и расходился съ нимъ. Муравьевъ какъ бы закрѣпилъ полицейско-бюрократическій строй, подыскалъ ему основаніе и оправданіе и тѣмъ самымъ отодвинулъ развитіе Россіи почти на сорокъ лѣтъ отъ той ея фазы, въ которую мы вступили лишь послѣ 17 октября 1905 года. Въ этомъ главное историческое значеніе его слѣдственной работы.

Что же касается личнаго недовольства Муравьева конкретными результатами своей дѣятельности главнымъ образомъ примѣнительно къ процессу Каракозова, то оно находитъ объясненіе въ томъ, что судьи надъ обвиняемыми устранили отъ себя навязываемое имъ слѣдователемъ воздѣйствіе и пошли самостоятельнымъ путемъ, не считаясь съ напечатанной Муравьевымъ статьей въ «Сѣверной Почтѣ», гдѣ онъ старался подсказать свое рѣшеніе повсему дѣлу во всей его совокупности, какъ относительно самого Каракозова, такъ и относительно участниковъ московскихъ кружковъ. Вотъ что по сему предмету сообщаетъ въ своихъ интересныхъ запискахъ покойный сенаторъ Есиповичъ [1]), бывшій секре-

[1]) «Русская Старина», 1909 г., №№ 1 и 2.

таремъ во время суда надъ каракозовцами. Предсѣдатель суда, князь П. П. Гагаринъ, принимая Есиповича и объявляя ему о назначеніи его секретаремъ суда, спросилъ его:

«— Читали ли вы статью Муравьева?

— Читалъ.

«— Это скверная статья,—сказалъ князь съ досадою:—онъ напечаталъ ее, не предупредивъ меня. Ему не слѣдовало печатать. Очень можетъ быть, что верховный судъ будетъ иначе смотрѣть на дѣло, тогда наше рѣшеніе будетъ не согласно съ тѣмъ, что онъ напечаталъ.

«— Что же такое,—возразилъ я:—часто случается, что судъ не согласенъ съ слѣдователемъ. Такое несогласіе неизбѣжно.

«— Не надо было его разглашать. Это намъ во многомъ помѣшаетъ. Муравьеву вездѣ хочется положить свое вліяніе и показать свою власть—это ему не удастся. Уже онъ ихъ всѣхъ обвинилъ на смерть. Конечно, это важные преступники; я государю сказалъ, что для трехъ, по крайней мѣрѣ, недоступно его милосердіе... Но это ясно, что Каракозовъ, двоюродный его братъ и еще какой-то домашній учитель должны быть казнены, и министръ юстиціи, основываясь на Муравьевской статьѣ, предлагаетъ казнить смертью одиннадцать человѣкъ, одиннадцать или десять, не помню...»

Этотъ разговоръ чрезвычайно любопытенъ, какъ показатель опредѣленнаго времени. Представители суда стали вразрѣзъ съ вліятельнымъ представителемъ администраціи, эмансипировались отъ его давленія и пошли тѣмъ путемъ, который имъ указали только что введенные новые судебные уставы. Князь Гагаринъ въ данномъ случаѣ, хотя не въ полномъ объемѣ, осуществилъ первый примѣненіе къ государственному преступленію новаго судопроизводства и, благодаря этому, нѣсколько жизней оказались сохраненными, и все дѣло лишилось того кроваваго оттѣнка, который ему хотѣлъ придать Муравьевъ. Воздѣйствовать на судъ пытались и «Московскія Вѣдомости», подчеркивавшія значеніе въ процессѣ личность писателя Худякова и указавшія на него также, какъ на будущаго кандидата висѣлицы; но и въ данномъ вопросѣ судъ сохранилъ полную самостоятельность, хотя эта агитація Муравьева и Каткова и оказывала сильное впечатлѣніе на вліятельныя сферы и придворные круги; поэтому послѣ первыхъ же засѣданій верховнаго уголовнаго суда, по словамъ Есиповича, «въ публикѣ распространилось убѣжденіе, что это совсѣмъ не такой судъ, какими были прежніе верховные суды, что это дѣйствительно судъ, ищущій не наказаній, а истины. Самая блистательная роль въ этомъ судѣ принадлежала, безъ сомнѣнія, предсѣдателю его князю Гагарину, и популярность его росла, росла не по днямъ, а по часамъ, но, къ сожалѣнію, по мѣрѣ усиленія его популярности, слабѣлъ его авто-

ритетъ въ высшихъ сферахъ... П. съ отчаяніемъ и ужасомъ сообщалъ близкимъ ему людямъ, что дѣло верховнаго уголовнаго суда въ опасныхъ рукахъ, что предсѣдатель его подпалъ подъ вліяніе революціонной партіи въ лицѣ секретаря суда. Высокіе сановники отчаивались и негодовали совершенно добросовѣстно, въ полномъ убѣжденіи, что опасенія ихъ справедливы, ибо они, несмотря на другія ихъ несомнѣнныя достоинства, не могли отрѣшиться отъ тѣхъ идей и понятій, которыя несовмѣстимы съ обязанностями судьи верховнаго уголовнаго суда...» Сенаторъ Есиповичъ даетъ рядъ мелкихъ сценъ и дѣлаетъ характеристики членовъ суда — графа Панина, Замятина, Корніолинъ-Пинскаго и др., изъ чего очень рельефно вырисовается, какъ ему, молодому юристу новой судебной складки, было трудно двигать дѣло по законному руслу и какъ судьямъ часто приходилось не по себѣ, видя себя стѣсненными рамками законнаго судопроизводства. Традиціи стараго режима впервые столкнулись здѣсь съ требованіями новаго времени, и передъ этими требованіями должны были сдаться.

Первое распорядительное засѣданіе въ помѣщеніи крѣпости авторъ записокъ описываетъ такъ [1]): «16 августа было при мнѣ первое распорядительное засѣданіе верховнаго уголовнаго суда. Всѣ члены суда были въ мундирахъ и лентахъ. Министръ юстиціи съ сопровождавшею его комиссіею также, кромѣ того, секретарь суда съ своими двумя помощниками и архиваріусомъ тожъ въ мундирахъ, наконецъ комендантъ крѣпости генералъ Сорокинъ также въ мундирѣ и въ лентѣ. Это засѣданіе было назначено для выдачи 11 главнымъ подсудимымъ копій съ обвинительныхъ актовъ и для объявленія имъ, что они имѣютъ право въ семидневный срокъ выбрать защитниковъ и дополнить списокъ свидѣтелей (557 ст. уст. угол. суд.).

«Передъ открытіемъ засѣданія князь Гагаринъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ говорить Каракозову «ты», потому что такому злодѣю нѣтъ возможности говорить «вы». Мнѣ удалось, однако-же, убѣдить, князя какъ человѣка въ высшей степени разумнаго, что выражать такимъ образомъ негодованіе противъ подсудимаго, каково бы преступленіе его ни было, для судьи совершенно неприлично и что въ настоящемъ случаѣ существенно необходимо подавить въ себѣ естественное негодованіе къ преступнику и говорить съ нимъ, не нарушая обычныхъ формъ... Убѣдивъ князя Гагарина говорить всѣмъ подсудимымъ «вы», я сказалъ ему также, что они приводятся не для допроса, и потому онъ объявилъ имъ, что допроса имъ не дѣлается въ настоящую минуту, но если они сами желаютъ сдѣлать показаніе, то это показаніе будетъ принято.

---

[1]) Записки сенатора Есиповича. «Русская Старина», 1909 г., февраль.

«Первымъ былъ введенъ Каракозовъ. Въ залу вошелъ высокій бѣлокурый молодой человѣкъ, видимо, смущенный и не знавшій, ни куда ему идти, ни гдѣ ему стать. За нимъ вошли два солдата съ обнаженными тесаками.

«Каракозовъ, подойдите сюда», сказалъ предсѣдатель нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ.

«Каракозовъ подошелъ къ столу и сталъ противъ предсѣдателя, не смотря, впрочемъ, ни на него, ни на кого другого прямо. Такъ онъ себя держалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, подергивая, кромѣ того, свои усики и говоря обыкновенно сквозь зубы.

«Вы вызваны въ судъ,—сказалъ ему предсѣдатель,—для выдачи вамъ обвинительнаго акта о томъ страшномъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняетесь. Допросъ вамъ теперь не дѣлается, но если вы сами желаете сдѣлать показаніе, то оно будетъ принято».

Каракозовъ: «Преступленіе мое такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился въ то время».

«Затѣмъ ему была выдана копія съ обвинительнаго акта и объявлено о правѣ его избрать себѣ защитника и т. п. То же самое сдѣлано было въ отношеніи Худякова, Ишутина, Ермолова, Странден, Юрасова, Загибалова, Моткова, Шаганова, Николаева и Кобылина, которые были вводимы одинъ за другимъ, по одиночкѣ. Все это были молодые люди отъ 19-ти до 26-ти лѣтъ, и надъ всѣми ими тяготѣло обвиненіе въ страшныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Особенное сожалѣніе возбудилъ въ членахъ суда Ермоловъ, юноша 30 лѣтъ, который со слезами объявилъ, что онъ глубоко раскаивается и если бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ такими людьми, то никогда съ ними не сошелся бы. А меня особенно тронулъ Юрасовъ, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, который показалъ, что онъ не ожидалъ, чтобы увлеченіе могло вести къ такимъ послѣдствіямъ, но думалъ, что все на словахъ и кончится одними разговорами. Членамъ суда особенно нравилось раскаяніе Ермолова, выражавшееся въ дрожащемъ, едва слышномъ голосѣ и въ слезахъ, мнѣ же въ Юрасовѣ нравилась та неподдѣльная искренность, которая видѣлась во всей его прекрасной фигурѣ и слышалась въ его гармоническомъ голосѣ, безъ оправданія себя виною своихъ товарищей, подобно Ермолову. Ермоловъ съ плачемъ говорилъ, что не сошелся бы съ такими людьми, если бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ сообщество съ ними—слѣдовательно, онъ обвинялъ этихъ людей и обвинялъ, конечно, справедливо. Юрасовъ жаловался не на общество своихъ товарищей, не ихъ обвинялъ, а обвинялъ свое собственное увлеченіе, свое собственное заблужденіе, заключавшееся въ дѣтской мысли, что все можетъ ограничиться одними разговорами. Во всякомъ случаѣ положеніе

обоихъ этихъ молодыхъ людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, могло быть поучительно для всѣхъ тѣхъ юношей, которые, вмѣсто занятій лекціями, услаждаютъ себя планами о преобразованіи своего отечества, когда еще не въ состояніи составить для себя самихъ плана своихъ учебныхъ занятій, хотя на полгода».

Нельзя не отмѣтить еще одного мѣста изъ воспоминаній сенатора Есиповича, относящагося до обстановки судопроизводства послѣ того, какъ подсудимымъ были уже даны защитники. «12-го августа,—повѣствуетъ онъ,—сдѣлано распоряженіе о допущеніи защитниковъ къ свиданію съ подсудимыми наединѣ, что въ высшей степени удивило и разстроило коменданта крѣпости генерала Сорокина, въ сущности добрѣйшаго человѣка, уважаемаго всѣми арестантами. Въ самомъ дѣлѣ не должно ли было казаться страннымъ коменданту крѣпости дозволить арестанту, сидящему въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ который доступъ былъ возможенъ только для коменданта и императора, имѣть свиданіе съ человѣкомъ постороннимъ? Офицеръ, которому поручалось завѣдываніе этимъ страшнымъ равелиномъ, долженъ былъ жить тамъ одинъ безъ семьи, и жена и дѣти не могли даже входить въ это укрѣпленіе, а должны были жить въ крѣпости... Если никто не могъ входить даже въ равелинъ, то тѣмъ болѣе никто не имѣлъ права входить въ какое бы то ни было сношеніе съ заключенными въ немъ, и вдругъ требуютъ допустить защитниковъ для свиданія съ глазу на глазъ съ Каракозовымъ, Худяковымъ и Ишутинымъ. Когда я сказалъ объ этомъ генералу Сорокину, то онъ, казалось, ушамъ своимъ не вѣрилъ; но я, однако же, убѣдилъ его въ необходимости такихъ свиданій. Я прочелъ ему статью уголовнаго судопроизводства 1864 года, я написалъ ему формальную бумагу, и, наконецъ, онъ сдался; онъ объявилъ, что велитъ для такихъ свиданій приводить алексѣевскихъ арестантовъ на гауптвахту крѣпости. На этомъ мы съ нимъ и помирились».

Повѣствуя далѣе, какъ развертывался судебный процессъ, сенаторъ Есиповичъ даетъ, между прочимъ, нѣкоторыя любопытныя указанія, которыми мы здѣсь воспользуемся для нашей регистраціи тогдашнихъ характерныхъ общественныхъ теченій. Такъ, онъ говоритъ: «18-го августа было первое судебное засѣданіе верховнаго уголовнаго суда. Князь Гагаринъ пріѣхалъ раньше всѣхъ членовъ и былъ разстроенъ и смущенъ. Для него это было дѣло новое, дѣло, которое могло испортить репутацію всей его блестящей и долгой карьеры. Тутъ уже недостаточно было держаться на недосягаемой высотѣ неприступнаго государственнаго человѣка, для котораго и за котораго все сдѣлаетъ канцелярія. Здѣсь надо было дѣйствовать самому, непосредственно надо предлагать вопросы, надо соблюдать формы уголовнаго судопроизводства, надо руково-

дить преніями. Онъ мнѣ сказалъ, что никогда ни къ какому дѣлу не приступалъ онъ съ такимъ сомнѣніемъ, я ему отвѣтилъ, что все пойдетъ отлично, только надо твердо держаться уставовъ. И дѣйствительно, и уставы, и предсѣдатель верховнаго уголовнаго суда пробу выдержали превосходно». Насколько было трудно положеніе кн. Гагарина, явствуетъ, между прочимъ, и изъ эпизода его отношеній къ Муравьеву. Послѣдній сдѣлалъ попытку вмѣшаться въ судебное дѣло по существу и дать ему желаемое направленіе, но въ данномъ случаѣ встрѣтилъ энергичный отпоръ именно отъ кн. Гагарина. До 10-го августа министръ юстиціи внесъ въ верховный судъ обвинительные акты только противъ 11 подсудимыхъ и заявилъ Гагарину, что не вноситъ обвинительныхъ актовъ противъ послѣднихъ подсудимыхъ потому, что о нихъ производится еще слѣдствіе. Но Муравьевъ заявилъ, что слѣдствіе закончено все полностью и что потому необходимо привлечь къ верховному суду всѣхъ участниковъ московскихъ кружковъ. Въ этихъ видахъ онъ и сдѣлалъ уже соотвѣтственный докладъ государю, на каковомъ послѣдовала высочайшая резолюція: «Вполнѣ раздѣляю мнѣніе гр. Муравьева».

Въ отвѣтъ на это кн. Гагаринъ сообщилъ Муравьеву, что нечего было докладывать по сему вопросу государю и утруждать его, ибо всѣ вопросы суда уже рѣшены еще въ распорядительномъ засѣданіи, до доклада его, Муравьева, государю. Въ первый день судебнаго присутствія было произведено слѣдствіе о Каракозовѣ и Худяковѣ. Для отобранія нѣкоторыхъ показаній были вызваны Комиссаровъ, «предполагаемый спаситель государя», и два солдата, схватившіе Каракозова послѣ выстрѣла. Когда отъ нихъ было отобрано нужное показаніе, то кн. Гагаринъ отъ имени верховнаго суда счелъ долгомъ «поблагодарить всѣхъ трехъ свидѣтелей за ту безмѣрную услугу, которую они оказали отечеству, Комиссаровъ спасеніемъ драгоцѣнной жизни государя императора, а Слѣсарчукъ и Заболотинъ задержаніемъ бѣжавшаго съ мѣста преступленія подсудимаго. «Здѣсь замѣчу мимоходомъ,—говоритъ Есиповичъ:—что въ высшихъ сферахъ и тогда почти никто не вѣрилъ дѣйствительности сказки, сочиненной Тотлебеномъ, будто бы Комиссаровъ спасъ государя; но тогда всѣ старались выказать этому субъекту величайшее уваженіе». Не лишенъ интереса и эпизодъ, случившійся на засѣданіи 20-го августа во время слѣдствія надъ Ишутинымъ, гдѣ Каракозовъ допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. На вопросъ послѣднему: «какая партія, на которую вы указываете?» онъ отвѣчалъ: «я Ишутину говорилъ о той партіи, которую я называю Константиновскою партіею». Предсѣдатель: «Отпустите Каракозова». По поводу этой сцены, авторъ записокъ говоритъ: «Въ этихъ немногихъ словахъ какая богатая канва для будущихъ сплетниковъ! Значитъ, была же Константиновская партія, значитъ, зналъ и Ка-

ракозовъ, значитъ, могъ о ней поразсказать—да не хотѣли спрашивать: только заикнулся онъ объ этой партіи—«отпустите Каракозова», т. е. «ведите его вонъ» и т. д.

«Все это, однакожъ, объясняется просто: Каракозовъ и слѣдственной комиссіи показалъ, что онъ говорилъ Ишутину о Константиновской партіи, но никакихъ свѣдѣній объ этой партіи отъ него добиться не могли, хотя нѣтъ сомнѣнія, что графъ Муравьевъ, ненавидѣвшій великаго князя Константина Николаевича, не упустилъ бы случая, если бы могъ что-нибудь открыть о такъ называемой его партіи, но открыть было нечего, потому ничего и не открылось. Вотъ почему и предсѣдатель военно-уголовнаго суда не счелъ нужнымъ настаивать на дальнѣйшемъ разспросѣ Каракозова и той воображаемой Константиновской партіи, о которой Каракозовъ и самъ, вѣроятно, слышалъ гдѣ-нибудь въ кабачкѣ отъ полупьянаго собутыльника. Предсѣдатель могъ быть увѣренъ, что изъ этого разспроса ничего не выйдетъ, кромѣ сплетни о томъ, что онъ, кн. Гагаринъ, подкапывается подъ великаго князя, а они уже и безъ того никогда не были хороши другъ съ другомъ. Князь Гагаринъ былъ слишкомъ опытный и тонкій придворный человѣкъ, чтобы дать придворной интригѣ такое легкое противъ себя оружіе, безъ всякой пользы для дѣла, потому что не могло быть никакого сомнѣнія, что если бы у Каракозова были какія-нибудь связи съ такою партіею, которая имѣла во главѣ своей одного изъ членовъ Императорской Фамиліи, то онъ разсказалъ бы объ этихъ связяхъ хотя для собственнаго своего спасенія, но разсказывать ему было, конечно, нечего—вотъ причина его молчанія. Но допустимъ, однако же, на минуту невозможное, допустимъ, что была эта партія и что не выдалъ ея Каракозовъ только потому, что, быть можетъ, надѣялся отъ нея и что даже обѣщала она ему спасеніе, въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ называетъ эту партію. Будь онъ въ связяхъ съ такою партіею, онъ или ничего не сказалъ бы о ней, или сказалъ бы все, что зналъ».

Озирая все судебное дѣло и разсматривая выстрѣлъ Каракозова въ его исторической перспективѣ, сенаторъ Есиповичъ дѣлаетъ нѣкоторые поучительные выводы: «Вообще этому человѣку (Каракозову) суждено было сдѣлать вредъ своему отечеству не только дѣломъ своимъ, но и словами. Дѣло его—выстрѣлъ 4-го апрѣля—было причиною наступившей реакціи, которая продолжается и понынѣ (пишу 25-го февраля 1876 года) и когда кончится и чѣмъ кончится, неизвѣстно; показаніе его о какой-то Константиновской партіи было, безъ сомнѣнія, поводомъ къ тому, чтобы производить судебное слѣдствіе о немъ и его сообщникахъ при закрытыхъ дверяхъ, и этимъ правительство лишило себя и Россію величайшаго торжества надъ всѣми такъ называемыми нигилистами, которые въ лицѣ своихъ представителей передъ публичнымъ судомъ тотчасъ сдѣлались бы

смѣшными и презрѣнными въ глазахъ не только Россіи, но и всѣхъ серьезныхъ демократическихъ партій во всемъ мірѣ. Негласность производства верховнаго уголовнаго суда есть одна изъ горькихъ ошибокъ во вредъ себѣ.

«Если разсуждать безпристрастно и спокойно, то какая настоятельная необходимость была производить судебное слѣдствіе по такому дѣлу, какое поручено было верховному уголовному суду, не публично. Главное преступленіе было выстрѣлъ 4-го апрѣля, покушеніе на жизнь государя, въ которой Россія видѣла и свое счастіе и свои надежды и свою свѣтлую будущность; какое же сомнѣніе можетъ быть, что къ преступнику, покушавшемуся на эту безцѣнную жизнь, не только вся Россія, но и весь цивилизованный міръ отнесется съ величайшимъ негодованіемъ и омерзеніемъ. Слѣдовательно, тайное производство этого дѣла могло быть желательно только для преступника.

«Второе преступленіе, образованіе кружка «Адъ», который, какъ сколокъ съ какого-то революціоннаго комитета въ Женевѣ, дозволилъ себѣ разсуждать: не слѣдуетъ ли производить революцій посредствомъ убійствъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей? Мысль эта такъ безнравственна и преступна, что какъ бы то ни было неразвито какое-нибудь общество, оно не можетъ встрѣтить ее безъ презрѣнія и рѣшительнаго противодѣйствія. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вся польза отъ тайнаго производства дѣла могла быть только для подсудимыхъ.

«Третье преступленіе — образованіе общества «Организація», имѣвшаго цѣлью своею произвести соціальный и государственный переворотъ въ Россіи насильственными мѣрами. Но кто же хотѣлъ его произвести? Люди, которые не понимали даже, что такое соціализмъ, которые для уясненія себѣ этого непонятнаго имъ слова рѣшались на фантастическій подвигъ украсть учителя Чернышевскаго съ каторжныхъ работъ въ Сибири. А средства, какія придумывали эти люди для достиженія непонятныхъ имъ цѣлей: обворовать купца черезъ подставного служителя, ограбить почту, отравить помѣщика Ѳедосѣева черезъ его же родного сына. Что же въ этихъ цѣляхъ и средствахъ было такого, что могло бы угрожать обществу возбужденіемъ сочувствія хотя въ нѣкоторыхъ его членахъ, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста? Съ одной стороны, ребяческая, граничащая съ безуміемъ попытка осуществить силами полусотни разнаго недоучившагося сброда въ такомъ громадномъ и устойчивомъ государствѣ, какъ Россія, соціальный переворотъ, смысла и значенія котораго не понимали сами революціонеры, искавшіе еще себѣ учителя и руководителя въ лицѣ каторжника Чернышевскаго, съ другой стороны, средства нелѣпыя по несоразмѣрности своей съ обширностью замысла и отвратительныя по своей безнравственности. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ этому пре-

ступленію производить слѣдствіе не публично можно было только для того, чтобы избавить подсудимыхъ отъ публичнаго стыда и вполнѣ заслуженнаго ими позора. Наконецъ, четвертое преступленіе—разные слѣды чисто польской интриги въ лицѣ Маевскаго, Люрига и имъ подобныхъ подвижниковъ польской справы—развѣ все это не просилось наружу? Развѣ русскому обществу не нужно ежечасно и ежеминутно быть насторожѣ отъ польскихъ хитростей и коварствъ? Развѣ раскрытіе ихъ, хоть немного, хоть настолько, насколько это успѣла сдѣлать Муравьевская комиссія, особенно неудовлетворительная въ этомъ отношеніи, могло быть опасно, или безполезно? Опасно оно могло быть только для польскихъ злоумышленниковъ и, слѣдовательно, для нихъ могло быть полезно такое производство судебнаго слѣдствія о ихъ темныхъ, никогда не прекращающихся козняхъ. Вотъ почему я не могу безъ горечи вспомнить о той страшной ошибкѣ, которая сдѣлана была обязаніемъ верховнаго уголовнаго суда производить судебное слѣдствіе о его подсудимыхъ не публично. Но, сокрушаясь объ этомъ, какъ гражданинъ, я, каюсь, откровенно сожалѣю объ этомъ и какъ эгоистъ, какъ секретарь того суда: верховный уголовный судъ 1866 года, смѣю думать, заслужилъ того, чтобы двери его стояли настежъ, чтобы видѣла его Россія со всѣми его достоинствами и недостатками, чтобы могла она оцѣнить, какую онъ ей службу сослужилъ, удержавшись, при неодолимыхъ почти препятствіяхъ на высотѣ дѣйствительнаго современнаго суда, созданнаго уставами 1864 года, безъ прежнихъ увлеченій, пристрастій и внѣсудебныхъ вліяній»...

Другой участникъ процесса, защитникъ Ишутина, нынѣ еще здравствующій присяжный повѣренный Д. В. Стасовъ, отзываясь также съ похвалою о роли суда [1]) и поведеніи судей, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія относительно поведенія подсудимыхъ, ихъ показаній и отношенія къ нимъ высшаго судилища. Онъ говоритъ:

«На судѣ, можно сказать, почти всѣ подсудимые держали себя достойно, нетрусливо, хотя уже многіе изъ нихъ на предварительномъ слѣдствіи проговаривались и указывали на такія обстоятельства и факты и на такихъ участниковъ ихъ собраній, которые безъ этихъ показаній не были бы и узнаны правительственною властью. Но это, очевидно, происходило прежде всего оттого, что всѣ они были поражены самымъ событіемъ покушенія; на многихъ дѣйствовалъ способъ допросовъ, производившихся слѣдственною комиссіею, гдѣ предсѣдательствовалъ знаменитый М. Н. Муравьевъ. Такъ, напримѣръ, одинъ подсудимый показалъ, «что не помнитъ, что говорилъ, такъ какъ допросъ происходилъ до третьяго часа ночи, когда сонъ смыкалъ глаза». То же говорили

[1]) «Былое», 1906 г., № 4-й.

и многіе другіе. Подсудимые говорили, что боялись при допросахъ пытки. Нѣкоторые просто проболтались, а также, правда, и весьма немногіе стали даже совершенно отказываться отъ того, что предъ тѣмъ говорили. Такъ, къ числу послѣднихъ принадлежалъ Ишутинъ. Какъ выше сказано, онъ былъ, по моему мнѣнію, главнымъ запѣвалой во всемъ томъ, что дѣлалось и предполагалось: онъ завелъ рѣчь о цареубійствѣ, зналъ, что Каракозовъ въ первый разъ (на 4—5-й недѣлѣ поста) пріѣхалъ въ Петербургъ съ этой цѣлью, и просилъ его возвратиться—какъ это видно было изъ разорваннаго письма его съ конвертомъ, найденнаго въ томъ номерѣ Знаменской гостиницы, гдѣ жилъ передъ совершеніемъ покушенія Каракозовъ; въ письмѣ этомъ онъ писалъ: «Милый другъ, пріѣзжай въ Москву, тебя очень нужно. Поговоримъ обстоятельнѣе, потомъ, ежели сочтешь нужнымъ, опять отправишься». Адресъ: С.-Петербургъ, на Выборгской сторонѣ, въ Оренбургской улицѣ, домъ № 23. Павлу Семеновичу Щеткину (это былъ Щеткинъ). Съ передачею Дмитрію Владимирову.

«Слѣдовательно, онъ зналъ и куда Каракозовъ уѣхалъ, и съ какою цѣлью, и гдѣ онъ жилъ, и даже подъ какимъ именемъ, и между тѣмъ послѣ того, что Ишутинъ арестованъ, былъ допрошенъ, съ него были сняты показанія, онъ, сидя въ крѣпости, писалъ самъ собою, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны настояній или указаній, письмо на имя князя Гагарина, въ которомъ говорилъ, «что самъ никогда не покусился бы на жизнь государя, даровавшаго свободу милліонамъ, и отговаривалъ двоюроднаго брата отъ его намѣренія» и ничего «не зналъ объ его поѣздкѣ» и т. д. Выше приведенное письмо показываетъ, что онъ зналъ о поѣздкѣ и цѣли ея... Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ на судѣ всячески старался себя выгородить и оправдаться; за это человѣка, находящагося подъ угрозой смертной казни, обвинить нельзя. Если я привожу кое-что изъ его оправданій, то только чтобы сопоставить его показанія съ показаніями другихъ его товарищей, которые ни отъ чего не отказывались, ни къ какимъ оправданіямъ не прибѣгали, писемъ къ Гагарину ни писали, а говорили, какъ это есть,—начиная съ самого Каракозова,—многое и въ пользу свою, многое и противъ себя. Не могу не привести при этомъ одного эпизода во время судебныхъ преній. Въ числѣ подсудимыхъ первой группы былъ Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ (дворянинъ 21—22 лѣтъ), кандидатъ московскаго университета, готовившійся сдавать экзаменъ на магистра политической экономіи. Защитникомъ его, по назначенію, былъ присяжный повѣренный В. Э. Краузольдъ. Въ рѣчи своей, разумѣется, онъ старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснилъ разныя высказывавшіяся имъ на допросахъ идеи молодостью, необдуманностью и т. д. Говорилъ Краузольдъ недолго, очень спокойно, умно,

и когда онъ кончилъ, то князь Гагаринъ спросилъ Николаева (онъ обращался къ каждому подсудимому, по окончаніи рѣчи защитника): не хочетъ ли онъ еще что-либо прибавить? Николаевъ, очень пылкій, горячій, умный и развитой молодой человѣкъ, сталъ говорить, что онъ совершенно не согласенъ съ защитникомъ, сталъ развивать соціалистическія теоріи и между прочимъ говорилъ, что вопросъ о цареубійствѣ вопросъ философско-политическій, что теорію объ этомъ развивали очень многіе знаменитые ученые уже въ средніе вѣка, напримѣръ, знаменитый Кампанелла и еще такіе-то и т. д. Князь Гагаринъ, который очень внимательно выслушивалъ всѣхъ защитниковъ и былъ, повидимому, очень доволенъ рѣчью Краузольда, старался остановить нѣсколько разъ Николаева и говорилъ ему: «Молодой человѣкъ, остановитесь, что вы говорите: вашъ защитникъ такъ прекрасно объяснилъ всѣ ваши побужденія и вашъ образъ мыслей». Но тотъ не унимался, и Гагаринъ насилу остановилъ его, стараясь замять его рѣчь. Да и дѣйствительно Николаевъ не принималъ, сколько помню, никакого особаго участія въ кружкѣ и если выдѣлялся, то только развитіемъ, начитанностью и горячностью. Изъ показаній самого Каракозова и нѣкоторыхъ подсудимыхъ первой группы были очень интересны намеки и указанія на то, что Каракозовъ, когда пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, то сошелся съ какою-то партіей конституціонною, «Константиновскою», которая имѣла въ виду совершить переворотъ. Каракозовъ съ самаго же начала на судѣ показалъ, что о намѣреніи его совершить цареубійство Ишутинъ и другіе могли догадываться, но что онъ будто имъ объ этомъ не говорилъ. Но Ишутинъ и Ермоловъ на судѣ послѣ разныхъ отрицаній показали, что онъ самъ говорилъ, что считаетъ цареубійство полезнымъ. Далѣе Каракозовъ говорилъ, что онъ объ этомъ говорилъ въ Петербургѣ только Худякову и Кобылину, но и тотъ и другой этого не подтвердили, и это показаніе судомъ не было признано. О ядѣ, найденномъ при немъ (стрихнинъ и синильная кислота, которые онъ получилъ, по его словамъ, отъ Кобылина), онъ показалъ, что имѣлъ ихъ при себѣ для того, чтобы принять немедленно по совершеніи покушенія, а на вопросъ, почему его не принялъ, отвѣчалъ, что «это было отъ состоянія, отъ потрясенія при совершеніи: я былъ въ оцѣпенѣніи».

«Когда князь Гагаринъ замѣтилъ, что, однако, свидѣтели показываютъ, что онъ, выстрѣливъ, побѣжалъ,—онъ сказалъ на это: «я этого не помню». Что за партія, Константиновская или конституціонная—этого на судѣ не выяснилось, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ (слѣдствіе производилось Н. А. Огаревымъ и М. Н. Муравьевымъ) есть, сколько я помню, какіе-то намеки на будто Константиновскую (!?) партію.

«Самыя трудныя защиты были защиты Каракозова и Ишутина. Остряковъ сказалъ прекрасно все, что только можно было сказать въ такомъ безнадежномъ дѣлѣ. Очень остроумна была рѣчь Серебрякова въ защиту Кобылина, и очень сердечная рѣчь Ст. Ив. Петренко въ защиту Ермолова. Ермоловъ былъ чуть не самымъ молодымъ изъ всѣхъ подсудимыхъ, ему было лѣтъ 17—18. Небольшого роста, худенькій, чрезвычайно милый, съ прелестными глазами, симпатичнымъ голосомъ, онъ на всѣхъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, и Петренко сказалъ въ его защиту чрезвычайно прочувствованную рѣчь, какую бы могъ сказать отецъ въ защиту своего сына. Петренко хотя былъ женатъ, но у него дѣтей не было. Замѣчательно то, что Петренко принадлежалъ къ числу старыхъ чиновниковъ сената, отбылъ прежде службу по второму департаменту сената, былъ очень способнымъ и умнымъ человѣкомъ и, несмотря на свой пожилой возрастъ, съ самаго начала открытія новыхъ судовъ, вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и съ сердечною горячностью защищалъ Ермолова. Отъ прочихъ рѣчей у меня въ памяти ничего не осталось. Судъ вообще торопился вести дѣло и кончить его до ожидавшагося пріѣзда принцессы датской Дагмары, назначеннаго въ сентябрѣ. Засѣданія происходили въ залѣ комендантской квартиры въ самой Петропавловской крѣпости; въ сосѣднихъ съ залою комнатахъ находилось и все слѣдственное дѣло, которое защитники изучали каждый день, но прочесть всего не было никакой возможности, такъ оно было огромно. Очень хорошо помню, какъ въ комендантскую квартиру пріѣхалъ еще до слушанія дѣла принцъ Ольденбургскій, также для чтенія дѣла или по чему-то другому, и, встрѣтивъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ бывшихъ правовѣдовъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «И охота вамъ защищать такихъ негодяевъ». Я ему отвѣтилъ, что мы для этого назначены, и дѣло это защищаемъ по назначенію князя Гагарина. Тогда принцъ сказалъ: «Желаю вамъ полнаго неуспѣха». На это Турчаниновъ отвѣтилъ: «А мы, напротивъ, надѣемся, что мы должны имѣть успѣхъ».

«Засѣданія начинались обыкновенно около 12 часовъ и продолжались до 6—7½ ч., съ небольшимъ перерывомъ для завтрака à la fourchette, который былъ общій и для членовъ суда, и для обвиненія, и для защитниковъ. Съ министромъ юстиціи сидѣлъ всегда за обвинительнымъ столомъ и товарищъ его Н. И. Стояновскій и директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Е. Е. Врангель, должность секретаря исполняли Я. Г. Есиповичъ и Н. И. Селифонтовъ, который служилъ тогда чѣмъ-то въ комитетѣ министровъ (кажется, онъ считался секретаремъ при князѣ Гагаринѣ). Приговорены были Каракозовъ и Ишутинъ къ смертной казни. Прочіе всѣ и лица, принадлежащія ко второй группѣ, къ каторжнымъ работамъ на разные сроки. Когда князь

Гагаринъ прочелъ приговоръ верховнаго суда, то онъ затѣмъ сказалъ, что «нынѣшній приговоръ долженъ свидѣтельствовать о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ введеніе новаго суда, при порядкахъ котораго можно было выяснить вполнѣ обстоятельства дѣла и выслушать такой приговоръ». И, обращаясь къ Кобылину, (совершенно оправданному), сказалъ: «въ особенности вы, молодой человѣкъ, должны это помнить и чувствовать».

«И говорилъ это Гагаринъ взволнованнымъ голосомъ и съ большимъ чувствомъ».

Обвинительный приговоръ верховнаго уголовнаго суда въ отношеніи Каракозова былъ формулированъ такъ: [1])

«1866 года 31 августа. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель князь Гагаринъ, члены: его императорское высочество принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Корніолинъ-Пинскій, при министрѣ юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ, именующемся дворяниномъ, не утвержденнымъ въ дворянствѣ правительствующимъ сенатомъ, Дмитріи Владимировѣ Каракозовѣ, 25-ти лѣтъ. Дмитрій Владимировъ Каракозовъ обвиняется въ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года на жизнь священной особы государя императора и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ сихъ преступленій Каракозовъ сознался, объяснивъ передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, при выдачѣ ему копій съ обвинительнаго акта, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находится въ то время. Унтеръ-офицеры Слѣсарчукъ и Заболотинъ, схватившіе преступника послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, подтвердили подъ присягою въ верховномъ уголовномъ судѣ, въ присутствіи подсудимаго, что обвиняемый дѣйствительно тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ въ священную особу государя императора. Затѣмъ, хотя преступникъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла на судѣ, объяснилъ, что это покушеніе сдѣлано имъ вслѣдствіе крайне болѣзненнаго настроенія духа, но это объясненіе не можетъ служить не только къ оправданію его, но и къ облегченію тяжести совершеннаго имъ преступленія, потому что приводимая имъ причина не изъ числа тѣхъ, по коимъ содѣянное не должно быть, по словамъ закона, вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказаніяхъ), и что независимо отъ того объясненіе оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни умственныя способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ ни до со-

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

вершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ стражею не обнаружено никакихъ припадковъ болѣзни, которые приводили бы его въ умоизступленіе или безпамятство; напротивъ, всѣ отвѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предумышленнаго преступнаго намѣренія, обнаруженнаго, по собственному сознанію преступника, въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до происшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать дѣйствія сіи ненормальному состоянію умственныхъ способностей. Что касается обвиненія Каракозова въ принадлежности къ тайному обществу, то слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ бывалъ на нѣсколькихъ сходкахъ онаго, гдѣ обыкновенно молчалъ, если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣдствіе чего, когда двое изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой его поѣздкѣ въ Петербургъ, то тотчасъ же заподозрѣли его въ намѣреніи совершить цареубійство, и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Несмотря, однакожъ, на данное имъ обѣщаніе онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли и 4-го апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе. Покушеніе это составляетъ такое тяжкое преступленіе, что значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ, о тайныхъ обществахъ производящимся, въ верховномъ уголовномъ судѣ не можетъ быть ни уменьшено ни увеличено. Сверхъ того, какъ это покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано, то и для раскрытія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ помянутымъ тайнымъ обществамъ, не представляется никакой законной причины отлагать произнесеніе приговора надъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ. По симъ основаніямъ верховный уголовный судъ, приступивъ къ постановленію приговора объ этомъ подсудимомъ, нашелъ, что по закону (214 ст. улож. о наказ.) «всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни». Усматривая изъ сего, что преступленіе Каракозова, заключающееся въ покушеніи на жизнь священной особы государя императора, вполнѣ доказано, что преступленія сего рода по закону подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, что въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ,

уменьшающихъ вину подсудимаго, верховный уголовный судъ опредѣляетъ: именующагося дворяниномъ, но не утвержденнаго въ дворянствѣ Дмитрія Владимирова Каракозова, 25 лѣтъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію черезъ повѣшеніе».

Приговоръ былъ объявленъ Каракозову и рѣшеніе о свободѣ сообщено Кобылину 1-го сентября при слѣдующихъ обстоятельствахъ, о которыхъ сообщаетъ Есиповичъ. «Кобылинъ къ слушанію приговора не явился, а Каракозова привели, при чемъ онъ подалъ и прошеніе о помилованіи. Прошеніе это онъ началъ писать самъ, но никакъ не могъ кончить, исписавъ нѣсколько листовъ и все не кончивъ; наконецъ защитникъ его Остряковъ убѣдилъ написать коротенькое, но сильное прошеніе, которое и было представленно государю, а другіе исписанные имъ листы приложили къ дѣлу.

«Государь отказалъ въ помилованіи. Министръ юстиціи говорилъ мнѣ, что онъ докладывалъ это прошеніе въ вагонѣ, ѣдучи въ Царское Село. Какое ангельское выраженіе было на лицѣ государя,—прибавилъ Дмитрій Николаевичъ,—когда онъ сказалъ мнѣ, что онъ давно простилъ его какъ христіанинъ, но какъ государь простить не считаетъ себя въ правѣ.

«2 сентября кн. Гагаринъ пріѣхалъ въ крѣпость и вызвалъ меня въ залу засѣданія суда. «Яковъ Григорьевичъ,—сказалъ онъ мнѣ,—сейчасъ по моему приказанію приведутъ Каракозова, я желаю чтобы вы были при этомъ».—«Очень хорошо, я сейчасъ надѣну вицмундиръ». Я перемѣнилъ свой сюртукъ на вицмундиръ и пошелъ въ залу. Князь сидѣлъ за столомъ одинъ. «Я сейчасъ возвратился отъ государя», началъ было онъ, но въ это время ввели Каракозова. Каракозовъ вошелъ съ такимъ свѣтлымъ лицомъ, что, очевидно, онъ ожидалъ услышать вѣсть о своемъ помилованіи.

«— Каракозовъ,—сказалъ князь Гагаринъ,—государь императоръ повелѣлъ мнѣ объявить вамъ, что его величество прощаетъ васъ, какъ христіанинъ, но какъ государь простить не можетъ».

«Вдругъ, какъ молнія, весь свѣтъ съ лица несчастнаго преступника исчезъ; оно внезапно потемнѣло и приняло суровое и мрачное выраженіе. «Вы должны готовиться къ смерти,—продолжалъ кн. Гагаринъ,—подумайте о душѣ своей, покайтесь».

«Каракозовъ началъ говорить что-то безсвязное о видѣніяхъ, о голосахъ, но князь Гагаринъ опять напомнилъ ему о необходимости приготовиться къ смерти и велѣлъ его отвести. Мнѣ очень было странно, зачѣмъ князь Гагаринъ призывалъ Каракозова? Объявивъ осужденному за нѣсколько дней, что онъ помилованъ не будетъ, не значитъ ли это усилить ему мученія. Я не могъ удержаться и сказалъ князю:

«— Ваше сіятельство, зачѣмъ вы объявили ему, что помилованія не будетъ.

«— Это было необходимо,—отвѣтилъ мнѣ князь и безъ дальнѣйшихъ объясненій уѣхалъ».

3-го сентября 1886 г. Каракозовъ былъ на Смоленскомъ полѣ рано утромъ повѣшенъ. Что касается прочихъ привлеченныхъ къ суду лицъ, то приговоръ о нихъ былъ вынесенъ лишь 24 сентября того же года, согласно которому было постановлено [1]):

1) Ишутина, какъ зачинщика замысловъ о цареубійствѣ, уличеннаго въ незаявленіи правительству о извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова и какъ основателя обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. улож. о наказ. изд. 1866 г., лишить всѣхъ правъ и казнить смертію чрезъ повѣшеніе; 2) Ермолова, 3) Странденаи 4) Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но какъ Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а Юрасовъ не только не изъявлялъ согласія на преступный умыселъ цареубійствва, но и возражалъ противъ онаго, то, руководствуясь 774 ст. устава уголовн. судопроизв., вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать на каторжныя работы въ рудникахъ: Странденаи Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож., на двадцать лѣтъ; 5) Загибалова, 6) Шаганова и 7) Моткова, какъ члена общества «Организація», имѣвшихъ полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго и изобличенныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства,—на основаніи 318 и 250 ст. улож. лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Загибалова и Шаганова въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а Моткова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож., на восемь лѣтъ: 8) Николаева, какъ члена общества «Организація», имѣвшаго полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и сознавшагося въ доставленіи Ѳедосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, для пріобрѣтенія значительной суммы денегъ въ пользу означеннаго

---

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

преступнаго общества,—лишить, на основаніи 2 части 316 ст. и 250 ст. улож. всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ; 9) Худякова, не изобличеннаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь священной особы государя императора и въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго общества, лишить на основаніи 3-й части 318 ст. улож. 1866 года, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 10) Малинина, 11) Дмитрія Иванова, 12) Лапкина и 13) Александра Иванова, какъ членовъ общества «Организація», имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить, по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; но какъ они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ «Организаціи», которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и для противодѣйствія этому обществу старались образовать особый кружокъ, не имѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены «Организаціи», а предназначаемый для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. улож., и какъ сверхъ того они, въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и при томъ Лапкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1 части 319 ст. улож., лишить ихъ, на основаніи этой и 774 статей устава уголовнаго судопроизводства, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь; 14) Виктора Ѳедосѣева, изобличеннаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста, лишить на основаніи 2 части 1457 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію; 15) Маркса какъ пособника, коего содѣйствіе было необходимо, въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 части 1457 ст. улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 16) Маевскаго, какъ изобличеннаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишить на основаніи 2 части 316 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 17) Шостаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго въ каторжныя работы, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. улож., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ

правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію; 18) провизора Лаунгауза, имѣвшаго свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ цѣлей онаго, и сверхъ того изобличеннаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. улож., навсегда продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества; 19) Кичина, 20) Соболева, 21) Сергіевскаго, 22) Борисова, 23) Воскресенскаго, 24) Кутыева, 25) Полумордвинова, 26) Трусова и 27) князя Черкезова, изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на точномъ основаніи 3 и 4 частей 319 ст. улож., къ заключенію въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи; 28) Петерсона, не донесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126 ст. улож., подлежащимъ заключенію къ крѣпости на шесть мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семъ заключеніи; 29) Маликова, 30) Бибибикова, 31) Оболенскаго и 32) Никольскаго признать не подлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые три изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то, сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобы они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы, и обязанности каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобы они, не выѣзжая изъ Петербурга, явились къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предстоитъ принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми; 33) Никифорова, юридически не изобличеннаго въ возведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ представить министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 58 ст. улож., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи; и 34) Вознесенскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспомоществованія, не разрѣшеннаго правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и затѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи».

Приговоръ этотъ высочайше былъ смягченъ и никто изъ обвиненныхъ не былъ подвергнутъ смертной казни.

Такъ было ликвидировано въ срокъ менѣе полугода все дѣло 4 апрѣля 1866 года и такова было печальная судьба всѣхъ тѣхъ, кого оно главнымъ образомъ затрагивало. Невесело сложились и жизненныя обстоятельства героя исторической минуты, «спасителя», Осипа Ивановича Комиссарова. Осыпанный царскими милостями и деньгами, избалованный общественнымъ вниманіемъ, выбитый изъ своей мастерской колен возведенный въ дворянство и опредѣленный по высочайшему повелѣнію юнкеромъ въ гусарскій полкъ, Комиссаровъ потерялъ голову и равновѣсіе жизни, обратившись въ безшабашнаго кутилу, котораго водка и вино въ конечномъ результатѣ и свели преждевременно въ могилу.

XIV.

Бакунинъ и польскій вопросъ.—Морская экспедиція пана Лапинскаго.—Характеристика Бакунина со словъ Герцена.—Интернаціоналъ.—Русская его секція въ Женевѣ.—Вліяніе интернаціонала на развитіе русскаго революціоннаго движенія.—Дѣятельность Бакунина въ Италіи и Швейцаріи.—Борьба Бакунина съ Марксомъ.—Обвинительный актъ противъ Бакунина и исключеніе его изъ интернаціонала.—Его роль во время франко-прусской войны.—Подготовка итальянской революціи.—Послѣдніе дни Бакунина.—Вліяніе Бакунина на русскихъ эмигрантовъ.—Политическій символъ вѣры Бакунина.

Съ начала польскаго возстанія Бакунинъ влилъ въ «Колоколъ» ту агитаціонную страстность, которой до тѣхъ поръ избѣгалъ его издатель, и пошелъ, что называется, въ польскомъ вопросѣ напроломъ. Онъ не ограничился ролью политическаго трибуна, но выступилъ въ тѣ смутные годы въ качествѣ практическаго участника революціоннаго движенія. Бакунинъ принялъ самое дѣятельное участіе въ фантастической морской экспедиціи пана Лапинскаго, имѣвшей главной цѣлью снабженіе необходимымъ оружіемъ инсургентовъ со стороны Балтійскаго моря. Лапинскій сначала хлопоталъ въ Лондонѣ о вмѣшательствѣ англичанъ въ польское дѣло, но, потерпѣвъ въ этомъ отношеніи неудачу, подъ вліяніемъ эмиссаровъ возстанія и Бакунина рѣшился приступить именно къ отмѣченной задачѣ. Въ этихъ видахъ былъ зафрахтованъ пароходъ, набрана команда самаго пестраго состава, и во главѣ всей экспедиціи сталъ самъ панъ Лапинскій, а въ качествѣ главнаго режиссера всего предпріятія М. А. Бакунинъ, принявшій на себя обязанности посредника между революціонерами-повстанцами и сѣверными иностранными державами. Но русское правительство не дремало, и, когда пароходъ Лапинскаго былъ уже готовъ къ отплытію, въ устьяхъ Темзы появилось русское военное судно, съ орудіями, направленными по направленію судна волонтеровъ. Лапинскій смутился этимъ обстоятельствомъ и бросился за совѣтомъ къ Маццини (извѣстный итальянскій революціонеръ, пользовавшійся среди евро-

пейскаго революціоннаго общества громаднымъ авторитетомъ своимъ практическимъ умомъ). Маццини рекомендовалъ Лапинскому найти средство подкупить служебный составъ русскаго судна, и, дѣйствительно, 60 фунтовъ стерлинговъ, потраченныхъ на подкупъ, имѣли результатомъ, что къ моменту отплытія польскаго парохода русскіе очутились въ необходимости починки испортившагося механизма своего судна. Лапинскій добрался, такимъ образомъ, благополучно до береговъ Швеціи, гдѣ Бакунинъ уже велъ самые дѣятельные переговоры съ тамошнимъ правительствомъ относительно содѣйствія полякамъ. Онъ даже былъ принятъ въ аудіенціи братомъ короля, перевидался съ министрами и разными вліятельными лицами и выдающимися мѣстными общественными дѣятелями. Казалось дѣло налаживалось хорошо, но именно съ этого-то момента начинается въ ходѣ предпріятія путаница.

Капитанъ парохода (повидимому, подкупленный агентами русскаго правительства) неожиданно объявилъ, что оставаться у береговъ Швеціи, въ виду близости крейсирующихъ русскихъ судовъ, онъ находитъ опаснымъ и настаиваетъ на отплытіи къ Копенгагену. Открывается безтолковое странствованіе по портамъ, причемъ датское правительство настоятельно требуетъ удаленія революціонной экспедиціи, въ виду «нейтралитета» Даніи. Отправились въ Мальме, гдѣ, высадившись на берегъ, Бакунинъ появляется во весь свой агитаціонный ростъ передъ изумленными иностранцами: устраиваетъ митинги, произноситъ громовыя рѣчи на банкетахъ, превозглашаетъ грозные тосты, поетъ революціонные гимны. Но дальше этого политическаго парада дѣло не двигалось да и на самое осуществленіе какихъ-либо дальнѣйшихъ практическихъ дѣйствій не хватало денежныхъ средствъ. За деньгами Бакунинъ бросился въ Стокгольмъ; тѣмъ временемъ команда Лапинскаго, въ виду всей безтолочи предпріятія, разссорилась, отказалась отъ принятія въ немъ дальнѣйшаго участія. Лапинскій плюнулъ на все и, получивъ отъ шведовъ средства на выѣздъ, ликвидировалъ все дѣло и исчезъ съ политическаго горизонта. Тѣмъ временемъ къ Бакунину явилась въ Стокгольмъ изъ Россіи жена, и онъ съ нею вмѣстѣ возвращается въ Лондонъ и въ редакцію «Колокола», посвятивъ теперь все свое время внутреннимъ русскимъ дѣламъ вообще и дѣлу пропаганды въ особенности.

О его пребываніи въ Лондонѣ Герценъ даетъ любопытныя свѣдѣнія, рельефно рисующія намъ фигуру и характеръ этого оригинальнѣйшаго представителя русской революціи. «Въ пятьдесятъ лѣтъ,—говоритъ Герценъ[1]),—онъ былъ рѣшительно тотъ же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный Bohemien съ rue de

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. III.

Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора направо и налѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти, берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ что слѣдуетъ на сигары и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Если бъ его кто-нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать, что отвѣчалъ Лаландъ Напалеону о Богѣ: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ правѣ!» Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ... Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе вездѣ... дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія. Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, ересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ крайній край анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клоотса, другомъ Гракха, Бабефа, и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы судьбами народовъ... Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи родины, т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Гроосъ, когда она глубокою ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія. Долго послѣ отъѣзда Б. изъ Лондона въ № 10 Paddington Green разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили его... Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать: никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣ-

комъ. Отъ этой неразборчивости выходили иногда несмѣшныя вещи...» Когда грянуло польское возстаніе, Герценъ съ грустью увидалъ, что Бакунинъ «запилъ свой революціонный запой» и что съ нимъ не столкуешься теперь. «Онъ шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и море, черезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою «славную славянскую» федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ, и торопился сгладить какъ-нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ».

Герценъ volens-nolens далъ Бакунину увлечь себя эксцессами польскаго движенія и, понимая своимъ трезвымъ аналитическимъ умомъ всѣ противорѣчія, соціальныя, экономическія и политическія, заложенныя въ этомъ движеніи, тѣмъ не менѣе превратилъ редакцію «Колокола» въ штабъ-квартиру польскихъ эмиссаровъ. Послѣдствія не преминули дать о себѣ знать: поляки проиграли компанію, Герценъ—свою популярность. Но на Бакунина эти обстоятельства ни малѣйше не отразились, и уже въ 1864 г. мы видимъ его во Флоренціи, гдѣ онъ, наконецъ, находитъ истинное примѣненіе своей колоссальной, бурлящей энергіи. Онъ является центромъ политической оппозиціи «всякихъ возрастовъ и всякихъ странъ» и съ присущей ему страстностью, съ шумомъ и при вспышкахъ революціоннаго магнія приступаетъ къ организаціи «съѣзда соціальной демократіи», долженствовавшаго провозгласить гибельность для человѣчества всѣхъ существующихъ формъ государственности. Съ этого періода онъ и становится однимъ изъ самыхъ видныхъ и яркихъ представителей анархизма и вноситъ свое имя въ лѣтописи западно-европейскаго рабочаго движенія. Съ его именемъ связывается понятіе о цѣлой опредѣленной эпохѣ, послѣднія главы которой не заключены еще и понынѣ.

Къ шестидесятымъ годамъ соціальное движеніе и тѣсно связанный съ нимъ рабочій вопросъ во всей Западной Европѣ послѣ пережитаго въ предшествовавшій періодъ разгрома снова начали крѣпнуть и громко заявлять о себѣ, въ особенности въ Германіи, благодаря яркой дѣятельности и проповѣдничеству Лассаля. «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Энгельса съ его призывомъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», выступаетъ изъ временнаго забвенія, и оба выдающіеся представителя крайняго соціализма снова становятся тѣми центральными личностями, около которыхъ группируются разрозненныя рабочія организаціи, при чемъ средч этихъ организацій разныхъ странъ и народовъ является сильное стремленіе къ объединенію и къ образованію сообщества, одухотвореннаго общностью жизненныхъ интересовъ и цѣлями борьбы за существованіе противъ гнета капитала и эксплоатаціи

М. А. Бакунинъ.

предпринимателей [1]). Такого рода задача и воплотилась въ основаніи «интернаціонала», о которомъ профессоръ Н. И. Карѣевъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія [2]): «Разгромъ соціалистическихъ кружковъ

[1]) Развитіе соціализма въ Западной Европѣ и рабочаго движенія во всѣхъ фазахъ его проявленія съ образовавшимися здѣсь организаціями и съ указаніемъ ролей въ нихъ выдающихся современниковъ довольно обстоятельно и популярно изложено въ т. VI (ч. 1) «Исторіи Западной Европы въ новое время» проф. Н. И. Карѣева. Въ этой же книгѣ читатели найдутъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о роли въ развитіи анархизма М. А. Бакунина (гл. 2). Б. Г.

[2]) «Исторія Западной Европы въ новое время», т. VI.

во всѣхъ государствахъ континента, даже въ Швейцаріи, гдѣ въ 1850 году былъ арестованъ цѣлый съѣздъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, дѣлалъ совершенно невозможною и какую бы то ни было международную организацію. Попытка возобновленія въ Лондонѣ «союза коммунистовъ» тоже не была успѣшна. Отъ него вслѣдствіе разногласій съ Марксомъ нѣкоего Виллиха отдѣлился особый «международный соціалистическо-демократическій комитетъ», вступившій въ дальнѣйшія сношенія съ единомышленными тайными кружками во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи; но эту организацію выслѣдила полиція Наполеона III, а когда группа Маркса перенесла центръ своей дѣятельности въ Кельнъ, то тутъ ее накрыла въ 1851 года прусская полиція, что привело къ знаменитому процессу коммунистовъ 1852 года. Разногласія Маркса и Виллиха касались вопроса о томъ, нужно ли ограничиться одною идейною пропагандою (точка зрѣнія Маркса), или готовить вооруженное возстаніе (точка зрѣнія Виллиха); но послѣ кельнскаго процесса Марксъ, считая невозможною даже пропаганду, распустилъ свой союзъ. Но въ Марксѣ продолжала жить идея международнаго соціалистическаго союза, и онъ ухватился за вышедшій изъ круга англійскихъ трэдъ-юніоновъ планъ международной организаціи рабочихъ. 28 сентября 1864 года состоялось въ Лондонѣ собраніе, которое поручило комитету изъ пятидесяти членовъ составить уставъ задуманнаго союза. Въ комитетъ попалъ, между прочимъ... и бывшій иниціаторъ «Молодой Европы» Маццини, и авторъ «Коммунистическаго манифеста». Оба они представили по проекту, но предложенная Маццини организація была отвергнута, и принятъ былъ уставъ, написанный Марксомъ. «Общій принципъ устава выставлялъ формулу: «нѣтъ правъ безъ обязанностей и нѣтъ обязанностей безъ правъ». Главныя положенія устава «интернаціонала» сводились къ тому, что цѣль всего союза—«служить центромъ для сношенія и совмѣстной дѣятельности рабочихъ разныхъ странъ, стремящихся къ взаимопомощи, развитію и полному освобожденію рабочаго класса». Въ этихъ видахъ должны были собираться конгрессы, на обязанности которыхъ было «знакомить Европу съ общими стремленіями рабочихъ, окончательно вырабатывать уставъ международнаго союза, изыскивать наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ развитію его дѣятельности и выбирать членовъ центральнаго комитета союза». Мѣстопребываніемъ комитета назначенъ былъ Лондонъ. Задачею комитета положено: «поддерживать сношенія съ разными рабочими ассоціаціями для того, чтобы рабочіе каждой страны могли всегда быть поставлены въ извѣстность относительно движенія своего класса въ другихъ странахъ». Кромѣ того, постановлено, чтобы «вопросы, представленные какимъ-либо обществомъ, разсмотрѣніе которыхъ представляетъ общій интересъ, обсуждались всѣми входящими въ союзъ обществами, дабы въ томъ случаѣ,

когда практическія соображенія или какое-нибудь международное осложненіе потребуетъ вмѣшательства союза, онъ могъ дѣйствовать единодушно». Членамъ интернаціонала вмѣнялось въ обязанность всѣми силами добиваться въ каждой странѣ объединенія всѣхъ рабочихъ организацій въ одинъ національный союзъ, а также основанія какого-нибудь соціальнаго органа. Всѣ организаціи, хотя и связанныя между собою братскими узами, могли, однако, существовать и на началахъ, особыхъ для каждой изъ нихъ.

Вскорѣ къ ядру интернаціонала стали примыкать разнородныя рабочія организація итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, французовъ и пр. до русскихъ включительно (въ 1870 г.), сосредоточившихся тогда въ Женевѣ. Всѣ эти организаціи составляли какъ бы развѣтвленія единаго интернаціонала, являлись его филіями и секціями. Когда основалась русская секція въ Женевѣ и выразила желаніе вступить въ общую организацію «Международнаго товарищества рабочихъ», то ей былъ присланъ слѣдующій циркулярный отвѣтъ отъ лондонскаго комитета [1]):

«Граждане!

«Въ своемъ засѣданіи 22 марта главный совѣта объявилъ, единодушнымъ вотомъ, что ваша программа и статуты согласны съ общими статутами международнаго товарищества рабочихъ. Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ интернаціонала. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при главномъ совѣтѣ.

«Вы говорите въ вашей программѣ:

«что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормазъ, одинаково препятствующій политической и соціальной свободѣ обоихъ народовъ, какъ русскаго, такъ и польскаго».

«Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи и, вслѣдствіе того, на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работая надъ разбитіемъ цѣпей Польши, русскіе соціалисты возлагаютъ на себя высокую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо, какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетаріата.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Это настоящее открытіе для Европы. Русскій оптимизмъ, распространенный на континентѣ даже такъ называемыми революціонерами, безпощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это—трудъ серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, не терпящаго всевозможныхъ національныхъ гимновъ и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса.

[1]) За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ, составленный В. Бурцевымъ.

«Такіе труды, какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка. Привѣтъ и братство. Лондонъ 24 марта 1870 г.

«Карлъ Марксъ».

Первая конференція собралась въ 1865 г. въ Лондонѣ и составъ ея былъ дѣйствительно международный; въ ней участвовали: англичане, французы, бельгійцы, нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, поляки, а также многіе мѣстные жители. Здѣсь, между прочимъ, принята была резолюція о необходимости «возстановленія Польши съ демократическимъ устройствомъ». Конференція эта обратила на себя живѣйшее вниманіе европейскихъ правительствъ, видныхъ политическихъ дѣятелей, вызвала немало журнальныхъ статей и послужила отправною точкою къ ряду однородныхъ организацій на континентѣ, изъ которыхъ на первую очередь слѣдуетъ поставить швейцарскія организаціи, которыя и имѣли огромное вліяніе на развитіе соціалистическихъ и революціонныхъ идей среди многочисленныхъ бывшихъ въ то время тамъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ и представителей обоего пола учащейся молодежи (въ особенности женщинъ). Черезъ нихъ идеи и задачи интернаціонала проникли въ Россію и оказали и здѣсь свое значительное вліяніе на молодежь, уже сдвинувшуюся къ тому времени въ сторону широкой пропаганды соціалистическихъ заданій среди рабочаго населенія родной страны.

Извѣстный народоволецъ, покойный нынѣ, С. М. Степнякъ-Кравчинскій, въ своей книгѣ «Подпольная Россія» [1]), говоря о развитіи стремленія молодежи къ соціально-революціонной пропагандѣ и отмѣтивъ, что вліяніе на эти стремленія имѣла въ своихъ первоначальныхъ корняхъ проповѣдь Чернышевскаго, Добролюбова Герцена и другихъ, говоритъ: «вскорѣ къ этимъ русскимъ теченіямъ присоединилась новая могучая волна изъ-за границы. Она имѣла своимъ источникамъ «международное общество рабочихъ», достигшее, какъ извѣстно, своей наибольшей силы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, немедленно послѣдовавшихъ за парижской коммуной. Здѣсь также слѣдуетъ различать два отдѣльныхъ пути, которыми вліяніе интернаціонала чередовалось въ Россіи; съ одной стороны, это происходило путемъ литературы, а съ другой—путемъ непосредственнаго воздѣйствія на отдѣльныхъ личностей. Два писателя—Михаилъ Бакунинъ, ораторъ и агитаторъ, основавшій анархическую или федералистическую секцію интернаціонала, и Петръ Лавровъ, выдающійся философъ и публицистъ,

[1]) С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. II. «Подпольная Россія», изд. библіотеки «Свѣточа».

оказали своимъ перомъ большую услугу нашему дѣлу; первый, какъ авторъ книги «О революціи и федерализмѣ», въ которой развиваются идеи о необходимости немедленнаго возстанія; послѣдній въ качествѣ редактора журнала «Впередъ», изданіе котораго онъ выносилъ почти исключительно на своихъ плечахъ. Несмотря на ихъ разногласія по нѣкоторымъ вопросамъ, оба писателя признавали крестьянскую революцію единственнымъ средствомъ, способнымъ дѣйствительно видоизмѣнить нестерпимое положеніе русскаго народа.

«Но интернаціоналъ имѣлъ также и непосредственное вліяніе на русское движеніе... Борьба за эмансипацію женщины слилась съ стремленіемъ послѣдней къ высшему образованію. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ закрытъ для русскихъ женщинъ и вотъ онѣ рѣшили отправляться за границу, чтобы тамъ пріобрѣтать знанія, въ которыхъ отказывала имъ родина. Свободная Швейцарія, когда-то ни для кого не закрывавшая ни своихъ границъ, ни своихъ университетовъ, стала излюбленной страной этихъ новыхъ пилигримовъ, и одно время знаменитый городъ Цюрихъ былъ ихъ Іерусалимомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи—съ Волги, тихаго Дона, Кавказа, изъ далекой Сибири, молодыя дѣвушки, чуть не дѣвочки, съ легкимъ чемоданчикомъ въ рукахъ и почти безъ средствъ, отправлялись за тысячи верстъ, сгорая жаждой знаній, которыя только и могли обезпечить имъ желанную независимость. Но, по прибытіи въ страну, бывшую предметомъ ихъ мечтаній, онѣ находили тамъ не только медицинскія школы, но и рядомъ съ этимъ широкое общественное движеніе, о которомъ многія изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія...

«Что такое вся эта наука, спрашивали себя молодыя дѣвушки, какъ не средство къ пріобрѣтенію болѣе выгоднаго положенія въ средѣ привилегированныхъ классовъ, къ которымъ мы уже принадлежимъ? Кто, кромѣ насъ самихъ, воспользуется всѣми предоставляемыми знаніемъ преимуществами? А если никто, то какая же разница между нами и всей этой массой кровопійцъ, живущихъ на счетъ пота и слезъ нашего несчастнаго народа?»

«И вмѣсто медицинской школы дѣвушки начинали посѣщать засѣданія интернаціонала, изучать политическую экономію и сочиненія Маркса, Бакунина, Прудона и другихъ основателей европейскаго соціализма. Вскорѣ Цюрихъ изъ мѣста научныхъ занятій превратился въ одинъ громадный клубъ. Молва о немъ распространилась по всей Россіи и привлекала туда цѣлыя сотни молодежи. Тогда не въ мѣру предусмотрительное правительство издало нелѣпый и позорный указъ 1873 года, повелѣвшій всѣмъ русскимъ, подъ угрозой объявленія ихъ внѣ закона, немедленно покинуть этотъ страшный городъ. Правительство лопало, что называется, пальцемъ въ небо.

«Дѣло въ томъ, что въ средѣ русскихъ, пребывавшихъ въ Цюрихѣ, уже и безъ того возникали болѣе или менѣе опредѣленные планы возвращенія на родину, съ цѣлью распространенія тамъ идей интернаціонала, и указъ привелъ только къ тому, что, вмѣсто возвращенія по одиночкѣ и постепенно, вернулись почти всѣ поголовно и разомъ. Съ восторгомъ встрѣченные своими друзьями и въ Россіи, они немедленно принялись со всѣмъ пыломъ молодости за распространеніе идей международнаго соціализма».

Таково свидѣтельство близкаго въ свое время къ дѣлу соціалистической пропаганды въ Россіи лица. Такимъ образомъ связь съ этой пропагандой и съ настроеніемъ у насъ революціонныхъ идей интернаціонала внѣ сомнѣній, какъ равно неприложнымъ фактомъ здѣсь является и вліяніе на ходъ русскихъ событій Бакунина, примкнувшаго къ международному союзу рабочихъ и сыгравшаго въ этомъ союзѣ выдающуюся роль.

Переѣхавъ изъ Лондона въ Италію, Бакунинъ на первыхъ же порахъ основываетъ «международное братство», главная задача котораго сводилась къ распространенію атеизма, какъ бы въ подтвержденіе выдвинутаго имъ афоризма, что если бы въ дѣйствительности и существовалъ Богъ, то «его надо уничтожить»; тогда же онъ выдвигаетъ и проповѣдь чистаго анархизма, поучаетъ о необходимости замѣны государства добровольными союзами, установленія коллективной собственности, объявленія труда основою правильной общественной организаціи. Въ 1867 г. въ Женевѣ собралась «Лига мира и свободы», въ которой Бакунинъ принялъ дѣятельное участіе, занялъ здѣсь мѣсто члена генеральнаго совѣта и употребилъ все свое вліяніе, чтобы «лига» влилась въ составъ тогда уже окрѣпшаго «интернаціонала»; но сліяніе этихъ двухъ по многому однородныхъ организацій не состоялось, и главнымъ образомъ потому, что Бакунинымъ была представлена слишкомъ крайняя программа, да и руководители интернаціонала (главнымъ образомъ Марксъ), быть можетъ устрашились его диктаторскихъ поползновеній. Тѣмъ не менѣе онъ самъ былъ все же принятъ въ составъ международнаго общества въ качествѣ члена женевскаго отдѣленія, гдѣ и значился какъ «publiciste délégué des ouvriers orolistes de Lyon». Между нимъ и Марксомъ съ того времени началась упорная, то явная, то скрытая борьба, которая временами какъ бы заключалась перемиріями, но вскорѣ засимъ снова возгоралась, при чемъ сочувствіе большинства оставалось попрежнему за сдержаннымъ и корректнымъ Марксомъ, въ жизненномъ формулярѣ котораго не встрѣчались тѣ бреши, которыми была богата необузданная дѣятельность его русскаго антагониста. Профессоръ Карѣевъ [1]), касаясь вопроса объ этой борьбѣ двухъ видныхъ дѣя-

[1]) «Исторія Западной Европы въ новое время», т. VI.

телей рабочаго движенія, отмѣчаетъ, что историки интернаціонала и анархизма разно освѣщаютъ распрю между ними. Иные утверждаютъ, что въ ихъ взглядахъ въ сущности нѣтъ особаго принципіальнаго разномыслія, а что все сводилось къ различію ихъ ума и характера. «На самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—было, конечно, не такъ. Какъ ни близки они были другъ другу, по многимъ основнымъ пунктамъ отрицательной критики современнаго государственнаго и общественнаго строя, но не менѣе важнымъ пунктамъ они очень между собою расходились. Для Бакунина непосредственною цѣлью всѣхъ стремленій было разрушеніе государства, которое должно было наступить тотчасъ же послѣ побѣды народной революціи. Если, думалъ онъ, изъ прежняго порядка оставить неприкосновеннымъ хотя бы одно только какое-либо учрежденіе, то легко и вся разрушенная революціей организація, пожалуй, снова воспрянетъ къ жизни. Марксъ, наоборотъ, не разрушалъ государства, которое должно было только сдѣлаться орудіемъ диктатуры пролетаріата, когда, пользуясь своею властью, коммунисты начнутъ постепенно осуществлять новый соціально-экономическій строй, имѣющій, такимъ образомъ, не сразу водвориться, а лишь путемъ ряда перемѣнъ въ извѣстномъ направленіи. Конечно, въ разногласіи Маркса и Бакунина играла немалую роль и разница въ свойствахъ ихъ ума и характера. Марксъ былъ сдержаннѣе, осторожнѣе, и потому оба они рѣзко расходились и въ пониманіи какъ непосредственныхъ задачъ, такъ и тактики интернаціонала. Наконецъ, нѣкоторые историки не прочь въ объясненіи марксо-бакунинской распри выдвинуть на первый планъ и соперничество между ними чисто-личнаго характера съ мелочными и низменными мотивами. Это, конечно, преувеличеніе, но несомнѣнно, что въ дѣлѣ немалую роль играли и чисто личныя дрязги. Бакунинъ, напр., жаловался, что еще «во время его скитаній по нѣмецкимъ и русскимъ тюрьмамъ Марксъ и его единомышленники распространили про него въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ грязную клевету, утверждая, будто онъ вовсе не былъ заключенъ въ крѣпость, а, напротивъ, былъ принятъ императоромъ Николаемъ съ распростертыми объятіями и наслаждался въ Петербургѣ всѣми удовольствіями столичной жизни». Болѣе достовѣрно извѣстно, что надъ Бакунинымъ тяготѣло обвиненіе или подозрѣніе, совершенно нелѣпое, что онъ—русскій шпіонъ [1]). Въ 1864 году у него съ Марксомъ произошло объясненіе, окончившееся наружнымъ примиреніемъ, такъ какъ, по словамъ Бакунина, онъ уже болѣе не вѣрилъ Марксу,

[1]) Нельзя не отмѣтить, что тяготѣніе Бакунина къ славянству, славянофильскій оттѣнокъ его революціоннаго катехизиса казались нѣмцамъ, и въ особенности Марксу—нѣмецкому еврею, всегда подозрительными и непонятными. Здѣсь сказались расовыя черты обоихъ представителей всемірной революціи. Б. Г.

хотя, прибавлялъ онъ самъ, и не чувствовалъ болѣе къ нему непріязни. Потомъ, однако, снова возникли враждебныя отношенія между сторонниками Маркса и Бакунина, причемъ дѣло доходило до разбирательства на судѣ чести. И въ оцѣнкѣ поведенія Маркса и Бакунина во время ихъ распри историки эпохи между собою очень несогласны. Для марксистовъ Бакунинъ является главнымъ виновникомъ дезорганизаціи интернаціонала, геніемъ разрушенія, даже «чудовищною, политически-преступною натурою»... но другіе авторы, не принадлежащіе къ лагерю правовѣрныхъ марксистовъ, не видятъ ничего ужаснаго въ томъ, что Бакунинъ боролся съ Марксомъ, разъ искренно былъ убѣжденъ въ большей вѣрности своихъ взглядовъ сравнительно съ взглядами Маркса».

Обращаясь лично къ Бакунину, профессоръ Карѣевъ говоритъ: «Въ сущности, цѣлью стремленій Бакунина было противопоставить интернаціоналу свой, другой интернаціоналъ, съ своимъ же особымъ центральнымъ комитетомъ, который подъ руководствомъ Бакунина долженъ былъ засѣдать въ Женевѣ и пользоваться правомъ, подобно лондонскому генеральному совѣту, присоединять свои секціи. Членовъ своего союза соціалистической демократіи онъ вербовалъ среди романскихъ націй, во французской и итальянской Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Бельгіи, а когда союзъ этотъ формально былъ распущенъ, тайно связь между его членами попрежнему продолжала все-таки существовать. Между генеральнымъ совѣтомъ и руководимымъ Бакунинымъ союзомъ начались пререканія, и еще большія распри происходили въ нѣдрахъ секціи романской Швейцаріи. Въ дѣло вмѣшался генеральный совѣтъ, но окончательно долженъ былъ рѣшить его конгрессъ, которому въ 1870 году не удалось собраться. Болѣе важныя событія этого года [1]) заслонили собою дрязги, происходившія при участіи Бакунина въ швейцарской Юрѣ среди тамошнихъ секцій Интернаціонала».

Вопросъ объ отношеніи къ Бакунину со стороны интернаціонала былъ поставленъ особенно остро послѣ того, какъ разыгралась вся Нечаевская исторія и на судѣ надъ Нечаевымъ въ Петербургѣ обнаружились всѣ способы его дѣйствій и средства, коими онъ въ своихъ поступкахъ руководился, причемъ выяснилась и близость къ нему Бакунина. Объ отношеніяхъ этихъ двухъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія мы будемъ говорить болѣе подробно далѣе, а пока отмѣтимъ лишь то, что касается непосредственно и исключительно одного Бакунина, дабы исчерпать въ одномъ мѣстѣ факты его жизни и опредѣлить его положеніе въ общемъ ходѣ революціоннаго движенія европейскихъ народовъ. Вотъ эта-то близость къ Нечаеву и послужила въ рукахъ недру-

[1]) Франко-германская война, главнымъ образомъ. Б. Г.

говъ Бакунина сильнымъ орудіемъ противъ него, которымъ они и не преминули воспользоваться, чтобы выбросить его изъ состава международной рабочей организаціи. Лондонская конференція, по предложенію общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе Бакунина въ дѣлѣ Нечаева и поручила извѣстному уже читателямъ по исторіи «Земли и Воли» эмигранту Николаю Утину составленіе по сему предмету доклада. Въ 1872 году и былъ послѣднимъ представленъ гаагскому конгрессу интернаціонала обширный докладъ о Бакунинѣ или, правильнѣе, обвинительный актъ, гдѣ нашъ эмигрантъ выставленъ «апостоломъ нигилизма» и представленъ въ крайне непривлекательномъ видѣ. Тщетно протестовалъ Бакунинъ противъ взводимыхъ на него обвиненій, объясняя между прочимъ свою близость къ Нечаеву, какъ временную, какъ посредническую между нимъ и Герценомъ въ вопросѣ о присвоеніи денегъ изъ «общаго фонда», и указывалъ на свои послѣдующія протестующія дѣйствія, направленныя по адресу Нечаева. Но его защита не была тверда; многія неосторожныя мѣста въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ, приведенныя въ докладѣ, опрокидывали силу его защиты, результатомъ чего явилось исключеніе Бакунина изъ интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ засимъ и самъ распался и въ значительной мѣрѣ изъ-за бакунинскаго вопроса. Тогда Бакунинъ занялъ вліятельное положеніе въ Юрской федераціи при сильной поддержкѣ русскихъ друзей, придавъ ей характеръ генеральнаго интернаціонала, но вмѣстѣ съ тѣмъ на его душу легло нелегкимъ бременемъ отношеніе къ нему еще недавнихъ соперниковъ. При всемъ своемъ легковѣріи, граничившемъ часто съ простодушнымъ легкомысліемъ, онъ сознавался въ сдѣланныхъ ошибкахъ, вспоминая свои отношенія къ Нечаеву. «Нечего и говорить,—писалъ онъ Огареву:—какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся и какъ бы былъ онъ правъ. Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время».

Несмотря на то, что начавшіеся семидесятые годы были неблагополучными для политической репутаціи Бакунина, ему пришлось, однако, играть выдающуюся роль во время франко-прусской войны. Жемсъ Гильомъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ русскому «апостолу анархіи», рисуетъ его участіе въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ такъ [1]): «Въ его глазахъ пораженіе Франціи феодальной и военной Германіей было бы тріумфомъ контръ-революціи: избѣгнуть этого пораженія возможно было только призывомъ всего французскаго народа къ возстанію, чтобы не допустить иностраннаго нашествія и въ тоже время избавиться

[1]) «Былое», 1906 г., августъ.

отъ внутреннихъ тирановъ, державшихъ его въ политическомъ и экономическомъ рабствѣ. Онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Ліонъ: «Патріотическое движеніе въ 1792 году—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы должны сдѣлать теперь, чтобы спасти Францію... Итакъ, возстаньте, друзья, съ пѣніемъ Марсельезы, которая въ настоящій моментъ—законный гимнъ Франціи, гимнъ свободы, гимнъ народа, гимнъ человѣчества, потому что дѣло Франціи стало дѣломъ человѣчества. Становясь патріотами, мы спасаемъ всемірную свободу... О, если бы я былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ!» Вслѣдъ засимъ онъ напечаталъ на ту же тему брошюру подъ названіемъ «Письмо къ французу».

Далѣе, согласно показаніямъ Жемса Гильома, Бакунинъ девятаго сентября 1870 года уѣхалъ изъ Локарно въ Ліонъ и прибылъ туда пятнадцатаго. Тотчасъ же образовался «Комитетъ спасенія Франціи», чтобы организовать революціонное возстаніе; Бакунинъ былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ смѣлымъ его членомъ; программа движенія была опубликована 26 сентября въ видѣ прокламаціи на красной бумагѣ, подписанной делегатами Ліона, Сентъ-Этьена, Тарара, Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, ни минуты не колебался присоединить свою подпись къ подписямъ друзей, чтобы раздѣлить съ ними всѣ опасности и отвѣтственности. Прокламаціи эти объявляли, что «административная и правительственная машина государства, сдѣлавшись безсильною, отмѣняется» и что «французскій народъ беретъ самъ въ свои руки все дѣло», и затѣмъ предлагали всѣмъ общинамъ Франціи образовать комитеты спасенія и немедленно прислать въ Ліонъ по два делегата отъ каждаго районнаго комитета, изъ которыхъ «образуется революціонный конвентъ для спасенія Франціи». Народное движеніе 26 сентября помогло революціонерамъ овладѣть ратушей (Hôtel de ville) Ліона; но измѣна генерала Клюзере и трусливость нѣкоторыхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, привели къ нарушенію этой попытки. Относительно Бакунина прокуромъ республики былъ изданъ приказъ о немедленномъ его арестѣ, но, несмотря на это, ему удалось уѣхать въ Марсель, гдѣ онъ, скрываясь нѣкоторое время, подготовлялъ новое движеніе. Французскія власти усердно распространяли тогда слухъ, что онъ служитъ агентомъ Пруссіи, и что правительство Національной Защиты имѣетъ доказательства этого; а Либкнехтъ, съ своей стороны, напечатавъ въ «Volksstaat» нѣсколько строкъ о движеніи 26 сентября въ Ліонѣ и о прокламаціи на красной бумагѣ, въ заключеніе прибавляетъ: «чтобы служить замысламъ Бисмарка, даже полицейское бюро прессы въ Берлинѣ ничего не могло лучше этого сдѣлать».

24 октября Бакунинъ, крайне огорченный положеніемъ Франціи, оставилъ Марсель, перебравшись на бортъ корабля, капитаномъ котораго былъ другъ его друзей, чтобы черезъ Геную и Ми

лаль вернуться въ Локарно. Наканунѣ отъѣзда онъ писалъ письмо Сентиньону, истинному соціалисту, пріѣхавшему во Францію съ надеждою вмѣшаться въ революціонное движеніе: «Французскій народъ совсѣмъ переволюціонеръ... Милитаризмъ, бюрократизмъ, дворянская надменность и протестантскій іезуитизмъ Пруссіи, дружески соединившись съ кнутомъ моего дорогого суверена и императора всея Россіи, торжествуютъ побѣду на континентѣ Европы, вѣроятно, на очень продолжительное время. Прощайте всѣ наши мечты о грядущей эмансипаціи!» Движеніе, вспыхнувшее въ Марселѣ 31 октября, спустя семь дней послѣ отъѣзда Бакунина, подтвердило его пессимистическій приговоръ: революціонная коммуна, учрежденная въ Hôtel de ville подъ впечатлѣніемъ капитуляціи Базена, продержалась только пять дней и 4 ноября передала свою власть въ руки комиссара Гента, присланнаго Гамбеттой.

Вернувшись въ Локарно, гдѣ онъ всю зиму прожилъ въ уединеніи, испытывая большую матеріальную нужду и лишенія, Бакунинъ написалъ «L'Empire knouto-germanique et la revolution sociale», которая служитъ продолженіемъ «Писемъ къ французу» и выясняетъ новое положеніе Европы, созданное войною; брошюра эта появилась весною 1871 года. Извѣстіе о парижскомъ возстаніи 18-го марта отчасти опровергало его мрачныя предсказанія, показавъ, что парижскій пролетаріатъ, по меньшей мѣрѣ, сохранилъ свою энергію и свой бунтовской духъ. Но героизмъ парижскаго народа не въ силахъ былъ гальванизировать истощенную и побѣжденную Францію: многочисленныя попытки въ разныхъ мѣстахъ провинціи распространить коммунальное движеніе потерпѣли крушеніе, и храбрые парижскіе инсургенты были, наконецъ, раздавлены численнымъ превосходствомъ врага, и Бакунинъ, съ конца апрѣля жившій среди юрскихъ друзей, чтобы быть ближе къ французской границѣ, снова долженъ былъ вернуться въ Локарно перваго іюня. Но на этотъ разъ онъ былъ далеко не обезкураженъ. Парижская коммуна, предметъ страшной ненависти всей коализированной реакціи, зажгла искру надежды въ сердцахъ всѣхъ эксплоатируемыхъ; пролетаріатъ всего міра привѣтствовалъ героическій народъ, потоками проливавшій свою кровь за эмансипацію человѣчества; «современный Сатана, великій бунтовщикъ, побѣжденъ, но не успокоенъ», по выраженію Бакунина. Итальянскій патріотъ Маццини присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто проклиналъ Парижъ и интернаціоналъ; Бакунинъ написалъ «Reponse d'un internationale à Mazzini», появившійся въ августѣ 1871 г. одновременно по-итальянски и по-французски; онъ произвелъ огромную сенсацію въ Италіи и среди молодежи и рабочихъ вызвалъ большое движеніе умовъ, послужившее основанію многочисленныхъ секцій интернаціонала къ концу 1871 года. Вторая его брошюра «La theologie politique de Mazzini et l'Internatio-

nale» окончила начатое дѣло, и Бакунинъ, создавшій интернаціоналъ въ Испаніи, благодаря отправкѣ туда Фанелли въ 1868 году, теперь создалъ интернаціоналъ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Маццини въ 1871 году. Итальянскій интернаціоналъ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльныхъ лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной ассоціаціи рабочихъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Бакунинъ, по показаніямъ другого его біографа, В. М. Андерсона [1]), «точно отступился отъ Россіи, отъ плановъ ея переустройства, скептически отзываясь о возможности у насъ измѣненія какъ политическихъ, такъ и экономическихъ основъ. Нѣмцевъ Бакунинъ и прежде не жаловалъ, разочаровавшись въ нихъ послѣ 48 года. Будущее Бакунинъ видѣлъ за романскими народами, способными на крайніе психическіе эксцессы, на силу которыхъ, какъ крупнаго двигателя, онъ всегда возлагалъ большія упованія. Итальянцы особенно пришлись по духу Бакунину. Онъ ради нихъ-то и поселился въ Локарно, на границѣ Италіи съ Швейцаріей—своего рода революціонномъ очагѣ тогдашняго времени. Лебединою пѣснью Бакунина была его попытка повліять присутствіемъ своимъ на успѣхъ проектировавшагося возстанія въ Болоньѣ. Международное общество революціонеровъ, дѣйствовавшее въ Италіи, задумало изъ Болоньи подать сигналъ ко всеобщей итальянской революціи, которая и должна была бы окончательно вырвать Италію изъ цѣпей ненавистнаго прошлаго, путемъ насажденія новаго соціальнаго правопорядка. Бакунинъ не задумался использовать свою близкую смерть на благо переворота. По его плану, въ разгаръ возстанія онъ, полуживой уже старикъ, предполагалъ явиться въ Болонью, воодушевить бойцовъ своимъ присутствіемъ, сыграть роль ветхаго почетнаго знамени революціи и найти свою смерть на улицахъ. Но выполнить такой невиданный драматическій эффектъ Бакунину не удалось. Вооруженное возстаніе не клеилось, а пока собирались, итальянская жандармерія напала на скрытое оружіе—и все рухнуло. Бакунина, поджидавшаго въ окрестностяхъ Болоньи желаннаго сигнала, какой-то сердобольный крестьянинъ довезъ до ближайшей желѣзнодорожной станціи запрятаннымъ въ сѣно, и Бакунинъ кое-какъ добрался до Берна, гдѣ жилъ его другъ молодости докторъ Адольфъ Фогтъ. Старики тепло встрѣтились. «Вѣчный бродяга» пріѣхалъ умереть», и дѣйствительно 1 іюля 1876 г. въ бѣдненькомъ номерѣ сѣренькой гостиницы его не стало.

Третьяго іюля съѣхались соціалисты изъ разныхъ мѣстностей, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему соотечественнику. Надъ его

[1]) «Борцы освободительнаго движенія. М. А. Бакунинъ».

могилой произнесенъ былъ рядъ рѣчей представителями различныхъ народностей, и тутъ же было высказано пожеланіе, чтобы всѣ присутствующіе соціалисты предали забвенію на могилѣ Бакунина всѣ личныя распри и дѣйствительно, наконецъ, объединились на почвѣ свободы. Въ этомъ духѣ и была составлена опредѣленная резолюція, которая, казалось, дѣйствительно должна была пролить миръ и согласіе на международное рабочее движеніе. Но идеальныя пожеланія остались только идеальными: распри въ движеніи не прекратились, какъ равно не кончилось и враждебное отношеніе къ тому, на могилѣ котораго провозглашались миръ и согласіе. Личные и принципіальные враги Бакунина продолжали клеймить его и его дѣятельность на страницахъ разныхъ органовъ печати, и фигура апостола анархіи во многихъ отношеніяхъ остается въ памяти потомства невыясненною и съ тѣневыми пятнами на ней. Одно ясно: онъ былъ, по выраженію одного его врага, «фигура колоссальная! Тѣнь ея падаетъ на всю Россію».

Вліяніе Бакунина на русскую эмиграцію заключалось не столько въ лично преподаваемомъ имъ примѣрѣ активной революціонной дѣятельности, которая гипнотизировала окружающихъ, слѣпила и взвинчивала нервы, сколько въ томъ писаніи, которое обильно за тотъ періодъ времени выходило изъ-подъ его пера. Литературная агитація велась имъ съ удивительной энергіей, и можно сказать, что большая часть печатнаго матеріала, которымъ наполнялись русскія заграничныя изданія, принадлежала именно его авторству, гдѣ въ однихъ случаяхъ статьи цѣликомъ были имъ написаны, въ другихъ редактированы, въ третьихъ намѣчены темами и литературнымъ выполненіемъ. Въ брошюрѣ В. М. Андерсона «Борцы освободительнаго движенія» сдѣланъ сводъ его «сочиненій», но сюда отнесены только главнѣйшія, вышедшія по преимуществу отдѣльными брошюрами или подписанныя его именемъ. Разныя передовыя и редакціонныя статьи въ такихъ изданіяхъ, какъ «Народное Дѣло», «Народная Расправа», «Просвѣщеніе», выходившія въ Швейцаріи изъ русскихъ вольныхъ типографій, судя по ихъ слогу и порядку изложенныхъ въ нихъ мыслей, принадлежатъ, несомнѣнно, именно Бакунину, но, какъ временный газетный и журнальный матеріалъ, не помѣченный именемъ ихъ автора, не отнесены въ списокъ его сочиненій. Послѣднія вообще постигла довольно печальная участь. Послѣ смерти Бакунина составился особый комитетъ, задавшійся цѣлью популяризировать покойнаго революціонера-анархиста въ широкихъ слояхъ публики и для того привести въ извѣстность все имъ написанное и напечатанное. Эта задача была возложена на бывшаго сотрудника «Русскаго Слова», радикальнаго писателя В. А. Зайцева, но смерть помѣшала осуществить предпріятіе. Жена Бакунина, находившаяся съ покойнымъ мужемъ, повидимому, въ довольно холодныхъ

отношеніяхъ и даровавшая въ то время свое чувство другому избраннику сердца, не приложила заботы къ увѣковѣченію памяти знаменитаго эмигранта, а сынъ его кончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Поэтому, если наслѣдіе старшаго представителя «династіи «Колокола» оказалось обереженнымъ его наслѣдниками и почитателями, то на долю младшаго представителя этой династіи такого счастья не выпало. Въ русскихъ изданіяхъ сдѣлана попытка обнародовать нѣкоторыя изъ «рѣчей» и «воззваній» Бакунина издательствомъ И. Балашова, но это только маленькая крупица изъ всего его немалаго наслѣдія, а по многимъ условіямъ нашей современной жизни нельзя и ожидать, чтобы полное собраніе его сочиненій скоро увидѣло у насъ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь матеріаломъ, который имѣется въ наличности, сдѣлаемъ попытку возстановить въ предѣлахъ временной возможности духовный обликъ Бакунина, пользуясь для того, главнымъ образомъ, брошюрою г. Андерсона. Считаемъ это необходимымъ, главнымъ образомъ, потому, что именно на идеяхъ Бакунина воспитывалось преимущественно въ концѣ шестидесятыхъ годовъ поколѣніе молодежи, вернувшееся изъ Швейцаріи въ Россію и явившееся здѣсь тѣмъ кадромъ пропаганды, который и распространилъ на родинѣ символъ вѣры апостола анархизма.

Хотя мы видѣли, что одинъ изъ представителей этой молодежи, Н. Утинъ, и примкнулъ къ противникамъ Бакунина, зато другіе, какъ, напримѣръ, Н. Жуковскій, тоже видный эмигрантъ, остались ему вѣрны и продолжали числиться въ ряду его поклонниковъ и учениковъ. Даже послѣ того, какъ интернаціоналъ выкинулъ его изъ своего состава, эти послѣдніе сочли своимъ долгомъ демонстративно стать на сторону учителя и опубликовать привѣтствіе ему (1874 г.). Въ этомъ привѣтствіи было сказано: «Нашему другу Михаилу Бакунину осмѣлились бросить обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни необходимымъ, ни своевременнымъ опровергать здѣсь ложные факты, на которые разсчитывали опереться для подтвержденія нелѣпаго обвиненія, наведеннаго на нашего соотечественника и друга. Факты эти намъ хорошо извѣстны, извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и мы считаемъ своей обязанностью возстановить ихъ съ полной правдивостью тотчасъ же, какъ только явится возможность это сдѣлать. Въ настоящее время этому препятствуетъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника [1]), хотя не принадлежащаго къ числу нашихъ друзей, но въ данный моментъ сдѣлавшагося для насъ священнымъ въ виду преслѣдованія его со стороны русскаго правительства. Г. Марксъ, ловкость котораго мы не намѣрены оспаривать, но этотъ разъ по

[1]) Нечаевъ, который въ то время уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Б. Г.

меньшей мѣрѣ очень плохо разсчиталъ. Сердца честныхъ людей всюду будутъ испытывать, безъ сомнѣнія, только негодованіе и отвращеніе въ виду такой грубой интриги и такого вопіющаго нарушенія самыхъ обыденныхъ принциповъ справедливости. Что же касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его маневры потерпятъ полную неудачу. Бакунинъ тамъ пользуется слишкомъ большимъ уваженіемъ и извѣстностью, чтобы клевета могла его коснуться». Засимъ слѣдуютъ подписи, въ числѣ которыхъ были Н. Огарева, В. Зайцева и др.

Помимо того, что всѣ эти лица были лично близкими къ Бакунину, они цѣнили въ немъ именно того трибуна, агитатора, который сумѣлъ стать въ тѣсныя отношенія къ молодежи, сдѣлаться ея воспитателемъ въ кругу революціонныхъ идей, руководителемъ ея не только теоретическихъ познаній, но и практическихъ начинаній. Мы видѣли, что Герценъ сталъ съ этою молодежью во враждебныя отношенія, наоборотъ Бакунинъ обратился въ ея адвоката передъ старшимъ руководителемъ «Колокола», возлагая на нее свои надежды и полагая, что революціонное будущее, въ которое онъ такъ искренно вѣрилъ, за нею, и что онъ и вся «династія «Колокола» уже поколѣніе отжившее, сдѣлавшее свое дѣло и сходящее со сцены жизни. Вотъ почему мы видимъ, что въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія именно онъ становится тѣмъ центромъ, около котораго по преимуществу группируются крайніе представители русской эмиграціи въ то время, какъ болѣе умѣренные и спокойные примыкаютъ къ П. Л. Лаврову, успѣвшему изъ своей ссылки бѣжать въ Швейцарію и ставшему во главѣ вліятельнаго изданія «Впередъ», сыгравшаго тоже крупную роль въ исторіи нарастанія и развитія русскихъ революціонныхъ силъ.

Слишкомъ было бы долго и далеко отъ темы нашихъ очерковъ формулировать взгляды Бакунина по всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ основнымъ вопросамъ человѣческой жизни, которыхъ ему приходилось касаться и быть выразителемъ ихъ въ оригинальномъ, имъ самимъ установленномъ освѣщеніи. Характеризуя его въ бѣглыхъ чертахъ [1]), профессоръ Карѣевъ говоритъ [2]): «Онъ писалъ очень много и еще болѣе, можетъ быть, собирался написать, но кипучая практическая дѣятельность, большею частью принимавшая характеръ непрерывной конспираціи, со всѣми ея отвлекающими отъ систематическаго труда сторонами, мѣшала ему въ его литературныхъ занятіяхъ вообще и въ частности не дала ему воз-

[1]) Болѣе подробно сдѣланы его характеристики въ цитированной уже брошюрѣ Андерсона, а также въ біографическихъ очеркахъ, составленныхъ Драгомановымъ и Кульчицкимъ. Б. Г.

[2]) «Исторія Западной Европы», т. VI.

можности въ одномъ цѣломъ изложить свою теорію. Старый гегеліанецъ,—быть можетъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ свое время познакомившійся съ ученіемъ Штирнера,—онъ впослѣдствіи усвоилъ и многія положенія Кантовскаго позитивизма. Это касается общихъ теоретическихъ основъ его міросозерцанія, проникнутаго «антитеологизмомъ», по вопросамъ же соціальнымъ на немъ... сказалось двойственное вліяніе Прудона и Маркса. Въ общей критикѣ государственнаго начала человѣческихъ обществъ и въ вытекавшей изъ нея идеѣ анархіи Бакунинъ, несомнѣнно, зависѣлъ отъ Прудона, но былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ отрицаніи государства, доходя здѣсь до логическаго конца, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакихъ оговорокъ и поправокъ. По вопросу о собственности онъ также былъ далекъ отъ неопредѣленности и колебаній Прудона и отъ его отвращенія къ коммунизму, усвоивъ ученіе Маркса о коллективной общественной собственности. Въ своей теоріи Бакунинъ слилъ воедино анархическое и коллективистическое ученіе, устранивъ изъ теоріи своихъ предшественниковъ по анархизму всякіе слѣды государственной идеи, придавъ анархизму рѣзко революціонный характеръ и соединивъ съ защитою абсолютной свободы человѣческой личности проповѣдь передачи отдѣльными общественными группами всѣхъ орудій производства, начиная землею съ ея нѣдрами (рудниками) и кончая фабриками и заводами съ ихъ машинами; только благодаря этому анархизмъ и могъ превратиться изъ простого, такъ сказать, чисто умственнаго теченія въ настоящее общественное движеніе.

«Въ своей соціологической теоріи Бакунинъ былъ довольно близокъ къ экономическому матеріализму, такъ какъ полагалъ, что экономика лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ сторонъ общественной жизни и притомъ хорошо понималъ, что голою защитою полнаго самоопредѣленія личности или автономіи индивидуума нельзя поднять массы на разрушеніе государства, религіи, права, и т. д., что было цѣлью его стремленій. Мы напрасно, однако, стали бы искать у Бакунина сколько-нибудь разработаннаго представленія о будущемъ анархическомъ обществѣ, такъ какъ дѣло созиданія онъ предоставлялъ самому этому будущему, ставя современности задачу главнымъ образомъ разрушенія, расчистки почвы для будущаго строительства. Ради этого разрушенія и этой расчистки онъ проповѣдывалъ необходимость революціонныхъ выступленій народныхъ массъ, въ извѣстныхъ же случаяхъ и террористическихъ актовъ противъ единичныхъ представителей политическаго и экономическаго угнетенія. Такъ какъ, однако, и народныя возстанія, и терроръ требуютъ предварительно организаціи силъ, которая можетъ вестись только конспиративно, то Бакунинъ былъ поклонникомъ любителемъ заговоровъ и тайныхъ обществъ съ ихъ централизаціей и дисциплиной».

Его «платформа» сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ: [1])

«У насъ нѣтъ отечества. Наше отечество—всемірная революція. У насъ нѣтъ другого врага, кромѣ господства во всѣхъ его формахъ: религіозной, доктринерской, политической, экономической, соціальной.

«Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣческаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ.

«Мы считаемъ необходимымъ:

«1. Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, составляющихъ настоящій буржуазный порядокъ вещей.

«2. Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ на мѣсто разрушеннаго государственнаго строя.

«Въ дѣлѣ революціи мы враги всего того, что такъ или иначе принадлежитъ къ авторитетной системѣ, всего того, что стремится къ руковожденію народомъ. Слѣдовательно, мы прежде всего враги такъ называемой революціонной диктатуры, временнаго правительства. Мы убѣждены, что всякая такая власть, какъ бы революціонна она ни была, непремѣнно измѣнитъ въ концѣ концовъ народу и пожелаетъ увѣковѣчить себя. Революціи дѣлаются народомъ. Истинная революція среди народа только. Всякая же власть, тяготѣющая надъ народомъ, фатальнымъ образомъ ему враждебна.

«Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ революцію, какъ организованный взрывъ того, что зовется революціонными страстями, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ.

«Мы признаемъ анархію—это выраженіе жизни и стремленій народныхъ (?!). Изъ анархіи посредствомъ свободы должно возникнуть истинное равенство всѣхъ, на свободно организованномъ трудѣ».

Обращаясь же непосредственно къ Россіи, онъ говорилъ:

«Мы хотимъ и желаемъ;

«1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобы не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

«2. Хотимъ самоуправленія народнаго, общиннаго,—волостного, уѣзднаго, областного и наконецъ государственнаго. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціею.

---

[1]) Цитируемъ по брошюрѣ Андерсона. Б. Г.

«2. Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

«3. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго, союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь».

«Бакунинъ, требующій повсемѣстнаго разрушенія, изступленно кричащій на весь міръ: nihil! nihil—въ отношеніи своего народа смягчается, по словамъ г. Андерсона, прячетъ хищные когти, готовые безжалостно рвать всевозможныя государства, и не высказываетъ ни малѣйшихъ намѣреній раскостить Россію на общую, безпорядочно сбитую коммуну, съ милліонами мелкихъ ячеекъ.

«Нѣтъ,—говоритъ Бакунинъ,—пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взрослемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И не въ одной странѣ, исключая, можетъ быть, Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи.»

«Вывести страну изъ всѣхъ неурядицъ можетъ только всенародный земскій соборъ, опасаться котораго верховной власти нечего.

«Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откуда же взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы царь созвалъ земскій соборъ, онъ впервые увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно преданными. Минута собора будетъ рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ».

Свое дѣйствительное и глубокое пониманіе завѣтныхъ идеаловъ русскаго народа, его представленія о личности царя, Бакунинъ проявляетъ въ такой характеристикѣ народныхъ упованій:

«Народъ почитаетъ въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по

какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможнымъ, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу—реальный народъ. Ему и утѣшеніе-то надо земное; земной Богъ—царь, лицо, впрочемъ, идеальное, хоть и облеченное въ плоть и человѣческій образъ... Царь—родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все, что нужно ему—и волю и землю. Да и онъ самъ, бѣдный, въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ, и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора золотой воли.

«Но черезчуръ долго наигрывать на струнѣ долготерпѣнія народнаго опасно, потому что привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая себѣ удовлетворенія на землѣ... Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы не могъ сдѣлать онъ съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все устроилось бы просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно. Руководимый такимъ царемъ, земскій соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа».

Разсматривая культурную дѣятельность русской интеллигенціи, Бакунинъ рѣшительно считаетъ ее безплодной, ибо она всецѣло любитъ опереться на абстракціи, столь чуждыя здоровому мужицкому смыслу, всегда умѣющему отличить фразу отъ истины. Соціальные доктринеры, упрямо переносящіе на русскую почву западныя тенденціи, совершенно не справлялись съ историческими основаніями народныхъ воззрѣній. Но тѣ же дѣятели, слившись воедино съ народомъ, передавъ ему опытъ политической жизни и извѣстную способность критическаго отношенія къ фактамъ, окажутъ ему существенную помощь въ дѣлѣ упорядоченія его быта.

«Вотъ въ общихъ чертахъ суть Бакунинскихъ теорій, создавшихъ ему имя «апостола анархіи»,—говоритъ г. Андерсонъ.—Несо-

мнѣнно, что при внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ его писаніями мы на каждомъ шагу почти натыкаемся на полное отреченіе Бакунина отъ укоренившихся въ насъ понятій, безъ которыхъ мы не можемъ и представить себѣ правильное теченіе общественной жизни, но все же анархія Бакунина не имѣетъ нечего общаго съ парижскими типами, вродѣ Вальяновъ и Равашолей, швыряющихъ бомбы въ уличныя кафе. Правда, кое-гдѣ у Бакунина попадаются іезуитскія замашки оправдать не совсѣмъ-то чистоплотныя средства при достиженіи цѣлей, но къ насильственному пролитію крови путемъ убійствъ изъ-за угла Бакунинъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мягкая натура Бакунана не одобрила и русскій терроризмъ, процвѣтавшій въ семидесятыхъ годахъ. Каракозовскій выстрѣлъ не встрѣтилъ въ Бакунинѣ ни малѣйшаго сочувствія».

Его революціонное славянофильство не являлось, конечно, центральнымъ мѣстомъ ученія, оно проскальзывало лишь временами и не во всякіе моменты жизни оно выдвигалось имъ на первую очередь. Можно даже утверждать, что ко времени своей встрѣчи съ Нечаевымъ оно отошло у него въ даль, а на первое мѣсто выдвигалось именно революціонное бунтарство, смерчъ разрушенія, что и привлекало къ нему главныя массы его поклонниковъ. Нечаевъ учелъ именно эту сторону его проповѣдничества и на этомъ основалъ свой первоначальный съ нимъ союзъ, который, однако, вскорѣ оказался очень непрочнымъ хотя онъ и привелъ Бакунина къ суду надъ нимъ интернаціонала.

XV.

Нечаевъ.—Репрессіи министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого противъ студенческихъ вольностей.—Студенческое движеніе 1869 года.—Прокламація «Къ обществу».—Обращеніе Бакунина къ учащейся молодежи и его завѣты.—Нечаевъ и студенческіе кружки.—Его программа дѣйствій.—Волненія въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.—Правительственныя мѣропріятія.—Студенческіе кружки.—Умѣренное и радикальное студенчество.—«Женскій вопросъ».—Прокламація Енишерлова и прокламація «Къ обществу».—Роль Нечаева въ студенческомъ движеніи.—Политическія мистификаціи Нечаева и его отъѣздъ за границу.

Имя Нечаева впервые встрѣчается въ исторіи кружка ишутинцевъ и каракозовцевъ, куда онъ былъ принятъ и гдѣ состоялъ внимательнымъ слушателемъ рѣзкихъ и революціонныхъ рѣчей, раздавшихся здѣсь и которыя глубоко запали ему въ душу. Самый процессъ 1866 г. не коснулся его и лишь два года спустя о Нечаевѣ начинаютъ говорить въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоитъ вольнослушателемъ здѣшняго университета и преподавателемъ приходскаго Сергіевскаго училища. Къ этому времени относится

С. Г. Нечаевъ.

начало широкаго студенческаго движенія, охватившаго почти всѣ русскія высшія учебныя заведенія и имѣвшаго для исторіи развитія русскаго революціоннаго дѣла очень большое значеніе, такъ какъ въ этомъ движеніи именно вырисовались многіе видные дѣятели будущей политической пропаганды и такъ какъ именно здѣсь былъ рѣзко и прямо поставленъ вопросъ о необходимости и обязанности для молодежи посвятить себя всецѣло революціонному служенію.

Стремленіе молодежи ко внутренней организаціи, къ организаціи землячествъ и кассъ взаимопомощи при нихъ началось уже давно. Ишутинскій кружокъ вышелъ, напримѣръ, изъ организаціи пензенскаго землячества; тогда же выяснилось существованіе въ московскомъ университетѣ «малороссійской общины», въ которой видную роль игралъ извѣстный впослѣдствіи народникъ-пропагандистъ Ф. В. Волховской. Со вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой рядомъ съ мѣрами, принятыми имъ по отношенію среднихъ учебныхъ заведеній, вводитъ и рядъ репрессивныхъ мѣропріятій по адресу учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таковыя заключаются въ опубликованныхъ имъ правилахъ 20 марта 1867 г., гдѣ было подтверждено постановленіе, что «внѣ зданій и учрежденій университета студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи». Устанавливалось строгое подчиненіе студентовъ инспекціи и внѣ зданій университета, а также обязанность учебнаго начальства и полиціи взаимно увѣдомлять другъ друга о поступкахъ студентовъ внѣ зданій университета и «вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніе въ нравственной и политической благонадежности студентовъ». На университетское начальство была возложена обязанность увѣдомлять и мѣстное гражданское начальство и центральныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія обо всѣхъ учащихся, исключенныхъ или удаленныхъ за предосудительное поведеніе, съ изложеніемъ причинъ этого увольненія. Кромѣ того, въ устраненіе потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій было воспрещено дозволять студентамъ устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній. Денежныя средства, жертвуемыя въ пользу недостаточной учащейся молодежи, должны были состоять подъ контролемъ и въ распоряженіи мѣстнаго учебнаго начальства. Число вольнослушателей было сокращено, а для поляковъ введена 20% норма пріема.

Въ университетахъ создалась сгущенная атмосфера, которая и разразилась взрывомъ безпорядковъ 1869 г. Сигналъ къ безпорядкамъ былъ данъ изъ медико-хирургической академіи, до тѣхъ поръ существовавшей внѣ административныхъ подозрѣній, съ правомъ сходокъ и съ болѣе или менѣе широкими правами самоуправленія. Послѣ 1866 г. на порядки академіи было обращено вниманіе, и по отношенію ихъ начались также ограничительныя репрессивныя мѣропріятія, встрѣченныя учащимися протестомъ. На первыхъ порахъ дѣло здѣсь кончилось благополучно, и найденъ былъ компромиссъ, но, по словамъ историка студенческаго движенія того времени, С. Г. Сватикова, въ статьѣ «Студенческое движеніе 1869 года» [1]), протестъ студентовъ академіи «оказалъ большое

[1]) № 1. «Наша страна. Историческій сборникъ».

вліяніе на развитіе дальнѣйшаго движенія, почва для котораго была подготовлена не только спеціальнымъ положеніемъ студенчества, но и общимъ положеніемъ Россіи. Съ одной стороны, разгромъ высшихъ учебныхъ заведеній, произведенный въ 1862 г., былъ уже до извѣстной степени забытъ, а тяжелое положеніе студенчества неизмѣнно давало себя чувствовать, наталкивая на мысль о необходимости сдѣлать въ той или иной формѣ заявленіе о своихъ нуждахъ и поддержать его тѣмъ или инымъ образомъ [1]). Численность студенчества, благодаря переходу цѣлаго ряда высшихъ учебныхъ заведеній изъ военнаго вѣдомства въ гражданское (напр. институтовъ: путей сообщенія, горнаго, технологическаго, гражданскихъ инженеровъ), возросла значительно, увеличивши, такимъ образомъ, массу молодежи, находившейся въ одинаково безправномъ и угнетенномъ положеніи. Съ другой стороны, Россія только что пережила первый, послѣ 1861 г. сильный голодъ, охватившій цѣлый рядъ губерній, при чемъ обнаружилось преступное бездѣйствіе бюрократіи, во главѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, который замалчивалъ существованіе голода до того момента, когда голодъ обратился въ крупное общественное бѣдствіе и молчать дольше было уже невозможно. Приближалось уже десятилѣтіе крестьянской реформы, и народъ глухо волновался; ходили слухи объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей. Передъ разночинной интеллигенціей все болѣе вырисовывался вопросъ объ отношеніи ея къ положенію народа, къ экономическому оскудѣнію крестьянства послѣ реформы 19 февраля. Раскрывшееся передъ глазами разночинной интеллигенціи разореніе деревни, явившееся результатомъ великой экспропріаціи народной земли въ 1861 г., заставляло молодежь задумываться надъ вопросомъ, какъ, въ какой формѣ могла бы она наиболѣе цѣлесообразно помочь народу...»

Осень 1868 г. отличалась большимъ оживленіемъ студенческой среды. «Группировались,—говоритъ г. Сватиковъ,—кружки земляковъ, единомышленниковъ и тому подобные, на студенческихъ квартирахъ собирались сходки, на которыхъ горячо обсуждались вопросы, касавшіеся студенческаго быта (кассъ, библіотекъ, кухмистерскихъ), а также и болѣе широкихъ вопросовъ. Однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе широкихъ, былъ вопросъ о «наукѣ и трудѣ», или, яснѣе, должна ли учащаяся молодежь пользоваться всѣми благами цивилизаціи, въ томъ числѣ и высшаго образованія, или же должна раздѣлить съ народомъ его труды, его жизнь, работая въ

[1]) Необходимо замѣтить, что съ началомъ демократизаціи учебныхъ заведеній и съ вступленіемъ въ нихъ широкимъ потокомъ разночинной интеллигенціи острая нужда учащихся давала себя сильно знать и являлась предметомъ озабоченности со стороны самихъ учащихся. Б. Г.

равномъ положеніи съ трудящимися, ведя такой же образъ жизни какъ и народъ, и пытаясь поднять матеріальное и духовное благосостояніе народныхъ массъ».

Непосредственно студенческія пожеланія были формулированы въ выпущенной въ тотъ періодъ прокламаціи «Къ обществу», гдѣ говорилось:

Мы, студенты медицинской академіи, университета, технологическаго института, земледѣльческой академіи, желаемъ:

1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу, то есть помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2. Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

и 3. Чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы апеллируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло— его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ.

Что же касается общихъ взглядовъ студенчества относительно обновленія Россіи и опредѣленія своей роли въ этомъ революціонномъ обновленіи, то оно въ сильной мѣрѣ складывалось подъ вліяніемъ тѣхъ воззваній и обращеній, которыя адресовалъ къ молодежи изъ своего швейцарскаго далека М. Бакунинъ преимущественно въ 1869 г., когда онъ, благодаря Нечаеву, уже хорошо былъ освѣдомленъ о броженіи среди учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и безпорядкахъ, тамъ разразившихся въ томъ году. Его обращенія затрагивали и исчерпывали именно больной вопросъ о «наукѣ и трудѣ», который онъ со свойственной ему категоричностью и ставилъ передъ юными сынами Россіи.

Впервые онъ высказался въ № 1 «Народнаго Дѣла», основаннаго имъ [1]) совмѣстно съ Н. Утинымъ и въ сотрудничествѣ съ Н. Жуковскимъ. Здѣсь онъ говорилъ: «Не будемъ себя обманывать и скажемъ себѣ, что при бѣдности нашихъ средствъ и при громадности правительственнаго противодѣйствія, идя путемъ школъ, никогда не добьемся положительныхъ результатовъ. Путь освобожденія народа посредствомъ науки загражденъ; намъ остается, поэтому, только одинъ путь, путь революціи. Пусть освободится же сперва нашъ народъ, а когда онъ будетъ свободенъ, онъ самъ

[1]) Только въ этомъ № онъ и принялъ участіе, отказавшись отъ дальнѣйшей работы въ немъ совмѣстно съ Утинымъ и предоставивъ послѣднему исключительное поле дѣйствія. Тогда же онъ принялъ участіе въ «Народной Расправѣ», основанной С. Нечаевымъ. Б. Г.

захочетъ и сумѣетъ всему научиться». Въ связи съ этимъ положеніемъ имъ и была выпущена спеціальная прокламація, которую и приводимъ полностью. Въ ней онъ говоритъ:

Русскіе студенты!

Полиція васъ бьетъ, но это «бдительному, умудренному опытностью» начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ живой народной потребности и все застыло.

Васъ хотятъ увѣрить, что вы не вы, а поляки.

Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ лишено основанія и требованіе права сходокъ неестественный мотивъ.

Разсмотрите же, какъ люди неминуемо дружные, всѣ эти казенные увѣренія, выработанныя воровскимъ умомъ, который выдаетъ себя за здоровый.

Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая умираетъ. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

Поднимается, домогается, надѣется, вѣритъ въ свою будущность, соединяется, переработываетъ—Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсословная, безгосударственная.

Кто же это вамъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ живыхъ элементовъ?

Это вамъ говоритъ нажившійся, исподлившійся литераторъ-чиновникъ. Какъ будто между вами, юношами, кто-нибудь найдется, кто пойдетъ вслѣдъ такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не вѣримъ.

Вамъ говорятъ, что для васъ немыслимо помогать бѣднымъ товарищамъ, потому что про то знаетъ умудренное начальство...

Литераторы-чиновники забываютъ несчастную повѣсть всякой казенной тысячи въ Россіи. Выжатая изъ труда народнаго, она ниспадаетъ съ великодушнаго верха . . . . . и расходится по разнымъ боковымъ карманамъ, даже не достигая своего назначенія.

Какъ же у студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній не родиться желанію спасать бѣдныхъ товарищей, помогать имъ своими общими силами,—прямо, помимо верхобокового начальства, а если можно, и помимо денегъ, выжатыхъ нагайкою изъ народнаго труда?

Къ чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человѣческое чувство и неиспорченный человѣческій смыслъ?

Вамъ говорятъ, что для васъ не нужно сходокъ? Про это знаетъ тоже умудренное начальство, а для васъ это неестественный мотивъ (который можетъ въ самомъ дѣлѣ казаться неестественнымъ разнымъ генераламъ Треповымъ, потому что они, сколько между собою не хитрятъ и ни лицемѣрятъ, а встрѣчаться имъ гадко). А вамъ, студентамъ, между собою встрѣчаться—не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чемъ нужно перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу.

Неужто у васъ потребовать сходокъ не просто человѣческій мотивъ (русскій, прусскій, польскій, англійскій, американскій и пр)? Къ чему тутъ вліяніе какой-нибудь польщизны?

Если бы у васъ такія потребности родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради,—вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да, впрочемъ, все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія-нибудь жидовскія уста, за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

Нельзя къ этому не присовокупить нѣсколько словъ о польщизнѣ, чтобы, насколько теперь возможно,—отрѣзать этотъ вопросъ отъ захвата казенной литературой.

Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и народную Литву—такъ, какъ дворянская, чиновничья, казенная Россія губитъ народную Русь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь—были народною Польшей, народною Литвою, народною Русью. Кто станетъ доказывать ихъ тождество, ударится въ грязь,—конечно, не безъ казеннаго подарочка,—и только.

Подробно о польскомъ и литовскомъ вопросѣ мы будемъ говорить въ другой разъ; такъ же какъ въ другой разъ подробно разберемъ отношенія казенной литературы къ студентамъ.

А теперь къ вамъ молодые друзья, послѣднее слово.

Учить васъ мы не станемъ; вы на мѣстѣ и лучше насъ видите, что теперь надо дѣлать.

Вы собственно для себя ничего не ищите, и ничего не хотите помимо народныхъ потребностей и движенія народнаго. Мы это знаемъ и видимъ, и потому въ ваше движеніе вѣримъ.

Болѣе подробно Бакунинъ высказался въ обращеніи подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи», гдѣ онъ между прочимъ предопредѣлилъ и дальнѣйшій путь, по которому молодежь должна непосредственно слѣдовать, повторивъ здѣсь положеніе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказанное еще Герценомъ, послѣ студенческихъ арестовъ въ 1861 г. Въ заключеніе своего обращенія Бакунинъ говорилъ:

Нынѣшнее благодушное царствованіе представляетъ замѣчательное сходство съ царствованіемъ добрѣйшаго изъ Романовыхъ, царя Алексѣя Михайловича... Тогда, какъ и теперь, измученный, разграбленный и изнуренный голодомъ, народъ бѣжалъ изъ деревень въ лѣса.

Теперь, какъ и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь, все болѣе ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путемъ, указаннымъ ей Стенькой Разиномъ... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встрѣча, новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россіей казенною.

Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организовавшейся государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ, не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ, и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ, вѣроятно, народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ зато легіонъ безсословной и безыменной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ вотъ залогъ народной свободы.

Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла ужъ въ себя душу народную—она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ, не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами. Вотъ настоящій смыслъ ея нынѣшнихъ, еще невинныхъ движеній, и вотъ почему эти движенія, несмотря на свою видимую незначительность, повергаютъ въ трепетъ весь нашъ сословный, казенный, литераторствующій и правительствующій государственный міръ.

Итакъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченый на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобы пріобрѣсти способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая, несомнѣнно, народится потомъ, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, видимо падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, говоря, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовясь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочій міръ подалъ себѣ руку, въ Европѣ и въ Америкѣ, и во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, васъ, работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ.

Эти мысли Бакунина вполнѣ отвѣтствовали настроеніямъ той части молодежи, которая тоже полагала, что временно съ «наукою» и со студенческими спеціальными вопросами надо пріостановиться, а пора перейти на путь широкаго служенія народу въ его борьбѣ за свободу. Эти его мысли вполнѣ соотвѣтствовали съ «программою революціонныхъ дѣйствій», выработанною Нечаевымъ и найденною при обыскѣ у Волховскаго.

Нечаевъ, принимавшій участіе въ сходкахъ молодежи на частныхъ квартирахъ, именно настоятельно говорилъ, что «студенческое движеніе нужно сдѣлать политическимъ, производящимъ шумъ въ обществѣ, вызвать къ студентамъ сочувствіе. Броженіе среди студентовъ нужно неизмѣнно поддерживать, организуя ихъ въ кружки для осуществленія тенденцій «Народнаго Дѣла». Обращаясь съ своими возраженіями противъ «науки» къ споривщимъ съ нимъ, онъ говорилъ: «революція неизбѣжна и является единственнымъ исходомъ, ибо правительство одной рукой открываетъ школы,

а другой не допускаетъ окончившихъ университетъ къ преподаванію въ нихъ», и далѣе: «ходить въ школу, учиться—ерунда, ибо всѣ развитые люди и самое достиженіе ими развитости есть эксплоатація, такъ какъ развитые неизбѣжно эксплоатируютъ неразвитыхъ». Связывая студенческое движеніе съ революціоннымъ подъемомъ всего русскаго народа, онъ въ своей программѣ утверждалъ: «Мы должны стараться создать возможно большее количество революціонныхъ типовъ, развить въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности революціи, какъ единственнаго средства для достиженія лучшаго порядка вещей, и заботиться объ устройствѣ революціонной организаціи». Соціальная революція для него была конечною цѣлью, революція политическая единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. «Мы должны,—намѣчалъ онъ,—распространять извѣстнаго рода листки въ извѣстномъ духѣ, устраивать сходки и частные протесты, какъ предварительную пробу, какъ практическій пріемъ для выработки революціонныхъ типовъ, наконецъ, какъ средство сближенія между собою какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многочисленныхъ, но разрозненныхъ кружковъ, вербовать людей и образовывать повсемѣстно частные кружки въ томъ направленіи и съ той же единственной цѣлью революціи, устраивать кассы для устройства революціоннаго фонда; стараться вступать въ сношенія съ европейскими революціонными организаціями и поддерживать постоянную связь съ ними». Переводя эти задачи на практическія дѣйствія, Нечаевъ проектировалъ: «До мая (1869 г.) дѣятельность лучшихъ людей должна быть сосредоточена въ Питерѣ и Москвѣ, а также частью и въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ это время долженъ быть подготовленъ и совершенъ протестъ студентовъ какъ университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, за право официальныхъ сходокъ, въ то же время должно быть положено начало пропаганды въ средѣ голытьбы, слѣдовательно образованіе организаціи изъ самой голытьбы. Самая дѣятельность должна быть перенесена въ губернскіе и уѣздные города и сосредоточена главнымъ образомъ въ средѣ разночинцевъ, семинаристовъ и провинціальной голытьбы». Организаціонная дѣятельность въ провинціи должна была занять собою лѣтніе мѣсяцы, а въ октябрѣ онъ проектировалъ общій съѣздъ представителей организацій. Возстаніе же онъ относилъ къ веснѣ 1870 г., «какъ потому, что этотъ годъ поставитъ народу много серьезныхъ и близкихъ вопросовъ, такъ и потому, что, въ случаѣ неудачи возстанія въ центрахъ, лѣтнее время будетъ благопріятствовать сепаративно войнѣ на Волгѣ и по Днѣпру и укрывательству народа цѣлыми массами въ лѣсахъ».

Такимъ образомъ, если молодежь вращалась еще въ кругу общихъ вопросовъ о «наукѣ» и «трудѣ», если Бакунинъ ставилъ вопросы тоже принципіально, то Нечаевъ п е р в ы й изъ русскихъ

революціонеровъ второй половины XIX столѣтія намѣчалъ разрѣшеніе этихъ же вопросовъ чисто практически, при чемъ входилъ въ разработку деталей и организаціи самаго революціоннаго движенія и фактической его постановки. Въ его лицѣ русская революція пріобрѣла крупную фигуру, которая своей дѣятельностью предопредѣлила многіе ея этапы, намѣтила пути ея развитія и вписала въ ея исторію «прологъ». Хотя съ этимъ прологомъ послѣдующіе дѣятели въ томъ же революціонномъ направленіи были несогласны, отъ него даже открещивались и его старательно и конфузливо замалчивали, но теперь, когда мы имѣемъ передъ глазами исторію всего движенія почти за 40 лѣтъ, мы должны согласиться, что именно съ появленіемъ на сценѣ Нечаева русское революціонное движеніе получило практическое осуществленіе и что по своему характеру послѣдніе годы этого сорокалѣтія стоятъ значительно ближе къ его личности, нежели къ тѣмъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ отъ него открещивался. И недаромъ «первомартовецъ» Желябовъ ставилъ себѣ серьезный вопросъ: что выгоднѣе для русскаго революціоннаго движенія—освобожденіе ли изъ Петропавловской крѣпости Нечаева, или «цареубійство 1-го марта?» и, если разрѣшалъ этотъ вопросъ въ пользу послѣдняго положенія, то исключительно подъ давленіемъ того же самаго Нечаева, который въ этомъ кровавомъ историческомъ моментѣ видѣлъ возможность осуществленія своимъ политическимъ и соціальнымъ вожделѣніямъ. Печально спущенный флагъ надъ Зимнимъ дворцомъ въ его глазахъ былъ сигналомъ для той «народной расправы», которую онъ намѣчалъ въ своихъ студенческихъ программахъ, подъ лозунгомъ которой онъ агитировалъ въ Швейцаріи и ради которой онъ вступилъ на путь авантюризма, политической мистификаціи и пролитія неповинной человѣческой крови.

Студенческое движеніе 1868—1869 гг. сыграло въ развитіи революціонныхъ теченій въ Россіи очень важную роль. Мы уже отмѣтили, какое направленіе стремились ему дать Бакунинъ и главнымъ образомъ Нечаевъ. Въ интересахъ нашего историческаго изложенія остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Послѣ университетскихъ безпорядковъ 1861 г. на сцену выступаютъ движенія среди молодежи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—медико-хирургической академіи, технологическомъ институтѣ, нынѣшнемъ лѣсномъ институтѣ, Петровско-Разумовской академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отличительною чертою въ жизни всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній второй половины 60-хъ годовъ является то, что всѣ они приходятъ во взаимную связь другъ съ другомъ, вожаки молодежи сходятся для совѣщаній о нуждахъ всего русскаго студенчества, приходятъ къ заключенію о необходимости привлечь къ движенію столичной молодежи учащихся и въ провинціальныхъ университетахъ, посылаютъ въ провинцію делегатовъ для

возбужденія здѣсь «вопросовъ» и такимъ образомъ устанавливаютъ единство задачъ и дѣйствій всей русской учащейся молодежи, приноравливая эти дѣйствія и къ единству времени. Благодаря этому начинающіеся безпорядки въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи влекутъ за собою отголоски и однородные же безпорядки и въ прочихъ разсадникахъ просвѣщенія, вслѣдствіе чего впослѣдствіи, когда участники безпорядковъ остаются выброшенными за пороги аудиторій, они всѣ являются какъ бы натасканными въ одномъ общемъ направленіи, готовыми къ вступленію въ ряды оппозиціи съ едиными задачами, цѣлями, традиціями и единымъ жизненнымъ формуляромъ, что въ значительной мѣрѣ способствуетъ тѣсному сближенію ихъ между собою и укрѣпленію увѣренности, что дѣятели, напримѣръ, юга всегда пойдутъ объ руку съ дѣятелями центра сѣвера и востока. Тутъ рекомендоваться не приходилось; достаточно было ссылки на исключенность изъ такого-то учебнаго заведенія и по такому-то случаю, чтобы быть принятымъ въ организацію другихъ мѣстностей. Слѣпая политика правительства въ этомъ отношеніи играла рѣшающую почти роль. Система репрессій и мѣръ безъ вдумчиваго разбора категорій виновности толкала исключаемыхъ въ объятія другъ друга и создавала съ каждымъ годомъ все болѣе широкіе и сплоченные кадры революціонныхъ борцовъ. Правительство и его наиболѣе дѣятельные въ эту эпоху представители, какъ, напримѣръ, гр. Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, закрывали на это обстоятельство глаза, не считали нужнымъ въ интересахъ блага страны съ нимъ считаться и разобраться въ разнородныхъ иногда голосахъ, шедшихъ изъ кружковъ молодежи. Ея заявленія, однажды они громко раздавались, заявлялись «скопомъ», одинаково считались преступными, и результаты вездѣ одинаково были печальны, печальны и для молодежи, печальны и для будущаго Россіи, которой такимъ образомъ искусственно и систематически готовились катастрофы и испытанія.

Суммируя мѣропріятія правительства въ этомъ направленіи, С. Г. Сватиковъ въ статьѣ «Студенческое движеніе 1869 года» [1]) отмѣчаетъ на первомъ мѣстѣ результаты занятій особаго высочайше образованнаго комитета подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова «для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Правила эти сводились къ тому, чтобы: а) затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью поставлено было подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ начальствомъ; б) соблюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ поста-

[1]) «Историческій Сборникъ».

новленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; в) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ подъ руководствомъ преподавателей; г) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; д) оставлять на одномъ томъ же курсѣ не болѣе 2 лѣтъ и то не болѣе 2 разъ въ продолженіе всего ученія; е) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; ж) обсудить ближайшимъ начальствомъ, не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначенныхъ на пособія, стипендіи и преміи, предоставлять учащимся достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; з) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и др. взысканія записать инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; и) при зачисленіи постороннихъ слушателей въ студенты и при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе и і) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколѣ или же представлять центральнымъ управленіямъ вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій.

Таковы были средства, намѣченныя комитетомъ для побужденія учащихся къ болѣе серьезнымъ занятіямъ и отвлеченія ихъ отъ политики и общественныхъ вопросовъ. Что касается карательныхъ мѣръ за проступки, то таковыя сведены были къ слѣдующимъ: 1) увольненіе на годъ съ правомъ немедленно поступать въ высшія учебныя заведенія другого города; 2) удаленіе на годъ и на два безъ сего права, и 3) исключеніе съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ не принимать никуда, и затѣмъ не иначе, какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства, рѣшившагося на пріемъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемаго или отдѣльно, или совокупно съ другимъ взысканіемъ. Разсматривая всѣ эти и еще другія, болѣе частныя репрессивныя мѣропріятія, г. Сватиковъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «Установившаяся съ 1869 г. практика ссылать административнымъ порядкомъ всѣхъ замѣшанныхъ въ студенческомъ движеніи, а также преграды, воздвигнутыя графомъ Толстымъ, для возвращенія въ учебныя заведенія студентамъ, однажды оттуда исключеннымъ, принесли неожиданные для правительства результаты. Уже въ 1882 г. въ одной изъ безчисленныхъ комиссій по поводу студенческихъ безпорядковъ тогдашній директоръ департамента полиціи, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ положеніе уволенныхъ изъ университета за безпорядки студен-

товъ: «Эти уволенные,—писалъ Плеве,—являютъ собою главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, при чемъ подвергшіеся административной ссылкѣ уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если снова успѣютъ проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ». По заявленію того же Плеве, «судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, происходившіе въ 1861 году, подготовили каракозовцевъ, а безпорядки 1869 года и послѣдующихъ лѣтъ—тѣхъ лицъ, которыя судились по такъ называемому процессу 193-хъ». Подтверждая слова Плеве фактами, г. Сватиковъ указываетъ изъ участниковъ «исторіи» 1869 года на З. Ралли, сыгравшаго видную роль въ русскомъ анархическомъ движеніи за границею, на С. Чудновскаго, участника безпорядковъ въ 1872 году въ одесскомъ университетѣ, привлеченнаго затѣмъ по процессу 193-хъ, на Кадьяна, арестованнаго въ 1877 году въ Самарѣ, на Л. Гольденберга и др., не говоря уже о тѣхъ лицахъ, которыя были привлечены къ такъ называемому «нечаевскому» процессу.

Карательныя мѣропріятія правительства, такимъ образомъ, и по мнѣнію г. Сватикова и по отзыву покойнаго Плеве, дали исключительно отрицательные результаты, а рядомъ съ ними какихъ-либо мѣропріятій положительнаго характера и творческаго начала мы не встрѣчаемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ не такъ трудно было изыскать, ибо въ этомъ отношеніи молодежь довольно опредѣленно высказала свои пожеланія, изъ которыхъ если не всѣ, то во всякомъ случаѣ нѣкоторыя безусловно подлежали законному удовлетворенію, что повлекло бы за собою, съ одной стороны, значительное успокоеніе учащейся массы, а съ другой — разобщеніе ея съ вожаками революціи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ отмѣтить вопросъ о матеріальномъ бытѣ студенчества, который и сыгралъ въ движеніи 1868—1869 гг. такую выдающуюся роль, а также вопросъ о тѣхъ или иныхъ корпоративныхъ организаціяхъ.

«Каракозовскій выстрѣлъ» и послѣдовавшій за нимъ процессъ, а также разгромъ Ишутинскаго кружка внесли въ начавшееся тогда дѣло организаціи кружковъ самопомощи и самообразованія значительное разстройство. Многіе кружки по необходимости ликвидировались, но само организаціонное движеніе не прекратилось, и тенденція такъ или иначе сплотиться въ интересахъ какъ матеріальныхъ, такъ и общественно-политическаго характера не прекратилась. Къ исходу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ значеніе этихъ кружковъ значительно возросло, и отсюда главнѣйшимъ образомъ вышли тѣ дѣятели нашей революціи, которымъ суждено было сыграть впослѣдствіи видную роль. Тогдашняя кружковщина, о которой подробнѣе будетъ рѣчь далѣе, была фундаментомъ послѣдующихъ революціонныхъ надстроекъ и наслоеній; что же касается состава кружковъ, то главнымъ образомъ они пополнялись изъ кадровъ высшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній, какъ равно и элементовъ, уволенныхъ изъ этихъ заведеній. Сюда же понемногу начинаетъ проникать и женскій элементъ преимущественно изъ числа тѣмъ дамъ и дѣвушекъ, которыя являлись дѣятельницами и сторонницами такъ называемаго «женскаго вопроса» съ его требованіями равноправности и эмансипаціи. Вспоминая тѣ годы, С. Л. Чудновскій въ своихъ очеркахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» [1]) говоритъ: «Съ октября 1868 года началось сильное броженіе въ средѣ петербургскаго студенчества. Оно начало группироваться по кружкамъ, все чаще и чаще стало устраивать сходки, на которыхъ на первыхъ порахъ обсуждались чисто-студенческія дѣла, а затѣмъ и вопросы болѣе широкаго и глубокаго общественнаго значенія. Правильнѣе говоря, въ петербургскомъ студенчествѣ, въ общемъ взятомъ, тогда проявились два теченія: одно—«умѣренное», другое—«радикальное». На сходкахъ «умѣренныхъ» студентовъ почти исключительно трактовались вопросы студенческой академической жизни,—сюда лишь отъ времени до времени диссонансъ вносили студенты-«радикалы», на сходки являвшіеся съ опредѣленной цѣлью: придать имъ по возможности болѣе широкій общественный характеръ. Мнѣ лично на сходкахъ умѣренныхъ бывать не приходилось; но мнѣ извѣстно, что главными ораторами и, такъ сказать, лидерами на этихъ сходкахъ являлись студенты Езерскій, Литвиновъ, Шрагъ, Бойдаковскій и др. На сходкахъ «радикаловъ», въ которыхъ мнѣ пришлось принять весьма дѣятельное участіе, вопросы студенческой жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выдвигались лишь какъ ширма и прикрытіе для большинства «свѣженькихъ» студентовъ, не ознакомившихся еще съ болѣе широкими теченіями и задачами нашей общественной жизни. На этихъ сходкахъ въ роли вожаковъ выступали студенты Ралли, Алчуницынъ, Ко-

[1]) «Былое», 1907 г., № 9.

ринѳскій и др., за кулисами же, по упорно державшейся молвѣ, это теченіе, какъ и вообще все студенческое движеніе, направлялось народнымъ учителемъ Нечаевымъ, лично появлявшимся на менѣе многочисленныхъ и болѣе интимныхъ собраніяхъ.

«На этихъ-то сходкахъ, безпрерывно слѣдовавшихъ одна за другой, мнѣ уже въ то время впервые пришлось натолкнуться на популярный и почти всеобщій лозунгъ «въ народъ!» Этотъ лозунгъ сдѣлался обязательнымъ предметомъ весьма горячихъ и упорныхъ споровъ... На многолюдныхъ сходкахъ, на которыя собиралось по нѣсколько сотъ человѣкъ, и, въ особенности, на сходкахъ «умѣренныхъ» старались держаться по возможности исключительно студенческихъ вопросовъ и студенческихъ дѣлъ: здѣсь трактовалось о необходимости всячески добиваться права на учрежденіе студенческихъ кассъ, студенческихъ библіотекъ, студенческихъ кухмистерскихъ и т. п. На сходкахъ «радикаловъ» чисто-студенческіе интересы отодвигались на задній планъ,—на первый же планъ выдвигалась агитація въ пользу обязательности работы въ народѣ и съ народомъ. Здѣсь вопросъ: «наука или трудъ», послѣ продолжительныхъ и горячихъ обсужденій, ставился даже на баллотировку, и, увы! въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ громаднѣйшее большинство присутствовавшихъ высказалось за «трудъ» и противъ «науки»,—конечно, въ предѣлахъ данной минуты и данныхъ отношеній. Это было очень незрѣло, очень узко, но... но все же какія это были святыя минуты, какой энтузіазмъ охватывалъ обыкновенно при этомъ всѣхъ участниковъ сходки! Глаза горѣли юношескимъ огнемъ, рѣчи лились страстныя, вдохновенныя, искреннія, убѣжденныя, спорили въ душной, тѣсной комнатѣ, переполненой клубами табачнаго дыма, спорили до хрипоты, до потери сознанія... И я обязанъ замѣтить, что уже и въ это раннее время лозунгъ «въ народъ!» не остался на одной исключительно теоретической почвѣ: нѣсколько студентовъ... бросили учебныя заведенія, и, поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ мастерскихъ, разбрелись изъ Петербурга по глухимъ угламъ безпредѣльной деревенской Россіи съ страстнымъ желаніемъ послужить своей родинѣ и своему народу...

«Въ то время во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ отчетливо выдвинуть былъ уже на сцену русской жизни такъ называемый «женскій вопросъ». Русскія дѣвушки страстно стали добиваться обще-человѣческихъ правъ, они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы получить доступъ въ высшія учебныя заведенія. Нѣкоторыя (Суслова, Козлова и друг.) находились уже въ заграничныхъ университетахъ, нѣкоторыя (хотя и очень немногія) посѣщали лекціи профессоровъ медицинской академіи: Грубера, Бородина, Зинина, Хлѣбникова,—одна, Кашеварова (по мужу Руднева), благодаря исключительнымъ условіямъ, даже официально была принята въ м.-х. академію и уже тогда

оканчивала курсъ. А такъ какъ большинство этихъ дѣвушекъ отнюдь не меньше своихъ товарищей студентовъ интересовались окружающей жизнью, то естественно, что и на студенческихъ сходкахъ (и, преимущественно, на сходкахъ «радикаловъ») появлялись тогда и дѣвушки, принимавшія въ нихъ весьма живое участіе (припоминаются мнѣ: Дементьева, Томилова, Святская, сестра Нечаева, Баршева и др.). Словомъ, петербургское студенчество переживало тогда крайне напряженное нервное состояніе; оно волновалось, кипѣло, горѣло. Сходка слѣдовала за сходкой. Выпадали дни, въ теченіе которыхъ мнѣ приходилось бывать на двухъ-трехъ сходкахъ, созывавшихся въ разныхъ частяхъ города—на Петербургской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ Измайловскомъ полку...»

Немалую роль въ студенческихъ движеніяхъ Петербурга, кромѣ поименованныхъ г. Чудновскимъ лицъ, играли также братья Покровскіе (медики), В. И. Ковалевскій (лѣсникъ), впослѣдствіи товарищъ министра финансовъ, Енишерловъ (технологъ). Атмосфера для проявленія студентами оппозиціи была въ тотъ періодъ достаточно насыщенною, и нужны были только хоть маленькіе поводы, чтобы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній вспыхнули безпорядки. Таковые и открылись сначала въ медико-хирургической академіи, гдѣ инспекторъ Смирновъ пытался ввести начала военной дисциплины; начались стычки съ начальствомъ, манифестаціи въ стѣнахъ академіи, сходки, послѣ чего послѣдовали аресты, исключенія, административныя высылки и, наконецъ, временное закрытіе самой академіи (15 марта 1869 г.). «Все петербургское студенчество было взволновано событіями въ академіи,—повѣствуетъ въ своей статьѣ «Студенческое движеніе въ 1869 году» г. Сватиковъ.—Многіе изъ студентовъ бывали на сходкахъ въ академіи, принимали въ нихъ участіе, и запрещеніе сходокъ въ единственномъ учебномъ заведеніи, гдѣ онѣ были дозволены, сильно подѣйствовало на студентовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ студенчество рѣзко дѣлилось на двѣ группы, изъ которыхъ одна, представлявшая меньшинство, стояла за манифестацію въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью требовать студенческихъ вольностей (какъ сходокъ и т. п.), а другая, руководимая Езерскимъ, стояла за сохраненіе второй организаціи студенчества по кружкамъ и противъ заявленія коллективныхъ требованій, которыя останутся безрезультатными и повлекутъ лишь увольненія и ссылки. Теперь, послѣ вмѣшательства полиціи, послѣ закрытія академіи, ареста товарищей и нелѣпыхъ распоряженій полиціи [1]), настроеніе студенчества рѣзко

[1]) Къ числу таковыхъ распоряженій должно быть отнесено, между прочимъ, и распоряженіе полиціи, чтобы въ частныхъ кухмистерскихъ, въ предотвращеніе студенческихъ сходокъ, не позволялось обѣдать за одинъ разъ болѣе какъ двумъ студентамъ. Не позволялось пускать на территорію академіи даже больныхъ—въ амбулаторіи, и родственниковъ больныхъ—въ клиники. Не позволялось въ комнатахъ, занимаемыхъ студентами, ночевать ихъ товарищамъ, знакомымъ и родственникамъ.
Б. Г.

склонилось влѣво, безпорядки перебросились на другія высшія учебныя заведенія. Это проявленіе студенческой солидарности было новой чертой въ студенческомъ движеніи: въ 1861 г. молодежь протестовала одновременно противъ равно для всѣхъ тяжелыхъ условій; теперь (1869 г.) студенчество вступило въ борьбу съ сознательной цѣлью объединеннаго протеста».

19 марта вспыхнули безпорядки въ технологическомъ институтѣ, и на слѣдующій день въ университетѣ. Вездѣ картины были одинаковы: студенты требовали принятія отъ нихъ коллективныхъ заявленій, гдѣ излагались ихъ преимущественно экономическія требованія (о кассахъ, кухмистерскихъ) и требовалось право сходокъ; начальство этихъ заявленій не принимало, назначало судъ надъ наиболѣе горячими представителями волнующейся молодежи, ихъ исключали, заключали въ тюрьмы и затѣмъ административнымъ порядкомъ высылали изъ столицы. Во время этихъ безпорядковъ по рукамъ ходили сначала рукописныя прокламаціи, авторомъ которыхъ былъ преимущественно технологъ Енишерловъ, а затѣмъ появилась и печатная прокламація подъ заглавіемъ «Къ обществу», составленная Ткачевымъ и отпечатанная Дементьевой въ типографіи, пріобрѣтенной отъ медика Серебренникова. Послѣдняя прокламація особенно встревожила III Отдѣленіе, такъ какъ показала, что въ Петербургѣ, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, снова появились подпольныя типографіи съ назначеніемъ служить орудіемъ политической пропаганды.

Енишерловъ въ своей прокламаціи говорилъ: «Мы просили, чтобы намъ дали возможность выйти изъ нашего положенія легальными путями; намъ не дали этой возможности, не дали этого выхода; насъ за это преслѣдуютъ и ссылаютъ. Чего же отъ насъ хотятъ? Не того ли, чтобы мы обратились къ путямъ незаконнымъ? Или, быть можетъ, намъ не вѣрятъ, когда мы говоримъ, что положеніе наше невыносимо.

«Но войдите же, вникните, всмотритесь поглубже и безъ предубѣжденій въ окружающія насъ обстоятельства, и вы увидите все, о чемъ мы говоримъ. Мы хотимъ учиться, а у насъ отнимаютъ къ тому всякую возможность! Лучшихъ профессоровъ нашихъ преслѣдуютъ, гонятъ, и мы не можемъ пальцемъ шевельнуть въ ихъ защиту! Студентъ хотѣлъ бы все свое время отдать наукѣ, а между тѣмъ дѣятельность его поневолѣ раздваивается: онъ долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ!..

«Для того, чтобы получить стипендію, нужны хорошіе баллы, а имѣть ихъ невозможно при тратѣ времени на добываніе хлѣба. Мы безъ гроша денегъ приходимъ нерѣдко за 200, 300, за 1,000 верстъ (есть студенты, пришедшіе пѣшкомъ съ Кавказа).

«Все это хорошо, скажутъ намъ, но зачѣмъ все-таки шумѣть?.. Развѣ нельзя объясняться съ начальствомъ тихо, вѣжливо, не всѣмъ вдругъ? Мы воспользуемся этимъ предполагаемымъ замѣчаніемъ,

чтобы еще разъ поставить на видъ обществу безвыходное положеніе студентовъ. Если объясняется съ начальствомъ одинъ, а прочіе молчатъ, этотъ одинъ необходимо принимается за зачинщика и подстрекателя; итакъ, поневолѣ приходится говорить изъ толпы нѣсколькимъ вдругъ. Но тогда говорятъ, что студенты шумятъ, и преслѣдуютъ ихъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія. Та же исторія и съ прошеніями: коллективныя прошенія воспрещены, а одиночныя объ удовлетвореніи потребностей всѣхъ студентовъ, не исключительно личныхъ, принимаются обыкновенно за подстрекательство товарищей къ безпокойству, за желаніе заниматься общественными дѣлами, вмѣсто того, чтобы учиться.

«Какъ же быть?! Какъ быть?! Мы надѣемся, что общество отвѣтитъ намъ на это, не осудивъ нашихъ поступковъ, какъ это сдѣлала пресса; мы надѣемся, что когда высылаемые «на мѣсто осѣдлости» встрѣтятся съ нашими отцами, матерями и нашими родными и знакомыми, то они не спросятъ насъ: чего намъ нужно? и зачѣмъ мы явились?—но примутъ какъ дѣтей, не утратившихъ ихъ чести».

Что касается прокламаціи «Къ обществу», то она-то и послужила въ значительной мѣрѣ тою нитью, которая помогла III Отдѣленію добраться до «нечаевцевъ» и создать процессъ, о которомъ будетъ говорено далѣе. Что же касается заявленій «академистовъ», т.-е. лицъ, создавшихъ въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки около вопросовъ чисто-студенческаго обихода, то большинство изъ нихъ было уволено изъ учебныхъ заведеній (до 100 человѣкъ), арестовано и выслано на родину, гдѣ нѣкоторые и пробыли въ административной ссылкѣ нѣсколько лѣтъ. Любопытно отмѣтить, что столичное студенчество, поднявшееся для заявленія своихъ требованій, сдѣлало попытку создать безпорядки и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ, но на этотъ разъ послѣдніе не отозвались на движеніе своихъ столичныхъ товарищей. Изъ Петербурга, по постановленію общей студенческой сходки, были делегированы въ Москву Ралли, Никифоровъ, Мгебровъ и В. Ковалевскій, которые и вошли въ сношенія съ здѣшними учащимися, какъ универсантами, такъ и петровско-разумовцами, но сочувствія они здѣсь не встрѣтили, отчасти потому, что у послѣднихъ, напримѣръ, существовали тѣ вспомогательныя учрежденія, о которыхъ хлопотали петербуржцы, отчасти и потому, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ московскихъ вліятельныхъ студентовъ (П. Успенскаго, Ф. Волховскаго), студенческое движеніе въ этотъ періодъ могло повести только къ общей реакціи; они говорили, что реакціонные элементы воспользуются студенческимъ движеніемъ, чтобы представить молодежь желающей во что бы то ни стало шумѣть и манифестировать. Въ интересахъ проведенія своей идеи Волховскій ѣздилъ даже въ Петербургъ, но здѣсь движенія уже задержать не было возможности, и событія шли своимъ порядкомъ. Не имѣли успѣха и прокламаціи Енишерлова, посланныя въ Харьковъ,

все оставалось спокойнымъ въ Одессѣ, Кіевѣ и Казани, несмотря на попытки поднять здѣшнее студенчество. Провинція оказалась еще не готовою. Этою подготовкою съ значительнымъ элементомъ въ ней политики занялись исключенные изъ столичныхъ заведеній студенты и принятые теперь въ провинціальные университеты. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ воспоминаніяхъ Дебогорія-Мокріевича, указывающаго, что столичные пріѣзжіе (Н. Судзиловскій, будущій видный революціонеръ) значительно оживили мѣстные кружки. Кухмистерская заняла центральное положеніе среди студенческихъ учрежденій; здѣсь происходили дебаты по интересовавшимъ студенчество вопросамъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, стоялъ и еврейскій вопросъ, уже тогда начавшій проявлять свою остроту.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, какъ оно рисуется второй половиной шестидесятыхъ годовъ, принимаютъ главнымъ образомъ участіе представители столичной учащейся молодежи, при чемъ послѣдняя на зарѣ своего выступленія не руководится сначала политическими мотивами, а скорѣе даже склонна держаться интересовъ исключительно домашняго свойства. Но, вышвырнутые за пороги храмовъ науки, они быстро переходятъ въ ряды политическихъ борцовъ и являются въ провинціи распространителями непримиримой революціонной тенденціи. Плеве впослѣдствіи справедливо утверждалъ, что безпорядки 1869 г. были преддверіемъ процесса 193-хъ.

Хотя тѣ домашнія студенческія дѣла, о которыхъ у насъ выше шла рѣчь, и были преимущественно дѣлами аполитичными, но и въ нихъ внимательный читатель найдетъ нѣкоторые нюансы политики. Стремленіе стать на защиту обижаемыхъ профессоровъ выходитъ уже за предѣлы чисто домашнихъ студенческихъ дѣлъ. Что же касается прокламаціи «Къ обществу», то таковая уже явно содержитъ въ себѣ политическое конспиративное происхожденіе и являлась актомъ въ глазахъ администраціи крайне опаснаго характера. И дѣйствительно, эта прокламація вышла изъ того круга молодежи, которая въ видѣ щита если и выставляла академическія дезидеріи, но по существу дѣла стремилась къ осуществленію иныхъ заданій. Мы уже отмѣтили выше, что по общераспространенному уже тогда убѣжденію этотъ кругъ людей подвигался въ своихъ дѣствіяхъ и поступкахъ С. Г. Нечаевымъ, тогда учителемъ Сергіевскаго приходскаго училища и числившимся вольнослушателемъ петербургскаго университета.

Мѣщанинъ города Шуи, онъ былъ близко знакомъ съ нуждами народной жизни, и подобно многимъ нашимъ народникамъ-беллетристамъ, прекрасно понималъ, что реформированный съ 19 февраля 1861 г. народный строй мало несетъ за собою утѣшительнаго для будущаго крестьянскаго и ремесленнаго класса. Близость къ Ишутин-

скому кружку, слышанныя имъ рѣчи въ каракозовскомъ обществѣ убѣдили его въ необходимости отдаться всецѣло служенію народнымъ интересамъ въ духѣ той литературы, которой онъ напитался среди своихъ новыхъ друзей и учителей. Буонаротти, участникъ заговора Бабефа, сообщившій данныя объ этомъ заговорѣ и объ его идейномъ содержаніи, гдѣ на первомъ планѣ выдвигалась необходимость уничтожить насильственнымъ путемъ «возмутительное различіе между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, господами и слугами, между правителями и управляемыми»; Карлейль съ его картинами изъ исторіи героевъ и толпы; Рошфоръ съ его радикальнымъ журналомъ «Lanterne»; исторія декабристовъ, какъ она тогда изложена была въ изданіяхъ Герцена, исторія петрашевцевъ—вотъ тѣ историко-литературные матеріалы, на которыхъ онъ цѣликомъ воспитался, какъ въ Москвѣ, въ кружкѣ ишутинцевъ, такъ и въ Петербургѣ, въ кружкѣ Ралли, въ который онъ вскорѣ по прибытіи въ сѣверную столицу вмѣстѣ съ своею сестрою и попалъ. Черезъ Ралли онъ проникъ въ среду учащихся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, черезъ сестру онъ сошелся съ представительницами «женскаго вопроса». И тѣ и другія сферы показались ему подходящими для приложенія къ нимъ своихъ излюбленныхъ идей, и онъ рѣшается занять здѣсь твердое авторитетное положеніе, которое бы позволило ему стать истиннымъ вдохновителемъ и руководителемъ тѣхъ движеній въ средѣ молодежи, о которыхъ было уже говорено выше.

Онъ прямо категорически заявилъ, ознакомившись съ дѣятельностью академистовъ: «Всякій честный человѣкъ долженъ бросить ученье и итти въ народъ, чтобы быть ему полезнымъ; развитія для этого не нужно; нужно только желаніе помочь народу, потому что есть люди болѣе развитые, которые уже будутъ управлять дѣйствіями менѣе развитыхъ». Поднявши студентовъ, онъ черезъ ихъ посредство надѣялся поднять и народъ, который и будетъ въ своей программѣ дѣйствій руководиться указаніями революціонной разночинной интеллигенціи, порвавшей съ своимъ привилегированнымъ прошлымъ и посвятившей себя всецѣло служенію народнымъ интересамъ.

Студенческое движеніе и организація кружковщины начались и развились внѣ вліянія Нечаева, но именно онъ поставилъ рѣшительною и непреклонною цѣлью придачу имъ исключительно политической окраски. Для того, чтобы овладѣть умами нервно-настроенной молодежи, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ нити движенія, для этого нужна была широкая популярность, авторитетность, «имя», а этого-то у Нечаева, какъ новаго человѣка въ столицѣ, не было, ихъ надо было создать, упрочить и распространить въ широкихъ массахъ. Кромѣ того, Нечаевъ—человѣкъ желѣзной воли, всепоглощающей энергіи—хорошо понималъ психологію

толпы: ее надо поразить чѣмъ-нибудь, дабы стать ея властителемъ, ея героемъ. Къ этому онъ и началъ сводить свои дѣйствія.

Въ первое время ему не удавалось направить студенческія сходки въ то политическое русло, которое онъ имъ предназначалъ. Молодежь дѣйствовала вразбродъ, и только впослѣдствіи (1869 г.), послѣ репрессивныхъ мѣропріятій администраціи дѣло стало налаживаться. Но къ началу 1869 г. Нечаевъ оставался довольно одинокимъ, несмотря даже на сочувствіе къ нему небольшихъ политически настроенныхъ группъ. Тогда онъ рѣшается добыть себѣ благословеніе династіи «Колокола», т.-е. ѣхать за границу для сближенія съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ, но прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, онъ намѣчаетъ оставить среди своихъ столичныхъ поклонниковъ и знакомыхъ по себѣ память мученика за правду.

Въ концѣ января 1869 года, когда сходки были уже въ разгарѣ, когда полиція стала ихъ уже накрывать (напримѣръ, на Фурштатской улицѣ), Нечаевъ зашелъ однажды утромъ къ сестрѣ, жившей у Томиловой, и сказалъ, что идетъ по приглашенію начальника секретнаго отдѣленія объяснится по поводу накрытой сходки... Въ этотъ же день вечеромъ онъ снова пришелъ крайне разстроенный и заявилъ, что его отпустили на поруки директора его училища, но съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день онъ снова явился въ секретное отдѣленіе, при этомъ онъ предупредилъ, что, вѣроятно, будетъ арестованъ. То же онъ сказалъ и Аметистову, уходя изъ своей квартиры. И дѣйствительно исчезъ. На слѣдующій день къ Томиловой прибѣжала дѣвочка-подростокъ Вѣра Засуличъ и принесла имъ записку, полученную по городской почтѣ. Здѣсь значилось: «Идя по мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ, изъ нея выбросили мнѣ клочокъ бумаги, и я узналъ голосъ дорогого для меня человѣка: если вы честный человѣкъ, доставьте, это я спѣшу исполнить, и въ свою очередь, прошу васъ, какъ честныхъ людей, сію минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку». Подписано: «Студентъ». При этой запискѣ приложена другая, отъ Нечаева, написанная краснымъ карандашомъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержанія: «Меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ. Дастъ Богъ—свидимся».

Испуганныя Нечаева и Томилова немедленно отправились по всевозможнымъ тюремнымъ, административнымъ и полицейскимъ инстанціямъ за поисками мѣстонахожденія арестованнаго; всюду онѣ получали отвѣтъ, что разыскиваемаго здѣсь не имѣется. Не оказалось его и въ Петропавловской крѣпости, ни въ комендантскомъ управленіи. Вскорѣ засимъ среди молодежи распространился слухъ, что Нечаеву при допросѣ въ крѣпости посчастливилось убѣжать черезъ отхожее мѣсто, переодѣвшись въ военную

шинель. Легенда была такимъ образомъ пущена въ ходъ, и учитель Сергіевскаго училища сдѣлался героемъ, имя котораго стало произноситься съ почтеніемъ и преклоненіемъ. Скоро, однако, слѣдъ его нашелся: онъ объявился въ февралѣ въ Москвѣ у Орлова, которому также сочинилъ, что бѣжалъ изъ крѣпости. Взявъ у послѣдняго паспортъ для поѣздки за границу, онъ первоначально отправился въ Одессу, но оттуда скоро вернулся съ новымъ повѣствованіемъ о своихъ похожденіяхъ. Его, якобы, арестовали въ Одессѣ, но ему снова удалось бѣжать; 50 верстъ онъ шелъ пѣшкомъ, затѣмъ ѣхалъ съ чумаками, пока, наконецъ, добрался до Москвы. Здѣсь онъ забралъ паспортъ Николаева и уже легальнымъ путемъ, но подъ чужимъ именемъ дѣйствительно поѣхалъ за границу для ознакомленія съ дѣятелями «Колокола», поручивъ Орлову въ свое отсутствіе всѣми силами и мѣрами поддерживать броженіе среди студентовъ.

Упрочивъ свое политическое положеніе на родинѣ, создавъ около своего имени ореолъ мученичества за революціонную идею, Нечаевъ уже смѣло предсталъ передъ лицомъ знаменитыхъ эмигрантовъ и вступилъ въ качествѣ человѣка съ громкимъ прошлымъ въ среду молодыхъ соотечественниковъ, въ достаточномъ количествѣ къ тому времени наводнявшихъ Швейцарію.

XVI.

Герценъ, Бакунинъ и Огаревъ въ ихъ отношеніяхъ къ Нечаеву.—Прокламація Нечаева «студентамъ университета, академіи и технологическаго института».—Программа организаціи «Народной расправы».—Возвращеніе Нечаева въ Москву.—«Катехизисъ революціонера» и организація «пятерки».—Составъ «пятерки».—Конспиративныя замашки Нечаева.—Убійство студента Иванова въ паркѣ при Петровско-Разумовской академіи.—Раскрытіе преступленія и судъ надъ «нечаевцами».

Герценъ, какъ намъ уже извѣстно, встрѣтилъ пріѣзжаго недружелюбно, почувствовавъ къ нему сразу глубочайшую антипатію, но въ душу Бакунина Нечаеву удалось ловко влѣзть, и знаменитый «апостолъ анархіи» положительно въ него влюбился, началъ имъ гордиться, усматривая въ немъ истиннаго представителя пролетаріата, вѣрнаго сына озлобленной разночинной интеллигенціи, за которой, по его мнѣнію, истинное будущее. Даже впослѣдствіи, когда онъ съ нимъ разошелся и потерпѣлъ изъ-за него, онъ все же такъ его характеризовалъ [1]): «Нечаевъ—одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же безпощаднымъ къ себѣ, какъ и

[1]) «Письма Бакунина», изд. Врублевскаго.

ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло къ нему... Онъ не мошенникъ—это неправда! Это фанатикъ преданный, но въ тоже время очень опасный... способъ дѣйствій его отвратительный... Онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять за основу политику Макіавелли и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла—насиліе, для души—одна ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи и рѣдко встрѣчаешь ее столь развитую, какъ у него».

Нечаевъ успѣлъ совершенно загипнотизировать довѣрчиваго и добродушнаго Бакунина, увѣривъ его, что студенческое движеніе это начало огромнаго соціальнаго пожара, который долженъ охватить всю Россію, уже къ тому достаточно подготовленную; онъ сумѣлъ вселить въ него полную вѣру, что это именно онъ, Нечаевъ, создатель и руководитель студенческаго политическаго движенія, что фитиль къ пороху, долженствующему взорвать наше отечество, покоится именно въ его рукѣ, раздулъ въ его глазахъ свои фантастическія злоключенія съ арестами и выставилъ себя въ глазахъ знаменитаго бунтаря настоящимъ героемъ-демагогомъ, которому повинуются интеллигенція и народъ. Очарованіе Бакунина Нечаевымъ было настолько велико, что онъ убѣдилъ даже Огарева посвятить именно ему написанное имъ стихотвореніе «Студентъ». Огаревъ согласился въ интересахъ революціоннаго дѣла, и популярное стихотвореніе было посвящено будущему создателю «народной расправы». Вотъ это стихотвореніе, которое, подписанное именемъ знаменитаго эмигранта-поэта, Нечаевъ впослѣдствіи у себя на родинѣ, по возвращеніи туда, ловко использовалъ, какъ наилучшую себѣ аттестацію со стороны династіи «Колокола».

«СТУДЕНТЪ».

Молодому другу Нечаеву.

Онъ родился въ бѣдной долѣ,
Онъ учился въ бѣдной школѣ,
Но въ живомъ трудѣ науки
Юныхъ лѣтъ онъ вынесъ муки.
Въ жизни стала годъ отъ году
Крѣпче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.
И, гонимый местью царской
И боязнію боярской,
Онъ пустился на скитанье,
На народное возстанье,
Кликнуть кличъ по всѣмъ крестьянамъ
Отъ востока до заката:

Собирайтесь дружнымъ станомъ,
Станьте смѣло братъ за брата—
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ —
Въ снѣжныхъ каторгахъ Сибири,
Но до тла нелицемѣренъ—
Онъ борьбѣ остался вѣренъ,—
До послѣдняго дыханья
Говорилъ среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Разузнавъ обстоятельно про наличность у Герцена такъ называемаго «общаго фонда», Нечаевъ, понимая, что въ дѣлѣ революціонныхъ организацій деньги, какъ и на войнѣ, играютъ рѣшающую роль и, кромѣ того, несомнѣнно, желая развязать себѣ руки, нужныя ему для пропаганды, а не для черной трудовой работы, успѣлъ черезъ посредство Бакунина и Огарева присвоить себѣ этотъ «общій фондъ». Герценъ съ болью въ сердцѣ и съ отвращеніемъ уступилъ настояніямъ друзей и далъ возможность Нечаеву торжествовать. Подчинивъ себѣ, такимъ образомъ, въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ «династію», побудивъ Бакунина откликнуться извѣстнымъ уже воззваніемъ «Къ молодымъ братьямъ въ Россіи» на студенческое движеніе, онъ и самъ лично не отказался изъ своего далека поддать жару этому движенію, для чего и разослалъ ко всѣмъ своимъ столичнымъ знакомымъ длинную прокламацію-письмо, чрезвычайно характерную для обрисовки взглядовъ Нечаева, взглядовъ, которые до извѣстной степени были положены имъ въ основаніе организаціи «народной расправы».

Въ этой прокламаціи, адресованной «студентамъ университета, академіи и технологическаго института», онъ писалъ:

«Выбравшись, благодаря счастливой удачѣ, изъ промерзлыхъ стѣнъ Петропавловской крѣпости, на зло темной силѣ, которая меня туда бросила, шлю вамъ, мои дорогіе товарищи, эти строки изъ чужой земли, на которой не перестану работать во имя великаго, связывающаго насъ дѣла. Пусть удачнѣе продолжается то, что начато вмѣстѣ; пусть, наученные опытомъ, вы не будете тратить напрасно силъ и времени для того, чтобы урезонивать тѣхъ, которые по своему положенію могутъ быть только тормозами всякаго благого начинанія. Баричи, понимающіе, что они, какъ и все барство, коренятся на разрозненности и раздѣлимости русской силы, будутъ всегда противъ всякаго сплоченія. Вы будете крѣпки, друзья, когда очиститесь отъ этой сволочи, разжирѣвшей отъ сытыхъ блюдъ, составленыхъ изъ крохъ, что вырваны изъ мужичьихъ рукъ. Вы будете крѣпки, когда порвете съ ними всякія сношенія, когда будете считать оскверненіемъ подачу руки этимъ противникамъ всѣхъ свѣтлыхъ проявленій, позорящихъ студенчество. Не имѣя настолько храбрости, чтобы явно стать въ оппозицію съ вами и итти со своими отцами Треповыми, они всегда будутъ лгать, прикрываться маской дешеваго

либерализма и во имя туманнаго неопредѣленнаго будущаго топтать то, что начинаетъ зарождаться въ настоящемъ».

Обрисовавъ далѣе картину студенческаго движенія, онъ продолжалъ: «Разбредясь по своимъ каморкамъ, думали мы о хлѣбѣ—главная тема для размышленій, съ которою тѣсно связано все наше міросозерцаніе.

Не роскошь и не мишура жизненныхъ декорацій виднѣлась намъ: передъ нами вставали обратныя стороны—грязные подмостки театра жизни, на которыхъ мы видѣли изможденнаго, забитаго мужика, надрывая грудь, перетаскивающаго кулисы и безсознательно производящаго тѣмъ же превращенія, что вызываютъ столько удовольствія у блестящей сволочи, разсѣвшейся на дорогихъ мѣстахъ. Тысячи исхудалыхъ, оборванныхъ, обворованныхъ приходили намъ на память, въ нихъ узнали мы отцовъ и близкихъ. Всѣ они изнемогаютъ въ борьбѣ съ чѣмъ-то, тщетно призывая на помощь; они ведутъ эту борьбу слѣпо, тратятъ силы безплодно, не видя врага, который ихъ давитъ. Мы, дѣти этихъ тружениковъ, видимъ причины зла; для насъ такъ ясно видна эта темная сила, заманивающая насъ къ себѣ на служеніе выставкой роскоши и блеска. Продадимъ ли себя, какъ было доселѣ?

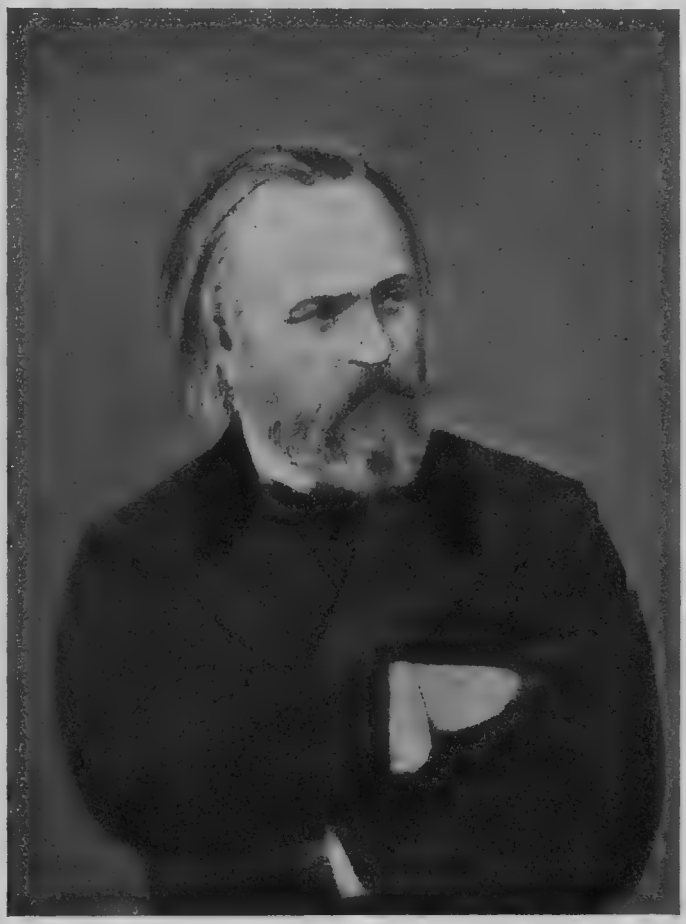
«Развивъ наши мозги на деньги народа, вскормленные хлѣбомъ, забраннымъ съ его поля, станемъ ли мы попрежнему въ ряды его гонителей? «Нѣтъ,—говорили мы.—Пусть отнынѣ задачей студента не будетъ дипломъ, не будетъ казенное теплое мѣсто, а жизнь среди народа и борьба за его интересы... И пусть именемъ подлеца будетъ заклейменъ отъ товарищей каждый измѣнившій этому правилу!...»

Первой потребностью, необходимой для насъ теперь, оказались сходки; мы рѣшились добиваться ихъ. «Нужно сплотиться!» крикнули смѣлыя головы въ одной изъ аудиторій въ послѣдній день передъ рождественскими праздниками... И было подхвачено это слово, давножданное свѣжими силами, и заволновалась университетская молодежь, заговорили испуганнымъ голосомъ профессора, забѣгали инспекторы, тщетно стараясь возстановить нарушенную тишину и покой. Во время праздниковъ сходки начались. Мы отворили двери ихъ для всѣхъ учащихся и, встрѣчая сочувствіе въ студентахъ другихъ заведеній, мы скоро обобщили съ ними наше дѣло...»

Описавъ далѣе ходъ событій, Нечаевъ продолжалъ:

Мы согласились дружно протестовать противъ всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская учащаяся молодежь, согласились требовать права сходокъ, на которыхъ думали сами выработать нужныя намъ условія, согласились, наконецъ, отстаивать свои требованія силами... Въ чемъ же заключаются эти силы?.. Послѣ сходки, на которой вся толпа молодежи, не говоря красныхъ рѣчей, поголовно подписалась подъ согласіемъ отстаивать протестъ,—преслѣдованія, давно начавшіяся, вдругъ рѣзко усилились; нѣкоторые, вырванные изъ среды товарищества, были брошены въ крѣпость. Чѣмъ могли бы мы отстоять ихъ? Чѣмъ можемъ мы, наконецъ, отстоять свои требованія, когда придется придти въ столкновеніе съ физической силою?.. Кто изъ насъ сомнѣвается еще въ томъ, что правительство, давно загрязнившее себя всевозможными чистыми мѣрами, постыдится устроить еще разъ студенческую бойню? Не будемъ закрывать глаза на будущее, не будемъ обманываться. Правительство прикладами ружей снова прикажетъ разрѣшить наши требованія. Не откажемся ли мы отъ нихъ передъ наведенными ружьями и не подпишемся ли, послѣ нѣсколькихъ дней упорства, снова подъ ненавистными матрикулами, потому что нелѣпо было бы съ пустыми руками пытаться дать

отпоръ солдатскимъ штыкамъ?... Нѣтъ! не будемъ болѣе полагаться на благородство подлѣйшей въ мірѣ администраціи... Мы не выйдемъ съ пустыми руками, мы не погубимъ еще разъ дорогого зародившагося дѣла; мы не выйдемъ одни. У насъ есть товарищи, есть люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ фиктивныхъ, положеніе которыхъ самое худшее



А. И. Герценъ.

въ Европѣ, и ожесточеніе которыхъ тѣмъ сильнѣе, что слѣпо и не имѣетъ прямого исхода, не зная своего врага. Укажемъ же рабочимъ этого врага, растолкуемъ всѣмъ сильнымъ и здоровымъ рукамъ, отчего голодаютъ и холодаютъ они, изнемогая подъ непомѣрнымъ трудомъ.

«Обобщимъ же, братцы, еще болѣе нашъ вопросъ—и изъ вопроса русской молодежи сдѣлаемъ вопросъ Русской Земли, къ разрѣшенію ко-

тораго и будемъ горячо, энергически готовиться. Итакъ, пусть наши сходки, друзья, на которыя я, лишенный возможности приходить, буду писать, сдѣлаются еще болѣе общими, пусть войдутъ въ нихъ элементы всѣхъ недовольныхъ; пусть эти недовольные, рука объ руку, подготовляютъ наступленіе обновленія Русской Земли, той давно желанной поры, которая съ такимъ нетерпѣніемъ ожидается вашими друзьями въ чужой землѣ, чтобы явиться тогда и снова стать въ ваши ряды.

«Разбирая друзей и враговъ по положенію, которое они занимаютъ, а не по словамъ ихъ, вѣрьте въ факты, друзья, и сами заявляйте о себѣ фактами, а не словопреніями, чтобы пріобрѣсти довѣріе тѣхъ, на чей хлѣбъ вы вскормлены, чьими руками сложены стѣны вашихъ аудиторій, напечатаны ваши книжонки, тѣхъ, что давно рвутся къ свободѣ, часто въ мѣстностяхъ поднимаясь поголовно, но поднимаясь безъ опредѣленнаго сознанія, кто его непріятель. Васъ давно ждутъ они, чтобы услышать, гдѣ сосредоточены главныя силы врага, котораго надо сломать, чтобы дать вздохнуть русской мужицкой землѣ. Но знайте, друзья, что ждутъ они не говоруновъ, не проповѣдниковъ во фракѣ; а дѣятелей, которые бы сумѣли доказать имъ фактически свою преданность. Только такимъ людямъ они повѣрятъ, только за ними пойдутъ и постоятъ крѣпко.

«Создайте же, братцы, скорѣй условія, необходимыя для того, чтобъ образовались общественные дѣятели, не отдѣляющіе честной мысли отъ честнаго труда. Пусть чаще и въ большемъ числѣ продолжаются ваши собранія; въ нихъ лежитъ ваше развитіе. Въ глуши кабинетовъ, въ уединеніи надъ кипами древнихъ мудрствованій и отжившихъ началъ не могутъ выработаться характеры, необходимые для настоящаго времени, когда всѣ вопросы сводятся къ одному—это къ необходимости обновленія русской жизни переворотомъ. Такіе характеры, устойчивые въ борьбѣ, твердые въ преслѣдованіи цѣлей, вырабатываются только тоже въ борьбѣ, въ столкновеніяхъ. Застой не создаетъ этихъ людей; ихъ родитъ протестующая дѣятельность, и чѣмъ въ большихъ размѣрахъ протестъ, чѣмъ чаще столкновеніе съ темной силой, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе людей вырабатывается для дальнѣйшаго ея продолженія. Вотъ почему является необходимость фактическихъ заявленій, которыя способствуютъ быстрому закрѣпленію убѣжденій тѣхъ, кто во время затишья въ цѣлые годы не додумался бы до извѣстныхъ воззрѣній. Они создаютъ въ двойномъ числѣ прозелитовъ на мѣсто жертвъ.

«Пусть бдительность и осторожность при веденіи дѣла не переходятъ въ тѣ боязливыя опасенія, которыя отнимаютъ всякую возможность дѣятельности. Преслѣдованіе есть то зло, котораго совершенно развѣ тогда можно избѣжать, когда совершенно сложить руки. Не бывало истиннаго дѣла безъ жертвъ. Совершенно безопасны только переливанья изъ пустого въ порожнее, которыми заняты благодушные либералы, устраивающіе ассоціаціи изъ буржуа и думающіе вырастить соціальныя розы на болотѣ деспотизма...

«Пусть каждый, кого вырвутъ ненавистныя условія изъ вашей среды, будетъ глубоко убѣжденъ, что оставшіеся и уцѣлѣвшіе продолжаютъ дѣло и добьются возвращенія всѣхъ пострадавшихъ, отмстивъ сторицею за ихъ мученія, какъ убѣжденъ въ этомъ я.

«Вашъ Нечаевъ».

Своимъ письмомъ къ товарищамъ-студентамъ Нечаевъ закрѣплялъ съ ними связь и становился какъ бы вдохновителемъ того движенія, которое продолжало въ его отсутствіе развиваться въ столицѣ. Легенду о своемъ заключеніи въ крѣпости онъ письмомъ-про-

кламаціей за собою укрѣпляетъ и, играя такимъ образомъ на два фронта, т.-е. связывая съ своей личностью эмигрантскіе женевскіе кружки и дѣятелей «Колокола», съ одной стороны, и поднявшіеся студенческіе русскіе кружки, онъ какъ бы становится посредникомъ между тѣми и другими, пользуясь въ обоихъ случаяхъ авторитетнымъ именемъ вліятельнаго, испытаннаго и уже пострадавшаго активнаго революціонера. Такимъ образомъ, часть мистификаторскаго имъ созданнаго плана выполняется достаточно успѣшно. Лѣтомъ 1869 г. онъ поступаетъ къ составленію плана организаціи «Народной расправы» и къ изданію при ней листка съ эпиграфомъ:

Проснись, о Русь! возстань, родная,
Взгляни, что дѣлаютъ съ тобой!..
. . . . . .
Вставай же, Русь, на подвигъ славы!
Борьба велика и свята,
Возьми свое святое право
У подлыхъ рыцарей кнута.

Въ руководящей статьѣ къ № 1 листка «Народной расправы» говорилось:

Всенародное возстаніе замученнаго русскаго люда неминуемо и близко!.. Мы, т. е. часть народной молодежи, которой удалось, такъ или иначе, получить развитіе, должны расчистить ему дорогу, т. е. устранить всѣ мѣшающія препятствія и приготовить всѣ благопріятныя условія.

Въ виду этой неминуемости и близости, мы находимъ необходимымъ соединить въ одно неразрывное дѣло всѣ разрозненныя революціонныя усилія въ Россіи, вслѣдствіе чего постановили издавать отъ имени «революціоннаго комитета» листки, изъ которыхъ каждый изъ нашихъ единомышленниковъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ Россіи, всякій изъ работниковъ святого дѣла обновленія, хотя и не знаемый нами, всегда будетъ видѣть, чего мы хотимъ и куда мы идемъ.

Цѣль этихъ листковъ, разумѣется, не литературная и не ученая. Пусть люди, у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и морочить другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи!

Намъ некогда!

По-нашему, нѣтъ теперь въ Россіи литературы, а есть печатная месть и доносы. Нѣтъ науки, а есть софистика, искажающая прошлое и возводящая въ непремѣнный законъ страданія народныхъ массъ, какъ неизбѣжную основу развитія господствующаго меньшинства.

Нѣтъ просвѣщенія и воспитанія народнаго, а есть выработка шпіоновъ и чиновниковъ. Нѣтъ прогресса и цивилизаціи, а есть громадная государственная эксплоатація народныхъ силъ для удовольствія вѣчно празднующаго и присыщающагося барства, эксплоатація, обхватывающая со всѣхъ сторонъ русскій народъ, сосущая его грудь, удушающая и подавляющая всякое проявленіе жизни въ немъ.

«Мы хотимъ, чтобы наши задавленные государствомъ отцы, братья и сестры сбросили съ своихъ плечъ праздное, тунеядствующее меньшинство; мы хотимъ, чтобы русскій мужикъ широко, свободно вдохнулъ мощный, вольный воздухъ...

Мы хотимъ народной, мужицкой революціи.

Для насъ мысль дорога только, поскольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго всеразрушенія. Ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ. Мысль, способная служить революціи народной, вырабатывается лишь изъ народнаго революціоннаго дѣла, должна быть результатомъ ряда политическихъ опытовъ и проявленій, стремящихся всѣми средствами и всегда неуклонно къ одной и той же цѣли безпощаднаго разрушенія. Все, что не идетъ по этому пути, для насъ чуждо и враждебно. Мы не позволимъ себя закупить никакими революціонными фразами, на которыя нынѣ такъ щедры доктринерствующіе поборники бумажной революціи. Мы потеряли всякую вѣру въ слова; слово для насъ имѣетъ значеніе только, когда за нимъ чувствуется и непосредственно слѣдуетъ дѣло. Но далеко не все, что нынѣ называется дѣломъ, есть дѣло. Напримѣръ, скромная и черезчуръ остроумная организація тайныхъ обществъ, безъ всякихъ практическихъ проявленій, въ нашихъ глазахъ не болѣе, какъ мальчишеская игра, смѣшная и отвратительная. Фактическими же проявленіями мы называемъ только рядъ дѣйствій, разрушающихъ положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношеніе, мѣшающія народному освобожденію.

Не щадя живота и не останавливаясь ни передъ какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны, рядомъ личныхъ дѣйствій и жертвъ, слѣдующихъ одна за другою, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядомъ смѣлыхъ да дерзкихъ попытокъ ворваться въ народную жизнь и, возбудивъ въ народѣ вѣру въ насъ и себя, вѣру въ его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его къ торжественному совершенію его же собственнаго дѣла...

. . . . . .

Мы имѣемъ только одинъ отрицательный неизмѣнный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью; и потому считаемъ безплодной всякую исключительно теоретическую работу ума.

Мы считаемъ дѣло разрушенія настолько громадной и трудной задачей, что отдаемъ ему всѣ наши силы, и не хотимъ обманывать себя мечтой о томъ, что у насъ хватитъ силъ и умѣнья на созиданіе.

А потому мы беремъ на себя исключительно разрушеніе существующаго общественнаго строя; созидать не наше дѣло, а другихъ, за нами слѣдующихъ.

Мы беремся сломать гнилое общественное зданіе, въ которомъ мучается большинство обитателей для доставленія нечистыхъ радостей и грязныхъ наслажденій небольшой горсти счастливцевъ. Пусть новое зданіе строятъ новые плотники, которыхъ вышлетъ изъ своей среды народъ, когда мы дадимъ возможность вздохнуть ему полной грудью, сбросивъ съ нея тяжкій гнетъ государства.

Сосредоточивая всѣ наши силы на разрушеніи, мы не имѣемъ ни сомнѣній, ни разочарованій; мы постоянно, одинаково хладнокровно преслѣдуемъ нашу единственную жизненную цѣль.

Наши близкіе предшественники не понимали этого, имѣя всѣ удобства для начала борьбы и благопріятныя условія для всеобщаго переворота (время объявленія крестьянамъ мнимой воли...).

Они (предшественники) сидѣли сложа руки и сторонились отъ бунтующаго мѣстами населенія вмѣсто того, чтобъ, бросившись въ эти мѣстные бунты, связать ихъ въ одно грозное все разрушающее народное возстаніе!

Они (предшественники) занимались весьма старательно, чтобы безукоризненно выполнить въ своемъ воображеніи планы будущей народной жизни, и упустили благопріятные дни для народнаго освобожденія отъ государственности и сословности. А потому наши близкіе предшественники ничего не сдѣлали положительнаго.

Дѣло Каракозова надо разсматривать, какъ прологъ!

Да, это былъ прологъ! Постараемся, друзья, чтобы поскорѣе наступила и самая драма!..

Теперь, откинувъ въ сторону всѣ отвлеченныя разсужденія, станемъ лицомъ къ лицу съ нашей реальной задачей.

Такъ какъ окончательное разрѣшеніе нашего жизненнаго вопроса (т. е. окончательное разрушеніе государства) можетъ быть совершено только сообща, всею поднявшейся народной силой, то мы, т. е. та часть молодежи, получившая развитіе, что вышла изъ народа и вполнѣ прочувствовала боли, которыя онъ терпитъ, должны въ виду близкаго, общаго народнаго возстанія обратить теперь все наше вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ.

Главнѣйшія изъ этихъ препятствующихъ условій суть:

1) Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2) Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія, или для пособій государства.

3) Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, т. е. публицисты, подкупленные правительствомъ, и литераторы, лестью и доносами надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употреблять для дѣла народнаго освобожденія; а въ случаѣ невозможности отобрать слѣдуетъ уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другими способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленнѣй и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла.

Имѣя въ мысли и цѣли истребленіе царя со всей семьей, со всѣми чадами и домочадцами... до поры до времени подождемъ трогать Александра Николаевича. . . . . .

... теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Аракчеевыхъ, т. е. тѣхъ изверговъ въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народной кровью, что считаются столбами государствъ; тѣхъ, которые устраивали и устраиваютъ избіеніе поднимающагося крестьянскаго люда; тѣхъ административныхъ пьявицъ, непрестанно сосущихъ наболѣвшую тоскующую грудь народную, которыя особенно поусердствовали и будутъ усердствовать въ придумываніи мѣръ и средствъ для выжиманія послѣднихъ жизненныхъ соковъ изъ народа, для помраченія зарождающагося народнаго пониманія. И вообще, и прежде всего, тѣхъ, которые окажутся наиболѣе мѣшающими нашему сближенію съ народомъ и нашей подготовительной работѣ.

Нужно ли говорить, что члены III Отдѣленія и полиціи вообще, отличающіеся особенной дѣятельностью и способностями ищеекъ, должны быть казнены самымъ мучительнымъ образомъ и въ числѣ самыхъ первыхъ.

До начала всеобщаго народнаго возстанія намъ необходимо придется истребить цѣлую орду грабителей казны, подлыхъ народныхъ ти-

рановъ. Намъ надо очистить мысль отъ гнилыхъ наростовъ, намъ надо искоренить продажность и подлость современной науки и литературы, воплощающуюся въ огромной массѣ публицистовъ, писакъ и псевдоученыхъ, состоящихъ на жалованьѣ III Отдѣленія, или стремящихся заслужить это жалованье. Надо избавиться тѣмъ или другимъ путемъ отъ лжеучителей, доносчиковъ, предателей, грязнящихъ знамя истины, въ которое они драпируются, какъ ея служители. Въ этомъ состоитъ начало истиннаго движенія съ цѣлью подготовленія благопріятныхъ условій для близкаго, общенароднаго возстанія противъ государственности и сословности.

Такова была программа дѣйствій, выработанная Нечаевымъ, программа, которая съ нѣкоторыми варіантами легла въ основаніе всей дальнѣйшей активной русской революціонной дѣятельности, нашедшей себѣ широкое примѣненіе въ террористическихъ актахъ партіи «Народной воли». Нечаевъ, откинувъ теоріи, первый поставилъ вопросъ о террорѣ ребромъ и далъ ему реальное обоснованіе.

Въ связи съ этой программой имъ былъ выработанъ подробнѣйшимъ образомъ планъ дальнѣйшей революціонной организаціи, каковой онъ и привезъ съ собою осенью 1869 г. въ Москву и по которому онъ сталъ формировать свои конспиративные кружки, знаменитыя «пятерки», заря жизни которыхъ быстро расцвѣтилась кровавой окраской. Этотъ планъ настолько характеренъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія, что считаемъ долгомъ привести его полностью, ибо въ немъ можно найти главнѣйшія начала тактики для той кровавой борьбы, которая охватила Россію на много лѣтъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ отдѣлы: отношеніе революціонера къ самому себѣ, къ товарищамъ, къ обществу, къ народу. Какъ въ своей программѣ, такъ и въ «правилахъ организаціи» Нечаевъ явился практикомъ-новаторомъ, умѣвшимъ всѣ вопросы, даже детальные, ставить на реальное основаніе.

Общія правила организаціи [1]).

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣріи къ личности. § 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговоривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка. § 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членомъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки. § 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды спеціализируются членами. § 5. Членъ

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Т. I

организаціи немедленно составляетъ, въ свою очередь, каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніе центральнаго, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-й степени организаторовъ) вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе. § 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ не меньшимъ результатомъ непосредственно, т.-е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгой аккуратностью. § 7. Общій принципъ организаціи не убѣждать, т.-е. не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя есть уже налицо, исключать всякія пренія, имѣющія отношенія къ реальной цѣли. § 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членомъ къ организатору, имѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ. § 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго хода дѣла. § 10. По образованію кружковъ второго разряда прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1) Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленіи съ вящшею гарантіею безопасности обшаго дѣла. 2) Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета. Они группируютъ тѣхъ лицъ изъ кружковъ на основаніи общихъ правилъ организаціи, которыя, по усмотрѣнію комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью. 3) Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимные, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества. 4) Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постепенно, по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6, тогда отдѣленія раздѣляются на самостоятельныя группы, по указанію комитета. 5) Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, пріемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ отношенія къ всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адресы. 6) Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи, или средѣ, и избираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ. 7) Все количество лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, разсматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому, во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла или предпріятія долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящіе же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнять пало на ихъ долю. Для

возбужденія же энергіи необходимо объяснить сущность дѣла въ превратномъ видѣ. 8) О планѣ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію. 9) Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, устанавливается самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія чрезъ посредство тѣхъ звеньевъ, которыми оно связывается съ комитетомъ. 10) Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжія мѣста для заложенія новыхъ организацій. 11) Вопросъ о средствахъ денежныхъ стоитъ на первомъ планѣ: 1-е, прямой сборъ съ членовъ, лицъ сочувствующихъ—на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ прописью количества жертвуемыхъ денегъ; 2-е, косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е, устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-е, разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого плана; 5-е, изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету. 12) Въ числѣ необходимыхъ условій для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-е, образованіе притоновъ; 2-е, допущеніе своихъ ловкихъ и практическихъ людей въ среду разносчиковъ, булочниковъ и прочее; 3-е, знакомство съ городскими сплетниками, публичными женщинами и другія частныя собиранія и распространенія слуховъ; 4-е, знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-е, заведеніе сношеній съ такъ называемой преступной частью общества; 6-е, вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-е, интеллигенція литературы; 8-е, поддержаніе агитаціи всевозможными средствами. Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстію—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общепринятыми условіями и нравственностію этого міра. Онъ для него—врагъ безпощадный и если бъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только науку одну, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй, медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что мѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ—человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ, Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль—безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ той цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи-революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны, по возможности, обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ второго и третьяго разрядовъ, т.-е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ, спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ—съ одной стороны, а съ другой—трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношенія революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый, образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится предъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-либо человѣка принадлежащаго къ этому міру—всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если они могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду; во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-я категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ, по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предыдущіе нумера убрались прежде послѣдующихъ.

§ 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышереченнаго порядка, должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемой имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежатъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силой. Надо ихъ эксплоатировать всевозможными манерами, путями опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, связи, богатство и сила сдѣлаются, такимъ образомъ, неистощимою сокровищницею и сильной помощью для различныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до нельзя, такъ, чтобы возвратъ для нихъ былъ невозможенъ, и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія—доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія—женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: одни—пустыя, обезмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться, какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ женщины совсѣмъ наши, т.-е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношеніе товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, т.-е. чернорабочаго люда. Но убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастія возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разообщенію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народною товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образцу—движеніе, которое всегда, останавливаясь передъ собственностію и передъ традиціями общественныхъ порядковъ, такъ называемой, цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другой и стремилось создать, такъ называемое, революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація, безъ сомнѣнія, выработается изъ народнаго движенія и жизни. Но это—дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака-міроѣда. Но соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.

§ 25. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

Вотъ детально и практически разработанный планъ «организаціи» пятерокъ, съ которымъ Нечаевъ осенью 1869 г. явился въ Москву. Дѣйствуя именемъ таинственнаго и въ сущности фантастическаго

«центральнаго комитета», ибо онъ воплощался на дѣлѣ въ единой его собственной личности, воспѣтый въ спеціальномъ «ему посвященномъ» стихотвореніи Огарева, имѣя при себѣ рукою самого Бакунина написанное свидѣтельство, что онъ членъ интернаціонала, окруженный легендами,—Нечаевъ къ этому времени дѣйствительно въ глазахъ молодежи представлялъ собою силу, которой охотно повиновались и передъ желѣзной волей котораго склонялись. Дѣятельность его пріобрѣтаетъ широкій размахъ, онъ даетъ окружающимъ директивы и заставляетъ слѣпо повиноваться его велѣніямъ, какого бы свойства и характера таковыя ни были. Упоенный своей самимъ имъ созданной ролью, Нечаевъ, однако, не удержался на той покатой и скользкой плоскости, на которую такъ дерзко и при помощи такихъ махинацій сталъ въ короткое время. Убійство въ темномъ гротѣ Петровско-Разумовской академіи было началомъ его конца. Неповинная кровь его недавняго еще единомышленника, студента Иванова, страшная драма въ глухомъ паркѣ, гдѣ онъ безжалостно поднялъ руку на несчастнаго юношу, имѣли слѣдствіемъ гибель его самого и оставили въ средѣ знавшихъ его и въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній мрачную и незавидную о немъ память. Онъ не удержался на грани, которая раздѣляетъ добрую репутацію, хотя бы въ опредѣленномъ кругу лицъ, отъ позора, и рухнулъ въ пропасть, вырытую собственными руками.

Кромѣ «правилъ организаціи» или, какъ ихъ иначе принято называть, «катехизиса революціонера» [1]), Нечаевъ привезъ съ съ собою еще одинъ любопытный документъ, назначеніе котораго было также содѣйствовать развитію революціоннаго движенія въ Россіи. «Катехизисъ» создавалъ правильные кадры революціонеровъ, внушалъ имъ административно-политическое устройство, давалъ директиву дѣйствіямъ и устанавливалъ исповѣданіе. Но это Нечаевъ считалъ еще недостаточнымъ. Въ его методѣ организаціонной работы всегда лежало сознаніе необходимости параллелизма дѣйствій, направляемыхъ къ осуществленію единой цѣли. Въ этихъ видахъ имъ была заготовлена прокламація якобы отъ имени дворянской группы, объединившейся въ Брюсселѣ и отпечатавшей здѣсь свое воззваніе по адресу Александра II, гдѣ бросались ему въ лицо оскорбленія и угрозы за дѣло освобожденія крестьянъ и за причиненную этимъ освобожденіемъ обиду сословію. Этимъ грубо и аляповато сфабрикованнымъ документомъ Нечаевъ разсчитывалъ поссорить царя съ первымъ сословіемъ, пробудить въ послѣднемъ

---

[1]) Въ составленіи этого «Катехизиса» принималъ, повидимому, участіе и М. А. Бакунинъ, хотя это участіе нѣкоторыми изслѣдователями подвергается сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе издатель сочиненій Бакунина г. Балашовъ помѣстилъ, правда, съ оговоркою, этотъ «Катехизисъ» въ біографію Бакунина, составленной Драгомановымъ.

Б. Г.

низменныя чувства и дискредитировать его въ глазахъ передовой интеллигенціи и, главное, простого народа. Послѣдній, усматривая злостное чувство своихъ недавнихъ господъ, долженъ былъ затаить въ сердцѣ месть и обрушиться на нихъ кровавою расправою, каковая и составляла конечный результатъ ближайшихъ дѣйствій и плановъ Нечаева. Конечно, такого рода фальшивый документъ слишкомъ явно бросался въ глаза своей апокрифичностью, а потому, видимо, и самъ Нечаевъ не рѣшался на его широкое распространеніе, и въ лѣтописяхъ революціоннаго движенія въ Россіи ему не суждено было сыграть какой-нибудь роли. Но самый замыселъ о созданіи этого документа очень характеренъ для личности его автора, который не стѣснялся никакими преградами этическаго характера, лишь бы видѣть свое дѣло осуществляемымъ. Нечаевъ уже становился на покатую скользкую площадь, а дальнѣйшіе въ томъ же направленіи его шаги въ Москвѣ быстро привели его и къ пропасти.

Нечаевъ вернулся въ Москву осенью 1869 года, уже окруженный ореоломъ извѣстности, воспѣтый Огаревымъ въ стихахъ, съ благословеніемъ Бакунина и съ таинственнымъ политическимъ прошлымъ, которое какъ бы ставило его выше всѣхъ окружающихъ его единомышленниковъ, товарищей и знакомыхъ. И онъ, не упуская золотого времени, со всей свойственной ему энергіей и диктаторскимъ пошибомъ принялся за организацію революціонныхъ «пятерокъ», воспользовавшись, какъ матеріаломъ, для нихъ тѣми знакомыми ему дѣятелями нашей общественности, которые стояли близко къ кружкамъ учащейся молодежи. Библіотека Черкесова, этотъ замаскированный центръ всѣхъ тогдашнихъ политическихъ новостей и свиданій, была первымъ мѣстомъ, куда онъ поспѣшилъ заѣхать. Здѣсь онъ обращается къ знакомому ему еще раньше завѣдующему библіотекою Успенскому, узнаетъ отъ него о мѣстѣ пребыванія своихъ старыхъ знакомыхъ: Орлова, Николаева, съ паспортомъ котораго, какъ извѣстно, онъ совершилъ свою заграничную поѣздку, и черезъ его же посредство знакомится съ настроеніемъ умовъ учащейся молодежи. Успенскому онъ разсказываетъ о своихъ успѣхахъ среди русской эмиграціи, показываетъ ему стихи Огарева, сертификаты за подписью Бакунина, что онъ, Нечаевъ, членъ и представитель интернаціонала, и убѣждаетъ его въ необходимости приступить къ организаціи революціонныхъ кружковъ. Успенскій указываетъ ему на Петровско-Разумовскую академію, какъ на учебное заведеніе, наиболѣе подготовленное къ воспріятію и выполненію предначертаній Нечаева, и дѣйствительно вскорѣ первые абрисы организаціи опредѣляются, куда входятъ, кромѣ Успенскаго, еще Долговъ, Ивановъ, Кузнецовъ и Рипманъ. Нечаевъ увѣряетъ ихъ, что Россія уже вся покрыта однородными революціонными учрежденіями, причемъ отмѣчаетъ, что организація, составленная изъ упомянутыхъ лицъ, имѣетъ

особое преимущество и значеніе. Общее наименованіе для всѣхъ организацій единое—«Народная расправа» или «Общество топора». Нечаевъ чрезвычайно быстро и удивительно умѣло кладетъ въ основаніи кружковъ начала конспиративной организованности, причемъ, надъ своею личностью онъ сгущаетъ фантастическое освѣщеніе, однимъ открываясь, кто онъ такой, для другихъ становясь извѣстнымъ подъ вымышленными именами, коихъ у него было множество, какъ-то: Иванъ Петровичъ Павловъ, просто Иванъ Петровичъ, или Петровичъ, Павловъ, Димитрій Ѳедоровичъ, офицеръ Панинъ, № 2664. Костюмъ свой онъ тоже разнообразитъ, появляясь то въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ, то въ военной формѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣвая даже женскій костюмъ. Когда полицейская власть немного спустя начала его уже разыскивать, то агентамъ была роздана его фотографическая карточка съ слѣдующими обозначенными на ней его примѣтами: «Небольшого роста, лѣтъ около 22, лицомъ моложавъ, вмѣсто усовъ пухъ, волосы каштановые, цвѣтъ лица темный, глаза каріе, быстрые, бойкіе, носъ острый и средній. Лицо большое, круглое. Костюмъ обыкновенный, пальто и прочее, сапоги длинные, иногда надѣваетъ женское платье или инженерную форму. Голосъ больше тонокъ, манеры угловатыя и порывистыя»[1]). Кружки, образуемые имъ въ Москвѣ, куда входятъ постепенно не только одни учащіеся въ академіи или университетѣ, но и посторонніе (мѣщане, купцы, офицеры) и даже женщины (напримѣръ, Бѣляева, Александровская и др.), снабжаются имъ бланками съ печатью на нихъ «Народной расправы» или русскаго «отдѣла всемірнаго революціоннаго союза», оформляются іерархической организаціей по плану «Катехизиза». На сценѣ уже появляются конспиративныя квартиры, куда члены «пятерокъ» собираются для своихъ засѣданій, раздается шрифтъ для печатанія воззваній и прокламацій, формируются кассы съ правильною отчетностью и раздаются подписные листы для сбора пожертвованій «въ пользу студентовъ», «въ пользу пострадавшихъ за безпорядки» и т. д. Поручивъ первымъ привлеченнымъ имъ лицамъ отъ имени таинственнаго комитета организацію «пятерокъ», Нечаевъ поставилъ дѣло слѣдующимъ образомъ: каждый членъ организаціи, подобравъ среди своихъ знакомыхъ достойныхъ довѣрія пять-шесть человѣкъ, основывалъ свой кружокъ. Члены таковыхъ кружковъ, въ свою очередь, составляли каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становился въ значеніи центральнаго, куда вносилась вся сумма свѣдѣній о дѣятельности второстепенныхъ кружковъ для доставленія въ отдѣленіе. По образованіи таковыхъ кружковъ, члены ихъ, въ свою очередь, организовывали третье-

[1]) Карточка съ такого рода записью примѣтъ имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ. Съ нея нами и былъ воспроизведенъ портретъ Нечаева. Б. Г.

степенные кружки и т. д. Кружокъ, составившій посредствомъ своихъ членовъ низшіе кружки, становился относительно ихъ центромъ, получалъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи Нечаевъ послѣдовательно проводилъ въ жизнь параграфы революціоннаго катехизиса и плелъ очень широкую сѣть, которая, беря свое начало въ Петровско-Разумовской академіи, охватывала множество лицъ въ первопрестольной и забрасывала свои петли далеко въ провинцію, куда нѣкоторые члены первоначальныхъ «пятерокъ» и были командируемы. Кромѣ того на долю этихъ піонеровъ организаціи, каждому по его выбору, отводилось дѣло пропаганды въ опредѣленныхъ слояхъ населенія. Такъ, на практикѣ дѣло оформилось уже къ ноябрю того года слѣдующимъ образомъ. Послѣ составленія ядра перваго кружка изъ Иванова, Кузнецова и Долгока, сформировались второстепенные кружки. Къ Иванову примыкали Лау, Ланге, Пименъ Енкуватовъ и Владимиръ Поповъ. Лау и Енкуватовъ составили около себя третьестепенные кружки: къ Лау присоединились Ивакинъ и Свѣчинъ, а къ Пимену Енкуватову—Шестаковъ, Римскій-Корсаковъ и два брата Голикевичи. Кружокъ А. Кузнецова состоялъ изъ Климина, Гаврищева, Семена Кузнецова и двухъ братьевъ Рязанцевыхъ. Кружокъ Долгова состоялъ изъ Коробьина, Аврамова, Бѣляевой. Въ составѣ кружковъ постепенно происходили перемѣны, вслѣдствіе удаленія или выбытія членовъ. Такъ, напримѣръ, былъ удаленъ Пименъ Енкуватовъ, и на его мѣсто назначенъ И. Шестаковъ. Засимъ были отдѣлены Ивановъ и А. Кузнецовъ «для болѣе спеціальнаго дѣла», и ихъ мѣсто замѣщено Лау и Климинымъ. Кружокъ Иванова присоединился вмѣстѣ съ Шестаковымъ къ кружку Долгова, а кружокъ Лау изъ третьестепеннаго сдѣлался второстепеннымъ и т. д.

Такимъ образомъ кружки, организуемые Нечаевымъ, не были замкнутыми съ внѣшней стороны, разъ навсегда сформировавшимися и окаменѣвшими единицами, а двигались въ іерархическомъ порядкѣ, подвергались перестройкѣ и раскассированьямъ. Властная рука Нечаева ими распоряжалась, ихъ двигала и направляла. Далѣе, организаторы, составляя кружокъ, замѣняли фамиліи членовъ своего кружка цифрами, которыми и означали ихъ во взаимной перепискѣ, въ отчетахъ, въ протоколахъ засѣданій и т. д. Первые организаторы или члены отдѣленій (Успенскій, Прыжовъ, Бѣляева, Ивановъ и А. Кузнецовъ) имѣли нумера единичные или вообще какую-нибудь цифру (Нечаевъ № 2664). Такой организаторъ, составляя свой кружокъ, означалъ привлеченныхъ имъ лицъ посредствомъ прибавленія къ своему нумеру съ правой стороны цифры по порядку приглашенія. Такъ, напримѣръ, фамилія члена А. Кузнецова означалась цифрою 5; фамиліи же приглашенныхъ имъ къ участію въ

обществѣ: Скипскаго 51, кн. Черкезова 52, Успенскій означался цифрою 17, приглашенный имъ Лау имѣлъ нумеръ 171, находившіеся же въ кружкѣ Лау и Свѣчина носили нумера 1711 и 1712 и т. д. Кромѣ того, члены кружковъ въ сношеніяхъ своихъ, какъ съ посторонними лицами, такъ и между собою, обыкновенно скрывали свою настоящую фамилію и называли себя разными вымышленными именами.

Каждый представитель кружка долженъ былъ составить шифръ изъ азбучныхъ условныхъ знаковъ, которые обязанъ былъ запомнить и сообщить ихъ въ центральный въ отношеніи его кружокъ, если онъ сносился съ нимъ непосредственно, или же тому лицу, черезъ посредство котораго велись сношенія. Азбука, писанная шифромъ, состояла изъ цифръ, причемъ одна или двѣ цифры означали букву. Для облегченія памяти, въ этой азбукѣ принималось въ соображеніе сходство цифръ съ буквами и сходство начальныхъ буквъ съ названіемъ чиселъ. Такъ, напримѣръ, нуль означалъ букву о, 5—п, 10—д, 3—з, 4—ч и т. п. Слова записывались въ видѣ счетовъ по двѣ буквы и подводился итогъ.

При распредѣленіи районовъ революціонной пропаганды на Кузнецова было возложено воздѣйствіе на купцовъ средняго класса, на Иванова—вѣдѣніе Петровско-Разумовской академіей, на Прыжова—пропаганда въ низшихъ слояхъ общества, среди преступной его части, въ трущобахъ, лавочкахъ, подземельяхъ и пр. На обязанности же Успенскаго, какъ лица, наиболѣе близкаго по времени вступленія въ общество «Народной расправы», лежало храненіе адресовъ, веденіе главной кассы, сношенія съ комитетомъ (т.-е. въ сущности съ однимъ Нечаевымъ), пріемъ разныхъ лицъ, которыя пріѣзжали изъ другихъ городовъ, составленіе протоколовъ собраній и т. п. наиболѣе отвѣтственныя организаціонно-административныя порученія. Онъ же давалъ разрѣшенія разныхъ затрудненій, встрѣчавшихся въ дѣятельности кружковъ. Эти разрѣшенія печатались на бланкахъ, изготовляемыхъ обыкновенно или же Успенскимъ, или Прыжовымъ, или самимъ Нечаевымъ, при чемъ тутъ непремѣнно фигурировала эмблема «Народной расправы»—топоръ. Успенскій же вѣдалъ дѣло командировокъ, напримѣръ, въ Петербургъ, Тулу, въ Нижній, въ Иваново-Вознесенскъ для подысканія новыхъ членовъ организацій или для поисковъ денежныхъ средствъ. Не забытъ былъ и вопросъ паспортный, тогда еще обрѣтавшійся въ патріархальномъ состояніи. Такъ, напримѣръ, Прыжовъ за пять копеекъ всего въ одной лавочкѣ пріобрѣлъ для общества нѣсколько старыхъ паспортовъ.

Работая въ Москвѣ, Нечаевъ не забывалъ и сѣверной столицы, гдѣ для начала намѣчалъ основаніе девяти отдѣленій, причемъ въ число членовъ имѣлъ въ виду привлечь инженера Михайлова, Дементьеву, Ткачева и др,. которые впослѣдствіи и фигурировали

въ роли подсудимыхъ по его процессу. Такимъ образомъ, появившись въ Москвѣ въ началѣ сентября, онъ въ теченіе двухъ всего мѣсяцевъ успѣлъ развить очень широкую и интенсивную дѣятельность, впутать въ свою хитроумную организацію множество (свыше 100) лицъ разныхъ сословій и профессій и положить въ Россіи реальный фундаментъ революціонныхъ организацій, которыя впослѣдствіи и пошли тѣми путями конспираціи, которые именно онъ первый проложилъ, разработалъ и укрѣпилъ. Въ этомъ отношеніи его роль въ развитіи революціоннаго движенія въ нашемъ отечествѣ рѣшающая и доминирующая. Это должно быть признано даже тѣми, кто несочувственно относится къ этическимъ началамъ, заложеннымъ въ его дѣятельности, если только они желаютъ быть справедливыми. И, повидимому, съ этой точки зрѣнія его, какъ организатора-піонера, высоко и ставилъ Желябовъ, этотъ виднѣйшій дѣятель послѣдующей народовольческой организаціи.

Дѣйствуя чрезвычайно интенсивно по устроенію кружковъ, Нечаевъ все время окружаетъ свою собственную личность, какъ командира революціонной арміи, непроницаемой таинственностью, прибѣгая для сего къ самымъ шарлатанскимъ пріемамъ. Однимъ онъ, въ качествѣ Ивана Петровича, поручалъ писать въ Петербургъ письма о смерти Нечаева, его трагической гибели въ Сибири; другихъ заставлялъ разыгрывать роль ревизоровъ, якобы присланныхъ комитетомъ, третьимъ разсказывалъ необыкновенные свои подвиги, конечно, вымышленные, за границею и на родинѣ. Его фантастическія злоключенія въ отечественныхъ тюрьмахъ были любимою темою этихъ повѣствованій; кромѣ того, онъ выставлялъ себя и какъ организатора революціонныхъ стачекъ и движеній въ Бельгіи и какъ ближайшаго друга Бакунина, Огарева, передъ которыми онъ будто бы обязанъ отчетомъ и совмѣстно съ которыми онъ и состоитъ членомъ того высшаго революціоннаго комитета, который держитъ въ своихъ рукахъ нити всего движенія и которому подчинены всѣ «пятерки», всѣ отдѣленія громадной уже охватившей собою всю Россію революціонной сѣти. Его не смущаютъ и строфы въ стихотвореніяхъ Огарева, что онъ «жизнь окончилъ въ этомъ мірѣ», которое онъ старательно и распространяетъ среди членовъ кружковъ, въ качествѣ высшей для себя аттестаціи со стороны династіи «Коколока». Онъ не брезгуетъ никакой рекламой, никакимъ разсказомъ и утвержденіемъ, лишь бы они служили къ возвышенію авторитета его личности и революціоннаго репоме. Онъ обращается съ окружающими деспотически, какъ власть имущій, какъ диктаторъ, и горе должно было постигнуть того, кто смѣлъ не подчиниться его волѣ или усомниться въ значеніи его особы и ея историческомъ призваніи. Несчастный студентъ академіи Ивановъ и явился вскорѣ тою жертвою, которую онъ безъ всякой нужды и безъ всякаго къ тому осмысленнаго повода и принесъ въ жертву своему честолюбію и

революціоннымъ тенденціямъ. Деспотизмъ революціонной кружковщины, хотя и объясняемый имъ впослѣдствіи соображеніями политической конспиративной необходимости, вмѣстѣ съ тѣмъ въ сущности вытекалъ изъ эгоистическаго начала, которое онъ ставилъ, какъ необходимость, въ уголъ своей организаторской дѣятельности. Стоило Иванову начать въ немъ сомнѣваться, заподозрѣть существованіе «комитета» и его, Нечаева, въ немъ участіе, стоило ему начать возражать диктатору, съ нимъ спорить и съ нимъ не соглашаться, какъ смерть его была Нечаевымъ предрѣшена и убійство несчастнаго юноши осуществлено съ необычайной жестокостью и хладнокровіемъ.

Сомнѣнія чистосердечнаго и прямого Иванова были, дѣйствительно, для Нечаева опасны—они разрушали въ корень всю таинственность и значеніе его личности, столь искусно и старательно имъ созданныя, а съ этимъ разрушеніемъ, по его убѣжденію, пропадало и все то революціонное начинаніе, которое цѣлыхъ два года онъ энергично создавалъ и въ зависимость отъ котораго онъ ставилъ будущее благо народа. И вотъ быстрый планъ рождается въ его мозгу: объявить Иванова опаснымъ, готовымъ на предательство и измѣну и вырвать у членовъ «пятерки» согласіе и рѣшеніе покончить съ опаснымъ человѣкомъ. Гипнозъ его былъ силенъ—требуемое рѣшеніе скоро произносится, и надъ Ивановымъ закидывается роковая кровавая петля. Согласіе на убіеніе Иванова даютъ Николаевъ, Успенскій, Прыжовъ и А. Кузнецовъ. Всѣми же дѣйствіями руководитъ самъ авторъ легенды объ опасности Иванова, т. е. Нечаевъ. Сначала предполагаютъ его отравить или задушить на квартирѣ, но потомъ этотъ планъ откидывается, и заговорщики рѣшаютъ, заманивъ его въ темный гротъ парка при Петровско-Разумовской академіи, тамъ убить его и трупъ спустить въ прилегающій къ гроту прудъ. Поводомъ къ посѣщенію грота выставляется необходимость отысканія зарытаго тамъ типографскаго шрифта, о мѣстѣ нахожденія котораго Иванову было извѣстно. Самое убійство Иванова 21 ноября 1869 г. произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ согласно сдѣланнымъ потомъ на судѣ Николаевымъ показаніямъ [1]).

Когда Ивановъ узналъ о необходимости изъ Москвы поѣхать для отысканія шрифта, онъ, ничего дурного не подозрѣвая, охотно согласился и отправился туда вмѣстѣ съ Прыжовымъ и Николаевымъ. «Пріѣхавши въ Петровско-Разумовское—показывалъ потомъ на судѣ Николаевъ,—мы остановились на дачѣ Краснопѣвковой у

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», томъ первый (1825—1876 года). Въ нашей литературѣ имѣется произведеніе, гдѣ убійство Иванова и дѣятельность Нечаева изложены какъ фабула разсказа. Произведеніе это—«Бѣсы» Ѳ. М. Достоевскаго. Здѣсь нашъ геніальный писатель чрезвычайно мѣтко обрисовалъ Нечаева, набросалъ этапы революціонной мысли отъ 40-хъ годовъ къ 60-мъ и 70-мъ и явился пророкомъ той русской революціи, которую мы пережили такъ недавно.

Б. Г.

проселочной дороги, отпустили извозчика и отправились по направленію къ саду по проселочной дорогѣ, около которой стояли стоги сѣна. Недалеко отъ грота насъ встрѣтилъ Кузнецовъ, и мы пошли къ гроту со стороны лѣса, перейдя черезъ валъ, но прошли мимо грота и никого не встрѣтили; когда мы перешли на другую сторону и, подойдя къ гроту, вошли въ него, пропустя Иванова впередъ, я пошелъ сзади Иванова, Кузнецовъ сбоку; послѣдній крикнулъ: «Господа, гдѣ вы»? Изъ грота отвѣчали: «Здѣсь». Выйдя на середину грота я, схватилъ Иванова сзади за руки; онъ сталъ вырываться; во время борьбы, происходившей молча, мы прислонились къ стѣнѣ грота; въ это время Нечаевъ закричалъ: «Гдѣ же они?» и впотьмахъ схватилъ меня одной рукой за лицо, стараясь зажать мнѣ ротъ, а другой за горло, вслѣдствіе чего я принужденъ былъ выпустить Иванова, и, освободивъ себя отъ рукъ Нечаева, закричалъ: «Что вы меня душите, это я Николаевъ». Въ это время Ивановъ, вырвавшись отъ меня, побѣжалъ къ выходу; тогда Успенскій закричалъ: «Убѣжалъ, словите». Кузнецовъ схватилъ Иванова и повалилъ его у входа въ гротъ. Тогда Нечаевъ, я и Успенскій бросились на Иванова. Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванову и сталъ его душить. Кузнецовъ сидѣлъ въ ногахъ, я и Успенскій стояли около и ничего не дѣлали; я еще не могъ прійти въ себя послѣ того, какъ Нечаевъ меня душилъ. Въ это время Ивановъ нѣсколько разъ крикнулъ и сказалъ: «За что вы меня бьете, что я сдѣлалъ?» Нечаевъ выругалъ всѣхъ насъ за то, что мы не помогли душить Иванова, и потребовалъ башлыкъ, который я снялъ съ Кузнецова и подалъ Нечаеву; послѣдній мнѣ закричалъ: «Души», и я второпяхъ сталъ искать шею Иванова; но схватилъ только за руку Нечаева, душившаго Иванова, причемъ Ивановъ успѣлъ перевернуться лицомъ къ землѣ и довольно громко простонать. Немного погодя онъ уже не кричалъ, но еще шевелился. Тогда Нечаевъ взялъ у меня револьверъ и прострѣлилъ имъ голову Иванова. Затѣмъ я съ Нечаевымъ снялъ съ Иванова пальто и вынулъ изъ кармана панталонъ какія-то бумаги и портмонэ, въ которомъ ничего не было. Пальто Нечаевъ взялъ съ собою, когда уходилъ. Послѣ этого Нечаевъ привязалъ къ ногамъ Иванова каменья; я же привязывалъ къ рукамъ, но отъ волненья привязать не могъ, почему Нечаевъ сталъ привязывать самъ, и гдѣ онъ ихъ привязалъ—не знаю. Послѣ этого мы всѣ стащили Иванова въ прудъ. Затѣмъ Нечаевъ съ Успенскимъ отправились къ Москвѣ черезъ проселочную дорогу, захвативъ съ собою пальто Иванова, а я съ Кузнецовымъ и Прыжовымъ прошли мимо академіи по шоссе. Во время суматохи Нечаевъ потерялъ свою черную барашковую шапку, а вмѣсто нея надѣлъ оставшуюся послѣ Иванова, которую мы сожгли въ квартирѣ Кузнецова. Башлыкъ же, бывшій на Ивановѣ опущенъ былъ нами вмѣстѣ съ нимъ въ прудъ. Въ этотъ же вечеръ всѣ мы собра-

лись у Кузнецова, гдѣ и обмывали все платье, запачканное въ крови; тогда же Нечаевъ, разсматривая револьверъ, которымъ былъ убитъ Ивановъ, выстрѣлилъ въ стѣну; пуля пролетѣла около головы Прыжова, который, вслѣдствіе этого, возымѣлъ подозрѣніе на Нечаева въ покушеніи убить его. Но Нечаевъ оттоваривался тѣмъ, что онъ не могъ удержать курокъ, отчего произошелъ выстрѣлъ, такъ какъ у него руки были сильно искусаны Ивановымъ. На Кузнецовѣ былъ башлыкъ студента Климина... Къ сему могу добавить, что Прыжовъ въ то время, когда условливались совершить убійство, просилъ Нечаева и всѣхъ насъ избавить его отъ присутствія при убійствѣ Иванова, говоря, что онъ слѣпъ и слабъ, но на это никто не согласился, говоря что онъ долженъ фактически участвовать въ убійствѣ. Послѣ же Нечаевъ говорилъ, что это необходимо было для того, чтобы Прыжовъ насъ не выдалъ. Хотя я признаю себя виновнымъ въ смерти Иванова, но участіе я принималъ по приказанію Нечаева и протестовать противъ этого приказанія я не смѣлъ, боясь, чтобы онъ меня тоже не убилъ».

Такъ совершилось кровавое злодѣяніе, которое, по плану Нечаева, должно было вмѣстѣ съ трупомъ кануть на дно академическаго пруда. Всѣ участники преступленія были связаны между собою кровью, которая не позволяла каждому въ отдѣльности явиться доносчикомъ происшедшаго. Въ этомъ расчетѣ Нечаевъ не ошибся, но онъ ошибся въ непрочности ледяной поверхности пруда, онъ не разсчиталъ тяжести привязанныхъ кирпичей и возможности всплытія трупа несчастнаго Иванова. Трупъ всплылъ, былъ усмотрѣнъ мѣстными крестьянами, и дѣло получило законный ходъ. Началось слѣдствіе, и нить за нитью окровавленный клубокъ размотался, обнаруживъ въ конечномъ результатѣ дѣйствующихъ лицъ драмы, разыгравшейся въ Петровско-Разумовскомъ паркѣ позднимъ вечеромъ 21 ноября.

Шапка съ кровавыми пятнами, такое же пальто, найденное при осмотрѣ парка и брошенное здѣсь Нечаевымъ, проложили слѣдственной власти дорогу въ Москву, гдѣ уже по указанію изъ Петербурга производились къ тому времени обыски въ разныхъ кружкахъ и у разныхъ лицъ, близкихъ къ студенческимъ кружкамъ, принимавшимъ участіе въ студенческихъ волненіяхъ на берегахъ Невы въ теченіе 1868—1869 гг. Прокламація «Къ обществу», напечатанная Дементьевой, дала нить къ производству арестовъ въ Петербургѣ, гдѣ и нашли слѣдъ сношеній съ Москвой по организаціи революціонной «Народной расправы». Произведены были массовые обыски, которые, съ одной стороны, въ точности установили всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство Иванова, и выяснили участниковъ этого убійства, равнымъ образомъ раскрыли всѣ подробности и основы организаціи «Народной расправы», съ другой—пролили свѣтъ на студенческое движеніе 1869 г. въ

Петербургѣ и на существовавшіе какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ кружки, имѣвшіе то или иное касательство къ «политикѣ». Въ результатѣ обысковъ и дознаній было привлечено къ суду 87 лицъ, изъ коихъ 63 человѣка было заключено подъ стражу. Прокурорскимъ надзоромъ къ серединѣ іюня 1871 г. было составлено 12 обвинительныхъ актовъ, и съ 1 іюля того года въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ происходило слушаніе громкаго дѣла о «заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ государствѣ правительства». О дѣлѣ этомъ, получившемъ ходячее наименованіе «дѣла нечаевцевъ», правительство сочло нужнымъ дать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», гдѣ потомъ обстоятельно печатался и весь ходъ процесса, слѣдующее общее разъясненіе:

Поводомъ къ обнаруженію правительствомъ преступнаго заговора, составляющаго предметъ настоящаго дѣла,—сказано здѣсь,—послужили происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1869 г. безпорядки въ средѣ студентовъ медико-хирургической академіи, петербургскаго университета и технологическаго института, а отчасти также и совершенное въ ноябрѣ того же года бывшимъ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища въ Петербургѣ Сергѣемъ Нечаевымъ, при содѣйствіи другихъ лицъ, убійство бывшаго слушателя Петровской земледѣльческой академіи Ивана Иванова. Произведеннымъ, по распоряженію III-го Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, негласнымъ дознаніемъ обнаружено, что участниками въ убійствѣ Иванова были: дворянинъ Петръ Успенскій, купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ; въ то же время обнаружена принадлежность этихъ лицъ къ организованному Сергѣемъ Нечаевымъ въ Москвѣ отдѣленію женевскаго международнаго революціоннаго комитета. Эти 4 обвиняемые вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, всего въ числѣ 11 человѣкъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ къ первому періоду настоящаго дѣла, а именно къ волненіямъ, происходившимъ среди студентовъ весною 1869 г., включены прокурорскимъ надзоромъ въ первый обвинительный актъ, который долженъ слушаться въ судебной палатѣ сего 1-го іюля, и обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. улож. о нак., а Успенскій, Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ, кромѣ того, въ убійствѣ Иванова. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла въ Москвѣ обнаружена принадлежность къ тайному обществу сына коллежскаго секретаря Николая Долгова, сына поручика Ѳедора Рипмана и другихъ, въ числѣ 33 человѣкъ, которые всѣ принимали непосредственное участіе въ составленномъ Нечаевымъ заговорѣ и посему привлекаются вторымъ обвинительнымъ актомъ прокурорскаго надзора къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. уложенія.

Во время производства этихъ разслѣдованій дознано было, что дѣятельность тайной организаціи не ограничилась Москвою, и что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочимъ и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій московскаго центральнаго общества. Поэтому изъ Москвы слѣдственныя дѣйствія были перенесены въ Петербургъ, и здѣсь обнаружено участіе въ заговорѣ отставнаго поручика Ивана Лихутина, студента

медико-хирургической академіи Алексѣя де-Тейльса и другихъ лицъ, въ числѣ 15 человѣкъ. Эти лица, находившіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ московскими злоумышленниками и содѣйствовавшія ихъ преступному замыслу, преданы суду третьимъ обвинительнымъ актомъ наравнѣ съ московскими участниками въ заговорѣ, по 249 и 250 ст. уложенія. Наконецъ, въ четвертый обвинительный актъ прокурорскимъ надзоромъ включены тѣ изъ подсудимыхъ—московскихъ жителей (дворяне: Александръ фонъ-деръ-Эльстницъ, Александра Успенская и другіе, въ числѣ 11 человѣкъ), которые, не принимая непосредственнаго участія въ заговорѣ, обвиняются лишь въ томъ, что, зная о существованіи этого заговора, они не донесли о немъ правительству.

Одновременно съ симъ, но во время преслѣдованій въ Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ, обнаруженъ былъ отдѣльный кружокъ, состоящій изъ пяти лицъ, а именно изъ студентовъ: с.-петербургскаго земледѣльческаго института Петра Топоркова, императорской медико-хирургической академіи Петра Кошкина и Александра Дудоладова, с.-петербургскаго технологическаго института Александра Долгушина и поручика 3-го туркестанскаго линейнаго батальона Льва Топоркова. Эти подсудимые, хотя и находились также въ сношеніяхъ съ прочими московскими и петербургскими злоумышленниками, но составляли отдѣльный отъ нихъ самостоятельный кружокъ, въ особенности потому, что, будучи всѣ уроженцами Сибири, они находились между собою въ ближайшихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ жили даже на одной квартирѣ. Въ виду сего, прокурорскимъ надзоромъ признано было болѣе удобнымъ отдѣлить этихъ подсудимыхъ отъ прочихъ обнаруженныхъ въ С.-Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ и составить о нихъ отдѣльный обвинительный актъ (пятый) по тому же, впрочемъ, обвиненію.

Независимо отъ сего четверо изъ названныхъ въ предыдущемъ актѣ обвиняемыхъ, а именно: Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ, привлечены къ суду шестымъ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ правительствующимъ сенатомъ по обвиненію въ составленіи заговора, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Сибири отъ Россіи.

Наконецъ, къ этому же дѣлу привлечены седьмымъ обвинительнымъ актомъ студенты харьковскаго и новороссійскаго университетовъ Милютинъ и Попичъ, и восьмымъ актомъ—живущіе въ гор. Череповцѣ (Новгородской губерніи) учитель Менделѣевъ, купецъ Розановъ, мѣщанинъ Талицкій и крестьянинъ Макарьевъ, у которыхъ во время изслѣдованій, произведенныхъ въ 1689 и 1870 гг., найдены были прокламаціи преступнаго содержанія.

Послѣдующими затѣмъ актами, составленными правительствующимъ сенатомъ, преданы суду, по обвиненію въ недонесеніи правительству объ извѣстномъ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ государствѣ правительства: 9-мъ актомъ—священническій сынъ Арсеній Алексѣевъ, сынъ дьякона Василій и канцелярскій служитель Алексѣй Болотовы, 10-мъ актомъ—дворянинъ Андрей Калачевскій, 11-мъ актомъ—студентъ технологическаго института Рейнгольдъ Биркъ—и 12-мъ актомъ—учитель Іосифъ Собѣщанскій [1]). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одинъ изъ обвиняемыхъ по первому обвинительному акту—дворянинъ Петръ Ткачевъ—независимо отъ участія въ заговорѣ—преданъ

---

[1]) Одинъ изъ обвиняемыхъ, преданныхъ этимъ обвинительнымъ актомъ суду,—студентъ Владиміръ Литутинъ,—умеръ во время содержанія подъ стражею.

Б. Г.

суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціей переводу книги Эрнста Бехера подъ заглавіемъ: «Рабочій вопросъ и средства къ его разрѣшенію», и 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Психологическіе этюды», въ изданномъ имъ сборникѣ «Лучъ». Эти два дѣла будутъ слушаться въ судебной палатѣ тотчасъ по окончаніи дѣла о заговорѣ, на основаніи 1033 ст. уст. угол. суд., также въ усиленномъ составѣ палаты, опредѣленномъ 1032 статьею; но послѣднее дѣло будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ.

Въ судебномъ разбирательствѣ дѣла «нечаевцевъ», за ходомъ котораго внимательно слѣдила вся наша интеллигенція, приняли участіе самые выдающіеся представители тогдашней молодой адвокатуры, какъ Спасовичъ, Арсеньевъ, Унковскій, Стасовъ, Турчаниновъ и др., которые дѣлали зависящія отъ нихъ попытки получить для подсудимыхъ наиболѣе мягкое и милостивое рѣшеніе судебной палаты. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе ея, вылившееся въ четырехъ резолюціяхъ, разновременно произнесенныхъ, дало подсудимымъ слѣдующія мѣры наказанія:

А. «Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть существующее въ Россіи правительство, по отношенію къ 11-ти лицамъ, находитъ, что осенью 1869 года въ Москвѣ составлено было тайное общество, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, и признаетъ затѣмъ виновными:

1. Дворянина П. Г. Успенскаго, 22 лѣтъ, личнаго почетнаго гражданина А. К. Кузнецова, 24-хъ лѣтъ, отставного коллежскаго секретаря И. Г. Прыжова, 42-хъ, и мѣщанина Н. Н. Николаева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что они были соучастниками означеннаго тайнаго общества, и въ томъ, что въ качествѣ сообщниковъ, по подговору Нечаева, совершили убійство студента Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто.

2. Сына священника И. И. Флоринскаго, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что, зная о существованіи означеннаго общества, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго.

3. Дворянина П. Н. Ткачева, 27-ми лѣтъ, и мѣщанку А. Д. Дементьеву, 19 лѣтъ, въ томъ, что первый сочинилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія, а послѣдняя напечатала и распространила воззваніе «Къ обществу», заключающее въ себѣ отзывъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе.

4. Находя затѣмъ подсудимыхъ священническаго сына В. Ф. Орлова, дворянина Ф. В. Волховскаго, вдову полковника Е. Х. Томилову и священническаго сына М. И. Коринѳскаго по настоящему дѣлу не виновными, судебная палата, на основаніи 318, 1.453 п. 3,

1.035, 134, 152, 19, 31, 139, 143, 129, 38 и 140-й ст. улож. о наказ. и 771-й уст. угол. суд., опредѣляетъ:

1) подсудимыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Успенскаго—въ рудники на 15 лѣтъ, Кузнецова—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Прыжова—въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, и Николаева—въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2) подсудимаго Флоринскаго заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, съ отдачею затѣмъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ;

3) подсудимыхъ Ткачева и Дементьеву заключить въ тюрьму: перваго на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьеву на 4 мѣсяца;

4) подсудимыхъ Коринѳскаго, Волховскаго, Томилову и Орлова признать по суду оправданными:

5) о примѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда относительно Флоринскаго, Ткачева и Дементьевой составить особое постановленіе;

6) приговоръ о Ткачевѣ не приводить въ исполненіе, въ виду имѣющихся въ палатѣ о немъ другихъ дѣлъ—и

Б. Судебная палата, разсмотрѣвъ вторую категорію, состоящую изъ 33-хъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Палата признаетъ виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, кн. Черкезова, Скипскаго, И. Рязанцева, В. Рязанцева, Гавришева, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ишханова, Рахимова, П. Енкуватова, Шестакова, Д. Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣчина, Ивакина и Коведяева.

2) Палата находитъ—по обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій—Долгова, Климина, кн. Черкезова, П. и Д. Енкуватовыхъ—невиновными, и

3) Равнымъ образомъ палата признаетъ невиновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи государственнаго устройства: С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Л. и Н. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь ст. 318 и 2, по прод. 1868 г., 31 ст. 3, 38, 39, 129, 134, 135, 140 и 143 и прил. 2-го къ ст. 70-й улож. о наказ. и 771 ст. уст. угол. суд., опредѣляетъ:

1. Князя Черкезова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію съ вопрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіе $1^1/_2$ года

и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе пяти лѣтъ.

2. Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Долгова, Рипмана, Климина и П. Енкуватова на одинъ годъ; Шестакова и Д. Енкуватова на восемъ мѣсяцевъ; Гавришева, Ишханова и Лау на четыре мѣсяца, Бѣляеву, Скипскаго, И. и В. Рязанцевыхъ, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ланге, Свѣчина, Ивакина и Коведяева—на два мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе пяти лѣтъ.

3. Рахимова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на три недѣли съ оставленіемъ затѣмъ подъ таковымъ же надзоромъ въ теченіе пяти лѣтъ.

4. С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Н. и Л. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина признать по суду оправданными.

В. 1. Палата признаетъ виновными въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: И. Лихутина, де-Тейльса и Александровскую.

2. Равнымъ образомъ палата находитъ, что Е. Лихутина виновна въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества, но что за это ея преступленіе она, за силою 128 ст. улож. о наказ., не подлежитъ наказанію.

3. Кромѣ того, палата считаетъ виновными Лихутина и Александровскую: перваго въ томъ, что онъ изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворянина Колачевскаго, чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу, а послѣднюю въ томъ, что покушалась на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій.

4. Палата признаетъ подсудимыхъ Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь статьями 318 п. 2 и 9 (по продолженію 1868 года), 2-й степен. 36-й, 1-й степен. 38-й, 152, 1. 688, 245; 251, 4-й и 5-й степ. 19-й, 2-й степ. 20, 114; 3-й степ. 31, 51, 128, 135 статей улож. о наказ., а также 771 ст. уст. угол судопроизводства, палата опредѣляетъ:

1. Александровскую, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

2. И. Лихутина, по лишеніи нѣкоторыхъ, означенныхъ въ ст. 50 улож., особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на одинъ годъ

и четыре мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

3. Де-Тейльса заключить въ тюрьму на четыре мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе пяти лѣтъ.

4. Лихутину, Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова—признать по суду оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу относительно Александровской, на основаніи 945 ст. уст. угол. судопр., представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

Г. Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ пятой категоріи подсудимыхъ, состоящей изъ П. Топоркова, Кошкина, Долгушина, Дудоладова и Л. Топоркова, и признавая изъ нихъ Кошкина виновнымъ въ произнесеніи заочно дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора безъ предпамѣреннаго на то умысла, а остальныхъ во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными, на основаніи 2 ч. 246 ст., 151, 1 и 2 степеней 37 ст. и 5-го п. 140 ст. улож. о наказ. и статьи 771 уст. угол. судопр., опредѣляетъ: Кошкина подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два мѣсяца, но, принимая во вниманіе долговременное содержаніе его подъ стражею и его молодость ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о совершенномъ его помилованіи: Топорковыхъ, Долгушина и Дудоладова признать по суду оправданными».

Мы видимъ во всѣхъ этихъ резолюціяхъ рядъ именъ, какъ равно по всему процессу, даже въ глубокихъ его уголкахъ, неизмѣнно фигурируетъ единое имя, къ коему и протягиваются всѣ нити дѣлъ,—имя С. Г. Нечаева, но, какъ подсудимаго, мы его тутъ не видимъ. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что, когда въ Петербургѣ и Москвѣ начались обыски, начались аресты, онъ, видя, что ему не сдобровать, что вся тяжесть обвиненій обрушится главнымъ образомъ на него, по добру, по здорову успѣваетъ скрыться и бѣжать за границу, въ Швейцарію, надѣясь найти себѣ здѣсь вѣрное пристанище, изъ котораго русскому правительству его не добыть. Но эти надежды оказались, какъ увидимъ далѣе, тщетны, и швейцарскія власти все же выдали его Россіи, но не какъ политическаго преступника, не какъ революціонера-эмигранта, а какъ уголовнаго преступника, убійцу, собственными руками пресѣкшаго жизнь своего недавняго товарища и друга.

Обращаясь къ процессу нечаевцевъ, отмѣтимъ, что здѣсь впервые прозвучалъ политическій голосъ женщины, которая со всей страстностью неофитки повѣдала судьямъ, что именно руководило ею при рѣшеніи принять участіе въ политическомъ движеніи студенче-

ства. Слово это произвело и на судей, и на общество большое впечатлѣніе, какъ откровенный и горячій голосъ молодой женщины, страстно преданной тому дѣлу, которому она, женщина обезпеченная и независимая, себя отдала и посвятила. Рѣчь Дементьевой имѣетъ главное значеніе для исторіи студенческихъ движеній и освѣщенія этихъ движеній подъ угломъ зрѣнія нуждъ учащихся и ихъ невозможности апеллировать къ обществу въ вопросѣ разъясненія этихъ нуждъ и своего спора съ властью на почвѣ академическихъ вопросовъ.

XVII.

Бѣгство Нечаева въ Швейцарію.—Его черные дни.—Выдача Нечаева швейцарскими властями русскому правительству.—Судъ надъ Нечаевымъ и его поведеніе на судѣ.—Нечаевъ въ Петропавловской крѣпости.—Его письменное заявленіе министру юстиціи.—Письмо Нечаева къ императору Александру II.—Конспиративные замыслы Нечаева и распропагандированіе имъ крѣпостного гарнизона.—Сношенія Нечаева съ исполнительнымъ комитетомъ «Народной Воли».—Желябовъ и Нечаевъ.—Письмо Нечаева въ исполнительный комитетъ, его революціонные планы и проекты манифестовъ.—Раскрытіе правительствомъ сношеній Нечаева съ волей.—Послѣдніе дни Нечаева и его кончина.—Судьба пособниковъ Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Нечаевъ бѣжалъ въ Швейцарію, оставивъ по себѣ въ Россіи кровавый слѣдъ, озлобленіе своихъ недавнихъ единомышленниковъ и разочарованіе среди тѣхъ, кто еще такъ недавно вѣрилъ въ могущество «Народной расправы» и въ близкое будущее отечественной анархіи. Прибытіе его въ страну недосягаемости для русской администраціи далеко не было столь тріумфальнымъ, каковымъ оно было въ первый пріѣздъ его сюда. Обманутыя ожиданія были налицо: студенческіе безпорядки, политическое значеніе которыхъ онъ расписывалъ передъ членами «дпнастіи «Колокола», оказались по результатамъ чрезвычайно слабыми, самые безпорядки не перешли предѣловъ сѣверной столицы, не достигли желаемыхъ размѣровъ, выразились главнымъ образомъ чисто академическими требованіями и оказались легко разгромленными правительствомъ Тимашева, Шувалова и Трепова съ значительнымъ уроиомъ въ рядахъ учащейся молодежи. Самое революціонное пламя, которое, по прежнимъ увѣреніямъ Нечаева, готово было уже лизать своими огненными языками города, села и веси Россіи, оказалось мнѳомъ, и крестьянская Русь продолжала пребывать въ прежнемъ состояніи неподвижности, съ вѣрою въ царя и Бога. На горизонтѣ даже и не брезжила заря возстанія... Нечаевъ чувствовалъ, что почва уходитъ подъ ногами, что ореолъ побѣдоноснаго революціоннаго диктатора отъ него ускользаетъ и что вся задуманная имъ игра близка къ провалу. А тутъ еще стали прибывать изъ Россіи ускользнувшіе отъ преслѣдованія правительства распропагандированные элементы отечественной общественности и по преимуществу изъ числа учащейся молодежи, при-

носившіе съ собою свѣжія вѣсти, правдивые слухи и фактическія данныя. Скоро распространилась и молва объ убіеніи Иванова, подробностяхъ этого убійства, съ обнаруженіемъ, кто настоящій виновникъ драмы въ паркѣ Петровско-Разумовской академіи, и личное дѣло Нечаева оказалось начисто проиграннымъ даже въ глазахъ тѣхъ, кто до послѣдняго времени вѣрилъ въ могущество его энергіи и власти. Отъ него русская и вся интернаціональная эмиграція отшатнулась, онъ остался въ одиночествѣ, какъ въ заколдованномъ кругу неудачи, изъ котораго не было выхода. Особенно сильно было впечатлѣніе отъ разрыва съ нимъ Бакунина; лишившись поддержки послѣдняго, Нечаевъ терялъ ту главную точку опоры, которая создавала изъ него руководителя русской революціи, и обрекался на положеніе неудачника, мистификаціи коего стали для всѣхъ явными и извѣстными. Окровавленная тѣнь Иванова какъ бы витала надъ нимъ, требуя себѣ мщенія и искупительной жертвы...

Наступили и черные дни нужды. Тщетно пытался Нечаевъ поиграть еще разъ на мотивахъ «Народной расправы»,—ни въ него, ни въ «расправу» никто уже не вѣрилъ. Русская эмиграція слагала свою жизнь и свою дѣятельность помимо его директивы—онъ тутъ являлся какъ бы лишнимъ, безъ опредѣленнаго мѣста и дѣла для себя. Оставалось утѣшеніе въ своей личной безопасности, но и эта надежда скоро оказалась разбитою, и русскому правительству удалось перешагнуть за предѣлы швейцарской недосягаемости. Власти республики вслѣдствіе настойчивыхъ требованій изъ Петербурга рѣшили его выдать подъ флагомъ уголовнаго преступленія, и оставалось только создать обстановку этой выдачи и отыскать лицо, которое взяло бы на себя помочь дѣлу ареста опаснаго революціонера. Таковымъ лицомъ оказался полякъ, Адамъ Стемпковскій, который и принялъ на себя, конечно, за приличное вознагражденіе оборудованіе ареста Нечаева въ Цюрихѣ, гдѣ послѣдній пребывалъ подъ вымышленной конспиративной фамиліей.

Стемпковскій былъ эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863 года, во время котораго онъ былъ у повстанцевъ такъ называемымъ «жандармомъ-вѣшателемъ». Онъ былъ хорошимъ мастеромъ кожевенныхъ издѣлій и много зарабатывалъ. По-русски Стемпковскій говорилъ совершенно свободно, только съ польскимъ акцентомъ. Онъ былъ членомъ многихъ революціонныхъ и соціалистическихъ кружковъ, въ томъ числѣ обѣихъ цюрихскихъ секцій интернаціонала (мѣстной нѣмецкой и славянской); состоялъ даже секретаремъ марксистской группы; какъ таковой, сумѣлъ втереться въ знакомство со всѣми эмигрантами, проживавшими въ Цюрихѣ, былъ лично знакомъ съ Бакунинымъ и съ близкимъ человѣкомъ къ послѣднему, Грейлихомъ, главою цюрихскихъ марксистовъ того времени. Въ средѣ эмигрантскихъ кружковъ ходили, правда, слухи о его близости къ русской полиціи, о его революціонной неблагона-

дежности, по эти слухи были относимы на счетъ эмигрантскихъ сплетенъ, коими эмиграція, благодаря своей замкнутости и бездѣятельной изолированности, всегда была богата. Стемпковскій, сближаясь съ Нечаевымъ, обѣщалъ ему содѣйствіе въ замышляемомъ имъ какомъ-то польскомъ кружкѣ революціонеровъ, соглашался предоставить ему какой-то заработокъ, въ которомъ тотъ въ тѣ дни сильно нуждался. Ничего не подозрѣвая для себя дурного изъ сближенія съ Стемпковскимъ, Нечаевъ охотно являлся къ нему на свиданія для переговоровъ, одно изъ каковыхъ и оказалось для него роковымъ.

Объ обстоятельствахъ ареста Нечаева г. Д—чъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Быломъ» подъ заглавіемъ: «Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ», повѣствуетъ такъ [1]): «Въ одномъ изъ предмѣстій Цюриха, Готтингенѣ, вблизи квартиры Грейлиха, былъ небольшой дешевый ресторанчикъ съ садомъ. Однажды днемъ въ этомъ ресторанчикѣ Грейлихъ назначилъ своему пріятелю и товарищу по интернаціоналу, учителю Рэми (старику, нѣмецкому эмигранту 1848 г.), свиданіе. По приходѣ въ ресторанъ они застали въ немъ Стемпковскаго въ компаніи трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтый въ штатское платье мѣстный полицейской комиссаръ (вродѣ нашего частнаго пристава), остальные двое, очевидно, были иностранцы—поляки или русскіе, такъ какъ Стемпковскій говорилъ съ ними по-польски или по-русски, но какъ именно, Грейлихъ и Рэми, не зная, ни одного изъ этихъ языковъ, опредѣлить не могли. Компанія ничего подозрительнаго не внушала, ибо полицейскіе чины во внѣслужебное время въ Швейцаріи обыкновенно ходятъ въ штатскомъ платьѣ, иностранцевъ же въ Цюрихѣ было много, такъ что подобныя встрѣчи могли носить чисто случайный характеръ, тѣмъ болѣе, что Стемпковскій, поздоровавшись съ вошедшими Грейлихомъ и Рэми, сѣлъ за отдѣльный столикъ. Одно удивило послѣднихъ, что застали Стемпковскаго въ ресторанѣ днемъ, въ рабочее время, и, какъ имъ показалось, навеселѣ, чего за нимъ раньше не замѣчалось. Грейлихъ и Рэми, которымъ необходимо было между собою о чемъ-то переговорить, заняли тоже отдѣльный столикъ. Вскорѣ въ ресторанъ вошелъ молодой человѣкъ, прямо подсѣлъ къ Стемпковскому и заговорилъ съ нимъ, какъ съ хорошо знакомымъ. Въ это время переодѣтый полицейскій вышелъ въ дверь, выходящую на улицу, а двое иностранцевъ—въ другую—въ садъ. Стемпковскій съ молодымъ человѣкомъ вскорѣ тоже вышли въ садъ, откуда затѣмъ послышался какой-то необычайный шумъ,—на послѣдній вышли въ садъ Грейлихъ съ Рэми, гдѣ увидѣли молодого человѣка, бывшаго вмѣстѣ съ Стемпковскимъ, уже скованнаго въ наручники, полицейскіе выводятъ изъ сада въ сопровожденіе обоихъ иностранцевъ; Стемпковскій же куда-то исчезъ. Молодой человѣкъ (то былъ С. Г.

[1]) «Былое», 1906 г., іюль.

Нечаевъ), увидѣвъ Грейлиха и Рэми, которыхъ онъ, очевидно, зналъ въ лицо, громко крикнулъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Скажите русскимъ, что NN (фамилія, подъ которой С. Г. Нечаевъ жилъ въ Цюрихѣ) арестованъ». Не помню, что предпринялъ Рэми, но Грейлихъ сейчасъ же пришелъ ко мнѣ и разсказалъ обо всемъ случившемся. Я немедленно пошелъ къ кому-то изъ русскихъ (кажется, къ В. Н. Смирнову [1]); оказалось, тамъ уже знали о случившемся, такъ какъ случайно встрѣтили С. Г. Нечаева на улицѣ, когда его скованнаго вели въ тюрьму.

«Арестъ С. Г. Нечаева взволновалъ весь Цюрихъ; поведеніе въ этомъ дѣлѣ Стемпковскаго особенно поразило рабочихъ и колонію эмигрантовъ. Рѣшено было произвести разслѣдованіе; надъ Стемпковскимъ былъ назначенъ судъ, въ составъ котораго вошли представители тѣхъ обществъ, членомъ которыхъ Стемпковскій состоялъ, по два человѣка отъ каждаго; я попалъ въ число судей по выбору мѣстной секціи интернаціонала. Самого Стемпковскаго тоже пригласили на судъ, предоставляя ему возможность оправдаться, если бы все оказалось дѣломъ случайности, при этомъ письменно было заявлено, что личность его останется неприкосновенною. Вмѣсто того, чтобы явиться на судъ товарищей, Стемпковскій обратился въ полицію съ просьбой о защитѣ, такъ какъ онъ не былъ убѣжденъ, что его не убьютъ. Судъ собрался въ составѣ 10—12 человѣкъ (изъ числа ихъ помню одного вышеупомянутаго В. Н. Смирнова отъ колоніи русскихъ эмигрантовъ); на немъ былъ выслушанъ рядъ свидѣтелей, среди которыхъ, кромѣ Грейлиха и Рэми, очевидцевъ ареста, главная роль выпала русскому эмигранту Турскому, жившему съ С. Г. Нечаевымъ, на одной квартирѣ и хорошо его знавшему. По показанію Турскаго, С. Г. Нечаевъ сильно нуждался въ средствахъ. Стемпковскій вызвался что-то для него устроить и въ день ареста назначилъ ему свиданіе въ кабачкѣ, такъ что Турскій зналъ, куда идетъ С. Г. Остальное произошло такъ, какъ я разсказалъ выше. Судъ объявилъ Стемпковскаго шпіономъ и постановилъ исключить его изъ всѣхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Это рѣшеніе суда было опубликовано въ мѣстномъ органѣ интернаціонала «Tagwacht» и въ одной весьма распространенной въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ демократической газетѣ... Стемпковскій послѣ того нигдѣ болѣе не показывался и вскорѣ совершенно исчезъ изъ Цюриха».

Страхъ смерти былъ у Стемпковскаго небезоснователенъ. Дѣйствительно одна группа поляковъ и сербовъ не удовлетворилась вердиктомъ вышесказаннаго суда и приговорила его къ смерти, но

---

[1]) Видный эмигрантъ, впослѣдствіи главный сотрудникъ лавровскаго журнала «Впередъ»; скончался въ Швейцаріи въ 1900 году. Б. Г.

этотъ приговоръ не удалось привести въ исполненіе, такъ какъ стрѣлявшій въ Стемпковскаго въ упоръ пять разъ даже его не ранилъ.

Нечаевъ былъ арестованъ какъ убійца Иванова. «Согласилось же швейцарское правительство выдать его Россіи,—продолжаетъ г. Д—чъ,—по удостовѣреніи, что убійство не носило политическаго характера и при условіи, чтобы судили его въ Россіи только какъ простого убійцу, не касаясь антиправительственной его дѣятельности. Агитація противъ выдачи, поднятая мѣстною печатью и путемъ ряда собраній, не оказала помощи арестованному; рѣшеніе же самаго вопроса, согласно мѣстнымъ законамъ, подлежало правительственному совѣту Цюрихскаго кантона и только санкціонировалось федеральнымъ правительствомъ республики. Изъ семи членовъ цюрихскаго кантональнаго совѣта четверо подали голосъ за выдачу, въ числѣ послѣднихъ вотировалъ Пфенингеръ, директоръ полиціи. Въ Цюрихѣ ходили слухи, что этотъ швейцарскій сановникъ былъ подкупленъ русскимъ правительствомъ и что только благодаря этому обстоятельству составилось и самое большинство въ совѣтѣ...»

Слѣдствіе надъ Нечаевымъ кончилось въ ноябрѣ 1872 года, онъ былъ признанъ убійцею Иванова и на основаніи сего выданъ русскимъ властямъ. Неудачною оказалась и попытка той группы, которая приговорила къ смертной казни Стемпковскаго, освободить Нечаева изъ рукъ жандармовъ при посадкѣ его въ поѣздъ для путешествія въ Россію. Выхваченнаго арестанта сама публика окружила и помогла полиціи водворить въ вагонъ и также арестовать двухъ пытавшихся его спасти. Такимъ образомъ, русскому правительству удалось овладѣть чрезвычайно опаснымъ для нея представителемъ революціи, доставить его въ Москву, гдѣ онъ 12 января 1873 года и предсталъ передъ окружнымъ судомъ по обвиненію по 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства.

На судѣ Нечаевъ держался озлобленно, гордо, не признавая себя даже подсуднымъ русскому суду. На вопросы предсѣдателя: онъ ли дѣйствительно Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ студента Иванова и признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ совершеніи этого убійства?—Нечаевъ возвышеннымъ голосомъ прокричалъ: «Господинъ предсѣдатель, я эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія... я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе» и рабомъ вашего деспота я быть пересталъ. Да здравствуетъ земскій соборъ! Вслѣдъ за всѣми этими возгласами его, по распоряженію предсѣдателя, выволакивали изъ залы суда, гдѣ въ коридорѣ между нимъ и стражею происходила свалка, въ которой, по его позднѣйшимъ словамъ, ему приходилось быть жестоко избитымъ.

Защитника себѣ Нечаевъ, какъ уголовный преступникъ, послѣдовательно проводящій въ своихъ дѣйствіяхъ идею своей неподсудности

русскому суду, имѣть не пожелалъ и на всѣ вопросы суда отказывался давать отвѣты, не вставалъ съ мѣста и при каждомъ обращеніи къ нему отворачивался лицомъ къ публикѣ. Послѣ длинной рѣчи, произнесенной прокуроромъ, на вопросъ предсѣдателя: не имѣетъ ли онъ чего сказать въ свое оправданіе?—Нечаевъ, опять-таки не вставая съ мѣста, отвѣтилъ: «Я считаю унизительнымъ для своего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій. Повторяю, что сказалъ графу Левашову: правительство можетъ отнять у меня жизнь, но честь останется при мнѣ».

Предсѣдатель суда произнесъ длинное резюме [1]), гдѣ сначала указалъ на неправильность утвержденія Нечаевымъ своей неподсудности русскимъ уголовнымъ законамъ, засимъ остановился на значеніи преступленія, совершеннаго въ ноябрѣ 1869 года, указалъ на роль здѣсь Нечаева и въ заключеніе сказалъ: «Въ высочайшемъ манифестѣ, при которомъ распубликованы были уставы 20 ноября 1864 года, сказано между прочимъ: «да здравствуетъ милость въ судахъ» (Начаевъ, перебивая: «а меня билъ гражданскій офицеръ») Нужно, гг. присяжные засѣдатели, условиться насчетъ смысла этого выраженія. Это слово въ уставѣ уголовнаго судопроизводства не употребляется, но немыслимо, разумѣется, чтобы уставъ уголовнаго судопроизводства, появившійся, одновременно съ манифестомъ, въ которомъ употреблено приводимое мною выраженіе, не былъ проникнутъ милостью. И дѣйствительно, уставъ проникнутъ ею. Уставъ уголовнаго судопроизводства даетъ подсудимому право во время предварительнаго и судебнаго слѣдствія представлять всѣ допускаемыя законами доказательства въ подтвержденіе того, что онъ не совершалъ преступленія, или, если совершилъ, то не настолько виновенъ, насколько его обвиняютъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства даетъ подсудимому право выбрать самому защитника, а если онъ лишенъ возможности выбрать такового, то предоставляетъ ему право просить у суда назначить защитника, т. е. человѣка опытнаго, который знаетъ, на какія обстоятельства слѣдуетъ обратить болѣе или менѣе вниманіе суда. Подсудимый судится присяжными засѣдателями, которые опредѣляютъ вину или невинность его по внутреннему своему убѣжденію, на основаніи выслушанныхъ ими обстоятельствъ дѣла. Стало быть, нѣтъ прежней системы формальныхъ доказательствъ, которая говорила, что если есть противъ подсудимаго два свидѣтельскихъ показанія, согласныхъ между собою, то судъ долженъ обвинить подсудимаго. Присяжные засѣдатели имѣютъ право, признавъ подсудимаго виновнымъ, признать въ то же время его заслуживающимъ снисхожденія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла. Наконецъ, судъ назначивъ

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

подсудимому наказаніе, имѣетъ право въ исключительныхъ случаяхъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о смягченіи участи подсудимаго. Большей милости нельзя ожидать, гг. присяжные засѣдатели, отъ суда человѣческаго. Но только этою законною милостью подсудимый и можетъ пользоваться. Никакой иной милости быть не можетъ на судѣ, потому что это равносильно было бы произволу. Всякая иная милость будетъ милость незаконная, будетъ неправосудіемъ и будетъ итти вразрѣзъ съ другимъ, употребленнымъ въ томъ же манифестѣ, выраженіемъ: «Да здравствуетъ правда въ судахъ». Гг. присяжные засѣдатели, вы должны разрѣшить настоящее дѣло на основаніи выслушанныхъ вами обстоятельствъ. Точно также вы можете признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія только въ виду какихъ-нибудь обстоятельствъ дѣла. Вы не имѣете права произвольно давать снисхожденіе. Подобное снисхожденіе будетъ тою незаконною милостію, о которой я упомянулъ, а законъ обязываетъ васъ давая подсудимому снисхожденіе, умоминать, что вы даете это снисхожденіе по обстоятельствамъ дѣла. Это выраженіе связываетъ вашу совѣсть и напоминаетъ о той присягѣ, которую вы принесли».

Если рѣчь прокурора (К. В. Жукова) имѣла цѣлью, по изъятіи изъ дѣла совершенно элементъ политическій, обрисовать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ личность Нечаева и установить его рѣшающую роль въ убіеніи Иванова, а отсюда добиться обвинительнаго вердикта присяжныхъ, то рѣчь предсѣдателя (П. А. Дрейера) преслѣдовала главнымъ образомъ задачу изъять изъ сознанія присяжныхъ самую возможность признать Нечаева заслуживающимъ снисхожденія. Объ эти цѣли были достигнуты, и присяжные вынесли изъ совѣщательной комнаты на вопросъ о виновности Нечаева короткій отвѣтъ: «да виновенъ». Вслѣдствіе такого отвѣта судъ опредѣлилъ: «Носящаго званіе учителя городского приходскаго училища, Сергѣя Геннадіевича Нечаева, 25 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать пять лѣтъ, а затѣмъ, на основаніи 25 ст. улож. о наказ., поселить въ Сибири навсегда». На эту резолюцію суда Нечаевъ, уходя изъ зала засѣданія, отвѣтилъ крикомъ: «Да здравствуетъ соборъ! Долой деспотизмъ!» подразумѣвая въ данномъ случаѣ соборъ не въ толкованіи славянофиловъ, какъ законосовѣщательное учрежденіе, а какъ учредительное собраніе. Такъ закончилось громкое дѣло Нечаева, но этимъ не заключилось его служеніе дѣлу русской революціи. Въ каторгу и Сибирь онъ не былъ отправленъ, а кружнымъ путемъ, по желѣзной дорогѣ, съ принятіемъ самыхъ тщательныхъ мѣръ предосторожности, привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, откуда онъ и ухитрился завязать самыя дѣятельныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ и сдѣлаться своего рода совѣщательнымъ членомъ тѣхъ конспирацій, которыя

стремились къ убіенію Александра II. Нечаевъ исчезъ съ горизонта видимости, но тѣнь его еще долго витала надъ дѣломъ русской революціи, какъ бы вдохновляя ее своимъ примѣромъ фанатической стойкости и вѣры въ непзбѣжность кровавой развязки борьбы общества съ правительствомъ.

По прибытіи въ Петропавловскую крѣпость Нечаевъ не потерялъ присутствія духа, свойственной ему энергіи, сообразительности и вѣры въ возможность даже изъ-за стѣнъ мрачнаго каземата вести борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей. Черезъ три года своего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ онъ подаетъ тогдашнему министру юстиціи слѣдующее заявленіе, гдѣ рисуетъ исторію своей выдачи швейцарскимъ правительствомъ, излагаетъ свой взглядъ на дальнѣйшія событія и сообщаетъ нѣкоторые любопытные факты, чрезвычайно характерно его обрисовывающіе. Вотъ это заявленіе: [1])

«Годъ спустя (т. е. послѣ суда надъ нечаевцами), чтобы добиться отъ швейцарскаго правительства выдачи Нечаева... (приказано было)... юристамъ объявить его обыкновеннымъ уголовнымъ преступникомъ, убившимъ Иванова изъ личной, будто бы, ненависти. Эта гнусная ложь и для всѣхъ очевидная клевета не смутила юристовъ. Оберъ-прокуроръ промолчалъ, малодушные представители нашей адвокатуры позорно трусили и не протестовали, швейцарскіе олигархи, по требованію царя, выдали Нечаева не только безъ суда и безъ всякаго слѣдствія, но даже безъ соблюденія формальностей экстрадиціи, безъ всякаго предупрежденія и объясненія, при нарушеніи основныхъ принциповъ публичнаго права. Нечаева схватили, избили и ограбили, продержали нѣсколько недѣль въ казематѣ и потомъ ночью, безъ всякихъ объясненій, перевезли на баварскую границу и безъ условій выдали ждавшимъ тамъ русскимъ шпіонамъ и германской полиціи. Всѣ бумаги политическаго содержанія, захваченныя при Нечаевѣ, были переданы въ III Отдѣленіе... Правительство буржуазной республики, найдя выгоднымъ выдать Нечаева, такимъ образомъ, конечно, уже не могло имѣть гарантіи за правильный ходъ правосудія и безпристрастность русской юстиціи въ этомъ дѣлѣ. Поэтому русское правительство не считало болѣе нужнымъ церемониться. Слѣдствіе было подтасовано съ крайней наглостью. Къ Нечаеву не допустили избраннаго имъ защитника. Ему не выдали даже копіи съ дѣла, не выполнили никакихъ формальностей судопроизводства. На судѣ не выслушали его объясненій (какъ только онъ открывалъ ротъ, такъ его вытаскивали изъ зала засѣданій въ коридоръ, гдѣ били его до потери сознанія). На основаніи голословнаго обвиненія прокурора и только тѣхъ отрывковъ изъ показаній соучастниковъ Нечаева, въ которыхъ говорилось лишь о самомъ фактѣ убійства... московскій окружной судъ приговорилъ Нечаева къ двадцатилѣтней каторгѣ, какъ обыкновеннаго уголовнаго преступника. При этомъ судъ предоставилъ приговоренному право апелляціи,—по истеченіи же срока для подачи жалобы Нечаева вывезли на эшафотъ, а потомъ тайно ночью окольными путями (изъ Москвы на Смоленскъ и Динабургъ) перевезли въ петербургскую Петропавловскую крѣпость и похоронили его заживо въ Алексѣевскомъ раве-

[1]) «Былое», 1906 г., іюль, ст. «С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.».

линѣ, знаменитой исторической тюрьмѣ, стѣны которой были вѣковыми свидѣтелями ужасовъ тираніи.

«Какъ только привезли Нечаева изъ Швейцаріи въ крѣпость, къ нему пришелъ въ казематъ графъ Левашевъ съ предложеніемъ составить записку для III-го Отдѣленія о составѣ, численности и средствахъ революціонной партіи, о ея планахъ и связяхъ. Нечаевъ отвергъ съ негодованіемъ «блестящія, выгодныя условія» (выраженіе Левашова). «Тѣмъ хуже для васъ,—сказалъ графъ, уходя:—васъ будутъ судить, какъ обыкновеннаго убійцу, и на судѣ предсѣдатель вамъ не дастъ говорить».

«На третій годъ одиночнаго заключенія въ равелинѣ съ такими же гнусными предложеніями пріѣзжалъ къ Нечаеву шефъ жандармовъ, генералъ Потаповъ. На этотъ разъ отвѣтомъ было выраженіе призрѣнія къ правительству въ болѣе рѣзкой формѣ, а когда Потаповъ сталъ грозить Нечаеву тѣлеснымъ наказаніемъ, какъ каторжнику, тогда онъ, въ отвѣтъ на эти угрозы, заклеймилъ Потапова пощечиной въ присутствіи командира генерала Корсакова, офицеровъ, жандармовъ и рядовыхъ; отъ плюхи по лицу Потапова потекла кровь изъ носу и изо рта. Нечаева схватили за горло, но на этотъ разъ не били. Полгода спустя, въ іюлѣ 75-го года, комендантъ просилъ Нечаева отъ имени правительства изложить свой образъ мыслей и взглядъ на положеніе русскихъ дѣлъ вообще. Нечаевъ въ отвѣтъ написалъ большое письмо царю Александру II, гдѣ, указавъ на главныя язвы политическаго и соціальнаго строя въ Россіи, назвалъ этотъ строй отжившимъ и разлагающимся; онъ указалъ неминуемую близость революціи, разрушительный характеръ которой можетъ быть ослабленъ только немедленнымъ введеніемъ либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій и созваніемъ представителей народа для пересмотра основныхъ законовъ.

«Прокуроръ московскаго суда, явившись въ первый разъ къ Нечаеву, предъявилъ ему полученное имъ предписаніе отъ министра юстиціи, въ которомъ говорилось, что Александръ II ручается швейцарскому правительству своимъ императорскимъ словомъ за правильность и безпристрастность суда надъ Нечаевымъ. На основаніи этого въ началѣ 1876 года (четвертый годъ одиночнаго заключенія) когда здоровье Нечаева было сильно разстроено, онъ послалъ царю формальное прошеніе о пересмотрѣ его дѣла, или, по крайней мѣрѣ, объ измѣненіи убійственныхъ условій жизни въ одиночномъ заключеніи. Въ отвѣтъ на это Нечаева лишили послѣдняго, единственнаго занятія—письменныхъ принадлежностей и книгъ, наложили на него тяжелыя цѣпи и заковали въ ножные и ручные кандалы, которые онъ и влачилъ въ теченіе двухъ лѣтъ...

«Нечаевъ, на основаніи вышеизложенныхъ чудовищныхъ, противозаконныхъ обстоятельствъ дѣла, обращается къ новому министру юстиціи Половцеву, какъ къ бывшему обвинителю его соучастниковъ, официально признавшему ихъ политическими преступниками, и, во имя поруганнаго права, попранной справедливости внутреннихъ основныхъ формъ судопроизводства, проситъ о пересмотрѣ его дѣла порядкомъ гласнаго суда, правильнаго и безпристрастнаго.

«Говорятъ, что швейцарское правительство напечатало потомъ заявленіе по поводу экстрадиціи, гдѣ упомянуло о какихъ-то, будто бы, данныхъ мною объясненіяхъ, которыя республиканскія власти нашли невѣрными. Это—подлая ложь, и если они опираются на документы, то они поддѣланы художниками полиціи. Швейцарская полиція начала съ того, что избила Нечаева и ограбила прежде всякаго допроса, а потому Нечаевъ никакихъ объясненій ни письменныхъ, ни устныхъ не давалъ и требовалъ судебнаго слѣдствія и свиданія съ эмигрантами».

Таковы факты, сообщенные Нечаевымъ въ заявленіи министру юстиціи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обнародована его записка, пересланная Александру II, но зато намъ извѣстно изъ той же цитированной статьи, напечатанной въ «Былomъ», его письмо къ Александру III, по вступленіи того на престолъ, письмо, не дошедшее до адресата, но пересланное узникомъ въ копіи исполнительному комитету партіи «Народной воли». Первая часть этого письма заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ, съ одной стороны, она знакомитъ насъ съ порядками, царившими въ Петропавловской крѣпости, съ условіями жизни здѣсь заключенныхъ, а съ другой—обнаруживаетъ все тотъ же не сломившійся подъ гнетомъ судьбы духъ Нечаева и его настроеніе, которое онъ сохранилъ за десять лѣтъ своего тяжкаго пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Узникъ крѣпости писалъ:

«Государь!

«Вступивъ въ управленіе крѣпостью, новый комендантъ Ганецкій произнесъ рѣчь служащимъ въ равелинѣ по поводу событія 1-го марта. Характеръ этой рѣчи, а также то обстоятельство, что произнесена она была не въ отдѣльномъ помѣщеніи, а въ отворенномъ корридорѣ, неподалеку отъ дверей каземата, громовымъ голосомъ ясно показали мнѣ, что содержаніе ея, главнымъ образомъ, предназначалось для моихъ ушей, которыя и слышали отчетливо каждое слово. Интимидація этой цѣли достигла. Косвенныя угрозы генерала Ганецкаго меня не устрашили, а показали только, что подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени крупнѣйшіе представители администраціи потеряли голову и утратили чувство собственнаго достоинства. Я не обратилъ бы вниманія на выходку его превосходительства, если бы эта рѣчь не повела къ отягощенію моего и безъ того не легкаго положенія и не сдѣлала бы его, безъ всякаго съ моей стороны повода, исключительно невыносимымъ.

«Алексѣевскій равелинъ—тюрьма секретная, никакой ревизіи не допускающая; въ ней и прежде происходили злоупотребленія, невозможныя ни въ какомъ отдаленномъ острогѣ. Но покойный комендантъ, уважаемый баронъ Майдель, понимая это, сдерживалъ до нѣкоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долгъ, не мучилъ заключенныхъ изъ личной жестокости. Теперь же, послѣ рѣчи Ганецкаго, хищникъ Филимоновъ нагло отнимаетъ у насъ послѣдній кусокъ, безстыдно заявляя при этомъ, что поступаетъ такъ по приказанію коменданта. Я уже просилъ начальство, чтобы мнѣ позволено было пользоваться пищей изъ солдатскаго котла; грубыя щи и каша, несмотря на всѣ ихъ недостатки, при существующихъ злоупотребленіяхъ, были бы все-таки питательнѣе всѣхъ обѣдовъ изъ негодной провизіи, которые поставляетъ Филимоновъ. Всѣ служащіе въ равелинѣ послѣ вступленія коменданта считаютъ отягченіе политическихъ заключенныхъ вѣрнѣйшимъ средствомъ заслужить благосклонность начальства и поступаютъ въ силу этого соображенія самымъ наглымъ, вызывающимъ образомъ. Прежде мнѣ позволяли выходить подышать чистымъ воздухомъ два раза въ день. Теперь мою прогулку сократили съ двухъ часовъ до двадцати минутъ. Мало того, меня по цѣлымъ мѣсяцамъ совсѣмъ не выводятъ изъ душнаго каземата, въ которомъ Ганецкій даже приказалъ задѣлать душники, будто съ цѣлью лишить меня возможности достать сажи для со-

ставленія чернилъ. Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое позволявшее мнѣ видѣть клочокъ неба. Нужно знать ужасы долголѣтняго одиночнаго заключенія, чтобы понять, какую отраду доставляетъ узнику видъ проходящаго облака и сіяніе звѣздъ ночью.

«Два коменданта: генералъ Корсаковъ и баронъ Майдель, шесть шефовъ жандармовъ, начиная графомъ Шуваловымъ и кончая генераломъ Черевинымъ, самъ предсѣдатель верховной комиссіи генералъ Лорисъ-Меликовъ, посѣщая меня, видѣли это чистое стекло и не находили опаснымъ для государства тотъ фактъ, что я... (*пропускъ въ рукописи*)... подслѣдственный въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ. Но я не подслѣдственный узникъ, и вотъ уже десятый годъ, какъ я лишенъ свободы, слѣдовательно, отягченіе моей участи вызывается не высшими политическими соображеніями, а лишь однимъ безчеловѣчнымъ произволомъ лица, которому ваше величество ввѣрили управленіе крѣпостью. У меня былъ личный врагъ—генералъ Мезенцевъ; онъ два года терзалъ меня въ цѣпяхъ, но и тотъ не закрывалъ для меня вида неба. У меня былъ другой врагъ, генералъ Потаповъ. Онъ оскорбилъ меня на словахъ, я за это заклеймилъ его пощечиной. Онъ имѣлъ право меня ненавидѣть, но и онъ не мстилъ мнѣ. Онъ зналъ, что мстить человѣку, лишенному свободы, можно, только имѣя душу звѣря, а генералъ Потаповъ былъ человѣкъ. Свойственны ли гуманныя чувства генералу Ганецкому,—я не знаю, но, судя по тому, что онъ посѣщаетъ равелинъ только затѣмъ, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться въ щель на отягченное имъ положеніе узниковъ, судя по этому, слѣдуетъ думать, что созерцаніе чужихъ страданій доставляетъ ему удовольствіе, которое человѣческимъ назвать нельзя. Не надѣется ли онъ довести меня до отчаянія, чтобы видѣть слезы и муки безсильнаго бѣшенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тѣмъ, которые доносятся изъ каземата моего несчастнаго сосѣда по тюрьмѣ, доведеннаго долголѣтнимъ заключеніемъ до сумасшествія? О, нѣтъ! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствія. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствія и самообладанія, когда его самого повезутъ на эшафотъ».

Повторивъ далѣе въ письмѣ то, что имъ было уже сказано въ запискѣ на имя министра юстиціи объ обстоятельствахъ своего ареста, суда и приговора надъ нимъ, Нечаевъ въ заключеніе письма говоритъ:

«Привезенный тайно ночью прямо съ эшафота (окольными путями, исколесивъ половину Россіи) въ Петропавловскую крѣпость, я былъ заживо погребенъ въ стѣнахъ Алексѣевскаго равелина, гдѣ, заточенный въ одиночное заключеніе при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я не ожидаю отъ новаго правительства облегченія своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще болѣе ухудшитъ мое положеніе. Людовикъ XVI также понялъ ужасы страданій узниковъ Бастиліи только тогда, когда самъ попалъ въ государственную тюрьму. Но такъ какъ нигдѣ въ мірѣ произволъ представителей администраціи не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, такъ какъ ни въ одной странѣ воля и желаніе главы не искажаются до такой степени, какъ у насъ, то я и счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего величества объ отягченіи условій моей тюремной жизни безъ всякаго съ моей стороны повода. Теперь всякое дальнѣйшее угнетеніе меня будетъ уже совершаться съ вашего высочайшаго вѣдома, въ силу вашей царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможныя лишенія, коль скоро буду знать,

что подвергаюсь имъ по распоряженію высшей власти. Но быть жертвой безчеловѣчнаго произвола его превосходительства и молчать... я не въ состояніи. С. Н.

«Пишу кровью, ногтемъ.

Письмо это, благодаря тогда установившемуся строгому надзору за заключенными, повидимому, или совсѣмъ не было послано, или послано наудачу, безъ надежды достиженія опредѣленной почтовой цѣли. Но копію съ него и тоже съ припиской: «Пишу кровью, ногтемъ», Нечаевъ все же успѣлъ переслать исполнительному комитету.

На основаніи приведенныхъ записокъ Нечаева мы видимъ, что его положеніе въ казематѣ Петропавловской крѣпости претерпѣвало разныя фазы: то режимъ его облегчался, то становился суровѣе, самъ фактъ писанія на волю показываетъ, что его пребываніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ окружено чѣмъ-то необыкновеннымъ, чего въ жизни остальныхъ заключенныхъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ россійскихъ ни до него, ни послѣ не встрѣчается. И дѣйствительно, изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидятъ, что тутъ на яву совершалось нѣчто уже непостижимое, гдѣ не знаешь, чему удивляться, ловкости и желѣзной энергіи узника, или тому невозможному строю, при которомъ существовала грозная по своему назначенію крѣпость, куда ничей посторонній взоръ не долженъ былъ бы проникать. Вотъ почему, вѣроятно, когда всѣ дѣянія Нечаева обнаружились, то на него и обрушилось все недовольство и страхъ тѣхъ, кому его судьба и судьба крѣпости были ввѣрены. Вотъ, что мы узнаемъ изъ цитированной уже статьи журнала «Былое», въ свою очередь, позаимствовавшаго свои свѣдѣнія изъ «Вѣстника Народной воли», съ которой въ теченіе нѣсколькихъ годовъ Нечаевъ состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и непрестанномъ обмѣнѣ корреспонденціей.

Первые годы Нечаевъ сидѣлъ въ равелинѣ одинъ, или, можетъ быть, хуже, чѣмъ одинъ,—онъ сидѣлъ съ сумасшедшимъ Шевичемъ. Кто такой былъ Шевичъ, это остается загадкой... Кажется, это—бывшій гвардейскій офицеръ, посаженный изъ-за личнаго столкновенія съ кѣмъ-то изъ очень высокопоставленныхъ лицъ. Впослѣдствіи Шевичъ былъ совершенно сумасшедшимъ переведенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ. Если условія заключенія для Нечаева были вначалѣ очень суровы, то послѣ пощечины, данной имъ Потапову, они ухудшились еще болѣе.

Въ этомъ періодѣ тюремной жизни Нечаева, когда онъ былъ закованъ и прикованъ цѣпью къ стѣнѣ и два года провалялся на полу каземата, онъ обнаружилъ живучесть и силу воли, едва ли имѣющія гдѣ-либо примѣръ. Чѣмъ онъ могъ поддержать себя въ эти страшные два года, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, онъ сохранилъ не только разсудокъ и способность, но и всю свою огромную энергію. Обстоятельства между тѣмъ начали складываться

для него болѣе благопріятно. Время шло; новые люди, новыя событія затирали въ памяти правительства когда-то страшнаго «Нечаева»... Съ него сняли оковы. Свыше перестали требовать для него бдительнѣйшаго надзора и неукоснительной строгости. Этого было достаточно. Нечаевъ получилъ возможность вліять на своихъ тюремщиковъ... Это вліяніе иногда кажется чѣмъ-то просто сказочнымъ, и, однако, оно несомнѣнно подтвердилось на судѣ показаніями солдатъ и другихъ служащихъ, превратившихся въ покорное орудіе своего арестанта.

Нечаевъ прежде всего началъ добиваться права получать книги и письменныя принадлежности и добился желаемаго. Книгъ въ равелинѣ было много. Нечаевъ требовалъ выписки новыхъ. Смотритель, значительно ему подчинившійся, долженъ былъ, однако, отказать въ этомъ. Тогда Нечаевъ объявилъ, что заморитъ себя голодомъ, нѣсколько дней не бралъ ничего въ ротъ и уже, дѣйствительно, впалъ въ полное оцѣпенѣніе, когда смотритель успѣлъ выхлопотать у коменданта отпускъ нѣкоторой суммы на пополненіе библіотеки равелина. Нечаева едва возвратили къ жизни, но онъ добился своего. Съ тѣхъ поръ онъ могъ начать правильную жизнь. Весь день у него былъ строго распредѣленъ между гимнастикой, чтеніемъ и писаніемъ. Онъ началъ поправляться здоровьемъ, и... вмѣстѣ съ тѣмъ у него появились планы, одинъ другого шире и смѣлѣе.

Въ равелинѣ служащіе не смѣнялись нѣсколько лѣтъ. Нечаевъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ каждому и, пользуясь этимъ, намѣтилъ нѣсколько лицъ, пригодныхъ для его плановъ. Еще сидя на цѣпи, онъ умѣлъ лично повліять на многихъ изъ своихъ сторожей. Онъ заговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Случалось, что, согласно приказу, тюремщикъ ничего не отвѣчалъ, но Нечаевъ не смущался. Со всей страстностью мученика онъ продолжалъ говорить о своихъ страданіяхъ, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь?.. Тебѣ запрещено говорить? Да ты знаешь ли, другъ, за что я сижу?.. Вотъ судьба,—разсуждалъ онъ самъ съ собой:—вотъ будь честнымъ человѣкомъ: за нихъ же, за его же отцовъ и братьевъ погубишь свою жизнь, а заберутъ тебя, да на цѣпь посадятъ, и этого же дурака къ тебѣ приставятъ. И стережетъ онъ тебя лучше собаки. Ужъ дѣйствительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдатъ, задѣтый за живое, не выдерживалъ и бормоталъ что-нибудь о долгѣ, о присягѣ. Но Нечаевъ только этого и ждалъ. Онъ начиналъ говорить о царѣ, о народѣ, о томъ, что такое долгъ и т. д.; онъ цитировалъ священное писаніе, основательно изученное имъ въ равелинѣ, и солдатъ уходилъ смущенный, растроганный, на половину убѣжденный. Иногда Нечаевъ употреблялъ другой пріемъ. Онъ вообще разспрашивалъ всѣхъ обо всемъ и, между прочимъ, узнавалъ иногда

самые интимные случаи жизни даже о сторожахъ, его самого почти не знавшихъ. Пользуясь этимъ, онъ иногда поражалъ ихъ своею, якобы, прозорливостью, казавшейся имъ сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положенія, наводившею солдатъ на мысль, что передъ ними находится какой-то очень важный человѣкъ, Нечаевъ намекалъ на своихъ товарищей, на свои связи, говорилъ о царѣ, намекалъ о дворѣ, на то, что наслѣдникъ за него...

Когда съ него сняли цѣпи, Нечаевъ умѣлъ это представить въ видѣ результата хлопотъ высокопоставленныхъ покровителей, начинающихъ брать силу при дворѣ. То же самое повторилось при исторіи съ книгами и заднимъ числомъ распространилось на потаповскую пощечину. Конечно, Нечаевъ ничего не говорилъ прямо, но тѣмъ сильнѣе работало воображеніе солдатъ, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослѣдствіи, когда положеніе Нечаева улучшилось, и онъ сталъ получать книги и газеты, когда разговоръ съ нимъ пересталъ быть преступленіемъ, вліяніе его сдѣлалось чрезвычайнымъ. Его, дѣйствительно, не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нерѣдко трогательно любили; нѣкоторые изъ солдатъ, напримѣръ, старались доставить ему удовольствіе, покупая ему газеты или что-нибудь изъ пищи на собственный счетъ; особенно привязанные прозвали его орломъ; «нашъ орелъ»,—такъ называли они его между собою.

Покушеніе Соловьева (въ 1879 г.) чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Онъ давно говорилъ, что партія наслѣдника (къ которой самъ будто бы принадлежалъ) свергнетъ съ престола Александра II. Онъ предвидѣлъ дальнѣйшія покушенія и говорилъ объ этомъ своимъ сторожамъ. Онъ тутъ началъ прямо доказывать нѣкоторымъ изъ нихъ, будто у него есть сношенія съ волей, будто другіе сторожа уже перешли на сторону наслѣдника и служатъ ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившіе, привыкли, такимъ образомъ, къ мысли о возможности служить Нечаеву, онъ сталъ имъ это прямо предлагать, и первый, согласившійся на это, былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ чуть не послѣдній, и что чуть не вся крѣпость принадлежитъ уже Нечаеву. Но Нечаевъ строго придерживался конспираціи, и его пособники почти никогда, особенно сначала, не имѣли никакихъ прямыхъ указаній одинъ на другого.

Въ это время (въ ноябрѣ 1880 года) былъ посаженъ въ равелинъ С. Ширяевъ. Онъ очень понравился Нечаеву, который, присмотрѣвшись къ нему, рѣшился открыть ему часть своей «организаціи», какъ онъ выражался, и часть своихъ плановъ. Еще раньше былъ посаженъ въ равелинъ Мирскій, но Нечаевъ не открылъ ему ничего. Планъ же у него былъ очень широкій. Бѣгство изъ крѣпости казалось ему уже слишкомъ недостаточнымъ. Изучивъ тщательно крѣпость (онъ зналъ ее изумительно, и все черезъ перекрестные допросы «своихъ» людей и черезъ ихъ развѣдки), составъ ея

войскъ, личности начальствующихъ и т. д. и, разсчитывая, что съ теченіемъ времени ему удастся распропагандировать достаточное число вполнѣ преданныхъ людей, онъ задумалъ такой планъ: въ какой-то день года, когда вся царская фамилія должна присутствовать въ Петропавловскомъ соборѣ, Нечаевъ долженъ былъ овладѣть крѣпостью и соборомъ, заключить въ тюрьму царя и провозгласить царемъ наслѣдника. Этого фантастическаго плана не могъ одобрить Ширяевъ, несмотря на то, что былъ очарованъ силой и энергіей Нечаева. Но онъ нашелъ, съ своей стороны, способъ вступить въ сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ.

Съ этого-то времени и начинаются сношенія съ послѣднимъ Нечаевъ и при этомъ строго установилъ свою обычную систему: главныя сношенія велъ съ исполнительнымъ комитетомъ въ лицѣ Желябова [1]).

Исполнительный комитетъ признавалъ, что планъ овладѣнія крѣпостью и царскою фамиліею совершенно невозможенъ; гораздо осуществимѣе представлялось освобожденіе заключенныхъ изъ равелина. Нечаевъ получилъ главное, чего ему до сихъ поръ не доставало,—деньги, и могъ поэтому гораздо успѣшнѣе подготовлять дѣло. Къ несчастью для него, новое покушеніе на жизнь царя сталкивалось съ этимъ освобожденіемъ. Очевидно было, что освобожденіе, можетъ быть, даже вооруженной рукой, изъ такого государственнаго тайника, какъ Алексѣевскій равелинъ, должно было возбудить въ правительствѣ панику и сдѣлать надолго невозможнымъ нападеніе на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій ставить въ первую очередь, и они подали свои голоса за 1-е марта, несмотря на то, что Желябовъ уже лично осмотрѣлъ равелинъ и призналъ побѣгъ, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ имѣлъ деликатность въ своихъ письмахъ сохранить самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что дѣло ихъ, заключенныхъ, ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ и, нѣтъ сомнѣнія, что такой ловкій человѣкъ, какъ Нечаевъ, долженъ былъ прекрасно понимать всю справедливость опасеній Желябова.

Въ это время Нечаевъ поддерживалъ оживленную переписку съ исполнительнымъ комитетомъ и вообще съ разными народовольцами. Онъ вообще очень симпатизировалъ народовольчеству и былъ въ большой радости, узнавши о существованіи организаціи исполнительнаго комитета и ея средствахъ. Но въ дѣятельности исполни-

[1]) Кромѣ Желябова, сношенія съ Нечаевымъ вели Франжоли, Перовская, Арончикъ и др. Сношенія велись черезъ солдатъ, служившихъ въ равелинѣ, и чрезъ другихъ лицъ. Лицо, очень близко знавшее тогдашнія дѣла исполнительнаго комитета, утверждаетъ редакція «Былого», съ увѣренностью передавало, что Желябовъ видѣлся даже съ Нечаевымъ и лично говорилъ съ нимъ. Б. Г.

тельнаго комитета онъ находилъ очень много ошибокъ. Ошибки эти всѣ сводились, по его мнѣнію, къ чрезмѣрной «добросовѣстности» лицъ, заправлявшихъ дѣлами партіи.

«Не принимайте этого за комплиментъ,—писалъ Нечаевъ:—не забудьте, что изъ-за этой буржуазной добросовѣстности задерживается успѣшная организація, а, стало быть, дается время окрѣпнуть врагамъ народа. Изъ-за этой добросовѣстности затрудняется борьба, и потомъ придется уничтожать не сотни, а сотни тысячъ человѣкъ». Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Нечаева, комитетъ не умѣетъ показывать товаръ лицомъ, не умѣетъ ослѣпить и враговъ и друзей блескомъ своей силы. Имѣя въ рукахъ такія побѣды, какія уже были у комитета, ловкіе люди на мѣстѣ его могли бы раздуть себя во всероссійскую силу и давно заставить врага капитулировать безъ боя. А комитетъ не только не умѣетъ «раскричать» себя, но не умѣетъ даже хоть молчать. «Возможно ли, напримѣръ,—говоритъ Нечаевъ,—печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тысячъ рублей? И это, во-первыхъ, невѣрно, потому что на самомъ дѣлѣ въ отчетахъ почти никогда не показывались именно крупныя суммы, огласки которыхъ жертвователи боялись выдать себя знакомымъ и полиціи. Есть ли мысль печатать такіе отчеты? Да ихъ нужно,—говоритъ Нечаевъ:—увеличивать *ужъ по крайней мѣрѣ* двумя нулями. Или какой смыслъ обращаться къ обществу и народу съ воззваніемъ о поддержкѣ, даже указывая, что въ противномъ случаѣ организація можетъ быть разбита? Комитетъ не долженъ допускать и мысли объ этомъ; онъ долженъ только *возбуждать* общество или народъ и обѣщать имъ свою поддержку, а не просить ея у нихъ»...

Замѣчаній въ этомъ родѣ Нечаевъ дѣлалъ очень много и очень досадовалъ, что онъ, не будучи, въ силу своего положенія, членомъ организаціи, не можетъ активно вліять на ходъ дѣлъ. Однажды онъ предложилъ исполнительному комитету цѣлый планъ дѣйствій.

Нечаевъ предложилъ выпустить сперва для мѣстностей, гдѣ сильна вѣра въ царя, подложный царскій манифестъ, въ которомъ царь, будто бы, объявляетъ своимъ вѣрноподданнымъ: «По совѣту любезнѣйшей супруги нашей государыни императрицы, а также по совѣту князей, графовъ и т. д. и по просьбѣ всего дворянскаго сословія, мы признали за благо»—возвратить крестьянъ помѣщикамъ, увеличить срокъ солдатской службы, разорить всѣ старообрядческія молельни и т. д. Въ то же время долженъ быть разосланъ священникамъ подложный же «секретный указъ» святѣйшаго синода, гдѣ сказано, что «Всемогущему Богу угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе: новый императоръ Александръ III заболѣлъ недугомъ умопомѣшательства и впалъ въ неразуміе», вслѣдствіе чего священники должны тайно возсылать съ алтаря молитвы о дарованіи ему исцѣленія, никому не открывая сей важной государственной тайны». Расчетъ былъ основанъ на томъ, что священники именно разболтаютъ всѣмъ скандальное извѣстіе. Послѣ этихъ подготовленій нужно было распустить манифесты отъ якобы тайнаго «великаго земскаго собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи»

во-первыхъ, къ крестьянамъ, во-вторыхъ, къ «православному русскому воинству, гвардейскимъ, гренадерскимъ и армейскимъ полкамъ, конницѣ и артиллеріи, гарнизоннымъ войскамъ и мѣстнымъ командамъ». Въ первомъ объявить, что царя больше нѣтъ, старый убитъ, а новый съ ума сошелъ; что соборъ рѣшилъ произвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы, и потомъ указать, чтобы «по полученіи сего манифеста не медля нимало, во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступить къ справедливому передѣлу всей земли... прежде же всего отрѣшить отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей... приводя ихъ къ крестному цѣлованію и т. д. Всѣхъ помѣщиковъ и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу... Всѣхъ исправниковъ, становыхъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось, и немедленно предавать смерти»... Въ концѣ манифеста, довольно длиннаго, помѣчается, что составленъ онъ «на великомъ земскомъ соборѣ, по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей, мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ», и предписывается всюду развозить манифестъ и исполнять. Въ самомъ концѣ подписано «быть по сему».

Манифестъ къ войскамъ упоминаетъ о предыдущемъ манифестѣ, объявляетъ, что выраженнымъ тамъ мѣрамъ воспротивилась царица съ генералами и дѣлаетъ воззваніе къ военному бунту. Всѣ подробности этихъ плановъ вообще были имъ обдуманы очень тщательно.

Эти планы оставлены были, однако, исполнительнымъ комитетомъ безъ всякихъ послѣдствій; корреспонденты же Нечаева обыкновенно отвѣчали ему, что шарлатанство—дѣло очень опасное, и если бы еще могло быть допущено до извѣстной степени въ самый моментъ возстанія, то ужъ никакъ не въ періодъ собиранія силъ, когда оно можетъ быть только вредно. Нечаевъ никакъ не могъ согласиться съ этой точкой зрѣнія: его глубокая вѣра въ близость революціоннаго взрыва и его необычайное личное умѣнье группировать и направлять людей тянули его совсѣмъ въ другую сторону.

Впрочемъ, дѣлая вообще упреки комитету, Нечаевъ все-таки очень цѣнилъ его и нерѣдко хвалилъ его агентовъ за ловкость въ исполненіи тѣхъ или другихъ плановъ, иногда ему сообщаемыхъ. Особенно высоко цѣнилъ онъ Желябова и, говоря однажды о необходимости учредить революціонную диктатуру въ средѣ организаціи, указывалъ на Желябова, какъ на человѣка, способнаго къ этой роли, Одновременно съ 1-мъ марта исполнительный комитетъ на всякій случай дѣлалъ приготовленія и къ освобожденію. Оказалось, однако, что, благодаря арестамъ, начать его было очень трудно, а самое главное,—въ крѣпости установились строгости. Убійство царя сразу поставило крѣпость на военную ногу, хотя, впрочемъ, сношенія

продолжались. Затѣмъ, при арестѣ Перовской у нея были найдены адреса нѣкоторыхъ женщинъ, любовницъ крѣпостныхъ солдатъ, и это заставило крѣпостное начальство усилить строгости. Въ равелинѣ начались починки, поправки, задѣлывались всѣ слабыя мѣста, усилились караулы и обходы, удвоился надзоръ. Захватъ адресовъ у Перовской все-таки не имѣлъ того значенія, какое ему старался придать обвинительный актъ по обвиненію крѣпостной стражи въ сношеніяхъ съ политическими узниками. Перовская взята въ мартѣ 1881 г., а сношенія съ равелиномъ продолжались еще въ мартѣ 1882 г. Сверхъ того, кромѣ случая съ Перовской, въ крѣпости около того же времени произошелъ еще другой казусъ: въ мѣстѣ заключенія подслѣдственныхъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ заключенными сынъ смотрителя, Богородицкій [1]), который и былъ по этому случаю арестованъ, а вслѣдъ за нимъ арестованъ былъ и самъ смотритель, полковникъ Богородицкій, заподозрѣнный въ пособничествѣ сыну при этихъ сношеніяхъ. Осенью 1881 г. извѣстный революціонеръ Савелій Златопольскій жилъ въ Петербургѣ спеціально съ цѣлью устроить побѣгъ Нечаева и вѣрилъ въ свое предпріятіе. Все это наэлектризовало начальство и довело его бдительность до крайняго напряженія, слѣды чего и усматриваются изъ писемъ Нечаева къ Александру III. Нечаевская конспирація была, однако, такъ крѣпко сшита, что долго никто не попадался, и сношенія все-таки продолжались, хотя мысль объ освобожденіи заключенныхъ стала совсѣмъ химеричной, и жить въ равелинѣ становилось все тяжелѣе.

Въ началѣ лишь 1882 года правительство обнаружило сношенія Нечаева съ волей, вслѣдствіе чего были произведены массовые аресты среди солдатъ Алексѣевскаго равелина и на волѣ. Весь режимъ равелина совершенно реформированъ, а смотрителемъ его назначенъ былъ Соколовъ, перешедшій впослѣдствіи отсюда въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получилъ отъ тамошнихъ заключенныхъ наименованіе «Иродъ». Хотя къ тому времени въ равелинъ были посажены новые узники, какъ-то Фроленко, А. Михайловъ и другіе, но условія пребыванія Нечаева среди нихъ были обставлены уже такими предосторожностями, что вновь прибывшіе даже и не подозрѣвали, что среди нихъ находится знаменитый агитаторъ и создатель «Народной расправы». Тяжелыя условія новаго режима, а также продолжительность одиночнаго заключенія съ постоянной борьбой и лихорадочной конспираціей, наконецъ, надорвали здоровье Нечаева, и онъ сталъ медленно умирать отъ чахотки. Скон-

[1]) Богородицкій обвинялся въ томъ, что носилъ изъ Трубецкого бастіона книги съ надписями заключенныхъ на квартиру Люстига для передачи исполнительному комитету. Б. Г.

чался онъ въ ночь съ 8-го на 9-е мая 1883 года такъ тихо, что его кончины даже не досмотрѣла стерегшая его стража [1]).

Если прологомъ къ тюремной жизни Нечаева былъ процессъ «нечаевцевъ», то въ качествѣ эпилога долженъ быть разсматриваемъ процессъ о пропагандѣ среди крѣпостныхъ солдатъ, которыхъ Нечаевъ распропагандировалъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и благодаря которымъ онъ установилъ связи съ комитетомъ «Народной воли» и съ другими революціонерами 80-хъ годовъ. Двадцать пять человѣкъ привлеченныхъ къ суду по этому оригинальному процессу были признаны виновными, не исключая и смотрителя Филимонова, и приговорены къ разнаго рода наказаніямъ, гдѣ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ съ отдачею на разные сроки въ дисциплинарные батальоны былъ доминирующимъ наказаніемъ.

XVIII.

Ликвидація правительствомъ оппозиціонной общественности.—Настроеніе столичныхъ интеллигентныхъ кружковъ послѣ дѣла Каракозова.—Заявленіе Петербургскаго земскаго собранія о своихъ политическихъ правахъ и желаніяхъ.—Закрытіе по высочайшему повелѣнію петербургскихъ губернской и земской управъ и роспускъ земскаго собранія.—Впечатлѣнія отъ этихъ распоряженій.—Покушеніе Березовскаго на жизнь Александра II въ Парижѣ.—Новыя назначенія въ административномъ мірѣ.—Гр. П. А. Шуваловъ.—Ѳ. Ѳ. Треповъ.—А. Е. Тимашевъ.—Пресса.—П. Л. Лавровъ.—Убыль популярности Герцена и упадокъ «Колокола».—Временное закрытіе «Колокола».—Герценъ и молодое поколѣніе революціонныхъ эмигрантовъ.—Статья Герцена объ «Общемъ фондѣ».—Тоска, охватившая Герцена, его послѣдніе дни и кончина.

Висѣлицей Каракозова, ссылкой его товарищей и одиномышленниковъ дѣло 4 апрѣля 1866 года, какъ дѣло объ опредѣленномъ государственномъ преступленіи, хотя и было ликвидировано, но дальнѣйшіе акты этой ликвидаціи въ отношеніи борьбы съ оппозиціонной общественностью далеко еще не закончились. Даже послѣ ссылки ишутинцевъ нѣсколько перестроившаяся администрація не успокоилась и продолжала искать въ рядахъ столичной интеллигенціи корней грозной крамолы, которая ей всюду мерещились и видѣлась.

Такъ, изъ цитированныхъ уже воспоминаній г-жи Брешковской [2]) становится извѣстнымъ, что Ишутина съ дороги въ Сибирь внезапно вернули для новыхъ допросовъ, для дачи новыхъ показаній. Вотъ потрясающая сцена, которую она рисуетъ: «Прошло два года [3]). Разъ ночью раздался шумъ въ коридорѣ, загремѣли желѣзные за-

---

[1]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Нечаевъ былъ повѣшенъ въ крѣпости, но фактическихъ данныхъ для такого утвержденія въ литературѣ не имѣется. Б. Г.

[2]) «Изъ моихъ воспоминаній».

[3]) Два года по прибытіи въ забайкальскую Александровскую каторжную тюрьму, куда каракозовцы и ишутинцы были заключены. Б. Г.

совы, и въ маленькой камерѣ, лежавшей рядомъ съ большой, гдѣ помѣщались каракозовцы, послышался таинственный шумъ, шептавшіеся голоса. Потомъ дверь снова затворилась, люди ушли, и снова тишина и безмолвіе. Большую камеру отъ маленькой отдѣляла досчатая стѣна, плохо сколоченная. Молодые силачи стали сверлить дыры, прокладывая щели, но, когда они услышали въ отвѣтъ на свой зовъ знакомый имъ голосъ,—они быстро сообразили, какъ вынуть одну изъ досокъ, и черезъ нѣсколько минутъ стояли противъ Ишутина. Онъ задрожалъ, отскочилъ и закричалъ: «Это не вы, неправда, это не вы... васъ давно нѣтъ въ живыхъ... васъ замучили... неправда, это обманъ, васъ нѣтъ, васъ нѣтъ!» Блѣдный, измученный, съ горящими глазами, онъ былъ страшенъ собственнымъ ужасомъ своимъ, ужасомъ человѣка, увидѣвшаго передъ собой людей съ того свѣта.

«Мало-по-малу ласковыя слова товарищей, ихъ привѣтливыя лица, знакомыя выраженія, напоминанія о прошломъ—успокоили Ишутина, привели его въ себя, заставили понять дѣйствительность и признать ее. Тогда онъ самъ сталъ разсказывать, какъ его вернули съ дороги, повезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, пустынную, мрачную, сырую; какъ заковали въ кандалы и держали безвыходно, при самомъ жестокомъ режимѣ. Мертвая тишина окружала его каменный гробъ, и только вначалѣ къ нему входили чиновники, требовали дальнѣйшихъ «откровенныхъ» показаній о заговорѣ противъ правительства и грозили новыми ужасами за его молчаніе и отрицаніе, какъ, наконецъ, принесли къ нему изодранную, окровавленную одежду, въ которой онъ узналъ платье своихъ товарищей по суду, и стали говорить ему, что «и съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ поступили съ близкими ему людьми, если онъ не откроетъ всей правды». Но ничего новаго Ишутинъ и не могъ бы сказать своимъ палачамъ, если бы и хотѣлъ; жандармамъ все было извѣстно изъ показаній, подтвержденныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ, пытки они устраивали для очистки своей совѣсти: авось еще осталось недосказанное имя, мѣсто, произнесенное слово...» [1]).

Что въ дѣлѣ Каракозова были допущены особыя средства для вывѣданія отъ главныхъ участниковъ желанныхъ показаній, не подлежитъ сомнѣнію. Это не были пытки въ прямомъ, обычномъ смыслѣ, въ родѣ средневѣковыхъ, но, напримѣръ, самого Карокозова подвергали мучительной безсонницѣ, расталкивая его въ сидячемъ положеніи черезъ каждыя 5 минутъ въ теченіе долгаго времени. Извѣстный революціонеръ кн. П. Кропоткинъ въ своихъ «запискахъ» [2]), съ которыми въ дальнѣйшемъ намъ еще придется имѣть

---

[1]) Впослѣдствіи Ишутинъ душевно-разстроенный скончался въ 1878 г. на Карѣ. Б. Г.

[2]) П. Кропоткинъ. «Записки революціонера».

дѣло, слышалъ въ Сибири отъ одного изъ своихъ товарищей безхитростный разсказъ по настоящему предмету со словъ жандарма, охранявшаго въ крѣпости Каракозова.

— Хитрый былъ человѣкъ—говорилъ жандармъ.—Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, намъ велѣно было не давать ему спать. Мы по двое дежурили при немъ и смѣнялись каждые два часа. Вотъ, сидитъ онъ на табуретѣ, а мы караулимъ. Станетъ онъ дремать, а мы встряхнемъ его за плечо, и разбудимъ. Что станешь дѣлать? Приказано такъ. Ну, смотрите, какой онъ хитрый. Сидитъ онъ, ногу за ногу нерекинулъ и качаетъ ее и хочетъ показать намъ, будто не спитъ; самъ дремлетъ, а ногой все дрыгаетъ. Но мы скоро замѣтили его хитрость, то же передали и тѣмъ, что пришли на смѣну. Ну, и стали его трясти каждыя пять минутъ—все равно, качаетъ ли онъ ногой, или нѣтъ.

— А долго это продолжалось?

— Долго: больше недѣли!

Отъ такого пріема воздѣйствія осужденный носомнѣнно слабѣлъ и, быть можетъ, дѣйствительно готовъ былъ повиниться въ томъ, въ чемъ въ иномъ случаѣ онъ оказался бы молчаливъ. Извѣстную правдоподобность такого рода показаніямъ цитированныхъ лицъ даютъ слова Муравьева, сказанныя, когда онъ приступилъ къ дознанію, что онъ «найдетъ средство развязать языкъ арестованнымъ». Легенда о жестокостяхъ, творимыхъ въ отношеніи арестованныхъ, имѣла въ тѣ годы широкое распространеніе, наводила трепетъ, холодила общество ужасомъ и вливала въ настроеніе интеллигенціи еще новую горечь, которой у нея было не мало. Виднѣйшіе представители оппозиціонной мысли въ короткое время были изъяты изъ ея среды—Чернышевскій, Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ, Лавровъ были разосланы въ Сибирь и на крайній сѣверъ, «Современникъ» и «Русское Слово» закрыты, у полицейской власти становились люди рѣшительные и крайнихъ консервативныхъ взглядовъ съ непремѣнной задачей искоренить крамолу съ корнемъ.

Прибывшій въ тѣ поры изъ дальней сибирской поѣздки въ Петербургъ кн. Кропоткинъ, тогда блестящій гвардейскій офицеръ, еще далекій до политическаго радикализма, нашелъ столицу сильно измѣнившеюся.

— О, да!—сказалъ ему поэтъ А. Н. Майковъ:—вы знали Петербургъ Чернышевскаго.

«Передъ отъѣздомъ изъ Сибири мы часто бесѣдовали съ братомъ о той умственной жизни, которую найдемъ въ Петербургѣ, и о предстоящихъ интересныхъ знакомствахъ въ литературныхъ кружкахъ,—говоритъ кн. Кропоткинъ.—Дѣйствительно, мы завязали такія знакомства среди какъ радикаловъ, такъ и умѣренныхъ славянофиловъ; но надо сознаться, что мы нѣсколько были разочаро-

ваны. Встрѣтили мы массу прекрасныхъ людей (въ Россіи ихъ вездѣ много); но они вовсе не соотвѣтствовали нашему идеалу политическихъ писателей. Лучшіе литераторы—Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ—были или въ ссылкѣ, или, какъ Писаревъ, сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Другіе, мрачно смотрѣвшіе на дѣйствительность, измѣнили своимъ убѣжденіямъ и теперь тяготѣли къ своего рода отеческому самодержавію. Большинство же, хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожно въ выраженіи ихъ, что эта осторожность почти равнялась измѣнѣ.

«Когда реформаціонное теченіе царило въ Россіи, почти всѣ писатели, принадлежавшіе къ передовымъ кружкамъ, были такъ или иначе въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Тургеневымъ и ихъ друзьями, или даже съ тайными обществами «Великороссъ» и «Земля и Воля», имѣвшими тогда кратковременное существованіе. Теперь эти люди заботились лишь о томъ, чтобы похоронить поглубже свои прежнія симпатіи и казаться вполнѣ политически благонадежными.

«Два-три журнала, которыхъ терпѣло начальство,—главнымъ образомъ благодаря необыкновенной дипломатической ловкости ихъ издателей,—помѣщали богатый бытовой матеріалъ, наглядно доказывавшій, что нищета и разоренность большинства крестьянъ постоянно растутъ изъ года въ годъ. Въ этихъ же журналахъ достаточно прозрачно говорилось также о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставились всякому прогрессивному дѣятелю, въ какой бы области онъ ни пытался приложить свои силы. И фактовъ въ подтвержденіе приводилось столько, что они могли всякаго привести въ отчаяніе. Но никто не смѣлъ сказать, какъ помочь дѣлу; никто не дерзалъ хоть намекомъ указать на поле возможной дѣятельности или же на выходъ изъ положенія, которое признавалось безнадежнымъ. Нѣкоторые писатели все еще надѣялись, что Александръ II опять станетъ преобразователемъ; но у большинства—страхъ, что запретятъ журналы и сошлютъ издателей и сотрудниковъ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, заглушалъ всѣ остальныя чувства. Опасеніе и надежда въ одинаковой степени парализовали писателей.

«Чѣмъ сильнѣе радикальничали они десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ больше трепетали они теперь. Насъ съ братомъ очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣда теряла фривольный характеръ, или какъ только братъ, обладавшій большимъ талантомъ поднимать серьезные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла или же на положеніе Франціи, которую Наполеонъ III велъ къ страшному кризису 1870 года,—такъ кто-нибудь изъ старшихъ уже навѣрное прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: «А кто былъ, господа, на

послѣднемъ представленіи «Прекрасной Елены»? или: «А какого вы, сударь, мнѣнія объ этомъ балыкѣ?» Разговоръ такъ и обрывался.

«Внѣ литературныхъ кружковъ положеніе дѣлъ обстояло еще хуже. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ, было много передовыхъ людей, которые, какъ казалось тогда, готовы были всѣмъ пожертвовать для своихъ убѣжденій.—«Что сталось съ ними?» задавалъ я себѣ вопросъ. Я заговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. «Осторожнѣй, молодой человѣкъ!» отвѣчали они. Ихъ кодексъ житейской философіи заключался теперь въ пословицахъ: «Сила солому ломитъ», «Лбомъ стѣны не прошибешь» и тому подобныхъ, которыхъ, къ несчастію, такъ много въ русскомъ языкѣ. «Мы кое-что уже сдѣлали; не требуйте больше отъ насъ», или «потерпите, такое положеніе вещей долго не продержится». Такъ говорили намъ. А мы, молодежь, готовы были начать борьбу, дѣйствовать, рисковать, если нужно, жертвовать всѣмъ. Мы просили у стариковъ лишь совѣта, кое-какихъ указаній и нѣкоторой интеллектульной поддержки».

Такова была мѣтко нарисованная физіономія столичнаго общества въ періодъ, наступившій вслѣдъ за ликвидаціей каракозовскаго дѣла. Единственнымъ диссонансомъ здѣсь прозвучалъ надѣлавшій такъ много шума инцидентъ въ с.-петербургскомъ земскомъ собраніи, гдѣ дворянство сдѣлало нѣкоторую попытку заявить о своихъ «правахъ» и «желаніяхъ».

Земскія учрежденія были введены въ 33 губерніяхъ къ концу 1866 г., и съ самаго начала ихъ функціонированія между ними и правительственною властью началась борьба, главнымъ образомъ на почвѣ ихъ права свободнаго расположенія своими матеріальными средствами, въ которыхъ они были крайне стѣснены, но безъ наличія которыхъ не могло быть и рѣчи о прочномъ строительствѣ народной жизни. Въ цѣляхъ усиленія этихъ средствъ земства приступили въ обложенію торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, что задѣло интересы торгово-промышленнаго сословія, которое по сему предмету и подняло шумъ. Министерство финансовъ стало на сторону послѣдняго, результатомъ чего появился законъ 21 ноября 1866 г., ограничившій земства въ ихъ правѣ обложенія сказанныхъ предпріятій. Послѣдовалъ затѣмъ рядъ пренебреженій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ земскихъ ходатайствъ и сразу стало яснымъ, что въ странѣ, призванной къ новой жизни, гдѣ всѣ силы должны были слиться воедино для блага народа, образовались двѣ враждебныя стороны, ведущія между собою неравную борьбу, но гдѣ страдающимъ элементомъ является сельское населеніе, отъ котораго государственное казначейство почерпало свои главнѣйшія средства.

Петербургское губернское земское собраніе еще въ 1865 году высказалось въ пользу расширенія дарованныхъ земству правъ и созыва центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. При составленія смѣты доходовъ и расходовъ на 1867 г. губернская управа, предсѣдателемъ которой былъ знаменитый въ свое время цензоръ Н. Ф. Крузе, пренебрегла сказаннымъ закономъ 21 ноября и включила въ свою смѣту недозволенное обложеніе; утвержденную собраніемъ смѣту губернаторъ опротестовалъ. Управа же предложила принести жалобу въ сенатъ на дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, съ каковымъ предложеніемъ земское собраніе послѣ бурныхъ здѣсь преній согласилось. Валуевъ придалъ всему дѣлу политическій характеръ, представилъ дѣйствія собранія чуть ли не революціонными, а главныхъ дѣйствовавшихъ на немъ лицъ объявилъ чуть ли не крамольниками. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, гдѣ объявлялось: «Въ виду того, что петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ законами и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству»—постановлено: закрыть и распустить петербургское губернское земское собраніе, закрыть въ Петербургской губерніи губернскую и уѣздныя земскія управы, пріостановить въ ней дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, предсѣдателя губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ земскихъ управъ уволенными отъ должностей. Мѣра эта произвела всюду ошеломляющее впечатлѣніе, которое еще усугубилось, когда стало извѣстнымъ, что главный ораторъ на собраніяхъ, произносившій наиболѣе рѣзкія рѣчи и дѣлавшій конкретныя предложенія, шедшія вразрѣзъ съ тенденціями администраціи, гр. Андрей Шуваловъ высланъ за границу, а предсѣдатель управы Крузе—въ Оренбургъ.

Дѣйствія Валуева не вызвали сочувствія даже Каткова, а старый либералъ Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ [1]): «Уничтоженіе земскихъ собраній Петербургской губерніи—гибельная мѣра. Не предвѣщаетъ ли оно впереди ихъ общаго уничтоженія, т. е. подчиненія власти министровъ и губернаторовъ? Понимаютъ ли это стоящіе на высотѣ—неизвѣстно, но Валуевъ это, конечно, хорошо понимаетъ. Стать выше закона, дать своему

[1]) «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ», т. II.

произволу полный просторъ—всегда было его задачею. Въ нынѣшнее время и не трудно достигнуть этого. Стоитъ только преувеличить движеніе въ обществѣ и въ земствѣ, обвинить ихъ въ нигилизмѣ—и съ этимъ можно достигнуть всего, чего угодно. Вѣдь посягаютъ уже и на суды. Говорятъ, на дняхъ еще былъ внесенъ въ комитетъ министровъ проектъ объ учрежденіи какого-то контроля изъ высшихъ административныхъ лицъ надъ судами и надъ всѣми судебными учрежденіями, не исключая и сената. Вотъ что дѣло, такъ дѣло!... На этотъ разъ проектъ о подчиненіи судовъ административной власти не прошелъ, но развѣ это не можетъ состояться въ будущемъ?» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Самые опасные внутренніе враги наши не поляки и не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкопыватели судовъ».

Записи того періода въ дневникѣ такого умѣреннаго человѣка, какъ Никитенко, дышатъ грустью и пессимизмомъ и настолько любопытны для характеристики тѣхъ «унылыхъ» дней, что мы считаемъ небезполезнымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ.

Говоря про новаго министра народнаго просвѣщенія, онъ записываетъ: «Первые шаги графа Дмитрія Андреевича Толстого на его министерскомъ поприщѣ начинаютъ возбуждать какія-то странныя впечатлѣнія. Что графъ благоговѣлъ передъ «Московскими Вѣдомостями», это уже было извѣстно. Онъ, не обинуясь, высказываетъ передъ ними родъ сыновней почтительной готовности и готовности во всякомъ случаѣ руководствоваться ихъ авторитетомъ и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, говоритъ:«учитель такъ сказалъ». Онъ сдѣлалъ также юношескую ошибку въ саратовской рѣчи, въ которой, говоря о дурномъ направленіи учащейся молодежи, выразился такъ: «при мнѣ этого не будетъ». Далѣе: «Валуевъ и графъ Шуваловъ быстрыми шагами стремятся къ тому, чтобы вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ: одинъ посредствомъ общей, другой—посредствомъ тайной полиціи. Главная забота ихъ теперь—подорвать суды, т. е. взять ихъ подъ опеку административной власти. Валуевъ уже подкопался подъ суды со стороны печати... государь уже согласился съ мнѣніемъ Валуева, и разсмотрѣніе проекта (о печати) въ государственномъ совѣтѣ будетъ только для соблюденія формальности. Итакъ, вотъ уже первая побѣда бюрократіи надъ судебную властью. Бѣдное русское правосудіе!». «Валуевъ,—пишетъ онъ,—провелъ-таки свою мѣру о предоставленіи большей власти губернаторамъ, отвергнутую государственнымъ совѣтомъ... Вотъ и плоды знаменитаго постановленія объ усиленіи власти губернаторовъ. Нижегородскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе («Голосъ», № 307), по которому всѣ женщины, носящіе круглыя шляпы, синія очки, баш-

лыки, коротко остриженные волосы и не носящія кринолиновъ, признаются нигилистками, забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ скинуть всѣ эти наряды и надѣть кринолины; а если онѣ не послушаются, то высылать ихъ изъ губерніи. Администрація въ своемъ усердіи доходитъ до того предѣла, гдѣ ея странныя распоряженія уже перестаютъ быть странными, а становятся комическими». «Возвысился графъ Шуваловъ и дѣлаетъ, что ему заблагоразсудится, помимо закона и всѣхъ установленныхъ государственныхъ учрежденій... То же самое дѣлаетъ нынѣшній оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Они пріобрѣли страшную власть именемъ злополучнаго 4 апрѣля... Для этого Валуевъ далъ такія полномочія губернаторамъ, на которыхъ повсюду разспространяется негодованіе».

Положеніе объ усиленіи губернаторской власти было проведено въ комитетѣ министра по иниціативѣ Шувалова и при поддержкѣ Зеленаго (министра государственныхъ имуществъ) и вопреки оппозиціи со стороны Замятина и Рейтерна. Мѣра эта какъ законъ не была опубликована, а утверждена въ административномъ порядкѣ. Благодаря ей, губернаторъ сталъ настоящимъ «хозяиномъ» ввѣренной ему губерніи, и безъ его согласія ни одно вѣдомство не могло принимать кого-либо на службу, а всѣ учрежденія были признаны оказывать ему по первому требованію всяческое содѣйствіе.

Если изъ устъ такого тихаго человѣка, какъ Никитенко, мы слышали рѣчи смущенія, то что же удивительнаго, если по адресу наступившихъ дней реакціи снова раздались страстныя рѣчи Герцена, рѣчи, которыя, однако, уже слабо доходили до слуха соотечественниковъ. Реакція шла полнымъ ходомъ, и точно въ подкрѣпленіе ей вдругъ совершено неожиданное раздался въ Парижѣ 25 мая 1867 г. новый выстрѣлъ, направленный въ Александра II во время его возвращенія съ блестящаго парада французскихъ войскъ на Лоншанскомъ полѣ. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ полякомъ Березовскимъ; онъ не коснулся государя и ранилъ лишь лошадь ѣхавшаго возлѣ экипажа французскаго шталмейстера. Покушеніе Березовскаго было актомъ мщенія по польскимъ дѣламъ и послужило лишь къ возвеличенію монарха, вызывая всюду чувство негодованія, не исключая и Герцена, который писалъ: [1]) «Опять выстрѣлъ. Мы объ немъ распространяться не будемъ. Наше мнѣніе объ этомъ пути извѣстно, ни вопль безумныхъ крикуновъ, ни брань сильныхъ міра сего не заставятъ насъ ни превозносить этого рода попытокъ, влекущихъ за собой страшныя бѣдствія, ни произнести слово осужденія мученикамъ, которые обрекаютъ себя на смерть и которыхъ совѣсть чиста именно потому, что они фанатики».

[1]) «Колоколъ», 1867 г., № 243.

Березовскій былъ предâнъ французскому суду присяжныхъ и приговоренъ къ пожизненной каторгѣ. Покушенія Каракозова и Березовскаго произвели на Александра II сильное впечатлѣніе, и неувѣренность въ собственной безопасности начала грознымъ призракомъ вставать передъ нимъ все чаще и чаще, благодаря чему представители начала консервативнаго и реакціоннаго получаютъ въ его глазахъ первенствующее значеніе, какъ элементы его личной охраны и защиты отъ всѣхъ опасностей, которыя тѣснымъ кольцомъ окружили жизнь самого его и жизнь близкихъ ему людей. Этимъ настроеніемъ умѣло и ловко пользуются новые столпы администраціи, которые и становятся истинными вершителями судебъ Россіи.

Намъ уже извѣстны назначенія, сдѣланныя въ административномъ мірѣ немедленно вслѣдъ за событіемъ 4 апрѣля 1866 года. Новая взошедшая здѣсь звѣзда былъ шефъ жандармовъ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, который съ первыхъ же своихъ шаговъ на своей высокой должности пріобрѣлъ репутацію всесильнаго руководителя нашей внутренней политики. Характеризуя его, какъ блестящаго государственнаго человѣка, отдавая дань его уму и такту, князь Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]) подчеркиваетъ въ его поведеніи ту черту, что онъ сумѣлъ «провести строго опредѣленную грань между своимъ политическимъ или государственнымъ положеніемъ и придворнымъ». Благодаря этому, говоритъ авторъ воспоминаній, «графъ П. А. Шуваловъ не зналъ никакихъ придворныхъ интригъ, ни у кого никогда не заискивалъ и являлся въ кабинетѣ государя его главнымъ совѣтникомъ, всегда съ гордостью и самолюбіемъ своего независимаго и ни въ чемъ не нуждавшагося положенія. Я думаю, что въ этомъ была главная причина его обаятельнаго на государя вліянія. Онъ давалъ своимъ отношеніямъ къ государю атмосферу и характеръ увѣренности и спокойствія, которыя отвѣчали потребности до извѣстной степени недовѣрчивой и подозрительной натуры государя, а такъ какъ при этихъ чертахъ государь не особенно любилъ иниціативу, то и тутъ властолюбивыя цѣльность и твердость шуваловскаго характера должны были быть для него удобными». Но главнымъ его недостаткомъ, по мнѣнію князя Мещерскаго, было то, что онъ былъ слишкомъ мало русскимъ. «Его воспитаніе,—говоритъ онъ,—его среда, его вкусы, его нравы, все вмѣстѣ держало его въ отдаленіи отъ русской жизни, особливо народной, и это отдаленіе отъ русской жизни, влекшее за собою ея непониманіе, имѣло послѣдствіемъ его пассивное отношеніе ко всѣмъ тѣмъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, которые въ видѣ реформъ относились до внутренней жизни Россіи.

[1]) Князь В. П. Мещерскій: «Мои воспоминанія», часть вторая.

Аграрные вопросы онъ понималъ скорѣе съ точки зрѣнія нѣмецкаго барона или англійскаго лендлорда; русская деревня для него была мертвою буквою; русскій мужикъ представлялся ему какимъ-то существомъ conventionnel, безъ всякаго психическаго міра; земство ему казалось какими-то говорильнями на воздухѣ, внѣ всякой органической связи съ бытомъ провинціальной жизни и т. д. Оттого, не взирая на все важное политическое значеніе, начавшееся въ то время, у него не было подъ ногами главнаго—почвы знанія и пониманія Россіи. И если я говорю объ этомъ, то потому именно, что приходилось не разъ жалѣть о томъ, что графу Шувалову не удалось во все время своей первенствующей во внутренней политики роли имѣть то консервативное и сдерживающее вліяніе, на которое онъ имѣлъ право по своимъ способностямъ и своимъ дарованіямъ, но которое ему не далось именно вслѣдствіе его незнанія и непониманія Россіи. Не понимая, не зная Россіи, онъ не понималъ непригодности для нея такихъ дѣятелей, какъ Валуевъ, и еще менѣе могъ понимать всю непоправимость и либеральную путаницу, которыя вселили въ жизнь реформы, столь спѣшно и столь мало соображаясь съ нуждами Россіи вводимыя. Онъ не могъ ни исправлять, ни направлять политику реформъ. А по дарованіямъ онъ могъ бы это сдѣлать, если бъ онъ былъ духовно-русскій человѣкъ. Впослѣдствіи все это оказалось нагляднѣе и яснѣе».

Второй человѣкъ, пріобрѣвшій на государя особое вліяніе, былъ новый оберъ-полицеймейстеръ Ѳ. Ѳ. Треповъ, человѣкъ, хотя и не принимавшій участія въ судьбахъ всей Россіи и не касавшійся широкихъ внутреннихъ вопросовъ, но являвшійся часто эхомъ Шувалова и, какъ типичный полицейскій, видѣвшій всюду опасности, безпорядки, требующіе борьбы и репрессіи. Служба въ тревожные дни въ Варшавѣ наложила на него неизгладимый слѣдъ. По словамъ князя Кропоткина, стоявшаго тогда близко къ высшему свѣту, «Шуваловъ и Треповъ правили страхомъ. Треповъ до того напугалъ Александра II призраками революціи, которая вотъ-вотъ разразится въ Петербургѣ, что если всесильный оберъ-полицеймейстеръ опаздывалъ во дворецъ на нѣсколько минутъ съ ежедневнымъ докладомъ, императоръ справлялся: «Все ли спокойно въ Петербургѣ?»

Былъ налицо еще Валуевъ. Мы знакомы съ его административнымъ и законодательнымъ обликомъ. Со дня 4 апрѣля 1866 года онъ бросилъ всякое кокетничанье съ либерализмомъ и сталъ его непримиримымъ врагомъ, уйдя цѣликомъ въ борьбу съ земствами, съ печатью и со всяческими вѣяніями «освободительнаго» характера. Въ этой дѣятельности онъ всего менѣе интересовался Россіей, жизнью и нуждами народа, благодаря чему очень скоро очутился въ трагическомъ положеніи: на страну въ 1867 году надвигался голодъ, а о немъ-то онъ менѣе всего и зналъ. Не было

принято никакихъ мѣръ, ничто не было предвидѣно, а въ его канцелярской регистраціи стояли успокоительныя слова: «все обстоитъ благополучно». О бѣдствіи лишь окольными путями дошло до Аничковскаго дворца, и вотъ въ видѣ сюрприза для министра внутреннихъ дѣлъ на борьбу съ народнымъ горемъ сталъ наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ, пригласившій себѣ къ тому же въ помощники заштатнаго либерала Н. А. Милютина. Валуеву осталось лишь одно—просить объ оставкѣ, которая и была принята, причемъ на его имя былъ данъ всемилостивѣйшій рескриптъ. Стоялъ вопросъ о назначеніи ему преемника; таковымъ оказался генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Городскіе толки положительно утверждали, что онъ явился кандидатомъ именно Шувалова.

О новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ князь Мещерскій повѣствуетъ: «Послѣдняя должность его была начальника штаба при шефѣ жандармовъ князѣ В. А. Долгоруковѣ. Во дни оны, при императорѣ Николаѣ, была плеяда красивыхъ, ловкихъ въ танцахъ, элегантныхъ и неглупыхъ флигель-адъютантовъ. Таковы были графъ Шуваловъ, Альбединскій и также Тимашевъ. Съ красивыми манерами и элегантною наружностью, съ умѣньемъ говорить остроумно и умно, Тимашевъ двигался и достигъ, какъ его товарищи по плеядѣ, до генерала-адъютантства и до репутаціи государственнаго человѣка. Съ большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, съ бойкимъ умомъ и съ умѣньемъ сказать мѣткое слово направо и налѣво, А. Е. Тимашевъ, не задумываясь, принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ нельзя храбрѣе, и ко дню своего торжественнаго входа въ министерство и шествія по его комнатамъ принялъ физіономію серьезную, озабоченную и импозантную, такъ что мы, всѣ чиновники, подумали, что тихій зефиръ въ лицѣ Валуева смѣнилъ грозный вѣтеръ въ лицѣ Тимашева. Но вскорѣ мы увидѣли, что такъ какъ у Тимашева былъ одинъ изъянъ—незнаніе Россіи и вообще административнаго дѣла, то въ сущности ничто не измѣнилось. Тимашеву сразу понадобились люди, за него знающіе дѣло, и всѣ главныя дѣйствующія лица при Валуевѣ остались болѣе, чѣмъ когда-либо, нужными при Тимашевѣ. Это невѣдѣніе своей области не помѣшало ему начать съ округленія своего министерства посредствомъ присоединенія къ нему почтъ и телеграфовъ».

Подъ давленіемъ же графа Шувалова состоялось и назначеніе преемника подавшему въ отставку министру юстиціи Замятину. Все тотъ же князь Мещерскій говорилъ по своему предмету: «Въ день, когда узнали въ Петербургѣ о томъ, что выборъ новаго министра юстиціи, вмѣсто Замятина, палъ, на графа Палена, бывшаго псковскимъ губернаторомъ, тогда всѣ поняли, какое сильное политическое вліяніе пріобрѣлъ П. А. Шуваловъ на своемъ посту

шефа жандармовъ. Едва онъ успѣлъ подсказать выборъ генералъ-адъютанта Тимашева, какъ на постъ столь важный въ то время, при началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, постъ министра юстиціи, онъ указалъ, отступая смѣло отъ всѣхъ традицій, въ лицѣ графа Палена, во-первыхъ, молодого, а, во-вторыхъ, совсѣмъ чужого вѣдомству человѣка.

«Это назначеніе сопровождалось и удивленіемъ и комментаріями. Ихъ было немало, но существенныя изъ нихъ было предположеніе, что выборъ, по совѣту гр. Шувалова, остзейца и лютеранина, какъ разъ въ это время, во главу министерства юстиціи долженъ былъ имѣть смыслъ реакціоннаго шага противъ излишка либерализма, введеннаго въ жизнь судебными уставами. Это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александръ II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого ему министръ юстиціи Замятинъ докладывалъ послѣ неприличной рѣчи одного сенатора въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что онъ, государь, не имѣетъ права безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей. Но не одно это могло вызвать въ государѣ намѣреніе реагировать противъ новыхъ судовъ. До государя не могли не доходить наполнявшіе Петербургъ въ то время разсказы и легенды объ умышленно либеральномъ образѣ дѣйствій вновь учрежденныхъ мировыхъ судей, сразу поставившихъ себѣ ребяческую задачу обратить на себя вниманіе умышленнымъ проявленіемъ неуваженія къ лицамъ маломальски знатнымъ или имѣющимъ право на извѣстный почетъ и уваженіе... Какъ бы то ни было, но забота графа Шувалова о томъ, чтобы на мѣсто министра юстиціи назначенъ былъ человѣкъ не изъ судебнаго вѣдомства, прямо свидѣтельствовала о недовѣріи къ этому новому вѣдомству и объяснялось желаніемъ охладить либеральной пылъ этого вѣдомства».

Такъ въ теченіи 1876 года перестроились ряды высшей бюрократіи, что не внушало обществу надежды на скорое наступленіе лучшихъ дней и тѣмъ болѣе, что главный тонъ всей внутренней политикѣ, при наличіи въ ней даже преобладающаго значенія графа Шувалова, давали все же «Московскія Вѣдомости», которыя къ тому времени достаточно кристаллизовались и получили спеціально боевой характеръ съ ихъ спеціальными лозунгами и паролями. Петербургская пресса была окончательно принижена, состояла, можно сказать, вся цѣликомъ подъ подозрѣніемъ и съ трудомъ сохраняла занятыя позиціи, осторожно защищая тѣ главнѣйшія положенія, которыя ей достались отъ еще недавней живой эпохи реформъ. Съ уходомъ Головнина «Голосъ» хотя и удержалъ позицію «органа петербургской бюрократіи», но вліяніе его было чрезвычайно слабо, и Валуевъ уже не стѣснялся сыпать на него цензурныя кары за его отношенія какъ къ вопросамъ внутренней политики, такъ и внѣшней. Главныя прогрессивныя обществен-

ныя силы сосредоточиваются въ двухъ органахъ: новомъ журналѣ Стасюлевича «Вѣстникъ Европы» и ежедневной «академической» газетѣ Корша «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», причемъ нельзя не отмѣтить, что сплошь и рядомъ мы видимъ, въ томъ и другомъ

А. Е. Тимашевъ.

изданіи однихъ и тѣхъ же сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, К. К. Арсеньева, К. Д. Кавелина, Л. А. Полонскаго, Ѳ. Ѳ. Воропонова, А. Н. Веселовскаго, Н. И. Колюпанова, В. И. Лихачева, А. С. Суворина, В. П. Буренина и др. Газета Корша велась чрезвычайно интеллигентно, изобиловала множествомъ серьезныхъ статей и получила особенное значеніе, когда въ ней стали появляться блестящіе фельетоны «Незна-

комца»-Суворина, произведшіе настоящій переворотъ въ газетномъ дѣлѣ. Остальные органы печати, какъ, напр., «Дѣло» Благосвѣтлова, имѣвшее своею сокровенною цѣлью замѣнить «Русское Слово», или «Отечественныя Записки» А. Краевскаго, или «Женскій Вѣстникъ», далеко не удовлетворяли своему назначенію, и общественное вліяніе ихъ было слабо. Жизнь въ нихъ замерла, и они существовали подъ исключительнымъ страхомъ цензурной кары. Нѣкоторое оживленіе журналистики замѣчается лишь съ 1868 года, когда Некрасовъ вошелъ въ соглашеніе съ Краевскимъ, заарендовавъ у него «Отечественныя Записки» и вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ и Г. Е. Елисеевымъ влилъ въ нихъ то содержаніе, которымъ выдѣлялся въ свое время «Современникъ» при Чернышевскомъ. Преемственность идей послѣдняго нѣсколько спустя переходитъ къ молодому блестящему соціологу-публицисту Н. К. Михайловскому, который съ семидесятыхъ годовъ и становится въ литературѣ тою основною осью, около которой группируются литературныя силы крайняго оппозиціоннаго направленія. Въ своемъ мѣстѣ о немъ придется достаточно говорить. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ ближайшее время послѣ событія 4 апрѣля 1867 года правительству удается обезцвѣтить литературу, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и притомъ мнѣнія оппозиціонно настроеннаго.

Послѣдній видный представитель научной литературы, котораго правительство, такъ сказать, изъяло изъ обращенія вслѣдъ за Михайловымъ, Чернышевскимъ и Шелгуновымъ, былъ П. Л. Лавровъ, хотя всѣмъ своимъ политическимъ существомъ и стоявшій въ единеніи съ названными лицами, но по великому недоразумѣнію одно время считавшійся даже какъ бы принципіальнымъ недругомъ той категоріи идей, которымъ служилъ вдохновитель «Современника». Блестящій преподаватель математическихъ наукъ въ артиллерійской академіи, Лавровъ дебютировалъ въ литературѣ стихами, но затѣмъ перешелъ понемногу къ философіи и особенно на первыхъ порахъ обратилъ на себя вниманіе статьями объ ученіи Гегеля, напечатанными въ «Библіотекѣ для чтенія»; потомъ писалъ онъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Словѣ». Политическіе радикалы того времени относились, однако, къ его научно-философскому міросозерцанію отрицательно, и Н. Е. Кудринъ въ своей книгѣ «Соціалисты Запада и Россіи» [1]) даетъ этому слѣдующее достаточно удачное объясненіе. Онъ говоритъ: «Извѣстное нерасположеніе къ Лаврову въ радикальныхъ слояхъ того времени объясняется отчасти добросовѣстностью его критики, которая не щадила тогдашнихъ идоловъ. Такъ, Лаврову ставили, между прочимъ, въ упрекъ его статью о матеріализмѣ («Механическая теорія міра»), въ которой будто бы

[1]) Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ) «Соціалисты Запада и Россіи».

онъ сталъ на сторонѣ противниковъ «Современника». Читайте эту статью: въ ней нѣтъ ничего похожаго на подобное обвиненіе... Отношеніе къ Лаврову со стороны крайнихъ радикаловъ 60-хъ годовъ было основано на недоразумѣніи. Когда борьба съ начавшейся политической реакціей вызвала распаденіе оппозиціи на разныя фракціи, вражда между органами прессы, выражавшими эти фракціи, приняла очень скоро ожесточенный характеръ. Людямъ въ то время казалось, что кто не за «Современникъ», тотъ противъ Чернышевскаго и его друзей, а такъ какъ Лавровъ писалъ въ «Отеч. Зап.», съ которыми «Современникъ» полемизировалъ, то и авторъ «Личности» [1]) былъ причтенъ къ идейнымъ товарищамъ Дудышкина и Альбертини, что было далеко не вѣрно».

Въ 1860 году Лавровъ прочелъ въ пользу литературнаго фонда три публичныя лекціи, и послѣднія подверглись рѣзкой полемикѣ со стороны М. А. Антоновича, замѣнившаго въ «Современникѣ» Добролюбова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда въ издававшемся тогда «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ» подъ редакціей А. Краевскаго, куда Лавровъ былъ приглашенъ завѣдующимъ философскимъ отдѣломъ, начали появляться его статьи, то на него ополчилось все наше ученое духовенство, усмотрѣвшее въ этихъ статьяхъ элементы безбожія. Но, говоритъ г. Кудринъ, «по мѣрѣ того, какъ деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе передвигался влѣво. Въ 1862 г. онъ былъ введенъ покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ въ революціонное общество «Земля и Воля», а за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго сблизился съ этимъ послѣднимъ и былъ приглашенъ имъ въ качествѣ секунданта на «словесную дуэль» съ однимъ изъ представителемъ консервативнаго лагеря... Арестъ Чернышевскаго и его товарищей и разгромъ общества «Земля и Воля» вырвали изъ передовыхъ рядовъ много выдающихся дѣятелей, окрокинули старыя перегородки между различными группами оппозиціи, но, съ другой стороны, вызвали новыя и болѣе опредѣленныя раздѣленія. Лавровъ самымъ положеніемъ вещей былъ поставленъ въ необходимость итти вправо или влѣво, и со свойственною ему послѣдовательностью сдѣлалъ новый шагъ въ сторону радикализма. Впрочемъ, уже съ 1861 г. начальство смотрѣло на него, какъ на прямого врага: принцъ Ольденбургскій, за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго, говорилъ въ интимной бесѣдѣ: «Стоитъ только схватить пять-шесть зачинщиковъ (упоминая въ томъ числѣ и Лаврова), и революціи и въ поминѣ не будетъ». Когда послѣ студенческихъ исторій и закрытія университета студенты обратились къ Лаврову съ просьбою читать имъ лекціи въ зданіи думы, то начальство запретило эти

[1]) Его брошюра: «Очерки вопросовъ практической философіи. «Личность».

чтенія... Когда въ Петербургѣ стало основываться общество женскаго труда, при ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ, въ свою очередь, списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, навербованныхъ почти исключительно въ средѣ «нигилистокъ», показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о «филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ!..»

Въ 1865 году Лавровъ совершилъ поѣздку за границу, и немедленно вслѣдъ за 4 апрѣля 1866 года онъ былъ уже арестованъ, несмотря на то, что при обыскѣ у него компрометирующаго ничего не было найдено и противъ него уликъ никакихъ не было. Тѣмъ не менѣе, по настоянію Муравьева, онъ былъ преданъ военному суду. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, въ которыхъ выражалось «неуваженіе» къ Николаю I и Александру II; въ сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ (Чернышевскій, Михайловъ и др.), въ проведеніи «вредныхъ идей» путемъ печати и т. д. Военно-судебная комиссія приговорила его лишь къ временному аресту, но генералъ-аудиторъ Философовъ (мужъ А. П. Философовой) измѣнилъ этотъ приговоръ, вслѣдствіе чего онъ по высочайшему повелѣнію былъ уволенъ отъ службы и сосланъ въ одну изъ «внутреннихъ» губерній подъ надзоръ полиціи; мѣстомъ жительства ему былъ назначенъ городъ Тотьма, откуда онъ со временемъ при участіи друзей (Германа Лопатина) и бѣжалъ, эмигрировавъ окончательно за границу и сдѣлавшись однимъ изъ главныхъ зарубежныхъ руководителей нашего революціоннаго движенія, въ которомъ ему выпала, какъ видно будетъ далѣе, сыграть очень крупную роль.

П. Л. Лавровъ былъ, такимъ образомъ, послѣднимъ видным представителемъ радикальной русской литературы за тотъ періодъ, на голову котораго палъ грозный ударъ правительства. Жизнь притихла, но притихла только снаружи, ибо къ этимъ же годамъ относится сильное подспудное движеніе среди молодежи обоего пола, движеніе, которое въ слѣдующемъ десятилѣтіи приняло рѣзкій революціонный характеръ со всѣми его жертвами и ужасами, образовавъ собою быстрый потокъ, который сотнями и сотнями сносилъ молодыя жизни въ сибирскіе рудники и тюрьмы. Многіе изъ этой молодежи, которымъ удалось избѣгнуть печальной участи товарищей, но которые не находили себѣ удовлетворенія въ легальныхъ рамкахъ повседневной жизни, бросились за рубежъ родной земли, гдѣ и образовали широкіе кадры русской эмиграціи. Здѣсь они встрѣтились и стали лицомъ къ лицу съ родоначальникомъ этой эмиграціи, знаменитымъ издателемъ «Колокола».

Послѣ тревогъ и неудачъ польскаго возстанія 1863 г., когда Герценъ оказался цѣликомъ подъ гипнозомъ и подъ давленіемъ неистовой воли Бакунина, его популярность пошла на убыль. Пробудившееся національное самосознаніе, взрывъ патріотизма, глашатаемъ котораго явился Катковъ, были роковыми для него гранями, раздѣлившими жизнь «Колокола» на двѣ половины: первая была полна успѣха и плодотворнаго служенія историческимъ запросамъ родины, вторая не лишена была извѣстности, но уже являлась какъ бы не нужной, отслужившей свою службу. Да и время сдѣлало свое дѣло: тамъ, за роднымъ рубежомъ уже раздавались молодыя рѣчи, полныя огня и страсти, болѣе смѣлыя и рѣзкія, нежели тотъ элегантный языкъ, которымъ онъ привыкъ говорить. Герценъ какъ бы пережилъ самъ себя, а неуспѣхъ польскаго движенія, какъ это со всякими неуспѣхами въ жизни всегда бываетъ, ставили именно ему въ слишкомъ значительный минусъ. И онъ съ спокойствіемъ, съ удивительнымъ рыцарствомъ принималъ направляемыя противъ него стрѣлы и менѣе всего готовъ былъ складывать отвѣтственность на кого бы то ни было.

Подписка и тиражъ «Колокола» въ Лондонѣ стали сильно падать, да и сама редакція оказалась въ 1865 г. совершенно изолированною: былыя паломничества сюда русскихъ на поклонъ знаменитому эмигранту кончились, а вмѣстѣ съ тѣмъ все та же дорогая Герцену русская жизнь начала бить ключомъ въ другомъ углу Европы—на родинѣ Вильгельма Теля, на берегахъ Женевскаго и Цюрихскаго озеръ. Сюда, въ эту страну свободы, гдѣ жизнь была такъ проста и дешева, потянулись длинныя вереницы молодежи, одни просто ища здѣсь прикрытія отъ домашнихъ непогодъ, другіе ища въ здѣшнихъ доступныхъ разсадникахъ просвѣщенія права на ученье (это были главнымъ образомъ женщины, передъ которыми въ тѣ годы крѣпко были заперты двери русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній), третьи влекомые сюда модою и исканіемъ свободной жизни. Сюда, въ Швейцарію, въ въ Женеву, Герценъ, несмотря на нелюбовь къ ней, и рѣшилъ еще въ 1865 г. перенести свою первую свободную русскую типографію и вмѣстѣ съ тѣмъ и «Колоколъ», прибавивъ на его знамени новый девизъ «Земля и воля». Здѣсь, думалъ онъ, его органъ печати скорѣе пригодится, здѣсь онъ найдетъ большой кругъ читателей, станетъ живѣе, прикоснувшись живой русской жизни. Но «Колоколъ», оставшись старымъ «Колоколомъ», не нашелъ, однако, своему звону отзвука и здѣсь, и русская колонія крайней молодежи осталась имъ недовольна, требуя себѣ болѣе острой пищи: изданіе Герцена было для нея скучно и не отвѣчало на народившіяся новыя соціалистическія требованія и доктрины. Кромѣ того, среди этой молодежи онъ напрасно искалъ себѣ сотрудниковъ и съ отчаяніемъ писалъ Огареву: «У нихъ нѣтъ ни

связей, ни таланта, ни образованія; одинъ Мечниковъ (Левъ) умѣетъ писать; имъ хочется играть роль, и они хотятъ насъ употребить пьедесталомъ». Наконецъ, эмигрантская колонія предъявила Герцену требованіе: сдѣлать «Колоколъ» органомъ коллегіальнымъ съ рѣшеніями по редакціоннымъ дѣламъ «по большинству голосовъ». Конечно, на это дерзкое и неосновательное требованіе онъ не могъ согласиться и остался въ одиночествѣ.

Къ этому времени относится посѣщеніе Герцена извѣстнымъ докторомъ Н. А. Бѣлоголовымъ, и вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ свиданіи въ своихъ воспоминаніяхъ: [1]) «Въ первый моментъ онъ меня не призналъ,—повѣствуетъ г. Бѣлоголовый:—но лишь только я себя назвалъ, обрадовался мнѣ, какъ старому знакомому, и повелъ въ свой кабинетъ. На мои глаза онъ почти не измѣнился, только сѣдины прибавилось въ бородѣ, а блескъ выразительныхъ глазъ и юношеская живость рѣчи и движеній оставались тѣ же, и я не подмѣтилъ въ немъ съ виду ничего, что бы говорило о разныхъ невзгодахъ, перенесенныхъ имъ со времени нашего парижскаго свиданія. Въ 1861 г. я видѣлъ его въ зенитѣ его славы; его имя и «Колоколъ» пользовались въ Россіи не только популярностью, но и представляли собою своего рода высшую инстанцію, къ которой апеллировали всѣ искавшіе правды—и даже правительство не оставалось совсѣмъ глухо и нечувствительно къ внушеніямъ и замѣчаніямъ, какими такъ щедро и въ такой остроумной формѣ надѣлялъ его нашъ знаменитый публицистъ «съ того берега». Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось: польское возстаніе и радикальное отношеніе къ нему «Колокола», наступившая затѣмъ и постепенно усилившаяся реакція, все это прямо отозвалось на положеніи Герцена, тѣмъ болѣе, что русское общество не могло оказать ему существенной поддержки, а огромное реакціонное большинство съ жадностью прислушивалось къ злобнымъ инсинуаціямъ противъ Герцена, и индифферентно легко проникались ими.

«Съ этой темы и началась этотъ разъ наша бесѣда. Герценъ, безъ малѣйшей желчи, но съ искренней грустью, замѣтилъ, что реакціонное настроніе не правительства, а именно общества онъ чувствуетъ осязательно на умаленіи своего авторитета; не только уменьшился спросъ на «Колоколъ», который расходится далеко не въ такомъ числѣ, какъ было до 1863 г., но значительно сократилось и число корреспонденцій изъ Россіи и число посѣщавшихъ его туристовъ, прежде въ такомъ изобиліи снабжавшихъ его разными извѣстіями и пикантными новостями для изданія. Онъ самъ сознавалъ, что теряетъ почву подъ ногами, неясно понимаетъ причинную связь между многими жгучими вопросами, волную-

[1]) Н. А. Бѣлоголовый, «Воспоминанія и другія статьи».

щими современную Россію, словомъ, что большее его отчужденіе отъ родины неизбѣжно вліяетъ невыгодно на свѣжесть его органа и на недостаточную отзывчивость его ко многимъ крупнымъ явленіямъ текущей государственной и общественной жизни. «Какъ мнѣ ни печально такое сознаніе,—говорилъ Герценъ:—но я не настолько самонадѣянъ, чтобы отрицать фактъ охлажденія ко мнѣ русской публики. Видя невозможность оказывать впредь давленіе на правительственные круги посредствомъ нашего общественнаго мнѣнія, которое стало ко мнѣ гораздо равнодушнѣе, я хочу теперь измѣнить свою тактику и обратиться къ суду европейскаго общества, хочу попробовать издавать «Колоколъ» на французскомъ языкѣ и сообщать въ немъ свѣдѣнія о русскихъ порядкахъ... Жаль мнѣ мой русскій «Колоколъ», но дѣлать нечего!»

Бѣлоголовый попробовалъ его отговаривать и отстаивать сохраненіе «Колокола» въ русской редакціи, на что Герценъ возразилъ:

— Да что же мнѣ-то дѣлать, когда газета вотъ уже два года приноситъ мнѣ чувствительный убытокъ? Не такія теперь времена, чтобы условія русской жизни скоро снова измѣнились и чтобы я могъ разсчитывать на то, чтобы изданіе окупало мои затраты на него. Мои же собственныя дѣла вовсе не такъ блестящи, чтобы не думать о будущемъ, о черномъ днѣ; вѣдь у меня семья большая. А капиталъ мой и безъ того значительно-таки сократился за послѣдніе годы; у меня крупная часть его была помѣщена въ американскихъ бумагахъ, а когда началась война Сѣвера съ Югомъ и всѣ американскія бумаги стали страшно и быстро падать,—мой банкиръ посовѣтовалъ поскорѣе развязаться съ ними, и я имѣлъ глупость его послушать и продалъ, конечно, съ весьма чувствительной для меня потерей...

Пробившись еще нѣкоторое время съ изданіемъ, Герценъ по соглашенію съ Огаревымъ, въ день десятилѣтія существованія «Колокола» рѣшилъ его временно закрыть, о чемъ и оповѣстилъ своихъ читателей слѣдующей редакціонной статьей.

1857—1867.

«Перваго іюля 1857 вышелъ первый «Колоколъ» въ Лондонѣ. Сегодняшнимъ листомъ заключается наше десятилѣтіе.

«Десять лѣтъ! Мы ихъ выдержали, а главное—выдержали пять послѣднихъ, они были тяжелы.

«Теперь мы хотимъ перевести духъ, отереть потъ, собрать свѣжія силы и для этого пріостановиться на полгода. Слѣдующій листъ «Колокола» выйдетъ 1 января 1868 г., имъ мы начнемъ второе десятилѣтіе.

«Мы хотимъ еще разъ спокойно, безъ развлеченія срочной работой, вглядѣться въ то, что дѣлается дома, куда волна идетъ, куда вѣтеръ тянетъ, мы хотимъ провѣрить, въ чемъ мы были правы и ошибались.

«Мы слишкомъ часто оглядывались, особенно въ послѣднее время, чтобъ нужно было снова повторять нашъ символъ вѣры и основы того взгляда, который мы проводили въ «Колоколѣ», они были неизмѣнны, по крайней мѣрѣ офиціальные враги наши въ этомъ не сомнѣвались. «Колоколъ» былъ и будетъ, прежде всего, органомъ русскаго соціализма и его развитія, соціализма аграрнаго и артельнаго, сельскаго и городского, государственнаго и областного.

«Соціальному развитію Россіи для насъ подчинено все, формы и лица, комбинаціи и ошибки—но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсуживанія и совѣта, то мы звали и будетъ звать всѣми силами собранія земскаго собора. Въ немъ мы видимъ не больше, какъ ворота, но ворота отворенныя, и это очень важно—до сихъ поръ русское развитіе пробирается тайкомъ чрезъ заборъ, пока сторожа не смотрятъ или спятъ.

«Все остальное грязь и пыль на дорогѣ, бревна и камни подъ колесами; все остальное можно бы оставить въ тѣни, на собственное разложеніе, если бъ отъ этихъ бревенъ и камней не гибли лучшія личности, если бъ въ этой топи не тонули неустрашимые сѣятели «заутра», вышедшіе на работу. А поэтому рядомъ съ «общей частью» снова пойдетъ отдѣлъ обличеній.

«Пауза наша имѣетъ для насъ еще то значеніе, что она насъ поставитъ въ возможность вымѣрять, насколько великъ или слабъ, живъ или мертвъ интересъ къ изданію «Колокола», и насколько замѣтятъ его временное отсутствіе... Впрочемъ, къ концу года мы намѣрены еще разъ напомнить о себѣ и издать, если удастся, рядъ новыхъ статей разнаго содержанія въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ «Сборникъ Колокола». При немъ будетъ и программа нашего журнала на 1868 года.

«Можетъ, къ нашему возвращенію на сцену или во время нашего домового отпуска попробуютъ свои силы новые, болѣе юные и свѣжіе борцы. Пора молодымъ талантамъ сломить свою печать молчанія. Условія, сдѣланныя въ Россіи безцензурному книгопечатанію, безобразны, лучшіе журналы пришиблены, лучшія газеты подъ безпрерывнымъ ударомъ предостереженій и остановокъ. Отчего же такъ мало печатаютъ за границей? Наша типографія и нѣсколько другихъ предлагаютъ легкую возможность. Мы съ радостью будемъ привѣтствовать всякій русскій органъ. Намъ тѣсно не будетъ, свѣтъ не клиномъ сошелся.

А. Герценъ. Н. Огаревъ.

Огаревъ же напутствовалъ отходящій «Колоколъ» стихами, гдѣ во второмъ куплетѣ читаемъ:

Смолкаетъ «Колоколъ» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится, какъ ненужный сонъ,
И снова нашъ раздастся звонъ,
И снова съ родины далекой
Привѣтъ услышится широкій,
И, можетъ, въ нашъ послѣдній часъ
Еще свѣтло дойдетъ до насъ—
Какъ Русь торжественно и стройно,
И не порывисто смѣла,
Съ сознаньемъ доблести спокойной
Звонитъ во всѣ колокола.

Мы уже видѣли, какого невысокаго мнѣнія былъ Герценъ о литературныхъ способностяхъ молодой революціонной Россіи, очутившейся въ Женевѣ. Но не только съ этой стороны постигло разочарованіе, онъ пошелъ и далѣе—они ему скоро стали противны, и между нимъ и этой молодой Россіей скоро установились почти враждебныя отношенія, особенно послѣ того, какъ на очередь выплылъ денежный вопросъ. Характеризуя своимъ мягкимъ языкомъ общій обликъ этой Россіи, онъ писалъ въ статьѣ «Общій фондъ» [1]): «...Новые люди, вытѣсненные суровымъ холодомъ 1863 г., стучались у нашихъ дверей. Они шли не изъ готовальни наступающаго переворота, а съ обрушавшейся сцены, на которой выступали актерами. Они укрывались отъ внѣшней бури и ничего не искали внутри, имъ нуженъ былъ временный пріютъ, пока погода уляжется, пока снова представится возможность итти въ бой. Люди эти очень молодые покончили съ идеями, съ образованіемъ; теоретическіе вопросы ихъ не занимали отчасти оттого, что они у нихъ еще не возникали, отчасти оттого, что у нихъ дѣло шло о приложеніи. Они были побиты матеріально, но дали доказательства своей отваги! Свернувши знамя, имъ приходилось хранить его честь. Отсюда сухой тонъ, cassant, raide, рѣзкій и нѣсколько поднятый. Отсюда военное, нетерпѣливое отвращеніе отъ долгаго обсуживанія, критики, нѣсколько изысканное пренебреженье ко всѣмъ умственнымъ роскошамъ, въ числѣ которыхъ ставилось на первомъ планѣ искусство. Какая тутъ музыка, какая поэзія! «Отечество въ опасности, aux armes, citoyens!» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были отвлеченно правы, но сложнаго и запутаннаго процесса уравновѣшенія идеала съ существующимъ они не брали въ расчетъ и, само собой разумѣется, свои мнѣнія и воззрѣнія принимали за воззрѣнія и мнѣнія цѣлой

[1]) «Сочиненіе А. И. Герцена» изд. Ф. Павленкова, т. III, «Общій фондъ».

Россіи. Винить за это нашихъ молодыхъ штурмановъ бури было бы несправедливо. Это общеюношеская черта...»

Сборища русскихъ за границею, хотя съ мѣстомъ дѣйствія въ другой странѣ, чрезвычайно характерно обрисовалъ Тургеневъ въ романѣ «Дымъ» [1]), и мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести одну страничку изъ этого описанія. Весьма возможно, что и Герцену на первыхъ порахъ своего сближенія съ русской колоніей въ Женевѣ пришлось окунуться въ такое же море безтолочи.

«Случалось не разъ, что трое-четверо кричали вмѣстѣ въ теченіе десяти минутъ и всѣ были довольны и понимали,—повѣствуетъ Тургеневъ.— Бесѣда продолжалась за полночь и отличалась, какъ водится, обиліемъ и разнообразіемъ предметовъ. Суханчикова говорила о Гарибальди, о какомъ-то Карлѣ Ивановичѣ, котораго высѣкли его собственные дворовые, о Наполеонѣ III, о женскомъ трудѣ, о купцѣ Плескачевѣ, завѣдомо уморившемъ двѣнадцать работницъ и получившемъ за это медаль съ надписью: «за полезное», о пролетаріатѣ, о грузинскомъ князѣ Черчеулидзевѣ, застрѣлившемъ жену изъ пушки, и о будущности Россіи; Пищалкинъ говорилъ тоже о будущности Россіи, объ откупѣ, о значеніи національностей и о томъ, что онъ больше всего ненавидитъ пошлое; Ворошилова вдругъ прорвало: единымъ духомъ, чуть не захлебываясь, онъ назвалъ Дрэпера, Фирхова, г-на Шелгунова, Биша, Гельмгольца, Стара, Стура, Реймонта, Іоганна Миллера физіолога, Іоганна Миллера историка, очевидно, смѣшивая ихъ, Тэна, Ренана, г-на Щапова, а потомъ Томаса Наша, Пиля, Грина.... «Это что же за птицы?» съ изумленіемъ пробормоталъ Бамбаевъ. «Предшественники Шекспира, относящіеся къ нему, какъ отроги Альпъ къ Монъ-Блану!» хлестко отвѣчалъ Ворошиловъ, и также коснулся будущности Россіи. Бамбаевъ тоже поговорилъ о будущности Россіи и даже расписалъ ее въ радужныхъ краскахъ, но въ особенный восторгъ привела его мысль о русской музыкѣ, въ которой онъ видѣлъ что-то «ухъ! большое» и въ доказательство затянулъ романсъ Варламова, но скоро былъ прерванъ общимъ крикомъ, что: «онъ, молъ, поетъ Miserere изъ «Травотора» и прескверно поетъ». Одинъ офицерчикъ подъ шумокъ ругнулъ русскую литературу, другой привелъ стишки изъ «Искры»; а Титъ Биндасовъ поступилъ еще проще: объявилъ, что всѣмъ бы этимъ мошенникамъ зубы надо повышибить—и баста! не опредѣляя, впрочемъ, кто собственно были эти мошенники. Дымъ отъ сигаръ стоялъ удушливый; всѣмъ было жарко и томно, всѣ охрипли, глаза у всѣхъ посоловѣли, потъ лилъ градомъ съ каждаго лица. Бутылки холоднаго пива появлялись и опорожнивались мгновенно. «Что бишь я такое говорилъ?» твердилъ одинъ. «Да съ кѣмъ же я сейчасъ спорилъ и о чемъ»?» спрашивалъ другой».

Такова жанровая картинка изъ русской жизни за границей, нарисованная сочною кистью великаго художника, жизни, съ которой во второй половинѣ 60-хъ годовъ Герцену пришлось ежедневно становиться лицомъ къ лицу. Понятно, что и она сама и дѣйствующія въ ней лица скоро ему надоѣли, опротивѣли, стали ненавистны. И вотъ сначала мы слышимъ отъ него тихія жалобы [2]):

---

[1]) «Дымъ», гл. IV.

[2]) «Сочиненія Герцена», т. IV, «Общій фондъ».

«...Сначала новые гости оживили насъ разсказали о петербургскомъ движеніи, о дикихъ выходкахъ оперившейся реакціи, о процессахъ и преслѣдованіяхъ, объ университетскихъ и литературныхъ партіяхъ; потомъ, когда все это было передано съ той скоростью, съ которой въ этихъ случаяхъ торопятся все сообщить, наступили паузы, гіатіусы; бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны... Неужели, думалъ я, это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія? Холодъ, вносимый лѣтами, усталью, испытаніями?

«Какъ бы то ни было, я чувствовалъ, что съ появленіемъ новыхъ людей горизонтъ не расширился... а сузился, діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. Ихъ занимали подробности ихъ круговъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять, и они повторяли. Наукой или дѣлами они занимались мало; даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области; а намъ не доставало воздуха въ этой спертой амтосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались! Къ тому же, если они и знали извѣстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали и, искренно желая сблизиться съ народомъ, сближались съ нимъ книжно и теоретически.

«Общее между нами было слишкомъ общее. Вмѣстѣ итти, служить, по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать—мы могли; но вмѣстѣ стоять и жить сложа руки было трудно. О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но, при всей искренности, это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе, и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли, какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали отъ нихъ. Я всегда и во всемъ боялся «пуще всѣхъ печалей» мезальянсовъ, всегда ихъ допускалъ долею по гуманности, долею по небрежности, и всегда страдалъ отъ нихъ. Предвидѣть было немудрено, что новыя связи долго не продержатся, что рано или поздно онѣ разорвутся и что этотъ разрывъ, взявъ въ расчетъ шероховатый характеръ новыхъ пріятелей, не обойдется безъ дурныхъ послѣдствій».

Въ его письмахъ къ друзьямъ, Бакунину, Огареву, мы видимъ, что душевное его состояніе достигло по мѣрѣ сожительства съ русскими высшей точки кипѣнія; о томъ же говорятъ и современники, встрѣчавшіеся съ нимъ въ тѣ годы. Въ біографіи Герцена,

составленной Г. Вѣтринскимъ, эта сторона послѣднихъ лѣтъ его жизни нарисована достаточно полно; его-то указаніями мы и пользуемся для послѣдующихъ строкъ [1]).

«Отношенія съ русскими «нигилистами» установились, наконецъ, у Герцена самыя острыя,—говоритъ г. Вѣтринскій.—«Серно-Соловьевичъ,—жаловался Герценъ въ письмѣ Бакунину,—наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи такое, и что мы всѣ помогли ему быть такимъ. Я много думалъ объ этомъ послѣднее время и даже писалъ не для печати теперь. Эти люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина, говорятъ просто, что они хотѣли бы (меня) обобрать и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ вашимъ. Это вѣрно. Caro mio, подумай! Имъ будущности нѣтъ. Это меньшій братъ, который умретъ,—и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ».

«По разсказамъ разныхъ лицъ, эта молодежь всячески старалась уязвить Герцена, старалась принизить даже его талантъ, сравнивая съ Эльпидинымъ (издатель за границей многихъ изъ русскихъ писателей—Чернышевскаго и пр.). Герценъ съ досадою разсказывалъ Ге, какъ въ Женевѣ безъ всякой надобности кричали ему черезъ улицу: «Герценъ, Герценъ! Будете дома?» чтобы только показать: «вотъ какъ мы его третируемъ!» Въ нѣкоторыхъ письмахъ Герценъ даетъ съ крайней рѣзкостью полную волю своему раздраженію. «Ихъ надобно выставить къ позорному столбу во всей наготѣ, во всемъ холуйствѣ и наглости, въ невѣжествѣ и трусости, въ воровствѣ и доносничествѣ. И, можетъ, если силы не ослабѣютъ, я еще и буду ихъ палачомъ и положу имъ клеймо глупости на лобъ. Передняя, казарма, застѣнокъ полицейскій и дьячки могли только развести этотъ испанскій воротникъ на шеѣ Россіи. Тутъ всѣ—и Бакстъ, отпирающійся отъ своихъ словъ, сладкоглаголивый, семитическій «муринъ» и п...словый Эльпидинъ, сопля Вормсъ и гной Серно-Соловьевичъ, жиденята, утята и гулята. Ну, и довольно съ нихъ» (29 апрѣля 1868 г.). Или: «Тухлая грязь своимъ чередомъ»,—пишетъ онъ Огареву 2 мая 1868 г. и разсказываетъ одно изъ своихъ столкновеній: «Эти плащицы не съ Аполлоновыхъ, а съ м... «Современника»—ходятъ подъ какой-то амнистіей. Что они меня потащили бы на висѣлицу—въ этомъ я убѣжденъ. Что они еще сдѣлаютъ засаду—это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить ихъ и стать на военную ногу—статьей—или убить на дуэли какую-нибудь дрянь,—тогда, если не убьютъ, можно спокойно вѣкъ дожить... Да что ты въ самомъ дѣлѣ не раскусишь съ 1861 г. тургеневскаго Базарова?.. Онъ слабъ, поверх-

[1]) Г. Вѣтринскій. «Герценъ», изд. библіотеки «Свѣточа».

постепъ, дурно задуманъ—но онъ Богъ передъ этими свиньями...» Происками и сплетнями съ ихъ стороны Герценъ въ одномъ письмѣ приписываетъ даже паденіе въ Россіи популярности «Колокола», приписываетъ Базаровымъ, «которые проповѣдуютъ отъ Гейдельберга до Сольвычегодска, отъ Флоренціи до Корчевы всему молодому поколѣнію ненависть къ намъ...»

Герценъ на смертномъ одрѣ.

И въ той же статьѣ «Общій фондъ», заканчивая ее, онъ уже болѣе жесткими словами, нежели въ ея началѣ, характеризуетъ то поколѣніе, которое отравляло ему послѣдніе годы жизни. Онъ говоритъ: «Заносчивые юноши, о которыхъ идетъ рѣчь, заслужи-

ваютъ изученія, потому что они выражаютъ временный типъ, очень опредѣленно вышедшій, очень часто выражающій переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя. Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніемъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

«Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись, какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранилась въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

«Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды; тутъ ничего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ поправіе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

«Но съ другой стороны, эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, и при томъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

«Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

«Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С.-Милля ракаліей, забывая всю службу его,—развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло». Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, станового, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры»?

«Сама проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить клеветами за отказъ.

«Все это переработается и перемелется; но нельзя не сознаться—странную почву приготовили опека и цивилизація въ нашемъ «темномъ царствѣ». Почву, на которой многообѣщающіе всходы проросли, съ одной стороны, поклонниками Муравьевыхъ и Катковыхъ, съ другой дантистами нигилизма и базаровской безпардонной вольницы.

«Много дренажа требуютъ наши черноземы!»

Мы нарочно остановились такъ долго на характеристикѣ Герценомъ выступившей въ тѣ годы на арену политической борьбы молодежи. Она такъ блестяща, глубока и вѣрно охватывающа сущность предмета, что ее надо имѣть непрестанно въ виду, когда далѣе пойдетъ рѣчь о представителяхъ этой молодежи. Многіе экцессы послѣдней, крайности и даже поступки могутъ найти въ словахъ Герцена и свое объясненіе и свое оправданіе.

Пунктъ, на которомъ между молодыми эмигрантами и Герценомъ разыгралась настоящая борьба, былъ денежный вопросъ, особенно обострившійся съ пріѣздомъ въ Женеву Нечаева. До сихъ поръ шли мелочи, теперь на очередь стало крупное, задѣвшее самыя чувствительныя струны издателя «Колокола», ударившее его по нервамъ и побудившее разорвать съ своими молодыми знакомыми. Вотъ какъ разсказываетъ Т. П. Пассекъ по настоящему вопросу [1]): «Кажется, въ 1858 году въ Лондонъ пріѣхалъ молодой человѣкъ Бахметьевъ изъ Симбирской губ. У него были какія-то

[1]) Воспоминанія Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ») т. III.

семейныя непріятности, о которыхъ онъ не распространялся, но которыя произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшился оставить Россію навсегда и завести на соціальныхъ началахъ коммуну на Маркизскихъ островахъ. «Скрыться куда-нибудь подальше отъ родныхъ», говорилъ онъ. У него было съ собой 50.000 франковъ капитала, изъ которыхъ 20.000 онъ желалъ употребить на какую-нибудь полезную пропаганду въ Европѣ.

«Сначала Герценъ не могъ понять, почему Бахметьевъ его такъ допрашиваетъ, нѣтъ ли какой-нибудь коммерческой мысли въ изданіи «Колокола», «Полярной Звѣзды», «Былое и Думы» и пр. Герценъ на это разсмѣялся и объяснилъ ему, что типографія ему стоитъ 10.000 франковъ въ годъ, что иногда она окупается отчасти продажей книгъ, а иногда нѣтъ; что это его вовсе не заботитъ, потому что средствъ у него достаточно, а онъ просто осуществляетъ съ Огаревымъ завѣтную мысль съ дѣтства—служить родинѣ хоть издалека.

«Выслушавъ это, Бахметьевъ задумался, а черезъ нѣсколько дней объявилъ Герцену, что онъ оставляетъ ему на издержки типографіи или чего онъ еще придумаетъ 20.000 франковъ, а самъ съ 30.000 фр. поѣдетъ заводить коммуну на Маркизскихъ островахъ. Напрасно Герценъ убѣждалъ его не оставлять ему этихъ денегъ, что онѣ ему не нужны, и не ѣздить заводить коммуну, но Бахметьевъ былъ упрямъ и никакихъ доводовъ не допускалъ. Наконецъ Герценъ согласился взять 20.000 франковъ, говоря ему: «Я сберегу ваши деньги на пропаганду; если понадобится, буду тратить лишь проценты, и когда бы вы ни вернулись, капиталъ вашъ будетъ цѣлъ. Онъ вамъ пригодится, если мои предположенія сбудутся. Напрасно вы не соглашаетесь пожить здѣсь; вы бы увидѣли эмигрантовъ всякихъ націй и убѣдились бы, что ваши мечты неосуществимы».

«Бахметьевъ покачалъ головой, говоря.

«— Оставимте этотъ разговоръ,—все давно рѣшено въ моей головѣ. Поѣдемте лучше къ Ротшильду.

«— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Герценъ,—мы съ Огаревымъ дадимъ вамъ расписку.

«— Не надобно,—отвѣчалъ Бахметьевъ.

«Но Герценъ настоялъ, и расписка была дана обоими. Вотъ этотъ-то взносъ и получилъ наименованіе «Общаго фонда».

Съ тѣхъ поръ о Бахметьевѣ не было ни слуха, ни духа, но Герценъ хранилъ капиталъ его въ цѣлости. Объ этомъ-то «общемъ фондѣ» и прослышали женевскіе эмигранты, безработные, часто голодные, нуждающіеся. Они стали приставать къ Герцену, чтобы онъ этотъ фондъ отдалъ въ ихъ распоряженіе. Онъ отказывалъ,

и вотъ, между прочимъ, какіе по сему предмету между ними происходили разговоры, о которыхъ онъ самъ передаетъ въ статьѣ «Общій фондъ» [1]): «Я рѣшительно денегъ не давалъ, и пусть требовавшіе ихъ сами скажутъ, гдѣ онѣ были бы, если бы я далъ ихъ.

«— Б., говорилъ я, можетъ вернуться безъ гроша; трудно сдѣлать аферу, заводя соціалистическую колонію на Маркизскихъ островахъ.

«— Онъ навѣрное умеръ.

«— А какъ на зло вамъ живъ?

«— Да, вѣдь, онъ деньги далъ на пропаганду.

«— Пока мнѣ на нее не нужно.

«— Да намъ нужно.

«— На что именно?

«— Надобно послать кого-нибудь на Волгу, кого-нибудь въ Одессу...

«— Не думаю, чтобъ очень нужно было.

«— Такъ вы не вѣрите въ необходимость послать?

«— Не вѣрю.

«Старѣетъ и становится скупъ,—говорили обо мнѣ на разные тоны самые рѣшительные и свирѣпые.—Да что на него смотрѣть; взять у него эти деньги, да и баста,—прибавляли еще больше рѣшительные и свирѣпые.—А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ въ журналахъ, что будетъ помнить, какъ задерживать чужія деньги.—Денегъ я не далъ.

«Въ журналахъ они не продергивали. Ругательства въ печати являются гораздо позже, но тоже изъ-за денегъ... Эти болѣе свирѣпые, о которыхъ я сказалъ, были тѣ ультра, тѣ угловатые и шершавые представители «новаго поколѣнія», которыхъ можно назвать Собакевичами и Ноздревыми нигилизма».

При такихъ отношеніяхъ къ молодежи Герценъ покинулъ Женеву. Вернувшись сюда для свиданія съ Огаревымъ въ 1868 года, онъ понялъ дурную сторону двойной расписки, данной Бахметьеву. «Онъ почувствовалъ себя въ самомъ дурномъ расположеніи духа, увидѣвши, что Огаревъ, слишкомъ поддается вліянію Бакунина и эмигранта Нечаева,—говоритъ г-жа Пассекъ.—Нечаевъ былъ до того антипатиченъ Герцену, что онъ постоянно отдалялъ его и никогда не допускалъ въ свое семейство. Если же Нечаевъ появлялся у него въ домѣ, то говорилъ своимъ: «Ступайте, куда хотите,—вамъ незачѣмъ видѣть эту змѣю».

«Огаревъ просилъ настойчиво пять тысячъ изъ бахметьевскаго фонда и намекалъ, что имѣетъ такое же право по распискѣ, какъ и Герценъ. Видя, что Герценъ этимъ встревоженъ, Наталья Але-

[1]) «Сочиненія Герцена», т. III.

ксѣевна [1]) рѣшилась посовѣтовать ему раздѣлить капиталъ на двѣ равныя части и предоставить Огареву распоряжаться одной, а другую оставить у себя безъ контроля. Къ ея удивленію, Герценъ тотчасъ согласился. «Совершенно справедливо,—сказалъ онъ: вѣдь они не удовольствуются пятью тысячами, а тутъ по крайней мѣрѣ граница—черта». Такъ и было сдѣлано. Въ концѣ 69-го года отъ части Огарева уже не осталось ничего. Въ это время Герценъ вмѣстѣ съ Натальей Алексѣевной вернулся изъ Флоренціи въ Парижъ съ своей больной дочерью и самъ былъ очень нездоровъ и разстроенъ. Несмотря на это, Огаревъ, подчиняясь волѣ Бакунина, постоянно писалъ объ остальныхъ десяти тысячахъ и наконецъ сообщилъ, что Нечаевъ самъ ѣдетъ въ Парижъ для личныхъ переговоровъ съ нимъ. Александръ взволновался. «Не приму его у себя, лучше пойду къ нему на квартиру. Когда Нечаевъ услышитъ, что я не дамъ ни копейки изъ десяти тысячъ, то, конечно, убьетъ меня и перепугаетъ васъ всѣхъ». Но свиданья не было—грозное 9 января 1870 г. наступило раньше.

«Послѣ кончины Александра Ивановича Наталья Алексѣевна передала сыну его всѣ подробности этого дѣла. Огаревъ продолжалъ писать объ этихъ деньгахъ къ сыну своего друга.

«— Пошлю имъ остальныя десять тысячъ,—сказалъ Александръ Александровичъ Герценъ:—отецъ могъ ихъ удерживать для своихъ плановъ, а мы частные люди; пусть Огаревъ съ Бакунинымъ дѣлаютъ изъ нихъ, что хотятъ, лишь бы эти деньги не оставались въ нашей семьѣ.

«И послѣднія десять тысячъ франковъ были посланы Огареву, который и передалъ ихъ Бакунину. Спустя нѣсколько времени по кончинѣ Александра Ивановича дѣти его приступили къ полному изданію его сочиненій, еще не бывшихъ въ печати. Въ числѣ статей, предполагавшихся въ напечатанію къ этомъ изданіи, была статья подъ названіемъ «Общій фондъ», въ которой Александръ Ивановичъ высказываетъ свои взгляды относительно крайней революціонной партіи того времени. Руководители этой партіи, узнавъ объ этомъ намѣреніи дѣтей Александра Ивановича, отправили къ его сыну письмо съ бланкомъ «Народная расправа» съ угрозами. Письмо было безъ подписи.

«Въ «Народную расправу» былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ: «Дѣти Александра Иваповича Герцена не боятся народной расправы».

Герценъ не послушался ни Бѣлоголоваго, ни другихъ своихъ друзей и все-таки попробовалъ возобновить «Колоколъ» на французскомъ языкѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, такого рода пред-

[1]) Его тогдашняя жена.

пріятіе не могло имѣть успѣха и не имѣло его. Пришлось съ «Колоколомъ» совсѣмъ кончить, а затѣмъ... затѣмъ наступила страшная пустота, тоска по родинѣ и разочарованіе въ русской эмиграціи. Говоря объ этой эмиграціи и узнавъ, что еще одинъ русскій, знакомый Бѣлоголового, собирается покинуть Россію, Герценъ воскликнулъ[1]):

— Бога ради, уговорите вашего пріятеля не дѣлать этого, эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это не жизнь, не смерть, а нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Пускай лучше вашъ пріятель поживетъ за границей, осмотрится самъ и хорошенько провѣритъ себя прежде, чѣмъ рѣшится совсѣмъ сжечь корабли, что онъ всегда успѣетъ сдѣлать. Мнѣ не разъ приходится раздумывать на эту тему,—и вѣрьте, не вѣрьте,—но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта.

Тоска по родинѣ и русскому была въ немъ такъ сильна, что онъ обрадовался даже встрѣчѣ съ своимъ исконнымъ и принципіальнымъ врагомъ, старикомъ М. П. Погодинымъ. Ему онъ тоже изливалъ свою душу, въ томъ же родѣ, что и Бѣлоголовому, на что знаменитый московскій профессоръ добродушно ему замѣтилъ:

— Возвратъ домой есть, Александръ Ивановичъ. Проситесь въ соловецкіе монахи. Позволятъ.

Конечно, это была шутка, но такъ или иначе и пошутить съ Погодинымъ ему доставляло удовольствіе. Сердечная рана разрасталась и сочилась, а тутъ еще прибавились болѣзни въ семьѣ, необходимость мыкаться изъ Швейцаріи въ Италію, а оттуда во Францію. Въ концѣ 1869 г. онъ съ Натальей Алексѣевной и больной дочерью поселился въ Парижѣ. Зима оказалась для него неблагопріятной—онъ простудился, схватилъ воспаленіе легкихъ, и 9 января (н. с.) 1870 г. его не стало. Отошелъ въ вѣчность благороднѣйшій представитель русской литературы, чья жизнь была непрестаннымъ горѣніемъ на пользу и счастье Россіи, съ страстной и мучительной мыслью о которой онъ жилъ и умеръ. На похоронахъ его извѣстный Вырубовъ произнесъ рѣчь, гдѣ между прочимъ сказалъ: «Мы пришли сюда отдать послѣдній долгъ великому гражданину, столько сдѣлавшему для своей родины. Но Россія не облечется въ трауръ по немъ, лишь немногіе друзья, оставшіеся ему вѣрными, будутъ носить этотъ трауръ въ сердцахъ. Но придетъ день, и соотечественники его лучше поймутъ свою

[1]) Н. А. Бѣлоголовый, «Воспоминанія и другія статьи».

исторію и вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ. На могильной плитѣ они воздвигнутъ ему памятникъ и на немъ вырѣжутъ слова: «Великому гражданину, великому изгнаннику—Александру Герцену—благодарная Россія».

Черезъ нѣсколько времени прахъ его, согласно въ свое время выраженной волѣ, былъ перенесенъ въ Ниццу и погребенъ рядомъ съ тѣломъ Наталіи Александровны Герценъ. На могилѣ поставленъ памятникъ, представляющій его стоящимъ во весь ростъ съ скрещенными руками. Обращаясь къ этому памятнику, Надсонъ писалъ:

Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою,
На мраморный цоколъ вступивъ,—
Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
Въ чертахъ величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
Прижаты тяжелымъ крестомъ.

Отзвонившій и разбитый «Колоколъ» замолкъ навѣки. Чистый звонъ его металла уже не доходилъ до соотечественниковъ, призывая ихъ къ борьбѣ во имя правъ человѣческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминая имъ о гуманности, любви и идеализмѣ. А изъ Женевы, на смѣну этимъ былымъ чарующимъ звукамъ, несся уже знакомый намъ набатъ. Сумрачная и зловѣщая фигура Нечаева била этотъ набатъ, и до Россіи долетали страшныя и грозныя слова: кровавая народная расправа...

XIX.

Давленіе революціонныхъ главарей на молодежь.—П. Л. Лавровъ (Мартовъ) и его «Историческія письма».—Впечатлѣніе отъ этихъ «Писемъ» на молодежь.—Бѣгство Лаврова за границу изъ ссылки.—Лавровъ за границею.—Приглашеніе его молодежью стать во главѣ революціоннаго изданія «Впередъ».—Его редакціонное profession de foi и его отношеніе къ разнымъ революціоннымъ фракціямъ.—«Лавристы» и революціонная постепеновщина.—Ткачевъ и его полемика съ Лавровымъ.—Революціонная программа Ткачева.—«Набатъ».—Состояніе эмиграціонныхъ кружковъ.—Распоряженіе русскаго правительства касательно русской учащейся молодежи за границею.—Вызовъ ея на родину.—Возвращеніе распропагандированной молодежи домой и установленіе ею правильныхъ сношеній съ заграничными революціонными центрами.—Цюрихъ и революціонная печать.

Нечаевская авантюра, хотя и связана въ своемъ генезисѣ съ каракозовской исторіей, но по своимъ послѣдствіямъ не явилась источникомъ, изъ котораго послѣдующее развитіе революціоннаго движенія взяло свои питательные соки. Несомнѣнно, Нечаевъ содѣйствовалъ революціонизированію той учащейся молодежи, съ которой приходилъ въ соприкосновеніе, онъ же первый дѣлалъ по-

пытки правильной постановки конспираціоннаго дѣла, а главнымъ образомъ сыгралъ роль того звена, которое связывало отечественныя силы, пришедшія въ революціонное броженіе, съ представителями старшаго революціоннаго лагеря, обрѣтавшагося за границею. Бакунинъ въ значительной степени подъ давленіемъ Нечаева и первоначальнымъ очарованіемъ отъ его энергіи вошелъ въ непосредственныя сношенія съ столичною молодежью и бросилъ ей въ своемъ обращеніи къ ней тѣ кличи, на которые она немного спустя такъ страстно и чутко отозвалась. Въ этомъ отношеніи Нечаевъ сыгралъ рѣшающую роль, но личная его дѣятельность, его широкіе планы и система шарлатанскихъ дѣйствій не оказали на развитіе революціонныхъ теченій ожидаемаго вліянія, вслѣдствіе чего его имя и дѣятельность остаются въ исторіи русской революціи обособленными, какъ бы отдѣльною самостоятельною главою безъ ожидаемаго вслѣдъ за симъ продолженія.

Извѣстное обращеніе Бакунина къ молодежи, напечатанное въ № 1 «Народнаго Дѣла», а также статья «Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи», въ которыхъ установлено положеніе, что учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ надлежитъ бросить эти заведенія и слѣдуетъ итти «въ народъ», послужили тою отправною точкою, изъ которой вытекло послѣдующее движеніе, къ описанію котораго мы и приступаемъ въ настоящихъ частяхъ. Этотъ призывъ итти «въ народъ» былъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые высказанъ Герценомъ въ «Колоколѣ», но при иной постановкѣ вопроса и при иныхъ обстоятельствахъ. Издатель «Колокола» рекомендовалъ молодежи, напротивъ, всѣми мѣрами держаться ученыхъ занятій и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда она волею начальства оказывается выставленною за порогъ учебнаго заведенія, отдавать себя практическому служенію народнымъ интересамъ, «итти въ народъ, къ народу». Въ остальныхъ же своихъ обращеніяхъ къ молодежи онъ уговаривалъ ее беречь себя, терпѣть всѣми силами, дабы въ будущемъ, во всеоружіи научнаго знанія и житейскаго опыта, явиться на арену политической борьбы и общественной дѣятельности. Совершенно обратно старшему представителю «династіи «Колокола» училъ младшій ея членъ: онъ немедленно рекомендовалъ рвать съ наукою и цѣликомъ посвятить себя борьбѣ съ существующимъ строемъ во имя туманныхъ перспективъ грядущаго соціальнаго будущаго народа. Эта проповѣдь была острѣе, попадала скорѣе въ больныя мѣста, въ ноющія раны, почему и была болѣе чутко услышана и воспринята. Ученіе Бакунина было болѣе легкое, болѣе эффектное, болѣе возбуждающее нервы и страсти. А тутъ еще на достаточно уже подготовленную почву пало сѣмя новаго ученія, раздавшагося изъ глубины дальней и глухой ссылки, ученія, на которомъ огненными заглавными буквами были написаны слова

объ отдачѣ долга народу. Мы разумѣемъ «Историческія письма» П. Л. Лаврова (Миртова), напечатанныя въ «Недѣлѣ» (1868—1869), вышедшія вслѣдъ за симъ отдѣльнымъ изданіемъ и сыгравшія въ народническомъ движеніи семидесятыхъ годовъ громадную роль.

По словамъ біографа Лаврова Н. С. Русанова [1]), «Письма Миртова»—это небольшое сравнительно произведеніе—имѣли, какъ извѣстно, успѣхъ поразительный и, слѣдуетъ прибавить, неожиданный какъ для самого Петра Лавровича, такъ и для нѣкоторыхъ очень компетентныхъ судей. Интересно, что такой сильный и тонкій умъ, какимъ былъ Н. К. Михайловскій, игравшій въ то время важную роль въ редакціи «Недѣли», прочитавъ первыя письма, находилъ ихъ черезчуръ сухими для большинства публики и даже задавался вопросомъ, стоитъ ли поощрять ихъ дальнѣйшее появленіе. И только болѣе чуткая оцѣнка ихъ покойнаго Е. И. Конради, участвовавшаго также въ редакціи газеты, воспрепятствовала ихъ прекращенію. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что «Историческія письма» скоро сдѣлались и были настольной книгой, евангеліемъ молодежи въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ, да и послѣ многія мысли «Писемъ» вошли въ обиходъ всякаго образованнаго и порядочнаго человѣка въ Россіи. Дѣло доходило порою до комизма, когда самые враги Лаврова били что называется, его же добромъ да ему же челомъ, въ полемикѣ съ нимъ повторяя его собственныя идеи... «Ахъ, надо было жить въ 70-е годы, въ эпоху движенія въ народъ, чтобы видѣть вокругъ себя и чувствовать на самомъ себѣ удивительное вліяніе, произведенное «Историческими письмами!»—говоритъ Русановъ.—Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой истрепанной, исчитанной, истертой въ концъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ. И на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безмѣрною жаждою жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ... И какъ радостно трепетали наши сердца, въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично незнакомаго, но родного нашей мысли далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ ученія «добраго учителя», призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія!

«Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка «мыслящаго реалиста». Мы готовились всѣ стать такими «мыслящими реалистами», которые желаютъ жить во имя своего «развитаго эгоизма», низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью сво-

---

[1]) Н. С. Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи».

бодную и счастливую жизнь какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные человѣческіе вопросы, есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками и всякими другими науками: есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся.

«Можете себѣ представить, какой ураганъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ проходитъ по нашей душѣ! Какъ стыдно намъ было за свои мизерные буржуазные планы насчетъ счастливой личной жизни! Къ чорту и «разумный эгоизмъ», и «мыслящій реализмъ», и къ чорту всѣхъ этихъ лягушекъ и прочіе предметы наукъ, которые заставляли насъ забывать о народѣ! Отнынѣ наша жизнь должна была всецѣло принадлежать массамъ, и только посвящая всѣ наши силы торжеству общественной правды, мы могли не оказаться злостными банкротами передъ нашей страной и всѣмъ человѣчествомъ. На разстояніи теперь становится виднѣе, какую важную роль «Историческія письма» сыграли въ созданіи и развитіи того возвышеннаго и безкорыстнаго энтузіазма, который двинулъ молодыхъ проповѣдниковъ соціализма «въ наровъ».

Программа и содержаніе «Историческихъ писемъ» никоимъ образомъ не имѣли своею спеціальною задачею революціонныя проблемы, но смѣлыя положенія о «долгѣ передъ народомъ» за несомый имъ ради цивилизаціи и ради блага интеллигенціи трудъ давали возможность настроеніямъ 70-хъ годовъ найти себѣ здѣсь искомый отвѣтъ на вопросъ: что же дѣлать? который тогда такъ неотступно стоялъ передъ молодежью въ особенности. Отвѣтъ этотъ сводился къ тому, что необходимо стремиться къ воплощенію въ общественныхъ формахъ *истины* и *справедливости* черезъ посредство правильно организованныхъ группъ, состоящихъ изъ личностей, гармонически развитыхъ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, двигательнымъ факторомъ дѣйствій которыхъ служило бы критическое мышленіе, понимаемое вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ факторъ нравственнаго порядка. Лавровъ въ своей книгѣ не ставитъ спеціально задачъ для русской жизни, какъ таковой, онъ не подвергаетъ ее особливому бичеванію и не указываетъ читателямъ, какъ нужно дѣйствовать въ конкретныхъ случаяхъ, на практическомъ поприщѣ повседневной реальной будничной работы. Всѣ его разсужденія—философскаго, отвлеченнаго порядка, но конечная цѣль этихъ разсужденій была укрѣпить сознаніе необходимости прогресса въ жизни, безъ котораго справедливая и истинная цивилизація существовать не можетъ и который имѣетъ цѣлью сча-

стіе не исключительнаго меньшинства, а большинства, счастіе, основанное на равенствѣ и братствѣ. Его положенія настолько сжаты, но вмѣстѣ съ тѣмъ эластичны, что въ нихъ догадливый читатель легко могъ влить содержаніе отечественной дѣйствительности, откуда уже получалось естественнымъ порядкомъ осужденіе этой дѣйствительности и призывъ къ борьбѣ съ нею во имя блага народа. Отсюда при всей стилистической сухости «Писемъ» ихъ обаяніе на молодыхъ читателей, ихъ роль научнаго евангелія, гдѣ почерпалась своего рода политическая нагорная проповѣдь; отсюда же скорое враждебное отношеніе къ нимъ правительственной власти, которая и объявляетъ «Письма» книжкою запретною, съ цензурнымъ запрещеніемъ повторныхъ ея изданій до послѣдняго времени включительно, когда только послѣ манифеста 17 октября 1905 г. доступъ ея въ широкіе круги потребителей сталъ возможенъ. На это запрещеніе, несомнѣнно, вліяло и имя автора, хотя и прикрывшагося псевдонимомъ Миртова,—болѣе извѣстное потомъ какъ имя эмигранта, счастливо бѣжавшаго изъ тяжелой ссылки, ставшаго въ первые ряды политическихъ борцовъ съ существующимъ порядкомъ вещей на родинѣ и пріобрѣвшаго себѣ за рубежомъ репутацію непримиримаго агитатора съ громаднымъ авторитетомъ среди остальной арміи политическихъ изгнанниковъ.

Сосланный по высочайшему повелѣнію за проведеніе въ печати «вредныхъ мыслей» въ г. Тотьму, онъ вскорѣ отсюда былъ переведенъ въ Вологду. По несчастію, въ день отъѣзда прочіе бывшіе въ Тотьмѣ ссыльные рѣшили проводить Лаврова на нѣкоторое разстояніе за городъ, о чемъ сейчасъ же было мѣстною властью донесено петербургскому начальству. Въ результатѣ этого донесенія была новая ссылка бывшаго профессора въ Кадниковъ, еще болѣе захудалый и жалкій городишко, чѣмъ Тотьма. Несмотря на то, что онъ здѣсь былъ единственнымъ ссыльнымъ, для наблюденія за нимъ были прикомандированы цѣлыхъ два жандарма. Жизнь здѣсь была для Петра Лавровича тяжкою, но тѣмъ не менѣе онъ не опускается, не теряетъ энергіи и интереса къ научнымъ изслѣдованіямъ и работамъ, слѣдомъ которыхъ явился рядъ его статей въ «Недѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ и надлежитъ отмѣтить упомянутыя выше «Историческія письма». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лавровъ не находилъ возможнымъ мириться съ своимъ положеніемъ ссыльнаго и вошелъ въ сношенія какъ съ своими бывшими петербургскими друзьями, такъ и съ Герценомъ по предмету бѣгства изъ ссылки и эмиграціи за предѣлы родины. Это бѣгство и было организовано въ началѣ 1870 года извѣстнымъ впослѣдствіи «шлиссельбуржцемъ» Германомъ Лопатинымъ, съ которымъ намъ еще придется въ дальнѣйшемъ встрѣчаться, тогда еще молодымъ человѣкомъ, недавно вступившимъ на поприще политической оппозиціи.

П. Л. Лавровъ.

По отсутствію въ Кадниковѣ значительнаго количества почтовыхъ лошадей (всѣ были наперечетъ), бѣжать оттуда безъ внѣшней помощи не представлялось для Лаврова возможнымъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день, когда Лавровъ сидѣлъ у себя на квартирѣ и бесѣдовалъ съ двумя мѣстными обывателями, къ нему явился рослый и красивый человѣкъ, который, отрекомендовавшись господиномъ N. N., присоединился къ разговору и очаровалъ собесѣдниковъ своимъ умомъ и блестящимъ краснорѣчіемъ. По уходѣ

знакомыхъ пріѣзжій объявилъ Лаврову: «Я не N. N., а Лопатинъ, наши общія друзья послали увезти васъ отсюда въ Петербургъ. Вы готовы? Когда можете отправиться?»—«Хоть завтра», отвѣтилъ Лавровъ. Выбриться, остричься и привести себя въ неузнаваемый видъ было дѣломъ нетруднымъ, и на слѣдующій день тройка Лопатина, взятая изъ Вологды, увезла обоихъ бѣглецовъ. О дальнѣйшихъ перипетіяхъ г. Кудринъ повѣствуетъ слѣдующее [1]): «Рѣшено было ѣхать въ Вологду, а оттуда на ближайшую станцію строившейся въ то время Ярославско-Вологодской желѣзной дороги. Въ Вологдѣ, пересаживаясь на почтовую перекладную, бѣглецы узнали, что по дорогѣ имъ придется встрѣтиться съ жандармскимъ полковникомъ, который ѣхалъ по службѣ и хорошо зналъ въ глаза Петра Лавровича. Моментъ былъ критическій, но отступать было нельзя; надо было рисковать и прямо итти навстрѣчу опасности. Лопатинъ, который былъ въ то время въ цвѣтѣ лѣтъ и полонъ юношеской смѣлости, чтобы не показать, какъ озабочивала его предстоящая встрѣча счелъ долгомъ завести со своимъ спутникомъ разговоръ о позитивизмѣ. П. Л. Лавровъ хорошо понималъ настроеніе Лопатина, но тоже, чтобы не отказаться отъ предложенной игры, съ оживленіемъ давалъ ученыя реплики товарищу по дорогѣ и опасности. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно. Сани жандармскаго полковника встрѣтили перекладную съ философствующими диспутантами по дорогѣ, но блюститель порядка и не заглянулъ въ возокъ бѣглецовъ. Затрудненіе представилось дальше, когда Лавровъ и Лопатинъ пріѣхали въ то мѣсто, откуда они думали воспользоваться открытымъ уже, по слухамъ, желѣзнодорожнымъ участкамъ. Оказалось, что открытіе еще не состоялось, но должно произойти на слѣдующій день при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей и въ томъ числѣ спеціально наблюдавшаго за Лавровымъ жандармскаго полковника. Дважды искушать фортуну нашимъ путешественникамъ не хотѣлось, и потому они порѣшили и дальше ѣхать на лошадяхъ, а затѣмъ уже сѣсть на чугунку и катить черезъ Москву въ Питеръ.

«Въ столицѣ бѣглеца ждали новыя испытанія. Лопатинъ, согласно уговору, «доставилъ» Лаврова на радикальную квартиру, закончивъ блистательно свою миссію. Но другіе пріятели и знакомые Петра Лавровича, посвященные въ его бѣгство, далеко не отличались лопатинскою энергіею и практичностью. Такъ какъ радикальная квартира, на которую Лавровъ попалъ сначала, была почему-то неудобна, то его сочли нужнымъ отвезти на другую, аристократическую квартиру, которая находилась на Конногвардейскомъ бульварѣ, и владѣлецъ которой, бравый офицеръ и добрый малый, сочувствовавшій «хорошимъ идеямъ», былъ очень посредственнымъ

[1]) Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ). «Соціалисты Запада и Россіи».

конспираторомъ. Не успѣлъ Петръ Лавровичъ прибыть въ новое помѣщеніе, какъ оказалось, что квартира эта была уже употреблена для другой «нелегальной» цѣли: сюда пріютилась дѣвица, которая, желая жить своимъ хлѣбомъ, обвѣнчалась съ однимъ изъ знакомыхъ фиктивнымъ бракомъ. И здѣсь съ часу на часъ ждали полицейскаго нашествія, которымъ грозили разсерженные родители.

«А между тѣмъ Петру Лавровичу приходилось прожить еще нѣсколько дней въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что прибылъ онъ сюда въ четвергъ на масляницу, на широкую, развеселую русскую масленицу, когда все въ Петербургѣ было пьянымъ пьяно, а всѣ присутственныя мѣста закрыты, и заграничнаго паспорта (на имя доктора Веймара, осужденнаго послѣ по дѣлу Соловьева) нельзя было получить раньше слѣдующаго понедѣльника. Сочувствовавшій хорошимъ идеямъ офицеръ предложилъ Петру Лавровичу отвезти его въ имѣніе своихъ пріятелей, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. Поѣхали; по дорогѣ новое приключеніе. Въ Лугѣ Лаврову пришлось ужинать въ трактирѣ, гдѣ предавалось масленичному кутежу лужское уѣздное земство; а многіе члены его, которые были и губернскими гласными петербургскаго земства, отлично знали Петра Лавровича, тоже состоявшаго до своего ареста членомъ этого земства, и легко могли узнать бѣглеца. Въ самомъ же имѣніи, куда пріѣхали Лавровъ и его провожатый, домъ былъ полонъ масленичныхъ гостей, которыхъ, конечно, долженъ былъ интриговать незнакомый, державшійся въ сторонѣ посѣтитель... Такъ прошли веселые для гостей и довольно меланхоличные для отшельника послѣдніе дни масленицы. И можно было думать, что питерскіе пріятели уже добыли заграничный паспортъ у перешедшей на трезвое положеніе власти.

«Было условлено, что паспортъ этотъ привезутъ на станцію города Луги. Туда, въ первый же день Великаго поста, хозяева отправились съ Лавровымъ для того, чтобы встрѣтить посланца съ заграничнымъ видомъ и купить билетъ для отъѣзжающаго. Билетъ былъ купленъ, но изъ Питера паспорта не привезли, и приходилось возвращаться въ имѣніе и ждать слѣдующаго дня. На слѣдующій день поѣздка—замѣтьте, за пятнадцать верстъ,—на станцію, и на станцію очень ничтожную, откуда выѣздъ за границу какого-нибудь лица былъ необыкновеннымъ событіемъ,—эта поѣздка увѣнчалась новымъ неуспѣхомъ. Наконецъ, на третій день паспортъ былъ привезенъ, и Петръ Лавровичъ благополучно выѣхалъ за предѣлы Россійской имперіи, въ то время, какъ всполошившіяся въ Вологдѣ власти терялись въ догадкахъ, какъ и куда могъ исчезнуть ссыльный, ибо три ямскія тройки въ Кадниковѣ оказались всѣ налицо. Начальство успокоилось на томъ предположеніи, что Лавровъ, потихоньку выѣхавъ изъ города (какъ это онъ дѣлалъ нѣсколько разъ, по словамъ его матери), былъ убитъ неизвѣстнымъ

ямщикомъ. А въ губерніи ходили даже слухи насчетъ какихъ-то найденныхъ въ ямскихъ саняхъ слѣдовъ крови...»

Такъ совершилось удачное бѣгство Лаврова изъ Кадникова, бѣгство, имѣвшее для исторіи русскаго революціоннаго движенія важное значеніе, такъ какъ ввело въ ряды дѣйствующихъ лицъ крупнаго человѣка, которому, подобно какъ это случилось съ И. Михайловымъ и Н. Чернышевскимъ, грозила, въ случаѣ неудачи побѣга, грустная участь медленнаго угасанія въ сѣверной глуши.

Когда Лавровъ прибылъ въ Парижъ, Герцена, звавшаго его къ себѣ для совмѣстной работы, уже не стало, и такимъ образомъ бывшій профессоръ военной академіи остался безъ поддержки вліятельнаго эмигранта, имѣвшаго такія долголѣтнія и обширныя связи въ западно-европейскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ. Но за Лаврова уже говорили его печатные труды, благодаря чему доступъ въ ученые круги для него не оказался труднымъ; онъ былъ избранъ въ члены антропологическаго общества, а также приглашенъ извѣстнымъ Брока въ составъ редакціи «Revue d'Anthropologie»; кромѣ того, онъ завязываетъ тѣсныя связи съ представителями французскаго пролетаріата (переплетчикъ Варлэнъ) и становится членомъ интернаціонала по секціи Тэрнъ. Изъ политическаго радикала, по словамъ г. Русанова-Кудрина, «лишь сочувствовавшаго благороднымъ идеямъ соціализма, Лавровъ самъ становился убѣжденнымъ соціалистомъ-революціонеромъ, видящимъ въ рабочемъ классѣ самаго крупнаго двигателя прогресса и строителя будущаго коммунистическаго общества».

Во время парижской коммуны онъ принялъ въ ея перипетіяхъ участіе, искалъ ей сочувствія и поддержки у интернаціонала, а послѣ ликвидаціи бурныхъ событій 1871 г. поселился въ Цюрихѣ, откуда перекочевалъ въ періодъ издательства журнала «Впередъ!» въ Лондонъ, и окончательно сѣлъ съ 1877 г. въ Парижѣ на улицѣ Saint-Jacques (№ 328), гдѣ и кончилъ свои дни въ 1900 году, явившись въ столицѣ Франціи тѣмъ центромъ, около котораго группировалась въ теченіе пятнадцати лѣтъ слишкомъ вся русская эмиграція, и пользуясь какъ среди нея, такъ и среди всей революціонной Россіи неизмѣннымъ почетомъ и авторитетомъ. Привѣтствуя его по случаю исполнившейся 70-й годовщины рожденія, одинъ изъ русскихъ поэтовъ 80-хъ годовъ послалъ Лаврову отъ имени товарищей по каторгѣ слѣдующее стихотворное привѣтствіе, гдѣ былъ высказанъ взглядъ, какъ смотрѣла на него вся подпольная Россія:

Въ познаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ не поникшій могучей душой...

Въ темницахъ отчизны, подъ солнцемъ чужбины,
Надъ Леной, надъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ,
Горятъ намъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучомъ.

Въ началѣ 1872 года къ Лаврову явились делегаты изъ Россіи съ предложеніемъ организовать изданіе русскаго заграничнаго журнала. Это приглашеніе,—говоритъ онъ въ своей въ значительной мѣрѣ автобіографической книгѣ «Народники-пропагандисты» [1]),—было для него довольно неожиданно и составъ лицъ, отъ которыхъ оно исходило, былъ далеко не ясенъ для предполагавшагося редактора новаго изданія. Онъ написалъ проектъ программы «Впередъ!», предполагая, что въ Россіи, въ средѣ тѣхъ литературныхъ кружковъ, которые были наиболѣе радикальными, организовалась или организуется партія, которая имѣетъ въ виду имѣть свой органъ за границей. Это предположеніе оказалось невѣрнымъ, но полученныя свѣдѣнія о движеніи въ молодежи... заставляли думать, что почва для революціонной соціалистической литературы въ Россіи образовалась. Тогда сдѣлана была попытка, сойдясь съ русскими бакунистами на почвѣ соціалистическихъ принциповъ и устроивъ на почвѣ этихъ принциповъ съ ними modus vivendi, издавать за границей русскій органъ, имѣющій въ виду «подготовлять» соціальную революцію въ Россіи въ интеллигенціи и въ народѣ. Попытка эта была сдѣлана въ новой предположенной программѣ. Но и эта попытка оказалась неудачною. Бакунисты требовали въ журналѣ болѣе рѣшительнаго вліянія, чѣмъ то, на которое считалъ возможнымъ согласиться редакторъ. Принципіальныя начала сообща обсуждены не были вовсе. Но возникли двѣ враждебныя фракціи. «Впередъ!» появился съ программою рабочаго соціализма, выставивъ задачу «подготовленія» соціальной революціи въ Россіи и имѣя противъ себя враговъ не только въ рядахъ либерально-буржуазной литературы, но и въ рядахъ русскихъ революціонеровъ, отчасти ставившихъ для Россіи политическія задачи борьбы съ абсолютизмомъ выше принциповъ соціализма, отчасти же проповѣдывавшихъ, во имя анархическаго соціализма, непосредственное обращеніе къ революціоннымъ пріемамъ, отрицая болѣе или менѣе медленныя мѣры «подготовителей». Таковою оставалась программа «Впередъ!» во всѣхъ пяти томахъ этого изданія, а также 48 номеровъ двухнедѣльной газеты, выходившей въ 1876 и 1878 годахъ.

Въ одномъ изъ обширныхъ примѣчаній въ главѣ «Русское заграничное революціонное движеніе 1873—77 годовъ» въ той же уже цитированной книгѣ Лавровъ даетъ еще дополнительныя свѣдѣнія по возникновенію журнала «Впередъ!», чрезвычайно цѣнныя

[1]) П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ). «Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ».

какъ для его собственной характеристики, такъ и для исторіи возникновенія этого журнала. Онъ говоритъ:

«Уѣзжая за границу и до самаго марта 1872 года я оставался въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбѣжно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки, вслѣдствіе недостаточнаго знанія даже моими пріятелями въ этой средѣ моего настоящаго взгляда на революціонную и нереволюціонную дѣятельность и недостаточнаго ихъ довѣрія къ моимъ способностямъ въ этомъ направленіи.

«Именно поэтому я былъ вовсе не приготовленъ къ неожиданности, что изъ Россіи явятся ко мнѣ делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ. Рѣшиться надо было сейчасъ на основаніи разговоровъ съ очень небольшимъ числомъ лицъ, которыя были подъ рукой и которымъ я могъ довѣрять. Два молодыхъ украинца (одинъ изъ нихъ С. Подолинскій), бывшіе въ то время въ Парижѣ, предложили свое энергическое содѣйствіе по переговорамъ въ Россіи и по организаціи матеріальныхъ средствъ для изданія (Подолинскій оказался самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ пособникомъ въ эти трудные мѣсяцы). Что касается литературнаго содѣйствія, то я не считалъ себя въ правѣ сомнѣваться, какія группы выступили въ бой при этомъ предпріятіи. Всѣ мои связи съ людьми радикальнаго образа мыслей ограничивались литературою. Мои сношенія съ «Землей и Волей» начала 60-хъ годовъ (завязанныя черезъ А. Н. Энгельгардта) были такъ ничтожны, что отсюда обращеніе ко мнѣ было немыслимо. Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею ни во время моей ссылки, ни при проѣздѣ чрезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу. Общее впечатлѣніе, мною полученное при этомъ проѣздѣ, было скорѣе подавляющее: ни на какое энергическое движеніе, казалось, нельзя было разсчитывать въ февралѣ—мартѣ 1870 года. Кто же могъ быть въ числѣ иниціаторовъ новаго предпріятія? Я построилъ себѣ гадательную теорію, которая оказалась впослѣдствіи ошибочною. Для меня иниціатива могла принадлежать лишь той группѣ литературныхъ радикаловъ, которую я зналъ и энергію которыхъ я могъ оцѣнить въ то время, когда они относились ко мнѣ недружелюбно. Садясь за программу «Впередъ!» въ моей комнатѣ на Chaussée d'Antin въ мартѣ 1872 года, я представилъ себѣ дѣло такъ. Растущая реакція принудила представителей радикальной литературы убѣдиться, что борьба на почвѣ литературы легальной въ данную минуту уже недостаточна. Они въ два года послѣ моего отъѣзда изъ Россіи организовались, вѣроятно, для литературной и полити-

ческой борьбы. Но никто изъ нынѣшнихъ участниковъ движенія не можетъ или не желаетъ бросить Россію и отрѣзать себѣ путь возвращенія въ нее, ставъ явно во главѣ предпріятія, которое, появляясь за границей, имѣетъ небольшія шансы быть столь же эфемернымъ, какъ тѣ изданія, которыя одно за другимъ появлялись и исчезали послѣ упадка «Колокола». Они обращаются ко мнѣ потому, что я уже отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину, и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ. Согласясь въ программѣ, которую они отъ меня ожидаютъ, они имѣютъ, конечно, въ виду поддерживать журналъ своими работами по русскимъ вопросамъ, подвергая эти вопросы критикѣ съ точки зрѣнія способной теперь имѣть такое же вліяніе на общество въ формѣ подпольной литературы, какое имѣла легальная радикальная пресса въ 60-хъ годахъ. Мнѣ они имѣютъ въ виду, вѣроятно, поручить лишь ту часть дѣла, которую имъ, пребывающимъ въ Россіи, вести неудобно. Имѣя это въ виду, я долженъ брать въ соображеніе ту «растущую силу» литературно-политической оппозиціи, которая, по моимъ предположеніямъ, образовалась въ Россіи за послѣдніе два года; мои же личныя убѣжденія въ ихъ оттѣнкахъ и особенностяхъ я могу проводить лишь какъ сотрудникъ дѣла. Въ этомъ отношеніи я ставилъ себѣ задачею лишь одно: придать заграничному органу обще-соціалистическій характеръ, предоставляя обработку внутреннихъ политическихъ вопросовъ русскаго движенія людямъ, находящимся на мѣстѣ. Я говорилъ себѣ, что если моя программа не понравится, а я не найду возможности взять за руководство тѣ взгляды, которые выработаны иниціаторами, ко мнѣ обратившимися, то все дѣло ограничится тѣмъ, что я откажусь отъ ихъ предложенія, а они поищутъ себѣ иного литературнаго представителя за границей. Если же мои предположенія о литературно-политической организаціи и о «растущей силѣ» въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проектомъ программы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе.

«Когда къ осени 1872 года Подолинскій привезъ мнѣ въ Лондонъ свѣдѣнія о полученныхъ результатахъ, то мои предположенія оказались совершенно фантастическими: литературные радикалы вовсе не собирались организоваться для борьбы на почвѣ подпольной прессы. Зато имѣлись самыя благопріятныя свѣдѣнія о возбужденіи среди молодежи, о «растущей силѣ» среди нея, объ отсутствіи единства въ этомъ движеніи за недостаткомъ вліятельнаго органа, наконецъ, о существованіи живыхъ и энергическихъ молодыхъ группъ уже не только среди эмиграціи, а въ самой Россіи. Я получилъ впечатлѣніе (можетъ быть, недостаточно критически провѣривъ разсказы моего молодого пріятеля), что изъ этой молодежи, вол-

нующейся, энергической, но лишенной единства и опредѣленности въ направленіи, пришелъ ко мнѣ призывъ, что я тутъ какъ будто дѣйствительно нуженъ, за неимѣніемъ другихъ, болѣе компетентныхъ; что внѣ бакунисткихъ и нечаевскихъ группъ,—инымъ сторонамъ дѣятельности которыхъ сочувствовать и содѣйствовать я не могъ,—даже въ той самой средѣ, которая до сихъ поръ охватывалась общими началами бакунизма, есть элементы, способные примкнуть къ иному направленію, мнѣ болѣе сочувственному. Предо мною становился вопросъ: не слѣдуетъ ли, не обязательно ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватитъ способностей, этой новой «растущей силѣ», развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболѣе правильнымъ? Не слѣдуетъ ли, не обязательно ли при отсутствіи единства и опредѣленности направленія въ движеніи, постараться, хотя бы съ большими шансами неудачи, выработать эту опредѣленность и единство? Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно какъ возможное. Съ Парижемъ меня ничто тогда не связывало. Въ концѣ 1872 года я поѣхалъ въ Цюрихъ съ рѣшимостью посмотрѣть своими глазами на тѣ группы (всѣ примыкавшія болѣе или менѣе къ бакунисткому движенію), которыя могли дать матеріалъ для редакціоннаго и для техническаго персонажа «Впередъ!», и на мѣстѣ оцѣнить возможность соединиться въ общее литературное дѣло съ тѣми личными силами, которыя присутствовали среди бакунистовъ. Пріѣхавъ въ Цюрихъ, я нашелъ многое какъ разъ соотвѣтствующее тому, что мнѣ сообщали мои корреспонденты. Въ средѣ бакунистовъ Цюриха существовалъ расколъ, едва прикрываемый внѣшними приличными отношеніями, и нѣсколько весьма замѣчательныхъ личностей (мужчинъ и женщинъ), на которыхъ мнѣ указывали уже письменно (одинъ знакомый еще изъ ссылки въ Тотьму), обѣщали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, причемъ очень быстро оказалась и возможность провѣрить ихъ личныя связи въ Россіи. Второй украинецъ (изъ примкнувшихъ къ программѣ «Впередъ!» еще въ мартѣ), обѣщавшій преимущественно матеріальную поддержку изданію, оказался пустымъ болтуномъ, и на средства, получаемыя этимъ путемъ, оказалось невозможнымъ разсчитывать. Тогда одна изъ моихъ новыхъ молодыхъ пріятельницъ поѣхала въ Россію добывать матеріальную поддержку съ ручательствомъ продолжать ее въ будущемъ и вернулась очень быстро съ блестящимъ успѣхомъ. Около «Впередъ!», еще только предполагавшагося, не выставившаго своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежныя силы и за границей, и въ Россіи. Очень скоро оказалось, что эти силы были не особенно значительны; что большинство послѣдующаго движенія 1873—76 годовъ имѣло мѣсто

на почвѣ стараго бакунизма. Мнѣ до сихъ поръ не вполнѣ ясно, что именно въ Россіи зародилась мысль обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ составить программу заграничнаго органа и основать его, но, по нѣкоторымъ слухамъ, иниціатива принадлежала нѣкоторымъ личнымъ литературнымъ пріятелямъ и читателямъ «Историческихъ писемъ» (объ успѣхѣ которыхъ я, впрочемъ, всѣ эти годы вовсе не зналъ), вообще группѣ незначительной по численности и нисколько неприготовленной къ серьезной организаціи дѣла. Но тогда оцѣнить это изъ Цюриха было очень трудно. Оставалось опредѣлить вполнѣ точно отношенія редакціи «Впередъ!» къ бакунистамъ, крѣпко державшимъ въ рукахъ знамя, выставленное ихъ знаменитымъ представителемъ. Дѣйствовать съ ними вполнѣ заодно было, повидимому, невозможно. Я не могъ допустить, по моимъ соображеніямъ о трудности руководства изданіемъ, никакого рѣшительнаго вмѣшательства съ ихъ стороны въ редакціонное дѣло и предвидѣлъ, что распаденіе произойдетъ на почвѣ организаціи администраціи журнала. Но я считалъ очень важнымъ показать, что въ принципіальномъ отношеніи нѣтъ причины враждебности существовать между нами. Второй проектъ программы «Впередъ!» былъ написанъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность и устраивать между двумя фракціями мирный modus vivendi. Этотъ проектъ имѣлось въ виду обсуждать сообща прежде всего; я надѣялся, что на этой почвѣ соглашеніе возможно; а разъ оно было бы признано, менѣе острымъ становился уже дальнѣйшій вопросъ о способѣ веденія редакціоннаго дѣла, вопросъ, на которомъ расколъ былъ почти неизбѣженъ. Не желаю входить въ обсужденіе возможныхъ причинъ, по которымъ представители бакунистовъ не соглашались на этотъ порядокъ обсужденія вопросовъ, но они потребовали постановки на первую очередь вопроса о редакціонномъ дѣлѣ. Расколъ совершился, и принципіальная сторона изданія вовсе не была обсуждаема сообща, такъ что во все продолженіе существованія бакунистовъ и впередовцевъ за границею и въ Россіи никогда не было опредѣленнымъ образомъ установлено, въ чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы, а столкновенія происходили по второстепеннымъ пунктамъ, какъ-то: по вопросу о важности или ненужности пріобрѣсти знанія, въ агитаціонной тактикѣ и т. п.

«Когда расколъ произошелъ, и когда въ теченіе первой половины 1873 года изъ Россіи приходили все болѣе опредѣленныя извѣстія о томъ, что кружки русской молодежи гораздо ближе къ взглядамъ «бунтарей», чѣмъ «подготовителей», когда болѣе близкое знакомство съ пріѣзжавшими изъ Россіи сторонниками «Впередъ!» убѣдило меня, что въ самомъ персоналѣ этихъ сторонниковъ и въ ихъ тактикѣ существуютъ какія-то причины, способныя вредно подѣйство-

вать на успѣхъ нашего дѣла, я съ каждымъ днемъ болѣе убѣждался, съ какими огромными трудностями придется бороться редакціи его для поддержки его существованія и особенно для установленія ему нѣкотораго вліянія. Внутренно я вовсе не надѣялся тогда, что онъ просуществуетъ четыре года. Если бы я за годъ передъ тѣмъ узналъ положеніе дѣла, какъ я узналъ его весною 1873 г., я бы навѣрно отклонилъ отъ себя это дѣло, не считая ни полезнымъ, ни возможнымъ начинать его. Если бы это имѣло мѣсто въ октябрѣ 1872 года, то довольно сомнительно, чтобы я счелъ себя въ силахъ вести его при данныхъ условіяхъ. Но весной 1873 года я уже не считалъ себя въ нравственномъ правѣ отказать въ моемъ самомъ живомъ содѣйствіи умной и энергической молодежи, сгруппировавшейся около органа, существовавшаго еще лишь въ общемъ планѣ, молодежи, разорвавшей со вчерашними товарищами, гораздо болѣе многочисленными и сильными, чѣмъ они, при чемъ, внѣ меня, на ихъ сторону не стала ни одна сколько-либо извѣстная литературная сила. Я чувствовалъ нравственную обязанность бороться всѣми своими силами вмѣстѣ съ людьми, ставшими около меня и добровольно подчинившимися моему единоличному руководству, когда мое прошедшее не давало имъ никакого ручательства въ моей компетентности для подобнаго политическаго дѣла. Я рѣшился взять на себя всю тяжелую отвѣтственность веденія «Впередъ!» вмѣстѣ съ тѣми силами, которыя были налицо, пока болѣе важныя, принципіальныя причины не являлись бы помѣхою продолженія этого сотрудничества.

«Подъ этимъ вліяніемъ я написалъ для печати третью программу «Впередъ!», какъ изданія, задачей котораго было—«подготовлять» соціально-революціонный переворотъ въ Россіи.

«На меня сильно нападали за эти три различныя программы «Впередъ!». Эти нападки были бы вполнѣ справедливы лишь въ томъ случаѣ, если бы въ этихъ программахъ во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣлась въ виду одна и та же цѣль. Но дѣло было совсѣмъ иное. Первая программа была программой предполагавшагося изданія, исходящаго изъ русскаго литературнаго радикализма 60-хъ годовъ, выступающаго теперь какъ боевая партія въ подпольной литературѣ въ 1872 г. Личныя мнѣнія редактора были здѣсь элементомъ второстепеннымъ. Вторая программа была программою изданія, которое, не подчинясь многимъ пунктамъ бакунизма 1872 г., имѣло въ виду сохранить единство соціально-революціоннаго движенія въ Россіи въ принципіальномъ отношеніи: личные взгляды редактора могли въ ней проявиться лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не вредили этому единству. Лишь третья программа была личною программою редактора, принимавшаго полную и исключительную отвѣтственность за помѣщеніе въ изданіи одного и за непомѣщеніе другого».

Въ программѣ изданія, которая потребовала столько передѣлокъ и которая, по утвержденію редактора, явилась выраженіемъ его личныхъ взглядовъ, Лавровъ говоритъ [1]):

«Для насъ въ настоящую минуту существуютъ двѣ общечеловѣческія цѣли, двѣ борьбы, въ которыхъ долженъ участвовать всякій мыслящій человѣкъ, становясь на сторону прогресса или реакціи; двѣ борьбы, въ которыхъ индифферентнымъ быть нельзя, отношеніе къ которымъ должно опредѣлить отношеніе ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ, какъ къ второстепеннымъ; двѣ борьбы, которыя должны быть девизомъ всякой личности, всякой партіи, всякой паціи, желающей участвовать въ развитіи человѣчества. Это, во-первыхъ, борьба реальнаго міросозерцанія противъ міросозерцанія богословскаго, ясно сознанныхъ человѣческихъ потребностей противъ всѣхъ идоловъ богословскихъ и метафизическихъ, теоретическихъ и нравственныхъ: короче говоря, борьба науки противъ религіи. Это во-первыхъ, борьба труда противъ праздпаго пользованія благами жизни, борьба полной равноправности личности противъ монополіи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ, борьба рабочаго противъ классовъ, его эксплоатирующихъ, борьба свободной ассоціаціи противъ обязательной государственности, короче говоря, борьба за реализацію справедливѣйшаго строя общества.

Изъ этихъ двухъ историческихъ задачъ современности рѣшеніе первой уже далеко подвинуто впередъ; къ тому же для Россіи эта задача имѣетъ малое значеніе: религіозными вопросами у насъ интересуются лишь тѣ, которые едва ли прочтутъ наше изданіе...

Совсѣмъ другое дѣло вторая борьба—за справедливѣйшій строй общества. Еще многіе не сознаютъ вовсе ея значенія. Многіе отрицаютъ возможность ея правильной теоретической постановки, точно также какъ возможность ея благопріятнаго исхода. Борьба эта едва вступила въ тотъ фазисъ, въ которомъ ея основы стали вполнѣ реальны и въ которомъ ея участники могутъ ясно понять, гдѣ ихъ товарищи и гдѣ враги. Противъ осуществленія справедливѣйшаго строя направлены всѣ силы реакціи, во имя древняго консервативнаго преданія и во имя новой, псевдо-либеральной легальности... Мы знаемъ, что разомъ торжество нашихъ цѣлей осуществиться не можетъ, что для него нужна подготовка, ясное пониманіе возможнаго въ данную минуту. Именно это возможное мы будетъ постоянно имѣть въ виду. Въ небольшихъ прогрессивныхъ явленіяхъ мы стараемся указать в о з м о ж н о с т ь сдѣлать изъ нихъ почву дальнѣйшаго прогресса. Для широкихъ цѣлей будущаго мы постараемся указать в о з м о ж н ы я средства въ жалкомъ строѣ настоящаго

С р е д с т в о м ъ для распространенія истины не можетъ быть ложь; средствомъ для реализаціи справедливости не можетъ быть ни эксплоатація, ни авторитетное господство личностей; средствомъ торжества надъ праздпымъ наслажденіемъ не можетъ быть насильственный захватъ неразработаннаго богатства, переходъ возможности наслажденія отъ одной личности къ другой. Есть необходимыя условія борьбы, при которыхъ приходится употреблять временно п р о т и в у в р а г о в ъ и ложь, и принужденіе, и захватъ орудій борьбы. Но безъ крайней и временной необходимости эти средства вредны для той самой цѣли, для которой ихъ назначаютъ. Въ кругу же единомышленниковъ, товарищей, союзниковъ по общему дѣлу ложь есть преступленіе, преднамѣренное распространеніе

[1]) «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ.

иллюзіи есть измѣна дѣлу, принужденіе допущено быть не можетъ, эксплоатація и личный расчетъ возмутительны. Люди утверждающіе, что цѣль оправдываетъ средства, должны бы всегда сознавать ограниченіе своего правила весьма простымъ трюизмомъ: кромѣ тѣхъ средствъ, которыя подрываютъ самую цѣль...

...Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Мы видимъ въ немъ самую важную задачу настоящаго, единственную возможность будущаго. Въ союзѣ большинства рабочихъ въ свободную ассоціацію, въ организаціи этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, въ торжествѣ этой организаціи и въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленно-легальныхъ государствъ и сословій настоящаго мы видимъ единственное средство осуществить это будущее. Возможныя орудія этого осуществленія въ настоящую минуту различны для Россіи и для Европы, а въ самой Европѣ довольно важныя разногласія вооружаютъ по этому поводу другъ противъ друга партіи, которыхъ одинаковую искренность въ стремленіи къ одной и той же общей цѣли мы не имѣемъ никакого основанія заподозрѣть. При этомъ различіи взглядовъ на способы исполненія программы самая программа въ своихъ принципахъ уже опредѣлилась. Она высказана въ постановленіи нѣсколькихъ конгрессовъ, выражавшихъ общія стремленія рабочаго пролетаріата въ Европѣ. Она лежитъ въ основѣ всѣхъ стремленій нашихъ русскихъ дѣятелей въ пользу крестьянъ...

...Будемъ уяснять другъ другу тѣ пункты, въ которыхъ расходимся, но будемъ прежде всего сознавать, что у насъ одна цѣль и одни враги. Будемъ дѣйствовать сообща. Въ этомъ наша сила. Будемъ помнить, что лишь путь организаціи совокупнаго рабочаго движенія тѣмъ или инымъ путемъ ведетъ къ нашей цѣли. Другихъ средствъ общей борьбы пока нѣтъ, а это средство возможно, сильно и допускаетъ самое широкое развитіе въ будущемъ. Одиночная борьба противъ могучей организаціи враговъ безсмысленна и нецѣлесообразна. Личность, стремящаяся къ лучшему будущему, должна ясно сознавать, какія средства возможны для ея цѣли.

Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу соціальному и въ особенности экономическому. Государства, такъ какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю, гдѣ самая широкая свобода личности не будетъ препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперація для общей цѣли. Но это—далекое будущее, общественный идеалъ, который слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду, не обманывая себя однакоже надеждою на возможность его осуществленія ни сегодня, ни завтра.

«Между этимъ идеаломъ будущаго свободнаго общежитія, въ которомъ исчезнетъ всякій слѣдъ государственной принудительности, и тѣми централизованными государствами міра, которыя давятъ на большинство населенія при посредствѣ сложнаго легальнаго формализма и обширной административной сѣти, лежитъ цѣлый рядъ посредствующихъ политическихъ формъ, которыя выставлены были теоретически, или для которыхъ существовали болѣе или менѣе удачныя попытки практическаго осуществленія, и въ борьбѣ этихъ формъ съ современною государственностью подготовляется торжество далекаго будущаго...

... Всѣ нынѣшнія централизованныя политическія программы намъ прямо враждебны. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе терри-

торій другими распредѣленіями, съ другими центрами и другими законами—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи. Эти факты исторической жизни буржуазнаго общества могутъ быть для насъ хороши или дурны, смотря по тому, обѣщаютъ ли они организаціи рабочихъ и принципамъ соціальной борьбы болѣе или менѣе широкое вліяніе. Такъ какъ свобода мысли и слова, свобода ассоціаціи, участіе низшихъ классовъ въ управленіи, расширеніе обученія безусловно помогаютъ этимъ принципамъ, то мы будемъ ихъ поддерживать всюду, кто бы ни былъ ихъ противникомъ; но мы посовѣтуемъ нашимъ единомышленникамъ поддерживать эти элементы политическихъ программъ и пользоваться ими, не вступая въ союзъ съ либеральными партіями, которыя вносятъ ихъ въ свои программы. Мы съ ними можетъ сходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но наши цѣли безусловно различны...

... Вопросъ національный, по нашему мнѣнію, долженъ совершенно исчезнуть предъ важными задачами соціальной борьбы. Національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса. Приходится дѣйствовать въ данной мѣстности на общество, говорящее данным языкомъ, выработавшееся до данной культуры. Если это не взять въ соображеніе, то цѣль общественной дѣятельности получитъ совершенно отвлеченное значеніе и никогда не осуществится. Въ разныхъ мѣстностяхъ, для разныхъ національностей задачи даннаго мгновенія могутъ быть различны, но каждая нація должна дѣлать свое дѣло, сходясь въ общемъ стремленіи къ общечеловѣческимъ цѣлямъ. Всѣ національности могутъ и должны работать сообща, и этой работѣ нѣтъ препятствій. Для нея границъ, языковъ, преданій не существуетъ. Есть только люди и общія имъ всѣмъ цѣли. Эти принципы неизбѣжно требуютъ самой рѣшительной борьбы противу той національной раздѣльности, противоположности, враждебности, которыя еще слишкомъ часто отзываются въ привычкахъ даже мыслящихъ людей. Всякое возбужденіе къ соперничеству расъ или націй есть прямое отрицаніе международности соціальнаго вопроса и единства борьбы подавленныхъ классовъ общества противу ихъ притѣснителей.

... Для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству. Но какими средствами можно осуществить эти цѣли?..

... На первое мѣсто мы поставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа. Современный русскій дѣятель долженъ, по нашему мнѣнію, оставить за собою устарѣлое мнѣніе, что народу могутъ быть навязаны революціонныя идеи, выработанныя небольшою группою болѣе развитаго меньшинства, что спеціалисты революціонеры, свергнувъ удачнымъ порывомъ центральное правительство, могутъ стать на его мѣсто и ввести законодательнымъ путемъ

новый строй, облагодѣтельствовавъ имъ неподготовленную массу. Мы не хотимъ новой насильственной власти...

...Тотъ, кто желаетъ блага народу, долженъ стремиться не къ тому, чтобы стать властью при пособіи удачной революціи и вести за собою народъ къ цѣли, ясной лишь для предводителей, но къ тому, чтобы вызвать въ народѣ сознательную постановку цѣлей, сознательное стремленіе къ этимъ цѣлямъ и сдѣлаться не болѣе, какъ исполнителемъ этихъ общественныхъ стремленій, когда настанетъ минута общественнаго переворота.

Нигдѣ положеніе цивилизованнаго класса такъ не трудно при народномъ движеніи, какъ въ нашемъ отечествѣ...

...Проклятое преданіе стараго барства и чиновничества тяготѣетъ на всякомъ, кто живетъ жизнью цивилизованнаго класса въ Россіи, оно внушаетъ народу недовѣріе къ его словамъ, къ его дѣйствіямъ, и много личныхъ усилій необходимо для того, чтобы уничтожить это недовѣріе чтобы народъ призналъ своимъ того, кто отдѣленъ отъ него мелочами культурныхъ привычекъ.

Именно эта трудность сблизиться съ народомъ вызываетъ разнообразные взгляды на возможность и цѣлесообразность тѣхъ или другихъ пріемовъ въ общественной дѣятельности для подготовленія переворота, долженствующаго осуществить лучшее будущее Россіи. Каковы бы ни были эти взгляды, мы считаемъ въ нихъ существенными и неизмѣнными слѣдующіе пункты:

Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія яснопонятныхъ цѣлей, можно считать себѣ дѣйствительно-полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи.

Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя въ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого переворота.

...Революцій искусственно вызвать нельзя, потому что онѣ суть продукты не личной воли, не дѣятельности небольшой группы, но цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ процессовъ. Самая попытка вызвать ихъ искусственно едва ли можетъ быть оправдана въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ тяжело ложатся всякія общественныя потрясенія именно на самое бѣдное большинство, которое приноситъ при этомъ самыя значительныя жертвы. Но искусственно вызвать революцій до сихъ поръ и не предстояло надобности, такъ какъ всевозможныя правительства съ замѣчательнымъ соревнованіемъ доставляли для нихъ постоянно матеріалъ, и страданія народовъ возрастали гораздо болѣе оттого, что народы терпѣли установившійся строй или не довольно рѣшительно возмущались противъ него, чѣмъ оттого, что народы бросались въ безразсудныя революціонныя попытки. Слѣдуетъ также замѣтить, что всякая народная революціонная попытка, даже неудачная, является въ исторіи полезнымъ воспитательнымъ средствомъ общества: болтуны отдѣляются отъ людей дѣла; девизы партій получаютъ большую опредѣленность; фиктивныя коалиціи этихъ партій распадаются; истинныя задачи общества выдѣляются съ большею ясностью изъ разнообразныхъ вопросовъ, одновременно возникающихъ въ немъ, но имѣющихъ весьма различную важность; каждый историческій опытъ становится полезнымъ урокомъ

для будущаго. Но, каковъ бы ни былъ вредъ или польза революцій, фактически исторія приводитъ къ нимъ съ неизбѣжнымъ фатализмомъ...

...Вѣроятнѣе всего, что путь революціи неизбѣженъ для лучшаго будущаго Россіи: когда придетъ для нея удобная минута, этого никто сказать не можетъ, но она можетъ прійти тѣмъ неожиданнѣе, чѣмъ болѣе концентрированы всѣ государственныя функціи Россіи въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ лицѣ: Готовьтесь къ этой минутѣ умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера. А затѣмъ, когда минута настанетъ, идите съ народомъ на завоеваніе этихъ правъ, на исполненіе этихъ обязанностей, на развитіе этой силы. Идите впередъ, чего бы это ни стоило вамъ, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цѣна этого будущаго, оно должно быть завоевано».

Такова была нѣсколько громоздкая и тяжелая руководящая программа Лавровскаго «Впередъ!», явившагося послѣ Герценовскаго «Колокола» наиболѣе вліятельнымъ и авторитетнымъ печатнымъ органомъ русской эмиграціи, отражавшимъ на себѣ не столько взгляды большинства нашихъ революціонеровъ, сколько дававшимъ на своихъ страницахъ отраженіе того, что дѣлалось въ революціонномъ мірѣ, какъ на чужбинѣ, такъ и на родномъ берегу, печатавшимъ корреспонденціи изъ Россіи и хронику событій рабочаго движенія и «хаоса буржуазнаго господства въ Западной Европѣ». Высказываясь и лично почти во всѣхъ нумерахъ журнала и черезъ посредство своихъ ближайшихъ сотрудниковъ въ теченіе пятилѣтняго почти существованія журнала «Впередъ!», Лавровъ въ конечномъ результатѣ установилъ слѣдующія положенія, которыя и явились выраженіемъ взглядовъ такъ называемыхъ «лавристовъ», въ противоположность «бакунистамъ», «якобинцамъ», «бунтарямъ» и «вспышкопускателямъ», составлявшимъ большинство участниковъ революціонной арміи 70-хъ годовъ.

1. Всѣ усилія соціалистовъ нашего времени должны быть направлены на замѣну нынѣшняго общественнаго строя другимъ, устроеннымъ на началахъ рабочаго соціализма, основаніе котораго есть принципъ коллективизма: отдавай всѣ силы общему дѣлу, развивайся въ процессѣ этой дѣятельности и бери отъ общества лишь необходимое для своего существованія и развитія.

2. Общежитіе, осуществляющее этотъ принципъ, предлагаетъ:

а. Общность имущества.

б. Всеобщій коллективный трудъ для всеобщаго развитія.

в. Солидарность всѣхъ рабочихъ.

г. Свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія.

3. Переворотъ, къ которому стремятся соціалисты нашего времени, не можетъ быть совершенъ легальнымъ путемъ, и потому требованія рабочаго соціализма могутъ быть осуществлены лишь путемъ соціальной революціи.

4. Переворотъ этотъ можетъ быть совершенъ лишь рабочимъ пролетаріатомъ, и потому всякая революція, ставящая себѣ цѣлью

осуществленіе началъ рабочаго соціализма, можетъ быть успѣшна лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ народною революціей.

5. Соціальная революція въ Россіи должна быть подготовлена тайной организаціей революціонныхъ силъ, дѣйствующихъ путемъ пропаганды и агитаціи, пока онѣ не будутъ достаточно велики для производства обширнаго революціоннаго взрыва.

6. Организація революціонныхъ силъ, имѣющая наиболѣе шансовъ достичь указанной цѣли, должна итти слѣдующимъ путемъ:

а. Убѣжденные соціалисты-революціонеры изъ интеллигенціи составятъ первый кадръ этой организаціи.

б. Размѣстившись среди народа въ нѣсколькихъ наиболѣе удобныхъ для этого областяхъ Россіи, они сгруппируютъ около себя всѣ лучшія силы народа въ этихъ областяхъ въ революціонныя группы.

в. Они соединятъ всѣ соціально-революціонныя русскія группы, разсѣянныя въ упомянутыхъ областяхъ и состоящія въ большинствѣ изъ народа, въ обширную соціально-революціонную федерацію.

г. Пропаганда соціальной революціи настолько проникнетъ въ войско, чтобъ внести въ него разстройство и разложеніе при народномъ возстаніи.

д. Когда соціально-революціонная организація будетъ достаточно сильна, то она воспользуется неизбѣжными волненіями и возстаніями въ народѣ, чтобы обобщить эти бунты, до тѣхъ поръ не имѣющіе значенія, въ революціонный взрывъ, долженствующій охватить большую часть Россіи.

7. Мѣстные неудачные бунты не могутъ считаться удобнымъ способомъ подготовленія общаго революціоннаго взрыва въ Россіи, и, слѣдовательно, убѣжденный соціалистъ-революціонеръ не имѣетъ права вызывать ихъ, пока соціально-революціонная организація недостаточно сильна для вѣроятной побѣды революціи. Онъ долженъ противодѣйствовать безплодной тратѣ народныхъ силъ въ безнадежныхъ вспышкахъ по пустымъ предлогамъ и безъ всякой вѣроятности побѣды. Но когда въ мѣстности, гдѣ онъ дѣйствуетъ, вспыхнулъ народный бунтъ независимо отъ его воли, вслѣдствіе экономической эксплоатаціи народа или притѣсненій и оскорбленій его представителями правительства и лицами изъ господствующихъ классовъ, то убѣжденный соціалъ-революціонеръ, истощивъ усилія противодѣйствовать неразумной вспышкѣ, долженъ биться въ рядахъ возставшаго народа и раздѣлять его судьбу.

8. Дѣло убѣжденныхъ приверженцевъ рабочаго соціализма (большинство которыхъ должно тогда принадлежать народу) въ минуту побѣдоноснаго взрыва революціи будетъ заключаться въ направленіи этого взрыва къ осуществленію революціоннымъ путемъ началъ рабочаго соціализма.

9. Для исполненія и расширенія перваго кадра соціально-революціонной организаціи, а также для усиленія послѣдующей затѣмъ соціально-революціонной федераціи группъ, убѣжденные соціалисты-революціонеры должны до самаго революціоннаго взрыва всѣми силами распространять среди интеллигенціи соціально-революціонныя идеи и воспитывать въ ней привычки солидарности, путемъ коллективной жизни, коллективной организаціи и постепеннаго введе-

П. Н. Ткачевъ.

нія всѣхъ способныхъ на это лицъ въ соціально-революціонное дѣло.

Какъ уже сказано, программа Лаврова, требовавшая постепенности въ дѣйствіяхъ, долгаго и основательнаго предварительнаго научнаго образованія, не удовлетворила революціонную молодежь, которая подъ вліяніемъ зажигательныхъ рѣчей Бакунина и Нечаева рвалась къ борьбѣ, къ активной дѣятельности, къ моментальной реализаціи своихъ политическихъ и соціальныхъ чаяній. Вотъ этою-то неудовлетворенностью и попытался воспользоваться тоже видный дѣятель тогдашней революціонной арміи Петръ Никитичъ Ткачевъ,

чье имя намъ уже знакомо по процессу нечаевцевъ и который былъ въ свое время замѣшанъ, какъ въ студенческую исторію 1861 года, такъ и въ Каракозовскій процессъ, а равно и въ дѣло студента Ольшевскаго, по которому онъ успѣлъ посидѣть въ Петропавловской крѣпости, будучи привлекаемъ къ дознанію по храненію и распространенію противоправительственныхъ и нелегальныхъ произведеній [1]).

Обративъ на себя вниманіе въ качествѣ талантливаго сотрудника «Русскаго Слова», Ткачевъ, привлеченный къ Нечаевскому процессу, просидѣвъ 4 года въ тюрьмѣ, былъ сосланъ въ Великія Луки подъ надзоръ полиціи, откуда, однако, ему удалось перебраться за границу и поселиться въ Швейцаріи, гдѣ онъ и становится въ первое время дѣятельнымъ сотрудникомъ только что основаннаго Лавровымъ журнала «Впередъ!» Но это сотрудничество было недолгимъ: редакторъ и молодой писатель слишкомъ разошлись и по характерамъ, и по міросозерцанію, такъ что скоро между ними произошелъ расколъ, который и обратился въ рѣзкую полемику, гдѣ обѣ стороны выказали много темперамента и успѣли полностью обнаружить свои программы реальной дѣятельности и свои соціально-политическіе stand'пункты.

Поводомъ къ раздору послужила написанная Ткачевымъ статья, предназначавшаяся въ отдѣльномъ изданіи къ распространенію въ народѣ, не принятая Лавровымъ для печати, какъ по характеру ея написанія, такъ и по буржуазнымъ тенденціямъ, которыя искусственно вкладывались въ якобы существующее народное міросозерцаніе. Ткачевъ былъ возмущенъ отказомъ редактора, дѣйствовавшаго, однако, въ согласіи съ сотрудниками и наборщиками изъ числа эмигрантовъ-революціонеровъ. Въ Лондонѣ, куда въ 1874 г. было переведено изданіе Лаврова, между нимъ и Ткачевымъ состоялись пренія, на которыхъ и выяснилось окончательно несходство программъ ихъ ученій. Ткачевъ развилъ тогда свои взгляды въ брошюрѣ «Задача революціонной пропаганды въ Россіи», на которую Лавровъ, въ свою очередь, отвѣтилъ также брошюрою «Русской соціально-революціонной молодежи». Это было началомъ полемики, которая получила полное свое выраженіе въ изданіи «Набатъ», предпринятомъ Ткачевымъ въ противовѣсъ Лавровскому «Впередъ!»

Начиная свое изданіе, онъ говорилъ: «Пришло время ударить въ набатъ. Смотрите! Огонь «экономическаго прогресса» уже коснулся коренныхъ основъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принципъ общины», принципъ, долженствующій

---

[1]) Объ этой страницѣ его жизни см. ст. М. Лемке «Къ біографіи П. Н. Ткачева» въ журналѣ «Былое» за 1907 г., августъ. Б. Г.

лечь краугольнымъ камнемъ того будущаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ. На развалинахъ перегорающихъ формъ порождаются новыя формы—формы буржуазной жизни; развивается кулачество, міроѣдство, воцаряется принципъ индивидуализма экономической анархіи, безсердечнаго, алчнаго эгоизма... Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Напротивъ насъ одно правительство съ своими чиновниками и солдатами... Но что будетъ завтра?..

«Подготовлять революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера. Ее подготовляютъ: эксплоататоры, капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п. Революціонеръ же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ, уже готовые, данные революціонные элементы, которые выработала исторія, которые выростила экономическая жизнь народа, которые крѣпнутъ и развиваются, благодаря тупости «охранителей», безсмыслію правительствъ съ ихъ жандармами и войсками, наконецъ, трудолюбивымъ воздѣлывателямъ вертограда «мирнаго» прогресса и ихъ буржуазной науки.

«Революціонеръ не подготовляетъ, а «дѣлаетъ революцію»...

«Бить въ набатъ, призывать къ революціи—значитъ указывать на ея необходимость и возможность именно въ данный моментъ выяснить практическія средства ея осуществленія, опредѣлить ея ближайшія цѣли.

«Такова и будетъ главная задача нашего органа...

«Въ то время, какъ наиболѣе дѣятельная, наиболѣе искренняя и энергическая часть молодежи инстинктивно ищетъ непосредственно возможнаго, практически-осуществимаго, ей рекомендуютъ анархію какъ ближайшую цѣль революціи.

«Въ то время, когда молодежь, частью сознательно, частью безсознательно, стремится организоваться, сплотиться какъ можно тѣснѣе и крѣпче,—ей нашептываютъ въ уши, что основные принципы всякой тайной организаціи: «іерархія, дисциплина, подчиненность,—что это принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

«Въ то время, какъ она,—полная силъ и вѣры,—рвется на дѣло и хочетъ какъ можно скорѣе сорвать съ народа давящія его цѣпи,—ей говорятъ: «подожди, не трогай, сперва пропагандируй, внушай, просвѣщай, а ужъ потомъ срывай».

«Анархія—какъ ближайшая непосредственная цѣль революціи, пропаганда—какъ практическое средство для ея осуществленія и, наконецъ, организація безъ дисциплины, іерархіи и подчиненности, развѣ все это не фантастическія утопіи, не ребяческія мечты?

«Слово анархія не выражаетъ собою вполнѣ идеала этого будущаго: оно указываетъ только на одну его сторону, на одну, и

совсѣмъ не существенную, черту будущаго общественнаго строя. Никакая революція не можетъ установить анархію, не установивъ сначала братства и равенства... Осуществить эту великую задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. люди, умственно, и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ.

«Слѣдовательно, революціонеры—люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества, необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать властью... Истинная революція—дѣйствительная метаморфоза силы нравственной въ силу матеріальную—можетъ совершиться только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами,—ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство, въ государство революціонное».

Изъ такой постановки революціоннаго дѣла Ткачевъ формулировалъ и свои положенія о цѣли революціи и объ организаціи революціонныхъ силъ, слѣдующимъ образомъ [1]).

I. ЦѢЛЬ РЕВОЛЮЦІИ.

Ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ политической власти, въ созданіи революціоннаго государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи,—но еще есть революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое, съ одной стороны, борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства; съ другой—вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію.

Объ эти функціи революціоннаго государства должны быть строго разграничены: отличаясь неприклонностью къ борьбѣ съ консервативными и реаціонными элементами общества, его конституціонная дѣятельность, напротивъ, должна отличаться эластичностью, умѣньемъ приспособляться къ данному уровню народныхъ потребностей и народнаго развитія. Чтобы не удаляться отъ этого уровня, не впадать въ утопіи, чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, Народной Думы, и санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время оно должно постоянно стремиться къ расширенію народнаго развитія, къ поднятію уровня его нравственныхъ идеаловъ. И тутъ ему откры-

[1]) «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи.

вается широкое поприще для пропаганды—той пропаганды, о которой мечтаютъ наши буржуазные псевдо-революціонеры.

Мы признаемъ вмѣстѣ съ ними, что безъ пропаганды соціальная революція не можетъ осуществиться, не можетъ войти въ жизнь. Но мы утверждаемъ, въ противоположность имъ, что пропаганда только тогда и будетъ дѣйствительна, цѣлесообразна, только тогда и принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда матеріальная сила, когда политическая власть будетъ находится въ рукахъ революціонной партіи.

Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборотъ, насильственный переворотъ долженъ ей предшествовать.

Упрочивъ свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство осуществитъ соціальную революцію рядомъ реформъ въ области экономическихъ, политическихъ и юридическихъ отношеній общества,—реформъ, общій характеръ которыхъ долженъ состоять: 1) въ постепенномъ преобразованіи современной крестьянской общины, основанной на поприщѣ временнаго, частнаго владѣнія,—въ общину-коммуну, основывающуюся на принципѣ общаго, совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго, совмѣстнаго труда; 2) въ постепенной экспропріаціи орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи, и въ передачѣ ихъ въ общее пользованіе; 3) въ постепенномъ введеніи такихъ общественныхъ учрежденій, которыя устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмѣнѣ продуктовъ и измѣнили бы самый его принципъ,—принципъ буржуазной справедливости: око за око, зубъ за зубъ, услуга за услугу,—принципомъ братской любви и солидарности; 4) въ постепенномъ устраненіи физическаго, умственнаго и нравственнаго первенства между людьми, при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго, интегральнаго воспитанія, въ духѣ любви, равенства и братства; 5) въ постепенномъ уничтоженіи существующей семьи, основанной на принципѣ подчиненности женщины, рабства дѣтей и эгоистическаго произвола мужчинъ; 6) въ развитіи общиннаго самоуправленія и въ постепенномъ ослабленіи и упраздненіи центральныхъ функцій государственной власти.

2. ОРГАНИЗАЦІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ СИЛЪ.

Если ближайшая практически-достижимая задача революціонеровъ сводится къ насильственному нападенію на существующую политическую власть съ цѣлью захвата этой власти въ свои руки, то отсюда само собою слѣдуетъ, что именно къ осуществленію этой-то задачи и должны быть направлены всѣ усилія истинно-революціонной партіи. Осуществить ее всего легче и удобнѣе посредствомъ государственнаго заговора. Государственный заговоръ является, такимъ образомъ, если и не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ насильственному перевороту. Но всякій, признающій необходимость государственнаго заговора, тѣмъ самымъ долженъ признать и необходимость дисциплинированной организаціи революціонныхъ силъ.

Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо всѣмъ искреннимъ, преданнымъ дѣлу революціонерамъ сплотиться въ тѣсную организацію, чуждую всякаго кружковаго характера,—организацію дисциплинированную, іерархическую, подчиняющую личную инпціативу общему руководству, вносящую цѣлесообразность и единство въ дѣятельность всѣхъ своихъ членовъ. Только при такой организаціи можетъ быть достигнута

съ успѣхомъ и съ наименьшею затратою силъ наша задача; только такая организація можетъ оградить личную безопасность революціонныхъ борцовъ, только она можетъ дать намъ возможность отомстить нашимъ палачамъ за нашихъ мучениковъ-героевъ, за нашихъ дорогихъ братьевъ и товарищей; только съ ея помощью въ состояніи мы будемъ удержаться на томъ пути непосредственно революціонной дѣятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболѣе энергическая часть нашей молодежи. Организація, какъ средство дезорганизаціи и уничтоженія существующей правительственной власти, какъ ближайшая, наисущнѣйшая цѣль—такова должна быть въ настоящее время единственная программа дѣятельности всѣхъ революціонеровъ (безъ различія фракцій),—таковъ долженъ быть ихъ mot d'ordre, девизъ ихъ знамени. «И симъ знаменемъ побѣдиши».

Въ качествѣ редактора «Набата» и выразителя опредѣленныхъ «якобинскихъ» взглядовъ, Ткачевъ ближе подходилъ къ типу прежнихъ революціонеровъ: декабристовъ, членовъ «Земли и Воли», каракозовцевъ и нечаевцевъ, которыхъ онъ и ставилъ выше новѣйшихъ, являвшихся приверженцами Лаврова и Бакунина. Указывая, что прежніе революціонеры были ближе къ истинѣ, онъ ставилъ имъ лишь упрекъ, что они, правильно намѣчая цѣль, слишкомъ мало обращали вниманія на средства, вслѣдствіе чего не умѣли выработать централистической, боевой организаціи, которая одна лишь могла дать въ ихъ руки побѣду. Такимъ образомъ, Ткачевъ черезъ голову народниковъ-пропагандистовъ, черезъ голову лавристовъ и бакунистовъ, протягивалъ руку будущимъ организаторамъ «Народной воли», будущимъ террористамъ, которые именно обратили вниманіе на централистическую организацію и не отклонялись отъ политики ради чистаго соціализма. Но въ свое время, выступивъ съ своею программою, Ткачевъ не нашелъ среди окружающихъ себѣ достаточной поддержки и общія симпатіи почти всецѣло были отданы частью Бакунину, частью Лаврову, отъ именъ которыхъ партіи и получили свои наименованія «лавристовъ» и «бакунистовъ». Обѣ партіи обрушились на Ткачева. Лавристы, или представители «научнаго соціализма», говорили, что призывы «Набата» къ немедленнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ и бунтамъ могутъ быть на руку только правительству, давая ему поводы къ репрессіямъ, а бакунисты, или чистые анархисты, отвергавшіе въ принципѣ всякую власть, отворачивались отъ него за его проповѣдь централизаціи и власти. Ткачевъ отвѣчалъ своимъ противникамъ, упрекая ихъ въ доктринерствѣ, фантазерствѣ, буржуазности и реакціонерствѣ, доходя порою въ своихъ полемическихъ выпадахъ до крайностей и дерзостей, которыя дискредитировали его изданіе, сводили «Набатъ» на исключительно полемическій листокъ, вносившій только раздоръ въ революціонный лагерь. За границею современники стали относиться къ журналу враждебно, а въ Россіи его игнорировали, такъ какъ онъ шелъ вразрѣзъ съ общимъ пропагандистскимъ, тогда народившимся и уже оформившимся движеніемъ и такъ какъ

онъ развѣнчивалъ главнѣйшихъ властителей тогдашнихъ думъ Бакунина и Лаврова, голоса которыхъ пользовались общимъ уваженіемъ.

«Набатъ» сталъ хирѣть, доживалъ свои послѣдніе дни (1877 года) и друзья Ткачева усиленно рекомендовали ему преобразовать журналъ въ еженедѣльный листокъ въ цѣляхъ «борьбы съ деспотизмомъ», но Ткачевъ, защищая историческое значеніе своего изданія, указывая на правильную въ немъ постановку дѣла революціонной борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ интересахъ преобразованія органа особыя требованія, сводившіяся къ гарантіи распространенности будущаго листка и его матеріальной обезпеченности, безъ которыхъ, по его мнѣнію, не стоило и начинать реформы «Набата». Онъ писалъ, между прочимъ, по сему предмету друзьямъ [1]): «Только при наличности этихъ двухъ условій я могу въ настоящее время принимать участіе въ возобновленномъ «Набатѣ»,—могу отдать себя въ полное и безусловное его распоряженіе и, если нужно, брошу для него всѣ свои чисто личныя дѣла и занятія, поселюсь въ Женевѣ и буду работать исключительно лишь для него. Но при отсутствіи хотя бы одного изъ этихъ условій,—возобновленіе «Набата» считаю безполезнымъ и если онъ все-таки возобновится, то участіе мое въ немъ будетъ ограничиваться лишь случайнымъ, а не постояннымъ литературнымъ сотрудничествомъ. Вообще, кажется мнѣ, что даже и при полномъ осуществленіи двухъ указанныхъ мною условій возобновленія изданія «Набата» за границей въ данную минуту не представляетъ существенной необходимости. Революціонный журналъ необходимъ въ минуту ослабленія революціонной практической дѣятельности, въ минуту революціоннаго застоя и затишья. Въ минуты же открытой борьбы, которыя переживаетъ теперь революціонная партія,—гораздо полезнѣе всѣ имѣющіяся въ распоряженіи у революціонеровъ деньги, а равно физическія и умственныя силы, исключительно и всецѣло обратить на организацію покушеній вродѣ тѣхъ, которыми ознаменовали себя послѣдніе дни. Отвѣчать на висѣлицы журнальными статьями черезчуръ наивно. Теперь нужно думать не объ устройствѣ типографій, не о пріобрѣтеніи шрифтовъ, не объ изданіи печатныхъ листковъ... Конечно, эти минуты активной борьбы, при той дезорганизаціи революціонныхъ силъ, какая у насъ существуетъ и которая такъ рѣзко обнаружилась въ послѣднее время, особенно изъ послѣдняго процесса [2]),—не будутъ слишкомъ продолжительны. Аресты большинства наиболѣе энергичныхъ революціонныхъ дѣятелей не замедлятъ произвести нѣкоторое, хотя минутное, затишье въ революціонной дѣятельности. Вотъ въ этотъ-то моментъ затишья и необходимъ будетъ не одинъ,

---

[1]) «Былое», 1907 г., августъ, ст. «Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева».

[2]) «Процессъ 193».

а два и болѣе революціонныхъ журнала. А теперь журналы только будутъ отымать и людей и въ особенности матеріальныя средства отъ практическихъ предпріятій, къ осуществленію которыхъ должны стремиться всѣ честные люди».

Ткачевъ устранялся отъ руководства преобразованнымъ «Набатомъ», который въ видѣ листка сталъ, однако, издаваться его единомышленниками въ Женевѣ. Здѣсь онъ отъ времени до времени помѣщалъ свои статьи и замѣтки, но таковыя казались значительно слабѣе его прежнихъ работъ и въ «Русскомъ Словѣ» и въ первоначальномъ «Набатѣ», гдѣ онъ выказалъ себя блестящимъ полемистомъ, умѣвшимъ наносить врагамъ сильные и больные удары. Писатель сошелъ съ своей излюбленной дороги критика-полемиста, и его дарованіе зачахло. Къ этому присоединился и жестокій недугъ, который привелъ его въ больницу St.-Anne въ Парижѣ, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, страдая параличомъ мозга, медленно и мучительно сходилъ съ жизненной сцены. 4 января 1886 г. Петра Никитича Ткачева не стало, и, провожая его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, его другъ и единомышленникъ, эмигрантъ Григорьевъ, отмѣтилъ, что покойный былъ одинъ, который звалъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ революціонную русскую армію съ дороги мирной пропаганды на путь политической борьбы, указывалъ на необходимость правильной организаціи революціонныхъ кадровъ. Тепло помянулъ въ надгробной рѣчи своего былого критика и литературнаго врага и П. Л. Лавровъ, заявивъ, что онъ счелъ «долгомъ и честью прійти поклониться гробу того, кто нѣкогда занималъ мѣсто въ самыхъ передовыхъ рядахъ русскихъ борцовъ за соціалистическія идеи и противъ деспотизма, продолжающаго давить наше отечество».

Издателями «Впередъ!» и «Набата», личностями и ученіями Бакунина, Лаврова и Ткачева не исчерпывалось все, относящееся до развитія революціоннаго движенія въ Россіи, что сосредоточилось въ первой половинѣ 70-хъ годовъ за рубежомъ русской земли и на что обращены были внимательные взоры дѣйствующей революціонной арміи въ предѣлахъ нашего отечества. По описанію П. Л. Лаврова въ цитированной уже книгѣ «Народники-пропагандисты», состояніе русской эмиграціи въ ту эпоху рисуется такъ. Главными центрами пребыванія русскихъ, какъ учащихся, такъ и эмигрантовъ, были въ Швейцаріи—Женева и Цюрихъ, въ особенности послѣдній городъ. Здѣсь при большомъ приливѣ учащихся молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ около университета и политехникума стояли рядомъ и тѣ соціалистическія группы, которыя примкнули къ программѣ «Впередъ!», и тѣ, которыя по отношенію къ соціализму остались подъ непосредственнымъ руководствомъ Бакунина и его ближайшихъ сторонниковъ. Тамъ же встрѣчались элементы, «скорѣе разсѣянные, чѣмъ составлявшіе организован-

ную группу, которая вынесла изъ предшествовавшихъ фазисовъ русскаго движенія наклонность отодвигать соціалистическіе принципы, организацію рабочихъ и классовую борьбу на второй планъ, ставя для Россіи на первое мѣсто продолженіе борьбы противъ абсолютизма: элементы будущаго русскаго якобинства, «Набата». Второстепенными центрами въ Швейцаріи были Локарно, «столица анархизма», гдѣ жилъ Бакунинъ, и Женева, гдѣ работала русская типографія, основанная петербургскимъ кружкомъ («чайковцевъ») и перешедшая изъ-подъ руководства Александрова (оставшагося въ Цюрихѣ) въ руки Лазаря Гольденберга: тамъ же основались остатки утинскаго кружка, враждебнаго бакунистамъ, отъ котораго послѣ выходокъ Утина противъ Бакунина, однако, всѣ сторонились.

Цюрихъ былъ случайнымъ центромъ русскаго политическаго движенія главнымъ образомъ благодаря тому, что именно здѣсь осѣли женщины, прибывшія изъ Россіи въ цѣляхъ полученія здѣсь высшаго и главнымъ образомъ медицинскаго образованія. Въ рядахъ этихъ прибывшихъ сюда женщинъ были и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя фигурировали впослѣдствіи въ «процессѣ 50-ти», какъ Бардина, Лидія Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каменская и др., извѣстныя тогда въ Швейцаріи подъ именемъ «московокъ».

Брэмеръ-Шлюссель былъ центромъ бакунистовъ, гдѣ руководящею личностью былъ Россъ (Сажинъ), которому Бакунинъ передалъ почти всю русскую отрасль своихъ дѣлъ, и въ кругу товарищей котораго были особенно замѣтны Смѣцкая, Ралли, Гольштейнъ, Эльсницъ. Двѣ русскія библіотеки были открыты для сторонниковъ двухъ соперничающихъ фракцій. До 200 слушателей собиралось на русскіе рефераты о «роли славянъ въ исторіи», о «началахъ христіанства», объ «эволюціи мысли вообще» (въ числѣ лекторовъ былъ и Лавровъ) и на пренія по разнымъ текущимъ вопросамъ. Здѣсь въ аудиторіи присутствовала, между прочимъ, Вѣра Фигнеръ, игравшая впослѣдствіи такую видную роль въ судьбѣ партіи «Народной Воли», а также князь Александръ Кропоткинъ, братъ Петра Кропоткина, столь удачно и смѣло бѣжавшаго изъ-подъ стражи въ 1876 году и ставшаго затѣмъ послѣ Бакунина самымъ виднымъ апостоломъ анархіи въ Западной Европѣ. Съ послѣднимъ намъ еще придется встрѣтиться при повѣствованіи о дѣятельности «народниковъ-пропагандистовъ» въ Россіи. Въ 1874 году колонія эмигрантовъ усилилась прибытіемъ бѣжавшаго изъ ссылки въ Иркутскъ Германа Лопатина, въ свое время, какъ мы знаемъ, содѣйствовавшаго бѣгству Лаврова изъ Кадникова. Лопатинъ привезъ съ собою рукопись Чернышевскаго «Прологъ къ прологу», которую по порученію автора и передалъ въ редакцію журнала «Впередъ!», въ коемъ онъ и самъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Скопленію русскихъ въ Швейцаріи и въ особенности въ Цюрихѣ было положено нѣкоторое ограниченіе офиціальнымъ объявленіемъ русскаго правительства, напечатанномъ въ № 120 «Правительственнаго Вѣстника» за 1873 г., гдѣ было сказано:

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціалъ-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, къ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»,—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою неприложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры впрочемъ, преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсть и научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщихъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно такъ же не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не прійти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ ихъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ.

Русскія студентки Цюриха покорились велѣнію правительства, вернулись на родину, но это возвращеніе, какъ намъ уже извѣстно

изъ показаній Степняка-Кравчинскаго, послужило лишь къ скорѣйшему распространенію въ Россіи идей международнаго соціализма. Этотъ же циркуляръ явился причиною, въ связи съ выдачею Нечаева, что русская эмиграція начала опасаться цюрихскихъ властей и понемногу искать себѣ убѣжища въ иныхъ центрахъ, какъ Швейцаріи, такъ и другихъ европейскихъ странъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, куда и была перенесена типографія и редакція журнала «Впередъ!», какъ равно здѣсь же былъ основанъ органъ Ткачева «Набатъ».

Заставивъ русскихъ учащихся дѣвушекъ вернуться на родину, русское правительство въ слѣдующемъ 1874 году опубликовало и новый указъ, которымъ въ точности выясняло главнѣйшія тогдашнія революціонныя силы, нашедшія себѣ пристанище на Западѣ, которыя оно считало для себя опасными и въ рукахъ которыхъ дѣйствительно сосредоточивались главнѣйшія нити отечественнаго революціоннаго движенія. Въ этомъ указѣ было сказано [1]):

«Изъ 19-ти нижепоименованныхъ русскихъ подданныхъ 15 человѣкъ удалились за границу безъ установленныхъ письменныхъ видовъ, а остальные четверо, хотя при выѣздѣ ихъ за границу и были снабжены паспортами, но, вопреки даннымъ имъ разрѣшеніямъ на отлучку, находятся внѣ отечества болѣе пяти лѣтъ, почему также относятся къ числу лицъ, проживающихъ за границею безъ дозволенія правительства.

«Вслѣдствіе сего всѣмъ этимъ лицамъ объявляется вызовъ, приглашающій ихъ къ возврату въ отечество въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня настоящей публикаціи, съ предупрежденіемъ, что если они и засимъ не подчинятся требованію правительства по исполненію правилъ объ отлучкахъ русскихъ подданныхъ за границу, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ.

«Вызовъ сей дѣлается: 1) бывшему студенту медико-хирургической академіи Василію Александрову; 2) дворянину Михаилу Бакунину; 3) бывшему студенту технологическаго института Лазарю Гольденбергу: 4) студенту московскаго университета Владиміру Гольштейну; 5) дворянину Николаю Жуковскому; 6) отставному полковнику Петру Лаврову; 7) кандидату правъ Герману Лопатину; 8) дворянину Николаю Огареву; 9) бывшему уланскому офицеру Владиміру Озерову; 10) бывшему студенту медико-хирургической академіи Земфирію Ралли; 11) бывшему студенту технологическаго института Михаилу Сажину; 12) бывшему студенту с.-петербургскаго университета Селину Серебренникову; 13) студенту московскаго университета Валеріану Смирнову; 14) отставному подполковнику Николаю Соколову; 15) кандидату правъ Петру Ткачеву; 16) дворянину Антону Трусову; 17) бывшему студенту

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

с.-петербургскаго университета Николаю Утину; 18) бывшему студенту казанскаго университета Михаилу Эльпидину и 19) студенту московскаго университета Александру Эльсницу.

Изъ названныхъ лицъ, за исключеніемъ Утина, никто не вернулся на родину и не отозвался на зовъ правительства, явивъ собою то главное ядро русской политической эмиграціи, которое продолжало въ теченіе 70-хъ годовъ главнымъ образомъ работать на поприщѣ печатнаго дѣла и созданія тѣхъ фракцій, около которыхъ постоянно группировались послѣдующіе бѣглецы изъ Россіи. По поводу дѣятельности въ этомъ направленіи Лавровъ говоритъ [1]).

«Въ продолженіе всего времени, пока центръ русскаго заграничнаго движенія оставался въ Цюрихѣ, и послѣ 1874 г. всѣ фракціи дѣйствовали энергически, проводя каждая свое мнѣніе.

«Первый печатный листокъ, вышедшій изъ типографіи «Впередъ!» было обращеніе къ «Русскимъ цюрихскимъ студенткамъ» по поводу только что указаннаго погрома (именно рѣчь, произнесенная при этомъ редакторомъ). Затѣмъ въ іюлѣ 1873 г. появился первый томъ неперіодическаго изданія «Впередъ!», въ мартѣ 1874 г. второй. Тогда же изданы «Письма безъ адреса» Чернышевскаго.

«Бакунисты издали въ 1873 г. «Государственность и анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», въ 1874 г. «Анархія и Прудонъ». Къ той же фракціи, но, насколько извѣстно, независимо отъ вліянія Бакунина, принадлежала «революціонная группа русскихъ анархистовъ», издавшая брошюры: «Къ русскимъ революціонерамъ» (1874) и «Парижская коммуна» (1874).

«Женевская типографія выпустила 17 изданій.

«Якобинцы издали 7 каррикатурныхъ листковъ, направленныхъ сообща противъ редактора «Впередъ!» и противъ бакунистовъ (особенно Росса), причемъ иныя изъ этихъ каррикатуръ были довольно остроумны съ точки зрѣнія издателя.

«Всѣ эти фракціи сносились съ Россіей приблизительно одними и тѣми же путями и, большею частью, при помощи однихъ и тѣхъ же посредниковъ на границѣ, которые получали и переправляли въ Россію транспорты изданій, войдя въ сношенія съ контрабандистами. Въ этой спеціальной функціи особенную благодарность отъ всѣхъ фракцій заслужили Зунделевичъ и Финкельштейнъ-Литвиновъ. И въ Россіи пути распространенія изданій для всѣхъ фракцій были почти одни и тѣ же. Большее или меньшее распространеніе имѣли въ пропагандистскихъ и агитаціонныхъ кружкахъ тѣ или другія изданія не по тому, отъ какой заграничной фракціи они получались, но потому, насколько они соотвѣтствовали настроенію молодежи въ Россіи въ это время. Такъ какъ рядомъ съ пропагандо-живымъ словомъ въ народѣ распространеніе книгъ, бро-

[1]) «Народники-пропагандисты».

шюръ и агитаціонныхъ листковъ было главнымъ дѣломъ русскихъ революціонеровъ этой эпохи, то очень быстро организовался способъ этого распространенія, весьма успѣшный и неизбѣжно ослабѣвшій въ послѣдующіе періоды движенія, такъ какъ самыя живыя силы направились тогда на другую дѣятельность. Годы 1874 и 1875 представили въ этомъ отношеніи наилучшую организацію распространенія подпольной литературы. Хотя, конечно, и тутъ были провалы болѣе или менѣе чувствительные.

«Рядомъ съ организаціей распространенія въ Россіи подпольной литературы довольно искусно были организованы и сообщенія русскихъ мѣстныхъ агитаторовъ съ заграничными группами (особенно съ Цюрихомъ и Женевой). Фабрикація фальшивыхъ паспортовъ процвѣтала. Личности, занимавшія вполнѣ легальное положеніе, являлись подъ фантастическими именами какъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, такъ и въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ. Интернированные въ уѣздныхъ городахъ находили, если желали этого, готовые способы бѣжать за границу».

Описывая же непосредственно рабочую жизнь своей редакціи, Лавровъ повѣствуетъ:

«Сношенія группы «Впередъ!» съ Россіей къ концу 1874 года ухудшились. Враждебность бакунистовъ при веденіи сообща дѣла въ Россіи и при общихъ опасностяхъ ослабѣла, а появленіе общаго литературнаго врага въ «Набатѣ» не могло не сблизить группы, бывшія одинаково соціалистическими. Сближеніе въ Лондонѣ съ Марксомъ, живыя сношенія съ нѣмецкими соціалъ-демократами дали сторонникамъ «Впередъ!» въ Европѣ прочное положеніе, на которое трудно было надѣяться его редактору въ концѣ 1872 года и при началѣ лѣта. Безсиліе, обнаруженное бакунистскою фракціей интернаціонала въ Европѣ, организоваться помимо генеральнаго совѣта и устроить сколько-нибудь вліятельные конгрессы, отразилось и въ Россіи ослабленіемъ бакунизма, какъ опредѣленной партіи. Корреспонденціи начали въ большомъ количествѣ притекать въ редакцію «Впередъ!» Обѣщанія сотрудничества и матеріальной помощи были еще значительнѣе. Въ концѣ 1874 года редакторъ предложилъ своимъ товарищамъ по литературной и типографской работѣ перейти къ періодической формѣ изданія. Съ 1 января 1875 г. стала появляться газета «Впередъ!» 1-го и 15-го каждаго мѣсяца. Тотъ самый энтузіазмъ, который толкалъ въ 1873—1875 годахъ въ Россіи толпы молодежи въ народъ, который вырабатывалъ изъ цюрихскихъ наборщицъ «Впередъ!» «московокъ» процесса 50-ти и воплощался предъ судьями въ рѣчахъ Бардиной, Алексѣева и др., тотъ же самый энтузіазмъ поддерживалъ соціалистическое «подвижничество монастыря» на высотахъ Головзя. Тамъ неутомимо писалъ, въ одной комнатѣ, днемъ и ночью первый секретарь редакціи

Вал. Ник. Смирновъ. Тамъ, въ другой, работали на 4 кассахъ [1]) наборщики и наборщицы, иногда совершая невѣроятные подвиги. Когда же нумеръ газеты былъ набранъ, и утомленные наборщики спали, тамъ до 3 и 4 часовъ метранпажъ (Ал. Лог. Линевъ) подготовлялъ формы, которыя надо было утромъ отправить въ типографію, и отъ времени до времени спускался по лѣстницѣ въ кабинетъ редактора, чтобы сообща устранить возникшія затрудненія (выбросить двѣ-три лишнихъ строки или прибавить новыя для пополненія оставшагося на страницѣ мѣста, или же замѣнить слова съ слишкомъ большимъ числомъ буквы ц другими; шрифтъ былъ въ обрѣзъ, и этой несчастной буквы ц очень часто не хватало, и т. п.). Только этой неутомимости и этому энтузіазму можно приписать, что газета издаваемая эмигрантами, при весьма немногочисленныхъ литературныхъ средствахъ, ни разу въ продолженіе двухъ лѣтъ не опоздала выходомъ [2]). Кромѣ толстаго № 3 непериодическаго изданія и 48 №№ газеты (за 1875 и 1876 года) въ это же время изданы особо: «Въ память столѣтія Пугачева», «По поводу самарскаго голода», «Общественная служба въ будущемъ обществѣ», «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ» (это былъ собственно первый—и единственный—выпускъ № 4 «Впередъ!» непериодическаго изданія): «Хитрая механика» (2 изданія), «Мудрица Наумовна», «Прологъ къ прологу» Чернышевскаго (1877 г.).

«Внѣ издательскаго дѣла лондонская группа «Впередъ!», по мѣрѣ возможности, удѣляла часть своей дѣятельности и на дѣло непосредственной пропаганды. Въ ея Головэйскій монастырь являлись порою тайно представители разныхъ революціонныхъ или болѣе мирныхъ кружковъ русской оппозиціи; позже и делегаты изъ дѣйствующихъ въ Россіи группъ. Тамъ можно было иногда видѣть Лизогуба съ его раздражительнымъ больнымъ пріятелемъ Ф., не допускавшимъ даже временнаго самостоятельнаго хозяйства общинъ изъ опасенія ихъ конкуренціи, способной повредить соціалистической солидарности. Тамъ можно было встрѣтить послѣ разгрома 1874 года новыхъ эмигрантовъ, игравшихъ крупную роль въ движеніи въ народъ 1873—1874 годовъ. Можно было встрѣтить, вслѣдъ за его знаменитымъ бѣгствомъ, и П. Кропоткина, начинавшаго, послѣ своей дѣятельности въ Россіи въ кружкахъ чайковцевъ-анархистовъ, свою интернаціональную анархическую дѣятельность, доставившую ему міровую извѣстность. Оттуда шли

[1]) Припоминаю одинъ фактъ; бывшій военный, по прозвищу «капитанъ», никогда не занимавшійся наборомъ до пріѣзда въ Лондонъ, въ однѣ сутки набралъ, насколько помню, мой отвѣтъ Ткачеву. Авт.

[2]) Я могу утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что безъ только что упомянутой неутомимой дѣятельности В. Н. Смирнова по литературной отрасли работъ и А. Л. Линева по технической «Впередъ!» не просуществовалъ бы двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Авт.

проповѣдовать соціализмъ на собраніяхъ лондонскихъ евреевъ Либерманъ, пріѣхавшій въ Лондонъ съ мыслью воспользоваться традиціей мессіанизма для толкованія ея въ смыслѣ соціализма, но скоро оставившій этотъ планъ для соціалистической пропаганды въ обычной формѣ, и Л. Гольденбергъ, оставившій женевскую типографію, причемъ подобная проповѣдь подвергала ихъ иногда личной опасности среди евреевъ, фанатизированныхъ ихъ раввинами. Оттуда Либерманъ поѣхалъ въ Германію основать первый еврейскій соціалистическій органъ. Тамъ являлись временами наборщиками самыя разнообразныя личности: бывшіе военные, будущіе мировые посредники или участники земскаго дѣла, уроженцы и уроженки Екатеринбурга или Кавказа. Оттуда заводились сношенія и съ экипажами русскихъ судовъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ. Тамъ, подъ знаменемъ соціализма, русскіе братались на общественныхъ собраніяхъ съ поляками, сербами, чехами и посылали вмѣстѣ прокламаціи въ Америку. Но, конечно, главнымъ дѣломъ были изданія».

Пока такимъ образомъ мобилизовались за границею революціонныя силы и такъ представители ихъ слагали свою жизнь и дѣятельность, на родинѣ происходила кипучая работа по формированію «Коммунъ» и «кружковъ», изъ которыхъ и вышли «народники-пропагандисты», объявившіе въ 1873 году крестовый походъ «въ народъ», закончившійся такъ печально грандіозными процессами «50-ти» и «193», гдѣ передъ нами прошли дѣйствующія лица русской революціи въ ея тогдашнемъ состояніи и будущемъ развитіи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стран.

Отъ автора 1

ГЛАВА I.

Настроеніе придворно-бюрократическихъ сферъ наканунѣ освобожденія крестьянъ.—Оппозиція его величеству.—Царская воля.—Рѣчь императора Александра II въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28-го января 1861 года.—Манифестъ 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ.—Дарованная свобода и отношеніе къ ней населенія . . . . . 1—29

ГЛАВА II.

Зарубежные отклики на манифестъ 19-го февраля.—Критика реформы со стороны Н. Н. Огарева.—«Письма безъ адреса» Н. Г. Чернышевскаго.—Разстрѣлъ крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи.—Крестьянскія волненія и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева . . . . . 29—45

ГЛАВА III.

Статья изъ № 102 «Колокола» за 1861 г.: «Что нужно народу?»—Первая революціонная программа, какъ прообразъ подпольной литературы.—Политическая программа К. С. Аксакова.—Идея земскаго собора . . . . . 45—57

ГЛАВА IV.

Перемѣны въ составѣ администраціи: новые министры Путятинъ и Валуевъ.—Новый курсъ и его неопредѣленность.—Новый періодъ въ работѣ общественной мысли.—Общій обликъ

стран.

литературы шестидесятыхъ годовъ.—Закатъ популярности Герцена.—Н. Г. Чернышевскій и его общественное значеніе.—Н. А. Добролюбовъ.—Д. И. Писаревъ.—Значеніе типа Базарова изъ романа «Отцы и дѣти» по толкованію самаго И. С. Тургенева . . . . . 57— 83

ГЛАВА V.

Подпольная печать.—Общество «Великоруссъ» и первые №№ его изданія.—№ 3 «Великорусса», посвященный вопросу о «династіи» и съ проектомъ адреса государю.—Прокламація «Съ молодому поколѣнію».—Отвѣтъ «Великоруссу» въ «Колоколѣ».—Опредѣлившаяся на основаніи этихъ литературныхъ произведеній группировка политическихъ настроеній.—Слѣдствіе и судъ надъ участниками организаціи «Великоруссъ».—Участіе Чернышевскаго въ этой организаціи.—М. И. Михайловъ, авторъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію».—Арестъ Михайлова и проектъ адреса литераторовъ на высочайшее имя.—Привѣтствіе Михайлову со стороны студентовъ.—Его ссылка въ Сибирь . . . . . 84—110

ГЛАВА VI.

Университеты, какъ разсадники политическаго радикализма.—Вліяніе на студенчество радикальной публицистики.—Консервативные студенческіе кружки.—Броженія въ провинціальныхъ университетахъ.—Исторія професора А. П. Щапова въ Казани.—Студенчество въ столичныхъ университетахъ.—Студенты-поляки и ихъ политическое вліяніе на товарищей.—Репрессивныя мѣропріятія по отношенію студенчества.—«Студенческая исторія» 1861 г. въ петербургскомъ университетѣ.—Привѣтствіе студентовъ Герценомъ въ статьѣ «Исполинъ просыпается».—Обращеніе къ студентамъ И. С. Аксакова въ газетѣ «День».—Обсужденіе студенческой исторіи въ совѣтѣ министровъ.—Финалъ студенческой исторіи въ Петербургѣ.—Университетскіе безпорядки въ Москвѣ, въ Казани и Кіевѣ . . 110—143

ГЛАВА VII.

Поляки въ студенческомъ движеніи.—Всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства.—Конспиративные кружки.—Прокламаціи «Земская Дума» и «Русская правда».—Общество «Земля и воля».—Н. А. Серно-Соловьевичъ.—Участіе въ обществѣ «Земля и воля» литературныхъ силъ.—Конституціонный «Проектъ уложенія императора Александра II», составленный Н. А. Серно-Соловьевичемъ.—Дѣятельность въ новомъ революціонномъ обществѣ учащейся молодежи.—Воспоминанія объ этомъ участіи Л. Ф. Пантелѣева . . . . . 143—173

ГЛАВА VIII.

СТРАН.

Воскресныя школы.—Записка о нихъ шефа жандармовъ князя Долгорукова.—Пропаганда въ воскресныхъ школахъ.—Слѣдственная комиссія о нихъ сенатора Жданова.—Закрытіе воскресныхъ школъ.—Отвѣтъ «Молодой Россіи» со стороны Герцена.—Прокламація «Предостереженіе».—Вербовка агентовъ въ революціи.—Фабрикація и распространеніе первыхъ прокламацій.—Арестъ студента Баллода и писателя Д. И. Писарева и др.—Новый политическій процессъ и резолюція Сената . . 173—194

ГЛАВА IX.

Вечеръ Литературнаго Фонда въ залѣ городской думы и рѣчь здѣсь профессора П. В. Павлова.—Арестъ и ссылка послѣдняго.—Собраніе профессоровъ на квартирѣ П. Д. Спасовича.—Инцидентъ во время лекціи Н. И. Костомарова въ «Вольномъ университетѣ».—Конецъ послѣдняго.—«Современникъ» и «Русское Слово».—Записка о нихъ цензора А. В. Никитенки.—Пріостановка на восемь мѣсяцевъ этихъ журналовъ.—Арестъ Ветошникова.—«Процессъ 32» или «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».—Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.—Характеристика Чернышевскаго, сдѣланная шефомъ жандармовъ Потаповымъ.—Фабрикація документовъ, свидѣтельствующихъ противъ Чернышевскаго, В. Костомаровымъ.—Псевдо-письмо къ поэту А. Н. Плещееву. Обвинительные пункты противъ Чернышевскаго.—Опредѣленіе Сената по дѣлу послѣдняго и его ссылка на каторжныя работы . . . . . 195—228

ГЛАВА X.

Военный заговоръ въ Западномъ краѣ.—Польская фабрикація царской грамоты.—Польское возстаніе 1863 г.—Обращеніе польскихъ революціонеровъ къ редакціи «Колокола».—Отвѣтъ Герцена.—М. Н. Катковъ.—Судъ надъ тринадцатью тверскими дворянами.—Адреса на имя государя императора.—Настроеніе правительственныхъ сферъ.—Настроеніе Александра II.—Адресъ московскаго дворянства.—Сатирическій отвѣтъ Тютчева.—Рескриптъ Валуеву . . . . . 228—262

ГЛАВА XI.

Обновленная Россія и общественный индефферентизмъ.—Настроеніе придворныхъ, административныхъ и великосвѣтскихъ круговъ.—Валуевъ.—Его политика.—Катковъ и недоброжелательное къ нему отношеніе Валуева.—Генералъ-губернаторъ князь Суворовъ.—Шефъ жандармовъ В. А. Долгоруковъ.—Борьба Каткова съ Петербургомъ.—Пресса и печать во вторую

СТРАН.

половину шестидесятыхъ годовъ.—Романъ «Что дѣлать»? Н. Г. Чернышевскаго.—И. С. Аксаковъ.—Печать провинціальная и подпольная . . . . . 262—295

ГЛАВА XII.

Безпомощность и обнищаніе населенія.—Очередныя реформы.—Укрѣпленіе полицейско-бюрократическаго строя.—Молодые кружки самообразованія.—Кружокъ Нефедова.—Ишутинскій кружокъ «Адъ».—Ишутинъ.—Д. В. Каракозовъ.—Его замыселъ цареубійства.—Характеристика Каракозова.—Московскіе кружки.—«Организація».—Пріѣздъ Каракозова въ Петербургъ и его покушеніе на жизнь Александра II въ Лѣтнемъ саду 4-го апрѣля 1866 г.—Впечатлѣніе, произведенное въ городѣ этимъ покушеніемъ.—Поздравленія государя по случаю его спасенія.—Пріемъ депутацій въ Зимнемъ дворцѣ.—Адреса и привѣтствія.—Отвѣтная рѣчь государя дворянству.—Отраженіе событія 4-го апрѣля въ Москвѣ.—Своего рода «герои дня».—Назначеніе М. Н. Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи о преступленіи Каракозова.—Административныя перемѣщенія.—Письмо Герцена къ Александру II . . . . . 295—327

ГЛАВА XIII.

Слѣдствіе М. Н. Муравьева.—Н. А. Некрасовъ.—Рескриптъ на имя предсѣдателя совѣта министровъ Гагарина,—Новый курсъ.—Аресты среди писателей.—Всеподданнѣйшая записка Муравьева.—Увольненіе его отъ предсѣдательствованія въ слѣдственной комиссіи.—Разочарованіе Каткова дѣйствіями Муравьева.—Трудность позиціи, занятой Муравьевымъ.—Воздѣйствіе на слѣдствіе и судъ надъ привлеченными къ дознанію по дѣлу 4-го апрѣля со стороны «Московскихъ Вѣдомостей».—Судъ надъ каракозовцами.—Подробности судебнаго процесса.—Обвинительный приговоръ верховнаго уголовнаго суда.—Надежда Каракозова о помилованіи.—Казнь Каракозова.—Судьба остальныхъ обвиняемыхъ.—Судьба Комиссарова . . . . . 327—361

ГЛАВА XIV.

Бакунинъ и польскій вопросъ.—Морская экспедиція пана Липинскаго.—Характеристика Бакунина со словъ Герцена.—Интернаціоналъ.—Русская его секція въ Женевѣ.—Вліяніе интернаціонала на развитіе русскаго революціоннаго движенія.—Дѣятельность Бакунина въ Италіи и Швейцаріи.—Борьба Бакунина съ Марксомъ.—Обвинительный актъ противъ Бакунина и исключеніе его изъ интернаціонала.—Его рѣчь во время франко-прусской войны.—Подготовка итальянской революціи.—Послѣдніе дни Бакунина.—Вліяніе Бакунина на русскихъ эмигрантовъ.—Политическій символъ вѣры Бакунина . . . . . 361—384

ГЛАВА XV.

СТРАН.

Нечаевъ. — Репрессіи министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого противъ студенческихъ вольностей.—Студенческое движеніе 1869 года.—Прокламація «Къ обществу».—Обращеніе Бакунина къ учащейся молодежи и его завѣты.—Нечаевъ и студенческіе кружки.—Его программа дѣйствій.—Волненія въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.—Правительственныя мѣропріятія.—Студенческіе кружки.—Умѣренное и радикальное студенчество.—«Женскій вопросъ».—Прокламація Енишерлова и прокламація «Къ обществу».—Роль Нечаева въ студенческомъ движеніи.—Политическія мистификаціи Нечаева и его отъѣздъ за границу . . . . . 384—405

ГЛАВА XVI.

Герценъ, Бакунинъ и Огаревъ въ ихъ отношеніяхъ къ Нечаеву.—Прокламація Нечаева «студентамъ университета, академіи и технологическаго института».—Программа организаціи «Народной расправы».—Возвращеніе Нечаева въ Москву.—«Катехизисъ революціонера» и организація «пятерки».—Составъ «пятерки».—Конспиративныя замашки Нечаева.—Убійство студента Иванова въ паркѣ при Петровско-Разумовской академіи.—Раскрытіе преступленія и судъ надъ «нечаевцами» . . . . 405—435

ГЛАВА XVII.

Бѣгство Нечаева въ Швейцарію.—Его черные дни.—Выдача Нечаева швейцарскими властями русскому правительству.—Судъ надъ Нечаевымъ и его поведеніе на судѣ.—Нечаевъ въ Петропавловской крѣпости.—Его письменное заявленіе министру юстиціи.—Письмо Нечаева къ императору Александру II.—Конспиративные замыслы Нечаева и распропагандированіе имъ крѣпостного гарнизона.—Сношенія Нечаева съ исполнительнымъ комитетомъ «Народной воли».—Желябовъ и Нечаевъ.—Письмо Нечаева въ исполнительный комитетъ, его революціонные планы и проекты манифестовъ.—Раскрытіе правительствомъ сношеній Нечаева съ волей.—Послѣдніе дни Нечаева и его кончина.—Судьба пособниковъ Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ . . . . . 435—453

ГЛАВА XVIII.

Ликвидація правительствомъ оппозиціонной общественности.—Настроеніе столичныхъ интеллигентныхъ кружковъ послѣ дѣла Каракозова.—Заявленіе петербургскаго земскаго собранія о своихъ политическихъ правахъ и желаніяхъ.—Закрытіе

стран.

по высочайшему повелѣнію петербургскихъ губернской и уѣздной земской управъ и роспускъ земскаго собранія.—Впечатлѣніе отъ этихъ распоряженій.—Покушеніе Березовскаго на жизнь Александра II въ Парижѣ.—Новыя назначенія въ административномъ мірѣ.—Графъ П. А. Шуваловъ.—Ѳ. Ѳ. Треповъ.—А. Е. Тимашевъ.—Пресса.—П. Л. Лавровъ.—Убыль популярности Герцена и упадокъ «Колокола».—Временное закрытіе «Колокола».—Герценъ и молодое поколѣніе революціонныхъ эмигрантовъ.—Статьи Герцена объ «Общемъ фондѣ».—Тоска Герцена, его послѣдніе дни и кончина . . . . . 453—484

ГЛАВА XIX.

Давленіе революціонныхъ главарей на молодежь.—П. Л. Лавровъ (Миртовъ) и его «Историческія письма».—Впечатлѣніе этихъ писемъ на молодежь.—Бѣгство Лаврова за границу изъ ссылки.—Лавровъ за границей.—Приглашеніе его молодежью стать во главѣ революціоннаго изданія «Впередъ».—Его редакціонное profession de foi и его отношеніе къ разнымъ революціоннымъ фракціямъ.—«Лавристы» и революціонная постепеновщина.—Ткачевъ и его полемика съ Лавровымъ.—Революціонная программа Ткачева.—«Набатъ».—Состояніе эмиграціонныхъ кружковъ.—Распоряженіе русскаго правительства касательно русской учащейся молодежи за границей.—Вызовъ ея на родину.—Возвращеніе распропагандированной молодежи домой и установленіе ею правильныхъ сношеній съ заграничными революціонными центрами.—Цюрихъ и революціонная печать . . . . . 484—520

Портреты помѣщенные въ первой части

стран.

1) Великій князь Константинъ Николаевичъ 5
2) Великая княгиня Елена Павловна 17
3) Н. А. Милютинъ 19
4) Перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ 25
5) К. С. Аксаковъ 53
6) А. В. Никитенко 61
7) П. А. Валуевъ 65
8) Н. А. Добролюбовъ 73
9) И. С. Тургеневъ 81
10) М. И. Михайловъ 97
11) Н. В. Шелгуновъ 101
12) А. П. Щаповъ 121
13) Н. А. Серно-Соловьевичъ 145
14) Н. А. Энгельгардтъ 157
15) Л. Ф. Пантелѣевъ 161
16) Н. Утинъ 169
17) Князь В. А. Долгоруковъ 177
18) В. И. Модестовъ 185
19) Д. И. Писаревъ 193
20) Н. И. Костомаровъ 201
21) Н. Г. Чернышевскій 217
22) Лже-автографъ Н. Г. Чернышевскаго . . . . . 220—222
23) Н. М. Катковъ 241
24) Ф. И. Тютчевъ 257
25) Императрица Марія Александровна 269
26) А. А. Краевскій 273
27) А. В. Головнинъ 285
28) И. С. Аксаковъ 289
29) Д. В. Каракозовъ 309
30) Графъ П. А. Шуваловъ 321
31) М. Н. Муравьевъ 329

стран.
33) Н. А. Некрасовъ 333
33) М. А. Бакунинъ 365
34) С. Г. Нечаевъ 385
35) А. И. Герценъ 409
36) А. Е. Тимашевъ 465
37) Герценъ на смертномъ одрѣ 477
38) П. Л. Лавровъ 489
39) П. Н. Ткачевъ 505

Библиотека
Института В. И. Ленина